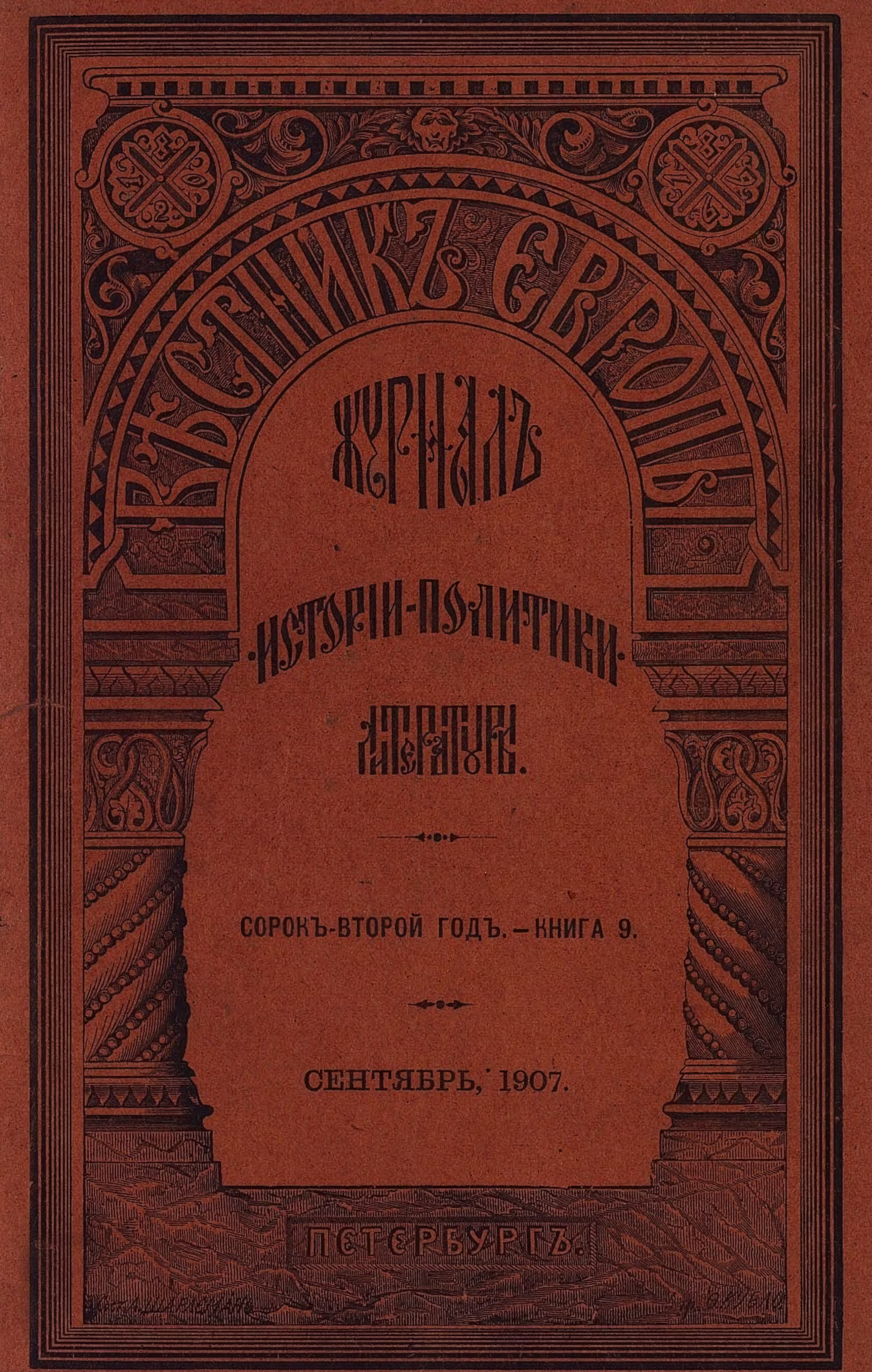


Типографія М. М. Стасюлевича, Вас.-Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

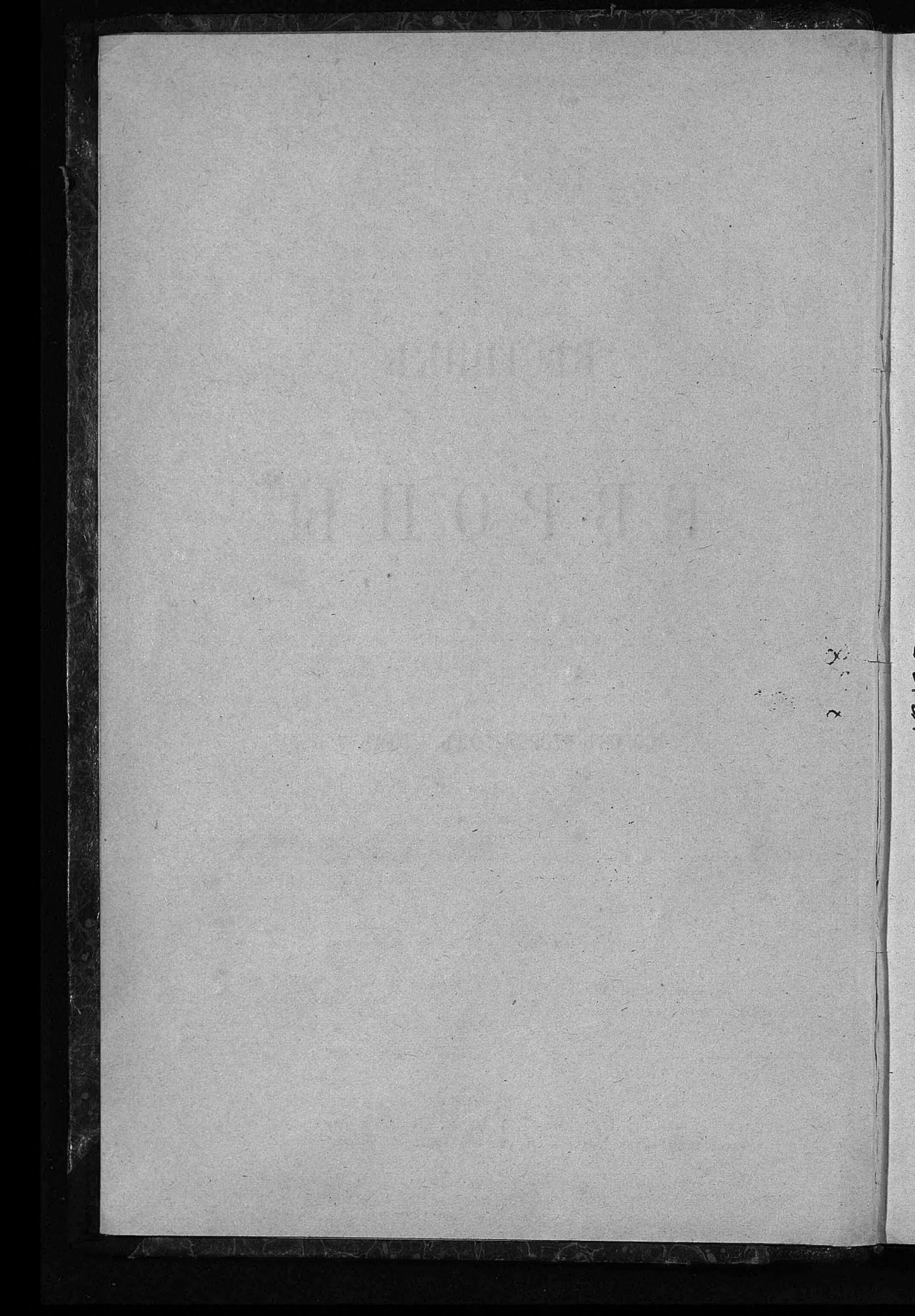
КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1907.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ LXXII. — ТОМЪ CDXXI. — 1/14 СЕНТЯБРЯ 1907.



ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-СОРОКЪ-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій-Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Петербургская-Сторона,
Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1907

3663

СЛѢПОЙ ИВКА

РАЗСКАЗЪ

I.

На грязномъ, дырявомъ полу ветхой лачужки сидѣлъ пятилѣтній слѣпой мальчикъ. Передъ нимъ стоялъ старый, съ выбитымъ краемъ чугунъ, наполненный золой. Мальчуганъ засунулъ обѣ руки въ золу и видимо что-то отыскивалъ въ ней. Онъ былъ одинъ. Но вдругъ отворилась дверь и въ избу вошла пожилая женщина.

— Господи! опять разыскалъ!—воскликнула она, обращаясь къ мальчику. Говорившая была мать слѣпого.

При звукахъ знакомаго голоса мальчикъ вздрогнулъ и быстро отдернулъ отъ чугуна руки. На его напряженномъ и вытянутомъ лицѣ, съ плотно закрытыми вѣками, отразился испугъ.

— Ишь вѣдь сколько насорилъ: на цѣлый хорошій щелокъ!—ворчала мать, ставя чугунъ съ золой подъ печь.

— Батюшки!—ужаснулась она, оглядывая сына, лицо котораго было выпачкано углями и золой.—И на кого ты похожъ? Ишь вѣдь накрасился... Сажи чернѣе... Ну-ка, встань! пристылъ что-ли?—И она дернула сына за руку.

— Ахъ, Ивка, Ивка!..—укоризненно говорила мать, вытирая лицо сына грязнымъ передникомъ, предварительно поплевавъ на него.—Садись на лавку!—скомандовала она и пошла къ порогу за вѣникомъ.

Слѣпой мальчикъ, растопыривъ передъ собой руки, медленно и несмѣло поковылялъ по неровному полу. Наткнувшись грудью на край лавки, онъ вскарабкался на нее и на колѣняхъ подвигался по ней. Мимоходомъ онъ ощупалъ мокрый подоконникъ и

стоявшую на немъ безъ ручки жестяную кружку, въ которую не забылъ заглянуть пальцами. Зацѣпивъ за уголъ стола, мальчуганъ усѣлся на лавкѣ, поджавъ подъ себя босыя ноги.

— Вотъ, такъ и сиди, будешь умникъ,—хвалила его мать, подметая полъ.

Но мальчикъ не хотѣлъ быть умникомъ. Просидѣвъ минуты двѣ смирно, онъ снова сталъ на колѣни и задвигался по лавкѣ, придерживаясь рукой о стѣну, когда-то отштукатуренную, но теперь почти совсѣмъ облупившуюся. Заинтересовавшись отверстіемъ въ стѣнѣ, онъ съ любопытствомъ началъ подсовывать пальцы подъ куски оставшейся и едва державшейся штукатурки. Вдругъ онъ быстро отдернулъ руку и громко вскрикнулъ.

— Что ты?—бросилась къ нему мать.

— Укусилъ, — плаксиво проговорилъ мальчикъ, испуганно отодвигаясь отъ стѣны.

— Ничего, сынокъ, не пужайся, это таракашки,—успокаивающимъ тономъ замѣтила мать, снимая съ пестрядиной рубашки сына двухъ таракановъ.

— Таракашки?—недоумѣвающе спросилъ мальчикъ.

— Да, таракашки, они такіе желтенькіе, какъ наша Маруська,—пояснила мать.

— Маруська?—оживленно проговорилъ сынъ, и его лицо мигомъ просвѣтлѣло. Маруську онъ хорошо зналъ, онъ любилъ ее и вмѣстѣ съ нею спалъ. Ему казалось, что она сію минуту лежитъ у него на колѣняхъ и поетъ ему свою трескучую пѣсню, а онъ ее гладитъ и ощупываетъ пушистый хвостъ, маленькія ушки, теплый носъ, острые зубы и наконецъ согнутыя лапки съ острыми когтями.

— Ишь ты, какъ растрогалъ ихъ!—говорила мать, глядя на закопченную стѣну, по которой ползали стаи таракановъ. Но мальчикъ не понималъ словъ матери—въ его воображеніи была кошка.

— Сиди, сынокъ, смирно,—обратилась къ нему мать,—слушай меня, а то Богъ побьетъ!

— Богъ? Гдѣ Богъ?—спросилъ мальчикъ, повернувъ лицо въ сторону матери.

— На небѣ, сынокъ, на небѣ...

— Гдѣ на небѣ?—допытывался онъ съ любопытствомъ.

— Вонъ тамъ,—пояснила мать, указавъ при этомъ пальцемъ въ окно, въ которое было видно небо, но, смекнувъ, что сыну это непонятно, она добавила:

— Боженька высоко, высоко! Вотъ тутъ!..—и она постучала рукой по потолку.

Заслышавъ надъ собой стукъ, мальчикъ поднялъ вверхъ лицо; въ то же время на него посыпался изъ трещинъ потолка мусоръ.

— Сиди же и не балуй!—снова приказала ему мать, очевидно, довольная своимъ поясненіемъ, и вышла вонъ изъ избы.

Когда хлопнула дверь, мальчикъ, повернувъ лицо въ ту сторону, откуда раздался стукъ, и какъ бы прислушиваясь къ улетавшему звуку, застылъ въ задумчивой позѣ. Быть можетъ, онъ думалъ о непонятныхъ ему тараканахъ, о небѣ, о Богѣ, которыхъ мать не сумѣла ему объяснить. Да и могла ли она сдѣлать это, нуждаясь сама въ разъясненіи многаго? Кромѣ того, ей рѣшительно не было времени заниматься сыномъ.

Спустя три мѣсяца послѣ появленія сына, она лишилась мужа. Такимъ образомъ одинокой вдовѣ, съ оставшимся у нея па рукахъ слѣпымъ сыномъ, пришлось собственными силами содержать себя. Земли у нея не было, кромѣ маленькаго огорода, потому что ея мужъ былъ Николаевскій солдатъ. Не мало понадобилось женской энергіи и умѣнья для добыванія куска хлѣба, а главное для избѣжанія сумы, которой вдова страшно боялась. Схватитъ она, бывало, ребенка на руки, запретъ избенку, да и маршъ на село.

— Кормилецъ, родимый,—умоляетъ она мужика,—удѣли полоску подъ рожь!

— Эхъ, баба,—отвѣчаетъ мужикъ,—у самихъ-то земли ужъ очень въ обрѣзъ. Ну, да ладно!—машетъ онъ рукой:—приноси сѣмена!

Вдова благодаритъ и низко кланяется; въ голосѣ ея слышатся слезы. Она идетъ въ другой дворъ, въ третій и четвертый, потому что нужды много, а помочь берется не всякій.

— Намъ самимъ до себя,—отвѣчаютъ мужики на просьбы вдовы,—да и лошади устали.

— Касатикъ!—упрашиваетъ вдова:—только двѣ гряды подъ капусту, да три подъ картофель... я отработаю въ страдную пору... будь отецъ родной!

И она снова плачетъ—и такъ безъ конца.

Много горя видѣла одинокая женщина, но немало его выпало и на долю ея сына, который всегда былъ съ нею, куда бы она ни пошла и что бы ни дѣлала.

Лежитъ онъ, бывало, на землѣ или еще на чемъ и громко плачетъ; а мать, занятая работой, какъ бы не слышитъ плача ребенка. „Ну его,—думаетъ она,—ему только дѣла-то—ори да ори... а тутъ надо работать!“

— Ахъ, болѣзная!—сочувствуютъ ей бабы:—измаялъ тебя

ребенокъ-то. Хоть бы руки развязалъ, Богъ съ нимъ, а то вѣдь никакого хода не даетъ...

Вдова и сама знала, что ребенокъ не даетъ ей хода, но сочувственныя рѣчи бабъ ей были не по душѣ. Она порывисто беретъ на руки ребенка и, давая ему грудь, сердито ворчитъ: „Нà, не ори!—заткни себѣ глотку-то, мучитель!“

Иногда, выбившись изъ силъ и потерявъ терпѣніе, она гнѣвно восклицала:

— Господи! зачѣмъ ты отнялъ у меня мужа и послалъ на сороковомъ году слѣпого сына? За что такая оказія? Чтò мнѣ съ нимъ дѣлать и какъ его возрастить? да и выростетъ-то на горе... Куда онъ годенъ безъ глазъ!—по міру ходить?

И вдова горько плакала. А ребенокъ между тѣмъ кричалъ да кричалъ, еще больше надрывая грудь бѣдной матери.

II.

Время шло. Мальчику минуло десять лѣтъ. Слѣпота и одиночество рано научили его задумываться не по-дѣтски, отчего онъ и выглядѣлъ старше своего возраста. Какъ только мальчикъ началъ мало-мальски разсуждать, въ его умѣ возникъ самъ собой вопросъ: почему моя мать и другіе люди, которыхъ я слышу, ходятъ свободно, ни на что не натыкаются? Конечно, такой вопросъ разрѣшился не сразу. Однажды, уцѣпившись за юбку матери, онъ пошелъ съ ней въ чуланъ, но, перелѣзая черезъ высокій порогъ, споткнулся и ударился щекою о гвоздь, торчавшій изъ двери.

— Ой! ой!—вскрикнулъ мальчикъ.

— Господи!—испуганно завопила мать, замѣтивъ на лицѣ сына кровь.—Вѣдь ты убьешься до смерти!

Она усадила плакавшаго сына на лавку и, вытирая съ лица кровь, сердито ворчала:

— Я тебѣ говорила, что не тыкайся за хвостомъ матери, а сиди въ избенкѣ; вѣдь ты ничего не видишь, у тебя глазки больные... Ты всегда будешь падать и убиваться, потому что ты слѣпой. Эхъ, ребенокъ, горе съ тобой!—заключила мать со вздохомъ.

Мальчикъ замолкъ и задумался. Онъ впервые слышитъ отъ матери такія слова, или, вѣрнѣе, они впервые глубоко врѣзались къ нему въ душу. Онъ не понимаетъ этихъ словъ, но ихъ таинственный смыслъ непріятно и въ то же время властно овладѣлъ всѣмъ его существомъ и онъ не можетъ отъ нихъ оторваться.

„У тебя больные глазки“—раздается въ его умѣ; при этомъ мальчикъ подсовываетъ пальцы подъ плотно закрытыя вѣки и ощупываетъ что-то маленькое, мягкое и влажное.

— Больные глазки,—шепчетъ онъ, подробно изслѣдуя пальцами жалкіе остатки вытекшихъ глазъ.—Что же мнѣ ихъ не больно?—и на его напряженномъ лицѣ отражается недоумѣніе.

„Ты ничего не видишь и всегда будешь падать и убиваться“—громко раздавалось въ его ушахъ. Эти слова, сказанныя его матерью, угнетали его дѣтскій умъ частымъ повтореніемъ. Какъ это онъ не видитъ? — назойливо лѣзло ему въ голову. Этотъ вопросъ не давалъ мальчику покоя. Но разрѣшить его онъ не могъ. Наконецъ, онъ додумался, что слѣпота—это и есть то самое, что онъ не можетъ ходить свободно, какъ зрячіе, чтобы не натыкаться, не падать. Иное, болѣе ясное представленіе о слѣпотѣ и о томъ, какъ видятъ зрячіе, ему было недоступно.

„Да, ты всегда будешь падать и убиваться“ — настойчиво звучало въ его умѣ. „Почему же всегда?“ — смутно и напряженно думалъ мальчикъ, и его дѣтское сердце больно сжималось отъ неразрѣшимости вопроса. Съ каждымъ днемъ онъ все глубже и глубже уходилъ въ себя, просиживая нѣсколько часовъ подрядъ на одномъ мѣстѣ.

— Смирный у меня Ивка, — не безъ удовольствія говорила мать про слѣпого сына:—сидитъ себѣ и сидитъ... Оно такъ-то лучше, а то вѣдь бѣда съ нимъ: то объ столъ ударится, то о косякъ... да и мало ли обо что... Одно дѣло—слѣпой, что и говорить!..

Послѣднія слова она всегда заканчивала со вздохомъ, а Ивка между тѣмъ, погруженный въ самого себя, силился проникнуть въ тайну неразрѣшимыхъ роковыхъ вопросовъ.

Непрестанная внутренняя борьба отражалась на его напряженномъ и немного поднятомъ кверху лицѣ. Мать иногда пристально вглядывалась въ лицо сына и думала: „И что такое за лицо? Ни у кого такого нѣтъ: печальное, задумчивое и все вздрагиваетъ, какъ бы пугается чего-то... Глаза закрыты, какъ у покойника... и лицо такое блѣдное, какъ и впрямь у мертвеца... только темныя полоски, какъ бы тѣни отъ деревьевъ, быстро бѣгаютъ по лицу и куда-то все прячутся... И о чемъ онъ думаетъ? А въ душѣ-то, поди, у горемычнаго, ноченьки темнѣй“...

И мать незамѣтно для себя погружалась въ душу сына, казавшуюся ей „ноченьки темнѣй“. Она уже ничего не замѣчала, кромѣ непроглядной тяжелой тьмы, и Богъ знаетъ, сколько времени находилась въ ней. Наконецъ ей становилось жутко, и она приходила въ себя.

— Ахъ, батюшки! что же это я!.. — спохватывалась мать и принималась за работу, отъ которой только-что оторвалась. Но руки не сразу повиновались ей и въ глазахъ еще было темно.

Мальчикъ чувствовалъ себя превосходно, когда оставался одинъ, а это бывало нерѣдко.

— Сиди, сынокъ, въ избѣ и никуда не выходи!—приказывала ему мать, уходя отъ него на цѣлый день.

Но Ивка не сидѣлъ на одномъ мѣстѣ. Какъ только захлопывалась за матерью калитка, онъ немедленно слѣзалъ съ лавки и, растопыривъ передъ собой руки, быстро направлялся въ сѣни. Заперевъ сѣнную дверь деревянной задвижкой, онъ снова возвращался въ избу. Постоявъ съ минуту въ раздумьи, мальчуганъ энергично приступалъ къ своему спеціальному осмотру. Вскочивъ однимъ прыжкомъ на лавку, онъ смѣло шелъ по ней, искусно ошаривая руками по стѣнѣ и быстро ощупывая все, что попадалось подъ руки: полуразвалившаяся божница съ деревянными закопченными иконами, ветхія полки съ разной рухлядью, остатки штукатурки со множествомъ тараканoвъ, которыхъ онъ уже не боялся, разныя трещины и щели, паутины, гвозди и тому подобное—словомъ, ни одна мелочь не ускользала отъ вниманія его тонкихъ щупальцевъ. Окончивъ осмотръ перваго отдѣленія, онъ слѣзалъ съ лавки и направлялся къ печкѣ, ощупавъ мимоходомъ деревянную скрипучую кровать, заваленную грязнымъ тряпьемъ. Глиняные горшки, деревянныя чашки, сковороды, ухваты, кочерга, словомъ—всѣ кухонныя принадлежности точно также были подвергнуты подробному осязательному осмотру.

Покончивъ съ этимъ, мальчикъ съ трудомъ пролѣзъ въ узкое отверстіе подъ печь и тамъ, ползая на животѣ, съ любопытствомъ копался въ разномъ хламѣ, покрытомъ пылью и грязью. Слазивъ на печь и заглянувъ подъ лавку, онъ переходилъ въ сѣни. Его пальцы смѣло опускались въ лохань съ помоями и въ грязное корыто. Мальчуганъ ухитрился освидѣтельствовать даже куриныя, сплетенныя изъ соломы гнѣзда, хотя они и были подвѣшены высоко, тутъ же въ сѣняхъ. Это устраивалось такимъ манеромъ: онъ нащупывалъ въ дощатой стѣнѣ отверстіе или что-нибудь выпуклое, за что можно было ухватиться, и карабкался вверхъ по стѣнѣ, какъ кошка. Зацѣпивъ головой или рукой за гнѣзда, онъ останавливался и переводилъ духъ; затѣмъ, повиснувъ на одной рукѣ, другою быстро ощупывалъ любопытныя куриныя гнѣзда. Иногда, забравшись куда-нибудь наверхъ, онъ неожиданно срывался внизъ. Но какъ бы больно

слѣпой ни убивался, онъ никогда никому о томъ не жаловался и не оставлялъ своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Мальчикъ ни передъ чѣмъ не задумывался, когда являлась возможность осязать какой-нибудь предметъ, какъ бы это ни было для него трудно. Чѣмъ больше онъ ощупывалъ предметовъ и чѣмъ ближе знакомился съ окружающей мѣстностью, тѣмъ шире и яснѣе становился его маленькій внутренній мірокъ. Иногда мать, отыскивая что-нибудь нужное и не находя, теряла терпѣніе и бранилась.

— Вотъ она! — торжественно говорилъ слѣпой, подавая ей искомую вещь.

— Ахъ, ты!..—хвалила его мать:—ты лучше зрячаго. И какъ тебѣ это Богъ даетъ?..

Ивка солидно молчалъ. Слова матери ему были пріятны. Всякую вещь, какова бы она ни была, онъ съ одинаковымъ вниманіемъ тщательно ощупывалъ со всѣхъ сторонъ и навсегда запечатлѣвалъ въ памяти, а потому и не мудрено, если онъ зналъ, гдѣ и что лежитъ.

Однажды мать, придя изъ чулана, сердито проворчала: „Гадина противная!“

— Кто гадина?—полюбопытствовалъ мальчикъ.

— Лягушка завелась въ чуланѣ, — отвѣтила мать и добавила:—она, сынокъ, гадкая... Глаза у нея на выкатѣ и прыгаетъ. Она такая же, какъ въ прудѣ, помнишь: курлы, курлы...

Мальчикъ молчалъ. Онъ часто слышалъ кваканье лягушекъ, но ощупать ихъ не представлялось возможности. И вотъ одна изъ нихъ появилась въ чуланѣ. О, онъ непремѣнно поймаетъ и ощупаетъ ее! Мальчикъ сгоралъ отъ нетерпѣнія. Улучивъ минутку, когда матери не было дома, онъ быстро юркнулъ въ чуланъ и плотно притворилъ за собою дверь. „А на кого она похожа, эта лягушка?“—раздумывалъ онъ, сидя на корточкахъ на земляномъ полу, и въ его умѣ быстро начали проходить облики тѣхъ животныхъ, которыхъ онъ зналъ. Но въ нихъ слѣпой не нашелъ ни малѣйшаго намека на сходство съ лягушкой. „Нѣтъ, лягушка не такая!“—почему-то рѣшилъ онъ, хотя и не зналъ, какая она. Онъ припомнилъ кваканье лягушки, и рѣшилъ, что она не злая, потому что въ звукахъ, ею издаваемыхъ, онъ не подмѣтилъ ничего затаеннаго и злого.

„А ну-ка да и тяпнетъ за палецъ!“—мелькнуло въ его умѣ. И лягушка мгновенно предстала въ его пылкомъ воображеніи, какъ нѣчто страшное, чудовищное. Онъ уже начиналъ ощущать лохматую шерсть и острые зубы.—Брр!..—вздрогнулъ онъ; ему ста-

новилось страшно. Ивка уже намѣревался покинуть чуланъ, но любопытство удержало его. „Она маленькая и не кусается“,— ободрилъ онъ себя и немедленно приступилъ къ поимкѣ любопытной лягушки. Онъ осторожно крался на четверенькахъ около стѣны и быстро перебиралъ привычными пальцами разный хламъ, валяющійся на земляномъ полу. „Она прыгаетъ“, — думалъ онъ, внимательно прислушиваясь. Его слухъ былъ напряженъ до крайнихъ предѣловъ. Ему казалось, что вотъ, вотъ лягушка прыгнетъ, и онъ сію минуту схватитъ ее. Въ то же время онъ думалъ: „А какая она?..“ Все это путалось и мѣшалось въ дѣтскомъ умѣ и сильно волновало его... Но вотъ въ чуланѣ все было ощупано, а лягушки нѣтъ, какъ нѣтъ. „Гдѣ же она?“—печально думалъ Ивка, разочарованный тщетными поисками. Вдругъ онъ вспомнилъ, что въ углу чулана есть яма. „Стой!—радостно воскликнулъ онъ:—она тамъ!“ И онъ однимъ прыжкомъ очутился около небольшого отверстія, вырытаго въ землѣ, на днѣ котораго находилась вода, куда въ жаркое время ставилось молоко. Онъ всталъ на колѣни и припалъ ухомъ къ доскѣ, которою прикрывалась яма. Ему показалось, что въ ямѣ кто-то шевелится. „Это она!“ — подумалъ онъ въ сильномъ волненіи и осторожно приподнялъ дрожащими руками доску. Вдругъ что-то мягкое ударилось о его грудь и затѣмъ шлепнулось ему въ колѣни. Ивка вздрогнулъ. Кровь бросилась ему въ голову. Что-то тяжелое, какъ желѣзо, крѣпко сковало все его существо. Онъ какъ бы замеръ. Но это было одно мгновенье. Какъ только онъ ощутилъ прикосновеніе чего-то мягкаго и влажнаго, упавшаго ему въ колѣни, онъ твердо рѣшилъ, что это непремѣнно лягушка, и быстро схватилъ ее руками. Дѣйствительно, онъ поймалъ черную, такъ называемую земляную лягушку, выпрыгнувшую изъ ямы. Онъ сильно стиснулъ ее дрожащими руками, боясь, какъ бы она не вырвалась, такъ что бѣдная лягушка издала непріятный, сдавленный пискъ, показавшійся ему жалкимъ и безпомощнымъ. Это ободрило его, и онъ ослабилъ руки.

„Такъ вотъ какая она!“—уже спокойно разсуждалъ слѣпой, держа въ рукахъ лягушку, которая шевелилась и тяжело дышала. Онъ акуратно переложилъ ее въ одну руку, а другою приступилъ къ осмотру. Его привычные пальцы искусно прикасались ко всѣмъ частямъ слизистаго и холоднаго тѣла лягушки, внимательно останавливаясь на интересныхъ для осязанія мѣстахъ. Лягушка не вызывала въ немъ брезгливаго чувства; напротивъ, онъ осматривалъ ее съ величайшимъ интересомъ, какъ нѣчто

драгоцѣнное и рѣдкое. Такъ сильно было его любопытство. Всего больше интересовали его длинныя, съ тонкими и липкими лапками, какъ бы сложенныя вдвое, ноги лягушки. Онъ нѣсколько разъ вытягивалъ ихъ и снова опускалъ, причемъ онѣ быстро сжимались, какъ двѣ пружины. Въ заключеніе осмотра онъ смѣло приложилъ палецъ ко рту лягушки и напряженно ждалъ, когда зашевелятся челюсти съ намѣреніемъ укусить. Но та, очевидно, не желая мстить своему тирану, какъ бы не замѣчала приложеннаго къ ея рту пальца. Прождавъ нѣсколько мгновеній, онъ поднесъ лягушку къ уху и прислушался къ частому біенію ея сердца. Затѣмъ онъ еще разъ быстро осязалъ ее и направился къ ямѣ, намѣреваясь снова посадить туда лягушку.

Ивка уже поднялъ доску, какъ вдругъ его осѣнила новая мысль. Онъ снова опустилъ крышку ямы и задумался. По мѣрѣ того, какъ онъ думалъ, его лицо все больше и больше оживлялось. Наконецъ, онъ улыбнулся и быстро вышелъ изъ чулана, держа въ рукахъ лягушку. Войдя въ избу, онъ переложилъ ее въ одну руку, а другою отыскалъ опрокинутый на лавкѣ подойникъ и налилъ его наполовину водой. Затѣмъ онъ осторожно опустилъ туда лягушку и накрылъ подойникъ подвернувшимся ему подъ руку рѣшетомъ. Спустя минуту, подойникъ стоялъ уже посреди стола.

Вдругъ мальчугану пришло въ голову, что лягушкѣ, вѣроятно, хочется ѣсть. Онъ отыскалъ корку хлѣба и превратилъ ее зубами въ мелкіе кусочки. Окончивъ дѣло, Ивка сѣлъ на лавку. Чувство удовлетворенія наполнило его душу. Онъ теперь знаетъ, какая лягушка, онъ держалъ ее въ рукахъ. Это онъ скажетъ мальчикамъ. Ему было весело. Потѣшало его и то, какъ удивится мать, когда увидитъ пойманную имъ лягушку. На его всегда напряженномъ и вытянутомъ лицѣ блуждала улыбка.

Какъ только вошла въ избу мать, Ивка мгновенно сдѣлался серьезнымъ и навострилъ уши.

— Это чтò такое? — спросила мать, обративъ вниманіе на стоявшій среди стола подойникъ, покрытый рѣшетомъ. Мальчикъ хитро молчалъ.

— Опять что-нибудь набѣдокурилъ? Смотри, бить буду!

И она быстро сорвала съ подойника рѣшето. Вдругъ оттуда выпрыгнула лягушка и звучно шлепнулась на полъ. Вдова ахнула и едва не упала отъ испуга.

— Господи! вѣдь это наказанье, а не дитя! — сквозь слезы проговорила пришедшая въ себя мать. — Гдѣ ты ее поймалъ?

подойникъ-то опоганилъ... Ахъ, малый, ты анчутку съ рогами, прости Господи, поймаешь!

И вдова сердито сплюнула. Она была права: Ивка, дѣйствительно, не задумался бы изловить и анчутку съ рогами, еслибы таковой оказался въ избѣ или въ чуланѣ.

Мать не могла себѣ уяснить, что у ея слѣпого сына глаза, какъ говорится, „на пальцахъ“, почему и бранила его, а порой и била, когда онъ надоѣдалъ ей своимъ ощупываніемъ. Это огорчало мальчика и наводило на грустную мысль: „Зачѣмъ она сердится, когда я ощупываю?“—думалъ онъ, не находя объясненія материнской брани. „Она меня не любитъ, потому и такая“,—рѣшалъ онъ, глотая слезы. Бѣдный слѣпой даже пробовалъ сдерживать себя, не желая раздражать мать своимъ ощупываніемъ; но руки, какъ-то сами собой, тянулись къ тому или другому предмету.

III.

Однажды ночью, когда мать крѣпко заснула, что выражалось громкимъ храпомъ, Ивка неслышно вышелъ изъ избы. Онъ осторожно отворилъ сѣнную дверь, запертую деревянной задвижкой, и смѣло зашагалъ по двору. Зацѣпивъ за валявшуюся на срединѣ двора маленькую скамеечку, на которой мать доила корову, слѣпой взялъ ее въ руки и, не останавливаясь, пошелъ дальше. Пройдя шаговъ десять прямо, онъ круто взялъ влѣво и остановился.

„Такъ!“—проговорилъ мальчикъ, ощупывая свободной рукой конецъ жерди, торчавшей изъ сосѣдняго двора. Онъ поставилъ на землю скамейку и сѣлъ на нее. Ему хорошо былъ извѣстенъ небольшой ихъ дворъ, состоявшій изъ худыхъ плетней и гнилыхъ, покачнувшихся въ разныя стороны сохъ. Каждая эта мелочь, незамѣтная для зрячихъ, не разъ побывала въ рукахъ слѣпца, и онъ зналъ, гдѣ она находится. Вотъ и теперь, сидя на скамеечкѣ, онъ хорошо зналъ, что шагахъ въ десяти вправо начинался полураскрытый навѣсъ, въ концѣ котораго отгорожено жердями мѣсто для коровы и двухъ поросятъ. Шагахъ въ пяти отъ хлѣва стоялъ, прислоненный къ плетневой стѣнѣ двора, ручной ткацкій станокъ. Тутъ же лежала на боку деревянная, съ большой трещиной, ступа.

Ночь была тихая и теплая. Въ воздухѣ пахло ароматичнымъ медомъ изъ сосѣдняго сада, гдѣ находились ульи съ пчелами. Но Ивка не замѣчалъ этого и не прислушивался къ ночной

тишинѣ, какъ это бывало обыкновенно. Нѣтъ, — его занимало совершенно иное, а именно: онъ внимательно прислушивался къ лясканью и чваканью скота, находившагося на сосѣднемъ дворѣ, близъ стѣны котораго онъ сидѣлъ на скамеечкѣ. Дѣло въ томъ, что ему страшно хотѣлось ощупать овцу, которой не было у его матери. Онъ часто слышалъ ея блеянье и топотъ, но не зналъ, какая она. Узнавъ отъ зрячихъ, что она не кусается, слѣпой рѣшилъ ощупать ее. Эта мысль не выходила у него изъ головы, но желаннаго случая не представлялось. Какъ-то передъ вечеромъ онъ рубилъ у своего сарая мелкія дрова. Вдругъ недалеко отъ него раздалось блеяніе овцы. Онъ встрепенулся. Давно желанная мечта разомъ охватила его. Онъ положилъ топоръ и, пылая завѣтнымъ желаніемъ, началъ подкрадываться къ интересовавшей его овцѣ. Онъ слышалъ, какъ она щипала траву и какъ постукивала ногами, изрѣдка кашляя. Остановившись шагахъ въ трехъ отъ нея, Ивка перевелъ духъ. Затѣмъ онъ немного пригнулся, комично сморщивъ напряженное лицо, и, „прицѣлившись ухомъ“, сдѣлалъ быстрый прыжокъ по направленію овцы. Та испуганно бросилась въ сторону, издавъ при этомъ неестественное блеяніе. Вслѣдъ затѣмъ раздался громкій смѣхъ мальчишекъ, очевидно, слѣдившихъ за слѣпымъ, который между тѣмъ лежалъ на землѣ. Его прыжокъ былъ неудаченъ. Ивка угодилъ ногами въ старое, лежавшее на землѣ, колесо, о существованіи котораго онъ не зналъ, и упалъ, разбивъ въ кровь носъ.

— Что, поймалъ?—кричали сквозь смѣхъ мальчишки, приблизившись къ слѣпому, который быстро вскочилъ на ноги.

— Палкой его надо, — сердито крикнулъ мужикъ, затворяя скрипучія ворота сарая:—вотъ онъ и не будетъ пужать чужихъ овецъ... А то ишь...

Бѣдный Ивка молча вытиралъ рукавомъ пестрядиной рубашки разбитый носъ и глоталъ слезы: ему было невыносимо тяжело, но не оттого, что онъ ушибся, а отъ смѣха мальчишекъ и словъ мужика. Все это какъ ножомъ рѣзало ему сердце. Однако, неудача съ овцой не охладила въ немъ желанія, а напротивъ, еще больше разожгла. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало осязать овцу, но только не на улицѣ, гдѣ опять его могутъ увидать, а у сосѣда на дворѣ и непремѣнно ночью.

И вотъ наступила эта желанная ночь. Мальчикъ, какъ сказано выше, сидѣлъ на низенькой скамеечкѣ у стѣны изъ новыхъ плетней сосѣдняго двора и думалъ. Онъ боялся своего сосѣда, Гордѣя, ненавистнаго ему глухого старика. „А ну—какъ

онъ выйдетъ на дворъ и увидитъ меня?"—лѣзло ему въ голову—„вѣдь онъ такой злой!" И передъ нимъ живо предсталъ сосѣдъ Гордѣй, голосъ котораго былъ похожъ на скрипъ ржаваго желѣза. Когда онъ говорилъ, Ивкѣ казалось, что старикъ вотъ-вотъ набросится на кого-нибудь и начнетъ грызть зубами. Мальчикъ вспомнилъ, какъ Гордѣй билъ собаку, и какъ ему хотѣлось задушить этого злого старика, жалѣя визжавшаго пса. „Да, онъ злой, онъ больно исколотитъ, если увидитъ",—раздумывалъ мальчикъ, и тутъ же рѣшилъ, что старикъ Гордѣй теперь спитъ, а стало быть бояться нечего.

Ивка поднялся со скамеечки и вплоть подошелъ къ плетню сосѣдняго двора. Его руки быстро нащупали давно извѣстную ему веревку, которою связаны были концы двухъ, неплотно прилегавшихъ другъ къ другу, плетней. Минуты черезъ три они были освобождены отъ веревки и еще больше отошли другъ отъ друга, такъ что между ними образовалось порядочное отверстіе, въ которое свободно могъ пролѣзть человѣкъ. Теперь все было готово. Оставалось только шагнуть въ отверстіе, и цѣль будетъ достигнута. Мальчикъ прислонился къ плетню и внимательно прислушался.

Было тихо. Онъ ясно слышалъ частые удары своего сильно бьющагося сердца. Въ то же время до его ушей доносились съ сосѣдняго двора неопредѣленные звуки, издаваемые скотомъ. Отъ него не ускользнулъ и шорохъ, производимый курами на самомъ верху навѣса, гдѣ помѣщался ихъ насѣстъ. Все это онъ слышалъ и сгоралъ желаніемъ какъ можно скорѣе проникнуть во дворъ сосѣда.

„Онъ спитъ",—снова успокоилъ себя Ивка насчетъ старика Гордѣя и, затаивъ дыханіе, осторожно полѣзъ въ отверстіе. Очутившись на дворѣ сосѣда, онъ передохнулъ и снова прислушался. Спустя минуту, ему уже было извѣстно, что въ задней части двора стояли коровы, которыхъ онъ узналъ по ихъ медленному жеванію жвачки. Рядомъ съ ними стояли свиньи, но овецъ не было слышно. „Гдѣ онѣ—на дворѣ или въ хлѣву?"—думалъ онъ, напряженно прислушиваясь. Но его тонкій слухъ не уловилъ ничего такого, что могло его убѣдить въ присутствіи овецъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько несмѣлыхъ шаговъ вправо, держась около плетня, и остановился.

До его слуха долетѣло чье-то неровное сопѣнье. „Это онѣ сопятъ",—радостно рѣшилъ Ивка, внимательно прислушиваясь. „Да, да, это онѣ",—повторилъ онъ, все больше и больше убѣждаясь въ присутствіи овецъ. А когда въ той сторонѣ, от-

куда доносилось сопѣнье, раздались кашель и чиханье, Ивка окончательно убѣдился, что этотъ кашель и чиханье принадлежатъ не кому другому, какъ овцамъ, потому что онъ не разъ слышалъ, какъ чихаютъ и кашляютъ овцы.—„Да, это онѣ“,—прошепталъ онъ въ какомъ-то упоенiи и присѣлъ на корточки. Онъ горѣлъ и дрожалъ. Наконецъ-то ему удастся ощупать давно желаемую овцу! О, какъ онъ будетъ торжествовать надъ ребятами, когда скажетъ имъ, что и онъ теперь знаетъ овцу! Они уже не будутъ потѣшаться его незнанiемъ, какъ это было прежде. И слѣпцу стало весело. Онъ даже улыбнулся, предвкушая торжество надъ мальчишками. „Надо какъ можно осторожнѣе подползти къ нимъ и разомъ наброситься на одну изъ нихъ“,—разсуждалъ онъ, сидя на корточкахъ и не переставая прислушиваться къ сопѣнiю овецъ.

„Онѣ тоже, небось, спятъ, — ночью вѣдь всѣ спятъ. Вишь, какъ онѣ сопятъ... Маруська тоже сопитъ, когда спитъ, и курица тоже,—это онъ знаетъ.—Значитъ, всѣ сопятъ, когда спятъ“...

Послѣ такихъ разсужденiй Ивка окончательно убѣдился, что овцы спятъ, и для него уже не представлялось труднымъ подползти къ нимъ. Просидѣвъ еще немного на корточкахъ, онъ легъ на землю животомъ и въ такомъ положенiи поползъ по направленiю сопѣвшихъ овецъ, соблюдая при этомъ величайшую осторожность. Ночная мгла замѣтно рѣдѣла. На открытомъ дворѣ можно было различать фигуры, освѣщенныя сѣроватыми струйками приближающагося разсвѣта; но подъ навѣсомъ, гдѣ ползъ Ивка, совершенно было темно; поэтому овцы не могли замѣтить вылазки слѣпца, который, вытянувшись, какъ кошка, и плотно прильнувъ животомъ къ землѣ, неслышно подкрадывался къ своей добычѣ.

Во время своего путешествiя на животѣ, Ивка каждую минуту останавливался и внимательно прислушивался. То мѣсто, по которому ему приходилось ползти, сплошь было усыпано мелкимъ, острымъ щебнемъ, который впивался въ животъ слѣпца и причинялъ ему боль. Кромѣ того, его руки нерѣдко попадали во что-то жидкое, зловонное. Но Ивка, увлеченный своей идеей, какъ бы не замѣчалъ всего этого и продолжалъ ползти впередъ. Благодаря темнотѣ и своей способности ползти на животѣ, онъ близко подкрался къ овцамъ, не замѣчавшимъ его присутствiя.

„Онѣ со мной рядомъ“, — мысленно проговорилъ мальчикъ, притаивъ дыханiе. Онъ ясно слышалъ неровное дыханiе овецъ и тяжелый запахъ, почему и заключилъ, что овцы находятся отъ него шагахъ въ четырехъ. „Нельзя ли подползти къ нимъ

настолько близко, чтобы возможно было нащупать ихъ?" — разсуждалъ Ивка, лежа на животѣ. — „Нѣтъ, онѣ могутъ увидать и разбѣжаться... теперь уже, можетъ быть, свѣтло... Впрочемъ, куры еще сидятъ подъ навѣсомъ, я слышу ихъ, а онѣ, говорила мать, слетаютъ — чуть начнетъ свѣтать"... Мальчикъ задумался. Спустя минуту, онъ рѣшилъ подняться на ноги и врасплохъ схватить овцу. „Она не вырвется изъ моихъ рукъ,—разсуждалъ онъ, — я удержу ее. Пока она будетъ вырываться, я всю ее ощупаю"... Вдругъ въ его носу сильно защекотало, ему страшно захотѣлось чихнуть... Онъ испугался, зажалъ обѣими руками ротъ и носъ, всѣми силами стараясь сдержать приступы чиханія. Голова его отъ сильнаго напряженія закружилась и въ ушахъ закололо, онъ даже какъ будто оглохъ и едва не задохнулся, но все же не чихнулъ. Впрочемъ, ему показалось, что онъ очень громко чихнулъ, и овцы разбѣжались. Но вскорѣ это чувство у него прошло; онъ снова неясно слышалъ неровное дыханіе овецъ и успокоился. Отдохнувъ минуту, онъ медленно и осторожно присѣлъ на корточки, плотно прислонившись спиной къ плетню; онъ съ большой осторожностью и ловкостью поднялся на ноги, не отдѣляясь отъ плетня, который при малѣйшемъ неосторожномъ къ нему прикосновеніи издавалъ хрустящій шорохъ. Ивка употребилъ всѣ свои спеціальныя способности, чтобы только не выдать своего присутствія. Онъ стоялъ недвижимъ, какъ бы приросшій; потъ катился съ его лица. Онъ усталъ, ему хотѣлось вздохнуть полной грудью, но онъ сдерживалъ дыханіе.

„Надо не зѣвать, пока онѣ не замѣчаютъ меня, — думалъ онъ, впиваясь ухомъ въ сопѣнье овецъ. — Я сейчасъ схвачу вонъ ту, которая кашляетъ... А какая она, эта овца, и на кого похожа?"—неожиданно мелькнуло въ его головѣ, и овца, которую онъ зналъ только по блеянію, всецѣло овладѣла его воображеніемъ и какъ бы загипнотизировала его различными представленіями о себѣ. Ивка даже не слыхалъ, какъ щелкнула щеколда сѣнной двери и какъ заскрипѣло крылечко, на которое, очевидно, кто-то вышелъ.

Измучивъ воображеніе безплоднымъ представленіемъ объ овцѣ, Ивка, наконецъ, очнулся и немедленно рѣшилъ приступить къ дѣлу. „Да, да, это надо сейчасъ сдѣлать", — думалъ онъ, горя лихорадочнымъ огнемъ. Зубы его стучали, но онъ этого не замѣчалъ и ничего не слышалъ вокругъ. Его вниманіе поглощено было тѣмъ, какъ онъ сію минуту набросится на овцу и какъ схватитъ ее. „Вонъ ту... она стоитъ... я слышу... да, да—эту... она ближе всѣхъ",—прошепталъ онъ, или, вѣрнѣе, беззвучно

пошевелилъ языкомъ. Онъ осторожно пригнулся и какъ бы замеръ въ этой позѣ. Прошло съ минуту, а Ивка все еще неподвижно стоялъ, пригнувшись и какъ бы „прицѣлившись ухомъ". Наконецъ, онъ быстро, легко, какъ кошка, прыгнулъ впередъ и упалъ всѣмъ тѣломъ на что-то мягкое и животрепещущее. Его руки, какъ бы сами собой, крѣпко вцѣпились во что-то косматое и мягкое.

Бѣдныя овцы, испуганныя внезапнымъ на нихъ нападеніемъ, какъ бѣшеныя, бросились въ разныя стороны, издавая при этомъ неестественные звуки. Все на дворѣ разомъ проснулось и зашевелилось. Даже куры, сидѣвшія еще на нашестѣ, тревожно всполошились.

А слѣпой, между тѣмъ, ничего не сознавалъ и не слыхалъ. Онъ какъ бы замеръ, вцѣпившись руками въ шерсть овцы, которая безумно металась по двору, волоча его за собой. Наконецъ она рванулась изо всѣхъ силъ и освободилась отъ слѣпца, оставивъ въ его рукахъ два большіе клока шерсти. Въ то же время раздался крикъ старика Гордѣя: „Караулъ! воры!" — хрипло вопилъ онъ.—„Куцый, фью!.."—И глухой старикъ поспѣшилъ къ лежавшему на землѣ вору, захвативъ по дорогѣ жердь.

— Убью, окаянный!—злобно хрипѣлъ Гордѣй, замахиваясь жердью на Ивку, намѣревавшагося встать. — Я тебѣ покажу, какъ воровать, дьяволъ!..

Но, разглядѣвъ при брезжущемъ свѣтѣ, что передъ нимъ не воръ, а слѣпой мальчикъ, онъ сдержалъ ударъ. Громко лаявшая собака, подбѣжавшая къ слѣпцу, тоже узнала его и смолкла, дружески замахавъ остаткомъ отрубленнаго хвоста.

— А это вотъ кто!..—удивился старикъ, окончательно узнавъ Ивку и бросивъ въ сторону жердь.—Такъ погоди же, уродина-слѣпой... я тебѣ покажу!..

Старикъ приблизился къ слѣпому. Тотъ стоялъ неподвижно и тяжело дышалъ. Лицо его было красное и нервно вздрагивало.

— Вотъ тебѣ, поганецъ! — и крѣпкая пощечина Гордѣя звучно раздалась въ утренней тишинѣ.

Ивка покачнулся, но не издалъ ни звука. Старикъ схватилъ его за волосы и началъ расправу.

— Вотъ тебѣ!.. вотъ тебѣ!..—злобно приговаривалъ онъ, притягивая мальчика за волосы книзу и снова поднимая его кверху. Куцый старался заглянуть въ глаза хозяину и жалобно скулилъ, какъ бы умоляя его о пощадѣ. Но тотъ не замѣчалъ этого и продолжалъ издѣваться. Голова слѣпца, крѣпко схваченная рукою Гордѣя, быстро мелькала то внизу, то вверху, шея его хрустѣла,

но онъ попрежнему молчалъ, какъ бы не чувствуя боли. Это, очевидно, злило старика, и онъ усиливалъ расправу.

— Вотъ тебѣ!.. полунощникъ... вотъ!—съ нечеловѣческимъ озлобленіемъ ударялъ Гордѣй свободной рукой по спинѣ мальчика. — Не ходи по дворамъ, не пужай чужую скотину, чортъ слѣпой!..

Куцый не выдержалъ и съ громкимъ лаемъ бросился на хозяина.

— Прочь, дьяволъ!—прошипѣлъ тотъ и далъ собакѣ пинка. Бѣдный песъ съ визгомъ отлетѣлъ въ сторону.

Наконецъ, Гордѣй прекратилъ расправу надъ мальчикомъ, давъ ему въ заключеніе, какъ бы на заѣдку, крѣпкій подзатыльникъ...

— Теперь будешь помнить, собачій сынъ, какъ шляться по ночамъ по чужимъ дворамъ! — хрипѣлъ старикъ, освобождая пальцы своей руки отъ оставшихся на нихъ волосъ.

Ивка между тѣмъ едва стоялъ на ногахъ, весь дрожа, какъ въ лихорадкѣ, и стуча зубами. Всклокоченные на головѣ волосы въ безпорядкѣ спадали на мертвенно-блѣдное и крайне возбужденное лицо. Чѣмъ-то страшно злымъ вѣяло отъ этого неподвижнаго и немного опухшаго лица. Казалось, что тамъ, подъ плотно опущенными вѣками слѣпца, бушуетъ буря, готовая каждую минуту прорваться наружу. Но старикъ этого не замѣчалъ и продолжалъ свою брань.

— Тебѣ надо голову свернуть, чтобы ты не баловалъ, а то ты ишь сколько шерсти натеребилъ — полны руки... Чай, ей больно... Украсть, что-ли, вздумалъ овцу-то? Что молчишь?.. аль столбнякъ нашелъ?.. Пошелъ домой, дурень!..

И Гордѣй, рванувъ мальчика за руку, силой потащилъ его къ переднимъ воротамъ. Отворивъ калитку, онъ сильно толкнулъ въ спину свою жертву, такъ что бѣдный слѣпой со всего размаха ударился своимъ тѣломъ о сухую землю. Захлопнулась калитка и смолкла злая воркотня старика, а Ивка все еще лежалъ внизъ лицомъ и не шевелился. Казалось, что онъ былъ мертвъ, но это только казалось. На самомъ же дѣлѣ въ мозгу слѣпца происходила усиленная дѣятельность. Гнѣвъ и злоба какъ огнемъ жгли его душу и неумолимо душили его, такъ что онъ не въ состояніи былъ шевельнуть ни единымъ мускуломъ. Но вотъ что-то огромное и сильное завозилось внутри его и, какъ звѣрь, страшно зарычало: „Я убью его, зарѣжу!.. За что онъ меня билъ, за что?.. я вѣдь только хотѣлъ пощупать, не украсть... Я сожгу его избу! я... я!..“—и бѣдный мальчикъ

захлебывался злобой и местью, не будучи въ силахъ выговорить ни слова.

Мысли его въ безпорядкѣ вихремъ кружились въ горячей головѣ, и онъ самъ, какъ ему казалось, тоже кружился, вертѣлся, не имѣя силъ остановиться. Но это продолжалось недолго. Спустя минуту, приступъ круженія смѣнился сознаніемъ собственнаго безсилія. „Господи!“—изнеможенно прошепталъ онъ, попрежнему лежа на землѣ внизъ лицомъ.—„За что̀ онъ меня билъ? за что̀?“—Но эти слова уже не звучали прежней силой и не горѣли огнемъ, какъ это было вначалѣ. Ивка прошепталъ ихъ тихо и даже какъ бы робко, точно боясь чего. „Вѣдь я только хотѣлъ пощупать,—горько думалъ слѣпой,—за что же онъ меня билъ? Господи! и пощупать мнѣ нельзя!“ Эти простыя, но пропитанныя горькимъ сознаніемъ собственнаго безсилія слова, какъ ножомъ, рѣзали ему сердце. Мальчикъ сознавалъ, хотя и смутно, что всѣ оскорбленія и обиды и то, что его никто не понимаетъ и что онъ всѣмъ чужой—всегда будетъ съ нимъ, каждую минуту, всю жизнь. Это смутное сознаніе, звучащее мучительнымъ „за что?“, переполнило душу слѣпца, и она не выдержала. Что-то острое, тяжелое сдавило его грудь... Онъ вскрикнулъ отъ невыносимой боли и какъ бы замеръ на минуту, а вслѣдъ затѣмъ раздались громкія рыданія. Сидѣвшій около слѣпца Куцый быстро всталъ и тревожно заскулилъ, затѣмъ приблизилъ свою морду къ лицу рыдавшаго мальчика и началъ его лизать, какъ бы желая этимъ утѣшить своего пріятеля. Но Ивка былъ неутѣшенъ: онъ рыдалъ и рыдалъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ. Его обильно смоченное слезами лицо какъ бы лобзалось съ землею, то плотно прижимаясь къ ней, то отрываясь. Ему слышалось, что и подъ землею кто-то рыдаетъ вмѣстѣ съ нимъ и жалостно повторяетъ: „за что? за что?“

Добрый песъ, очевидно, убѣдившись въ безплодности своихъ утѣшеній, молча сѣлъ рядомъ съ рыдающимъ другомъ, устремивъ на него свой недоумѣвающій взглядъ. А утро между тѣмъ просыпалось. Изъ-за горки виднѣлся начинавшій алѣть востокъ. Надъ рѣкой поднимался густой сѣроватый туманъ. Дружное перекликиваніе горлопанившихъ пѣтуховъ, пронзительное карканье воронъ и галокъ, громоздившихся на ветлахъ, и, наконецъ, усердное кваканье лягушекъ—все это сливалось въ одинъ пробуждающій утренній звукъ. Еще минута—и пастухъ заиграетъ въ рожокъ... А тамъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, шумно и весело завертится огромное колесо безтолковой деревенской жизни.

IV.

Едва вдова успѣла прогнать корову въ стадо и войти въ свою избу, какъ у окна появился сосѣдъ Гордѣй.

— Эй, Прасковья! — сердито обратился онъ къ ней, не глядя въ окно.—Уйми своего слѣпого дурака, чтобы онъ не отворачивалъ плетней, да не лазалъ ночью на дворъ, какъ воръ. Я, братъ, шутить не люблю, живо шею сломлю, а не то и къ старостѣ сволоку! Ишь, набаловался... Уйми, говорю... Слышишь?..

И старикъ, круто повернувъ, пошелъ отъ окна.

А вдова между тѣмъ молча стояла и недоумѣвающе глядѣла въ спину уходившаго сосѣда. Она слышала сердитый и хриплый, какъ у старой овчарки, голосъ Гордѣя, но ничего не поняла изъ его словъ.

— Мама, я только хотѣлъ пощупать, — плаксиво проговорилъ Ивка, слѣзая съ печи, на которую онъ только-что забрался.

— Что пощупать?—обратилась къ нему мать.

— Овцу...

— Овцу?—протянула мать, что-то соображая, и черезъ минуту добавила, понявъ, въ чемъ дѣло:—Господи! опять овцу! и когда ты перестанешь щупать? Ишь вѣдь, что вздумалъ: отворачивать плетни и ночью лѣзть на чужой дворъ!.. Этакъ, дуралей, въ острогъ угодишь...

— Я только пощупать,—оправдывался мальчикъ.

— Пощупать!—передразнила его мать, которую всегда раздражало ощупываніе сына.—Ишь, какой щупалка! Какъ возьму я палку, да начну тебя ощупывать, такъ и узнаешь, какъ мать на грѣхъ наводить, остолопъ!.. Тутъ и безъ того хоть въ петлю полѣзай, а ты еще щупать...

Она быстро вышла въ сѣни и тамъ, утирая фартукомъ слезы, со вздохомъ прошептала:—Господи! Царица Небесная! И что мнѣ съ нимъ дѣлать? сокрушилъ совсѣмъ!

Бѣдной матери жаль было сына, но она не могла сдерживаться, потому что Гордѣй и безъ того во всемъ ее притѣснялъ, а тутъ еще Ивка со своимъ щупаньемъ... Кого горе не возьметъ!

А Ивка между тѣмъ неподвижно стоялъ у печи, держась рукой за приступку. Его напряженное, вытянутое, немного под-

нятое кверху лицо поминутно вздрагивало. Плотно опущенныя вѣки тоже вздрагивали, что̀ обнаруживало сильное волненіе. „И когда ты перестанешь ощупывать?“ — громко раздалось въ его ушахъ. Эти слова тяжело ложились ему на мозгъ, и онъ уже ни о чемъ не могъ думать, кромѣ нихъ. Да, онъ думалъ о нихъ, думалъ напряженно, и все же не могъ въ нихъ разобраться. То, что̀ не нравилось матери и другимъ и за что̀ его бранили и даже били, для него было просто и обыкновенно, а главное—необходимо. „Этакъ въ острогъ угодишь, если будешь ощупывать“ — вспомнились ему слова матери. И тутъ же онъ вспомнилъ прошлую ночь и старика Гордѣя. О, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ стремился ощупать овцу! Но чѣмъ все это кончилось? Да, и мать, и Гордѣй, и всѣ, всѣ зрячіе, не понимаютъ его. Онъ имъ чужой, онъ не такой, какъ они, онъ слѣпой, онъ ничего не видитъ, его всѣ обижаютъ и никто не жалѣетъ. Тоска и обида больно защемили ему сердце и вытѣснили изъ головы всякую мысль. Онъ почти безсознательно снова вскарабкался на печь и пролежалъ на ней внизъ животомъ до самаго вечера. На слова матери, предлагавшей ему поѣсть, онъ отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на головную боль, хотя у него ничто не болѣло. Онъ находился въ тяжелой полудремотѣ, почти ничего не сознавая и не ощущая. Ему только хотѣлось лежать, лежать безъ конца, лежать, не шевелясь и ни о чемъ не думая. Только вечеромъ, когда пригнали стадо и до его ушей долетѣли знакомые звуки, онъ ясно понялъ, что̀ это вечеръ, и что онъ цѣлый день пролежалъ на печи, не слѣзая и безъ пищи. Ивкѣ захотѣлось ѣсть, но онъ сдержался и съ удовольствіемъ ждалъ, когда заснетъ мать. Какъ только раздался ея храпъ, мальчикъ осторожно слѣзъ съ печки и тихо подошелъ къ столу. Отыскавъ на немъ краюшку черстваго хлѣба и густо посоливъ ее, онъ неслышно вышелъ вонъ изъ хаты. Проходя дворомъ, Ивка мимоходомъ захватилъ деревянное ведро, стоявшее у плетня коровника, и смѣло направился къ заднимъ воротамъ. Онъ быстро нащупалъ на воротахъ желѣзную скобку и съ особенной ловкостью и осторожностью потянулъ ее къ себѣ такъ, что скрипучія ворота тихо отворились, не издавъ ни единаго звука. Очутившись на задворкахъ, онъ на минуту остановился, какъ бы что-то соображая, а затѣмъ увѣренно зашагалъ влѣво, держа въ одной рукѣ краюшку хлѣба, а въ другой—ведро. Его босыя ноги едва касались широкихъ, смоченныхъ вечернею росою, лопуховъ, искусно отыскивая себѣ болѣе удобный путь. Остановившись шагахъ въ двухъ отъ старой, развѣсистой рябины, при-

сутствіе которой чувствовалось по сгустившемуся влажному воздуху, онъ круто повернулъ направо. Пройдя шаговъ семь и ощупавъ подъ ногами мелкій щебень, Ивка остановился и поставилъ на землю ведро, а краюшку увѣренно положилъ на лежавшій у колодца камень. Затѣмъ онъ немного подался впередъ и нащупалъ лежавшій наверху колодца длинный шестъ съ желѣзнымъ крюкомъ на концѣ. Зацѣпивъ крюкомъ за душку ведра и прикрѣпивъ его снятымъ съ себя поясомъ, Ивка осторожно приступилъ къ доставанію воды. По мѣрѣ того, какъ ведро, прикрѣпленное къ концу шеста, опускалось въ колодецъ все ниже и ниже, онъ все внимательнѣе и внимательнѣе прислушивался, слегка наклонившись ухомъ въ колодецъ. Но вотъ ведро коснулось воды. Это онъ слышалъ и чувствовалъ руками. Онъ задержалъ шестъ, а затѣмъ, размахнувъ ведромъ въ сторону, ловко зачерпнулъ имъ воды. Вытаскивая ведро обратно, Ивка понялъ по тяжести его, что оно было полное. Зная, что ведро, прикрѣпленное поясомъ, не соскочитъ съ крюка, мальчикъ принялся махать шестомъ во всѣ стороны, такъ что изъ ведра тотчасъ же полилась вода, звучно падая въ колодецъ. „Будетъ!“—остановилъ себя Ивка, чувствуя руками, что ведро наполовину стало легче, и безъ труда вытащилъ его. Взявъ краюшку и присѣвъ рядомъ съ ведромъ, онъ приступилъ къ ужину. Но едва онъ успѣлъ откусить раза два хлѣба, запивая его водой, какъ недалеко отъ него послышался шорохъ. Онъ пересталъ жевать и повернулся ухомъ въ ту сторону, откуда доносился шорохъ.

— Куцый!—шопотомъ увѣренно позвалъ Ивка.

И онъ не ошибся. Это дѣйствительно былъ Куцый. Подойдя къ слѣпцу, онъ лизнулъ его въ щеку, какъ бы здороваясь съ нимъ, и стоялъ въ ожиданіи. Ивка погладилъ пса свободной рукой и далъ ему кусокъ хлѣба. Когда тотъ съѣлъ, мальчикъ влилъ изъ ведра въ горсть воды и поднесъ ее пріятелю. Собака, очевидно, привыкшая къ такому угощенію, жадно вылакала воду. Онъ снова наполнилъ горсть и повторилъ это раза три, а затѣмъ уже и самъ принялся съ аппетитомъ истреблять густо посоленную краюшку, запивая водой изъ всего ведра. Окончивъ скромную трапезу, оба пріятеля поднялись на ноги. Куцый, очевидно, знавшій намѣреніе Ивки, увѣренно поскакалъ по узкой тропинкѣ, ведущей вглубь огорода. Ивка пошелъ за нимъ, стараясь не задѣвать босыми ногами за мокрую траву. Въ концѣ огорода, шагахъ въ двадцати отъ развалившейся риги, стояла огромная старая осина, окруженная со всѣхъ сторонъ множе-

ствомъ мелкихъ осинъ. Эта многочисленная семья мелкихъ осинъ, занимавшая аршинъ триста въ окружности и называвшаяся осинникомъ, выглядѣла маленькимъ лѣскомъ. Вотъ къ этому-то лѣску и подошли наши два пріятеля.

Куцый быстро юркнулъ въ чащу осинника и скрылся въ немъ. Ивка тоже полѣзъ за нимъ, искусно лавируя между тонкими осиновыми стволами, предварительно ощупывая руками и ногами. Онъ шелъ быстро и увѣренно, потому что хорошо зналъ каждое деревцо, гдѣ оно стоитъ. Очутившись на свободномъ мѣстѣ, шага четыре въ квадратѣ, онъ подался немного влѣво и, слегка прикоснувшись рукой къ маленькой скамеечкѣ, смѣло опустился на нее. Куцый былъ уже тутъ. Это ясно говорило, что собака здѣсь не въ первый разъ. И точно—Куцый очень часто бывалъ въ осинникѣ. Онъ любилъ Ивку и всюду слѣдовалъ за нимъ. Куда бы слѣпой ни пошелъ, Куцый тутъ, какъ тутъ! Ивка былъ радъ собакѣ, ему было веселѣе съ ней. Осинникъ былъ любимѣйшимъ мѣстопребываніемъ Ивки. Въ немъ только и могъ онъ дать полную волю слезамъ. Въ немъ только и затихало его наболѣвшее дѣтское сердце, подъ ласкающій шопотъ листвы. Онъ зналъ подробно каждое деревцо и съ любовью ощупывалъ ихъ чуть ли не каждый день. Онъ даже помнилъ на всякомъ изъ нихъ листъ узкій и широкій или мягкій и жесткій. Когда онъ входилъ въ лѣсокъ, ему казалось, что каждая осинка дружески наклоняется къ нему и намѣревается обласкать его мягкой листвой. Въ такія минуты слѣпой чувствовалъ себя хорошо, хорошо! Вотъ и теперь, сидя на маленькой сдѣланной имъ скамеечкѣ, онъ испытывалъ болѣе или менѣе пріятное чувство. Той жгучей тоски, мучительно палившей его сердце цѣлыя сутки, и того мертвящаго оцѣпенѣнія, какъ льдомъ сковавшаго все его существо, уже не было. Все это было тамъ, въ избѣ, на печкѣ, на улицѣ. Но тутъ, подъ сѣнью молодыхъ осинъ, тихо шелестящихъ листвой, онъ забылся, какъ забывается дитя, убаюканное лаской матери. Глубокая ночь плотно окутала осинникъ непроглядной пеленой и какъ бы усыпила и его, и все окружающее. Ивка не замѣчалъ темноты ночи, но онъ ощущалъ ея присутствіе по влажному воздуху и особенной тишинѣ, которая бываетъ только ночью. Мальчикъ любилъ проникать въ эту таинственную ночную тишину и утопать въ ней, полный разнородныхъ ощущеній и своеобразнаго созерцанія. И теперь онъ, сидя на скамейкѣ, тоже созерцалъ. Но вдругъ лежавшій у его ногъ Куцый заворчалъ и подался впередъ, а

вслѣдъ затѣмъ послышалось негромкое мяуканье кошки. Куцый снова легъ на прежнее мѣсто, очевидно узнавъ гостью.

— Маруська! — ласково произнесъ Ивка, не вставая со скамейки.

Кошка отвѣтила ему мяуканьемъ и, приблизившись къ его ногѣ, начала тереться о нее. Ивка взялъ кошку на руки и посадилъ ее къ себѣ на колѣни. Маруська съ минуту сидѣла молча, а затѣмъ, какъ бы сообразивъ, что ей надо дѣлать, уютно улеглась на колѣняхъ и затянула свою трескучую пѣсню. Эти трое — человѣкъ, собака и кошка — составляли какъ бы одно цѣлое. Ивка любилъ своихъ четвероногихъ друзей. Они это знали и платили ему привязанностью.

— И отчего къ слѣпому такъ льнутъ куры, кошки, собаки и всякая тамъ животина?—удивлялись мужики и бабы.—Гдѣ бы только его ни завидѣли, такъ и бросаются къ нему со всѣхъ ногъ... Вѣдь вотъ, братцы, диковина!

Это говорилось не шутя, а даже съ завистью. Мужики и бабы не понимали самой простой причины. Ивка, будучи обиженъ природой и людьми, никогда никого не обижалъ. Чуждый ласки, онъ съ удовольствіемъ замѣчалъ, какъ его ласка благотворно дѣйствовала на животныхъ. Приближая ихъ къ себѣ и дружа съ ними, онъ испытывалъ пріятное чувство, потому что близость хотя бы и животныхъ наполняла его одинокую жизнь. Да, именно одинокую, потому что никто не можетъ такъ глубоко чувствовать одиночество, какъ слѣпой среди зрячихъ. Ивка чувствовалъ это и молча страдалъ. Единственно близкій ему человѣкъ—это мать, и та не понимала его. А о чужихъ людяхъ и говорить нечего. Всѣ они только больно бередили его глубоко скрытую рану своими обидными къ нему жалостями, и никто изъ нихъ не относился къ нему, какъ къ равному себѣ человѣку. Ивка избѣгалъ ихъ, чувствуя къ нимъ боязнь и скрытую ненависть. Избѣгалъ онъ и товарищей своего возраста. Среди нихъ не находилось ни одного такого, который бы сочувствовалъ его слѣпотѣ. Всѣ они, какъ бы сговорившись, смѣялись надъ нимъ и потѣшались, сколько хотѣли. Они нерѣдко заводили его въ канаву, въ грязь, въ крапиву и громко при этомъ хохотали. Слѣпой клялся не выходить изъ избы, но тоска и одиночество надоѣдали ему, и онъ снова выходилъ къ ребятамъ. И опять начиналась та же исторія.

— Ты не видишь неба и облаковъ и не знаешь, какой носъ у цапли, — приставали къ нему ребятишки, перебивая другъ друга.

Ивка, конечно, не видѣлъ ни неба, ни облаковъ и не зналъ, какой носъ у цапли, но ему было стыдно и досадно сознаться въ этомъ передъ товарищами.

— Вижу и знаю!—выкрикнулъ онъ въ какомъ-то азартѣ.

— Знаю! Вижу! Видишь ты—шишъ! Скажи, какой у зайца хвостъ? Ну?

— Какой? Такой же, какъ у курицы,—выпалилъ Ивка.

Ребята прыснули отъ смѣха. Ивка понялъ, что онъ попалъ въ просакъ, и не зналъ, куда дѣваться отъ стыда и злобы.

— Эй, звѣзда упала!—крикнулъ однажды кто-то изъ ребятишекъ.

— Звѣзда, говоришь, упала?—встрепенулся Ивка, который давно хотѣлъ ощупать звѣзду.

— Да,—отвѣтилъ тотъ недоумѣвающе, глядя въ возбужденное лицо слѣпца.

— Бѣжимъ, поднимемъ! — умоляюще произнесъ Ивка, беря мальчика за руку.

— Чего?

— Звѣзду!

Мальчикъ съ минуту молчалъ и, смекнувъ, въ чемъ дѣло, громко разсмѣялся.

— Да развѣ звѣзду можно поднять?—сказалъ онъ наставительно:—вѣдь она упала на небесахъ... Эхъ, слѣпой! ничего ты не видишь и не знаешь!

Послѣ этого Ивкѣ нельзя было показаться на улицу,—ему всюду кричали:

— Эй, слѣпой, звѣзду поднялъ, мѣсяцъ сорвалъ!...

Это его раздражало и злило до слезъ. Ему страшно хотѣлось поймать кого-нибудь изъ озорниковъ и выместить на немъ всѣ свои обиды. Но такого случая не представлялось. Ивкѣ оставалось только сидѣть дома и втайнѣ ненавидѣть своихъ обидчиковъ.

Однажды Ивка, выходя изъ своего сарая съ охапкой сѣна, былъ неожиданно встрѣченъ громкимъ крикомъ ребятишекъ, очевидно, карауливших его. Ничего не подозрѣвавшій, слѣпой на минуту растерялся, но затѣмъ, сообразивъ, въ чемъ дѣло, снова вошелъ въ сарай, не сказавъ ни слова озорникамъ. Такое поведеніе Ивки озадачило ребятишекъ, а затѣмъ еще больше разожгло. Они вплоть подошли къ сараю и, приложившись глазами къ худому плетню, хоромъ затянули:

Слѣпой слѣпень,
Худой плетень,

Овцу обнюхалъ,
Кошку ощупалъ,
Въ лужу ухнулъ,
Въ стѣну бухнулъ..

За этимъ слѣдовали дружный смѣхъ и даже свистъ, а затѣмъ новая импровизація:

Ивка-Ивашка,
Рвана рубашка,
Рвана, худая,
Макура слѣпая...

Этотъ бранный гимнъ повторялся нѣсколько разъ, но Ивка упорно молчалъ, едва сдерживая злобу. Онъ не рѣшался напасть на грубіяновъ, потому что ихъ было пятеро или шестеро, но ничѣмъ не отвѣтить имъ онъ тоже не могъ. Чувство обиды жгло его душу и затемняло разсудокъ.

— Зачѣмъ? зачѣмъ они пристаютъ ко мнѣ?—шепталъ онъ, сжимая кулаки.

А ребята между тѣмъ побѣдоносно кричали:

— Ага! испугался, слѣпая макура! Выдь-ка къ намъ, мы тебя расчистимъ!

Ивка не помнилъ себя отъ злобы; какъ сумасшедшій, бросился онъ на мальчишекъ, которые, не ожидая нападенія, какъ дробь, прыснули въ разныя стороны. Слѣпой догналъ одного изъ нихъ и сбилъ его съ ногъ. Сѣвъ на него верхомъ, онъ принялся тузить его кулаками по лицу, головѣ, спинѣ, не забывая таскать и за волосы. Бѣдный грубіянъ визжалъ, какъ поросенокъ, котораго рѣжутъ. Но Ивка ничего не слыхалъ и не сознавалъ, онъ только тузилъ, тузилъ и тузилъ...

Такая неожиданная расправа произвела панику среди остальныхъ озорниковъ. Они попрятались куда попало, оставивъ расплачиваться одного. На выручку къ визжавшему мальчику подоспѣлъ старикъ.

— Ахъ, ты, разбойникъ!—закричалъ онъ, схвативъ Ивку за волосы.

Но тотъ какъ бы не замѣчалъ этого и продолжалъ тузить своего врага. Старику не сразу удалось укротить освирѣпѣвшаго слѣпца; особенно трудно было высвободить его руки, крѣпко вцѣпившіяся въ волосы мальчика.

— Какъ кошка, проклятый, вцѣпился... Вотъ вѣдь слѣпой дьяволъ!..—запыхавшись, выругался старикъ послѣ того, какъ ему удалось справиться съ Ивкой.

Наказанный озорникъ бѣгомъ пустился домой, оглашая улицу

протяжнымъ плачемъ. Волосы на его головѣ были всклокочены. На лицѣ виднѣлись кровавыя царапины.

Ивка между тѣмъ молча стоялъ и не понималъ, что̀ съ нимъ творится. Его возбужденное лицо было покрыто красными пятнами. Грудь тяжело вздымалась. На пальцахъ обѣихъ рукъ предательски виднѣлись клочки волосъ. Минутъ черезъ десять надъ нимъ былъ совершенъ судъ. Вдова, разгоряченная бранью и угрозами матери потерпѣвшаго, больно прибила своего слѣпого сына и тутъ же расплакалась сама.

Но Ивка, очевидно, смутно сознавалъ все происходившее съ нимъ. Онъ молча перенесъ побои матери и даже какъ бы не чувствовалъ ихъ.

— Что̀ съ нимъ?—удивлялись бабы, съ любопытствомъ оглядывая слѣпого, какъ бы застывшаго на мѣстѣ.

— Его бьютъ, а онъ хоть бы что̀, ни словечушка... точно замеръ... Столбнякъ что-ли нашелъ какой?

На Ивку дѣйствительно нашелъ столбнякъ. Онъ сознавалъ это и силился освободиться отъ него, но не могъ. Когда его умъ прояснился, онъ разомъ все вспомнилъ и впервые почувствовалъ себя удовлетвореннымъ. Наконецъ-то ему удалось поколотить хоть одного озорника! О, онъ выместилъ на немъ все, что̀ такъ долго и мучительно таилось въ его груди! „Не все имъ надо мной смѣяться и потѣшаться. Пускай они знаютъ, что и я умѣю драться, что и меня надо бояться... А какъ они разбѣжались, когда я на нихъ набросился!..“

Ему пріятно было сознавать, что ребятишки, испугавшись его, разбѣжались. Это примирило его со многимъ и возвысило въ собственныхъ глазахъ. Однако, онъ рѣшилъ навсегда покончить съ ними. „Я слѣпой, — грустно думалъ онъ, — а они — зрячіе! Они видятъ и потѣшаются надо мной и всегда будутъ потѣшаться, потому что я не вижу. Я лучше буду всегда одинъ, а ужъ къ нимъ не пойду... они злые!“

И онъ избѣгалъ ребятишекъ, рѣдко показываясь на улицу. Вотъ почему Куцый и Маруська были ему дороги. Близость и привязанность животныхъ смягчали его сердце и будили въ немъ человѣческое чувство. Каждый разъ, какъ только Ивкѣ становилось невтерпёжъ, онъ тотчасъ же прокрадывался ночью въ осинникъ и тамъ, въ присутствіи своихъ друзей—кошки и собаки—отдыхалъ душой. Вотъ и теперь, послѣ неудавшейся попытки ощупать овцу, онъ пришелъ въ свой любимый осинникъ, чтобы освѣжиться и успокоиться въ немъ. Онъ гладилъ лежавшую у него на колѣняхъ кошку и съ удовольствіемъ при-

слушивался къ трескучимъ звукамъ ея пѣсни. Эти однообразные звуки кошачьей пѣсни казались ему нѣжной мелодіей, уносящей его душу далеко, далеко. Обида и оскорбленіе, перенесенныя имъ отъ сосѣда Гордѣя, и брань матери чуть слышно раздавались въ глубинѣ его души и уже не тревожили его. Пѣсня кошки давно уже смолкла, а Ивка все еще гладилъ ее и не замѣчалъ этого. Но зато онъ ясно ощущалъ всѣмъ своимъ существомъ, что у него на колѣняхъ лежитъ съ пушистой шерстью Маруська, подруга его дѣтства, а у ногъ—Куцый, вѣрный песъ. Онъ ощущалъ ночную тишину и слышалъ ласкающій шопотъ верхушекъ осинника. Онъ зналъ, наконецъ, что здѣсь, въ осинникѣ, нѣтъ никого изъ людей, которыхъ онъ боялся и ненавидѣлъ. Все это — и кошка, и собака — преданные его друзья, и любимый осинникъ, и ночная таинственная тишина, и, наконецъ, то, что онъ вдали отъ ненавистныхъ людей,—все это пріятно наполняло его душу и погружало въ сладкую дремоту.

Блеснули первые лучи утренняго солнца и робко заглянули въ чащу осинника, дробно скользнувъ золотистыми искрами по зеленой листвѣ. Тамъ и сямъ перекликались заботливыя птицы подъ аккомпаниментъ плавно льющейся свирѣли пастуха. Все пробуждалось отъ сна и спѣшило къ жизни. Только сидѣвшій на скамьѣ Ивка крѣпко и сладко спалъ, прислонившись спиной къ молодой осинѣ. Его голова, покрытая серебристой росой и освѣщенная лучами солнца, слегка наклонилась на грудь; руки лежали на спящей у него въ колѣняхъ кошкѣ; у ногъ, свернувшись клубкомъ, спала собака. Это тріо нарушало обычный порядокъ жизни. Когда спускалась ночь на землю и все предавалось сну, оно бодрствовало и жило, и наоборотъ,—когда пробудившаяся природа, залитая блескомъ солнца, спѣшила къ жизни, тріо мирно предавалось сну. Такое превращеніе происходило оттого, что Ивка, какъ полевой звѣрекъ, боявшійся людей и свѣта, по цѣлымъ днямъ не вылѣзалъ изъ своей конуры и только съ наступленіемъ ночи принималъ обликъ живого и дѣятельнаго существа. Ночная влага живительной росой освѣжала его умъ и сердце. Онъ ясно ощущалъ въ себѣ притокъ энергіи и бодрость духа. Его словно тянуло куда-то. Утомленный бездѣйствіемъ цѣлаго дня, умъ настоятельно требовалъ живой дѣятельности. Ивка незамѣтно прокрадывался на дворъ или еще куда, и тамъ, въ полной увѣренности, что зрячіе спятъ, свободно бродилъ и ощупывалъ, зная, что за нимъ никто не слѣдитъ. Чаще всего онъ пробирался въ молодой осинникъ и въ немъ, среди ночной тишины, съ удовольствіемъ отдавался своему спеціальному созерцанію. Подъ утро

его тѣло и умъ изнемогали, и онъ засыпалъ, какъ только можетъ засыпать десятилѣтній мальчикъ. Когда мать находила его спящимъ въ осинникѣ, она всегда жалобно причитала:

— Господи! вишь, вѣдь какъ спитъ! ровно пташка на вѣткѣ и головку такъ же склонилъ... и весь мокрёхонекъ отъ росы, словно искупался... И что ему за сласть въ этомъ осинникѣ? Ужъ не лѣшій ли, прости Господи, заманиваетъ его сюда по ночамъ?! Не сходить ли къ попу, да не поговорить ли ему насчетъ такого навожденія?...

То же самое она говорила и своему слѣпому сыну, но тотъ отмалчивался, зная, что мать никогда не пойметъ того, что тянетъ его по ночамъ вонъ изъ избы.

V.

Ивкѣ было уже пятнадцать лѣтъ. Однажды утромъ, когда онъ хлопоталъ у печки, въ избу вошелъ кто-то.

— Здорово, соколикъ!—раздался пѣвучій голосъ вошедшаго.— Богъ въ помощь!

— Спасибо,—отвѣтилъ Ивка, ставя горшокъ въ только-что истопившуюся печь.

— Э, да ты кухарничаешь, братъ!—замѣтилъ вошедшій и прошелъ въ передній уголъ.

— Надо,—коротко замѣтилъ Ивка, закрывая печь заслонкой.

— Вѣстимо надо,—поспѣшилъ подтвердить незнакомецъ.— Пища, соколикъ, первое дѣло...

Онъ съ минуту разглядывалъ Ивку и раздѣльно добавилъ:

— Да ты, родимый, кажись, не зришь?

— Да, — нехотя отвѣтилъ слѣпой и повернулся къ незнакомцу спиной.

— Давно?

— Давно,—почти сердито отрѣзалъ Ивка.

Онъ не любилъ разспросовъ о слѣпотѣ.

— Ты, соколикъ, не того...—отечески заговорилъ незнакомецъ, замѣтивъ, что парень уклоняется отъ разговоровъ: — Я говорю съ тобой отъ сердца, не обижай старика! Я истопталъ всю землю-матушку и видалъ всякія людскія скорби... Меня не стѣсняйся...

Мягкій тонъ и простыя слова говорившаго разомъ подкупили Ивку. Онъ обернулся къ нему лицомъ и сталъ въ нерѣшительности.

— Садись-ка, соколикъ, вотъ сюда, да побесѣдуемъ малость,—сказалъ незнакомецъ и слегка постучалъ около себя.

Но Ивка не сѣлъ рядомъ съ незнакомцемъ, а помѣстился по другую сторону стола.

— Я вошелъ въ избу, чтобы напиться, анъ гляжу—темный человѣкъ, ну и присѣлъ,—началъ незнакомецъ, снимая съ плечъ кожаную котомку и кладя ее на лавку.—Я никогда еще не видѣлъ, чтобы слѣпой топилъ печь и стряпалъ. Вотъ ужъ поистинѣ „Богъ умудряетъ слѣпца"! А сколько тебѣ годковъ?

— Пятнадцать.

— Возрастъ юнѣйшій, самый удобнѣйшій для насажденія,—какъ бы про себя промолвилъ собесѣдникъ и продолжалъ:—Что же, соколикъ, подѣлываешь? Чай, слѣпому-то куда какъ скучно?

Ивка молчалъ.

— Мнѣ шестьдесятъ лѣтъ,—началъ незнакомецъ послѣ небольшой паузы. — Я уже двадцать лѣтъ странствую по бѣлу-свѣту. Былъ и въ Іерусалимѣ, и на Аѳонѣ... Чудныя мѣста!.. Только въ святыхъ обителяхъ и можно подняться душой. А то все, родимый, суета-суетъ... А когда глядишь на Распятаго, слова такъ и просятся съ языка: „Господи, сколько въ тебѣ доброты, коли принесъ себя въ жертву за насъ, оглашенныхъ!" А мы, соколикъ, однимъ грошомъ, даже однимъ словомъ не поступимся для другого, потому что любимъ только однихъ себя... А какъ тебя зовутъ?

— Ивка.

— Ивка? Это какъ же—Ивліемъ, что-ли?

— Не знаю, меня никто такъ не зоветъ, только попъ, когда причащаетъ.

— А ходитъ онъ къ тебѣ?

— Нѣтъ, только съ молебномъ бываетъ.

— Такъ, — задумчиво протянулъ старикъ, направляясь къ задней лавкѣ.

— Испить малость надо,—сказалъ онъ, беря опрокинутый на лавкѣ деревянный ковшикъ.

— Вотъ я сейчасъ пилъ ковшомъ изъ ведра воду,—снова заговорилъ странникъ, утирая губы краснымъ платкомъ, — ты какъ это, соколикъ, представляешь себѣ?

Ивка улыбнулся.

— Или вотъ, напримѣръ,—не унимался старикъ,—какимъ я тебѣ кажусь? сѣдымъ или еще какимъ?

— Голосъ слышу!—нехотя отвѣтилъ Ивка, которому ужъ начиналъ надоѣдать допросчикъ.

— А какъ же ты, ничего не видя, топишь печь и все такое?

— Я все дѣлаю, — немного хвастливо возразилъ Ивка: — и печь топлю, и картошку варю, и корову дою, и все, все дѣлаю, потому что матери некогда.

— Господи! — удивился старикъ: — какъ же это?

— Такъ, — просто отвѣтитъ тотъ, — возьму да и затоплю печь или еще что...

Старикъ задумался. Онъ не могъ уяснить себѣ сказаннаго молодымъ слѣпымъ. Старикъ много встрѣчалъ слѣпыхъ, но всѣ они выглядѣли жалкими, едва двигавшимися и крѣпко уцѣпившимися за палки своихъ вожаковъ. Онъ закрывалъ себѣ иногда глаза, чтобы приблизиться къ понатію о слѣпотѣ, но такой способъ не давалъ ему желательнаго результата. Странникъ чувствовалъ только, что съ закрытыми глазами онъ не можетъ двинуться съ мѣста; даже уши, и тѣ не такъ слышали, и было чего-то страшно... Поэтому онъ заключилъ, что быть слѣпымъ — это все равно, что лежать живымъ въ гробу. Оно пожалуй въ дѣйствительности и такъ, но Ивка своими дѣйствіями и разсказами опровергалъ мнѣніе странника. Его это сильно интересовало. Старикъ долго и подробно разспрашивалъ слѣпца, какъ онъ ходитъ и дѣлаетъ ощупью и какъ понимаетъ природу. Ивка охотно удовлетворялъ любопытство старика и чувствовалъ себя превосходно, когда тотъ удивлялся его способностямъ.

— Я слышу кузнечиковъ въ травѣ и не разъ ловилъ ихъ, — откровенничалъ Ивка, польщенный похвалами старика: — я слышу, какъ земля дышитъ послѣ росы и дождя, и какъ шепчетъ рѣка передъ дождемъ. Я все слышу и чувствую, но не все могу ощупать. Да вотъ не знаю неба, звѣздъ, мѣсяца и молоньи... Я ихъ не слышу и не чувствую...

— Небо, соколикъ, синее, — пояснялъ старикъ; — иногда оно заволакивается сѣрыми тучами...

— Ни синяго, ни сѣраго я не знаю, — отрѣзалъ Ивка.

— Оно точно, что не знаешь, — задумчиво согласился странникъ. — А знаешь, что означаетъ небо?

— Нѣтъ.

— Оно означаетъ, соколикъ, престолъ Господа. Тамъ Онъ окруженъ славой и небеснымъ воинствомъ.

— Я этого ничего не знаю, — почти шопотомъ произнесъ Ивка.

— И Бога не знаешь? — испугался старикъ.

— Бога? Бога знаю... Мать говорила, что Онъ большой и

сильный. Она говорила, что Онъ можетъ въ одну минуту разрушить всю нашу деревню и вновь ее въ одну минуту построить... Еще она говорила, что Богъ не любитъ того, кто не молится Ему.

— А ты молишься?

— Молюсь.

— А какъ ты молишься?

Ивка отвѣтилъ не сразу.

— Меня мать учила такъ молиться,—конфузливо заговорилъ онъ: — „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, помяни, Господи, заупокой дѣдушку Ивана и бабушку Марью, и батю Максима; помяни, Господи, о здравіи маму и меня, раба слѣпого Ивку. Аминь“.

— И все?

— Да.

— А молитвы еще никакой не знаешь?

— Мать хотѣла научить Богородицу, да сама не знаетъ...

— Э-хе-хе!—вздохнулъ старикъ и задумался.

— А Христа знаешь?—спросилъ онъ послѣ небольшой паузы.

— Знаю. Его замучили жиды... Онъ умеръ на крестѣ и воскресъ...

— Да, соколикъ, Онъ пострадалъ за грѣшный міръ и завѣщалъ намъ терпѣнье. Терпи, Ивлій, твоя доля тяжелая... молись, рабъ божій, Христу! Онъ всемогущъ, Онъ помилуетъ тебя. Ты слыхалъ, какъ Христосъ исцѣлилъ слѣпого?

— Нѣтъ.

— Тебѣ, значитъ, никто не читалъ евангелія, или еще какія книжки?

— Да, никто.

— Э-хе-хе!—снова вздохнулъ старикъ.

Онъ досталъ изъ котомки книжку и положилъ ее на столъ. То было средняго формата евангеліе, тщательно завернутое въ чистый кусокъ холста. Странникъ надѣлъ очки и, перекрестившись, началъ перелистывать евангеліе.

— Слушай,—обратился онъ къ Ивкѣ,—я прочту про исцѣленіе слѣпого, сидѣвшаго при дорогѣ.

Ивка слегка подался впередъ и весь превратился въ слухъ.

Странникъ читалъ нараспѣвъ. Его тоненькій монотонный голосокъ напоминалъ голосъ монахини, читающей псалтырь. Прочитавъ изъ 18-ой главы отъ Луки, начиная съ 35-го стиха, странникъ перешелъ на 9-ую главу отъ Іоанна, гдѣ говорилось объ исцѣленіи другого слѣпого. Старикъ разъяснялъ слушателю каждую фразу, хотя евангеліе было написано по-русски. Ивка,

никогда не слыхавшій евангелія, жадно ловилъ каждое его слово и страшно былъ пораженъ чудесами Христа. По мѣрѣ того, какъ странникъ читалъ, лицо слѣпца поднималось все выше и выше вверхъ и напрягалось до крайнихъ предѣловъ. А когда старецъ замолкъ, Ивка весь горѣлъ и слегка вздрагивалъ, а изъ-подъ плотно закрытыхъ вѣкъ выкатились двѣ блестящія слезы. Странникъ молча любовался взволнованнымъ лицомъ слѣпца и радостно думалъ: „Чистая, молодая душа!“

— Христосъ милосердъ и человѣколюбивъ,—умиленно началъ онъ, завертывая евангеліе въ кусокъ холста.—Его только стоитъ сердечно попросить, и Онъ дастъ просимое. „Толцытеся и отверзется вамъ, просите и дастся вамъ“,—говорится въ Писаніи. Христосъ—тотъ же Богъ, создавшій видимый и невидимый міръ и насъ съ тобою...

Затѣмъ старикъ вкратцѣ разсказалъ о первыхъ людяхъ, о потопѣ и, наконецъ, о пришествіи Христа на землю для спасенія погибшихъ. Прощаясь со слѣпымъ, странникъ пророчески произнесъ: „да явятся на тебѣ дѣла Божія!“

Какъ только за старцемъ затворилась дверь, Ивка опрометью бросился къ ведру съ водой и жадно прильнулъ къ нему губами. Онъ умылъ лицо и смочилъ голову. То, что произошло съ нимъ въ какіе-нибудь часа два, жгло его, какъ огнемъ. Странникъ и евангеліе вдохнули въ слѣпца свѣтлую струю новой жизни, доселѣ невѣданную имъ.

Его печальные дни въ полномъ одиночествѣ текли уныло и скучно. Ни одинъ человѣкъ, ни одно живое слово не касались его души. Ивка даже въ церковь не ходилъ, боясь насмѣшекъ зрячихъ. Ему приходила иногда въ голову такая мысль: о, какъ было бы хорошо, еслибы всѣ люди, всѣ до одного человѣка, были слѣпы такъ же, какъ онъ! Тогда бы всѣ ходили ощупью и никто другъ надъ другомъ не смѣялся бы, потому что всѣ были бы одинаковы; и онъ, Ивка, не былъ бы такъ одинокъ, какъ теперь. Вѣдь ему иногда неудержимо хочется поговорить со зрячими, а порой, въ минуту особенной тяжести, и приласкаться къ нимъ. Вѣдь его доля ужасна! Ему необходимо сочувствіе, какъ живительная влага цвѣтку. Но, увы! буря не щадитъ одиноко стоящее деревцо; она потѣшается надъ нимъ, безжалостно срывая съ него листья, ломая вѣтви и наконецъ съ корнемъ вырывая его изъ земли. Такъ и суровая дѣйствительность, окружавшая Ивку, точно буря, изломала его, исковеркала и силой забила въ тѣсный уголъ безысходнаго одиночества. Ивка не разъ намѣревался покончить съ собой, рѣшивъ такимъ образомъ избавить себя отъ мучитель-

наго существованія, а мать отъ лишней обузы, но тутъ же спохватывался и твердо заявлялъ: „Нѣтъ, этого пока не надо! Матери уже подъ шестьдесятъ лѣтъ, силы ей начинаютъ измѣнять, она то-и-дѣло прихварываетъ. Кто ей подастъ воды и истопитъ печь, когда она будетъ лежать въ постели! Да, я ей нуженъ...“ Послѣднія слова какъ-то особенно пріятно раздавались въ его душѣ. Ему даже становилось весело. Но это было не долго. Онъ снова замыкался въ себѣ и какъ бы постепенно умиралъ. Что могло оторвать слѣпца отъ магически притягивавшихъ къ себѣ тяжелыхъ думъ его? Жизнь была для него недоступна. Зрячіе его не понимали и чуждались его. Богъ и вѣчное блаженство не интересовали его. Объ этомъ никто не говорилъ ему толково. Только мать раза три, четыре во всю жизнь говорила ему, что Богъ сильный и что на небѣ есть рай. Все это было смутно и непонятно для слѣпца. Онъ почти никогда не думалъ объ этомъ. Его занимали вопросы: зачѣмъ родятся слѣпые? Кому это надо, чтобы слѣпой ходилъ ощупью, спотыкался, падалъ, разбивался и ничего не видѣлъ? Такія разсужденія, съ придачей къ нимъ жестокости зрячихъ, несомнѣнно могутъ убить въ человѣкѣ всякое жизненное проявленіе. И Ивка дѣйствительно не жилъ. Онъ только передвигался съ мѣста на мѣсто, не отдавая себѣ въ томъ отчета. Да, онъ не жилъ, а постепенно умиралъ, какъ умираютъ всѣ тѣ, которые не могутъ ни жить, ни разомъ покончить съ собою. И вотъ въ такой-то ужасный періодъ его жизни въ избу случайно заглядываетъ интересный странникъ. Его задушевность и простота обращенія, которыхъ Ивка никогда не слыхалъ отъ зрячихъ, пахнули на одиноко томящуюся душу слѣпца бодрящей свѣжестью. Съ нимъ, слѣпымъ Ивкой, котораго чуждается вся деревня, охотно бесѣдуетъ умный старикъ, разспрашиваетъ о его долѣ и отечески сочувствуетъ ему. Онъ этого никогда не ожидалъ... Наконецъ онъ узнаетъ, что Христосъ—тотъ же Богъ, который не гнушается слѣпымъ, а подходитъ къ нему и исцѣляетъ его, и еще другого слѣпца. У Ивки горитъ голова. Онъ смутно сознаетъ, что съ нимъ. „Не сонъ ли это?“ —думаетъ онъ послѣ того, какъ покинулъ его странникъ. „И кто такой этотъ чудный старецъ? Такихъ мудрыхъ рѣчей и сладкаго голоса онъ никогда еще ни отъ кого не слыхалъ. Ужъ не самъ ли Христосъ прислалъ его къ нему, сжалившись надъ нимъ?“—Ивку душили слезы.

„Іисусъ, сынъ Давидовъ, помилуй мя!“ —жалобно раздавалось въ его ушахъ. Ивка прислушивается къ этимъ стонущимъ словамъ и мгновенно загорается новымъ чувствомъ. Какая-то непо-

нятная сила властно толкаетъ его впередъ, и онъ, повинуясь этой силѣ, со всѣхъ ногъ бросается вонъ изъ избы. Проскользнувъ въ полуотворенную сѣнную дверь, Ивка ударяется на дворѣ грудью о столбъ и, не замѣтивъ этого, продолжаетъ путь дальше. Подбѣжавъ къ осиннику, слѣпой не остановился и не задумался, какъ это бывало прежде, а прямо и просто ринулся въ чащу осинника, ударяясь всѣмъ тѣломъ о деревья. Наткнувшись колѣнками на скамью, онъ бросился на нее, но черезъ секунду соскочилъ съ нея и опустился рядомъ съ ней на колѣни. „Іисусъ, сынъ Давидовъ, помилуй мя!"—горячо молился онъ, устремивъ вверхъ плотно закрытые вѣками глаза. Проникавшіе сквозь листву золотистые лучи солнца заливали своимъ волшебнымъ свѣтомъ стоявшаго на колѣняхъ слѣпца. Верхушки деревьяхъ тихо шептались, какъ бы вторя молящемуся. Въ крайне напряженныхъ и вытянутыхъ чертахъ его смоченнаго слезами лица ярко горѣла вѣра.—„Іисусъ, сынъ Давидовъ..."—слышался молитвенный шопотъ слѣпца. Затѣмъ онъ прильнулъ лбомъ къ землѣ и замеръ... Но черезъ минуту снова послышался молитвенный шопотъ. Ивка уже пересталъ быть собой, онъ чувствовалъ себя евангельскимъ слѣпцомъ, сидѣвшимъ при дорогѣ.

— Іисусъ, сынъ Давидовъ, помилуй меня!—жалобно вопилъ слѣпецъ, прислушиваясь къ шуму приближавшейся народной толпы...

Но вотъ кто-то къ нему подходитъ и говоритъ голосомъ, полнымъ любви и участія: „Что хочешь?"

„О, это Онъ, желанный Христосъ!" —радостно проносится въ головѣ слѣпца.

— Прозрѣть хочу!—сквозь рыданія отвѣчаетъ онъ, полный надеждъ и страха.

Тѣло его трепещетъ, голова бьется о землю, но Ивка этого не замѣчаетъ. Все его существо превращено въ слухъ и ожиданіе.

— Прозри!—повелительно раздался божественный голосъ.

Ивка вскрикнулъ и безъ чувствъ повалился на землю...

Солнце попрежнему бросало свои золотистые лучи въ чащу осинника. Зеленые листья, тихо колеблемые вѣтромъ, шептались. Только Ивка лежалъ внизъ лицомъ и молчалъ, находясь въ глубокомъ обморокѣ.

VI.

Придя въ себя и вспомнивъ все, происшедшее съ нимъ, Ивка не усумнился, и слова: „просите и дастся вамъ"—не по-

теряли для него смысла. Какъ только онъ оправился отъ обморока, его снова потянуло въ осинникъ. Тамъ, въ полнѣйшемъ уединеніи, подъ сѣнью темной ночи, онъ горячо молился нѣсколько ночей подрядъ. Подъ конецъ молитвы онъ изнемогалъ и засыпалъ тутъ же на землѣ. Однако съ каждымъ разомъ молитва становилась холоднѣе и лилась не такъ стройно. Ивка это чувствовалъ и удивлялся перемѣнѣ. А между тѣмъ это объяснялось очень просто. Послѣ каждой молитвенной ночи Ивка тщательно ощупывалъ свои глаза и находилъ ихъ попрежнему закрытыми. Это-то и было причиной охлажденія молитвы. На пятую или шестую ночь онъ уже совершенно не могъ молиться. Его убѣжденіе, основанное на словахъ странника, сильно поколебалось. Но Ивка не могъ такъ скоро покончить съ завѣтной мечтой.

„Можетъ, я вижу,—думалъ онъ,—но не понимаю этого, потому что я не знаю, какъ видятъ...“

И бѣдный слѣпецъ прибѣгалъ къ разнымъ способамъ, чтобы разрѣшить мучившую его загадку. Онъ приподнималъ кверху вѣки и неимовѣрно вращалъ остатками больныхъ глазъ. Но все было попрежнему. Ивка задумывался.

„Я не знаю, какой свѣтъ и какъ надо видѣть,—разсуждалъ онъ,—но я не замѣчаю ничего такого, непохожаго на слѣпоту,—значитъ, я не вижу“.

Ивка не замѣтилъ, какъ въ его душу вползло сомнѣніе, а затѣмъ и полное разочарованіе. Онъ рѣшилъ, что странникъ—обманщикъ, а все сказанное имъ—сказка, а можетъ все это и сонъ. Иного заключенія онъ не могъ вывести. Онъ росъ одиноко въ полномъ смыслѣ этого слова. Ивка жилъ, такъ сказать, „изъ себя“, а „не извнѣ“. Его закономъ было то, что онъ самъ себѣ внушалъ. Слѣпой возненавидѣлъ странника и не могъ безъ раздраженія вспоминать свой обморокъ. „Тоже повѣрилъ“,—почти злобно улыбаясь, думалъ онъ и старался не вспоминать о страннике. Черныя думы и тоска все сильнѣе и сильнѣе овладѣвали Ивкой. Онъ становился все угрюмѣе и молчаливѣе. Зимой онъ почти не выходилъ изъ избы, а съ наступленіемъ весны онъ переходилъ въ осинникъ и тамъ проводилъ дни и ночи. Его рѣдко кто видѣлъ въ деревнѣ. Когда ему нужно было куда-нибудь идти, онъ предварительно прислушивался и, заслышавъ людей, выжидалъ, когда никого не будетъ, и только тогда пускался въ путь. Встрѣтившись случайно со зрячими, онъ всегда съ боязнью думалъ, что вотъ-вотъ этотъ, встрѣтившійся съ нимъ, сейчасъ и скажетъ ему такое, отъ чего его броситъ въ потъ и жаръ.

Ивка, какъ и всѣ слѣпцы, былъ до болѣзненности чувствителенъ и строгъ. Онъ никого никогда не трогалъ, и потому страдалъ глубоко, когда его обижали.

Однажды ему нужно было проходить мимо кучки парней и дѣвокъ, сидѣвшихъ на бревнахъ. Заслышавъ ихъ говоръ, Ивка, по обыкновенію, на секунду растерялся, а затѣмъ, чтобы не выдать себя, подбодрился и смѣло зашагалъ впередъ. Но чортъ, очевидно, особенно любитъ подшутить надъ слѣпымъ, потому что онъ всѣми силами старается устроить ему каверзу, какъ бы ни былъ тотъ осторожень.

Пройдя шаговъ пять, Ивка споткнулся на лежавшее на землѣ бревно и едва не упалъ. Сидѣвшіе на бревнахъ парни и дѣвки громко разсмѣялись. Смѣхъ молодежи какъ молотомъ ударилъ Ивку по головѣ. Все въ ней закружилось и зазвенѣло.

— Эй, Ивка, смотри, братъ, крапива! — насмѣшливо крикнулъ одинъ изъ парней, видя замѣшательство слѣпого.

— Иванька, возьми меня замужъ!—сквозь смѣхъ проговорила одна изъ дѣвокъ, подбѣгая къ слѣпцу.

Бѣдный Ивка молчалъ. Онъ не зналъ, куда идти.

— Иванька, возьми же меня замужъ!.. — не унималась дѣвка и дернула его за подолъ рубахи.

— Дьяволъ!—злобно выкрикнулъ Ивка, оборачиваясь лицомъ къ дѣвкѣ.

Та съ визгомъ отбѣжала прочь, испугавшись страшнаго лица слѣпого. Молодежь снова разсмѣялась. Взволнованный и озлобленный слѣпецъ быстро зашагалъ, ничего не сознавая.

Онъ не помнилъ, какъ его велъ за руку какой-то старикъ и какъ онъ вошелъ въ свою избу. Придя въ себя, онъ бѣгомъ пустился въ осинникъ и бросился тамъ на землю. Голова его горѣла, грудь тяжело дышала.

„Нѣтъ, это не люди,—шепталъ онъ,—это... это...“

Ивка захлебывался отъ злобы, не зная, съ кѣмъ сравнить зрячихъ.

„Если всѣ зрячіе такіе, — тогда мнѣ не надо зрѣнія. И отчего они такіе? Господи!.. Что мнѣ дѣлать?.. Куда бѣжать, чтобы только не встрѣчаться со зрячими? Гм... Никуда ты, несчастный Ивка, не пойдешь, и бѣжать тебѣ некуда“, — съ разстановкой проговорилъ онъ, и всталъ.

Простоявъ нѣсколько минутъ въ глубокомъ молчаніи, онъ громко кашлянулъ и твердо проговорилъ:

— Да, такъ и сдѣлаю... больше ничего не остается...

Ему было семнадцать лѣтъ, а жизнь становилась все тяжелѣе

и невыносимѣе. Къ чему страданья, когда ихъ можно избѣжать? Его сверстники и товарищи — Куцый и Маруська — давно уже въ землѣ. Надо къ нимъ... Кошка и собака были его друзья, а люди—враги... „Да, люди враги“,—вдумчиво и раздѣльно произнесъ онъ. „Да, люди—злые, и жизнь—тоже“. О чемъ и о комъ жалѣть? „А мать?“—неожиданно раздалось въ его мозгу. „Мать, мать! опять все—мать!“—заволновался Ивка, чувствуя, что его рѣшенію является помѣха. „И зачѣмъ я ей? Впрочемъ, она больна и не можетъ работать, а ѣсть надо... Стало быть, мнѣ необходимо добывать хлѣбъ, а чѣмъ его достанешь, кромѣ сумы? Ну, и ладно! Побираться, такъ побираться... не все ли равно!“ — Ивка съ отчаяніемъ махнулъ рукой.

Время шло своимъ обычнымъ порядкомъ. Солнце, какъ всегда, всходило утромъ и заходило вечеромъ. Все, казалось, шло попрежнему, безъ всякихъ измѣненій. Ивка все такъ же ходилъ ощупью, съ поднятымъ кверху, вытянутымъ и напряженнымъ лицомъ, держа руки впередъ; онъ все такъ же былъ угрюмъ и неразговорчивъ съ посторонними... Но въ дѣйствительности съ Ивкой произошла большая перемѣна. Онъ уже не думалъ только объ одномъ себѣ и не проклиналъ зрячихъ, обижавшихъ его. Нѣтъ, онъ почти позабылъ про свою тяжелую участь и всецѣло отдался попеченію о матери. Бѣдная вдова уже нѣсколько мѣсяцевъ не владѣла ногами и настолько ослабла, что не могла повернуться безъ посторонней помощи. Какъ только мать слегла, Ивка весь отдался заботамъ о дорогой ему больной. О, онъ не броситъ ее и сдѣлаетъ для нея все, что можетъ! Онъ всегда ее любилъ, но какъ-то неясно, потому что собственныя печали затуманивали эту любовь. Но теперь иное дѣло: онъ любитъ только мать и принадлежитъ одной ей, позабывъ о себѣ. Болѣзнь матери оживила его. Онъ выглядѣлъ болѣе ловкимъ и подвижнымъ. Онъ топилъ печь, стряпалъ и успѣвалъ прислуживать больной. Кромѣ того, слѣпой сынъ врачевалъ больную мать. Онъ натиралъ ее деревенскими снадобьями, вродѣ рѣдьки, керосина и т. п., и даже парилъ. Это устраивалось такъ: Ивка ставилъ посреди избы большую кадку до половины съ водой и опускалъ туда два заранѣе накаленные въ печи камня. Затѣмъ онъ клалъ въ кадку какихъ-то свѣжихъ травъ и закрывалъ ее. Спустя минутъ десять, онъ щупалъ воду и, найдя ее удобной, сажалъ въ кадку больную мать. Посидѣвъ четверть часа въ импровизированной ваннѣ, градусовъ въ 38, съ накрытой головой, больная совершенно ослабѣвала. Ивка не безъ труда вытаскивалъ больную и укладывалъ ее въ постель. Горячая ванна благотворно дѣйство-

вала на больныя ноги, уничтожая въ нихъ боль, и больная, страдавшая безсонницей, крѣпко засыпала. Это было для Ивки наслажденіемъ. Растиранія и паренье устраивались чуть ли не каждый день; но здоровье больной становилось съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Къ доктору, жившему въ десяти верстахъ, больную было невозможно везти, да и не на чемъ, а самъ докторъ никогда не ѣздилъ къ больнымъ крестьянамъ. Оставалось одно: пачкать больную всевозможными мазями и парить разными травами по рецепту деревенскихъ знахарокъ и терпѣливо ждать исхода. Иногда больная послѣ домашняго леченія чувствовала себя легче и крѣпко засыпала, но нерѣдко послѣ какого-нибудь снадобья она громко кричала, ощущая въ ногахъ и въ тѣлѣ страшную ломоту. Однако это не смущало Ивку. Онъ продолжалъ пичкать мать деревенскими лекарствами, и былъ увѣренъ такъ же какъ, и сама больная, что всѣ эти лекарства непремѣнно принесутъ пользу.

Вначалѣ болѣзни больную посѣщали нѣкоторые изъ крестьянъ и приносили ей кое-что изъ съѣстного. Но время шло, больная не поправлялась. Къ ея болѣзни привыкли и совершенно позабыли про нее...

— Всѣ насъ, сынокъ, позабыли,—съ грустью въ голосѣ говорила мать, когда чувствовала себя немного полегче.—Ну, да Богъ съ ними... не забылъ бы насъ только Богъ! Видно, бѣдный только тогда нуженъ, когда онъ ворочаетъ, какъ лошадь, а получаетъ за это краюшку черстваго хлѣба или кринку снятого молока. И у кого я на деревнѣ не работала!.. Да, сынокъ, поворочала я на свой пай и поплакала въ волюшку. И не пошли Господь лихому татарину житье бабье одинокое... Ужъ такъ и быть, сынокъ, судилъ бы Господь намъ однѣ горести, да вотъ я-то слегла... Хворь-то, родимый, хворью, а хлѣбушка-то надо...

— У насъ, мама, хлѣбъ есть, и даже картошка, — возразилъ сынъ, сдерживая слезы.

— Эхъ, касатикъ, какой тамъ хлѣбъ... одна краюшка, а картошки-то, небось, и нѣтъ! Развѣ я не знаю, сколько чего было...

— Какъ-нибудь прокормимся!.. Ты, мама, не думай...

Эта бесѣда сильно подѣйствовала на Ивку. Онъ едва не разрыдался у кровати больной. Оставшись наединѣ, онъ глубоко задумался. Ему было страшно жаль больную мать, и въ то же время онъ не зналъ, чѣмъ ей помочь.

Корова была продана. Топлива тоже не было.

„Побираться пойду!“—твердо и рѣшительно сказалъ Ивка.

Сказано—сдѣлано.

VII.

Смеркалось. Была осень. Шелъ небольшой дождь. По дорогѣ, пролегавшей полемъ, твердо шагалъ рослый парень, одѣтый въ рваную сермягу и необыкновенно высокую шапку, неуклюже сидѣвшую на его головѣ, отчего онъ казался еще выше. Въ одной рукѣ онъ держалъ свернутый мѣшокъ, а въ другой—толстую палку.

„Только бы добраться до лѣса", — думалъ парень, шагая большими шагами съ подвернутыми до колѣнъ портками.

Онъ держался края дороги, искусно лавируя палкой. По его напряженному и поднятому кверху лицу было замѣтно, что онъ особенно внимательно прислушивается.

То былъ слѣпой Ивка. Онъ рѣшилъ на первый разъ пройти съ сумой по чужой деревнѣ, находившейся отъ нихъ въ шести верстахъ. Дорогу онъ не зналъ хорошо, но помнилъ, что она ведетъ къ лѣсу, а тамъ надо свернуть влѣво и прямо на деревню Тимки. Мелкій дождь не переставалъ. Дорога становилась все грязнѣй и обильнѣе лужами. Промокшій до костей, Ивка торжественно шлепалъ босыми ногами по лужамъ и какъ бы не замѣчалъ этого. Онъ внимательно слѣдилъ за кончикомъ палки, ёрзавшей по всѣмъ направленіямъ дороги. Глубокія колеи, наполненныя водой, и небольшія возвышенія, обрамлявшія дорогу, служили ему вѣрными проводниками.

Когда Ивка добрался до деревни Тимки, уже начинало темнѣть. Мысль, какъ онъ будетъ просить милостыню, непріятно сверлила ему мозгъ. То, надъ чѣмъ онъ шутилъ дома, теперь грозно предстало передъ нимъ. Ему, слѣпому Ивкѣ, всегда избѣгавшему зрячихъ, сію минуту придется ходить изъ двора во дворъ и просить Христа-ради.

И кромѣ того,—какъ онъ найдетъ окно незнакомыхъ ему избъ, гдѣ ему необходимо постучаться?

„Э, будь, что будетъ!—онъ махнулъ рукой.—Зато ужъ..."

Онъ не договорилъ, предвкушая нѣчто пріятное.

Когда онъ входилъ въ деревню, на него залаяла собака. Онъ не струсилъ и пошелъ прямо на нее, смекнувъ, что на этой сторонѣ расположены избы. Онъ не ошибся. Пройдя нѣсколько шаговъ, провожаемый собакой, онъ палкой нашелъ крыльцо, принадлежавшее крайней хатѣ. Пошаривъ палкой влѣво и вправо, онъ отыскалъ стѣну избы и робко постучалъ.

Этотъ едва слышный ударъ палки громомъ прокатился по душѣ слѣпца.

— Кто тутъ?

— Христа-ради! — дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ Ивка, чувствуя, что голова у него кружится.

— „Христа-ради"... на ночь-то глядя! Али дня-то у тебя не было?.. Кто тамъ?—раздался мужской голосъ внутри избы.

— Кажись, побирашка, да чудной какой-то: и сумы-то нѣтъ, только мѣшокъ въ рукахъ... Прими! — обратилась хозяйка къ Ивкѣ, подавая ему кусокъ хлѣба.—Да ты никакъ слѣпой?..—добавила она, замѣтивъ, что нищій не сразу взялъ милостыню, и потомъ съ удивленіемъ проговорила: — Батюшки! да это, кажись, Прасковьи сынъ, слѣпой... Такъ и есть—онъ, только звать какъ забыла...

Но Ивка, опустивъ милостыню въ мѣшокъ и безотчетно закинувъ его къ себѣ на спину, былъ уже у другого двора. Ему было непріятно, что его узнали. Онъ былъ увѣренъ, что здѣсь, въ чужой деревнѣ, его никто не знаетъ,—„анъ вотъ что!"

„Ну, да ладно!" — подумалъ онъ, приноравливаясь постучать въ окно другой избы.

Немалыхъ трудовъ стоило Ивкѣ обойти съ сумой большую деревню, но онъ все-таки обошелъ ее до конца. Каждый сдѣланный имъ шагъ, каждый ударъ палкой по чужому окну требовали отъ него смѣлости и особеннаго умѣнья дѣйствовать наощупь. Ивка, какъ природный слѣпецъ, обладалъ этими свойствами и быстро приноравливался ко всякаго рода неудобствамъ. Еслибы каждый слѣпецъ равнодушно смотрѣлъ на свои угловатости и неловкости, неизбѣжныя при дѣйствіи ощупью, тогда бы онъ еще больше удивлялъ зрячихъ, потому что его уши иногда зорче глазъ. Но, увы! ложное самолюбіе и глупыя, а нерѣдко и злыя насмѣшки зрячихъ связываютъ иногда слѣпца по рукамъ и ногамъ, вслѣдствіе чего бѣдняга озлобляется и замыкается въ себѣ. Но Ивка, разъ рѣшивъ идти съ сумой, твердо шелъ къ намѣченной цѣли. Подъ конецъ своего шествованія подъ окнами онъ даже способенъ былъ шутить.

— Ахъ, родимый!—обратилась къ Ивкѣ старушка, подавая милостыню: — ночью-то, небось, куда какъ темно! Ты бы, кормилецъ, днемъ-то... все, чай, посвѣтлѣе...

— Нѣтъ, бабушка, я ночью вижу лучше,—серьезно возразилъ Ивка,—потому что впереди меня катится огненный шаръ, ну, я, значитъ, въ темнотѣ-то и лучше замѣчаю огонь.

— А!—удивилась старушка, крестясь.—Ишь ты вѣдь, Господь-то...

Окончивъ хожденіе по деревнѣ, Ивка отыскалъ домъ цѣловальника и продалъ ему куски. Вырученныхъ денегъ оказалось шестьдесятъ копѣекъ. Ивка купилъ чаю, сахару, коробочку монпансье и двѣ французскихъ булки, и положилъ все это въ мѣшокъ, въ которомъ только-что были куски. Его оставляли въ Тимкахъ переночевать, говоря, что ночью опасно идти лѣсомъ, и къ тому же идетъ дождь, но Ивка категорически заявилъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ остаться, потому что его ждетъ больная мать.

— Ну, ну, Христосъ съ тобой! — проговорила старушка и, взявъ съ собой подростка-внука, проводила слѣпца за деревню.

Ивка быстро зашагалъ по грязной дорогѣ, звучно шлепая босыми ногами по лужамъ. Глядѣвшая ему вслѣдъ старушка удивленно прошептала: — Господи! какъ это онъ?.. тутъ и съ глазами-то, того гляди, на что-нибудь наскочишь! Вишь вѣдь, темнища-то какая!

Но Ивка не замѣчалъ ни осенней ночи, ни дождя, ни грязныхъ лужъ. Онъ бодро и увѣренно шагалъ по серединѣ дороги, ловко скользя палкой по водѣ, образовавшейся въ колеяхъ. Точно и въ самомъ дѣлѣ впереди него катился огненный шаръ, освѣщавшій ему путь. Безчисленное множество неудобствъ и волненій, пережитыхъ имъ во время хожденія съ сумой, въ данную минуту не занимали его. Ему хотѣлось поскорѣй придти къ своей больной матери и порадовать ее. Онъ вскипятитъ горшокъ воды и напоитъ ее теплымъ чаемъ съ ея любимыми кислыми конфектами и бѣлымъ хлѣбомъ... Разсуждая такимъ образомъ, Ивка не шелъ, а летѣлъ. Онъ даже не замѣтилъ, какъ миновалъ лѣсъ.

— Ага! — весело проговорилъ Ивка, ощупавъ палкой глубокую канаву, находившуюся рядомъ съ ихъ развалившейся ригой. Когда онъ шелъ огородомъ, дождь хлынулъ какъ изъ ведра, но Ивка не прибавилъ шагу: „Шалишь!“ — улыбнулся онъ — „мокраго не промочитъ“. Но, вспомнивъ про драгоцѣнныя покупки, которыя могли смокнуть, онъ сморщилъ лицо, глубоко втянулъ голову въ плечи, сгорбился и такъ пустился бѣжать изо всей мочи. На бѣгу онъ необыкновенно высоко поднималъ босыя ноги, производя тяжелые звуки, похожіе на топотъ крупнаго животнаго. Этотъ неуклюжій бѣгъ слѣпца несомнѣнно представлялъ бы для зрячаго любопытное зрѣлище, но это рѣдко кому удается видѣть, потому что слѣпые никогда не развертываются во всю въ присутствіи зрячихъ.

Войдя въ сѣни, Ивка остановился и прислушался. Дождь шумно ударялся о крыши; на деревнѣ перекликались пѣтухи.

„Ого! — подумалъ онъ: — однако, я долго прошатался — до пѣтуховъ!“

Онъ осторожно отворилъ дверь и съ радостнымъ трепетомъ вошелъ въ избу.

— Кто тутъ?—раздался слабый голосъ больной матери.

— Это я,—отвѣтилъ Ивка, протягивая руки къ печуркѣ, гдѣ находились спички.

— Господи!—вздохнула мать.

Ивка молча ощупалъ маленькую лампочку, стоявшую на столѣ, на опрокинутомъ подойникѣ, и ловко зажегъ ее. Затѣмъ онъ снялъ съ себя большую, насквозь пропитанную дождемъ, шапку и бросилъ ее на лавку; та тяжело шлепнулась, и брызги отъ нея разлетѣлись во всѣ стороны.

— Гдѣ ты былъ?—обратилась къ нему мать.—Господи!—воскликнула она, приглядываясь къ сыну:—да съ тебя течетъ...

Ивка улыбался. Онъ осторожно досталъ изъ мѣшка нетронутыя дождемъ покупки и, держа ихъ въ рукахъ, приблизился къ матери.

— Что это?—удивилась та.

Ивка торжественно молчалъ и весь сіялъ отъ удовольствія.

— Гдѣ взялъ?—допытывалась мать.

— Купилъ!—загадочно улыбнулся сынъ.

— А деньги?

— Побирался! — чуть слышно прошепталъ Ивка, и по его сіяющему лицу промелькнула едва замѣтная грустная тѣнь.

— Побирался? — удивилась мать, широко раскрывъ глаза. Затѣмъ она глубоко вздохнула и взволнованнымъ шопотомъ произнесла:—Дорогое дитя! пожалѣлъ больную мать...

Бѣдная женщина не могла говорить. Губы ея дрожали, изъ глазъ брызнули слезы. Она обняла сына и слабо прижала его голову къ своей груди. Ивкѣ пріятно было ощущать теплоту материнской груди, изъ его глазъ обильно текли горячія слезы, но онъ не замѣчалъ ихъ. Душа слѣпого сына на мгновеніе слилась съ душой больной матери, и теплое чувство охватило его. Онъ впервые испытывалъ такое сладостное состояніе. Его мысли были ясны и спокойны, какъ никогда.

„Да, жить стоитъ! — раздавалось въ его душѣ. — Завтра и послѣ-завтра и еще потомъ пойду побираться и куплю муки, пшена и говядины... И каждый день мать будетъ радоваться... О, какъ хорошо!“

А больная, между тѣмъ, не отнимая рукъ съ намоченной дождемъ головы сына, лежавшей у нея на груди, успокоилась и лежала съ открытыми глазами, полными слезъ. Но это были уже не тѣ горькія слезы, какія она проливала всю свою тяжелую жизнь... На душѣ у нея стало чисто и ясно.

Маленькая лампочка тускло освѣщала закопченную, вросшую въ землю, ветхую избенку, съ вывалившимися подоконниками и худыми стеклами. Барабанившій по окнамъ дождь пересталъ; замолкъ и сверчокъ, громко трещавшій за печкой. Все какъ бы нарочно притаилось и затихло, не желая нарушать минутнаго забвенія усталыхъ горемыкъ.

VIII.

Прошло три дня. Положеніе больной замѣтно ухудшилось. Она настолько ослабѣла, что не могла пошевелить ни единымъ членомъ, хотя и не чувствовала никакой боли. Она питалась теперь одной водой, да и то въ маломъ количествѣ.

— Прощай, сынокъ, конецъ подходитъ! — тихо заговорила она, устремивъ свой тусклый взглядъ на слѣпого сына, сидѣвшаго у ея кровати. — Отмаялась я, родимый, пора... Только вотъ тебя-то жаль... вѣдь ты одинъ, какъ былинка въ полѣ, и безъ глазъ...

Голосъ ея дрогнулъ и оборвался. Больная закашлялась отъ подступившихъ къ горлу слезъ. Подъ сердце Ивки что-то подступило и защемило его такъ больно, что онъ едва не вскрикнулъ. Онъ отошелъ отъ кровати и вышелъ въ сѣни. Вытеревъ рукавомъ катившіяся по лицу слезы и съ минуту подумавъ, Ивка снова вошелъ въ избу. Накинувъ на плечи сермягу и взявъ съ печки шапку, онъ опять возвратился въ сѣни. То, что зародилось въ его головѣ вчера, сегодня созрѣло окончательно. Ивка уже былъ, спустя минуту, на сосѣднемъ дворѣ, гдѣ онъ и встрѣтилъ нужную ему старушку.

— Бабушка Домна, — умоляюще обратился онъ къ сосѣдкѣ, — побудь, ради Христа, около матери, подай ей испить, если спроситъ... Я не надолго...

— Куда же ты, кормилецъ? — освѣдомилась старушка, подливая пойло поросенку.

— Надо, бабушка, въ одно мѣсто...

— Ну, иди, родимый, я посижу...

Ивка прошелъ въ заднія ворота сосѣдняго двора и быстро

зашагалъ по направленію гумна. Въ концѣ гумна онъ вспомнилъ, что у него нѣтъ палки, безъ которой рискованно было пускаться въ путь. Онъ круто свернулъ въ сторону и, наткнувшись на старый плетень, выдернулъ изъ него длинный колъ.

Ивкѣ нужно было идти той же дорогой, по которой онъ недавно ходилъ въ Тимки. Поэтому ему необходимо было отыскать ту глубокую канаву, которая находилась рядомъ съ его ригой. Минуты черезъ двѣ, его новая трость нащупала ее, и онъ увѣренно пустился въ путь. Какъ только выбрался онъ на широкую знакомую дорогу, въ его головѣ быстро закружились на время смолкнувшія печальныя мысли. Здоровье больной замѣтно слабѣетъ. Смерть приближается съ каждымъ днемъ, и Ивка это понимаетъ. „Неужели она и впрямь помретъ? — со страхомъ думаетъ онъ. — Какъ же я-то?“ По его членамъ пробѣгалъ морозъ. „Господи! чѣмъ бы ей пособить?“

И вотъ онъ идетъ къ доктору. Онъ упроситъ его, онъ поклонится ему въ ноги, чтобы докторъ пріѣхалъ къ его умирающей матери. „Онъ непремѣнно поможетъ, потому что у него лекарства не деревенскія“... По мнѣнію Ивки, земскій врачъ могъ вылечить всякія болѣзни, чуть ли даже не избавить отъ смерти... на то онъ и докторъ, а не баба-знахарка... „Да, онъ непремѣнно ее вылечитъ... только бы поѣхалъ...“

Разсуждая такимъ образомъ, Ивка бѣжалъ, не чуя подъ собою ногъ. Вдругъ онъ остановился и сильно зашарилъ палкой по всѣмъ направленіямъ.

— Ага, перекрестокъ! — проговорилъ онъ и задумался.

Прямой путь велъ въ Тимки, это Ивка зналъ, но боковыя дороги ему были совершенно незнакомы. Однако онъ вспомнилъ разговоръ матери и другихъ бабъ, что, не доходя съ версту до тимкинскаго лѣса, есть перекрестокъ, отъ котораго, если пойти вправо, пройдешь на выселки, а влѣво — къ березовой рощѣ, а тамъ и хуторъ; гдѣ онъ расположенъ, Ивка не зналъ, но ему не время было считаться съ подробностями. Онъ былъ доволенъ и тѣмъ, что вспомнилъ, въ какую сторону надо было свернуть, чтобы попасть на хуторъ. Ивка быстро шелъ по незнакомой, но ровной и мокрой дорогѣ, удобной для босоногаго пѣшехода-слѣпца. Когда онъ благополучно добрался до березовой рощи, до которой считалось восемь верстъ, то уже совсѣмъ стемнѣло.

Онъ остановился и прислушался. Въ рощѣ было тихо, только верхушки голыхъ деревьевъ чуть слышно колыхались, да въ глубинѣ лѣса глухо раздавался лай собаки.

„Куда идти: прямо ли, около рощи, или влѣво — рощею?“ — разсуждалъ Ивка. „Пойду прямо!“ — рѣшилъ онъ.

Опадавшіе съ деревьевъ листья шумно хрустѣли подъ ногами слѣпца и шаги звучно отдавались въ безмолвной рощѣ. Ивка брелъ медленно. Ему приходилось внимательно прислушиваться и прищупываться, потому что дорога шла ненаѣзженная и плохо замѣтная, да и та сошла на нѣтъ.

Ивка остановился.

„Куда же теперь?“ — спросилъ онъ себя, тревожно шаря палкой вокругъ и не находя даже намека на какой-нибудь хотя бы пѣшеходный путь. Ивка сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и снова остановился. Его палка ничего не нашла, кромѣ двухъ старыхъ пней и небольшой круглой ямы съ водой. Обходя ее кругомъ, босыя ноги слѣпца ощутили подъ собой твердую почву.

„Стой! — обрадовался Ивка: — не стежка ли какая?“

И онъ принялся тщательно ощупывать ногами и палкой землю. Твердая почва, дѣйствительно, оказалась узкой тропинкой, начинавшейся отъ лѣса и идущей куда-то пахотнымъ полемъ.

„Пойду по ней! — рѣшилъ онъ, ощупывая палкой ширину тропинки: — не назадъ же ворочаться“.

Чѣмъ дальше шелъ Ивка, тѣмъ шире и выше становилась тропинка и наконецъ превратилась въ небольшой рубежъ. Пройдя съ полверсты, онъ вдругъ остановился. Длинный колъ, замѣнявшій ему палку, своевременно сообщилъ ему, что рубежъ круто оборвался. Ивка тщательно изслѣдовалъ палкой канаву, глубиною аршина въ три, а шириной аршина въ полтора, на днѣ которой плескалась вода, и онъ ловко ее перепрыгнулъ. Но не прошелъ онъ и двадцати шаговъ, какъ снова остановился. Передъ нимъ уже была не та канава, которую онъ перепрыгнулъ, а какая-то круто обрывающаяся пропасть. Ивка минутъ десять бродилъ по берегу этой пропасти, тамъ и сямъ опуская свой длинный колъ, но все было безуспѣшно: пропасть казалась бездонной. „Что это — рѣка или сухой ровъ? — спрашивалъ онъ себя, не переставая ощупывать палкой: — пожалуй, рѣка, потому что снизу пахнетъ свѣжей сыростью... Однако, какъ бы это узнать? Колъ не достаетъ до дна, спуститься на четверенькахъ — страшно, — что же сдѣлать?.. Стой!“ — обрадовался Ивка и принялся шарить руками по глинистому берегу. Ему подъ руки попался камень фунта въ три, который онъ и пустилъ внизъ, внимательно при этомъ прислушиваясь. Онъ ясно слышалъ, какъ катился камень, то тихо и ровно, то шумно под-

прыгивая, и, наконецъ, какъ онъ звучно бухнулся въ воду.— „Такъ... значитъ—рѣка... Какая же это рѣка и куда идти?“

Ивка сѣлъ на край дороги, спустивъ ноги, и задумался. Онъ помнилъ только, что хуторъ находится за березовой рощей, но не зналъ, далеко ли онъ и въ какой сторонѣ. Идя тропинкой, превратившейся въ рубежъ, онъ надѣялся выбраться на какую-нибудь дорогу, но это ему не удалось. Пересѣкшая ему путь незнакомая рѣка окончательно сбила его съ толку. Онъ не зналъ, что̀ предпринять: воротиться ли назадъ къ лѣсу и отыскать другую дорогу, или пуститься вдоль берега и поискать какого-либо перехода черезъ рѣку. То и другое, по его мнѣнію, не сулило удачи.

Ивка напряженно прислушался, но его чуткій слухъ не могъ уловить ни единаго желаннаго звука. Точно всякая жизнь умерла въ непроницаемомъ мракѣ осенняго вечера. Положеніе было поистинѣ критическимъ, но Ивка не страшился того, что онъ заблудился и не знаетъ, куда идти. Нѣтъ, его пугала мысль,—а ну, какъ онъ пропутается до утра и все же не найдетъ хутора?

„Нѣтъ!—воскликнулъ онъ и вскочилъ на ноги:—я долженъ найти хуторъ, иначе мать умретъ...“

Онъ постоялъ съ минуту въ раздумьи и, разсчитавъ, что Тимки должны остаться въ правой сторонѣ, медленно побрелъ по лѣвому берегу рѣки. „Авось набреду на что-нибудь примѣтное“, — думалъ онъ, внимательно слѣдя за палкой, искусно шарившей впереди.

Долго шелъ онъ наугадъ, спотыкаясь босыми ногами на острые камни и переходя небольшія канавы, наполненныя грязной водой. Вдругъ до его ушей долетѣлъ лай собаки. Онъ остановился и прислушался. Лай снова раздался и смолкъ. Ивка бодро зашагалъ въ томъ направленіи. Отмѣривъ шаговъ двѣсти, онъ остановился, увязнувъ чуть не по колѣни въ тинѣ. Это было болото.

„Этакъ утопнешь“, — прошепталъ Ивка, вытаскивая ноги изъ холодной трясины и становясь на твердую кочку. „Что̀ дѣлать? Вправо—рѣка, подъ ногами—болото, а впереди что̀? Попытаюсь впередъ, авось болото небольшое“...

И онъ осторожно началъ перепрыгивать съ кочки на кочку, держась прямого направленія. Болото, дѣйствительно, оказалось небольшимъ, сплошь усѣяннымъ кочками, а потому было удобно для перехода. Очутившись на ровномъ и твердомъ лугу, онъ остановился и прислушался. Въ эту минуту онъ ощутилъ

на лицѣ струйку какъ бы стѣсненнаго воздуха. Ивка, пошаривъ палкой, рѣшилъ, что впереди стоитъ дерево или что-нибудь еще пошире, и онъ не ошибся: шагахъ въ десяти дѣйствительно стояло не одно дерево, а цѣлый лѣсъ. — „Вотъ тебѣ на!“—пробормоталъ Ивка, быстро ощупывая купу деревьевъ:—„Куда меня занесло!.. ужъ не въ рощу ли опять? Чортъ!“—выругался онъ и крѣпко ударилъ палкой по толстой березѣ, какъ бы срывая на деревѣ зло.

Звукъ гулко пронесся по тихому лѣсу. Эхомъ ему откликнулись двѣ басистыя собаки. Ивка навострилъ уши и сталъ въ оборонительное положеніе, потому что лай собакъ быстро приближался къ нему.

— Цыцъ!—зычно крикнулъ кто-то на освирѣпѣвшихъ собакъ, яростно бросившихся на слѣпого, который, прижавшись къ дереву, стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Кто?—снова раздался строгій голосъ:—Говори!.. У меня ружье...

— Э... это я...—заикаясь, отвѣтилъ Ивка.

— Откуда ты и зачѣмъ тутъ ночью?

— Изъ Лукова... слѣпой...

— Изъ Лукова, говоришь, и слѣпой?—уже другимъ голосомъ проговорилъ лѣсной сторожъ.—Какъ же ты, братецъ, попалъ сюда?.. Молчать!—крикнулъ онъ на ворчавшихъ собакъ и приблизился къ слѣпому.

Ивка пріободрился и разсказалъ, что онъ идетъ на хуторъ, просить доктора, чтобы тотъ пріѣхалъ къ его больной матери.

— Чудакъ!—усмѣхнулся сторожъ.—Какой же докторъ поѣдетъ въ такую поздноту?

— Какой это лѣсъ?—освѣдомился слѣпой.

— Березовая роща... Ты, братъ, отмахалъ верстъ восемь... неужто одинъ?

— Березовая роща...—протянулъ Ивка.

— Неужели, говорю, одинъ шелъ?—допытывался сторожъ.

— Одинъ.

— Да ну! какъ же это: слѣпой и такая темь...

— А далеко отсюда до хутора?—спросилъ Ивка.

— Версты полторы... Да ты, парень, зря... докторъ не поѣдетъ...

— Нѣтъ, поѣдетъ. Упрошу!—настойчиво возразилъ Ивка.

— Ну, ладно, иди... я провожу,—уступилъ сторожъ,—только все же ты зря... Не поѣдетъ.

Ивка молчалъ. Ему было досадно на сторожа, который, во-

преки его упованіямъ, неумолимо доказывалъ неосуществимость его замысла. Сторожъ вывелъ слѣпца на дорогу, ведущую на хуторъ, и предупредилъ, что ему встрѣтится мостъ, по которому идти не надо, а слѣдуетъ свернуть влѣво, не доходя моста. Тамъ дорога пойдетъ въ гору. У входа на хуторъ есть околица, и она теперь незаперта.

Ивка быстро зашагалъ, чувствуя приливъ новыхъ силъ. Этотъ послѣдній путь былъ совершенъ благополучно. Отыскавъ околицу и отворивъ ее, онъ вошелъ въ небольшой хуторъ. Недалеко отъ него стучала колотушка сторожа. На Ивку тотчасъ же набросились собаки. На выручку къ нему подоспѣлъ сторожъ и разогналъ псовъ.

— Куда идешь? — обратился сторожъ къ слѣпому, слегка стуча колотушкой.

— Мнѣ доктора надо,—тихо отвѣтилъ тотъ.

— Доктора?—удивился сторожъ:—ночью-то?

Ивка молчалъ.

— Вонъ его домъ... ступай!—и сторожъ махнулъ рукой, намѣреваясь продолжать свой сторожевой путь.

— Я слѣпой... проводи меня...

— Слѣпой?—проговорилъ сторожъ и остановился.—Откуда ты?

— Изъ Лукова.

— Ого! далеконько!.. Да зачѣмъ тебѣ докторъ?

Ивка молчалъ. Сторожъ проводилъ его до воротъ докторскаго дома и передалъ его встрѣтившемуся работнику доктора.

На дворѣ Ивку обступила дворня и закидала его вопросами. Бѣдному слѣпцу давно опостылѣли эти однообразные разспросы. Ему страшно хотѣлось ругаться, но онъ сдерживался. Богъ вѣсть, чѣмъ бы все это кончилось, еслибы на крыльцѣ не появилась хозяйка.

— Что тамъ такое?—раздался мелодичный голосъ жены доктора, замѣтившей кучку людей.

Двѣ бабы бросились къ хозяйкѣ. Ивка тоже побрелъ за ними.

— Слѣпой?—интересовалась хозяйка.

— Слѣпой, барыня, совсѣмъ слѣпой, — поясняли бабы,—и пришелъ изъ Лукова одинъ.

— Ты что, голубчикъ? — ласково обратилась докторша къ подошедшему Ивкѣ.

Ивка не выдержалъ. Четырехчасовое мытарство съ препятствіями и волненіями дало себя знать: изъ незрячихъ глазъ полились слезы.

— Моя мать умираетъ,—проговорилъ онъ, и голосъ его оборвался.

На крыльцо вышелъ докторъ.

— Въ чемъ дѣло?—обратился онъ къ женѣ.

— Этотъ парень, — тихо сказала она, указавъ глазами на Ивку,—совершенно слѣпой... онъ пришелъ сюда одинъ и, представь: изъ Лукова! Онъ говоритъ, что у него умираетъ мать...

Докторъ пожалъ плечами и, обратившись къ слѣпому, спросилъ:

— Давно ли заболѣла?

— Седьмой мѣсяцъ доходитъ,—отвѣчалъ тотъ все еще сквозь слезы.

— Боже мой! — воскликнулъ врачъ. — Что же раньше не привозили ее сюда?

— У насъ нѣтъ лошади...

— Можно было попросить у кого-нибудь...

— Не даютъ. Все равно, говорятъ, умирать-то ей...

Докторъ снова пожалъ плечами.

— Добрый баринъ, поѣдемъ!.. Ты вылечишь ее!—завопилъ Ивка и бухнулся доктору въ ноги.

— Полно, голубчикъ, встань! — протестовалъ докторъ, но Ивка не вставалъ, продолжая хныкать, уткнувшись лицомъ въ землю.

— Поѣзжай, Володя!—съ нѣжностью въ голосѣ обратилась женщина къ мужу.

— Соня!—возразилъ докторъ:—вѣдь я только-что пріѣхалъ... лошади устали, да и при томъ поздно—одиннадцать часовъ!

— Ахъ, другъ, нельзя не ѣхать, — уже настойчиво произнесла жена.—Онъ такой бѣдный и такъ любитъ мать!

Помолчавъ съ минуту, докторъ распорядился, чтобы закладывали лошадей.

— А ты, голубчикъ,—обратился онъ къ слѣпому, который уже стоялъ на ногахъ и навострилъ уши, — немного подожди... мы поѣдемъ вмѣстѣ...

Что-то теплое, пріятное разлилось по сердцу слѣпца и мигомъ освѣжило его горячую голову. Ему страстно захотѣлось снова кинуться доктору въ ноги и сказать ему много, много хорошихъ словъ, но—увы!—онъ стоялъ неподвижно и молчалъ, точно заколдованный,—такъ сильна была его радость.

Докторъ и слѣпой ѣхали въ тарантасѣ. Ивка помѣстился у ногъ врача и былъ доволенъ, что ѣдетъ вмѣстѣ съ бариномъ. Врачъ, разговаривая съ Ивкой, зажигалъ спичку, какъ бы для

закуриванія, и при свѣтѣ ея внимательно слѣдилъ за лицомъ слѣпца, когда тотъ отвѣчалъ. При каждомъ вспыхиваніи спички его лицо вздрагивало и снова погружалось въ таинственный мракъ. Во время разговора оно морщилось и напрягалось до невѣроятности, будто ему стоило большихъ усилій произнести слово; но когда лицо становилось спокойнымъ, слѣпой какъ бы глубоко смотрѣлъ въ себя и не замѣчалъ окружающаго.

„Дитя тьмы и равнодушія! — мысленно произнесъ докторъ, глядя на сидѣвшаго у его ногъ слѣпца:—все же въ немъ много доброты, хотя голосъ и звучитъ иногда затаеннымъ озлобленіемъ“.

Когда тарантасъ остановился у избы слѣпца, то, спустя минутъ пять, несмотря на поздній часъ, его окружила толпа крестьянъ, удивлявшихся невиданному явленію.

Ивка и докторъ вошли въ избу; двѣ старушки, стоявшія у кровати больной, обезпокоились и низко поклонились барину.

Докторъ взглянулъ на изможденное, спокойное лицо больной, освѣщенное горѣвшей въ головахъ свѣчой, и понялъ, что женщина была мертва. Однако, онъ приблизился къ ней и ощупалъ пульсъ...

— Сію минуту тихо отдала Богу душу,—пояснила старушка, обращаясь къ доктору.

Эти роковыя слова какъ громомъ поразили стоявшаго посреди избы Ивку. Онъ машинально ощупалъ лавку и тяжело опустился на нее. Онъ не заплакалъ и не впалъ въ обморокъ: онъ недвижно сидѣлъ на лавкѣ, положивъ руки на колѣни и немного приподнявъ застывшее въ ужасѣ лицо. Блѣдный свѣтъ тускло горѣвшей лампочки какъ-то таинственно освѣщалъ окаменѣвшаго слѣпца. Въ эту минуту онъ походилъ на изваяніе мертвящаго ужаса.

IX.

Послѣ похоронъ матери Ивка забрался на горячую печку, которую въ этотъ день жарко натопили, и пролежалъ на ней до поздняго вечера.

Сосѣдка Домна, замѣнявшая хозяйку въ домѣ умершей вдовы, хлопотливо убиралась въ избѣ. Ей помогала бобылка Авдотья.

— Слава тебѣ, Господи, — крестилась Домна, убирая со стола посуду,—помянули, какъ слѣдуетъ. „Міръ не безъ добрыхъ людей“... Только вотъ блины перестояли... Надо бы пораньше запечь...

— И, что ты! — возразила Авдотья, облизывая тарелку съ

кутьей:—блины хорошіе. Вонъ у дьячихи намедни блины—сущіе квасцы—въ ротъ не возьмешь... Она и разбавляла, и сахару клала, никакая сила...

— Дюже перекисли,—замѣтила Домна и, вздохнувъ, добавила:—Какъ Богъ приметъ, а Прасковьюшку справили по-христіански... Теперь она, голубушка, высоко, высоко...

— Нѣтъ,—возразила Авдотья,—ея душа еще на землѣ, только послѣ трехъ сутокъ ее поведутъ по мытарствамъ...

— Господи!—всполошилась старуха:—неужто и тамъ по мытарствамъ? Вѣдь она, горюша, всю жизнь мытарилась!

— Нельзя, такъ Господомъ положено,—пояснила Авдотья, хвастаясь своимъ знаніемъ.—Будь святой-разсвятой, а мытарствъ не минуешь. Тамъ все на вѣсы: и грѣхи, и добрыя дѣла. Чего больше, то и потянетъ.

— Вѣстимо, грѣхи есть,—какъ бы про себя проворчала старуха и вдругъ спросила:—А мученья и бѣдность положатся на вѣсы?

Авдотья отвѣтила не сразу. Въ ея умѣ мгновенно промелькнула вся ея проклятущая жизнь, какъ она сама называла ее въ минуту раздраженія. Но ей и въ голову не пришло, что ея нечеловѣческая жизнь даетъ право на снисхожденіе со стороны справедливости.

— Какъ сказать!—вздохнула бобылка, затрудняясь отвѣтомъ:—Мýка наша, точно, большая..

— Охъ, большая!—перебила ее старуха, чувствуя желаніе высказаться.—Хоша бы взять покойницу Прасковью... „Эхъ, говоритъ, Домна, у меня нѣтъ живого мѣста, вся я истерзана, исхрустана... Я, говоритъ, даже Бога ругала... Вотъ какъ легко было!.. Будетъ, говоритъ, помучилась... Пора и на отдыхъ... только вотъ Иву жаль"... Это она мнѣ передъ смертью говорила, а у самой, горюши, слезы...

— Вѣстимо, жаль!—вздохнула Авдотья.—Куда онъ одинъ-то?..

Домна пугливо поглядѣла на печку, гдѣ лежалъ Ивка.

— Онъ спитъ!—успокоила ее Авдотья.

Но Ивка не спалъ. Въ его умѣ неотступно стояла умершая мать и, какъ молотомъ, стучалъ неразрѣшимый вопросъ: что ему дѣлать? Бѣдняга изнемогалъ и терялъ голову. Онъ и раньше думалъ о своей тяжелой судьбѣ, но какъ-то по другому... Теперь же, когда умерла мать, будущее предстало передъ нимъ въ яркомъ, неотразимомъ свѣтѣ. Ему казалось, что онъ находится въ каменномъ мѣшкѣ, стѣны котораго все плотнѣе прижимаются къ его тѣлу. „Что дальше?"—настойчиво звучало

въ его умѣ. Холодный трепетъ пробѣгалъ по его тѣлу и въ то же время потъ градомъ катился съ его лица. Голова горѣла... въ вискахъ стучало... Но онъ этого не замѣчалъ и продолжалъ неподвижно лежать на горячей печкѣ, погруженный въ тяжелыя думы. Только поздно вечеромъ Ивка пришелъ въ себя. Онъ свѣсилъ съ печки голову и попросилъ пить.

Дремавшая за столомъ Домна не слыхала окрика и продолжала тыкаться носомъ. Авдотьи уже не было.

Ивка прислушался къ сопѣнію старухи и быстро соскочилъ съ печки.

Домна очнулась и проворно встала на ноги, зацѣпивъ за столъ. Тускло мерцавшая лампочка, стоявшая посреди стола на опрокинутомъ горшкѣ, закачалась во всѣ стороны и едва не упала. Старуха ее поддержала.

— Тьфу, какъ разморило! — сердито проворчала Домна и, обращаясь къ стоявшему среди хаты Ивкѣ, ласково проговорила:

— Проснулся, касатикъ? А я не будила тебя... думаю — пущай поспитъ! Ты бы, родимый, умылся... А то, ишь, какой потный... Вѣстимо, на печкѣ жарко...

Ивка молча нащупалъ ведро съ водой и жадно припалъ къ нему.

— Садись, касатикъ,—заботливо говорила сосѣдка, — я соберу тебѣ поѣсть, а то вѣдь ты совсѣмъ голодный! Безъ ѣды, родной, да безъ сна человѣку нельзя.

Ивка хлебнулъ немного щей и отодвинулъ отъ себя кашу.

— А мясца-то? кашки, али блинка съ медкомъ?..—подчивала добрая старуха.

Ивка отказался. Онъ облокотился на столъ и глубоко задумался. Домна участливо поглядѣла на измученное лицо слѣпца и задумчиво вздохнула. — „Господи, Господи!..“ —Ей хотѣлось ободрить круглаго сироту, но чѣмъ? Она хорошо знала, что Ивкѣ осталось только одно: сума да палка. Однако старушка попыталась утѣшить его:

— Ты, Ивка, не убивайся, —робко заговорила она, убирая со стола:—Богъ не безъ милости. Пуще всего въ тоску не вдавайся. А то неровенъ часъ... Боже, упаси!..

Но Ивка врядъ-ли слушалъ свою утѣшительницу. Въ его мозгу властно копошилась неразрѣшимая мысль, поглотившая все его существо.

— Задумываться тоже не надо, —замѣтила Домна, видя, что ея собесѣдникъ упорно молчитъ, и сейчасъ же добавила со вздохомъ:

— Эхъ, не то ему нужно!.. Я съ тобой ночую, — перемѣнила она разговоръ, — а то одному-то боязно!

— Нѣтъ, я одинъ!—энергично запротестовалъ Ивка и даже вылѣзъ изъ-за стола. — Ступай домой, я не боюсь! — добавилъ онъ почти сердито.

— Что съ нимъ?—опѣшила старуха.—Ужъ не серчаетъ ли?

А Ивка между тѣмъ тяжело протопалъ босыми ногами по грязному полу и сѣлъ на приступокъ у печки. Ему страстно хотѣлось остаться одному въ эту ночь и подумать на просторѣ, но онъ не зналъ, какъ объяснить это доброй сосѣдкѣ.

А та внимательно слѣдила за нимъ и сочувственно думала: „Это онъ, несчастный, съ горя бѣсится... Ему, пожалуй, и впрямь одному вольготнѣе".

— Я пойду...—объявила она вслухъ, направляясь къ двери.

Ивка встрепенулся и въ два прыжка очутился около доброй сосѣдки.

— Спасибо, бабушка Домна, — скороговоркой проговорилъ онъ и порывисто поцѣловалъ ее въ щеку.

— И, родимый, за что!..—растроганно пробормотала старушка, часто заморгавъ глазами, въ которыхъ блестѣли слезы.— Я завтра понавѣдаюсь... Спи съ Богомъ!..—сказала она, затворяя за собой дверь.

Ивка слышалъ, какъ хлопнула сѣнная дверь, загремѣвшая щеколдой, и какъ Домна зашлепала по грязнымъ лужамъ, придерживаясь рукой за стѣну избы. А затѣмъ все стихло... Онъ постоялъ еще немного, какъ бы не зная, что̀ дѣлать, и вдругъ сорвался съ мѣста. Ощупавъ жестяную, облитую керосиномъ лампочку, онъ удачно погасилъ ее. Ивка любилъ темноту, скрывавшую его отъ любопытныхъ глазъ, а потому и поспѣшилъ первымъ долгомъ потушить огонь. Онъ вытеръ запачканныя керосиномъ руки о всклокоченную голову и сѣлъ на лавку.

Въ избѣ было тихо и темно, какъ въ могилѣ; даже сверчокъ не трещалъ. Только за окнами гудѣлъ осенній вѣтеръ, изрѣдка ударяя въ худыя, дребезжавшія стекла. Но Ивка былъ далекъ отъ всего того, что̀ происходило за стѣнами. Его вниманіе было сосредоточено внутри избы. Онъ сидѣлъ на лавкѣ и прислушивался къ тишинѣ. Ему казалось, что онъ не одинъ: стоило только подойти къ дощатой кровати, и онъ непремѣнно ощупаетъ на ней свою мать. Вѣдь она всегда лежала тамъ и молчала, какъ и теперь... Въ то же время онъ мысленно ощупывалъ костлявую и холодную мать, лежавшую подъ иконами въ гробу... А затѣмъ попы, народъ, церковь и, наконецъ, могила... Въ нее опустили гробъ. Онъ ударился обо что-то и остановился... на гробъ посыпалась земля: ту-ту-ту: ...Кто-то плакалъ... ему ска-

зали, чтобы онъ бросилъ на гробъ горсть земли, но онъ стоялъ на рыхлой почвѣ и не двигался съ мѣста. Ему хотѣлось, онъ даже рѣшилъ, броситься въ могилу, чтобы никогда не разставаться съ дорогой матерью. Да, онъ хотѣлъ этого всѣми силами, но вышло совсѣмъ иное: онъ бросился отъ могилы, какъ сумасшедшій, и побѣжалъ по кладбищу, ударяясь о кресты и падая на камни.

Эти свѣжія воспоминанія взволновали слѣпца. Онъ всталъ съ лавки и быстро заходилъ босыми ногами по грязному полу. Покружившись минуты три, онъ снова сѣлъ.

„Нѣтъ матери!"—громко прозвучало въ его умѣ.

Ивка даже вздрогнулъ. Ему показалось, что эти роковыя слова сказаны кѣмъ-то постороннимъ. Но это было мгновенье.— „Да, ея нѣтъ!"—уже твердо и сознательно прошепталъ онъ и задумался. Вдругъ онъ встрепенулся и сталъ прислушиваться. Ему показалось, что въ заднемъ углу, гдѣ лежала его больная мать, кто-то шевелится и дышитъ. Но онъ не испугался, а напротивъ, обрадовался.

„Это она!"—мелькнуло въ его разгоряченномъ воображеніи. Но другая неотразимая мысль тутъ же отрезвила его:—„Мать умерла и лежитъ въ гробу", — съ болью въ сердцѣ подумалъ онъ и снова закружился по избѣ. Зацѣпивъ колѣнкой за кровать, онъ остановился и снова насторожился. Но онъ и самъ не зналъ, зачѣмъ онъ остановился и къ чему прислушивается. Онъ машинально опустился на кровать и такъ же безотчетно пошарилъ по ней руками. Разумѣется, его щупальцы ничего не осязали, кромѣ голыхъ старыхъ досокъ. Этотъ неотразимый фактъ окончательно отрезвилъ его.

„Стало быть, взаправду ея нѣтъ!" — простоналъ Ивка, безпомощно склонивъ голову. Горькое чувство защемило ему сердце. Мысли вихремъ закружились въ его горячей головѣ. Давно ли его мать лежала на этихъ доскахъ? Правда, она была больная, очень больная.. Но все-таки она была съ нимъ и своимъ присутствіемъ наполняла его одинокую душу. И вотъ ея нѣтъ. Ивку душили слезы. Онъ соскочилъ съ кровати и зашагалъ по избѣ, но ноги его не слушались и во всѣхъ членахъ была сильная слабость. Онъ принужденъ былъ сѣсть.

„Какъ жить?" — само собой возникло въ его умѣ. И будущее мгновенно предстало передъ нимъ грозно и неотразимо.— „Побираться!"—шепнулъ ему кто-то на ухо и сунулъ въ руки грубую суму... Онъ мысленно ощупалъ ее и съ отвращеніемъ отбросилъ отъ себя... Но сума снова очутилась въ его рукахъ, и онъ опять ощупалъ ее и снова бросилъ... „Господи!"—просто-

налъ Ивка, чувствуя ненависть къ нищенству и въ то же время зная, что сумы ему не миновать. Онъ задыхался отъ волненія и терялъ самообладаніе.—„Удавиться!"—неожиданно раздалось въ его душѣ. Этотъ страшный и знакомый Ивкѣ голосъ не испугалъ его; онъ внимательно прислушался къ нему и въ то же время ощутилъ тяжелое прикосновеніе того каменнаго мѣшка, который недавно давилъ его на печкѣ.

„Души, дави!" — скрежеталъ онъ зубами въ какомъ-то мучительномъ остервенѣніи, наполовину не сознавая, что съ нимъ.

Тяжелое горе и долгая безсонница въ конецъ надорвали бѣднаго слѣпца. Онъ безпомощно повалился на лавку и впалъ въ тяжелое забытье.

Осенняя ночь заботливо одѣла Ивку своимъ темнымъ покровомъ. А барабанившій въ окно дождь убаюкалъ его своимъ однообразнымъ тукъ-тукъ-тукъ...

Рано утромъ къ нему заглянула сосѣдка-Домна и замерла на мѣстѣ. На грязномъ полу, лицомъ вверхъ, лежалъ измученный Ивка и громко бредилъ. Онъ находился какъ разъ противъ лавки, съ которой, вѣроятно, упалъ.

— Что съ тобой, родимый? — испуганно лепетала старуха, придерживая больного, который силился подняться.

— Мама, не умирай!.. Миленькая, погоди!—метался Ивка, протягивая руки впередъ.

Его голосъ обрывался и снова плакалъ.

— Мама!.. мама!..

— Ахъ, ты, Господи!—растерянно бормотала старуха.—Ужъ не горячка ли съ нимъ?

Она приложила обѣ руки къ пылавшей головѣ слѣпца и ужаснулась.

— Батюшки! огонь-огнемъ!.. Она, дрянная!..

И добрая старушка засуетилась, не зная, что предпринять.

Больного Ивку въ тотъ же день отвезли въ земскую больницу, гдѣ онъ быстро поправился. О дальнѣйшей его судьбѣ позаботился молодой земскій врачъ, тотъ самый, котораго съ такимъ трудомъ разыскивалъ Ивка для своей больной матери. Докторъ устроилъ его въ пріютъ для неизлечимыхъ слѣпыхъ, только-что открывшійся въ ихъ губернскомъ городѣ. Богъ вѣсть, что ожидаетъ нашего горемыку-Ивку. Но тамъ, куда онъ водворенъ,—уже другая жизнь и иная психологія...

Всеволодъ Рязанцевъ.

ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ

И

ЕГО ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА

ОЧЕРКЪ.

Кто не знаетъ имени Херсонеса? Кто не слыхалъ про этотъ полный интереса уголокъ, о которомъ первое слово сказалъ миѳъ и куда первый лучъ исторіи заглянулъ въ то отдаленное время, когда остальная часть нашей родины не была извѣстна народамъ и по названію?

Въ этомъ уголкѣ—развалины древняго, богатаго и нѣкогда славнаго города, и, разрывая ихъ, кирка археолога обнажаетъ предъ вами культуру трехъ великихъ эпохъ—греческой, римской и византійской, судьбы которыхъ пережилъ и отразилъ на себѣ Херсонесъ, сохранивъ въ своихъ нѣдрахъ цѣнные остатки каждой изъ нихъ. Здѣсь наши богатѣйшія археологическія копи, изъ которыхъ изыскатель щедрой рукой снабжаетъ отечественные музеи сокровищами древняго искусства и греко-римской эпиграфики. Среди развалинъ и раскопокъ Херсонеса ясно видишь, какъ помощью кирки и лопаты возстанавливается прошлое городовъ и народовъ. Здѣсь научаешься понимать и цѣнить археологію, которая сумѣла поднять уголъ завѣсы, скрывавшей отъ насъ, казалось, разъ навсегда далекое прошлое.

Здѣсь среди этихъ развалинъ поучались наши самые отдаленные предки—скиѳы, усвоивали себѣ культуру Греціи, Рима, Византіи и въ то же время безпрерывно боролись съ своими учителями противъ ихъ смѣлыхъ захватовъ. Здѣсь же равноапо-

стольный Кириллъ впервые открылъ „русскія письмена“ и впервые увидѣли свѣтъ русское евангеліе и псалтырь.

Въ этомъ уголкѣ нѣкогда журчалъ живой источникъ нашего обновленія, изъ котораго широкой рѣкой полилось на Русь и христіанство, и просвѣщеніе; здѣсь крестился Владиміръ Красное Солнышко; здѣсь же—грандіознѣйшій памятникъ этого знаменательнаго въ русской исторіи событія.

Сюда-то, лѣтъ пятнадцать назадъ, завела меня судьба и на много лѣтъ поселила рядомъ съ Херсонесомъ. Проходя въ первый разъ по узкимъ улицамъ раскопокъ и разсматривая находки бывшаго города, я невольно заинтересовался его прошлой судьбой. Быстро были прочитаны краткія свѣдѣнія изъ путеводителей и уже по тому времени устарѣвшія описанія Ливанова и Мансвѣтова, только раздразнившія любознательность, а за ними—серьезныя изслѣдованія Кене, Уварова, Аркаса, Кондакова и другихъ, которые уже побудили внимательно заняться исторіей и археологіей Херсонеса.

Благодаря тщательно составленнымъ сборникамъ академика Латышева, легко было познакомиться съ болѣе интересными страницами изъ Геродота, Страбона, Овидія, Плинія и другихъ классиковъ древности, писавшихъ или упоминавшихъ о Херсонесѣ; благодаря „Запискамъ Одесскаго общества исторіи и древностей“, также легко было познакомиться съ византійскими хрониками и средневѣковыми легендами, повѣствовавшими о Херсонесѣ и о проповѣдывавшихъ въ немъ и пострадавшихъ ревнителяхъ христіанской церкви... Внимательно перечитаны соотвѣтствующіе фоліанты императорской археографической коммиссіи и обширныя изслѣдованія Латышева, Юргевича, Васильевскаго, Бертье-Делагарда, Кулаковскаго и многихъ другихъ, вплоть до идеально точныхъ и обстоятельныхъ отчетовъ завѣдующаго херсонесскими раскопками г. Косцюшко-Валюжинича. Вмѣстѣ съ тѣмъ были осмотрѣны мной древности Херсонеса, хранящіяся тамъ же, въ Эрмитажѣ, въ московскомъ Историческомъ музеѣ и музеѣ „Одесскаго общества исторіи“. Кромѣ того, за пятнадцать лѣтъ раскопки Херсонеса проходили на моихъ глазахъ, и, благодаря любезности К. К. Косцюшко-Валюжинича, я могъ своевременно осмотрѣть все добытое кропотливымъ трудомъ археолога и получить необходимыя поясненія. Такимъ образомъ годами накопилась масса свѣдѣній и замѣтокъ, которыми я счелъ тѣмъ болѣе необходимымъ подѣлиться съ другими, что Херсонесъ, имѣя богатѣйшій монографическій и археологическій матеріалъ и представляя громадный интересъ для туристовъ, выражающійся еже-

годно многими тысячами посѣтителей его раскопокъ и музея, не имѣетъ систематическаго описанія, которое стояло бы на уровнѣ современныхъ знаній и удовлетворяло бы спросу широкаго круга. Странно, что наши духовныя академіи до сихъ поръ не обратили никакого вниманія на это священное для каждаго христіанина мѣсто; великій ихъ грѣхъ—такое молчанье. Безъ сомнѣнія, за предѣлами нашей родины мѣсто, подобное Херсонесу, имѣло бы цѣлую популярную литературу и рядъ богато иллюстрированныхъ изданій. Настоящій очеркъ имѣетъ цѣлью хотя отчасти пополнить этотъ пробѣлъ.

I.

Исторія мѣстности, которую занималъ Херсонесъ съ его владѣніями, такъ же стара, какъ и человѣчество. Первые нѣмые свидѣтели появленія человѣка въ этихъ мѣстахъ—каменные наконечники стрѣлъ, головки такихъ же молотковъ съ отверстіями для рукоятокъ, подобіе кремневыхъ ножей, долота, обломки топора и другіе остатки каменнаго вѣка, найденные въ окрестностяхъ Херсонеса и бережливо заключенные въ витрину мѣстнаго музея.

Сколько вѣковъ протекло отъ этихъ остатковъ древнѣйшей культуры до начала исторіи Херсонеса?—Кто знаетъ?!

Первыя свѣдѣнія о немъ начинаются поэтическимъ и полнымъ трагизма миѳомъ объ Ифигеніи въ Тавридѣ, — миѳомъ, который вдохновилъ двухъ величайшихъ драматурговъ древняго и новаго міра—Эврипида и Гёте.

Тѣмъ, кто забылъ этотъ миѳъ или кому не случилось прочесть „Ифигенію въ Тавридѣ“, напомнимъ его, хотя въ нѣсколькихъ словахъ.

При началѣ троянской войны союзный флотъ и войско Эллады во главѣ съ царемъ Арголиды Агамемнономъ готовы отплыть, но ихъ задерживаетъ полное затишье. Нетерпѣливые греки обращаются къ оракулу и просятъ объяснить причину затишья. Оракулъ устами главнаго жреца Калхаса вѣщаетъ военачальникамъ, что причина безвѣтрія — месть Артемиды (Діаны) за то, что Агамемнонъ убилъ священную лань въ ея заповѣдной рощѣ. И умилостивить гнѣвъ оскорбленной богини можно только цѣной человѣческой жертвы изъ рода виновника.

У Агамемнона была дочь, красавица Ифигенія, невѣста быстроногаго Ахилла; ее-то и предстояло положить на алтарь

разгнѣванной богини. Жертва была черезчуръ тяжела; однако Агамемнонъ покорился велѣнію оракула, и хитроумному Одиссею цари поручили заманить Ифигенію въ лагерь, чтобы тамъ въ виду всѣхъ принести ее въ жертву. Ифигенія уже стояла у жертвенника; оставалось занести ножъ и пролить невинную кровь,—какъ вдругъ появляется Ахиллъ, вырываетъ Ифигенію изъ рукъ жрецовъ, передаетъ союзнику грековъ, царю тавровъ Тоасу, и проситъ его отправить невѣсту въ далекую Тавриду, гдѣ Тоасъ незадолго предъ тѣмъ воцарился. Здѣсь Ифигенія, какъ посвященная богинѣ, сдѣлалась главной жрицей храма Діаны, которую также чтило мѣстное племя.

Проходятъ годы; троянцы упорно сопротивляются; герои-цари уже теряютъ терпѣніе подъ стѣнами многострадальнаго Иліона и ждутъ его сдачи; уже интрига устранила отъ командованія Агамемнона, и онъ удалился въ родныя Микены, какъ въ лагерь союзниковъ приходитъ вѣсть, что жена Агамемнона, Клитемнестра, несмотря на свои почтенные годы, влюбилась въ молодого Эгиста и, желая возвести его на престолъ, умертвила возвратившагося съ войны мужа.

Поступокъ возмутилъ его сына, Ореста, и онъ въ припадкѣ гнѣва убиваетъ и мать, и любовника. Но когда прошелъ первый пылъ, угрызенія совѣсти начинаютъ мучить юношу. Не зная, какъ избавиться отъ душевныхъ страданій, Орестъ вопрошаетъ оракула: ка́къ быть? Тотъ въ искупленіе назначаетъ ему отправиться въ Тавриду, привезти оттуда сестру и одновременно захватить статую богини Діаны и принести ее въ даръ аѳинскому народу. Орестъ готовъ исполнить совѣтъ оракула и вмѣстѣ съ другомъ своимъ Пиладомъ отправляется въ далекій, малоизвѣстный край на поиски сестры. Буря выбрасываетъ друзей у мыса Дѣвы [1]), недалеко отъ стоящаго у обрыва храма Діаны. Стража ловитъ смѣльчаковъ, и по обычаямъ страны, какъ чужеземцевъ, ихъ готовятся принести въ жертву. Уже головы плѣнниковъ посыпаны солью. Ифигенія, какъ главная жрица, въ храмѣ ждетъ свои жертвы, и хоръ младшихъ жрицъ поетъ напутственный въ царство Аида гимнъ; остается произнести послѣднее заклинаніе и занести ножъ, чтобы дымящейся кровью оросить жертвенникъ жестокой богини,—какъ вдругъ въ чужеземцахъ Ифигенія узнаетъ брата и его друга, и ее охватываетъ мысль спасти несчастныхъ и самой бѣжать изъ скучнаго плѣна. Но какъ уйти

---

[1]) Нынѣ — Ѳеолентъ, что у Георгіевскаго монастыря. Въ 10 верстахъ отъ Севастополя.

отъ зоркаго глаза жрицъ и прислужницъ? И здѣсь пускается въ ходъ самое сильное женское средство—хитрость. Ифигенія останавливаетъ обрядъ жертвоприношенія, такъ какъ обреченные еще на родинѣ осквернили себя ужаснымъ злодѣяніемъ, почему предварительно необходимо совершить обрядъ очищенія надъ плѣнниками, статую богини омыть въ чистыхъ водахъ Эвксинскаго Понта, а храмъ окурить благовонными факелами. Но во избѣжаніе оскверненія пусть никто не выходитъ изъ своихъ покоевъ, пока у моря будетъ совершаться обрядъ очищенія. Хитрость удается. У берега заговорщиковъ ожидаетъ судно и пятьдесятъ дюжихъ гребцовъ. Минута... и они разсѣкаютъ волны по пути въ родную Элладу.—Здѣсь оканчивается миѳъ, но вы чувствуете, что онъ переплетается съ какой-то правдой. Пусть это миѳъ, но вотъ что пишетъ Геродотъ (V-й в. до Р. Х.): „Тавры... приносятъ въ жертву Дѣвѣ-богинѣ всѣхъ потерпѣвшихъ крушеніе и всѣхъ эллиновъ, какихъ захватятъ въ открытомъ морѣ. Пойманныхъ освящаютъ, какъ жертву, бьютъ палицей по головѣ, отрѣзываютъ ее, насаживаютъ на колъ у храма, а тѣло сбрасываютъ съ крутизны въ море, такъ какъ храмъ стоитъ у обрыва. Богиню, которой приносятъ жертву сами тавры, называютъ Ифигеніей, дочерью Агамемнона. Съ попавшими въ ихъ руки врагами тавры поступаютъ такъ же, только голову уносятъ домой и, воткнувъ ее на длинный шестъ, ставятъ высоко надъ домомъ. Они называютъ эти головы стражами дома. Живутъ тавры грабежомъ и войной“.

Прошло пять вѣковъ, и Овидій въ грустныхъ „Посланіяхъ съ Понта“, со словъ старика скиѳа, передаетъ слѣдующее: „Есть въ Скиѳіи мѣстность,—повѣдалъ старикъ,—которую предки назвали Тавридою и которая не такъ далеко отстоитъ отъ гетской земли. Я родился въ этой странѣ и не стыжусь своей родины. Наше племя чтитъ родственную Солнцу богиню. Еще и нынѣ стоитъ ея храмъ, опирающійся на огромныя колонны; къ нему ведетъ сорокъ ступеней. Преданье гласитъ, что тамъ былъ ниспосланный съ неба кумиръ. И, вѣрь мнѣ, еще и нынѣ стоитъ тамъ подножье, лишенное кумира (статуи) богини. Алтарь, который былъ изъ бѣлаго камня, теперь покраснѣлъ отъ пролитой крови. Священнодѣйствіе совершаетъ жрица, не знавшая брачнаго факела и превосходившая скиѳскихъ женщинъ знатностью рода. Тамъ царствовалъ Тоасъ, славный на Меотійскомъ побережьи, и не было на эвксинскихъ водахъ человѣка извѣстнѣе его. Въ его царствованіе, говорятъ, нѣкая Ифигенія прибыла сюда по прозрачному воздуху, и самъ Фебъ осторожно спустилъ ее на землю

въ этихъ мѣстахъ". И старикъ повторилъ все сказаніе объ Ифигеніи, хорошо намъ извѣстное, — и здѣсь миѳъ и правда очевидцаскиѳа тѣсно сплелись. Несомнѣнно храмъ былъ и приносились въ немъ человѣческія жертвы.

Неподалеку отъ этого храма, на юго-западномъ берегу Таврическаго полуострова, у одной изъ многочисленныхъ бухтъ, изрѣзывающихъ эти берега, поселились кучка выходцевъ изъ греческаго города Гераклеи Понтійской [1]). Поселенцы новое мѣстожительство назвали Херсонесомъ, т.-е. полуостровомъ, а сами стали называться „херсонаситами", каковыя названія и утвердились временемъ; а въ отличіе отъ соименныхъ городовъ у Кимвровъ и Ѳракіи историки часто называли этотъ Херсонесъ Таврическимъ.

Переселеніе совершилось не позднѣе VI в. до Р. Хр.; за это говоритъ первое точное свѣдѣніе о Херсонесѣ, которое мы встрѣчаемъ у греческаго географа Скилакса, предпринявшаго, около 508 г., по порученію персидскаго царя Дарія Гистапса, большое путешествіе и составившаго описаніе его. По словамъ Скилакса, „за скиѳской землей — народъ тавры; заселяютъ они мысъ материка; мысъ этотъ вдается въ море. Въ таврической землѣ живутъ эллины (у которыхъ слѣдующіе города): торговый городъ Херсонесъ, мысъ таврической земли — Бараній-лобъ [2]). Затѣмъ опять живутъ скиѳы, въ землѣ которыхъ эллинскіе города: Ѳеодосія, Китея, Нимфея, Пантикапей, Мирмикій". — Какъ видно, уже въ то отдаленное время греки густо заселяли берега Тавриды.

II.

Что̀ привело поселенцевъ въ этотъ негостепріимный край, гдѣ каждую минуту приходилось опасаться не только за имущество, но и за жизнь? Были ли это недовольные порядками и тѣснотой своей родины, какъ полагаютъ одни; или это были остатки полковъ Дарія, который ходилъ на скиѳовъ (552—486) и въ войскахъ котораго было много малоазійскихъ грековъ и имъ полюбилась эта мѣстность. Кто скажетъ теперь?

Судя по словамъ греческаго географа I-го в., Страбона, что кромѣ извѣстнаго намъ Херсонеса, лежащаго у бухты того же

---

[1]) Нынѣ турецкое мѣстечко Пендерекли на малоазійскомъ берегу между Синопомъ и Скутари.

[2]) Нынѣ—Аюдагъ.

названія, въ его время недалеко отъ Херсонесскаго мыса, приблизительно у нынѣшней Казачьей бухты, находились развалины „древняго" Херсонеса, а за нимъ бухта съ узкимъ ходомъ, называемая Симболонъ Symbolon) [1]), можно думать, что колонисты вначалѣ поселились именно здѣсь, у Казачьей бухты, но, тѣснимые тавро-скиѳами, вынуждены были перейти на мѣсто современнаго Херсонеса, хорошо защищеннаго съ моря обрывистыми берегами, а съ суши—крутыми балками; къ тому же эта мѣстность представляла собой мысъ, который легко было перерѣзать стѣной,—въ то время какъ мѣстность „стараго" Херсонеса у Казачьей бухты спускалась прямо къ морю и была совершенно открытою.

По предложенію извѣстнаго знатока Херсонеса и его древностей, инженера Бертье-Делагарда, на средства археологической коммиссіи, въ 1890 г., у самой Казачьей бухты, „въ мѣстности, покрытой нетронутымъ материкомъ желто-красной глины и какъ свойствомъ, такъ и общимъ видомъ ничѣмъ не отличавшейся отъ окружавшаго поля, которое ровно ничего не говорило о быломъ этого мѣста, были начаты скромныхъ размѣровъ раскопки, которыя на первыхъ же порахъ дали далеко болѣе, чѣмъ ожидали. Найдены фундаменты двухъ стѣнъ,—одной изъ нихъ съ башнями. Найдены несомнѣнные остатки древне-эллинскаго города, какъ-то: фундаменты, монеты, черепки посуды... Причемъ все найденное принадлежитъ исключительно древне-языческому періоду и — ни малѣйшихъ слѣдовъ христіанскаго времени". Первыя же раскопки открыли стѣны маленькаго храмика, въ которомъ оказался жертвенникъ изъ трехъ плитъ въ видѣ маленькаго столика. На верхней плитѣ—древне-греческая надпись: „ДIONIC". За жертвенникомъ — пьедесталъ для статуэтки бога, составленный изъ кусковъ, взятыхъ отъ другихъ зданій, конечно еще болѣе древняго происхожденія.

Находки эти одно время дали поводъ думать, что богатый древній классическій Херсонесъ находился именно здѣсь, и что намъ достались въ удѣлъ жалкіе остатки бѣднаго византійскаго городка того же имени. Однако основатель этой теоріи, Бертье-Делагардъ скоро самъ отказался отъ нея.

Когда произошло переселеніе—пока точно не установлено, однако, судя по археологическимъ находкамъ,—не позднѣе IV в.; но скорѣе всего въ началѣ V в., такъ какъ трудно предполо-

---

[1]) Нынѣ—Балаклава.

жить, чтобы колонисты долго держались въ столь неудобномъ и мало защищенномъ мѣстѣ, какъ глубь Казачьей бухты.

Трудно приходилось поселенцамъ первые годы: немало потрачено силъ на борьбу съ природой, болѣе суровой, чѣмъ на ихъ теплой и привѣтливой родинѣ. Кромѣ того, надо было оросить безводную мѣстность, а городъ снадбить въ достаточной мѣрѣ питьевой водой. Но главное — постоянно быть наготовѣ для отраженія окружающихъ варваровъ. Мы уже видѣли, каковы были тавры; но „не лучше ихъ,—говоритъ Геродотъ,—были и ближайшіе ихъ сосѣди—скиѳы. Скиѳъ пьетъ кровь перваго убитаго имъ врага, а головы всѣхъ убитыхъ въ сраженіи относитъ къ царю; потому что только принесшій голову получаетъ долю захваченной добычи. Съ головы убитаго скиѳъ сдираетъ кожу, надрѣзавъ ее вокругъ до ушей. Затѣмъ, очистивъ скальпъ бычачьимъ ребромъ, привязываетъ къ уздѣ коня, на которомъ ѣздитъ, и гордится этимъ; ибо тотъ, кто имѣетъ наибольшее число скальповъ, считается самымъ доблестнымъ мужемъ.— Многіе скиѳы изъ содранныхъ кожъ человѣка, сшивъ ихъ, какъ козьи шкурки, дѣлаютъ себѣ плащи; другіе сдираютъ кожу съ рукъ вмѣстѣ съ ногтями и дѣлаютъ изъ нея покрышки для колчановъ".—Таковы были сосѣди херсонитянъ.

III.

Тавры, исторія которыхъ памъ неизвѣстна, вскорѣ послѣ поселенія гераклейцевъ въ Тавридѣ, исчезаютъ съ исторической сцены, оставивъ полуострову только свое имя, которое одни производятъ отъ греческаго таурос (быкъ), другіе—отъ тафросъ—ровъ, выкопанная пещера,—что не покажется страннымъ, если припомнить, сколько пещеръ и пещерныхъ городовъ разсѣяно по гористой части Крыма. Да и многіе греческіе писатели называютъ этотъ народъ thafrioi (тафріои). Ихъ мѣсто скоро заняли скиѳы, съ которыми Херсонесъ въ теченіе столѣтій ведетъ непрестанную борьбу. Поэтому интересно знать: что за народъ скиѳы? Этимъ именемъ (skythoi) древніе греки называли племена, обитавшія по берегамъ Чернаго моря и далеко на сѣверъ, занимая обширную площадь отъ Урала до Рейна и отъ Чернаго моря до Балтійскаго. Сами же себя скиѳы называли сколотами. Въ половинѣ V-го в. до Р. Хр., во времена Геродота, скиѳы имѣли одну религію, одинаковые нравы и обычаи, говорили однимъ языкомъ, составляя одинъ этнографическій типъ, но уже готовый раздѣ-

литься на осѣдлыхъ и кочевниковъ. Туманное преданіе гласитъ, что эти племена пришли въ Европу изъ Азіи, и на этомъ основаніи скиѳовъ считали монголами. „Однако, — говоритъ проф. Самоквасовъ,—археологическія изысканія послѣднихъ десятилѣтій, масса разрытыхъ скиѳскихъ могилъ IV-го и III-го в. до Р. Хр., а въ нихъ сосуды, монеты, бляхи, перстни и другіе предметы съ художественными изображеніями скиѳовъ, передающими черты ихъ наружности до малѣйшихъ подробностей, показываютъ, что у скиѳовъ были волосы густые, лобъ высокій, глаза открытые, прямо поставленные, носъ узкій и прямой". „Скиѳская форма лицевыхъ костей,—говорить академ. Бэръ, —не представляетъ ничего монгольскаго. Носъ у скиѳскихъ череповъ высокъ и узокъ (у монголовъ плоскій и широкій); нѣтъ сильно выдающихся скулъ, и мѣста прикрѣпленія височныхъ мускуловъ далѣе отстоятъ отъ средней темянной линіи, чѣмъ у монголовъ. Остатки языка и миѳологія также показываютъ, что скиѳы—чистые арійцы, или, какъ принято называть ихъ въ филологіи—индоевропейцы".

„Среди скиѳскихъ племенъ особенно хорошо были извѣстны древнимъ массагеты и сарматы, а среди нихъ задолго до Р. Хр. было извѣстно обширное племя роксоланъ или россоланъ. Они, какъ можно думать, принимали участіе въ походахъ противъ знаменитаго Митридата, и были разбиты его полководцемъ Діофантомъ (около 115 г. до Р. Хр.). Недалеко отъ Херсонеса эти же россолане (русскіе алане, какъ полагаетъ Иловайскій), много вѣковъ спустя, повидимому, приняли у историковъ имя россовъ" (Бильбасовъ). Такъ вотъ кто были скиѳы, и вотъ передъ кѣмъ въ теченіе столькихъ вѣковъ многострадальный Херсонесъ отстаивалъ свою самостоятельность и свои захваты.

IV.

Однако, несмотря на сосѣдей, готовыхъ каждую минуту воспользоваться добромъ и жизнью поселенцевъ, Херсонесская колонія росла, развивалась и богатѣла. Ея пріобрѣтенія и торговые обороты вскорѣ достигли такихъ размѣровъ, что колонія превратилась въ зажиточный и красивый городокъ, украшенный богатыми храмами, общественными зданіями и статуями. Уже въ IV, а вѣроятнѣе — въ V в. до Р. Хр. община сочла необходимымъ оградить себя и свои богатства отъ опасныхъ сосѣдей надежной стѣной. Стѣна эта, частью открытая недавними раскопками, шла ломаной линіей отъ глубины Херсо-

несской бухты до Песочной почти на протяженіи $1^1/_2$ верстъ (по словамъ Плинія—5.000 шаговъ), пересѣкая основаніе полуострова и тѣмъ отдѣляя его отъ остальной суши. По точному обмѣру шт.-кап. Горячова, херсонесское городище занимало площадь въ 35 десятинъ 112 саж. На этой площади, даже при очень густомъ, сплоченномъ населеніи, могло пріютиться не болѣе 7—8 тысячъ жителей, да за городской стѣной могло поселиться 1—2, много 3 тысячи бѣдноты. Таково, приблизительно, населеніе классическаго Херсонеса въ цвѣтущую пору жизни, а не 50.000, какъ говорилъ извѣстный французскій путешественникъ-изслѣдователь Дюбуа-де-Монпере,—цифра, перешедшая, кажется, во всѣ путеводители, сообщавшіе свѣдѣнія о Херсонесѣ.

Городская стѣна—это гигантская, почти циклопическая постройка. Ширина ея у основанія около сажени; она сложена изъ громадныхъ, прекрасно тесанныхъ камней, до двухъ аршинъ длиной и около аршина въ высоту и пригнанныхъ такъ, что между камней совершенно не замѣчается щелей. На углахъ стѣнъ, на изломахъ ея было три круглыхъ крѣпостныхъ башни, такой же кладки. Въ городъ вело двое воротъ, замыкавшихся тяжелымъ, спускавшимся сверху затворомъ. Въ глубинѣ бухты, нынѣ частью занесенной, пристань такой же кладки, а на морѣ—отдѣльный флотъ, охранявшій городъ и торговыя суда. За такой оградой херсонитяне могли свободно и мирно заниматься не только своими дѣлами, но и искусствами, воспринимая всѣ плоды высокой эллинской культуры. И дѣйствительно, раскопки и эпиграфическіе памятники (надписи) показываютъ высокую степень культурнаго развитія и гражданскаго благоустройства херсонитянъ. Масса остатковъ богатыхъ изваяній изъ проконесскаго мрамора, украшавшихъ храмы, дома и городскія площади, груды обломковъ чудной расписной чернолаковой посуды, секретъ изготовленія которой пропалъ для насъ, быть можетъ, навсегда, изящныя терракоты, дивныя ювелирныя издѣлія поражающія даже мастеровъ совершенствомъ отдѣлки и тонкостью рѣзной работы, наконецъ, масса эпиграфическихъ памятниковъ говорятъ объ этомъ съ убѣдительностью. И когда осматриваешь эти остатки древности, то кажется, что они найдены не въ далекомъ провинціальномъ городѣ, граничащемъ съ варварами, а въ самомъ центрѣ греческой культуры, въ самомъ сердцѣ Эллады.

Причина такого высокаго развитія и богатства, на которое съ завистью поглядывали сосѣди,—кромѣ обширной торговли съ Греціей, куда Херсонесъ отправлялъ зерновые продукты, соль и скотъ, — кромѣ громадной энергіи и предпріимчивости колони-

стовъ,—заключалась еще и въ большой солидарности членовъ всей общины, которые крѣпко держались другъ друга и дружно защищали интересы новой родины. Что это такъ — лучше всего доказываетъ дошедшій до насъ текстъ гражданской присяги херсонитянъ, которая по всѣмъ даннымъ относится къ IV в. до Р. Хр., и которая представляетъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ эпиграфическихъ памятниковъ, вообще когда-либо найденныхъ.

Вотъ она:

„Клянусь Зевсомъ, Землею, Солнцемъ, Дѣвою, богами и богинями Олимпа и героями, кои охраняютъ городъ, землю и стѣны херсонаситовъ, что всегда буду дружно стоять за благо и свободу города и согражданъ и не предамъ ни Херсонеса, ни Прекрасной Гавани, ни иныхъ укрѣпленій и земель, коими херсонаситы владѣютъ или владѣли, (не предамъ) ничего никому—ни эллину, ни варвару; но буду охранять для народа херсонаситовъ; и не нарушу демократіи, а желающаго предать или нарушить отвращу, и не укрою и заявлю о немъ городскимъ (деміургамъ). Буду врагомъ злоумышляющему, предающему или склоняющему къ отпаденію Херсонасъ, Керкенитиду, Прекрасную Гавань, укрѣпленія и земли херсонаситовъ; и буду служить деміургомъ и членомъ совѣта какъ можно лучше и справедливѣе для города и гражданъ и... народу охраню и не передамъ на словахъ ничего тайнаго ни эллину, ни варвару, что можетъ повредить городу; не дамъ взятки и не приму ея ко вреду города и гражданъ; и не замыслю ничего дурного противъ гражданъ, вѣрныхъ общинѣ, а на судѣ подамъ голосъ и буду судить по законамъ. Не вступлю въ заговоръ ни противъ общины херсонаситовъ, ни противъ кого-либо изъ гражданъ, если онъ не объявленъ врагомъ народа. А если я узнаю о какомъ-либо заговорѣ существующемъ или замышляющемся, то заявлю деміургамъ. Не буду продавать хлѣба изъ равнины (?), а равно вывозить въ другое мѣсто помимо Херсонеса.

„Если я свято исполню свое обѣщаніе, да ниспошлетъ Зевесъ, Солнце, Земля, Дѣва и боги Олимпа все хорошее мнѣ самому и всему роду; если же я не исполню, пусть злая судьба постигнетъ меня со всѣмъ родомъ; да не принесетъ мнѣ плода ни земля, ни море, и жена да не родитъ“ [1])...

Текстъ присяги вырѣзанъ на большой мраморной плитѣ, украшенной вверху фронтономъ. Вся высота ея 139 сантим. при ширинѣ 40 сантим. и толщинѣ 11—13. Буквы надписи, въ 1—$2^1/_2$

[1]) Въ концѣ нѣсколько словъ уничтожено временемъ.

сантим., вырѣзаны очень тщательно и красиво и въ верхней части превосходно сохранились, въ нижней мѣстами попорчены, особенно по краямъ плиты. Найдена плита разбитою на двѣ части немного ниже средины. Оба куска вполнѣ сходятся, такъ что отъ нарушенія цѣлости исчезла только одна строка, смыслъ которой не трудно возстановить. Нижняя часть плиты найдена въ октябрѣ 1890 г., а верхняя—въ мартѣ 1891 г., въ центрѣ древняго Херсонеса (недалеко отъ храма св. Владимира) въ одномъ изъ раскопанныхъ христіанскихъ храмовъ византійской эпохи, гдѣ плита была употреблена въ качествѣ матеріала для настилки пола.

V.

„Изъ текста присяги,—говоритъ академикъ Латышевъ,—сразу видно громадное значеніе ея не только для пополненія нашихъ свѣдѣній о древнемъ Херсонесѣ, но и для греческихъ государственныхъ древностей вообще. Къ сожалѣнію, въ присягѣ нѣтъ прямыхъ данныхъ, позволяющихъ пріурочить ее къ опредѣленному времени, но характеръ письма, особенности языка и ороографіи документа позволяютъ пріурочить ее къ срединѣ III-го или даже къ концу IV в. до Р. Х. (хотя послѣднее, сознаемся, нѣсколько рискованно)". Намъ именно послѣднее кажется болѣе близкимъ къ истинѣ, и мы даже думаемъ, что настоящая присяга имѣетъ болѣе древнее происхожденіе. Въ самомъ дѣлѣ, присяга, говоря словами того же г. Латышева, „какъ гарантія вѣрности извѣстнаго обѣщанія, имѣла чрезвычайно широкое распространеніе у древнихъ народовъ, въ томъ числѣ и у грековъ, какъ въ частной жизни, такъ и въ государственной и общественной. По убѣжденію грековъ, клятвопреступникъ не могъ скрыться отъ боговъ и избѣжать ихъ возмездія, и если не самъ онъ, то дѣти и весь родъ клятвопреступника подвергаются великимъ несчастіямъ". А если это такъ, то употребленіе присяги, въ виду окружающихъ условій, могло быть обязательнымъ вскорѣ послѣ основанія Херсонеса, не говоря уже о томъ времени, когда онъ разбогатѣлъ и вошелъ въ союзъ съ сосѣдними городами, а себя оградилъ надежной стѣной,—а это, надо полагать, было не позднѣе начала IV в. За глубокую древность присяги до нѣкоторой степени говорятъ и названія городовъ Керкинита и Прекрасной Гавани (Kalos Limen), на положеніе которыхъ не указываетъ ни одинъ изъ древнихъ, ни болѣе новыхъ географовъ или историковъ, и доселѣ оно остается намъ неизвѣстнымъ. Очевидно, они покончили свое существованіе,

и только имена городовъ пережили славу ихъ уже въ то отдаленное время.

Во всякомъ случаѣ присяга—очень древній памятникъ. Несомнѣнно, это оффиціальный текстъ ея, по которому присягали вступавшіе въ общину или получавшіе права херсонесскаго гражданства, подобно тому, какъ мы присягаемъ по печатнымъ текстамъ. Въ Аѳинахъ, какъ извѣстно, молодые граждане присягали въ святилищѣ Аглавры. Весьма вѣроятно, что и въ Херсонесѣ мѣстомъ приведенія къ присягѣ служилъ какой-нибудь храмъ, въ которомъ и былъ выставленъ для прочтенія присягавшимъ дошедшій до насъ текстъ.

Этотъ интересный памятникъ знакомитъ насъ не только съ духомъ и бытомъ херсонитянъ, но съ ихъ религіей и гражданскимъ устройствомъ. Изъ присяги ясно, что въ то время Херсонесъ былъ самостоятельной колоніей или, вѣрнѣе, — стоялъ во главѣ союза колоній. Въ районъ Херсонесской республики входили города Керкинитъ, Прекрасный Портъ, равнина, „другія земли“ и укрѣпленія.

Гдѣ находились эти города и что̀ понимать подъ словами „другія земли“ — пока не удалось установить точно. Греческій историкъ-географъ Арріанъ (I в. по Р. X.) въ своемъ „Периплѣ Понта Эвксинскаго“, сообщая разстоянія между главными мѣстностями Тавриды по направленію съ востока, говоритъ совершенно опредѣленно, что отъ Херсонеса до Керкинитиды 600 стадій, отъ Керкинитиды до Прекраснаго Порта, тоже скиѳскаго, — 700 ст. Безъимянный авторъ подобнаго же описанія прибавляетъ у себя, что отъ Прекраснаго Порта начинается Керкинитскій заливъ, простирающійся до Тамираки. Если припомнимъ, что греческая стадія равнялась 187 метрамъ, (т. е. около 92 саженъ), то выйдетъ, что отъ Херсонеса до Керкинита—около 100 верстъ, а отъ него до Прекраснаго Порта— нѣсколько болѣе.

Поэтому думаютъ, что Керкинитъ лежалъ гдѣ-то по близости Евпаторіи, къ сѣверу отъ нея; за это говорятъ и находки въ окрестностяхъ города монетъ съ надписью Керкинитъ (собственно — Керк). Проф. Брунъ подчеркиваетъ фактъ, что на старыхъ итальянскихъ картахъ (XIV в.) недалеко отъ положенія современной Евпаторіи отмѣчается городъ Chirechinit, Chrichiniri. Здѣсь же мимоходомъ замѣтимъ, что чеканка монетъ Керкинитомъ указываетъ, что онъ въ свое время былъ вполнѣ независимой, самостоятельной колоніей. Такихъ монетъ дошло до насъ очень немного, и, вѣроятно, самостоятельность эта продолжалась недолго.

Гдѣ помѣщался Прекрасный Портъ—еще труднѣе сказать. Если принять показанія Арріана, то его надо искать гдѣ-то у нынѣшней Акъ-Мечетской бухты (нѣсколько сѣвернѣе м. Тарханъ-кутъ). Это принимаютъ такіе знатоки древней географіи, какъ проф. Брунъ, Юргевичъ и Латышевъ,—причемъ Юргевичъ указываетъ, что на средневѣковыхъ итальянскихъ картахъ въ этой самой мѣстности находится имя Calolimena. Это совпадаетъ съ показаніями древнихъ писателей.

Что касается „равнины", упоминаемой въ присягѣ, то здѣсь, конечно, надо понимать извѣстную часть равнины Таврическаго полуострова, которая, по словамъ Страбона, „чрезвычайно богата хлѣбомъ и, вспаханная какъ попало любымъ пахаремъ, даетъ урожай самъ-тридцать". А „другія земли" и владѣнія херсонитянъ въ началѣ II в. до Р. Х. выходили на сѣверъ далеко за предѣлы Таврическаго полуострова и, по словамъ извѣстнаго нумизмата Бурачкова, шли вдоль Днѣпра (Борисфена), простираясь чуть не до пороговъ, и здѣсь, на границѣ поселенія грековъ, херсонитяне вели торговлю съ обитателями сѣвера — россоланами и другими народами, стоявшими близко къ скиѳамъ.

Таковы предѣлы владѣній и вліяній Херсонесской республики въ этомъ періодѣ ея жизни. Какъ видно изъ присяги, Херсонесъ очень дорожилъ своими владѣніями, правленіемъ и свободой и каралъ измѣнниковъ, призывая на нихъ гнѣвъ боговъ.

VI.

Судя по остаткамъ и письменнымъ памятникамъ, городъ въ то время былъ густо застроенъ; зелени не было; но его украшали многочисленные, богато отдѣланные мраморомъ храмы, общественныя зданія, среди которыхъ была и гимназія, памятникъ выдающимся общественнымъ дѣятелямъ. Была въ городѣ и площадь для общественныхъ собраній (agora), навѣрное прекрасно обставленная,—такъ какъ за нею надзирало особое лицо и должность эта считалась почетной. Былъ и портъ („эмпорій"), имѣвшій своихъ отдѣльныхъ смотрителей, какъ видно изъ амфорныхъ ручекъ. Городъ и порядокъ его охранялись постоянной стражей. И благодарные граждане отмѣчали заслуги лицъ, потрудившихся на пользу города, выставляя въ честь ихъ на видныхъ мѣстахъ статуи или благодарственныя надписи. Вотъ одна изъ такихъ надписей, которая подтверждаетъ наши догадки:

„Народъ Агасиклету!

„Который ввелъ стражу и снарядилъ ее, опредѣлилъ въ полѣ межи для виноградниковъ, построилъ стѣны, устроилъ общественную площадь, былъ стратегомъ, былъ жрецомъ, управлялъ гимназіей, надзиралъ за общественной площадью“.

Херсонитяне отличали особыя услуги не только своихъ, но и постороннихъ гражданъ. Одинъ изъ памятниковъ гласитъ:

„Такъ какъ... такой-то оказалъ гражданамъ... услуги, то народъ и совѣтъ постановили похвалить за это... и дать ему право гостепріимства, въѣзда и выѣзда моремъ въ военное время, а равно—пріобрѣтенія земли и жилья, какъ ему, такъ и его потомству, равноправность и прочій почетъ, какой даемъ другимъ херсонитянамъ и отъ рожденія гражданамъ. Надпись эту начертать на камнѣ изъ бѣлаго мрамора и поставить въ храмѣ Эскулапа“.

Въ первомъ памятникѣ останавливаютъ вниманіе слова: „опредѣлилъ въ полѣ межи для виноградниковъ“. Очевидно, виноградарство здѣсь имѣло большое экономическое значеніе; имъ занимались на многихъ участкахъ, границы которыхъ были плохо извѣстны ихъ владѣльцамъ,—иначе межеваніе виноградниковъ не вмѣнялось бы въ большую заслугу, которую слѣдовало отмѣчать въ декретѣ. Рядомъ упоминается о постройкѣ стѣнъ, конечно не городскихъ, такъ какъ этотъ важный фактъ стоялъ бы на первомъ мѣстѣ декрета, а тѣхъ, которыя отдѣляли владѣнія общественныя отъ частной собственности. Кто знаетъ,—быть можетъ, масса остатковъ стѣнъ, которыя дѣлятъ на маленькіе участки окрестности Херсонеса, ближайшія къ мысу,—послѣдніе свидѣтели стараній Агасиклета? Какъ бы то ни было, но самый фактъ указываетъ на большой порядокъ въ общественныхъ дѣлахъ и владѣніяхъ Херсонеса. Въ политическомъ отношеніи Херсонесская республика, насколько показываютъ присяга и другіе памятники, представляла благоустроенную гражданскую общину съ строго демократическимъ правленіемъ, во главѣ котораго стоялъ совѣтъ, избранный народнымъ собраніемъ закрытой баллотировкою. Въ совѣтъ, да и на другія общественныя должности, судя по словамъ присяги: „буду служить деміургомъ и членомъ совѣта какъ можно лучше и справедливѣе“, могъ попасть каждый полноправный гражданинъ. Во главѣ совѣта стоялъ предсѣдатель въ званіи перваго архонта, протевона, проэдра и т. п. Существовало и званіе царя и главнаго жреца, которые обыкновенно совмѣщались въ одномъ лицѣ; за это говорятъ надписи; но каковы были размѣры этой власти—установить пока не уда-

лось. Можно думать только одно — что должность царя была выборная. Археологія сохранила намъ много именъ въ званіи архонтовъ, протевоновъ, царей; вотъ они: Агасиклетъ, Аполлодоръ, Архиклей, Эвридамъ, Гераклъ, Гераклидъ, Гимнъ, Ксанфъ, Котисъ, Менестратъ, Хорей, Эсхинъ и много другихъ, имена которыхъ мы читаемъ на эпиграфическихъ памятникахъ и современныхъ монетахъ. Была отдѣльная должность стратега—начальника войскъ. По юридической части были должности деміурговъ, на обязанности которыхъ было слѣдить за точнымъ исполненіемъ законовъ и пещись о демократіи. Тѣ и другіе избирались закрытой баллотировкой, написавъ имя и отчество избранника на глиняныхъ пластинкахъ или камешкахъ. Былъ особый начальникъ гимназіи и смотритель порта агоры (площади общихъ собраній).

За порядкомъ во всемъ городѣ, за правильностью мѣръ, вѣсовъ и чеканкой монеты слѣдилъ особый чинъ, въ званіи астюнома (полиціймейстера). Ихъ имена дошли до насъ на многочисленныхъ ручкахъ амфоръ, мѣдныхъ сосудовъ для продажи маслъ, вина и другихъ продуктовъ. Были, конечно, и другія должности, но о нихъ мы знаемъ мало опредѣленнаго.

VII.

Вмѣстѣ съ энергіей и порядкомъ гераклеоты принесли въ Херсонесъ и свои вѣрованія. Присяга и другіе памятники даютъ довольно свѣдѣній о религіозныхъ воззрѣніяхъ херсонитянъ. Въ ряду боговъ на первомъ мѣстѣ они ставятъ Зевса, за нимъ — Землю (Гея — Церера), Солнце (Геліосъ), Дѣву, подъ которой слѣдуетъ понимать Артемиду-Діану, а за ними уже слѣдуютъ олимпійскіе боги и герои, покровители города и его владѣній.

Дѣва, какъ мы узнаемъ отъ Страбона и изъ декрета въ честь полководца Діофанта, считалась главной покровительницей города; она имѣла отдѣльный храмъ рядомъ съ храмомъ олицетвореннаго покровителя города „Херсонеса“. Въ честь ея ежегодно совершался праздникъ Partheneia [1]), съ торжественнымъ ходомъ, во время котораго провозглашались благодарности и награды, дарованныя городомъ извѣстнымъ лицамъ.

Особое уваженіе къ богинѣ-дѣвственницѣ выражалось и въ томъ, что она почти всегда изображалась на лицевой сторонѣ древнѣйшихъ херсонесскихъ монетъ (отъ IV в. до Р. Х. по II в.

---

[1]) Отъ слова parthenos—дѣва.

по Р. Х.) или вся, въ видѣ охотницы, поражающей оленя, или только ея голова съ охотничьими принадлежностями.

Процвѣталъ въ Херсонесѣ и культъ Геракла (Геркулеса), такъ какъ херсонитяне считали себя потомками героя и на древнѣйшихъ монетахъ нерѣдко изображали голову героя или, по крайней мѣрѣ, его палицу. Вмѣстѣ съ Геркулесомъ высоко чтился и его потомокъ — Асклепій (Эскулапъ), и, какъ мы видѣли выше, въ городѣ былъ храмъ его имени. На монетахъ этого періода иногда изображался Эскулапъ вмѣстѣ съ богиней здоровья Гигеей. На оборотной сторонѣ этихъ монетъ обыкновенно изображался дикій бодающійся быкъ (по-гречески tauros), отъ котораго, какъ говоритъ Геродотъ, и народъ, и горы, и весь полуостровъ получили названіе Тавриды.

Есть указанія и на то, что въ Херсонесѣ были отдѣльные храмы веселому сыну Юпитера, Діонису (Вакху), и не менѣе веселой богинѣ любви Афродитѣ (Венерѣ). Одна изъ надписей II в. до Р. Х. гласитъ о возобновленіи святилища вѣчно пьянаго бога „иждивеніемъ гражданина Пасіада, сына Артемидора, занимавшаго должности царя (губернатора?) и жреца". Что касается храма Венеры, то изъ надписей того же вѣка на карнизахъ дошедшихъ до насъ колоннъ мы узнаемъ, что нѣкій Аврелій Эрмократъ, сынъ Тимоѳея, пожертвовалъ на ея храмъ изъ городскихъ суммъ 3.000 денаріевъ [1]). Изъ надписей на другихъ колоннахъ того же храма мы узнаемъ, что на колонны жертвовали Діоскуридъ, сынъ Діоскура, и Хризъ, сынъ Фарнака, — каждый по 500 денаріевъ. Аврелій, сынъ Приска,—300 денаріевъ. Въ спискѣ жертвователей находятся Маркіанъ, сынъ Гая, изъ Гераклеи (прародительницы Херсонеса), Валеріанъ и др. Какъ видно, культъ богини любви имѣлъ много богатыхъ поклонниковъ, какъ среди грековъ, такъ и римлянъ, поддерживавшихъ храмъ щедрыми по своему времени пожертвованіями. Была ли то золотая молодежь, или увядающая въ любви старость — исторія скромно умалчиваетъ.

Вѣроятно, были и еще храмы, или если не храмы, то алтари въ честь другихъ боговъ; но о нихъ пока можемъ только догадываться. Отсюда видно, что херсонитяне по-своему были религіозны, но оказывали явное предпочтеніе веселымъ богамъ. А разъ были храмы, то были и празднества, игры и состязанія въ честь боговъ. И надо думать, что херсонитяне и въ этомъ отношеніи старались не отставать отъ своей метрополіи и далекой родины;

---

[1]) Древняя римская монета цѣной около 40 коп.

на этомъ поприщѣ они даже пріобрѣли нѣкоторую извѣстность въ эллинскомъ мірѣ. Такъ имѣются положительныя свѣдѣнія, что дельфійцы въ концѣ II в., конечно до нашей эры, отправили въ Херсонесъ двухъ пословъ съ приглашеніемъ принять участіе въ дельфійскихъ играхъ и празднествахъ. Херсонитяне оказали посламъ самый радушный пріемъ, выразили въ особомъ декретѣ свое расположеніе и отправили въ Дельфы отвѣтное посольство. Здѣсь херсонесскіе послы Форміонъ и Гераклидъ принесли отъ лица своей общины жертвы покровителямъ истмійскихъ игръ — Аполлону изъ 100 головъ скота и Аѳинѣ изъ 12-ти; причемъ жертвоприношенія начинались быками и жертвенное мясо раздѣлили между дельфійскими гражданами. — Въ благодарность за такое высокое вниманіе къ божеству, щедрость и дружбу, дельфійцы постановили выразить гражданамъ Херсонеса похвалу въ декретѣ и даровать право первенства при вопрошаніи ихъ оракула. Посламъ пожалованы проксенія, т.-е. права дельфійскаго гражданства, и щедрые подарки, а весь декретъ постановлено вырѣзать на камнѣ и поставить въ храмѣ Аполлона.

За щедрый подарокъ—не менѣе щедрая отплата. Но надо было быть очень богатымъ, чтобы дѣлать подобные подарки. А дельфійцы, вѣроятно, были не первые и не одни.

Херсонитяне не только принимали участіе въ греческихъ играхъ и состязаніяхъ, но даже выходили на нихъ побѣдителями. Доказательства у насъ на лицо. Такъ въ склепѣ, помѣщавшемся въ городской стѣнѣ, гдѣ найдено столько чудныхъ вещей, столько сокровищъ греческаго искусства, помѣщалась, между прочимъ, большая свинцовая ваза, вѣроятно, въ свое время золоченая; на ней крышка съ надписью на горлѣ, исполненной углубленными точками: „Призъ съ праздника Анакій“ [1]). Кто былъ счастливымъ обладателемъ этой вазы, намъ неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ она была большимъ почетомъ для города отдаленной отъ Эллады провинціи, граничившей съ землями варваровъ, и городъ почтилъ память побѣдителя, похоронивъ его останки въ самомъ почетномъ склепѣ. Въ жизни Херсонеса это было цѣлое событіе, и стоило чествовать его. „Въ Аѳинахъ, какъ справедливо замѣчаетъ гр. Бобринскій, открывалось состязаніе не съ своимъ братомъ обитателемъ береговъ Понта, а съ чемпіонами всей Греціи. Въ столицу Аттики стекались знамени-

[1]) Анакіи—святилище въ честь Діоскуровъ, покровителей мореплавателей и гимнастовъ, недалеко отъ Аѳинъ.

тости всей Эллады, Малой Азіи и далекихъ италійскихъ колоній. Словомъ, весь современный цивилизованный міръ пріѣзжалъ состязаться и любоваться знаменитыми играми... Много ли было надеждъ обитателю далекой Тавриды на какой-либо успѣхъ въ соревнованіи съ первоклассными атлетами греческаго міра? И вдругъ побѣда!.. Въ Херсонесѣ уже ждутъ съ нетерпѣніемъ вѣстей и возвращенія депутатовъ изъ Аѳинъ, чтобы узнать ходъ игръ и имена побѣдителей. Наконецъ, желанный день насталъ. Дуетъ попутный вѣтеръ, и одинъ за другимъ появляются корабли, возвращающіеся изъ Аѳинъ.—Что это?—мачты главнаго судна украшены вѣнками и яркими вымпелами! Уже слышатся восторженные голоса, и... херсонитяне узнаютъ къ своей гордости, что такой-то ихъ гражданинъ удостоился торжественнаго провозглашенія своего имени и города и получилъ въ призъ великолѣпную вазу работы извѣстнаго аѳинскаго художника. Съ какимъ торжествомъ вносится награда побѣдителя въ городъ! Какая встрѣча ему! Вотъ онъ въ лавровомъ вѣнкѣ шествуетъ впереди всѣхъ къ главному храму, хоръ поетъ ему гимнъ. За нимъ толпятся родные, женщины, дѣти и граждане Херсонеса. Побѣдная ваза торжественно вносится въ храмъ и ставится на почетномъ мѣстѣ. А въ назиданіе потомству подъ нею на мраморномъ пьедесталѣ вырѣзывается надпись, гласящая о побѣдѣ ея счастливаго обладателя... И драгоцѣнный сосудъ простоитъ въ храмѣ на славу родному городу до самой смерти добывшаго ее атлета. Только тогда снимутъ вазу съ пьедестала, наполнятъ ее цѣнными предметами и опустятъ въ могилу, и онъ унесетъ свой призъ съ собой туда... въ загробную жизнь, какъ воспоминаніе лучшихъ минутъ"...

Херсонитяне, какъ вся Эллада, какъ большинство языческихъ народовъ, вѣровали, что душа умершаго, продолжая свое самостоятельное существованіе даже за могилой, можетъ являться живымъ во снѣ, бесѣдовать съ ними, принимать участіе въ ихъ житейскихъ дѣлахъ и жить интересами, которые волновали ее до разлученія съ тѣломъ. Вслѣдствіе этого они полагали, что для души прежде всего нужно жилище, удобная могила, гдѣ бы душа могла найти покой. Мысль остаться непогребеннымъ для древняго грека была такъ же страшна, какъ для средневѣковаго христіанина мысль о мукахъ ада. Вотъ почему древній грекъ дѣлаетъ возможно удобную могилу, обставляетъ и снабжаетъ ее всѣмъ, что умершимъ было мило и дорого на землѣ: лучшая одежда, оружіе, украшенія, которыя покойный носилъ на землѣ, предметы его профессіи: у художника—его краски, у ваятеля—рѣзецъ, у лѣпщика—его формы, у дѣтей—игрушки... все

шло въ склепъ или могилу. Иногда богатые клали на голову умершаго лавровый или золотой вѣнокъ, напоминавшій его подвиги въ жизни, а кто не могъ положить вѣнка, то хоть золотымъ листкомъ закрывалъ умершему глаза; въ ногахъ его ставили сосуды для яствъ и питей, иногда даже утварь и деньги. Гдѣ сжигались трупы, тамъ сжигались на кострѣ и эти предметы и съ пепломъ покойнаго попадали въ урну. Ничего не утаивали, не стѣсняясь цѣнностью, изъ боязни навлечь на себя месть души умершаго или даже кару боговъ. Такъ какъ, прежде чѣмъ перейти въ царство тѣней, душа покойника должна была переплыть въ лодкѣ рѣку Забвенія (Лету), то почившему въ зубы вкладывалась по установленной таксѣ малоцѣнная мѣдная монета.

Благодаря такимъ обычаямъ, благодаря культу мертвыхъ, въ усыпальницахъ Херсонеса, которыя плотной цѣпью окружали городъ и во множествѣ разсѣяны въ ближайшихъ балкахъ (въ древности хоронили даже непосредственно за стѣнами города), до насъ дошла, съ точной датой Харона, масса самыхъ разнообразныхъ и самыхъ цѣнныхъ предметовъ обихода, которые возстанавливаютъ картину жизни древняго херсонесца во всѣхъ ея мелочахъ.

Идеаломъ греческаго воспитанія было гармоническое развитіе души и тѣла. И если въ Херсонесѣ атлетика стояла такъ высоко, что его сыны получали призы на панэллинскихъ играхъ, то, навѣрное, херсонесскіе юноши успѣвали не менѣе и въ наукахъ. Мы уже знаемъ, что въ Херсонесѣ была гимназія, и благодарность народа ея начальнику показываетъ, что содержалась она въ образцовомъ порядкѣ. Но до насъ пока дошли свѣдѣнія только объ одной гимназіи, а сколько ихъ было—мы не знаемъ. Исторія не сохранила намъ ни одного имени херсонесскаго ученаго, философа или историка. Но значитъ ли, что ихъ не было? Когда читаешь хронику Константина Порфиророднаго (X в.), такъ и чувствуешь, что свѣдѣнія о прошломъ Херсонеса онъ черпалъ у херсонесскихъ хронистовъ или, по крайней мѣрѣ, слушалъ ихъ разсказъ.

Если такъ мало положительныхъ свѣдѣній о херсонесской наукѣ, зато масса памятниковъ искусствъ и художественныхъ вещей. Вспомните колоссальную и прекрасно сложенную городскую стѣну съ крѣпостными башнями. Взгляните на остатки большихъ зданій, открытыхъ въ послѣднее время. А масса колоннъ чуднаго мрамора, капителей, карнизовъ всѣхъ стилей и тонкой работы! Мраморы, за неимѣніемъ своихъ, привозились изъ родной Эллады и, какъ говорятъ спеціалисты, изъ бога-

тыхъ ломокъ Проконеса [1]). Какъ показываютъ находки, карнизы и капители не всегда доставлялись отдѣланными, иногда — и вчернѣ; а это ужъ школа для мѣстныхъ мастеровъ. И эти груды мрамора, украшающія и окружающія дворъ херсонесскаго музея, остались послѣ того какъ въ средніе вѣка генуэзцы, венеціанцы и турки нещадно тащили отсюда все, что возможно и имѣло хотя какую-нибудь цѣнность.

Не мало дошло до насъ и терракотовыхъ издѣлій, служившихъ украшеніемъ и дома, и комнатъ, и несомнѣнно изготовлявшихся здѣсь же, въ Херсонесѣ. Такъ, при раскопкахъ у берега моря, была открыта большая мастерская художественныхъ терракотовыхъ издѣлій. Она состояла изъ двухъ отдѣленій: въ одномъ находилась обжигательная печь, въ другомъ—складъ моделей изъ терракоты, въ которыя оттискивались фигуры; между ними—большіе медальоны съ миѳологическими группами, крышки для посуды, модели масокъ Аполлона, Діониса, Сатира, чудныя женскія головки. Восковые оттиски или, лучше сказать, отливки показали тонкую, изящную работу моделей. Масса обломковъ расписной черно-лаковой посуды, сохранившей всю свѣжесть рисунка и отдѣлки, показываетъ, что херсонесцы обладали большимъ вкусомъ и поддерживали живыя связи съ Элладой и эллинскимъ востокомъ.

Но что поражаетъ въ херсонесскихъ находкахъ не только любителя, но и знатока, это—украшенія изъ золота и драгоцѣнныхъ рѣзныхъ камней. Здѣсь изящество, художественность работы, какъ бы соперничаютъ между собой, и такихъ вещей найдена масса.

Одно изъ золотыхъ ожерелій, состоящее изъ медальоновъ съ драгоцѣнными камнями и съ подвѣской въ видѣ бабочки, оцѣнивается знатоками въ пятнадцать тысячъ рублей, и когда крупному петербургскому ювелиру показали эту находку, онъ былъ удивленъ мастерствомъ выполненія подобной работы. О камняхъ и перстняхъ я уже не говорю: они поражаютъ тонкостью и художественностью исполненія. И все это дошло до насъ исключительно благодаря поклоненію душамъ усопшихъ, такъ какъ драгоцѣнныя украшенія и мелкія вещи домашняго обихода находятъ только въ могилахъ и склепахъ. Многія изъ этихъ произведеній древности хранятся теперь въ Эрмитажѣ и московскомъ Историческомъ музеѣ, куда направляются главныя на-

---

[1]) Островъ на Мраморномъ морѣ, славившійся своимъ мраморомъ и мастерами.

ходки раскопокъ, но немало интереснаго остается и на мѣстѣ, въ херсонесскомъ музеѣ древностей.

Само собой разумѣется, что лица, умѣвшія цѣнить подобныя вещи, должны быть очень культурными и имѣть на то средства; ихъ давала обширная торговля Херсонеса. Мы уже знаемъ, что Таврида въ то время славилась урожаями хлѣба; „Аттика получала отсюда половину хлѣба, нужнаго ей для прокормленія своего многочисленнаго населенія“ (Кулаковскій). Страбонъ говоритъ, что босфорскій царь Левконъ I-й (388—347 до Р. Хр.) вывезъ изъ Ѳеодосіи въ Аѳины 2.100.000 медимновъ [1]) хлѣба. Если Ѳеодосія, съ ея неудобной открытой бухтой, могла вывезти столько, то хорошо защищенный отъ вѣтровъ Херсонесъ, съ его длинной бухтой, могъ вывезти не меньше. Какъ видно изъ текста присяги, хлѣбная торговля Херсонеса строго регулировалась властями и въ извѣстное время даже воспрещался вывозъ зерна изъ „равнины“.

Такъ какъ во владѣніи Херсонеса и его ближайшихъ сосѣдей были соляныя озера съ громадной добычей соли, то чрезъ посредство его вывозилась въ Грецію масса соли. Хлѣбъ и соль были главными предметами торговли. Вывозились отсюда, вѣроятно, скотъ и кожи. Объ обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ херсонесцевъ говорятъ монеты разныхъ греческихъ городовъ, найденныя при раскопкахъ города. По словамъ К. К. Косцюшко-Валюжинича, чаще всего попадаются монеты Пантикапея, Амиса, Синопа, Гераклеи, Ольвіи, Пропонтиды, изрѣдка Ѳеодосіи и Тиры (Аккерманъ), и выходящихъ изъ предѣловъ Эвксинскаго Понта— Византіи, острова Родоса и болѣе отдаленныхъ—Галатіи и даже Тарента. Херсонесцы вели торговлю также со скиѳами и народцами вверхъ по Днѣпру, и если отъ нихъ не осталось монетъ, такъ потому, что ихъ не было: торговля была мѣновая или шла на монету ближайшихъ самостоятельныхъ городовъ, чеканившихъ монету. Въ 1889 г. въ раскопкахъ нашли двѣнадцать серебряныхъ слитковъ, по ½ ф. каждый,—ужь не наши ли древніе „рубли“?

Съ IV по I в. до Р. Х. Херсонесъ чеканилъ собственную серебряную и мѣдную монету. Полагаютъ, что въ римскую эпоху Херсонесъ чеканилъ и золотую монету, но ея дошлона до съ чрезвычайно мало. Оно и понятно: высокая цѣнность заставляла хранить и при каждомъ погромѣ уносить ее съ собой. Серебряной и особенно мѣдной дошло много и разной цѣнности.

[1]) Мѣра сыпучихъ тѣлъ, равная, приблизительно, двумъ четверикамъ (около пяти ведеръ).

На древнѣйшихъ херсонесскихъ монетахъ чаще всего изображались покровители колоніи: Артемида, поражающая лань, и Гераклъ, рѣже—Аполлонъ, Афродита, Побѣда, и др.; на оборотной сторонѣ — волъ, дельфинъ, палица, львы, корабли, грифы, луки, стрѣлы, колесницы, воины и т. п. Найдено нѣсколько свинцовыхъ кружковъ съ изображеніемъ Гермеса (Меркурія), орла, дельфина. По мнѣнію нумизмата Бурачкова, это—медали, жетоны, которые выпускались во время празднествъ въ честь различныхъ божествъ, почитавшихся въ Херсонесѣ. Пріобрѣтались они за плату и, можетъ быть, служили входными знаками на игры и зрѣлища. Г. Косцюшко-Валюжиничъ считаетъ ихъ за вотивные знаки. Изъ всего видно, что въ то отдаленное время Херсонесъ былъ живымъ торгово-промышленнымъ и образовательнымъ центромъ, откуда эллинская культура распространялась между сосѣдними варварами и далеко на сѣверъ. Культура вѣками облагораживала дикіе нравы тавровъ, скиѳовъ и ихъ соплеменниковъ, смягчала ихъ и насаждала среди нихъ образованіе. Чѣмъ ближе къ нашей эрѣ, тѣмъ чаще и чаще попадаются имена скиѳовъ, которые получали права гражданства и даже играли видную роль въ политической жизни херсонесской общины; имена скиѳовъ попадаются даже среди посланниковъ и ходатаевъ по дѣламъ общины.

VIII.

Однако, не надо думать, что жизнь херсонесцевъ протекала тихо и мирно. Уже одна гигантская стѣна показываетъ, что необходима была, хотя и очень дорогая, но надежная защита отъ скиѳскихъ племенъ, которыя не могли смотрѣть равнодушно ни на богатства, ни на завоевательныя стремленія и захваты херсонесцевъ. Мы уже знаемъ, что херсонесцы владѣли плодородной долиной, но, какъ извѣстно, площадь ея была невелика, и херсонесцы обязывались клятвой не продавать ея урожая. При такихъ условіяхъ предпріимчивые греки стремились увеличить площадь владѣній, и то, что захватили, прочно держали. До насъ сохранился изуродованный сколокъ акта о продажѣ херсонесскихъ земель, изъ котораго видно, что особая коммиссія продавала участки отдѣльнымъ лицамъ. Однако пріобрѣтать таковые, какъ показываютъ документы, могли не всѣ, а только тѣ, кто пользовался этимъ правомъ, т.-е. правомъ херсонесскаго гражданства. Бывало, ко-

нечно, и такъ, что участокъ не могъ пріобрѣсти недавній законный владѣлецъ его—аборигенъ.

Прошло много вѣковъ, и дикіе скиѳы временъ Геродота подъ вліяніемъ тѣхъ же грековъ сильно измѣнились: они восприняли многое изъ эллинской культуры и уже стали дѣлиться на осѣдлыхъ и кочующихъ. Это уже были не тѣ скиѳы, и полумиѳическій другъ Солона, скиѳъ Анахарсисъ, сталъ живымъ и обыденнымъ лицомъ. Анахарсисовъ уже было много, и соотечественники не убивали ихъ за проведеніе новыхъ идей, а принимали дома, какъ желанныхъ гостей. Да и греки охотно давали имъ права гражданства, а въ степяхъ устьевъ Борисѳена и Истра (Днѣпра и Буга) скиѳы готовы были слиться съ греками и почти образовали особое племя эллино-скиѳовъ. Словомъ, среди скиѳовъ съ вѣками все болѣе и болѣе увеличивалось число „сознательныхъ“, и они уже не могли равнодушно смотрѣть на захваты м хозяйничанье въ ихъ исконной странѣ пришлыхъ грековъ, игравшихъ въ то время ту же роль, что нынѣшніе европейцы во владѣніяхъ Китая. При такихъ условіяхъ столкновенія двухъ народовъ были неизбѣжны. И дѣйствительно, и историки, и обломки археологіи позволяютъ догадываться о постоянныхъ столкновеніяхъ между скиѳами и херсонесцами. И по мѣрѣ того какъ варвары культивировались, борьба становилась для грековъ труднѣе. Такъ идетъ до средины третьяго вѣка (до Р. Х.). Но вотъ волею судебъ падаетъ значеніе Аѳинъ, а вмѣстѣ съ ними—и всей классической Эллады. Призрачную свободу съ трудомъ поддерживаютъ Ахейскій и Этолійскій союзъ. Но трудно грекамъ вырваться изъ цѣпкихъ когтей тиранновъ, поставленныхъ македонскими царями. Падаютъ связи съ понтійскими колоніями, падаетъ торговля съ ними, и это сильно отражается на дѣлахъ Херсонеса, который былъ поставщикомъ и коммиссіонеромъ Аѳинъ, которыя въ этотъ періодъ до нѣкоторой степени замѣняетъ островъ Родосъ. Средства общины уменьшаются; борьба становится не подъ силу; а тутъ еще появляется новый политическій и торговый врагъ и сосѣдъ въ видѣ Боспорскаго царства, которое за это время успѣло наложить свою тяжелую руку на торговлю Херсонеса и уже покушалось на его политическую свободу.

На противоположномъ Херсонесу (восточномъ) берегу Таврическаго полуострова, какъ разъ у самаго пролива Боспора Киммерійскаго (Керченскаго), около VII в. до Р. Х., а можетъ быть и ранѣе, возникла, подобно Херсонесу, греческая колонія Пантикапей (Керчь), которая со временемъ „организовалась въ своемъ

внутреннемъ устройствѣ по тому типу, въ какой вообще укладывалась политическая жизнь грековъ, т.-е. по типу городской республики. Въ ряду понтійскихъ колоній Пантикапей въ своихъ судьбахъ выдѣляется прежде всего тѣмъ, что онъ не остался городомъ, какъ другіе, а превратился въ центръ значительнаго политическаго цѣлаго, при чемъ верховная власть организовалась здѣсь на иныхъ началахъ" (Кулаковскій). Еще въ началѣ V в., во время персидскихъ войнъ, въ Пантикапеѣ захватилъ власть одинъ изъ представителей греческаго рода Археанактидовъ. Затѣмъ ихъ смѣнила династія варварскаго происхожденія, вѣроятно ѳракійскаго, Спартакидовъ. При первыхъ правителяхъ этой династіи Пантикапей расширилъ свое значеніе и превратился изъ города въ царство. Расширеніе предѣловъ власти пантикапейскихъ правителей совершилось путемъ подчиненія сосѣднихъ, самостоятельныхъ дотолѣ греческихъ городовъ—каковы: Мирмекій, Гермизій, Нимфей, Фанагорія и др., и даже сосѣднія варварскія племена и селившіяся далеко по берегамъ Меотійскаго озера (Азовскаго моря) признали ихъ власть. Такимъ образомъ образовалось Боспорское царство, или просто Боспоръ. Это имя примѣнялось и для обозначенія самого города, служившаго центромъ державы Спартакидовъ. Одному изъ внуковъ Спартака—Левкону удалось утвердить свою власть и въ Ѳеодосіи (IV в.), судя по его титулу на одной изъ надписей — „архонтъ Боспора и Ѳеодосіи". Къ слову сказать, исторію Боспора, какъ исторію Херсонеса, мы узнаемъ не на основаніи греческихъ историковъ, которые „мало интересовались судьбами своихъ отдаленныхъ родичей", а главнымъ образомъ на основаніи монетъ и надписей, извлекаемыхъ при раскопкахъ. Сынъ Левкона, Перисадъ, уже называется „архонтомъ Боспора и Ѳеодосіи, царемъ синдовъ и всѣхъ меотовъ". Такимъ образомъ Боспоръ являлся значительной политической силой и въ то же время это былъ крупный торговый центръ, снабжавшій чрезъ Аѳины Элладу хлѣбомъ, мѣхами, кожами и другимъ сырьемъ, получая въ обмѣнъ вино, масло, ткани, предметы убранства и роскоши, не только для себя, но и для сосѣднихъ варваровъ, входившихъ во вкусъ цивилизаціи. Вспомнимъ чудныя скиѳскія вазы чертомлыцкой и куль-обской гробницы, которыми можно любоваться въ музеѣ Эрмитажа, и которыя несомнѣнно были изготовлены греческими мастерами спеціально для владѣтельныхъ скиѳовъ. И аѳиняне, какъ показываютъ памятники, высоко ставили и боспорскихъ царей, и боспорскихъ гражданъ, отличая тѣхъ и другихъ во время празднествъ и торжественныхъ процессій. Есть свѣдѣнія

о томъ, что боспорскіе цари просили у аѳинянъ дать имъ моряковъ, и просьба была исполнена.

Въ концѣ II вѣка до Р. Х., нѣсколько скиѳскихъ племенъ, замѣтивъ, что торговля, а вмѣстѣ съ ней и силы херсонесцевъ слабѣютъ, падаютъ, соединились, подъ главенствомъ престарѣлаго, но энергичнаго царя Скилура, и задумали не только отобрать у Херсонесской республики свои владѣнія, но даже наложить на херсонесцевъ дань. Уже сынъ Скилура, Палакъ, успѣлъ завоевать нѣсколько приморскихъ городковъ и укрѣпленій и, повидимому, готовился обложить Херсонесъ, который на этотъ разъ оказался не въ силахъ отстаивать своими средствами свою самостоятельность. Херсонесцы рѣшили-было обратиться къ боспорскому царю Перисаду (IV или V в.), но у него самого дѣла были также плохи, и онъ самъ не зналъ, какъ избавиться отъ наложенной Палакомъ дани. Тогда херсонесцы рѣшили обратиться за помощью (около 115 г.) къ могущественному малоазійскому властелину, царю Каппадокіи, Митридату Евпатору, знаменитому въ исторіи своей непримиримой враждой къ Римской имперіи. Митридатъ согласился помочь, и, по совѣту своего начальника войскъ, Діофанта, собралъ армію, посадилъ ее на суда и отправилъ въ Херсонесъ, подъ командой того же Діофанта. Діофантъ хотя и съ большимъ усиліемъ, но отвоевалъ обратно владѣнія херсонесцевъ, разбилъ скиѳовъ въ открытомъ полѣ и надолго отбилъ у нихъ охоту воевать съ греками. Въ благодарность за такую услугу и необыкновенный подвигъ херсонесцы поставили Діофанту въ городѣ статуи съ надписью, подробно излагающей всѣ дѣянія полководца на пользу херсонесцевъ. Судьба не сохранила намъ статуи Діофанта, но зато сохранила намъ полностью подножіе съ надписью. Эта надпись лучше разскажетъ, чѣмъ мы, всю исторію этого періода жизни города.

„Діофантъ, сынъ Асклепіадора, синопецъ, нашъ другъ и благодѣтель, и виновникъ всякаго добра для каждаго изъ насъ, склонилъ царя Митридата Евпатора къ прекраснѣйшимъ и славнѣйшимъ дѣяніямъ. Онъ же, призванный царемъ, взялся вести войну со скиѳами, и сдѣлалъ со всѣмъ войскомъ отважную переправу черезъ море, и прибылъ въ нашъ городъ. Когда же скиѳскій царь Палакъ внезапно напалъ съ большими полчищами, то (Діофантъ) далъ сраженіе и разбилъ скиѳовъ, считавшихся до того времени непобѣдимыми. Благодаря чему, царь Митридатъ Евпаторъ первый изъ всѣхъ воздвигъ трофеи побѣды. Послѣ того Діофантъ покорилъ окрестныхъ тавровъ и на томъ мѣстѣ основалъ городъ. Ходилъ въ мѣста, граничившія съ Боспоромъ, и, совер-

шивъ въ короткое время многія важныя дѣянія, воротился въ сосѣднія намъ мѣстности и, набравъ гражданъ цвѣтущаго возраста, проникъ въ сердце Скиѳіи, овладѣлъ скиѳскими крѣпостями Хабами и Неаполисомъ и подчинилъ почти всѣхъ скиѳовъ власти царя Митридата Евпатора. И за это народъ, освобожденный отъ гнета варваровъ, благоговѣйно почтилъ царя достойнымъ образомъ".

„Однако вѣроломные скиѳы возстали и отложились, почему Діофантъ вновь посланъ царемъ Митридатомъ Евпаторомъ, и хотя время шло къ зимѣ, онъ, взявъ войска и лучшихъ изъ гражданъ, двинулся на прежнія скиѳскія крѣпости, но распутье помѣшало ему; онъ повернулъ въ приморскія мѣста, вновь овладѣлъ Керкинитомъ и укрѣпленными пунктами, а затѣмъ началъ осаду Прекраснаго Порта. Въ это самое время Палакъ, полагая, что погода помогаетъ ему, собралъ всѣ свои войска и привлекъ, сверхъ того, орду ревксиналовъ. Но покровительница херсонитянъ Дѣва-богиня въ храмѣ своемъ предзнаменовала успѣхъ и влила бодрость и отвагу во все войско. Когда Діофантъ построилъ полки, то послѣдовала побѣда, славная для Митридата Евпатора и памятная на всѣ времена; ибо изъ непріятельской пѣхоты не спасся никто, а изъ конницы лишь немногіе успѣли уйти. А затѣмъ, не тратя времени въ бездѣйствіи, взявъ съ собой лучшихъ гражданъ, пошелъ въ началѣ весны на Хабы и Неаполисъ и заставилъ бѣжать непріятеля, послѣ чего отправился въ Боспоръ и сосѣднія съ нимъ мѣста, гдѣ убѣдилъ и остальныхъ скиѳовъ подчиниться. Такимъ образомъ и эти дѣла покончилъ прекрасно и съ пользой для царя Митридата Евпатора. Но послѣ этого скиѳы, во главѣ которыхъ стоялъ Савмакъ, устроили переворотъ и убили бывшаго воспитателя Савмака, боспорскаго царя Перисада, а противъ него, Діофанта, составили заговоръ. Діофантъ, по причинѣ явной опасности, сѣвъ на корабль, отправленный къ нему (херсонесскими) гражданами, прибылъ къ нимъ и просилъ ихъ о помощи, а съ началомъ весны, при добромъ содѣйствіи Митридата Евпатора, снова явился съ сухопутнымъ и морскимъ войскомъ и, взявъ отборныхъ гражданъ, съ тремя морскими отрядами изъ нашего города, овладѣлъ Ѳеодосіей и Пантикапеемъ, наказалъ виновниковъ возстанія и, захвативъ Савмака, отъ руки котораго погибъ Перисадъ, отослалъ его въ царство (Митридата). Такъ какъ Діофантъ, совершившій такія дѣла во славу царя Митридата Евпатора, дѣйствовалъ на пользу херсонесцевъ и нашимъ посламъ показалъ свое расположеніе и готовность служить, то народъ, чтобы

всѣмъ было видно, какую приноситъ онъ благодарность своимъ благотворителямъ, чрезъ совѣтъ постановилъ: возложить на Діофанта, сына Асклепіадора, золотой вѣнокъ во время торжественнаго шествія на праздникѣ Дѣвы и огласить чрезъ распорядителей, что народъ награждаетъ вѣнкомъ Діофанта, сына Асклепіадора, уроженца города Синопа, за доблесть и расположеніе къ народу". „Сверхъ того народъ постановилъ воздвигнуть ему мѣдную статую въ военномъ облаченіи въ акрополѣ, возлѣ жертвенниковъ Дѣвы и Херсонеса, о чемъ поручается озаботиться упомянутымъ ниже чинамъ, съ тѣмъ, чтобы все было сдѣлано какъ можно скорѣе и какъ можно лучше. А надпись начертать на подножьѣ статуи, а деньги на всѣ издержки выдать казначеямъ храмовыхъ суммъ. Таковое постановленіе сдѣлано совѣтомъ и народомъ въ девятнадцатый день мѣсяца Діонисія при архонтѣ царѣ Агелѣ, сынѣ Аагорина, при предсѣдателѣ сената Меніѣ, сынѣ Геракла и секретарѣ Д.... сынѣ Аѳенея". Этотъ интересный документъ найденъ лѣтомъ 1877 г. при раскопкахъ средней части города, недалеко отъ храма св. Владимира. Мраморный камень, на которомъ сдѣлана надпись, разбитъ пополамъ. Размѣръ его: высота около 1 метра, ширина 30 сант., толщина 12 с. Камень, очевидно, служилъ подножіемъ статуи Діофанта, такъ какъ на немъ видны углубленія для ногъ. Надпись испорчена только по краямъ и потому читается легко; хранится она въ Эрмитажѣ.

Комментаріи здѣсь не нужны. Далекое прошлое Херсонеса встаетъ передъ нами въ живой, полной жизни картинѣ. Здѣсь ясно видно, въ какомъ положеніи находился Херсонесъ въ началѣ I в. до Р. Х. И хотя въ декретѣ ни слова не говорится о зависимости херсонесцевъ отъ Митридата, и напротивъ, декретъ подъ конецъ какъ бы умышленно игнорируетъ участіе царя въ этихъ походахъ и дважды повторяетъ, что „народъ и совѣтъ постановилъ" почтить заслуги знаменитаго полководца, надо думать, что херсонесцы, избавившись отъ гнета скиѳовъ, должны были, не теряя автономіи, признать надъ собой власть каппадокійца и платить ему дань. Ближайшій историкъ этихъ событій, географъ Страбонъ, утверждаетъ даже, что съ этого времени Херсонесъ потерялъ свободу и до двадцати годовъ новой эры подчинялся боспорскимъ, собственно понтійскимъ царямъ, распространившимъ власть на Боспоръ. Но врядъ-ли можно говорить о полномъ подчиненіи Херсонеса. По крайней мѣрѣ, извѣстный знатокъ херсонесской нумизматики, Кене, совершенно основательно указываетъ на тотъ фактъ, что на монетахъ, ко-

торыя надо отнести къ этому періоду, стоитъ надпись „свободнаго Херсонеса", что врядъ-ли могло имѣть мѣсто, еслибы городъ утратилъ свободу. Вѣроятнѣе всего подчиненіе Боспору выражалось только данью, и тотъ же Страбонъ точно указываетъ размѣры дани, говоря, что Митридатъ съ своихъ новыхъ владѣній получалъ ежегодно 180.000 медимновъ хлѣба и 200 талантовъ серебра, что на нашу мѣру составляетъ 400 тысячъ пудовъ хлѣба и около 250.000 рублей деньгами. Сколько приходилось на долю Херсонеса—пока не извѣстно.

IX.

Итакъ, съ избавленіемъ отъ скиѳовъ Херсонесъ сталъ данникомъ понтійскаго царя, и такимъ образомъ памятникъ Діофанту сдѣлался въ то же время памятникомъ потери независимости Херсонеса и сталъ на рубежѣ новой исторіи города, подчинившагося новому владыкѣ міра—Риму. Къ этому быстрымъ темпомъ велъ непримиримый врагъ римлянъ Митридатъ. Въ самомъ дѣлѣ, событія понеслись какъ бы съ головокружительной быстротой. Прошло нѣсколько короткихъ лѣтъ, и недовольный своей зависимостью Пантикапей, воспользовавшись тѣмъ, что Митридатъ затѣялъ съ Римомъ новую войну, вздумалъ освободиться отъ опеки Митридата, который, по сказанью историковъ, оставилъ здѣсь (какъ, вѣроятно, и въ Херсонесѣ) понтійскій гарнизонъ въ обезпеченіе правильной уплаты дани. Получивъ извѣстіе о возстаніи на Боспорѣ, Митридатъ послалъ туда отрядъ подъ командой Неоптолема, который разбилъ боспорцевъ зимою на льду замерзшаго пролива, а лѣтомъ—вторично тамъ же въ морскомъ сраженіи. Утвердивъ такимъ образомъ вновь свою власть, Митридатъ посадилъ здѣсь въ 80-хъ г. до Р. Х. своего сына Махара въ званіи правителя сѣверныхъ областей своей державы, которая въ то время обнимала большую часть Малой Азіи. Въ составъ ея, между прочимъ, входила и родина херсонесцевъ—Гераклея. И можно думать, что она-то и позаботилась пригласить Митридата и его полководцевъ для защиты интересовъ херсонесцевъ.

Прошло пятнадцать лѣтъ. На военныхъ поляхъ Малой Азіи, для защиты римскихъ интересовъ въ этихъ мѣстахъ и для отмщенія Митридату за избіеніе 100.000 римлянъ, появился Лукуллъ; онъ продолжаетъ побѣды своего энергичнаго предшественника Суллы и вскорѣ располагается лагеремъ подъ стѣнами столицы

Понтійскаго царства, Синопа. Махаръ, считая дѣло своего отца проиграннымъ, вступаетъ въ переговоры съ врагомъ, обѣщаетъ доставить въ римскій лагерь провіантъ, который назначался для осажденнаго Синопа, и выдать римлянамъ сокровища своего отца, за что и признается Римомъ въ званіи самостоятельнаго правителя Боспорскаго царства и союзника Рима. Въ это время (около 70-го года) Лукулла смѣняетъ еще болѣе энергичный Помпей. Онъ окончательно вытѣсняетъ Митридата изъ его азіатскихъ владѣній, и недавно грозный властитель вынужденъ бѣжать на Боспоръ, преодолѣвая чрезвычайныя трудности. Пантикапей открываетъ ворота своему законному владыкѣ, а Махаръ бѣжитъ въ Херсонесъ и здѣсь же лишаетъ себя жизни, боясь мести отца, который въ былое время не постѣснился казнить свою мать и на виду у цѣлаго войска собственноручно задушить своего непокорнаго племянника, царя Вифиніи, Аріарата VII.

Митридатъ, обладавшій желѣзной волей, несмотря на свой преклонный возрастъ (шестьдесятъ-пять лѣтъ), не унывалъ. Онъ заключилъ союзъ съ своими недавними врагами скиѳо-сарматами и направилъ свою завоевательную дѣятельность на придунайскія земли. Въ головѣ безпокойнаго старика уже засѣлъ смѣлый планъ: пройти эти страны, поднять обитавшія тамъ племена противъ всюду тѣснившаго Рима, напасть и раздавить его съ сѣвера. Дѣла, казалось, шли успѣшно, и Митридатъ уже готовился приводить въ исполненіе свой несбыточный планъ, какъ возмутились его же собственныя войска, и даже его любимый сынъ Фарнакъ руководилъ мятежниками. Старецъ не выдержалъ и послѣ тщетной попытки отравить себя ядами (онъ, какъ извѣстно, долго пріучалъ себя къ ядамъ) закололъ себя мечомъ при помощи одного галла (64 г.). Въ ознаменованіе своей покорности Риму Фарнакъ переслалъ Помпею въ Синопъ трупъ отца, и, подобно брату, былъ признанъ союзникомъ Рима и правителемъ стоявшихъ подъ властью его отца земель.

Такимъ образомъ Митридатъ, благодаря властолюбію и своей ненависти къ римлянамъ, ввелъ, помимо желанія, сѣверное побережье Эвксинскаго Понта съ его колоніями, въ томъ числѣ и Херсонесъ, въ кругъ римскихъ политическихъ интересовъ и тѣмъ обусловилъ подчиненіе Херсонеса всесильному Риму. Фарнакъ своей безразсудной тактикой еще болѣе усилилъ вліяніе Рима на эти провинціи. Пользуясь, по примѣру отца, раздорами въ столицѣ міра и тѣмъ, что Помпей и Цезарь сошлись на Фарсальскихъ поляхъ, оспаривая другъ у друга владычество надъ римскимъ міромъ, Фарнакъ возмечталъ воротить себѣ царство

предковъ въ Малой Азіи, и переправился туда съ большимъ войскомъ. Ему уже удалось подчинить себѣ Колхиду, часть Каппадокіи и Понта, но дальнѣйшіе успѣхи были задержаны извѣстіемъ о возстаніи противъ него на Боспорѣ, которое поднялъ его родичъ Асандръ. Между тѣмъ въ Малую Азію явился Цезарь, послѣ побѣды надъ Помпеемъ, и въ августѣ 47-го г. и въ той же провинціи Понта нанесъ Фарнаку рѣшительное пораженіе, о которомъ сообщилъ сенату въ трехъ знаменитыхъ словахъ: „Veni, vidi, vici!“—„Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!“

Съ остатками своихъ силъ Фарнакъ бѣжалъ на Боспоръ. Ему удалось овладѣть Пантикапеемъ и Ѳеодосіей, но въ рѣшительной битвѣ съ Асандромъ онъ былъ разбитъ и палъ на полѣ сраженія (47 г.). Съ тѣхъ поръ Асандръ остался правителемъ Боспора до самой смерти (16 г. до Р. Х.), именуя себя на монетахъ сначала „архонтомъ“, а нѣсколько позднѣе царемъ и „другомъ римлянъ“. Асандру наслѣдовала его супруга, дочь Фарнака, Динамія. Въ Керчи и у Тамани (Фанагоріи) найдены три пьедестала, на которыхъ въ былое время красовались статуи императора Августа и его супруги Ливіи. На пьедесталахъ — надпись: „Царица Динамія, другъ римлянъ, императору Августу спасителю и благодѣтелю“ — титулъ, которымъ обыкновенно украшали имена повелителей и сюзереновъ.

Въ правленіе Динаміи на Боспорѣ явился искатель приключеній, нѣкій Скрибоній, который выдавалъ себя за внука Митридата, посланнаго изъ Рима принять царство. Динамія поторопилась повѣрить смѣлому авантюристу и отдала ему свою руку. Но вскорѣ, по порученію императора Августа, его полководецъ Агриппа вмѣшался въ это дѣло и предоставилъ боспорскій тронъ нѣкоему Полемону. Скрибоній былъ убитъ, и Полемонъ вмѣстѣ съ трономъ получилъ и руку вдовы Динаміи. Однако правленіе его продолжалось не долго. Около 8-го г. до Р. Х., подъ руководствомъ Аспурга, какъ нѣкоторые полагаютъ, сына Асандра и Динаміи, на Боспорѣ произошло возстаніе, во время котораго Полемонъ палъ, и власть перешла къ Аспургу, который правилъ по 38 г. по Р. Х. Въ какихъ отношеніяхъ былъ Херсонесъ къ Боспору, тавро-скиѳамъ и Риму въ этотъ періодъ, т.-е. отъ смерти Митридата и до конца правленія Аспурга,—объ этомъ нѣтъ пока положительныхъ данныхъ. Можно думать, что Херсонесъ не принималъ прямого участія ни въ авантюрѣ Фарнака, ни въ столкновеніяхъ Боспора съ Римомъ, да и не зависѣлъ отъ Боспора,— за это убѣдительно говоритъ надпись временъ Аспурга, въ которой онъ именуется „другомъ кесаря и другомъ римлянъ, царемъ всего

Боспора, Θеодосіи, синдовъ, меотовъ, тарпейтовъ, торетовъ, псессовъ и танаитовъ и покорителемъ скиθовъ и тавровъ", т.-е. величается такъ же, какъ и его отдаленные предшественники IV в., Левконъ и Песадъ I. И если тавро-скиθы въ это время были подчинены Пантикапеѣ, то врядъ-ли они допускали агрессивныя дѣйствія по отношенію къ Херсонесу. Было и другое основаніе для скиθовъ держать себя осторожно по отношенію къ тому же Херсонесу. Дѣло въ томъ, что Римъ уже при Фарнакѣ наложилъ свою тяжелую руку на Боспоръ; трудно думать, чтобы давленіе ея миновало Херсонесъ; а къ началу новой христіанской эры римляне уже распространили свою власть на всю Тавриду. Такъ въ одной боспорской надписи 14-го г. по Р. Х. императоръ Августъ называется „повелителемъ всей земли и моря". И несомнѣнно Херсонесъ былъ въ полной зависимости отъ Рима. Плиній Старшій въ своей „Исторіи" прямо говоритъ, что „римляне дали Херсонесу права элевтеріи и автономіи". На это большой знатокъ херсонесскихъ древностей, покойный проф. Юргевичъ замѣчаетъ, что свободу здѣсь надо понимать въ римскомъ смыслѣ: городъ остался зависимымъ отъ римлянъ, но имѣлъ свое собственное управленіе, устройство и нѣкоторыя льготы.

Когда Херсонесъ сталъ подчиняться римлянамъ, и когда онъ получилъ отъ нихъ свободу? Темный вопросъ.

Бертье-Делагардъ, Кулаковскій и другіе полагаютъ, что это случилось около 25—24 г. до Р. Х., такъ какъ, судя по одной изъ надписей конца V в., именно этимъ годомъ начинается херсонесская эра, которая могла быть пріурочена только къ очень важному событію въ жизни города, а таковымъ могла быть свобода, хотя бы и относительная. Конечно, за такое высокое покровительство городъ такъ или иначе долженъ отплачиваться, хотя бы уже за то, чтобы не быть подчиненнымъ вѣчно бунтовавшимъ боспорцамъ. И, конечно, римляне ревниво смотрѣли и слѣдили, чтобы Херсонесъ не соединялся съ Боспоромъ, и тѣмъ не усиливалъ безпокойнаго пограничнаго врага. Тѣмъ болѣе, что, по словамъ Плинія, въ его времена Херсонесъ былъ богатымъ, благоустроеннымъ городомъ, который „предъ всѣми сосѣдними городами отличается блескомъ и который во всей чистотѣ сохранилъ древнія греческія привычки и языкъ". Проф. Кондаковъ такъ рисуетъ себѣ картину Херсонеса того времени. „То была богатая греческая колонія съ храмами, алтарями, пританеемъ [1]),

[1]) Prytaneion—обширное общественное зданіе, служившее для торжественныхъ надобностей, какъ пріемъ пословъ, чествованія общественныхъ дѣятелей, торже-

въ которомъ постоянно горѣлъ огонь, привезенный изъ Гераклеи Понтійской, метрополіи Херсонеса. На видномъ мѣстѣ стояли конныя и портретныя статуи знаменитыхъ херсонесскихъ мужей, выставлены были псефизмы, или правительственныя постановленія. На перекресткахъ также были выставлены декреты и статуи, и, по примѣру другихъ греческихъ колоній, въ городѣ было нѣсколько площадей и базаровъ". И раскопки показываютъ, что особенно цѣнныя вещи находятся чаще всего въ склепахъ именно римскаго періода.

X.

Подъ покровительствомъ римлянъ жизнь Херсонеса протекала сравнительно спокойно и тихо. Только въ концѣ царствованія Нерона (около 65 г. по Р. Х.) среди варварскихъ народовъ на сѣверъ отъ нижняго Дуная произошли какія-то волненія, которыя, судя по дошедшей до насъ (изъ Ольвіи) эпитафіи римскому сановнику Плавцію Сильвану, угрожали безопасности границъ имперіи, а также и городу Херсонесу. „Плавцій вмѣшался въ дѣла варваровъ, перешелъ Дунай и отогналъ скиѳовъ отъ Херсонеса, который былъ въ осадѣ, расширилъ границы имперіи, переселилъ множество варваровъ за Дунай, отведя имъ земли для мирнаго земледѣльческаго труда, и установилъ прямыя торговыя сношенія между Херсонесомъ и Римомъ. Впервые, какъ отмѣчено въ эпитафіи, въ римскіе государственные запасы хлѣба отправлены были большія партіи хлѣба изъ Херсонеса" (Кулаковскій). По словамъ современника этихъ событій, еврейскаго историка Іосифа Флавія, для охраны римскихъ интересовъ въ восточныхъ частяхъ Эвксинскаго Понта былъ посланъ трехтысячный отрядъ и эскадра изъ сорока кораблей. Несомнѣнно, часть отряда и этой эскадры размѣстилась въ Херсонесѣ. Съ этого времени Херсонесъ подчиненъ римскому намѣстнику придунайской провинціи Нижней Мезіи, обнимавшей въ то время нынѣшнюю Болгарію, Добруджу, и нижнее теченіе Тира и Гипаниса (Днѣстра и Буга). Объ этомъ положительно свидѣтельствуетъ надпись на пьедесталѣ статуи, воздвигнутой въ честь Секста Ветуллена Цереалиса, состоявшаго намѣстникомъ этой провинціи при императорѣ Веспасіанѣ (70—79 гг.).

Несмотря на присутствіе римскаго гарнизона, Херсонесъ

ственныя засѣданія народнаго совѣта, храненіе государственныхъ пенатовъ, и въ особенности для поддержанія священнаго огня своей родины, съ которой всегда поддерживались самыя близкія связи.

пользовался широкой свободой. Такъ при преемникѣ Веспасіана, императорѣ Титѣ, въ Херсонесѣ чеканилась золотая монета съ громкой надписью „царствующаго Херсонеса“, т.-е. обладающаго царскими правами, что повторяется и на надписяхъ. По этому поводу Бертье-Делагардъ замѣчаетъ: „Если вспомнить, что въ римское время чеканка даже съ изображеніемъ императора была дозволена въ видѣ единственнаго исключенія только на Боспорѣ, то нельзя не придти къ выводу, что херсонесскіе статеры [1]), на которыхъ даже нѣтъ и намековъ ни на Римъ, ни на императоровъ, указываютъ на такую свободу, о которой и помыслить не смѣли города, пользовавшіеся отъ Рима элевтеріей, т.-е. правомъ свободы“.

Однако свободныхъ херсонитянъ сильно безпокоилъ римскій гарнизонъ. Весь этотъ періодъ и нѣсколько болѣе поздній (до середины III в.) въ жизни города не отмѣченъ ни однимъ крупнымъ политическимъ событіемъ, и дошедшіе до насъ памятники этого періода заключаютъ въ себѣ также просьбы херсонитянъ къ императорамъ о подтвержденіи и расширеніи ихъ свободы и главнымъ образомъ жалобы на дурное поведеніе римскихъ солдатъ, съ появленіемъ которыхъ разгулъ и развратъ, принесенные изъ Рима, приняли самые широкіе размѣры: въ Херсонесѣ появились публичные дома и въ такомъ количествѣ, что жадные римляне вздумали эксплуатировать ихъ съ цѣлями фиска, установивъ на нихъ спеціальный налогъ (pornicon thelos). На одной изъ гробницъ византійскаго періода найдено три куска тонкой мраморной плиты, покрывавшей могилу. На обломкахъ въ общемъ въ $1\,{}^1/_2$ кв. аршина,—отчетливо нарѣзанная надпись вверху по-гречески, а внизу по-латыни. Къ сожалѣнію, изъ нея уцѣлѣла едва половина, изъ которой все же удается возстановить смыслъ документа, заключающаго въ себѣ переписку Херсонеса съ римскимъ правителемъ (вѣроятно, губернаторомъ Мезіи) о какихъ-то ходатайствахъ и пошлинахъ съ домовъ терпимости. Вотъ какъ передаетъ надпись академикъ Латышевъ, подробно изучившій ее.

Прежде всего предлагается харсонесскому совѣту выставить въ публичномъ мѣстѣ для всеобщаго свѣдѣнія копію какого-то императорскаго указа; затѣмъ доводится до свѣдѣнія херсонитянъ, что не будетъ сдѣлано никакихъ измѣненій въ дѣлѣ, о которомъ они ходатайствовали. Копію этого письма губернаторъ приказалъ трибунамъ Аттилію Приміану и Валерію Максиму

[1]) Статеръ—греческая золотая монета, на наши деньги—около 7 руб. Позднѣйшій херсонесскій статеръ относится къ 134 г. по Р. Хр.

помѣстить на камнѣ подъ своимъ письмомъ, и херсонитянамъ предлагается вырѣзать на камнѣ настоящее распоряженіе впереди другихъ документовъ.

Заканчивается эта часть надписи по обычаю времени словами: „желаю вамъ здравія".

Въ дальнѣйшемъ содержится подробное изложеніе обстоятельствъ, подавшихъ поводъ къ жалобѣ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе потери здѣсь значительной части текста, о подробностяхъ можно только догадываться. Но смыслъ жалобы таковъ: „Полагаясь на указы правителей касательно „дѣвичьей пошлины", херсонитяне считали возможнымъ снисходительно относиться къ отдѣльнымъ нарушеніямъ постановленій. Но когда римскіе воины стали открыто нарушать столь прочныя узаконенія (!) и позволять себѣ насильственные поступки, они рѣшили заявить объ этомъ правителю, какъ своему благодѣтелю, и выражаютъ надежду, что правитель охранитъ дарованныя имъ права въ мѣстахъ, подлежащихъ этой пошлинѣ, и благосклонно приметъ ихъ просьбу, нужнѣе которой нѣтъ ничего для людей, понимающихъ все значеніе цѣломудренной жизни и желающихъ охранять чистоту нравовъ".

Въ концѣ документа правитель заявляетъ, что онъ предписалъ трибуну Аттилію Приміану принять мѣры, чтобы ни херсонитяне не терпѣли непріятностей вопреки существующимъ постановленіямъ, ни римскіе солдаты не преступали предписанныхъ предѣловъ. При этомъ высказывается угроза за неисполненіе предписаній о пошлинѣ и нарушеніе тишины и спокойствія гражданъ. И предписывается: одинъ экземпляръ этихъ правилъ выставить на видномъ мѣстѣ къ общему свѣдѣнію.

Этотъ отрывокъ такъ типиченъ, такъ характеризуетъ время и бытъ, что положительно не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ.

Было, вѣроятно, немало и другихъ столкновеній и непріятностей, которыя заставляли посылать ходатаевъ въ Римъ и хлопотать объ избавленіи отъ римской „свободы". Однако изъ этихъ ходатайствъ, какъ показываютъ памятники, часто не выходило ничего, и послы возвращались ни съ чѣмъ. Но было въ жизни Херсонеса какое-то важное дѣло, о которомъ граждане долго хлопотали и очевидно безуспѣшно. Тогда обратились къ содѣйствію своей метрополіи — Гераклеи, которая и исходатайствовала желаемое. Благодарные граждане поставили псефизмъ, который и дошелъ до насъ почти полностью. Вотъ онъ:

„Въ добрый часъ! Такъ какъ высокочтимые отцы гераклеоты

съ родственнымъ чувствомъ позаботились о нашемъ спасеніи и, приложивъ все стараніе и всю неподдѣльную любовь, отправили къ богу нашему и владыкѣ императору Титу Элію-Адріану-Антонину посольство всячески молить за насъ, а божественные отвѣты и милостиво дарованныя благодѣянія переслали черезъ знатнѣйшихъ мужей, Геракла сына Мнестея и Прокла сына Мемнона, то мы сочли долгомъ усердно вознаградить ихъ. Посему совѣтъ и народъ постановилъ восхвалить за эти дѣянія прародительскій нашъ... городъ и первый въ Понтѣ....."

За что была благодарность, что выхлопотали гераклеоты,— повторяемъ, пока не выяснено. Но во всякомъ случаѣ для неизбалованныхъ исполненіемъ просьбъ херсонесцевъ услуга была велика. Интересно въ этомъ памятникѣ раболѣпное отношеніе къ римскому императору. Гдѣ тотъ свободный тонъ, которымъ дышитъ каждая строка псефизма Діофанту, посланному царемъ Митридатомъ, имя котораго вспоминается только вскользь, безъ раболѣпныхъ эпитетовъ, точно необязательная прибавка? Очевидно, свободное ярмо Рима было очень тяжело для херсонитянъ, которые столько лѣтъ и такъ безуспѣшно старались сбросить его. Въ другой разъ въ своемъ патріотическомъ желаніи херсонитяне зашли такъ далеко, что своего гражданина Аристона, сына Аттина, въ особомъ декретѣ благодарили только за то, что онъ шесть лѣтъ безрезультатно ходатайствовалъ передъ императоромъ Антониномъ о дарованіи свободы „царствующему Херсонесу". Декретъ этотъ помѣщенъ на подножіи статуи, изваянной художникомъ Кифисодотомъ, написанъ въ видѣ отдѣльныхъ благодарностей, помѣщенныхъ въ отдѣльныхъ вѣнкахъ... Изъ документа ясно, что Аристонъ былъ прекраснымъ ходатаемъ по важнымъ общественнымъ дѣламъ, и не его вина, что императоръ шесть лѣтъ держалъ его въ Римѣ и упорно отказывалъ въ просьбѣ, точно боялся исполнить ее. Юргевичъ, Латышевъ, Бобринскій и другіе полагаютъ, что просьба была о полной свободѣ города, которой не хотѣли давать изъ опасенія усилить окраины.

Въ этомъ документѣ обращаетъ на себя вниманіе посольство къ боспорскому царю Реметальку (131—154) съ предложеніемъ заключить союзъ, конечно не противъ Рима, который считался всесильнымъ, а противъ окружавшихъ варваровъ (тавро-скиѳовъ), которые, вѣроятно, позволяли себѣ агрессивныя дѣйствія, пользуясь тѣмъ, что римскій гарнизонъ былъ удаленъ изъ Херсонеса (134 г.). Очевидно, въ этотъ періодъ Херсонесъ былъ вполнѣ самостоятельнымъ. Но долго ли продолжалась такая самостоятельность,

это—вопросъ другой. Вѣроятно, недолго. Сохранилась надпись того же времени, тоже на пьедесталѣ статуи, поставленной городомъ Демократу, сына Аристогена. Въ надписи говорится о его многократныхъ путешествіяхъ въ Римъ за свой счетъ въ качествѣ посла отъ Херсонеса. Демократъ занималъ разныя должности, былъ прекраснымъ гражданиномъ и славился краснорѣчіемъ, но, какъ видно, оно мало помогло, такъ какъ въ декретѣ ни слова объ успѣхѣ. Однако велика была заслуга продолжительныхъ мытарствъ: и народъ и совѣтъ почтили Демократа „вѣчнымъ провозглашеніемъ" и статуей. А вѣдь до насъ дошла только часть отказовъ, которые вкусили настойчивые херсонитяне. Но то, чего не удалось достигнуть одному лицу, удалось цѣлому посольству изъ Гераклеи Понтійской. Выходитъ такъ, что ходатайство Аристона предшествовало ходатайству гераклеотовъ.

Къ эпохѣ императора Антонина относится еще декретъ о дарованіи гражданства и разныхъ привилегій гражданину Синопа Каю Эвтихіану Навклару за разныя услуги. Замѣчательна судьба этого памятника. Когда-то въ былыя времена, быть можетъ при одномъ изъ разгромовъ, онъ былъ разбитъ на двѣ части. Одна изъ нихъ была найдена въ 1822 г. на берегу Волги, въ развалинахъ древней столицы татарскихъ хановъ Сараѣ, куда сносили добычу со всѣхъ мѣстъ, гдѣ бывали татарскіе набѣги; а другая — въ 1893 г. (т.-е. 71 годъ спустя) — уже въ Херсонесѣ. Дальнѣйшая политическая исторія римскаго Херсонеса такъ же однообразна, такъ же неинтересна и такъ же мало извѣстна. Тѣ же ходатайства о свободѣ, тѣ же жалобы на солдатъ, которыхъ то убирали, то ставили вновь, тѣ же декреты о благодарностяхъ лучшимъ гражданамъ. Съ каждымъ столѣтіемъ греческій духъ падаетъ, и уже въ серединѣ III в. городъ хотя и пользуется благосостояніемъ, но уже не чеканитъ свою монету, уже чаще называется Херсономъ и постепенно опускается до степени римскаго провинціальнаго города, занятаго римскимъ гарнизономъ; причемъ римскіе офицеры постепенно начинаютъ занимать должности, которыя въ свободныхъ городахъ занимали выборные граждане.

Но если такъ неинтересна и незначительна политическая роль римскаго Херсонеса, то зато уже съ первыхъ годовъ новой эры онъ получаетъ выдающееся значеніе въ христіанскомъ мірѣ. Къ этому мы и переходимъ.

XI.

Въ то время какъ старѣющій Римъ все болѣе и болѣе разростается, все болѣе погружается въ роскошь и утонченный развратъ, страдая отъ пресыщенія и скуки,—когда подъ желѣзною властью Рима и подъ гнетомъ несправедливостей и непосильныхъ налоговъ изнывали покоренные народы въ ожиданіи смерти или обновленія жизни,—на далекой окраинѣ Римской имперіи, въ мало извѣстномъ уголкѣ Палестины раздается кроткій и любовно взывающій голосъ: „Прійдите ко мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененные, и я успокою васъ. Да возлюбите другъ друга, да возлюбите враговъ вашихъ, какъ самихъ себя, и миръ будетъ между вами!“

И Херсонесъ одинъ изъ первыхъ озаряется свѣтомъ новаго ученія и въ распространеніи его пріобрѣтаетъ выдающееся значеніе. Сохранилось преданіе, что апостолъ Андрей Первозванный приходилъ въ Херсонесъ. Такъ, въ житіи апостола, написанномъ около VIII — IX в., говорится, что апостолъ, „оставивъ Өеодосію, городъ многолюдный и образованный... отправился въ Херсонъ, какъ жители Херсона намъ разсказывали. Херсаки же (херсонитяне) — народъ коварный и до нынѣшняго дня туги на вѣру, лгуны и поддаются влеченію всякаго вѣтра. Андрей, пробывъ у нихъ довольно дней, воротился въ Боспоръ и, нашедши корабль, переплылъ въ Синопъ“. А разъ апостолъ былъ въ этихъ мѣстахъ, то, несомнѣнно, проповѣдывалъ здѣсь божественное ученіе и тѣмъ посѣялъ первыя сѣмена христіанства. Но это было только началомъ.

Въ концѣ I в. въ христіанскомъ мірѣ Херсонесъ занялъ исключительное положеніе, благодаря тому, что сдѣлался мѣстомъ ссылки знатныхъ римлянъ, принявшихъ христіанство и ставшихъ первыми страдальцами за новую вѣру. Такъ извѣстно, что племянница императоровъ Тита и Домиціана (79—96), Флавія Домицилла, за принятіе христіанства была сослана въ Херсонесъ, гдѣ, будто бы, жила въ заточеніи. Въ концѣ I в., въ царствованіе Траяна, сюда сосланъ былъ главный римскій епископъ Климентъ.

Такъ какъ жизнь и дѣятельность этого проповѣдника и учителя церкви, здѣсь же пострадавшаго за свои убѣжденія, имѣетъ большое значеніе не только для Херсонеса, но и для всего христіанскаго міра, то на ней мы остановимся нѣсколько подробнѣе,

на основаніи дошедшихъ до насъ легендъ, не устраняя изъ нихъ даже чудеснаго элемента, который, точно сіяніе, окружаетъ дѣла проповѣдника; удаливъ это сіяніе, увидимъ историческій образъ. Климентъ родился въ Римѣ, въ знатной фамиліи. Отецъ его былъ сенаторомъ. По преданію, во время его ранняго дѣтства, мать Климента должна была оставить Римъ и отправиться въ Аѳины съ двумя старшими дѣтьми. Но буря занесла корабль на одинъ изъ малоазійскихъ острововъ, и мать съ дѣтьми въ числѣ другихъ попала въ руки пиратовъ. Отецъ Климента, желая отыскать семью, предпринялъ долгое путешествіе. И маленькій Климентъ, оставшійся дома, росъ одинокимъ среди богатой, роскошной обстановки, не зная ни материнской любви, ни ласки. Предоставленный себѣ уже съ юныхъ лѣтъ, онъ часто задумывался надъ религіозными вопросами. Языческія вѣрованія и многочисленные боги не могли ни успокоить, ни разрѣшить мучившихъ его вопросовъ и сомнѣній. Климентъ, какъ и многіе въ его время, ясно сознавалъ всю несостоятельность римскихъ боговъ, олицетворявшихъ собой всѣ человѣческія слабости и ни одной добродѣтели, и занимавшихся, какъ учила религія, главнымъ образомъ пирами и скверными похожденіями. Да и сами императоры, уже много поколѣній получавшіе царскій вѣнецъ путемъ крови своего предшественника, и весь императорскій дворъ въ цѣломъ ряду поколѣній расшатали устои боговъ, приняли всѣ ихъ земные аттрибуты и задолго до Климента стали именоваться божественными и просто богами. Имъ строили храмы; предъ ихъ изображеніями приносились жертвы и курили ѳиміамъ. Въ это же время на далекомъ востокѣ разгорѣлась заря новаго любвеобильнаго ученія, которое мирило съ тяжелымъ настоящимъ и много обѣщало въ будущей жизни. Новое ученіе уже задолго до Климента проникло въ Римъ и привлекало много вѣрующихъ, готовыхъ пострадать за свои убѣжденія. Плѣнило оно и сомнѣвавшагося въ язычествѣ Климента и увлекло его прямо на востокъ, къ самому источнику христіанства. Въ Александріи, говоритъ преданіе, Климентъ встрѣтилъ апостола Варнаву, слушалъ его проповѣдь и поученія. Въ Кесаріи [1]) встрѣтилъ апостола Павла и отъ него принялъ крещеніе (62 г.), долгое время путешествовалъ съ нимъ и раздѣлялъ и опасности, и труды апостольской проповѣди, и возможно, что слова апостола въ посланіи къ филиппійцамъ: „Ей, прошу и тебя, искренній сотрудникъ, помогай имъ, подвизавшимся въ благовѣствованіи вмѣстѣ со мною и съ

[1]) Въ Малой Азіи.

Климентомъ и съ прочими сотрудниками моими, которыхъ имена въ книгѣ жизни“ (IV, 3)—относятся именно къ нашему Клименту. По мнѣнію епископа кипрскаго Эпифанія (323—402), Климентъ былъ поставленъ во епископа апостоломъ Петромъ.

Во время своего епископства въ Римѣ Клименту пришлось вытерпѣть весь ужасъ гоненій на христіанъ при императорѣ Домиціанѣ (81—96). Но Климентъ хорошо понималъ, что гоненія происходятъ не отъ непріязни къ христіанской вѣрѣ, такъ какъ императоры и римскіе жрецы мало интересовались вопросами даже своей религіи и терпѣли у себя всѣ вѣроисповѣданія, но тѣмъ и другимъ нужно было, чтобы повелѣнія императоровъ считались божескими, а христіане, вѣруя во Единаго Бога, не хотѣли признать императоровъ богами и тѣмъ уничтожали всю идею о всемогуществѣ и непоколебимости власти императоровъ. Это было государственнымъ преступленіемъ, которое каралось мучительной смертью. Перспектива ея не пугала Климента; онъ твердъ былъ въ вѣрѣ и показалъ здѣсь примѣръ самоотверженія. Во время гоненій онъ раздѣлилъ Римъ между семью писцами и съ помощью ихъ собиралъ и записывалъ свѣдѣнія о мученическихъ подвигахъ послѣдователей Христа. Подвиги эти только ободряли Климента, и онъ продолжалъ поучать, обращать ко Христу и крестить даже высокопоставленныхъ лицъ. По одному изъ преданій, божественное слово въ устахъ Климента глубоко запало въ душу Ѳеодоры, жены нѣкоего Сисинія, друга императора Нервы (96—98). Она увѣровала и посѣщала собранія христіанъ. Сисиній, желая узнать, куда ходитъ жена, однажды отправился вслѣдъ за ней въ христіанскую церковь, и здѣсь, когда Климентъ произнесъ обычную молитву, Сисиній разомъ оглохъ и ослѣпъ. По молитвамъ Климента, Сисиній выздоровѣлъ, увѣровалъ вмѣстѣ съ Ѳеодорой и крестился. Крещеніе важнаго лица вызвало волненіе. На Климента донесли городскому эпарху (градоначальнику), и тотъ, грозя казнью, предложилъ Клименту прекратить проповѣдь и отказаться отъ своего ученія; но духовный наставникъ былъ непреклоненъ, и какъ говоритъ средневѣковая легенда (привожу ее не всю, а наиболѣе интересную ея часть, наилучше характеризующую Климента и его эпоху), продолжалъ свое дѣло.

„Даже эллинами былъ чтимъ Климентъ [1]), и они охотно внимали ему за то, что безъ порицанія и безъ пренебреженія, но какъ бы съ нѣкоторымъ сочувствіемъ и съ приведеніемъ свидѣ-

[1]) Подъ эллинами здѣсь понимаются язычники.

тельствъ отовсюду изъ книгъ и писаній ясно показывалъ, откуда возникли ихъ мнимые боги, и гдѣ произошли, и къ какому концу пришли, и какъ жалко потеряли жизнь.

„Мамертинъ же, городской эпархъ, не имѣя возможности долго смотрѣть на волнующійся такимъ образомъ городъ и негодуя на распространеніе благочестія, призываетъ блаженнаго Климента къ себѣ и такими словами намѣревается поколебать благородную душу: „Ты происходишь отъ родовитаго корня; это свидѣтельствуетъ весь римскій народъ; но ты впалъ въ человѣческое заблужденіе, и объ этомъ городъ молчать не можетъ; ибо говорятъ, что ты вводишь новую религію и помимо отеческихъ боговъ проповѣдуешь нѣкоего Христа. Посему слѣдуетъ тебѣ отложить это излишнее суевѣріе и благоговѣйно чтить однихъ только обычныхъ въ городѣ боговъ". Епископъ сказалъ: „Молю твою крѣпость дать мнѣ слово и внять моимъ отвѣтамъ и не смущаться безтолковымъ шумомъ и пустыми смятеніями; ибо не должно быть ни шуму, ни смятенія, когда человѣку надлежитъ говорить о своемъ спасеніи и заботиться объ истинномъ Богѣ"...

„Эпархъ, понявъ разомъ, изъ самаго приступа къ рѣчи, и твердость, и благородство Климента, не захотѣлъ болѣе ни самъ говорить, ни слышать что-либо далѣе отъ Климента, и, прервавъ бесѣду, донесъ о немъ самодержцу Траяну. Императоръ поставилъ такое рѣшеніе: „Пусть Климентъ или принесетъ жертву отеческимъ богамъ, или пусть удалится изъ Рима на вѣчную ссылку за море, въ какой-нибудь пустынный городъ изъ прилегающихъ къ Херсону".

„Получивъ такое рѣшеніе, Мамертинъ сомнѣвался, выберетъ ли Климентъ изгнаніе, или сочтетъ за лучшее исполнить волю императора и принесетъ жертву богамъ. Ибо, ставя себя въ положеніе наказываемаго, эпархъ не могъ допустить такой доблести; Климентъ же не только не думалъ подчиниться рѣшенію императора или малодушествовать передъ ссылкой, но даже старался самого эпарха обратить къ благочестію. И такая благодать осѣнила Климента и языкъ его источалъ такія рѣчи, что и самъ Мамертинъ, объятый теплой любовью къ Клименту, много сокрушался изъ-за его ссылки и со слезами говорилъ епископу: „Богъ, которому ты беззавѣтно служишь, да будетъ тебѣ помощникомъ въ годину бѣдствій". И тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе приготовить корабль, снабдить его всѣмъ нужнымъ для Климента, подалъ ему правую руку, обнялъ и отпустилъ при цѣлованіи со стороны присутствовавшихъ...

„Многіе изъ благочестивыхъ людей послѣдовали за Климен-

томъ и достигли мѣста ссылки — въ мраморныя каменоломни, гдѣ и нашли до двухъ или болѣе тысячъ христіанъ, давно уже содержимыхъ тамъ за благочестіе. Они уже слышали о епископѣ, что онъ удаленъ изъ Рима и направляется къ нимъ въ ссылку, и не мало утѣшались, ожидая его. Когда же Климентъ прибылъ, то они, бросивъ свою работу, вышли къ нему со слезами, припали къ ногамъ его, цѣловали обнимавшія ихъ непорочныя руки и плакали о своемъ несчастіи, т.-е. удаленіи изъ отчизны, жаловались на житье на чужбинѣ, на недостатокъ во всемъ необходимомъ и особенно на недостатокъ воды, что̀ было для нихъ весьма тяжело; ибо говорили, они, „если бы кто изъ насъ, послѣ цѣлаго дня ручной работы, изнуренный трудомъ, пожелалъ хотя малой капли воды, чтобы освѣжиться, то долженъ былъ бы пройти за водой не менѣе 45 стадій“ [1]).

„Еще года не пробылъ Климентъ въ изгнаніи, какъ уже созидаются вѣрующими церкви, числомъ 75, и вся идольская изгоняется прелесть. — Эта молва доходитъ до ушей императора. Императоръ посылаетъ гегемона Эвфидіона, съ приказомъ не только не допускать дальнѣйшаго распространенія христіанства, но и уже обратившихся ко Христу отвесть и отторгнуть отъ благочестія.

„Евфидіонъ, пришедши въ Херсонъ, подвергнулъ христіанъ многимъ и различнымъ мученіямъ. Когда же замѣтилъ, что всѣ въ душѣ стали мучениками и готовы на тысячи смертей, то всю ярость обрушиваетъ на блаженную голову Климента и, вывезши мученика на середину моря, привязавъ на шею его желѣзный якорь, опускаетъ въ глубину, дабы и тѣло его, говорилъ гегемонъ, не досталось христіанамъ. Оно было ввергнуто въ море, а множество христіанъ, стоя на берегу, плакали и стонали и печальнѣйшими воплями призывали епископа. Корнилій же и Фивъ, ученики Климента, сами вопили, и не зная, какое утѣшеніе предложить въ несчастіи, сказали: „Помолимся всѣ единодушно, чтобы хотя мощи мученика были явлены намъ“.

„И когда они молились, — о, велики чудеса твои, Господи, ибо чудодѣйствуется здѣсь нѣчто дивнѣе Моисеева! — отступаетъ море назадъ почти не менѣе, какъ на 20 стадій. И пришедшіе во множествѣ христіане по сухому дну — дивная и здѣсь, Христе, твоя сила! — находятъ скалу, подобную храму, устроенную твоею неизреченною мудростью, и лежащее (въ углубленіи скалы) свѣтлое тѣло мученика. Тутъ же вблизи скалы и выше упомянутый

---

[1]) Греческая мѣра = 125 шагамъ. 45 стадій = около 4 верстъ.

якорь. Но было откровеніе Корнилію и Фиву, чтобы не переносить оттолѣ мощей, благолѣпно лежащихъ въ глубинѣ.

„И каждое годовое кругообращеніе ко времени кончины мученика отступаетъ море на семь дней, открывая доступъ для приходящихъ къ мощамъ пѣшкомъ и шагъ за шагомъ. И это съ того времени ежегодно совершается и донынѣ, обозначая во всенародное извѣстіе срокъ памяти святого. Посему у херсонесцевъ нѣтъ ереси и эллинства, ибо тамъ на память мученика совершаются знаменія и чудеса, руководящія всѣхъ къ познанію и ясно направляющія къ истинѣ“ [1]).

Мученическая кончина Климента не только не устрашила новыхъ послѣдователей Христа, но даже произвела такое же дѣйствіе, какъ и „свѣточи христіанства“ въ Римѣ: число вѣрующихъ увеличилось. И, по преданію, вслѣдъ за Климентомъ проповѣдь его продолжали его ученики и сотрудники, Фивъ и Корнилій.

Съ конца II и до III вѣка, т. е. почти цѣлое столѣтіе, мы имѣемъ очень мало свѣдѣній о политической и религіозной жизни Херсонеса. Римляне, въ царствованіе Марка Аврелія (161—180) занятые войнами съ германскими народами, а затѣмъ, при Александрѣ Северѣ (222—235), съ персами, очень мало обращали вниманія на провинціи, а тѣмъ болѣе на отдаленный Херсонесъ, которому при свирѣпомъ предшественникѣ Александра, Каракаллѣ, даны права римскаго гражданства,—правда, не отдѣльно, а наравнѣ съ другими провинціями, что, очевидно, было вызвано необходимостью. Съ другой стороны, въ этотъ періодъ стало замѣтно падать язычество, и въ массахъ оно смѣнилось грубымъ суевѣріемъ, или, лучше сказать, вѣрою во всякую чертовщину, а въ высшихъ классахъ — полнымъ невѣріемъ и равнодушіемъ и къ религіи, и къ богамъ, потерявшимъ всякій кредитъ.

XII.

Въ это время (средина III в.) въ предѣлахъ херсонесскихъ владѣній появился новый грозный врагъ: то были готы и родственные съ ними герулы, явившіеся сюда изъ далекихъ сѣверо-западныхъ странъ, съ береговъ Балтійскаго моря и бассейновъ Вислы и Нѣмана. Свое пришествіе они ознаменовали прежде всего тѣмъ, что разрушили крайній сѣверный пунктъ Боспор-

[1]) Съ греческой рукописи XII—XIII в.

скаго царства, Танаидъ (въ устьяхъ Дона), а затѣмъ и сама столица царства попала въ зависимость отъ готовъ, которые и начали свои разбойничьи предпріятія по Эвксинскому Понту на боспорскихъ же судахъ. Само собой разумѣется, не оставили они своимъ вниманіемъ и Херсонесъ. Но насколько онъ тогда пострадалъ, пока неизвѣстно. Вѣроятно, немного, такъ какъ въ Тавриду направилась только частица готовъ, большая же ихъ часть оперировала противъ Римской имперіи въ бассейнѣ Днѣстровскаго лимана и западнѣе, ближе къ Дунаю. Часть готовъ, оставшаяся въ Тавридѣ, скоро слилась съ туземнымъ населеніемъ и точно растворилась въ немъ, а позднѣе на свѣтъ исторіи является въ качествѣ туземнаго населенія Крымскихъ горъ (Кулаковскій).

Въ это время мы уже не видимъ участія Рима въ дѣлахъ подвластныхъ ему окраинъ. Ему было не до окраинъ: его самого тѣснили германскія племена; къ тому же онъ готовился торжественно праздновать тысячелѣтіе своего существованія. Но празднество (248) было тризной надъ славнымъ владыкою міра. Онъ постепенно слабѣетъ и теряетъ свое значеніе. Наступившее за торжествомъ смутное время, извѣстное подъ названіемъ „эпохи тридцати тирановъ“, окончательно ослабило значеніе Рима. Не помогли и побѣды надъ германскими народами возстановителя римскаго единства, императора Авреліана (270—275), и при Діоклетіанѣ (285—305) Римъ лишается даже значенія столицы, и имперія дѣлится на четыре части (тетрархіи).

Послѣднему „властителю міра“, Діоклетіану, еще до окончательнаго его паденія, какъ повѣствуетъ Константинъ Порфирородный, Херсонесъ оказалъ значительную услугу и поддержку. Дѣло въ томъ, что одинъ изъ послѣднихъ боспорскихъ царей, Савроматъ IV, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Рима, задумалъ, по примѣру Митридата и Фарнака, вытѣснить римлянъ изъ Малой Азіи, по крайней мѣрѣ изъ Понта, и вернуть старыя владѣнія. Онъ собралъ полчища сарматовъ, россовъ и другихъ обитателей береговъ Меотійскаго озера (Азовскаго моря) и двинулся на римлянъ. Начало для Савромата было удачно: онъ отвоевалъ страну лазовъ [1]), область Понтики до рѣки Галиса [2]) и овладѣлъ нѣсколькими римскими городами. Тогда Діоклетіанъ послалъ противъ Савромата войско подъ предводительствомъ трибуна Констанція Хлора, впослѣдствіи императора и отца Константина Великаго. Констанцій встрѣтилъ непріятеля у рѣки

---

[1]) Часть нынѣшней Кутаиской губерніи, гдѣ нынѣ абхазцы и мингрельцы.

[2]) Нынѣ Кизилъ-Ирмакъ, дѣлящій Малую Азію почти пополамъ.

Галиса, но оказался слишкомъ слабымъ, чтобы помѣшать врагу переправиться черезъ рѣку. Въ эту критическую минуту, по совѣту Констанція, Діоклетіанъ отправилъ пословъ въ Херсонесъ просить о помощи.

Протевономъ и „носителемъ вѣнца“ въ Херсонесѣ былъ Христъ, сынъ Папія. Граждане выслушали пословъ императора и рѣшили помочь ему. Они собрали войска, вооруженныя луками, вызвали ратниковъ изъ подчиненныхъ имъ укрѣпленій, заготовили военныя колесницы, приспособили на нихъ „хиробалисты“ (метательные снаряды) и двинулись къ Пантикапею; хитростью овладѣли плохо вооруженнымъ городомъ, гдѣ захватили въ плѣнъ жену и семейство Савромата. Послѣ этого, будто бы, подчинились Херсонесу всѣ боспорскія крѣпости, расположенныя по берегамъ Меотійскаго озера.

Завладѣвъ городомъ, протевонъ Христъ предложилъ плѣннымъ семействамъ отправить отъ себя посольство въ Азію, къ Савромату, дабы уговорить его заключить миръ съ имперіей въ присутствіи херсонесскихъ пословъ. Отъ Савромата требовалось, чтобы онъ возвратилъ всѣ завоеванныя имъ мѣстности и прислалъ бы отвѣтное посольство для окончательнаго заключенія мира. По заключеніи мира между Савроматомъ и Римомъ, Христъ обязывался вывести херсонесцевъ изъ Пантикапея. Если же Савроматъ задумалъ бы хитрить, то Христъ угрожалъ поголовнымъ избіеніемъ всѣхъ жителей отъ мала до велика. Тогда боспорцы поспѣшили исполнить предложеніе херсонесцевъ и отправить пословъ; послѣ чего Савромату волей-неволей пришлось принять поставленныя ему Христомъ условія, и, скрѣпя сердце, онъ возвратился въ Пантикапей, гдѣ херсонесцы передали ему городъ и плѣнныхъ, а сами мирно возвратились домой. Послѣ этого Діоклетіанъ радушно принялъ херсонесскихъ пословъ, горячо благодарилъ херсонесцевъ за оказанную услугу, назвалъ ихъ „истинными *вѣрноподданными* Римской имперіи“ и обѣщалъ исполнить все, что они пожелали бы для себя или города. Послы просили, чтобы императоръ далъ имъ „вѣрную свободу“, т.-е. призналъ бы полную независимость Херсонеса и освободилъ городъ отъ уплаты податей. Все это было даровано, и послы, богато одаренные, были отпущены обратно въ Херсонесъ.

Такъ пишетъ Константинъ Порфирородный въ своей лѣтописи. Несомнѣнно, разсказъ заимствованъ со словъ какого-нибудь хвастливаго херсонесца и не заслуживаетъ довѣрія. Знаменитый Момзенъ даже называетъ его „херсонесскими баснями“. Въ самомъ дѣлѣ, откуда у херсонесцевъ въ то

тяжелое время, когда ихъ обирали римляне, могли найтись средства, чтобы поставить большую вооруженную силу? Во всемъ разсказѣ (у насъ очень сокращенномъ) мнѣ кажется достовѣрнымъ только конецъ, гдѣ херсонесскіе делегаты просятъ о свободѣ и освобожденіи отъ податей, и похвальныя слова императора, который на этотъ разъ долженъ былъ согласиться и дать просимое, хотя бы на время, такъ какъ ему самому пришлось плохо, и черезъ нѣкоторое время онъ вынужденъ былъ отдать свои регаліи другимъ.

XIII.

Въ концѣ царствованія того же Діоклетіана (начало IV в.) іерусалимскій патріархъ Германъ разослалъ многихъ епископовъ въ разныя страны для проповѣдыванія евангельскаго ученія. Двое изъ нихъ—Василей и Ефремъ—прибыли въ Херсонесъ. Преданіе говоритъ, что жители изгнали ихъ за проповѣдь. Тогда Ефремъ ушелъ далѣе на западъ, къ берегамъ Дуная, а Василей удалился на стоящую во ста стадіяхъ отъ Херсонеса пещеру горы, называемой „Дѣвичьей", гдѣ стоялъ древній храмъ и „идолъ нѣкія дѣвицы, эллинскія богини", и здѣсь въ молитвѣ ожидалъ лучшаго времени. Случай помогъ Василею. Вотъ что̀ говоритъ преданіе. У одного изъ именитыхъ херсонесскихъ гражданъ умеръ единственный сынъ. Его похоронили, и родители съ горькой думой сидѣли надъ свѣжей могилой, не отходя ни днемъ, ни ночью. Во снѣ явился имъ умершій сынъ и сказалъ: „Что̀ сидите здѣсь и рыдаете! Не могутъ боги ваши, бездушные идолы, воскресить меня. Если же хотите видѣть меня опять живымъ, умолите того странника, котораго вы изгнали, чтобы онъ обо мнѣ помолился своему Богу, и вы увѣруете въ того Бога, котораго онъ вамъ проповѣдуетъ; ибо Онъ есть единый, истинный, имѣющій власть надъ живыми и мертвыми, и можетъ возстановить меня изъ мертвыхъ молитвами оскорбленнаго вами человѣка".

Воспрянувъ отъ сна, родители отрока разсказали другъ другу свое видѣніе, и тѣмъ болѣе изумились, что оба, отецъ и мать, видѣли одно и то же. Съ радостью возвратились они въ городъ и возвѣстили бывшее съ ними приснымъ своимъ. Въ тотъ же день пошли искать человѣка божія и обрѣли его въ пещерѣ. Родители съ домашними своими припали къ ногамъ святого, умоляя воскресить сына. Долго отказывался св. Василей, говоря: „Какъ могу я, человѣкъ грѣшный, сотворить такое чудо? Но

если увѣруете въ проповѣдуемаго мною Бога, получите просимое, ибо Онъ одинъ можетъ воздвигать мертвыхъ изъ гробовъ!"

„Если увидимъ сына нашего живымъ,—отвѣчали родители,—то все, что намъ повелишь, исполнимъ.—Тогда святитель божій подошелъ съ ними къ гробницѣ и, отваливъ камень, взошелъ внутрь гробового покоя. Онъ сотворилъ крестное знаменіе надъ умершимъ и послѣ продолжительной молитвы, освятивъ воду, возлилъ ее на мертваго на подобіе святого крещенія, и... внезапно ожилъ мертвый и прославилъ Бога живаго... Ужасъ объялъ предстоявшихъ; всѣ припали къ ногамъ святого, называя его великимъ, а Бога, исповѣдуемаго имъ—истиннымъ и всемогущимъ. Епископа ввели съ честью въ Херсонесъ; послѣ чего отецъ воскресшаго крестился со всѣмъ семействомъ и много народа приложилось къ сонму вѣрующихъ. Такимъ образомъ церковь Христова росла въ Херсонесѣ, а капища языческія и еврейскія синагоги упразднялись. Видя запустѣніе храмовъ своихъ, іудеи, обитавшіе въ Херсонесѣ, научили идолопоклонниковъ эллиновъ возстать на христіанъ, наипаче же на учителя ихъ св. Василея, и умертвить его. Ибо такимъ образомъ, говорили они, легче разорится христіанство. И собралось множество нечестивыхъ съ оружіемъ въ рукахъ и съ воплемъ напали на архіерея божьяго; извлекли его изъ храмины, связали ноги и такъ влачили по улицамъ, поражая камнями и дреколіями. И влекли его чрезъ „святыя ворота" до того мѣста, гдѣ поставленъ былъ столбъ и на столбѣ крестъ, и страдальчески скончался святитель предъ знаменіемъ нашего искупленія. Онъ предалъ чистую душу свою Богу марта 7-го дня, 310 г. Тѣло святого мученика Василея повержено было за вратами города на съѣденіе псамъ и птицамъ; но ночью приходилъ волкъ и стерегъ святое тѣло отъ хищныхъ звѣрей, а днемъ надъ тѣломъ парилъ орелъ, отгоняя плотоядныхъ птицъ. Также свѣтъ являлся надъ тѣломъ, пока наконецъ христіане, тайно его взявъ, съ честью погребли, гдѣ—неизвѣстно".—Такъ говоритъ средневѣковая легенда, такъ говорятъ Житія Святыхъ. Мы привели ее во всей чистотѣ и наивной вѣрѣ, для характеристики эпохи. Въ половинѣ XVI столѣтія Бароній писалъ папѣ Павлу IV, что видѣлъ около Херсонеса могилу св. Василея.

Отбросивъ легендарную и чудесную часть сказанія, мы видимъ, что въ то время язычество было очень сильно. Въ Херсонесѣ дѣло проповѣди Христова ученія было небезопасное, и для обращенія въ христіанство требовались особыя условія.

Въ сказаніи о св. Василеѣ заслуживаетъ вниманія упоми-

наніе объ „іудеяхъ“ въ Херсонесѣ, которые хотя непосредственно и не принимали участія въ гоненіи на христіанъ и въ частности въ побиваніи епископа Василея, но, „видя запустѣніе храмовъ своихъ, научали идолопоклонниковъ эллиновъ возстать на христіанъ“. Отсюда видно, что евреевъ здѣсь было довольно, но уменьшалось число сторонниковъ и возможныхъ адептовъ закона Моисеева, и этимъ раздражались іудеи.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ московскомъ „Археологическомъ обществѣ“ А. Л. Погодинъ сдѣлалъ интересное сообщеніе о „Евреяхъ въ Боспорскомъ царствѣ“. Докладчикъ, на основаніи изслѣдованныхъ имъ надписей на могильныхъ памятникахъ и другихъ данныхъ, показалъ, что евреи уже въ IV в. до Р. Х. были осѣдлыми жителями Пантикапея. Живя среди греческаго населенія, евреи мѣняли свои имена на греческія, за что подвергались осужденію среди талмудистовъ. Такъ одинъ изъ равиновъ, убѣждая евреевъ не мѣнять ихъ именъ, указывалъ, что и отъ египетскаго плѣна Богъ избавилъ ихъ за то, что они не перемѣнили въ Египтѣ своихъ именъ.

Въ римское время (около 80 г. по Р. Х.) надписи говорятъ о существованіи въ Пантикапеѣ еврейской синагоги и довольно значительной іудейской общины. На Таманскомъ полуостровѣ, въ окрестностяхъ Фанагоріи (Тамани) найдено было много еврейскихъ надписей и камней съ изображеніемъ семисвѣчника. Хронологія этихъ эпитафій пока неизвѣстна, но весьма вѣроятно, что онѣ относятся къ VI—VII вв. нашей эры. Докладчикъ указывалъ на тотъ фактъ, что надписи остаются греческими до 157 г. по Р. Х., а позднѣе уже дѣлаются по-еврейски. Любимымъ греческимъ именемъ, которое принимали евреи, было—Друзъ. Иногда и еврейское имя удвоивалось принимаемымъ новымъ греческимъ. То же, конечно, относится и къ херсонесскимъ евреямъ.

Преемниками Василея были епископы: Евгеній, Элпидій и Агаѳодоръ, присланные тѣмъ же Германомъ. Ихъ постигла та же участь, что и Василея: они были умерщвлены, при томъ, по преданію, всѣ въ одинъ день—7-го марта 311 г. Церковь причислила ихъ къ лику святыхъ.

Послѣ нихъ „пріиде въ Херсонъ еп. Эферій, во дни Константина Великаго (306—337) и, видѣвъ въ Херсонѣ лютость невѣрнаго народа, иде въ Византію къ царю Константину и жаловася на нечистый херсонскій народъ“.

На обратномъ пути въ Херсонесъ Эферій умеръ (324 г.). Узнавъ объ этомъ, херсонскіе христіане сами просили императора

прислать имъ другого епископа. Къ этому времени вѣянія и отношенія къ христіанамъ рѣзко перемѣнились. Христіанство распространялось и становилось преобладающей религіей. Константинъ Великій, сынъ соправителя Діоклетіана, Констанція Хлора, объединилъ временно Римскую имперію, перенесъ столицу въ Византію, которая вскорѣ приняла имя императора, а ея именемъ стала называться вся имперія. И Константинъ, будучи самъ язычникомъ, миланскимъ эдиктомъ (313 г.) предоставилъ христіанамъ свободу вѣроисповѣданія и право занятія государственныхъ должностей; а передъ смертью и самъ всенародно принялъ христіанство (337 г.). При такомъ положеніи дѣла просьба херсонитятъ была уважена. Къ нимъ былъ посланъ епископъ Капитонъ, „мужъ, какъ говоритъ сказаніе, рѣдкой вѣры и богоугодной жизни". Когда онъ прибылъ въ Херсонесъ и началъ проповѣдывать, то язычники въ подтвержденіе божественности христіанскаго ученія потребовали отъ святителя знаменія и чудесъ и предложили ему войти въ раскаленную известковую печь, говоря: „Если войдешь и останешься невредимъ, то и мы увѣруемъ въ твоего Бога". Тогда святитель, сотворивъ молитву, вошелъ въ печь и, къ удивленію всѣхъ, довольно долго пробылъ тамъ въ молитвенномъ положеніи; потомъ, положивъ въ омофоръ горящіе угли, вышелъ невредимъ. Чудо это поразило всѣхъ, и множество язычниковъ крестилось отъ руки епископа. Такъ говоритъ преданіе. Судя по этимъ преданіямъ, а равно по количеству херсонесскихъ мучениковъ, можно заключить, что, благодаря отдаленности провинціи отъ центра просвѣщенія и сосѣдству варваровъ-язычниковъ, христіанство здѣсь прививалось довольно туго. И не мудрено: христіанство шло въ разрѣзъ съ вѣроученіемъ и соціальными взглядами язычниковъ-варваровъ, и, какъ мы видѣли изъ легендъ, не безопасна была проповѣдь среди нихъ. Поэтому даже самъ Константинъ Великій рѣшился водворить въ Херсонесѣ епископа Капитона только подъ охраной 500 воиновъ. Да и позднѣе язычество исчезало очень медленно, что можно видѣть по монетамъ Херсонеса, на которыхъ христіанскій символъ появляется лишь въ царствованіе Тиверія Маврикія (582—602). Папа Мартинъ въ 665 г. писалъ, что въ Херсонесѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ обитали все язычники и люди, перешедшіе къ языческимъ обычаямъ. И даже далеко позднѣе (VIII – IX в.) въ житіи апостола Андрея читаемъ: „Херсаки—народъ коварный и до нынѣшняго дня туги на вѣру".

Какъ видно, церковную исторію Херсонеса, вообще мало намъ извѣстную, приходится возстанавливать по агіографическимъ

памятникамъ, дошедшимъ до насъ въ обработкѣ и записяхъ позднѣйшихъ вѣковъ (VIII—X). „Что касается до мѣста происхожденія этихъ житій и легендъ,—говоритъ Латышевъ,—то въ нихъ же имѣются непреложныя доказательства того, что они написаны въ самомъ Херсонесѣ. Именно во вступительномъ словѣ читаемъ: „на похвалу *сѣде* мученыихъ стыихъ и прѣчьстъныихъ мужъ м(о)штьно исповѣдати. Далѣе: „и *сий* херсоньскый градъ". И наконецъ: „Хсъ Бгъ нашъ остави намъ стыихъ мученикъ и архиеппъ житие". Къ этимъ указаніямъ, совершенно яснымъ, можно прибавить еще мелкія подробности о томъ, какими воротами были вынесены изъ города тѣла святыхъ мучениковъ и въ какой сторонѣ отъ города погребены, а также точное опредѣленіе границъ участка, отведеннаго для стражи Капитона. Всѣ эти подробности врядъ-ли кому могли быть интересны и даже извѣстны, кромѣ туземца. Эти соображенія приводятъ къ мысли, что авторомъ было херсонесское духовное лицо, игуменъ или, вѣроятнѣе, епископъ". Но опредѣлить время составленія житія очень трудно: приблизительно между концомъ IV и началомъ IX в.

„Въ Корсуни, какъ и въ Сурожѣ,—говоритъ Васильевскій въ своихъ „Русско-византійскихъ изслѣдованіяхъ",—процвѣтала мѣстная греческая письменность, отъ которой дошли до насъ, къ сожалѣнію, только очень скудные остатки и отчасти намеки. Въ числѣ остатковъ, дошедшихъ до насъ, можно отмѣтить, напр., извѣстную „Исторію города Херсона", сохраненную Константиномъ Багрянороднымъ, сказаніе св. Ефрема „О чудѣ св. Климента", „Слово на перенесеніе мощей св. Климента".

Въ указанныхъ памятникахъ зерно исторической правды всегда окутано толстой пеленой апокрифическихъ сказаній, и раскрыть эту пелену и добраться до правды очень трудно. Приводя выписки изъ житій херсонесскихъ святителей, мы вовсе не придаемъ имъ значенія достовѣрныхъ фактовъ, а смотримъ на нихъ, какъ на апокрифы. Впрочемъ, имѣются кое-какія положительныя историческія данныя. Такъ среди подписей отцовъ второго вселенскаго собора (381 г.) имѣется подпись херсонесскаго епископа Эферія. Также имѣются указанія о миссіонерскихъ подвигахъ св. Капитона, о которыхъ было доложено на первомъ вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ (325 г.), и соборъ выразилъ Капитону за его труды молитвенную благодарность, о чемъ было поручено епископу ѳессалоникскому сообщить въ Херсонесѣ. Весьма вѣроятно, что о дѣяніяхъ Капитона сообщилъ „Кадмъ, епископъ Боспора", подпись кото-

раго имѣется подъ соборными постановленіями. И благодаря дѣятельности семи помянутыхъ херсонесскихъ епископовъ, первая четверть IV в. проходитъ свѣтлой полосой чрезъ исторію Херсонеса. „Со времени св. Капитона,—говоритъ церковный историкъ,—херсонесская епархія основалась вполнѣ и начался непрерывный рядъ ея епископовъ. Впослѣдствіи они стали именоваться архіепископами, а наконецъ и независимыми (автокефальными) митрополитами". А разъ утвердилась епархія, то, надо полагать, въ это время христіанство въ Херсонесѣ имѣло уже глубокіе корни, и вырвать ихъ не было силы.

Съ этого времени начинается и византійскій періодъ жизни Херсонеса, такъ какъ около 330 г. столица Римской имперіи перенесена въ Византію, и Херсонесъ съ своими просьбами обращается уже не въ Римъ, а сюда. Но большинство историковъ начинаютъ византійскій періодъ нѣсколько позднѣе, а именно отъ распаденія Римской имперіи на западную и восточную (395 г.).

Евг. Э. Ивановъ.

ПУСТОЙ СЛУЧАЙ

РАЗСКАЗЪ.

Ивановъ зналъ, что его братъ Григорій бѣжалъ съ каторжныхъ работъ. Мать наводила о сосланномъ справки, и знатоки тюремнаго дѣла сообщили ей, что въ этомъ еще радости мало, такъ какъ, по всей вѣроятности, онъ попался въ руки стариковъ. Едва только молодого арестанта, сказали они, привозятъ на Сахалинъ, какъ старые каторжники подговариваютъ его бѣжать, разводятъ передъ нимъ турусы на колесахъ, а затѣмъ по дорогѣ отнимаютъ у него деньги, убиваютъ его и возвращаются назадъ. И всѣ такіе исчезнувшіе новички оффиціально числятся въ бѣгахъ. Вотъ почему уже восьмой годъ мать не получаетъ отъ сына никакихъ извѣстій. И еслибы онъ былъ живъ, то навѣрное далъ бы о себѣ знать. И она повѣрила въ то, что говорили ей знатоки, записала раба божія Григорія въ святцы и каждое воскресенье подавала за него за упокой.

Въ ту ночь, когда его арестовывали жандармы, его жена только-что произвела на свѣтъ его сынишку Витьку, и Ивановымъ стоило большихъ хлопотъ, чтобы объ обыскѣ и объ арестѣ не узнала тогда же роженица. Теперь Витькѣ шелъ уже восьмой годъ, а Анна Өедоровна такъ и осталась соломенной вдовой.

Чтобы избѣжать сплетенъ, пересудовъ и сожалѣній, Ивановы тогда же переѣхали на жительство въ другой городъ и съ тѣхъ поръ жили всѣ вмѣстѣ на одной квартирѣ.

Однажды вечеромъ Ивановъ и Анна Өедоровна были съ знакомыми въ театрѣ, а затѣмъ отправились поужинать въ ресторанъ. Когда лакей подавалъ имъ второе блюдо, то случилась непріятность. Зазѣвавшись на что-то, онъ зацѣпился локтемъ за спинку стула, на которомъ сидѣлъ Ивановъ, и вылилъ весь

соусникъ ему прямо на сюртукъ. Всѣ бросились помогать Иванову обтереться, началась суматоха, и въ концѣ концовъ вышелъ самъ содержатель ресторана, извинился передъ Ивановымъ, а лакею тутъ же, при всѣхъ, рѣзко сказалъ:

— Убирайся вонъ! Ты у меня уже больше не служишь!

Иванову было жаль сюртука и въ то же время было жаль и лакея, который долженъ былъ теперь остаться безъ мѣста. Было непріятно, что пришлось обратить на себя вниманіе всего ресторана, считавшаго его жертвою нерасторопности лакея; къ тому же и соусъ сталъ проникать къ самому тѣлу. Ивановы не доужинали и уѣхали домой.

— Такая досада... — вздыхалъ по дорогѣ Ивановъ. — Какъ нарочно, надѣлъ сюртукъ новый. Ты не знаешь, Нюся, бензиномъ оттереть можно?

— Простофиля... — въ свою очередь ворчала Анна Ѳедоровна. — Нужно же быть такимъ неуклюжимъ! Хорошо еще, что не на голову!

Часа полтора потомъ оба оттирали бензиномъ сюртукъ, но ничего изъ этого не вышло. Рѣшили отдать его въ красильню.

На утро кухарка доложила Иванову, что его спрашиваетъ какой-то человѣкъ. Ивановъ вышелъ въ кухню и увидалъ вчерашняго лакея. Онъ тяжело дышалъ, вѣроятно, оттого, что поднимался по лѣстницѣ, и, опустивъ глаза, вертѣлъ въ рукахъ шапку.

— Я пришелъ извиниться передъ вами, господинъ... — сказалъ лакей, не поднимая глазъ. — Конечно, не то мнѣ досадно, что я лишился мѣста, а то, что испортилъ вамъ сюртукъ. Такъ ужъ случилось... Очень прошу васъ, господинъ, извинить меня.

Онъ говорилъ это мягкимъ, задушевнымъ тономъ, и въ его голосѣ и манерахъ чувствовалась извѣстная лакейская воспитанность, такъ не гармонировавшая съ вчерашнимъ его поступкомъ. Было видно, что и самому ему было непріятно, что такъ случилось.

— Что жъ дѣлать? — отвѣтилъ ему Ивановъ. — Надо быть впередъ осторожнѣе, а сдѣланнаго ужъ не воротишь!

Лакей склонилъ голову набокъ, еще быстрѣе завертѣлъ шапку въ рукахъ и густо покраснѣлъ.

— Мнѣ бы... — сказалъ онъ, и голосъ его задрожалъ. — Мнѣ бы хотѣлось также извиниться и передъ барыней... Могу я ихъ видѣть?

Иванову показалось это нескромнымъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? — отвѣтилъ онъ. — Впрочемъ, я передамъ ей ваше извиненіе!

И, не дожидаясь, когда лакей уйдетъ, онъ самъ вышелъ изъ кухни.

„Гдѣ я его встрѣчалъ?—подумалъ онъ. — Точно рожа его мнѣ знакома!“

И рѣшивъ, что онъ видѣлъ его гдѣ-нибудь раньше въ какой-нибудь гостинницѣ или ресторанѣ, онъ скоро о немъ позабылъ.

Только вечеромъ, ложась спать, онъ вспомнилъ о немъ снова.

„Какъ онъ узналъ, кто я такой и гдѣ я живу? — подумалъ онъ.—Вѣдь я въ этомъ ресторанѣ всего только во второй разъ въ жизни!“

И ему припомнилось, какъ кто-то сказалъ ему, что среди ресторанной прислуги часто попадаются шпіоны.

„Можетъ быть, и шпіонъ!“—рѣшилъ онъ и легъ спать.

На другой день послѣ обѣда горничная доложила ему, что его спрашиваетъ какой-то Арбузовъ. Ивановъ лежалъ на диванѣ и дремалъ. Спать послѣ обѣда было не въ его обыкновеніи; онъ вскочилъ и виновато сталъ оправлять на себѣ костюмъ.

— Просите!—сказалъ онъ.

Вошелъ небольшого роста приличный господинъ съ очень печальнымъ лицомъ.

— Арбузовъ,—отрекомендовался онъ. — Простите, что, не имѣя чести быть съ вами знакомымъ, осмѣлился васъ безпокоить. Позвольте присѣсть!

Онъ сѣлъ и сталъ тяжело дышать.

— Что скажете?—спросилъ его Ивановъ.

Арбузовъ безнадежно махнулъ рукой.

— Да такое, знаете ли, случилось,—отвѣтилъ онъ, — что, въ сущности говоря, и сказать стыдно. Въ прошломъ году схватили моего сына за политическія дѣла и сослали его на каторгу. И вотъ уже цѣлый годъ, какъ я и бѣдная мать не знаемъ о немъ ровно ничего. Ни единой строчки. Истомились душою. Вѣрите ли, не спимъ по цѣлымъ недѣлямъ... Единственный сынъ...

Онъ вытащилъ платокъ и вытеръ имъ глаза.

— И вотъ я узналъ, — продолжалъ онъ, — слухомъ земля полнится,—что и у васъ такая же исторія. Вашъ братецъ, говорятъ, тоже на Сахалинѣ... Будьте такіе добрые, умоляю васъ, протяните руку помощи! Если вы имѣете съ вашимъ братцемъ переписку, то не откажите попросить его, чтобы онъ собралъ тамъ на мѣстѣ справочки о моемъ сынѣ и далъ вамъ знать. Семенъ Алексѣичъ Арбузовъ, 23-хъ лѣтъ, ссыльно-каторжный,

православный... Сдѣлайте такое одолженіе! Заставьте вѣчно Бога молить!

Иванову стало жаль его.

— Къ сожалѣнію, ничего не могу для васъ сдѣлать,—сказалъ онъ:—мой братъ былъ сосланъ на Сахалинъ еще восемь лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ мы ничего о немъ не знаемъ.

— Почему же-съ?—встревожился Арбузовъ.

— Говорятъ, что онъ бѣжалъ оттуда, но гдѣ онъ въ настоящее время и живъ ли, намъ ровно ничего не извѣстно.

Глаза Арбузова засверкали.

— Значитъ, побѣги оттуда возможны?—спросилъ онъ.

— Если сосланный числится въ бѣгахъ, — отвѣтилъ Ивановъ,—значитъ, возможны.

— И вашъ братецъ за все это время вамъ ровно ничего не писалъ?

— Ни единаго звука.

Арбузовъ поднялся съ мѣста.

— Какое тяжкое горе свалилось на нашу голову!—сказалъ онъ.—Чѣмъ я утѣшу теперь несчастную мать? Одна была надежда на васъ...

Арбузовъ опять прослезился и, горячо пожавъ Иванову руку, сталъ прощаться.

Въ это время въ комнату вбѣжалъ Витька за карандашомъ, но, увидя чужого человѣка, попятился назадъ.

— Тебѣ чего?—спросилъ Ивановъ.

— Ничего, — отвѣтилъ Витька и такъ же скоро выбѣжалъ изъ кабинета.

Лицо Арбузова приняло умиленное выраженіе.

— Это вашъ сыночекъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не мой... — отвѣтилъ Ивановъ.—Это сынъ того, сосланнаго!.. Мой племянникъ...

Арбузовъ глубоко вздохнулъ и съ участіемъ покачалъ головою.

— Бѣдный, бѣдный мальчикъ!..—сказалъ онъ.—Что-то его ждетъ впереди?

И еще разъ пожавъ Иванову руку и оглядываясь по сторонамъ, точно ища выхода, Арбузовъ надѣлъ пальто и высокія калоши и ушелъ.

Два дня спустя, Ивановъ вышелъ на улицу и снова встрѣтилъ лакея около параднаго крыльца. Увидѣвъ Иванова, онъ смутился, точно его застали врасплохъ, и снялъ шапку.

— Вы ко мнѣ?—спросилъ Ивановъ.—Надѣньте шапку!

— Да-съ... — отвѣтилъ онъ. — Впрочемъ, нѣтъ-съ... Какъ будучи безъ мѣста... Хожу вотъ, подыскиваю себѣ занятій...

Ивановъ хотѣлъ что-нибудь посовѣтовать ему, ободрить его, но въ это время точно изъ земли выросъ Арбузовъ и съ радостнымъ видомъ протянулъ Иванову руку.

— А я къ вамъ! — сказалъ онъ. — Здравствуйте! Бѣгу и ногъ подъ собою не слышу! Поздравьте меня... Письмо отъ сына получилъ! Только недавно былъ у васъ, а сейчасъ вотъ письмо тутъ какъ тутъ! Бѣдная старуха просто безъ ума отъ радости!

И онъ смѣялся, и въ то же время слезы катились у него одна за другой по щекамъ.

— Ну, вотъ и отлично!—отвѣтилъ Ивановъ.—Отчего же онъ такъ долго вамъ не писалъ?

— Какое не писалъ!—воскликнулъ Арбузовъ. — Писалъ и много разъ писалъ, да милая почта его письмами печи топила! Ужъ не знаю, какъ это-то проскочило! Сжалился Господь надъ нами, стариками! Вотъ пишу ему на Сахалинъ отвѣтъ, въ какой-то Верхній Армудонъ...

— Армуданъ,—поправилъ его лакей.

Арбузовъ подозрительно поглядѣлъ на него и потомъ строго сказалъ:

— Васъ не спрашиваютъ!

Лакей сконфузился и виновато побрелъ своей дорогой, а Арбузовъ продолжалъ:

— Не желаете ли, я запрошу сына и о вашемъ братцѣ?

— Сдѣлайте одолженіе!—отвѣтилъ Ивановъ.—Только врядъ-ли изъ этого что-нибудь выйдетъ!

Они простились, и Ивановъ отправился по своимъ дѣламъ.

„Все-таки надо было бы сообщить этому старику подробности,—подумалъ онъ.—Кто знаетъ, быть можетъ, Григорій еще и живъ!“

Но привычка считать брата умершимъ была сильнѣе всякихъ соображеній, да и здравый смыслъ говорилъ за то, что Григорій погибъ. И Ивановъ вскорѣ успокоился, что не воспользовался случаемъ навести о братѣ справки.

Какъ-то няня повела Витю погулять. Когда они шли по тротуару, какой-то старичокъ подошелъ къ нимъ и далъ Витѣ конфектъ.

— Какъ здоровье твоего папы?—спросилъ онъ у него.

— У меня папы нѣтъ...—отвѣтилъ мальчикъ. — Мой папа умеръ уже давно.

— И съ тѣхъ поръ ты его не видалъ?

Мальчикъ посмотрѣлъ на него удивленными глазами и отвѣтилъ:

— Не видалъ.

Старичокъ далъ ему еще конфектъ и, поговоривъ о чемъ-то съ няней, ушелъ.

Конфекты были неважные; няня и Витя не сумѣли дома передать, о чемъ имъ говорилъ этотъ человѣкъ, и для Ивановыхъ такъ и осталось тайной, кто это былъ. Только Анна Ѳедоровна обидѣлась на няню, что она позволила Витѣ ѣсть конфекты.

— Мало ли что̀ можетъ отъ нихъ приключиться?—сказала она.—Конфекты разныя бываютъ! Долго ли испортить ребенка?

— И-и, барыня!—отвѣтила нянька.—Отъ доброты никогда порчи не бываетъ!

Въ тотъ же день вечеромъ къ Иванову пришелъ лакей.

— Что онъ ко мнѣ привязался?—крикнулъ Ивановъ.—Скажите ему, что я вовсе не желаю его видѣть и ни въ чемъ не могу ему помочь.

Горничная помялась.

— Онъ очень проситъ васъ, баринъ, принять его,—сказала она.—Говоритъ, что очень ужъ вы ему нужны для чего-то...

Ивановъ нахмурился, хотѣлъ отказать, но потомъ передумалъ и сказалъ:

— Пусть войдетъ!

Въ дверяхъ кабинета показалась знакомая фигура. Лакей вошелъ, сдѣлалъ два шага впередъ, но затѣмъ спохватился и почтительно остановился у косяка. Ивановъ сидѣлъ у письменнаго стола, самъ былъ освѣщенъ, но, благодаря абажуру на лампѣ, весь кабинетъ его былъ въ тѣни и видѣть выраженіе лица у лакея ему было нельзя.

— Что̀ вамъ угодно?—спросилъ Ивановъ.

Лакей кашлянулъ въ кулакъ.

— Какъ будучи безъ мѣста...—началъ онъ.—Пришелъ попросить васъ, не окажете ли вы мнѣ протекціи?

И прежде чѣмъ Ивановъ успѣлъ ему хоть что-нибудь отвѣтить, онъ быстро, въ два-три прыжка, очутился вдругъ около него, и схвативъ его за оба плеча, низко нагнулся къ нему и прошепталъ:

— Я твой братъ Григорій! Молчи! Не говори никому!

Сердце у Иванова похолодѣло. Еслибы сейчасъ на него обрушился потолокъ или полъ выскочилъ у него изъ-подъ ногъ, то онъ былъ бы менѣе пораженъ, чѣмъ этими словами лакея.

Онъ почувствовалъ, какъ все запрыгало у него въ глазахъ и какъ душу его наполнило вдругъ какое-то странное чувство безпокойства не за брата, а именно за себя и за своихъ. И съ трудомъ поднявшись съ мѣста и еле овладѣвъ собою, онъ подошелъ къ двери и плотно ее затворилъ.

— Это ложь!—строго сказалъ онъ.—Вы самозванецъ! Мой братъ не такой, какъ вы!

Лакей схватилъ его за руку.

— Да, я не такой, какъ вашъ братъ,—горячо заговорилъ онъ.—Вашъ братъ былъ блондинъ, а я брюнетъ, но это оттого, что я крашу себѣ волосы; у вашего брата была русая борода, а я брѣю себѣ все. И еслибы вы захотѣли всмотрѣться въ меня сейчасъ, когда я не измѣняю выраженія своего лица, то вы поняли бы, что я дѣйствительно вашъ братъ. Смотрите же! Бѣглый каторжникъ, весь въ вашей власти, я не въ силахъ былъ совладать съ собой, и вотъ пришелъ повидаться съ вами и съ женой.

Онъ подошелъ къ лампѣ и снялъ съ нея абажуръ.

— Смотрите же!—продолжалъ онъ. — Я опять вашъ братъ!

Ивановъ взглянулъ на него при полномъ освѣщеніи, и теперь для него было ясно, что это дѣйствительно былъ его братъ Григорій. И подобно тому, какъ при воскрешеніи Лазаря одни вѣрили, а другіе, несмотря на очевидность, говорили, что это призракъ, такъ и для Иванова его братъ казался ему призракомъ, и его умъ отказывался признавать то, что такъ давно погребла его душа. И вмѣсто того, чтобы обрадоваться брату и кликнуть къ нему жену и мать, онъ испугался его и измѣнившимъ ему голосомъ сказалъ:

— Значитъ, у тебя подложный паспортъ?

Григорій печально покачалъ головою.

— Тебя пугаетъ мой паспортъ?..—сказалъ онъ.—Успокойся! У меня настоящій паспортъ. Такой же, какъ у тебя... Мнѣ подарилъ его рабочій на постройкѣ Уссурійской желѣзной дороги, на которой работалъ и я. Онъ заболѣлъ тамъ сыпнымъ тифомъ, умеръ, и съ тѣхъ поръ я свободенъ такъ же, какъ и ты. Вмѣстѣ съ нимъ ушло въ могилу и мое имя. Его похоронили вмѣсто меня...

Ивановъ молчалъ.

— Я вижу, вы отъ меня отвыкли...—продолжалъ Григорій.— Что-жъ? Такъ этого и нужно было ожидать. Страданія, пережитыя вами во время моего ареста и ссылки, исчерпали всѣ запасы вашей ко мнѣ любви. Когда умираетъ горячо любимый

хроническій больной, который всѣмъ надоѣлъ своей болѣзнью, то память о немъ становится дороже, чѣмъ онъ самъ... Съ другимъ утѣшится жена и друга лучшій другъ забудетъ... Но мать? Что мать? Вспоминаетъ? Плачетъ?

— Она записала тебя въ святцы,—проговорилъ Ивановъ,—и каждое воскресенье подаетъ за тебя за упокой.

У Григорія на глазахъ заблестѣли слезы.

— Милая, дорогая старуха!—воскликнулъ онъ съ восторгомъ.—Пусть же эта ея молитва зачтется за того, кто теперь лежитъ тамъ далеко на берегу Уссури! Послѣ него, вѣроятно, тоже осталась мать!..

— Если хочешь, я сейчасъ позову ее сюда!—сказалъ Ивановъ.

Григорій провелъ рукою по волосамъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, — погоди! Сейчасъ я не совладаю, пожалуй, съ собой, и можетъ выйти скандалъ, вродѣ того, который случился тогда въ ресторанѣ... Кстати, что твой сюртукъ?

— Ничего, оттерли...—отвѣтилъ Ивановъ.—Но какъ ты сюда попалъ?

— Этотъ вопросъ я долженъ задать тебѣ! Какъ вы-то сюда попали? Я хотѣлъ, чтобы вы обо мнѣ забыли; боялся встрѣтиться съ вами, чтобы не побезпокоить васъ, и жилъ своей особой жизнью. То крючникъ на Волгѣ, то землекопъ, то парикмахеръ, я, наконецъ, добрался до этого города и поступилъ въ этотъ несчастный ресторанъ. Когда я увидалъ васъ въ тотъ вечеръ, я тотчасъ же узналъ тебя и жену и — дурацкая натура!—такъ встревожился и такъ раскисъ, что опрокинулъ на тебя сотейникъ. Ты ужъ прости... За это я наказанъ: меня выгнали изъ ресторана.

— Чѣмъ же ты намѣренъ теперь заняться?

— О, это для меня легче, чѣмъ для тебя! Нужда научила меня и спать подъ заборомъ, и не доѣдать... Вѣдь по паспорту я—безземельный крестьянинъ Ѳедоръ Чулковъ: куда ужъ тутъ лѣзть въ сытые и въ господа! А для голоднаго вѣдь всегда найдется заработокъ!

Ивановъ молчалъ. Задача, которую задалъ теперь ему Григорій, была для него совсѣмъ неразрѣшимой. Онъ смотрѣлъ на брата; цѣлая масса вопросовъ возникала въ его головѣ, и онъ не зналъ, что ему дѣлать и какъ поступить. Радостнаго свиданія изъ ихъ встрѣчи не вышло, сердце отступило на заднiй планъ, и теперь приходилось считаться съ разсудкомъ, или же обманывать себя и лицемѣрно вѣшаться другъ другу на шею. Оставить Григорія у себя значило бы снова воскресить въ своей

семьѣ то, что̀ уже давнымъ давно было погребено, а бросить его на произволъ судьбы, отречься отъ него — казалось некрасивымъ. И Ивановъ сознавалъ, что еслибы въ его сердцѣ оставалась еще хоть сотая доля той любви къ брату, какую онъ испытывалъ къ нему тогда и какую питалъ къ его памяти теперь, то ихъ встрѣча не была бы такъ холодна. Но такой любви въ себѣ Ивановъ не ощущалъ, и зналъ, что и мать его тоже ея не ощущала. Для нея ея сынъ Григорій былъ святой, съ мученическимъ вѣнцомъ на главѣ, и было бы жестоко теперь показать ей вмѣсто этого великомученика — простого лакея. Анна Ѳедоровна, жившая съ мужемъ всего только годъ, благоговѣла передъ его памятью; лучше его для нея не было мужчинъ, но это только потому, что до сихъ поръ она сохраняла въ своей душѣ его образъ все такимъ же, какимъ онъ былъ въ ихъ медовый мѣсяцъ. И еслибы она увидала его теперь, въ его поношенномъ ватномъ пальто, сутулаго и такъ измѣнившаго свой внѣшній видъ, и ей сказали бы, что это ея мужъ, котораго она когда-то такъ любила, то она почувствовала бы то же, что̀ и человѣкъ, который неожиданно для себя вмѣсто поэтическаго, тѣнистаго сада вдругъ видитъ выросшій на его мѣстѣ некрасивый пятиэтажный домъ. О Витькѣ ужъ нечего и говорить. Онъ вовсе не зналъ отца. И тотъ прекрасный, безплотный духъ, оставшійся имъ вмѣсто брата, сына, мужа и отца, который они такъ боготворили и который жилъ среди нихъ и вдохновлялъ собою всю ихъ жизнь, теперь воплощался въ этого некрасиваго лакея, съ сизымъ бритымъ лицомъ. Нѣтъ, покойники не должны вставать изъ гроба и святые не должны воплощаться въ людей! Время дѣлаетъ людей святыми, и вѣра обратилась бы въ ничто, еслибы время не имѣло своей тайны. И еслибы Ивановъ нарушилъ теперь эту тайну и объявилъ семьѣ Григорія, что пришелъ онъ самъ, во плоти, такой же, какъ и они, то Григорій умеръ бы для ихъ душъ навсегда и должна была бы начаться новая жизнь безъ божества, полная страховъ, сомнѣній и неизвѣстности конца.

Наступило тяжелое молчаніе. Ивановъ сидѣлъ и не зналъ, какъ ему поступить, а Григорій стоялъ, переминался съ ноги на ногу и виновато пожималъ плечами. Онъ сознавалъ, что сдѣлалъ большую ошибку, что открылся брату, а Ивановъ чувствовалъ, что ему предстоитъ еще много работы надъ собой, чтобы воскресить въ себѣ умершій образъ брата и снова начать молиться на него такъ же, какъ онъ молился на него до сихъ поръ.

— Прощай...—сказалъ, наконецъ, Григорій.

Ивановъ поднялся съ мѣста.

— Погоди минутку,—сказалъ онъ.

И, подойдя къ двери, онъ отперъ ее и кликнулъ въ столовую, гдѣ въ это время уже садились за чай.

— Мама, Ася, Витька! Идите сюда!

Старушка и мать съ сыномъ вошли въ кабинетъ и, увидя незнакомаго человѣка, почувствовали неловкость. Григорій жадно впился въ нихъ глазами.

— Вотъ этотъ человѣкъ,—сказалъ Ивановъ,—былъ въ Сибири и видѣлъ, какъ хоронили нашего Григорія. Онъ умеръ при постройкѣ Уссурійской дороги отъ сыпного тифа!

Мать закрыла платкомъ глаза и нѣсколько разъ перекрестилась, а на лицахъ Анны Ѳедоровны и Вити появилось выраженіе глубокаго благоговѣнія передъ памятью мужа и отца.

Григорію хотѣлось протестовать, хотѣлось сказать, что это ложь, что онъ живъ и пришелъ, чтобы остаться съ ними совсѣмъ и ужъ не разлучаться съ ними никогда, но, увидѣвъ эти святыя слезы своей матери и эти восторженные взгляды своихъ сына и жены, онъ понялъ, что умеръ для нихъ навсегда, и что нарушать эту связь ихъ душъ съ его душою было бы такъ же преступно, какъ и навязывать имъ новую жизнь и живого себя.

И оглядѣвъ кабинетъ, уставленный и увѣшанный кругомъ только одними его портретами, онъ глубоко вздохнулъ и, махнувъ безнадежно рукою, ни слова не говоря, вышелъ изъ дома.

— Ну, слава Богу!—говорила въ это время мать.—Теперь я знаю точно, что Гриша умеръ, и вѣрю, что душа его въ раю...

Витя тоже перекрестился, и по его глазамъ можно было прочитать, что въ его душѣ образъ его отца сложился въ нѣчто высокое и прекрасное, равнаго чему не могло быть во всей вселенной.

Затѣмъ долго молчали, какъ это бываетъ въ минуты, когда говорятъ о дорогомъ покойникѣ.

— Ну, что-жъ, господа,—нарушилъ наконецъ молчаніе Ивановъ.—Кажется, и самоваръ ужъ давно погасъ!

— Да, идите чай пить, — сказала старушка и вытерла насухо глаза.—Хорошій, Витя, былъ человѣкъ твой отецъ! Благородный, пострадавшій за другихъ. Помни о немъ и цѣни его высоко!

И всѣ перешли въ столовую.

Въ тотъ же вечеръ Ивановъ отправился въ ресторанъ, гдѣ служилъ Григорій, чтобы отъ его товарищей узнать, гдѣ онъ теперь живетъ, и чѣмъ-нибудь ему помочь.

Едва только онъ вышелъ изъ крыльца, какъ на встрѣчу ему попался Арбузовъ. Лицо его перемѣнилось, и какъ-то странно свѣтились теперь его глаза.

— Я такъ и зналъ, что онъ не удержится и придетъ къ вамъ!—весело сказалъ онъ и потеръ себѣ руки.

— Кто придетъ?—спросилъ его Ивановъ.

— Вашъ братецъ Григорій Сергѣичъ! Я уже давно слѣжу за нимъ, и мнѣ нужно было только убѣдиться въ правдивости моихъ предположеній и въ томъ, покрывали вы его, или нѣтъ? Не трудитесь его искать!

У Иванова похолодѣло подъ сердцемъ.

— Гдѣ же онъ теперь?—спросилъ онъ.

Арбузовъ сдѣлалъ выразительный жестъ рукой и многозначительно засвисталъ.

Ивановъ понялъ изъ этого, что его братъ умеръ теперь для всѣхъ навсегда и что больше ужъ не воскреснетъ ни для кого.

И полный чувства омерзѣнія къ Арбузову, онъ вернулся къ себѣ домой и, не снимая пальто, бросился на диванъ и зарыдалъ, какъ дитя.

Михаилъ Чеховъ.

ПО ИРЛАНДІИ

Замѣтки и наблюденія.

Окончаніе.

VI *).

Новыя теченія въ ирландской жизни.

На мѣсто политическихъ, открытыхъ и тайныхъ обществъ, которыми Ирландія была такъ богата въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ XIX-го вѣка, стали нарождаться въ ней одно за другимъ разныя общества культурнаго и экономическаго характера. Насколько эта сторона жизни сильно развилась въ Ирландіи, я могъ убѣдиться даже во время моего краткаго пребыванія на этомъ островѣ. Въ Дублинѣ общественная жизнь била фонтаномъ. На одной недѣлѣ тамъ происходило нѣсколько съѣздовъ, не считая журналистскаго, да рядъ митинговъ мѣстныхъ обществъ, на которыхъ было бы очень долго останавливаться. Въ то же время мѣстныя газеты были полны отчетами о разныхъ митингахъ и политическихъ демонстраціяхъ въ провинціи. Изъ четырыхъ съѣздовъ въ Дублинѣ три были экономическаго характера и одинъ культурнаго. Ирландскіе лэндлорды, основавшіе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, свою „конвенцію“ (Irish Landowner's convention), собрались, чтобы поговорить о положеніи дѣлъ. Нечего говорить, что лэндлорды хотятъ получить болѣе высокія цѣны за свои земли, и получить ихъ какъ можно скорѣе, разъ земля переходитъ въ собственность арендатора. Въ этомъ смыслѣ

*) См. выше: августъ, стр. 491.

произносились рѣчи, высказывались пожеланія и принимались резолюціи для представленія ихъ правительству.

Въ то же время происходила и другая „конвенція", имѣющая какъ разъ цѣли, противоположныя конвенціи лэндлордовъ, а именно собраніе „лиги городскихъ арендаторовъ" (Town Tenants League), основанной года три тому назадъ. Эта лига имѣетъ цѣлью сдѣлать для городского жителя то, что поземельная лига сдѣлала для сельскаго жителя, и добиться посредствомъ выкупа городской земли освобожденія отъ лэндлорда. На этой конвенціи присутствовалъ членъ парламента и бывшій вождь поземельной лиги Джонъ Диллонъ, который обѣщался провести соотвѣтственный билль въ парламентѣ. Такой билль въ пользу городского населенія Ирландіи уже находится на разсмотрѣніи палаты общинъ, и требуется лишь нѣкоторая настойчивость въ доведеніи его до конца. А эта настойчивость зависитъ вполнѣ отъ самого городскаго населенія. „Насъ, „парламентаріевъ", любятъ въ послѣдніе годы критиковать,—сказалъ Диллонъ на собраніи лиги.— Пусть себѣ. Я критики не боюсь. Но вошло въ моду вообще отзываться о парламентаризмѣ, какъ о шарлатанствѣ. Съ этимъ я не согласенъ. Парламентаризмъ, чтобы быть сильнымъ, долженъ имѣть за собою мужественную агитацію въ странѣ, и агитацію, основанную на здравомъ разсудкѣ (common-sense)".

Но самый интересный съѣздъ изъ ряда экономическихъ, указывавшій на новый характеръ ирландской общественной жизни, былъ съѣздъ рабочихъ, занятыхъ на службѣ у правительства. До недавняго времени „рабочаго" вопроса какъ будто и не существовало въ Ирландіи. Фабрично-заводская промышленность, за исключеніемъ Бельфаста, въ ней очень слабо развита, и тѣ рабочіе, которые тамъ имѣются, казались больше занятыми религіозно-національными раздорами, чѣмъ улучшеніемъ своего матеріальнаго положенія. Достаточно сказать, что изъ 672 „трэдъюніоновъ", значившихся въ 1903-мъ году въ Соединенномъ королевствѣ и доставившихъ о себѣ свѣдѣнія въ главную регистратуру, лишь 46 находились въ Ирландіи, и число ихъ членовъ въ общемъ не превышало 11.000 человѣкъ. Это — изъ 1.575.000 зарегистрированныхъ въ Соединенномъ королевствѣ членовъ! Или, иначе говоря, на каждыхъ полтораста англійскихъ трэдъ-юніонистовъ приходится лишь одинъ въ Ирландіи. Но это положеніе начинаетъ быстро мѣняться, и въ Ирландіи рабочіе перестаютъ быть одними лишь статистами на политической аренѣ и начинаютъ формулировать программы и требованія, до сихъ поръ тщательно обходившіяся другими ирландскими партіями—

націоналистами и юніонистами. На послѣднихъ выборахъ въ Бельфастѣ выступилъ даже кандидатъ рабочей партіи, который получилъ порядочное число голосовъ, хотя и не давшее ему большинства. Конференція рабочихъ, происходившая въ Дублинѣ во время моего пребыванія тамъ, была поэтому особенно многозначительна. Какъ я уже сказалъ, она состояла изъ делегатовъ разныхъ рабочихъ группъ, служащихъ у правительства. Тутъ были представители отъ почтово-телеграфной службы, представители отъ телеграфныхъ и телефонныхъ механиковъ, отъ работающихъ въ картографическихъ заведеніяхъ топографическаго вѣдомства, отъ служащихъ въ государственныхъ паркахъ (Фениксій паркъ и др.) и отъ прочихъ родовъ низшей службы, оплачиваемой сдѣльно или по разсчету дней. Для конференціи былъ отведенъ залъ въ ратушѣ („Меншенъ-гоузъ"), и президентомъ ея былъ дублинскій лордъ-мэръ и членъ парламента Наннети, бывшій метранпажемъ въ редакціи главнаго органа націоналистской партіи—„Freeman's Journal". Я былъ на открытіи этой конференціи, начавшейся съ чтенія отчета секретаремъ ея. Въ отчетѣ разсказывалось о первыхъ шагахъ только-что основанной федераціи ирландскихъ правительственныхъ служащихъ, о мѣрахъ, которыя она уже успѣла принять, о запросахъ, которые уже дѣлались по ея иниціативѣ въ парламентѣ. „Два года тому назадъ,—говорилъ секретарь,—о насъ еще никто ничего не слыхалъ. Ни одинъ редакторъ и не думалъ, что есть какой-то особый классъ правительственныхъ рабочихъ, а нынѣ къ нашимъ услугамъ всѣ демократическія газеты, хорошо знающія жалкія условія нашего труда".

Секретарь разсказывалъ собранію, между прочимъ, и о томъ, что благодаря давленію федераціи, т.-е. совѣта ея, работа, которая была предназначена къ перенесенію изъ Ирландіи въ Англію (въ Соутгемптонъ, гдѣ имѣются огромныя картографическія заведенія адмиралтейства), осталась въ Дублинѣ.

Въ своей президентской рѣчи лордъ-мэръ совѣтовалъ ирландскимъ рабочимъ союзамъ дѣйствовать заодно съ англійскими, безъ помощи которыхъ они въ парламентѣ ничего не достигнутъ. „Я гомрулеръ, — сказалъ онъ, — но я не принадлежу къ тѣмъ, которые видятъ свѣтъ только въ своемъ окошкѣ. Я знаю, что будь я двадцать разъ гомрулеромъ, я ничего не достигну безъ поддержки народа на другой сторонѣ (т.-е. въ Англіи). Есть люди, которые говорятъ: не сливайтесь съ англичанами! Это самолюбиво. Вы должны соединиться и идти рука-объ-руку съ лондонскими и иными англійскими ассоціаціями. Если вы это

сдѣлаете, то начнете новую эру, и результаты окажутся въ высокой степени плодотворными".

Занятія этой конференціи и рѣчи на ней съ очевидностью показали мнѣ, что старые лозунги начинають и въ Ирландіи уступать новымъ, и что націоналистская партія, для того, чтобы продолжать пользоваться популярностью, принуждена усвоивать себѣ новыя идеи и отвѣчать новымъ запросамъ, не имѣющимъ уже никакого отношенія къ гомрулю.

Рядомъ съ новымъ экономическимъ теченіемъ, столь ярко сказавшимся какъ въ дѣятельности правительственнаго учрежденія (The Congested Districts Board), основаннаго съ цѣлью помощи наиболѣе захудалымъ и обѣднѣвшимъ участкамъ въ западной Ирландіи, такъ и въ организаціи фермерскихъ кооперативныхъ обществъ, идетъ и сильное культурное теченіе. За послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ основанъ рядъ обществъ, съ цѣлью возрожденія ирландскаго языка, ирландской музыки, драмы, живописи. Особенно сильно движеніе, принявшее широкій національный характеръ, въ пользу возрожденія и распространенія ирландскаго, старо-кельтскаго языка. Многіе изъ ирландскихъ патріотовъ пришли къ заключенію, что сохраненіе языка гораздо важнѣе, чѣмъ существованіе въ Дублинѣ отдѣльнаго парламента. „Мои соотечественники! — воскликнулъ въ своей рѣчи, обращенной къ собранію въ Ирландіи въ февралѣ 1900-го года, извѣстный беллетристъ-ирландецъ Джорджъ Муръ:—языкъ нашъ старый уходитъ въ могилу, и помните, что вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ душа народа, частица которой—въ каждомъ изъ насъ. Возстановленіе языка — вотъ національная задача. Еслибы даже у насъ было національное правительство, оно на самомъ дѣлѣ не было бы національнымъ при исчезнувшемъ языкѣ, такъ какъ только языкъ кельта дѣлаетъ ирландцевъ націей".

Начиная съ средины 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, изученіе такъ называемаго „гельскаго" нарѣчія стало поощряться всѣми мѣрами и способами,—главнымъ образомъ, конечно, въ школахъ. Основанныя съ этой цѣлью общества требуютъ даже, чтобы преподаваніе кельтскаго языка сдѣлалось обязательнымъ въ государственныхъ элементарныхъ и среднихъ школахъ Ирландіи. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ участкахъ, въ которыхъ населеніе еще говоритъ на этомъ языкѣ, въ начальныхъ школахъ рядомъ съ англійскимъ введено и обученіе мѣстному языку. Кромѣ разныхъ изданій, періодическихъ и иныхъ, на кельтскомъ языкѣ, гельская лига предприняла на немъ и постановку пьесъ. Нашлись и спеціальные драматурги для этого рода пьесъ, ко-

торыя время отъ времени даются съ большимъ успѣхомъ въ Дублинѣ и другихъ городахъ Ирландіи.

Признаки этого оживленія интереса къ старому и умирающему языку я могъ и самъ замѣтить въ Дублинѣ, хотя ни разу не слышалъ, чтобы кто-нибудь тамъ говорилъ по-кельтски. Такъ, почти всѣ націоналистскія газеты, выходящія въ Дублинѣ, печатаютъ по одному столбцу старымъ національнымъ шрифтомъ на старомъ языкѣ. Если имѣть въ виду, что, напримѣръ, какой-нибудь „Freeman's Journal" состоитъ изъ 54-хъ, 70-ти и больше столбцовъ, то нельзя сказать, что кельтскому нарѣчію удѣляется много мѣста. Но все же и одинъ столбецъ есть въ одно и то же время значительная уступка новымъ требованіямъ и дань уваженія старинѣ. Возродившаяся любовь къ ней сказалась и въ формѣ танцовально-музыкальныхъ программъ разныхъ вечеровъ, устраивавшихся въ честь съѣхавшихся журналистовъ. Такъ, на вечерѣ, устроенномъ мѣстнымъ кружкомъ дамъ-писательницъ, программа была составлена не только изъ національной музыки и танцевъ, но и носила заголовокъ на кельтскомъ языкѣ, изукрашенный виньеткой изъ національнаго трилистника. Какъ танцы, такъ и музыка ирландская очень сходны съ шотландскими. Шотландцы танцуютъ только болѣе быстрымъ тэмпомъ, а музыкальный инструментъ ихъ, такъ называемый „pipe", болѣе сложенъ. У ирландцевъ, какъ и у шотландцевъ, національный „pipe" — это духовые мѣхи съ трубками, на дырочкахъ которыхъ и играютъ пальцами. Но у шотландцевъ звуки изъ „пайпа" извлекаются дуновеніемъ рта въ одну изъ трубокъ, а у ирландцевъ—посредствомъ нажиманія мѣховъ локтемъ правой руки, такъ что, играя на своемъ родномъ „пайпѣ", ирландецъ никакихъ трубокъ во рту не держитъ. Зато и звуки его инструмента не столь мелодичны, какъ у шотландскаго, если вообще тутъ можетъ быть рѣчь о мелодичности.

Рядомъ съ оживленіемъ интереса къ древнему языку съ начала 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, происходитъ въ Ирландіи возрожденіе литературы и на англійскомъ языкѣ. Огромный потокъ національной энергіи, направлявшійся раньше, между сороковыми и девяностыми годами, въ сторону политики, повернулъ въ другое русло и оросилъ ирландскую жизнь древней народной поэзіей и новѣйшимъ мистицизмомъ. Это новое литературное движеніе, во главѣ котораго стали Йитсъ (Yeats), Муръ и другіе, выразилось въ нѣсколькихъ видахъ. Во-первыхъ, нѣкоторые высоко-талантливые писатели занялись переводомъ съ древне-ирландскаго на англійскій языкъ массы легендъ, сказокъ,

историческихъ преданій, религіозныхъ стиховъ и миѳовъ, которыми столь безмѣрно богатъ кельтскій языкъ. Во-вторыхъ, многіе, какъ, напр., Yeats, Лармини, О'Греди, стали пользоваться для своихъ оригинальныхъ стихотвореній и разсказовъ матеріалами изъ древней ирландской литературы, внося такимъ образомъ въ новѣйшую литературу Ирландіи тотъ мистически-національный тонъ, который такъ окрашиваетъ ирландскій эпосъ. Появилась и третья группа писателей, посвятившихъ себя описанію современной народной жизни. Это возрожденіе литературы сказалось и основаніемъ въ Дублинѣ, въ 1893 г., „Національно-литературнаго общества", а въ Лондонѣ—„Ирландскаго литературнаго общества".

Трудно, однако, сказать, насколько возросшій интересъ къ кельтскому языку дѣйствительно содѣйствовалъ его распространенію въ ирландскомъ народѣ. Перепись 1901-го года ничего утѣшительнаго для ирландскихъ патріотовъ въ этомъ отношеніи не дала. Вымираніе языка, несмотря на всѣ усилія гельской лиги, считающей сотни отдѣленій, упорно продолжалось. Въ 1891 г., когда лига еще была только въ зародышѣ, число лицъ въ Ирландіи, умѣвшихъ говорить на своемъ старомъ кельтскомъ языкѣ, равнялось 680.245; а въ 1901 г. ихъ уже было лишь 641.142. Лицъ, знавшихъ только одинъ ирландскій языкъ, въ 1891 г. было 38.192, а въ 1901 г.—20.953. Въ общемъ, говорящіе по-кельтски составляютъ одну седьмую часть всего ирландскаго населенія. И трудно сказать, насколько этотъ процессъ исчезновенія „души кельтскаго народа" задержанъ съ 1901 г. Но каковы бы ни были успѣхи распространенія кельтскаго языка, дѣятельность гельской лиги и разныхъ національно-литературныхъ и художественныхъ обществъ несомнѣнно открыла совершенно новую эру въ національной борьбѣ за существованіе. Она заставила народъ обернуться къ самому себѣ, взглянуть въ собственную свою душу и облагородить, расширить и очистить понятіе объ ирландской національности, далеко не состоящей въ обладаніи собственнымъ парламентомъ въ Дублинѣ. Очень замѣчательныя въ этомъ отношеніи признанія можно найти въ книжкѣ-сборникѣ, вышедшемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Лондонѣ подъ названіемъ „Ideals in Ireland" („Идеалы въ Ирландіи") и составленномъ группой наиболѣе выдающихся вождей новаго литературнаго и кельтскаго движенія. Въ одной изъ статей этого сборника, между прочимъ, говорится:

„Пропаганда гельской лиги произвела частичную революцію въ Ирландіи. Обвиненія, столь широко и часто несправедливо

сыпавшіяся на Англію, направлены частью теперь обратно на самихъ ирландцевъ. Энергія, покоившаяся въ лѣни, въ ожиданіи нѣкоторыхъ политическихъ реформъ, одухотворилась и начала дѣйствовать, и чѣмъ глубже проникнетъ убѣжденіе, что Ирландія наконецъ обрѣла подъ ногами почву, тѣмъ сильнѣе будетъ это дѣйствіе.

„Лига, — продолжаетъ дальше авторъ, — застала Ирландію спорившей надъ трупомъ Парнелля. Когда *А*, провозглашавшій одно, объявлялъ *Б*, провозглашавшаго нѣчто другое, не ирландцемъ, для многихъ стало очевидно, что въ сущности ни тотъ, ни другой не понимаютъ, что̀ такое ирландская національность. Средній обыватель, подъ вліяніемъ новаго ученія гельской лиги, сталъ наконецъ понимать, что *А* и *Б*—лишь политики, обыкновенные, крикливые политики и больше ничего, а національность тутъ ни при чемъ... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, никому и въ голову еще не приходило, что политика сама по себѣ еще не создаетъ національности... Извѣстно, что война является отличнымъ способомъ для отвлеченія вниманія отъ внутреннихъ національныхъ язвъ. Когда борешься на жизнь и смерть съ какимъ-либо непріятелемъ, то некогда заниматься домашними дѣлами, а тѣмъ меньше есть охота выслушивать критику... Въ такомъ положеніи Ирландія и провела истекшее столѣтіе. Мы боролись съ Англіей, какъ съ единственнымъ нашимъ врагомъ, и думали, что покуда не справимся съ нею, мы ничего не можемъ для себя сдѣлать. А между тѣмъ все время мы сами были нашими наиболѣе страшными врагами. Отдавшись борьбѣ съ Англіей, мы не замѣчали, какъ жизнь уходитъ отъ насъ, и, видя себя умирающей націей, мы еще болѣе винили и проклинали Англію... Гельская лига своей пропагандой заставила насъ задать самимъ себѣ вопросъ: что̀ такое ирландская національность, и что̀ мы собственно хотѣли бы осуществить въ Ирландіи? Неужели тотъ національный инстинктъ, который сидитъ въ каждомъ изъ насъ, былъ бы удовлетворенъ тѣмъ, что солдаты носили бы зеленый мундиръ, или что республика, совершенно чуждая духу ирландскаго народа, заняла бы мѣсто нынѣшней монархіи? Или, можетъ быть, наша національность заключается въ униженіи Англіи, въ зрѣлищѣ ста тысячъ англичанъ, пробитыхъ пулями и пиками? (это было писано во время англо-бурской войны)... Но еслибы даже Англія сегодня цѣликомъ провалилась въ морскую бездну, то и тогда наша національность однимъ этимъ фактомъ не была бы возстановлена, такъ какъ національность — это отдѣльная цивилизація, а не отдѣльная политика.

Наша нація не можетъ воскреснуть одной слабостью Англіи, а усиліями и мощью самой Ирландіи. Это и есть то положеніе, которое занимаетъ лига. Пусть политическая борьба продолжается, но мы больше не смотримъ на Англію, какъ на разрушительницу ирландской національности. Взваливая все на Англію и сами ничего не дѣлая, мы играли въ теченіе цѣлаго столѣтія роль дураковъ, за которую жестоко теперь и платимся".

Таковъ отзывъ одного изъ истинныхъ ирландскихъ націоналистовъ, и высказанное имъ настроеніе по отношенію къ Англіи можно считать общимъ въ нынѣшней Ирландіи. Острая враждебность исчезла; ее замѣнило осмысленное національное чувство, готовое отдать кесарево кесарю и признать не только дурныя, но и хорошія стороны союза съ Англіей, хотя время отъ времени и теперь прорываются иногда такіе факты, которые менѣе всего способны внести примиреніе въ англо-ирландскія отношенія. Но эти факты обыкновенно составляютъ единичные случаи, дѣйствіе какого-нибудь отдѣльнаго, „неотвѣтственнаго" ирландца, и къ области политики партій не принадлежатъ. Такова, напр., была замѣтка, полная сарказма и брани, которую я встрѣтилъ въ одной провинціальной газеткѣ, издающейся въ Вексфордѣ. Въ этомъ мѣстѣ происходили въ августѣ мѣсяцѣ маневры, въ которыхъ, кромѣ мѣстныхъ войскъ, участвовало и нѣсколько батальоновъ, прибывшихъ изъ Великобританіи. Очевидно, желая предостеречь мѣстныхъ кухарокъ и горничныхъ, чтобы тѣ не увлекались англійскими солдатами, авторъ замѣтки расписалъ послѣднихъ самыми мрачными красками. Появись эта замѣтка не только въ Россіи, въ этомъ царствѣ военно-полевыхъ судовъ и генералъ-губернаторовъ, не только въ Германіи, въ этой родинѣ „чести мундира" и безусловнаго послушанія передъ „капитанами Кепениками", но даже въ демократической Франціи, она бы навѣрное подняла на ноги все офицерство и „l'armée" и причинила бы безконечный рядъ дуэлей. Въ Англіи же, насколько мнѣ извѣстно, никто на нее даже не обратилъ вниманія, и я наткнулся на нее въ ирландской газетѣ только потому, что во время моего пребыванія въ Ирландіи я считалъ нужнымъ болѣе обстоятельное знакомство съ мѣстной печатью. Вотъ эта замѣтка съ нѣкоторыми урѣзками: „Войско упражняется въ полевыхъ маневрахъ. Нужно полагать, что при немъ имѣются мулы. Въ южно-африканскую войну мулы играли въ британской тактикѣ большую роль. Когда Томы (солдаты англійскіе) бѣжали, они взваливали вину на муловъ. Можетъ быть, они теперь научатъ ихъ не бѣжать. И нужно же было собрать этихъ

„джентльменовъ“ въ такомъ приличномъ мѣстѣ, какъ наше! Не удивительно, что отцы семействъ встревожены, видя здѣсь, въ нашей мѣстности, отбросы англійскихъ городовъ, дурно воспитанныхъ, плохо обученныхъ, необузданныхъ шалопаевъ, не уважающихъ ни чужого имущества, ни чужой личности. Конечно, есть исключенія, но большинство изъ нихъ отлично подходитъ подъ это описаніе. Какъ солдаты, они ничего не стоютъ. При Коленсо, англійскій полкъ запрятался въ дыру, откуда его никакъ нельзя было выгнать. Они боялись подвинуться ближе къ непріятелю, и предпочли смотрѣть, какъ бѣдные коннаутцы (ирландскій полкъ), со свойственной имъ національной храбростью, пробовали перейти вбродъ Тугелу. Когда же война кончилась, англійскіе полки пожинали лавры, а ирландскіе отправились служить въ Индію, Аденъ и въ другія мѣста съ убійственнымъ климатомъ. Мы увѣрены, что ни одинъ ирландскій юноша и близко не подойдетъ къ этимъ потомкамъ милиціонеровъ 1798-го года, поджигателей и разбойниковъ. Что же касается до нашихъ дѣвушекъ, то мы себѣ и представить не можемъ, чтобы уважающая себя дѣвица изъ Вексфорда показалась въ компаніи съ кѣмъ-либо изъ нихъ. Дѣвушка, которая бы настолько потеряла стыдъ, должна получить достойный урокъ отъ всего прихода. Кстати, прибавимъ, что войско англійское привезло съ собою этого шута гороховаго Баденъ-Поуэлля, который во время бурской войны заставилъ весь міръ смѣяться надъ его выходками въ Мефекингѣ, гдѣ, будто бы, происходила большая осада. Послѣ недавней осады Портъ-Артура, дѣло съ Мефекингомъ представляется не больше какъ цирковой забавой и театральной игрой“.

Къ этого же рода національнымъ выходкамъ, далеко не пользующимся теперь въ Ирландіи особой популярностью, принадлежитъ и происшедшій на дняхъ инцидентъ въ Дублинѣ на пароходѣ „Шамрокъ“. Этотъ пароходъ былъ взятъ городской думой для перевозки гостей къ мѣсту, гдѣ происходила церемонія открытія новой системы канализаціи. Среди гостей былъ и ольдерменъ, который, увидя у кормы англійскій флагъ, „не стерпѣлъ“, по его собственнымъ словамъ, „оскорбленія“ и бросилъ его въ воду. На завтракѣ, данномъ по случаю той же церемоніи, одинъ изъ ольдерменовъ, предложивъ обычный тостъ за здоровье короля, былъ огорошенъ криками: „не желаемъ этого тоста!“, послѣ чего нѣкоторые встали и вышли изъ-за стола.

Новое національно-культурное теченіе имѣетъ одно несомнѣн-

ное преимущество передъ чисто политическимъ, всегда сопровождающимся излишней страстностью. Новое движеніе не только смягчило отношенія между Ирландіей и Англіей, но и начинаетъ служить почвой для объединенія юга и сѣвера въ самой Ирландіи, этихъ самыхъ яростныхъ междоусобныхъ враговъ. Югъ и сѣверъ — это два полюса ирландской политики и ирландской жизни, и чтобы правильно понять истинную сущность ея, необходимо послѣ Дублина, этого центра націоналистской пропаганды, познакомиться съ Бельфастомъ, центромъ ирландскихъ юніонистовъ.

VII.

Дублинъ и Бельфастъ.

Ирландцы обыкновенно приравниваютъ свои главные города Дублинъ и Бельфастъ къ шотландскимъ Эдинбургу и Гласго. По внѣшнимъ признакамъ оно, пожалуй, и такъ. Дѣйствительно, какъ и Эдинбургъ въ Шотландіи, Дублинъ въ Ирландіи почти чуждъ промышленной дѣятельности. Онъ — резиденція главныхъ административныхъ лицъ, мѣсто высшихъ судебныхъ инстанцій, главныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ и, слѣдовательно, — мѣстожительство почти однихъ профессіональныхъ классовъ, ученыхъ, писателей, адвокатовъ, чиновниковъ. Вся остальная часть населенія—лавочники, извозчики, ремесленники и пр. — служатъ лишь какъ бы придаткомъ къ первымъ. Другое дѣло Бельфастъ. Онъ тоже не лишенъ ученыхъ учрежденій и обществъ, адвокатовъ, писателей. Но наука и искусство, а тѣмъ болѣе государственная служба—не его спеціальность. Бельфастъ — городъ промышленный отъ края до края, также какъ и Гласго въ Шотландіи. Онъ строитъ суда, ткетъ удивительныя полотна, вьетъ веревки и кабеля и производитъ множество другихъ вещей, ведя колоссальную торговлю.

Однако, сравнивать ирландскіе города съ шотландскими можно лишь по внѣшности. На самомъ же дѣлѣ Дублинъ и Бельфастъ не только различны по характеру дѣятельности населенія ихъ, но и по самому духу своему. Это не только два различныхъ города, но два противоположныхъ теченія, два различныхъ міросозерцанія, двѣ совершенно, такъ сказать, разныя цивилизаціи. И только когда знакомишься съ Бельфастомъ, начинаешь отчасти понимать и причины ирландской бѣдности, и гомрульное движеніе, и всякія другія особенности ирландской

жизни. Нигдѣ рѣзче не сказалась разница между протестантствомъ и католичествомъ, какъ въ Ирландіи. Здѣсь, на этомъ островѣ, словно въ какомъ-нибудь музеѣ, сосредоточены всѣ хорошія и дурныя стороны обѣихъ этихъ религій. Все здѣсь выступаетъ выпукло, ярко, вразумительно. Это не Франція, гдѣ католичество смягчается всеобщимъ невѣріемъ, не Германія или Голландія, гдѣ протестантство, за отсутствіемъ борьбы, ушло внутрь себя. Тутъ обѣ религіи продолжаютъ жить въ вѣчной борьбѣ, въ вѣчной ненависти другъ къ другу, а религіозность народа, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ, болѣе глубока, чѣмъ на континентѣ. Вотъ почему и слѣды религіозныхъ вѣрованій и вѣроисповѣдныхъ различій такъ ясно сказываются здѣсь даже въ обыкновенной жизни, на промышленной предпріимчивости той или другой части населенія, на умственномъ развитіи его, на условіяхъ быта. Католичество овладѣло югомъ, протестантство—сѣверомъ Ирландіи, и не требуется особой наблюдательности, чтобы увидѣть разницу. И эта разница — не къ выгодѣ юга. Католическое духовенство именно овладѣло здѣсь „душою" народа и наложило на него свою тяжелую руку темноты и невѣжества, нетерпимости и бездарности. Ничто такъ глубоко не поразило меня въ Дублинѣ, какъ видъ одного обряда въ одной изъ его церквей. Живя долгіе годы въ глубоко-протестантской Англіи, гдѣ даже католичество старается приноровиться къ новымъ временамъ, я какъ-то отвыкъ отъ разныхъ зрѣлищъ грубо-суевѣрныхъ проявленій. Было воскресенье, и я рѣшилъ заглянуть въ первую попавшуюся мнѣ на дорогѣ церковь. Послѣдняя оказалась церковью св. Августина, принадлежащею католическому ордену того же имени. Я поднялся на паперть и, пройдя черезъ сѣни, замѣтилъ слѣва какую-то глубокую нишу, похожую скорѣе на небольшую комнату. Сначала я ничего почти не могъ разглядѣть, такъ какъ было очень темно, особенно для глазъ, только-что оставившихъ уличный свѣтъ. Я только и могъ замѣтить какую-то кучку тѣснившихся тамъ людей. Меня, однако, заинтересовалъ этотъ темный уголокъ сейчасъ же у входа, и я на минуту остановился, чтобы вглядѣться. Вскорѣ мои глаза привыкли къ полусвѣту, и я могъ различить въ глубинѣ ниши посрединѣ крестъ съ умирающимъ на немъ Христомъ. Слѣва креста стояла фигура св. Дѣвы, а справа—св. Іоанна. Все это было отдѣлено желѣзной рѣшеткой, у которой жадно толкался бѣдно одѣтый, неряшливый и жалкій народецъ изъ стариковъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ. За рѣшеткой стоялъ жирный, бритый монахъ съ тарелкой. Каждый изъ лицъ, успѣвшихъ про-

тискаться къ рѣшеткѣ, клалъ что-нибудь въ тарелку и затѣмъ, шепча какія-то молитвы, продѣлывалъ разныя манипуляціи. Сначала онъ своими грязными руками благоговѣйно потиралъ лобъ, грудь, руки и бедра крашенной статуи св. Дѣвы, а затѣмъ теръ себѣ тѣ же мѣста. Послѣ этого то же самое продѣлывалось со статуей св. Іоанна, а въ заключеніе отдавался глубокій поклонъ кресту съ распятіемъ, послѣ чего молящійся уступалъ мѣсто другому. Рискуя показаться смѣшнымъ и профаномъ, я все же спросилъ одного изъ бывшихъ тутъ богомольцевъ, въ чемъ дѣло. Оказалось, что эти статуи обладаютъ замѣчательной цѣлебной силой и слѣплены, будто бы, изъ глины, въ которую попало нѣсколько капель крови Искупителя.

Сознаюсь, я вышелъ изъ церкви какимъ-то подавленнымъ. Мнѣ какъ-то стало больно и обидно за ирландскій народъ, за ирландскую исторію, за ирландскую культуру. Неужели этотъ темный и невѣжественный народъ,—подумалъ я,—можетъ когда-либо воспрянуть духомъ и завоевать себѣ достойное національное существованіе? Этотъ народъ, надъ которымъ такъ цинично и грубо простерло свою руку католическое духовенство?

Такого рода вопросы въ Бельфастѣ мнѣ и въ голову не могли придти. И тутъ не мало суевѣрія, и тутъ духовенство играетъ большую роль въ жизни, но оно не овладѣло „душою", оно и не стремится къ этому. И въ Бельфастѣ я зашелъ въ первую попавшуюся церковь, благо мы, т.-е. журналисты, прибыли въ Бельфастъ въ воскресенье. Поѣздъ пришелъ около пяти часовъ вечера. Всѣ магазины, театры, концертныя залы, библіотеки были закрыты. Некуда было дѣваться. Пришлось или сидѣть въ гостинницѣ, или шляться по улицамъ, или пойти въ церковь. И я выбралъ послѣднее. Какъ разъ недалеко отъ гостинницы была церковь, откуда раздавались пѣніе гимновъ и звуки органа. И я отправился туда. Церковь, блестѣвшая внутри чистотой и яркимъ свѣтомъ электрическихъ лампочекъ, была полна жизнерадостностью. Она принадлежала пресвитеріанской общинѣ и отличалась той простотой, не лишенной, однако, удобствъ, какая вообще господствуетъ въ англійскихъ протестантскихъ, нонконформистскихъ церквахъ. Тутъ не было ничего вычурнаго, искусственно-показного, претенціозно-таинственнаго и мнимо-святого. Ни статуй, ни картинъ, ни алтарей. Католикъ принялъ бы помѣщеніе скорѣе за концертную залу, чѣмъ за церковь. Ничто тутъ не внушало мистическаго страха, суевѣрнаго трепета и боязливаго благоговѣнія. Ни стѣны, ни мебель, ни люди не обладали здѣсь сверхъестественными силами. Сама

служба не придавливала своей сакраментальностью, а поднимала и возбуждала своей простотой, красотой и человѣчностью. Отцы и матери, сестры и братья, взрослые и дѣти сидѣли рядомъ, совмѣстно пѣли гимны, перемежавшіеся краткими рѣчами съ амвона, какимъ-нибудь соло, спѣтымъ мужчиной или женщиной, и пьесой, сыгранной на органѣ. Служба, если вообще этимъ словомъ можно обозначать жизнерадостное, любовное и свободное собраніе людей, кончилась рано, и мы вышли изъ церкви, сожалѣя, что все такъ скоро кончилось. На сердцѣ было легко и радостно и вѣрилось въ счастье, въ братство людей, въ вѣчный разумъ, слѣдящій за судьбами ихъ.

И я тогда глубоко понялъ, отчего протестантскій Ульстеръ такъ боится католическаго юга и такъ энергично противится власти его, предпочитая посылать депутатовъ въ Лондонъ, а не въ Дублинъ. И теперь, даже при англійскомъ правленіи и въ отсутствіе ирландскаго парламента, католическое духовенство успѣло прибрать къ рукамъ своимъ воспитаніе юношества и проникнуть во всѣ сферы общественной жизни, подчиняя насущнѣйшіе интересы народа своимъ собственнымъ цѣлямъ и видамъ. Можно себѣ поэтому представить, что было бы, еслибы католическое духовенство оказалось господиномъ положенія, благодаря клерикальному большинству въ какомъ-нибудь національно-ирландскомъ парламентѣ. Одна мысль о такой возможности господства римскаго католичества въ Ирландіи бросаетъ въ жаръ и дрожь всякаго правовѣрнаго ульстерца, который съ гордостью въ состояніи указать на разницу въ экономическомъ положеніи сѣвера и юга Ирландіи. И дѣйствительно, несмотря на то, что никакими природными преимуществами сѣверъ не обладаетъ въ сравненіи съ югомъ, а скорѣе уступаетъ ему въ почвенномъ и во всякомъ случаѣ въ климатическомъ отношеніи, онъ все же куда богаче и развитѣе его. На сѣверѣ все прогрессируетъ и процвѣтаетъ. Жизнь бьетъ здѣсь ключомъ. Но опять-таки только въ тѣхъ графствахъ, въ которыхъ протестантское населеніе значительно преобладаетъ и гдѣ вліяніе католичества ничтожно. Таковы четыре графства: Антримъ, Доунъ, Тайронъ, Лондондерри. Въ первомъ изъ 196.090 населенія, по переписи 1901 года, католиковъ было лишь 40.381; во второмъ—изъ 205.889 католиковъ было 64.467; въ третьемъ—изъ 150.567 было 82.404 католика, а въ четвертомъ—65.296 католиковъ изъ 144.404 душъ населенія. Но уже въ Донегалѣ, лежащемъ рядомъ съ цвѣтущимъ Лондондерри и обладающемъ тѣми же рессурсами, но находящимся подъ игомъ католическаго духовенства, жизнь какъ будто

замерла, словно ангелъ смерти пролетѣлъ надъ нею. Въ Донегалѣ изъ 170.000 населенія свыше 135.000 были въ 1901 г. католиками.

Главный городъ ульстерской провинціи, Бельфастъ, лежащій у Бельфастскаго залива, частью въ Антримѣ и частью въ Доунѣ, какъ уже выше было отмѣчено, полонъ промышленной дѣятельности. Въ 1901 г. населеніе его было 349.000 чел., на 60.000 больше, чѣмъ въ Дублинѣ. Въ то время, какъ единственное крупное производство въ Дублинѣ — это портеръ и спиртъ, въ Бельфастѣ идетъ обработка всякаго сырья, минераловъ и волокнистыхъ веществъ, и его торговые обороты достигаютъ многихъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Въ Бельфастѣ я пробылъ всего два дня, но и за это короткое время успѣлъ достаточно насмотрѣться на его гигантскую дѣятельность, сказывающуюся рѣшительно во всемъ. Какъ разъ за нѣсколько недѣль до нашего пріѣзда, было тамъ открыто новое зданіе городской ратуши, могущее служить достойнымъ символомъ богатства и культурнаго роста этого ирландскаго города. Насъ водили по разнымъ помѣщеніямъ этого зданія и показывали его прекрасное внутреннее устройство, его огромныя залы для засѣданій, для митинговъ и концертовъ, его кабинеты и пріемныя, предназначенныя для лордъ-мэра города, его многочисленные разные административные департаменты и т. д. Но еслибы мы и не видѣли этихъ мраморныхъ лѣстницъ и лѣпныхъ карнизовъ, этихъ высокихъ куполовъ, электрическихъ люстръ и расписныхъ потолковъ, всей этой внутренней роскоши, съ насъ было бы довольно одного взгляда снаружи, чтобы судить о широкомъ размахѣ бельфастской корпораціи. Ея административный центръ стоитъ на большой площади, возвышаясь надъ ней огромнымъ квадратнымъ корпусомъ въ стилѣ ренессанса, хотя и не строго выдержанномъ. Высокія башни въ центрѣ и по угламъ заканчиваются куполами съ заостренными верхушками. На фронтонѣ главнаго фасада вылѣплены разныя фигуры — символы, по которымъ легко замѣтить, чему поклоняется Бельфастъ. Въ срединѣ, конечно, стоитъ богиня Ирландіи, Ибернія, съ короной на головѣ. Въ одной рукѣ у ней свѣточъ знанія и прогресса, а другою она опирается на арфу, эмблему ея національности. Справа отъ нея стоитъ Минерва съ Меркуріемъ, передъ которыми преклоняются Промышленность и Трудъ. Слѣва стоитъ Свобода. Она простираетъ пальмовую вѣтку въ сторону Промышленности, представленной въ видѣ женщины съ кускомъ полотна. У ногъ Свободы сидитъ другая женщина съ прялкой, а кругомъ стоятъ въ позахъ любопытныхъ наблюдателей

мальчики, эти символы молодости и энергіи народа. Есть на фронтонѣ и другія фигуры, представляющія Судостроительство и разные другіе промыслы, процвѣтающіе въ Бельфастѣ. Отсюда уже видно, въ чемъ гордость и сила Бельфаста. Въ Дублинѣ на фронтонѣ ратуши, еслибы они вздумали тамъ соорудить новое зданіе, несомнѣнно поставили бы св. Патрикія съ крестомъ, а рядомъ съ нимъ—какихъ-нибудь епископовъ и политиковъ. Для характеристики Бельфаста, насколько она выражается въ только-что воздвигнутомъ зданіи ратуши, слѣдуетъ еще, быть можетъ, прибавить, что постройка ея обошлась въ 300.000 съ чѣмъ-то фунтовъ стерлинговъ, не считая внутренней обстановки и украшеній.

Кромѣ своей ратуши, бельфастцы показывали намъ и свои верфи, заводы, фабрики, музеи, и пр., и пр. Первый визитъ журналисты сдѣлали одному изъ крупнѣйшихъ въ мірѣ судостроительныхъ заводовъ фирмы Гарландъ и Вольфъ, этой утробѣ, откуда вышли такіе океанскіе великаны, какъ „Oceanic“, „Cedric“ или „America“, эти пловучіе каравансераи водныхъ пустынь. Во время нашего визита, кромѣ разныхъ другихъ работъ, шло и подготовленіе къ спуску въ воду новорожденнаго „Adriatic“, самаго большого когда-либо построеннаго на бельфастской верфи парохода. Пока онъ передъ нами стоялъ весь какъ на ладони, начиная съ киля и кончая остріемъ своего „носа“, и казался огромной и отвѣсной горой, наверху которой, у самаго обрыва ея, копошились какіе-то маленькіе люди. Сопровождавшій насъ по верфи служащій началъ сыпать цифрами. Длина 725 футовъ, бимсъ—75 ф., водоизмѣщеніе 40.000 тоннъ. Но цифры мнѣ ничего не говорили въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ говорили мнѣ мои собственные глаза, и я вовсе не удивился, когда на вопросъ одного изъ журналистовъ: „На сколько пассажировъ оно разсчитано?“—нашъ путеводитель отвѣтилъ: „3.000 пассажировъ, съ большимъ комфортомъ, не считая, конечно, экипажа судна“.

Наше обозрѣніе верфи не могло быть особенно подробнымъ. Весь заводъ занимаетъ до 80 акровъ на берегу Бельфастскаго залива и даетъ работу свыше 10.000 рабочимъ. Проходя черезъ разные навѣсы, дворы и мастерскія, мы чувствовали себя какъ бы потерянными въ этомъ гигантскомъ лабиринтѣ труда, и невольно завидовали одной изъ бывшихъ съ нами дамъ, которая, казалось, хотѣла изучить все судостроительное дѣло въ одинъ этотъ визитъ.

— Что̀ они дѣлаютъ?—спрашивала она каждый разъ, проходя мимо новой группы рабочихъ.

— Они куютъ битсы, дѣлаютъ заклепки, сверлятъ полосы, шлифуютъ сталь и т. под.,—отвѣчали ей.

И она вполнѣ удовлетворялась, произнося каждый разъ: „O, I see!“ (Ахъ, вотъ оно что!)

— Вотъ видите!—говорилъ мнѣ одинъ спутникъ, какъ бы заканчивая разговоръ, который я съ нимъ велъ дня четыре до того, и указывая рукою на кипѣвшій дѣятельностью судостроительный заводъ:—безъ угля, безъ желѣза, но съ энергіей и предпріимчивостью. Все это, что вы здѣсь видите, сталь и уголь, привезены изъ-за моря, изъ Англіи и Шотландіи. То же самое могли бы сдѣлать и въ Дублинѣ, и въ Галовеѣ, и въ Вексфордѣ, и во многихъ другихъ гаваняхъ Ирландіи. Но не дѣлаютъ, потому что попъ придавилъ,—говорилъ онъ.

Отъ судостроительнаго завода мы перешли къ осмотру прядильно-ткацкой фабрики, принадлежащей самой крупной въ Бельфастѣ льнопрядильной компаніи, извѣстной подъ именемъ „Іоркъ-Стритской компаніи“. Несмотря на то, что осмотръ верфи насъ порядочно утомилъ, мы съ интересомъ начали обходъ и фабрики. Перемѣна оказалась живительной и освѣжающей. Вмѣсто твердыхъ и огромныхъ кусковъ стали и желѣза, издававшихъ подъ гигантскими молотами и пневматическими сверлами неистовый визгъ и шумъ и извергавшихъ искры, словно они метали громъ и молніи противъ дерзнувшаго покорить ихъ человѣка, мы теперь то-и-дѣло наталкивались на мягкія, глянцовитыя волны льняныхъ волоконъ, на нашихъ глазахъ преображавшіяся въ паутину тонкихъ нитокъ, въ мягкія тальки и упругіе клубки, въ длинныя ткани и узорчатыя скатерти, въ кокетливые батистовые платочки или миніатюрныя столовыя салфетки. Конечно, и тутъ дѣло не обходилось безъ шума и звуковъ. Но вмѣсто лязга, стука и визга стояло какое-то оглушительное жужжанье, охватывавшее насъ со всѣхъ сторонъ, сковывавшее подчасъ наши чувства и притуплявшее наши способности. Кругомъ насъ, словно вырвавшіеся изъ неволи духи ада, бѣшено вертѣлось несчетное число какихъ-то маленькихъ, круглыхъ, полувоздушныхъ существъ, въ которыхъ лишь при остановкѣ той или другой машины мы могли узнать катушки (веретена) съ намотанными на нихъ нитями. Безконечные ряды прядильныхъ и ткацкихъ машинъ безпрерывнымъ трещаньемъ, щелканіемъ и стукомъ создавали гулъ, мѣстами уподоблявшійся поразительно шуму водопада. И въ этомъ вихрѣ звуковъ мы видѣли десятки и сотни молодыхъ дѣвушекъ, почти дѣтей, сновавшихъ у машинъ. Растрепанныя, босыя, испачканныя, эти юныя работницы произвели на всѣхъ

насъ самое тяжелое впечатлѣніе, не изгладившееся и тогда, когда, при переходѣ въ другія отдѣленія фабрики, мы встрѣчали ряды прилично одѣтыхъ и причесанныхъ женщинъ и дѣвушекъ съ интеллигентными и здоровыми лицами.

Какъ я уже сказалъ, осматривавшаяся нами фабрика была самая крупная въ Бельфастѣ. Въ виду огромности ея, мы даже не успѣли побывать во всѣхъ ея отдѣленіяхъ. Достаточно сказать, что количество ея веретенъ достигаетъ 75.000, а число ткацкихъ станковъ—свыше 3.000. Размѣры ея производства выражаются, приблизительно, въ 15 милліонахъ ярдовъ ткани и около 2.000.000 фунтовъ пряжи. Эти цифры говорятъ, конечно, мало нашему воображенію. Но если ихъ представить себѣ въ наглядной формѣ, то онѣ покажутся чудовищно-великими. Стоитъ только себѣ вообразить хотя бы снѣжно-бѣлую дорожку въ ярдъ ширины. Эта дорожка тянется, положимъ, отъ Одессы на сѣверъ. Она пролегаетъ черезъ города и села, черезъ степи, рѣки, озера, болота, простирается вдоль по меридіану до Петербурга, проходитъ черезъ Финляндію, достигаетъ Ледовитаго океана и все еще продолжаетъ бѣлѣть вдаль по поверхности моря, то сливаясь съ бѣлизной глубокихъ полярныхъ снѣговъ, то выдѣляясь опять тонкой бѣлой лентой въ ярдъ ширины на голубой поверхности льдинъ, пока не достигаетъ сѣвернаго полюса. Здѣсь она огибаетъ сѣверное полушаріе, протягивается по Канадѣ и Соединеннымъ Штатамъ и оканчивается въ Мексикѣ. Вотъ этотъ кусокъ полотна и составляетъ приблизительную величину производительности одной изъ бельфастскихъ фабрикъ, не считая ея пряжи. Если же взять общую ткацкую производительность Ирландіи, то послѣдняя своимъ полотномъ въ ярдъ ширины могла бы опоясать три раза земной шаръ вдоль по экватору.

Послѣ льнопрядильной фабрики Іоркъ-Стритской компаніи, мы осмотрѣли колоссальную канатную фабрику, на которой, между прочимъ, изготовляются по спеціальнымъ заказамъ канаты для военнаго флота Англіи. И здѣсь также насъ, конечно, поражалъ размахъ энергіи и предпріимчивости, безконечное разнообразіе машинъ, свивавшихъ всевозможнаго размѣра шнуры, бечевы, веревки и канаты, трепавшихъ и мявшихъ разнаго сорта и вида пеньку и наматывавшихъ огромные круги товара. Но лично меня еще больше поразилъ нашъ путеводитель, молодой директоръ фабрики, довольно отчетливымъ произнесеніемъ самаго длиннаго русскаго слова „высокопревосходительство“. Оказывается, онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи, гдѣ изучалъ пеньковый рынокъ и куда время отъ времени наѣзжаетъ по тор-

говымъ дѣламъ. Узнавъ, что среди посѣтителей его фабрики есть и русскій журналистъ, онъ очень любезно заговорилъ со мною о Россіи и блеснулъ знаніемъ, хотя и очень слабымъ, русскаго языка. Это былъ внукъ Смайльса, знаменитаго превозносителя англійской предпріимчивости и самопомощи, и казалось дикимъ и страннымъ слышать изъ устъ его внука жалобы на конкурренцію и на свободу торговли. Фабрика вырабатываетъ въ среднемъ сто тоннъ въ недѣлю. Очевидно, это казалось ему малымъ.

— Что же, вы хотите весь міръ опутать своими веревками?— спросилъ я въ шутку.

— А почему бы и нѣтъ!—гордо и смѣло отвѣтилъ онъ.

И въ этомъ отвѣтѣ заключался и весь секретъ процвѣтанія Бельфаста, гордо посылающаго свой вызовъ міру своей вѣрой въ себя, своей энергіей и развитіемъ и своимъ желаніемъ побѣдить, побѣдить не на узкомъ полѣ національной политики, а на широкой аренѣ международнаго мирнаго соперничества.

VIII.

Языкъ природы.

Я оставилъ Ирландію на пароходѣ въ бельфастскомъ портѣ. Но раньше, чѣмъ закончить нашъ очеркъ, необходимо сказать еще кое-что объ ирландской природѣ. Политика, литература и природа ирландскія настолько тѣсно сплетены и связь между ними настолько крѣпка и очевидна, что, поговоривъ хотя бы мелькомъ объ одной изъ нихъ, нельзя умолчать и о другой.

Будучи въ Ирландіи, я только и слышалъ совѣты отъ ирландцевъ поѣхать посмотрѣть озера въ Килани, на юго-западѣ острова, въ графствѣ Керри.

— Если хотите что-нибудь посмотрѣть красивое,—поѣзжайте въ Килани (пишется Killarney),—говорили мнѣ всѣ въ одинъ голосъ.

А когда я вернулся изъ Ирландіи въ Лондонъ, первый вопросъ знакомыхъ англичанъ былъ: „Видѣли вы Киллани?“—И я долженъ былъ признаться, что не былъ въ Килани и никакихъ киланейскихъ озеръ не видѣлъ. И я не сомнѣваюсь, что многое изъ-за этого потерялъ въ глазахъ англичанъ, спеціально ѣдущихъ въ Ирландію, чтобы повидать озера въ Килани. Что озера эти прекрасны, что они составляютъ чудо природы, это можно видѣть и изъ описанія ихъ въ разныхъ путеводителяхъ, и конечно, еслибы я разъѣзжалъ по Ирландіи досужимъ и богатымъ тури-

стомъ, я бы не преминулъ полюбоваться и красотами Килани, да и многими другими, разсѣянными по юго-западному и сѣверо-западному берегу. Но для моихъ цѣлей было довольно и того, что̀ я успѣлъ повидать. Я проѣхалъ по всему восточному берегу и отчасти по сѣверному и совершилъ путешествіе въ глубь страны, проѣхавъ отъ Дублина до Атлона, лежащаго въ самомъ центрѣ острова. Послѣ этого природа Ирландіи стала для меня въ нѣкоторомъ родѣ открытой книгой, и мнѣ казалось, что я уловилъ ея главную особенность, столь объясняющую кельтскій характеръ и кельтскую литературу. Эту особенность составляетъ таинственность, по настоящее время не оставляющая ирландскія горы и пещеры, озера и ложбины, несмотря на всю, такъ сказать, фамильярность съ ними туристовъ и туземцевъ. Какъ ни стараются содержатели гостинницъ, составители путеводителей, гиды, лодочники, разносные торговцы, извозчики и разные попрошайки, толпами гнѣздящіеся во всякомъ мѣстѣ, облюбованномъ пріѣзжими, обнажить святую святыхъ ирландской природы, обратить ее въ какую-то табличку умноженія, въ избитую, всѣмъ извѣстную и во всѣхъ деталяхъ доступную обыденщину, она все-таки продолжаетъ сохранять свой дивный покровъ и оставаться совершенно чуждой человѣку и въ то же время столь привлекательной и притягивающей къ себѣ. Пусть себѣ она во всѣхъ подробностяхъ изучена уже сотни лѣтъ, пусть посѣщаютъ и топчутъ ее милліоны людей, пусть нарушаютъ ея тишину свистки паровозовъ, грохотъ поѣздовъ, смѣхъ и пѣнье туристовъ, крики пьяныхъ— она все же остается сама собою, загадочной, внушающей трепетъ и благоговѣніе.

Во многомъ Ирландія, особенно прибрежная часть, напоминаетъ Шотландію. Тѣ же узкія и длинныя озера въ горахъ; тѣ же „глены", т.-е. глубокія ложбины, стѣны которыхъ покрыты снизу до верху деревьями и на днѣ которыхъ течетъ по камнямъ мелкій ручей, скрытый подъ нависшими надъ ними вѣтвями деревъ; тѣ же высокіе береговые обрывы, иззубренные волнами, съ разсѣянными вблизи шхерами, и тѣ же, наконецъ, пещеры и пропасти, измытыя моремъ или образовавшіяся провалами. Но Ирландія не столь сурова, какъ Шотландія. Ея горы не столь высоки и на нихъ не играютъ туманы вѣчной смѣной своихъ дивныхъ оттѣнковъ; а поверхность ея, гораздо болѣе шотландской, богата зеленью. Не даромъ ирландцы назвали свой островъ изумруднымъ (Emerald Island). Даже самые высокіе холмы его покрыты травой и зеленой листвой деревьевъ. Даже торфяныя болота, составляющія чуть ли не седьмую часть его поверхности

и занимающія главнымъ образомъ центральную и западную часть острова, покрыты зеленой травкой, хотя никакіе другіе полезные злаки на нихъ произрастать не могутъ.

И эта природа, живущая какой-то своей собственной, индивидуальной и таинственной жизнью, запечатлѣлась въ умѣ кельта чисто человѣческими и фантастическими образами, которые онъ видѣлъ въ каждой отдѣльной черточкѣ ландшафта. Вся ирландская поверхность, отъ востока до запада и отъ юга до сѣвера, покрыта легендами и историческими сказаніями. Каждый клочокъ земли чѣмъ-либо замѣчателенъ, борьбой-ли людей, боговъ или чертей. Какъ и древняя Греція, она — развернутая хартія былой жизни и фантазіи народа. Что̀ ни холмъ, то сказка, что̀ ни озеро—то легенда, что̀ ни ручей—то воспоминаніе. Еслибы кто-либо изъ ученыхъ изслѣдователей народныхъ повѣрій вздумалъ составить фольклорную географію, на подобіе коммерческой или политической, и окрашивать на картахъ ея всякое мѣсто, отмѣченное легендой, то, несомнѣнно, карта Ирландіи была бы сплошь покрыта соотвѣтственной краской. Я, положительно, не знаю тамъ уголка, который остался бы внѣ области ирландской миѳологіи и исторіи. Куда я ни заглянулъ, я вездѣ наталкивался на остатки старины и на чрезвычайно образныя названія, свидѣтельствовавшія о богатствѣ фантазіи и о склонности видѣть въ неодушевленной природѣ олицетворенія живыхъ существъ. Вотъ, напримѣръ, у самаго Дублина, на сѣверной сторонѣ его, маленькій полуостровъ Гоутсъ, у берега котораго лежитъ скалистый островокъ, названный „Глазомъ Ирландіи“ (Ireland's Eye). Дѣйствительно, по своему положенію, онъ какъ бы напоминаетъ сторожевой постъ, выдвинутый самой природой въ Ирландское море. И на этомъ островкѣ, на которомъ и разбѣжаться нельзя, чтобы не упасть въ море, вамъ покажутъ развалины часовни, построенной въ VII-мъ вѣкѣ по Р. Хр., и разскажутъ изумительную исторію объ убійствѣ, случившемся на немъ въ новѣйшее время. Самъ полуостровъ Гоутсъ покрытъ, такъ сказать, густымъ пластомъ легендъ. На высокой вершинѣ его показываютъ могильную насыпь какого-то короля Кримтана, жившаго, будто бы, въ первомъ столѣтіи нашей эры, а находящійся вблизи дворецъ связанъ съ красивымъ преданіемъ объ увозѣ, въ 1575 г., молодого лорда Гоутса владѣлицею замка Каррикагули, О'Малли. Эта аристократическая ирландка пріѣхала разъ въ гости къ лорду Гоутсу и нашла ворота запертыми. Напрасно она стучала—никто ей не отворялъ, такъ какъ всѣ сидѣли за обѣдомъ. Въ наказаніе, О'Малли схватила маленькаго наслѣдника полуострова, увезла

его въ свои владѣнія и согласилась выдать его лишь на условіи, чтобы впредь въ часы обѣдовъ ворота зàмка на Гоутсѣ были раскрыты. Съ тѣхъ поръ обычай держать ворота отпертыми во время обѣда долго соблюдался. Конечно, не желая портить прелести преданія, мы не спрашиваемъ, какъ это могло случиться, чтобы маленькій наслѣдникъ зàмка очутился одинъ внѣ его стѣнъ, за воротами, во время обѣда. Но вѣдь дѣло случилось, какъ увѣряютъ, больше чѣмъ 325 лѣтъ назадъ. Ну, а въ то время, пожалуй, маленькіе наслѣдники бѣгали за воротами одни и во время обѣда.

Кстати, когда я осматривалъ Гоутсъ, я былъ крайне недоволенъ ирландской стариной: ужъ очень она надоѣдала и не давала погрузиться въ спокойное созерцаніе развертывающейся здѣсь передъ глазами картины. Гоутсъ — очень высокій мысъ, соединенный съ островомъ Ирландіи узенькимъ перешейкомъ. Съ вершины этого мыса, спускающагося въ море широкими скалистыми уступами, открывается восхитительный видъ на безбрежное море, а по сторонамъ зеленѣютъ вдали высокіе берега и видна дублинская гавань, Кингстоунъ, Далки и другія окрестности Дублина. Хотѣлось сидѣть и отдохнуть въ этой тишинѣ, въ которой только и слышенъ вѣчный плескъ волнъ, мягко разбивающихся о берега. Но не тутъ-то было. Не успѣлъ я усѣсться на мягкой травѣ, какъ надъ самымъ моимъ ухомъ раздались какіе-то визгливые звуки, рѣзкимъ диссонансомъ ворвавшіеся въ торжественную тишину моря. Это старый ирландецъ, для моего, очевидно, удовольствія, заигралъ на своей старой волынкѣ. Я уже имѣлъ случай описать ирландскую волынку. Но то была волынка культурная, воспитанница гельской лиги, украшенная серебряными трубочками, надувавшаяся въ превосходные пузыри и свистѣвшая подъ пальцами виртуоза. Между тѣмъ какъ здѣсь это была залежавшаяся, перешедшая, вѣроятно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, примитивно сколоченная штука, видавшая виды. Она не играла, а визжала, пищала и рѣзала уши. Я бросилъ музыканту монетку, проговоривъ съ сердцемъ:

— Получайте, только, ради Бога, перестаньте!

Старикъ взялъ монету, поблагодарилъ и отошелъ на нѣсколько шаговъ. Я думалъ, что мученье кончено. Но, оказалось, оно только-что началось. Прибыла какая-то компанія изъ дамъ и мужчинъ, съ биноклями, кодаками, сумками. Словомъ, истые туристы. Они ухватились за старика, какъ за кладъ. Они не только заставили его „играть“, но снимали его во время игры своими аппаратами въ разныхъ позахъ и съ разныхъ сторонъ, —

и старикъ, чувствуя себя центральной фигурой, какъ бы въ отместку мнѣ и торжествуя побѣду, игралъ, не переставая, добрыхъ полчаса и, казалось, изо всѣхъ своихъ старческихъ силъ. Но еще хуже старой волынки оказались приставанья разныхъ оборвышей, предлагавшихъ свои объясненія ирландской старины и мѣстныхъ достопримѣчательностей.—Вотъ здѣсь жилъ Кримтонъ Ніаднейръ, не то полубогъ, не то человѣкъ; вотъ тамъ—„Львиная голова", утесъ, дѣйствительно похожій на голову льва, а тутъ—руины какой-то церкви. Напрасно объясняете, что все это можете узнать изъ любого путеводителя. Васъ будутъ провожать и поучать. Впрочемъ, мнѣ говорили, что день моего визита былъ исключительный. Ожидали какую-то партію американскихъ туристовъ, и въ надеждѣ на ихъ щедрость поспѣшили на гору попрошайки.

Гораздо спокойнѣе провелъ я день на южной сторонѣ Дублина, въ Бреѣ. День былъ воскресный и американскихъ туристовъ здѣсь, очевидно, не ожидали. Въ этомъ мѣстѣ не только замѣчательны нѣкоторые остатки древности и разныя поэтическія названія, данныя населеніемъ отдѣльнымъ скаламъ, глубокимъ оврагамъ и прочимъ штрихамъ ландшафта, но и разныя современныя искусственныя сооруженія, имѣющія цѣлью облегчить посѣтителямъ любованье здѣшней природой и обезопасить ихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Одна только дорожка, проложенная въ видѣ террасы по крутому склону прибрежной горы Брей (Bray Head), говорила о высокой степени культурности населенія и его любви къ природѣ больше, чѣмъ можно было бы высказать въ десяткахъ томовъ. Дорожка никакой другой цѣли, кромѣ удобнаго любованья природой, не имѣетъ; какъ путь сообщенія, она излишня, утомительна, не безопасна и годна лишь для пѣшехода. Чтобы пройти отъ Брея до слѣдующей станціи, нѣтъ нужды пользоваться этой дорожкой. Для этого тутъ же, подъ дорожкой прорыты туннели для желѣзной дороги, а для пѣшеходовъ и экипажей есть другіе превосходные пути. Но ни изъ оконъ поѣзда, то-и-дѣло выныряющаго изъ туннелей, ни со стороны шоссейной дороги нѣтъ такого вида, какъ со склона горы, обращеннаго къ морю. И поэтому, несмотря на всю трудность сооруженія, вдоль горы проложена тропинка, аршина въ два ширины, которая тянется около восьми верстъ, покуда не достигаетъ долины. Изгибаясь прихотливыми колѣнами, въ зависимости отъ формы склона, который то выступаетъ въ море мысами, то, какъ будто испугавшись собственной смѣлости, отскакиваетъ вглубь берега, тропинка все время вьется почти

на одинаковой высотѣ и на всемъ своемъ протяженіи отгорожена со стороны моря витой проволокой на желѣзныхъ столбикахъ. Эта тропинка, оказывается, составляетъ подарокъ лэндлорда, которому принадлежитъ гора, отчасти же она продолжена и содержится на мѣстныя общественныя средства. И наврядъ-ли можно было придумать болѣе подходящій подарокъ въ этой мѣстности. Прогулка вдоль склона горы и теперь не безопасна, такъ какъ она почти все время идетъ вдоль очень высокаго и крутого обрыва, подверженнаго обваламъ. Но именно эта капелька опасности прибавляетъ прогулкѣ еще больше интереса, а развертывающіяся передъ глазами картины моря и дальнихъ горъ, дикихъ скалъ и каменистыхъ островковъ сторицею вознаграждаютъ за всякія неудобства.

Возвращаясь обратно съ прогулки по склону горы, я увидѣлъ на одномъ изъ покатыхъ отлоговъ ея большую группу танцовавшей молодежи. Это были рабочіе парни и дѣвушки, явившіеся сюда съ своимъ собственнымъ оркестромъ изъ Дублина. Вся компанія принадлежала къ какой-то „ложѣ", знамя которой они привезли съ собою. Танцовали, однако, не подъ звуки оркестра, состоявшаго изъ барабановъ и маленькихъ флейтъ, а подъ музыку скрипача, безконечно повторявшаго одинъ и тотъ же мотивъ. Оркестръ же служилъ для болѣе торжественныхъ моментовъ пикника, а именно: во время шествія на вокзалъ и съ вокзала. Я не знаю, былъ ли это спеціально ирландскій танецъ, или нарочно изобрѣтенный для описываемаго случая, но онъ былъ поразительно простъ и въ то же время всеобъемлющъ. Повидимому, въ немъ могутъ участвовать столько паръ, сколько имѣется налицо. Онъ состоялъ въ томъ, что въ центрѣ хоровода по очереди становилась каждая изъ дѣвицъ и вертѣлась съ каждымъ изъ кавалеровъ. Когда она кончала свою „работу", ея мѣсто занимала другая дѣвица и т. д., покуда всѣ онѣ не повертѣлись отдѣльно съ каждымъ кавалеромъ. Въ промежутки между смѣнами дѣвицъ происходило общее верченье всѣмъ хороводомъ; при этомъ сплетались руками, мѣнялись мѣстами и подрыгивали ногами. Все это продѣлывалось очень чинно и даже галантно. Я, конечно, описываю этотъ танецъ какъ совершеннѣйшій профанъ. Но и изъ этого неумѣлаго описанія очевидно, что такой танецъ можетъ продолжаться хотя бы цѣлый день. И дѣйствительно, въ виду того, что въ танцѣ участвовало человѣкъ тридцать, онъ окончился лишь къ вечеру, когда нѣкоторые изъ танцоровъ, обратившись въ музыкантовъ, одѣли свои барабаны или взяли флейты, и съ веселой музыкой и съ широкимъ зеле-

нымъ знаменемъ вся компанія женщинъ и мужчинъ тронулась въ обратный путь на вокзалъ.

Но какъ ни полонъ очарованія восточный берегъ Ирландіи, ни одно мѣсто его не произвело на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ сѣверный берегъ ея, въ особенности знаменитое „Шоссе Гигантовъ“ (The Giant's Causeway), близъ Портреша. Не даромъ народная фантазія приноровила къ этому мѣсту большой циклъ кельтскаго эпоса. Все здѣсь окружено какой-то невыразимой жуткостью, словно пещера таинственнаго, невидимаго волшебника. Море здѣсь по большей части бурное, усѣянное скалами. Берегъ на огромномъ протяженіи представляетъ собою рядъ фантастическихъ профилей и страшныхъ пропастей, обнимая собою и такое чудо, какъ нагроможденіе базальтовыхъ столбовъ въ одной изъ своихъ бухтъ. Напрасно ирландцы какъ бы нарочно стараются обратить „Шоссе“ въ грубый базаръ, въ вульгарное зрѣлище для туристовъ. Въ 1898 г. они даже создали синдикатъ, который поставилъ у базальтовыхъ столбовъ калитку и взимаетъ по шиллингу за входъ. Напрасно понаставлены лавочки, въ которыхъ продается разный хламъ въ видѣ сувенировъ, и нищіе, и гиды, и лодочники, и всякій другой сбродъ слѣдуютъ по вашимъ пятамъ. Напрасно! Природа продолжаетъ говорить своимъ величаво-таинственнымъ языкомъ, исходящимъ какъ бы изъ нѣдръ первобытнаго хаоса, и чувствуется, что не калитку для взиманія шиллинговъ, не лавочки слѣдовало здѣсь построить, а воздвигнуть величайшій храмъ, если вообще сама природа не служитъ здѣсь таинственнымъ и великимъ храмомъ.

Само „Шоссе“, хотя съ геологической точки зрѣнія составляетъ любопытнѣйшее явленіе, представляетъ собою лишь мелкій аксессуаръ въ очень большой картинѣ. Гиды любятъ обыкновенно выдѣлять ту или другую мелочь, какъ самую интересную. Столбы базальтовые, выступающіе въ море сплошной массой вплотную другъ къ другу какъ бы нарочно вбитыхъ въ морское дно многогранниковъ, далеко не однообразны по формѣ. Есть трехугольные, четырехугольные и съ большимъ числомъ граней. Вышина ихъ также разная, такъ что ходишь по нимъ не какъ по паркету, а подпрыгивая со столба на столбъ. И гиды считаютъ своимъ долгомъ обращать ваше вниманіе, что вотъ подъ вашей ногой пятигранный столбъ или трехгранный и что въ этомъ мѣстѣ просачивается вода, а тамъ столбъ съ выемкой. Дѣло, однако, вовсе не въ отдѣльныхъ столбахъ, и смотрѣть надо не подъ ноги себѣ, а на общій видъ берега, и только тогда можно постичь народную фантазію, изукрасившую это мѣсто,

которое ученые объясняють изверженіемъ базальтовой лавы, борьбой гигантовъ и надѣлившую всю эту мѣстность легендарными названіями. Вотъ группа выдѣлившихся столбовъ, образовавшихъ „Кресло гиганта", вотъ „Гробъ гиганта", его „Подкова", вотъ „Органъ гиганта". Этотъ „органъ", состоящій изъ ряда столбовъ у самаго берега, по народному повѣрью играетъ лишь разъ въ семь лѣтъ, но и тогда издаетъ лишь два тона.

Одинъ изъ приставшихъ къ намъ лодочниковъ убѣдилъ меня и нѣкоторыхъ моихъ спутниковъ прокатиться съ нимъ въ одну изъ ближайшихъ пещеръ. Море было волнистое, небо пасмурное, берегъ дикій, словомъ, обстановка какъ разъ такая, при которой въ далекую старину морскія пещеры посѣщались лишь разбойниками или темными духами. Обогнувъ „Шоссе гигантовъ", мы направились къ мысу, торчавшему на западной сторонѣ бухты, и здѣсь мимо скалъ, почти закрывавшихъ съ виду пещеру, мы приплыли къ мѣсту нашего назначенія. Лодка вошла подъ высокій и узкій сводъ, покрытый какой-то зеленью, повидимому не растительной. Вода стояла тихой и прозрачной гладью, черезъ которую, несмотря на страшную глубину, виднѣлось красивое и свѣтлое дно, словно подъ нами была крыша затонувшаго волшебнаго дворца. И кругомъ была такая царственная, величавая тишина, что малѣйшій звукъ казался въ ней громомъ.

Лодочникъ проплылъ вглубь грота саженъ пять и остановился. Всѣ какъ-то невольно примолкли. Все казалось полнымъ таинственнаго ужаса.

— Купите, господа, камешки. Дешево продамъ, — вдругъ раздался громовымъ эхомъ голосъ лодочника.

Тишина и спокойствіе пещеры показались ему, очевидно, наиболѣе удобнымъ моментомъ для его торговыхъ операцій, и, вынувъ изъ-подъ скамейки ящички съ минералогическими коллекціями, онъ сталъ навязывать ихъ намъ въ сувениры, — какъ будто можно было унести отсюда болѣе глубокій, болѣе возвышенный и драгоцѣнный сувениръ, чѣмъ воспоминаніе о пережитомъ чувствѣ.

По дорогѣ изъ „Шоссе" въ Портрешъ, куда ведетъ электрическій трамвай (первый въ Соединенномъ королевствѣ, выстроенный въ 1882 г.), путешественникъ можетъ видѣть выступающую въ море „Голову гиганта", утесъ, имѣющій поразительное сходство съ человѣческой головой; „Львиную лапу", дѣйствительно очень похожую на лапу льва; огромную пропасть, названную „Чашей діавола", и многія другія фантастическія образованія, словно таинственная морская стихія тутъ нарочно разгулялась и хотѣла пошутить надъ воображеніемъ человѣка. И

тутъ же, изумительно гармонируя со всей мѣстностью, въ двухъ или трехъ верстахъ отъ „Шоссе гигантовъ“, торчатъ угрюмыя руины загадочнаго замка, построеннаго когда-то на одинокомъ утесѣ, отдѣленномъ отъ берега глубокой пропастью, и извѣстнаго нынѣ подъ старо-ирландскимъ именемъ „Dunluce Castle“ (Замокъ Дюнлюсъ). Кѣмъ и когда построено это замѣчательное зданіе, какъ бы бросившее вызовъ морскимъ волнамъ, вѣчно шумящимъ у подножія его,—неизвѣстно. Впервые о немъ встрѣчается свѣдѣніе въ ирландскихъ лѣтописяхъ начала XVI-го вѣка, когда замкомъ владѣлъ ирландскій вождь Мак-Кланъ. Потомъ его захватилъ шотландскій вождь, изъ клана Мак-Доннеллей, а въ началѣ XVII-го вѣка въ немъ еще обитала герцогиня Кемберлэндская, при которой случилась ужасная катастрофа: въ бурную ночь одинъ изъ угловъ утеса обвалился, а вмѣстѣ съ нимъ обрушилась въ морскую пучину и часть зданія, гдѣ помѣщалась кухня, и девять человѣкъ прислуги погибло. Съ тѣхъ поръ замокъ заброшенъ, и вотъ уже почти триста лѣтъ, какъ морскія волны и вѣтры и дожди довершаютъ дѣло разрушенія.

— Grand! Grand! (грандіозно!) — повторялъ американецъ, въ одно время съ нами осматривавшій достопримѣчательности берега.—Такая страна только и можетъ быть мѣстомъ происхожденія президента Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки! — прибавилъ онъ не безъ гордости.

Оказывается, предки Вильяма Мак-Кинлея, бывшаго два раза президентомъ великой заатлантической республики, выселились въ Америку именно изъ этой мѣстности въ 1838 г., и домъ, въ которомъ жило нѣсколько поколѣній Мак-Кинлеевъ, еще сохранился и служитъ цѣлью паломничества многихъ тысячъ американцевъ. Мой американскій спутникъ съ своимъ семействомъ также посѣтилъ домъ Мак-Кинлея близъ Баллимона и, повидимому, былъ немного пораженъ скромностью и даже убогимъ видомъ этой одиноко стоящей крестьянской хижины, и лишь въ величіи открывшагося передъ нимъ берегового ландшафта американецъ обрѣлъ удовлетвореніе своему патріотизму.

Когда мы возвращались по берегу въ Портрешъ, полилъ дождь, не прекращавшійся до самаго Бельфаста. Морская даль наполнилась сѣроватой мглой, находившейся въ хаотическомъ движеніи. Сильный прибой волнъ то-и-дѣло ударялъ о прибрежныя скалы, издавая трескъ и глухой ропотъ, которые, вѣроятно, вслѣдствіе пещеристаго характера берега, разносились далеко потрясающимъ гуломъ.

С. И. Рапопортъ.

ДВА РАЗСКАЗА

I.

ПОДЪ ИГОМЪ РЕФЛЕКСІИ.

I.

„...Что сказать тебѣ еще, дорогая Лиля? — писала Мери Быстрова, вдумчиво хмуря тонкія черныя бровки.—У насъ уже весна. Москва наполняется пѣніемъ птицъ и... разносчиковъ. На Тверскомъ бульварѣ (мы переѣхали сюда изъ Сущева въ разсчетѣ быть поближе къ clientèle) все зелено; снуетъ и шумитъ по вечерамъ студенчество... Послѣднее не очень пріятно, и мы выходимъ погулять рано утромъ—когда не такъ людно“...

Лампа начинала коптить.

Мери положила перо и убавила огонь. Красивая и свѣжая, съ выпуклыми, слегка близорукими глазами, она зѣвнула и потянулась, вскинувъ руки.

Она писала своей бывшей товаркѣ по высшимъ курсамъ, Лилѣ Сомовой, въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онѣ окончили курсы, прошло уже довольно времени; Лиля успѣла выйти замужъ за петербургскаго присяжнаго повѣреннаго средней руки, а Мери (по просту, Марья Кондратьевна)—за начинающаго доктора въ Москвѣ. Дружба ихъ, однако, не остывала, и онѣ аккуратно обмѣнивались нѣсколько разъ въ годъ пространными письмами, хотя и ограничивались въ нихъ лишь пересказами своего будничнаго.

„Мама, наконецъ, отдѣлила меня, и теперь я вполнѣ

независима, — продолжала она. — На Ѳоминой былъ у купцовъ Шумовыхъ (паціентовъ) bal paré et travesti, веселились до утра; шампанское лилось; кто отказывался пить, тому ставили мѣломъ крестъ на спинѣ—въ знакъ, что онъ какъ бы умеръ. Удовольствіями за зиму мы, вообще, пользовались очень. Какъ твой Serge? Мой Michel здравствуетъ и цвѣтетъ. Вчера у насъ „завинтились" до зари, и теперь у него болитъ немного голова. Пиши. Твоя—Мери Быстрова".

Заклеивъ конвертъ и надписавъ адресъ, Мери насторожилась, прислушиваясь, точно кошка; потомъ безшумно встала, отыскала на этажеркѣ книгу „Спутникъ женщины" и расположилась читать.

Въ дверяхъ залы показалась кухарка Ѳедосья.

— Кучеръ спрашиваетъ, поѣдете ли куда?... — начала она пронзительнымъ сопрано.

— Т-с-ссъ!—остановила ее Мери, встрепенувшись вся и замахавъ руками. — Михаилъ Петровичъ спитъ!.. — пояснила она чуть слышнымъ шопотомъ.—Потомъ, потомъ скажу...

Ѳедосья отступила въ сумракъ передней.

II.

Михаилъ Петровичъ Быстровъ былъ рядомъ, въ кабинетѣ. Онъ лежалъ на широкомъ пружинномъ диванѣ, но не спалъ.

Уставивъ въ темнотѣ глаза на сравнительно свѣтлое пространство между неплотно сходившимися дра при окна, онъ какъ бы застылъ подъ наплывомъ тѣснившихся въ головѣ мыслей.

„...Не все ли равно, кто гнететъ въ семьѣ — мужъ или жена?... Какая разница, если авторитетомъ, господствующею половиной въ человѣчествѣ станетъ женщина?...—думалъ онъ.— Не изъ-за этого же сыръ-боръ горѣлъ, ломались копья въ *„женскомъ вопросѣ"*!... Достичь справедливости: упорядочить отношенія, согласить интересы—вотъ цѣль!.."

Онъ безпокойно повернулся на диванѣ всѣмъ своимъ рослымъ, статнымъ корпусомъ и закинулъ руки подъ голову.

Мысли продолжали тѣсниться, цѣпляясь то за одно, то за другое...

Вспоминались недавнія—всего годъ тому назадъ—не легкія старанія стать скорѣе на свои ноги, не быть больше въ тягость отцу—многосемейному секретарю провинціальнаго земства... Выступилъ въ яркомъ, ласкающемъ свѣтѣ завязавшійся на одномъ изъ вечеровъ въ дворянскомъ собраніи романъ съ Мери — до-

чербю богатой помѣщицы-вдовы, кончившійся женитьбой, принесшей стотысячное приданое, — котораго онъ не искалъ и не былъ способенъ искать, но которое все-таки было счастливымъ плюсомъ, открывавшимъ перспективу матеріальнаго довольства, спокойнаго свободнаго труда... И тутъ же нахлынули темною тучей послѣ-свадебныя воспоминанія... Устроившись въ домѣ тещи — Мареы Даниловны Зуевой, — въ Сущевѣ, и расхаживая по анфиладѣ высокихъ, богато убранныхъ комнатъ; надѣвая утромъ традиціонный въ приданомъ халатъ („рытаго" бархата и съ шолковыми кистями); садясь за обильную, вкусную трапезу, — Быстровъ не могъ не сознавать всей полноты окружающаго благополучія, но въ то же время не могъ не чувствовать, что несомнѣннѣйшимъ благополучіемъ этимъ онъ весь стиснутъ, точно нога въ новомъ сапогѣ... Любящая жена не чаяла въ немъ души и оберегала эту душу до невозможности пошевельнуться... Родственная любвеобильность тещи подавляла своею неусыпностью... Витавшій въ самомъ воздухѣ, неустанный женскій авторитетъ, всѣмъ любвеобильно надѣлявшій, все предусматривавшій, создавалъ безмятежность для счастливца, пригнетавшую его, какъ гробовая крышка.

Состоявшійся выдѣлъ жены освобождалъ отъ этой мертвенности, выпускалъ на волю. Но попечительный женскій авторитетъ оказался и тутъ: властнымъ лицомъ въ домѣ стала Мери, плодя и множа свою заботливость о мужѣ. Являвшіеся гости спрашивали, дома ли Марья Кондратьевна, а у нея освѣдомлялись: — „Какъ поживаетъ *вашъ* Михаилъ Петровичъ?" — Даже о паціентахъ кухарка Өедосья докладывала прежде всего барынѣ...

Все это, пожалуй, было и не такъ важно, чтобы мѣшать семейному счастью, тревожить думами. Но мало-по-малу, — и нестолько сознаніемъ, разумомъ, сколько нервнымъ, обезпокоеннымъ чутьемъ, — Быстровъ сталъ подмѣчать, что онъ, среди такой попечительной заботливости о немъ, важенъ не какъ собственно мужъ, человѣкъ, а лишь какъ темныя кудри, ласковые глаза, розовыя щеки...

При первомъ столкновеніи съ такимъ упрощеннымъ представленіемъ супружества, любви, Быстровъ только содрогнулся, вознегодовалъ самъ на себя за цинизмъ, за несообразныя мысли. Но отогнанное представленіе толкалось и толкалось снова въ сознаніе... Чутье продолжало схватывать, подмѣчать, убѣждаться...

„Ужасно!.. — прошепталъ онъ, заканчивая тянувшееся теперь въ умѣ разсужденіе именно на эту тему. — И нельзя ни подступиться, ни выяснить"...

Онъ приподнялся и сѣлъ на диванъ, нащупывая ногами туфли на коврѣ; потомъ прошелъ къ письменному столу, зажегъ свѣчу.

Одѣтый въ сѣренькую домашнюю пару, видный и хорошо сложенный, съ задумчиво-ласковымъ взглядомъ синихъ глазъ, съ шапкою темныхъ шелковистыхъ кудрей, онъ имѣлъ въ себѣ то счастливое „нѣчто", которое сразу выказываетъ человѣка, располагаетъ къ нему.

III.

Почти неслышные шаги Быстрова не укрылись отъ тонкаго слуха Мери.

Она мгновенно очутилась въ кабинетѣ, около мужа, и заговорила, приложивъ ручку къ его лбу:

— Что? прошла голова?

— Конечно...

— Но у тебя жаръ!

— Почему ты знаешь?

— Какъ это странно! Рука чувствуетъ...

— У тебя нервы неспокойны, а отъ этого температура въ рукахъ пониженная, и онѣ ненормально чувствительны къ теплу...

— Да?

Она припала къ его груди, провела легонько ладонями по кудрявымъ вискамъ, по бородѣ и поцѣловала его въ самыя губы.

— А если рябой буду?—проговорилъ онъ.

— Что?! — вскрикнула Мери. — Ты у оспеннаго больного былъ?.. ты заразился?!

Онъ засмѣялся сухимъ, ненатуральнымъ смѣхомъ и опустился въ кресло.

Мери вся тряслась и продолжала допрашивать его.

— Да нѣтъ у меня никакого оспеннаго больного! — отвѣтилъ онъ, съ замѣтною досадой.

— Но почему же ты сказалъ?.. почему?

— Такъ... пошутилъ!

Она приняла спокойный видъ, всматриваясь въ мужа своими близорукими карими глазами. Онъ чувствовалъ, что спокойствіе ея только наружное, „конспираторское", что внутренно она терзается сомнѣніемъ, боязнью.—„И не за меня, собственно, а за щеки...—думалъ онъ, охваченный подступившими мрачными мыслями.—И заботливость всякая не обо мнѣ, а о пластикѣ..."

— Хочешь прокатиться?—спросила Мери.

Онъ взглянулъ на нее задумчиво.

— Лучше пѣшкомъ прогуляемся? Да?

Она скрылась, не дожидаясь отвѣта.

Эта манера была частью попечительной системы: прогулки—пѣшкомъ или въ экипажѣ — какъ бы предписывались и строго различались въ гигіеническомъ отношеніи.

На этотъ разъ прогулка пѣшкомъ совпадала съ желаніемъ Быстрова.

Онъ причесался, надѣлъ ботинки.

Вошла Мери—въ котиковой шапочкѣ, въ коротенькой шубкѣ съ собольимъ воротникомъ.

Современная эстетическая ограниченность была въ ней вообще замѣтною чертой. Странное сочетаніе цвѣтовъ, „кричащія" огромныя пуговицы на платьѣ, „залихватское" перо на шляпѣ нерѣдко оскорбляли врожденный вкусъ Быстрова и приводили къ спорамъ съ женою. Теперь ему кинулся въ глаза выставленный клинышкомъ изъ кармана платокъ.

— *Это* зачѣмъ? — сказалъ онъ, запихивая его пальцемъ вглубь.

— Такъ всѣ носятъ...

— Потому-то и не надо дѣлать этого!

Мери несовсѣмъ поняла. Но, видя, что мужъ недоволенъ, сказала, отыскивая мысленно причину:

— Тебѣ не хочется идти гулять?

— Палка стоитъ въ углу, и потому дождь идетъ!—отвѣтилъ Быстровъ, захохотавъ и схватывая со стола шляпу, перчатки.

Нервная гнѣвная вспышка, впрочемъ, тутъ же улеглась въ немъ, смѣнившись раскаяніемъ. Онъ поцѣловалъ Мери, приподнявъ на щекѣ у нея краешекъ вуалетки, и мягко, съ передавшеюся ей нѣжностью, взялъ ее подъ-руку.

IV.

У входа на Тверской бульваръ шумно толпились кучки студентовъ. По площади проносились въ Паркъ тройки съ компаніями встрѣчающихъ весну...

Въ Страстномъ монастырѣ шла по случаю чего-то всенощная.

— Какой праздникъ завтра? — проговорила Мери, остановивъ взглядъ на пылавшихъ свѣтомъ, растворенныхъ дверяхъ.— Зайдемъ...

Внутренно она не имѣла вѣры, не имѣла почвы для нея—наивности, и исходила въ религіозномъ изъ узко-практическихъ

соображеній, видѣла спасеніе въ обрядностяхъ, эгоистически уповала на Промыслъ во всякихъ своихъ повседневностяхъ... Быстровъ убѣжденно отвергалъ обрядность, приравнивалъ упованіе къ хитрости. Уступая женѣ, онъ иногда показывался съ нею въ церкви.

Теперь ему хотѣлось подышать свѣжимъ весеннимъ воздухомъ, хотѣлось двигаться.

— Иди, я потомъ зайду за тобою!—сказалъ онъ добродушно.

— Нѣтъ, пойдемъ!—возразила Мери и потянула его за собою.—Вспомни, когда ты былъ въ церкви!

На него опять набѣжало.

— Что ты „обращаешь" меня!—отвѣтилъ онъ, освобождая свою руку.—Миссіонерка ты, что-ли?

— Ты сердишься?

— Нисколько! Но зачѣмъ это вмѣшательство въ чужую совѣсть?

— Мы—мужъ и жена...

— Прекрасно! Почему же я долженъ подчиняться твоимъ воззрѣніямъ, а не ты—моимъ, напримѣръ?

Мери молча повернула съ нимъ вверхъ по Тверской.

Давъ время, по ея соображеніямъ, успокоиться мужу, она заговорила:

— Ты не обращаешь вниманія, не знаешь... А мнѣ приходится слышать—и самой, и чрезъ другихъ... Очень большое значеніе придаютъ паціенты...

— Всенощной?

— Бываетъ или нѣтъ докторъ въ церкви...

Быстровъ расхохотался искреннимъ веселымъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, ты комикъ, милая! — воскликнулъ онъ потомъ.— Хорошъ христіанинъ, обдѣлывающій свои дѣлишки чрезъ церковь! Да и это не все: татаринъ-паціентъ прикажетъ въ мечеть идти, еврей—въ синагогу...

— Ты крайности берешь!—перебила серьезно Мери.—А съ образованными паціентами нельзя не считаться...

— И ты полагаешь...

— Шумова, Агаѳья Устиновна, прямо сказала мнѣ: „Вашъ Михаилъ Петровичъ, кажется, и въ церкви не бываетъ совсѣмъ?"...

— *Вашъ*? Чтò это значитъ?—съ удареніемъ и передернувшись, спросилъ Быстровъ.

— Мой, то-есть...

— *Твой*?

— Ну, да: ты—мой, а я—твоя,—пояснила кокетливо Мери, взявъ его подъ руку и прижимаясь къ нему.

Внутри у него подступила и заклокотала желчность. Моментъ высказаться предъ женою, „выяснить“,—показался ему самымъ подходящимъ; въ мысляхъ мгновенно сложилась цѣлая тирада...

— Интересно уловить идею нынѣшняго, моднаго, отношенія нѣкоторыхъ женъ къ мужьямъ... отношенія, когда мужчина весь исчерпывается, такъ сказать, пластикой, и лишь по ней получаетъ цѣнность... — началъ онъ, схватывая лихорадочно фразы въ умѣ. — Отсюда, вѣроятно, и водворяющееся слово: „мой“... Въ каждомъ словѣ кроется внутренній смыслъ... есть онъ и въ этомъ, конечно... Потому оно и въ ходу теперь у женъ... при данныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ...

Стройно сложившаяся въ мысляхъ тирада не давалась и стушевывалась. Сновавшіе, толкавшіе прохожіе, грохотъ мчавшихся экипажей мѣшали и говорить, и слышать.

Быстровъ умолкъ, надвинувъ шляпу на самыя брови, стараясь сдержать себя, умиротворить внутренно.

V.

Дальше прогулка прошла безъ споровъ, безъ шероховатостей.

На обратномъ пути супруги завернули въ кондитерскую и съѣли по пирожку.

Быстровъ хотѣлъ заплатить, но Мери держала уже наготовѣ монетку.

— Я заплачу: я должна тебѣ 75 копѣекъ, — сказала она.

— Какія?

— Разносчику, за картофель, ты отдалъ... У меня записано...

Быстровъ пожалъ плечами.

Его всегда смущали эти разсчеты, какъ бы требовавшіе, чтобъ и онъ, съ своей стороны, помнилъ о разныхъ копѣйкахъ. Онъ сталъ было вести свою приходо-расходную книжку, но скоро почувствовалъ отвращеніе къ такой „двойной“ бухгалтеріи и предоставилъ все Мери. Были непріятны эти разсчеты и въ другомъ, серьезномъ отношеніи: докторскій заработокъ мало прибавлялся со времени женитьбы и былъ совсѣмъ недостаточенъ для довольно широкой семейной жизни; Мери приплачивала изъ „своихъ“, и потому какъ бы выходило, что Быстровъ погрязаетъ въ долгахъ женѣ...

— Хочешь еще?—спросила Мери, утирая надушеннымъ платкомъ свои полныя, румяныя губки.

Онъ былъ не прочь съѣсть еще пирожокъ—другой, но вопросъ почему-то кольнулъ его.

— Нѣтъ, пойдемъ, — сказалъ онъ, ставя въ то же время мысленно діагнозъ себѣ:—„Нервы окончательно пошаливаютъ... всякій пустякъ раздражаетъ...“

Въ кухнѣ, когда они вернулись, Ѳедосья неистово стучала ножами, рубя къ ужину мясо для котлетъ.

Мери прошла туда.

— Не пережарь, какъ вчера!—раздался тамъ ея звонкій и всегда какъ бы повелительный голосокъ.

Это исполнялась также часть системы, заключавшая въ себѣ конфиденціальный рецептъ пріятельницы Мери, женщины-врача, Гимновой,—„питать мужчину“...

Ростбифъ, полусырыя котлеты изъ филея, яйца въ смятку, какао или шоколадъ составляли основу этого водворившагося рецепта. Быстрову иногда до страсти хотѣлось налечь на какіе-нибудь соусы, на „углеводы“, и онъ принимался протестовать. Мери хитрила, уступая въ деталяхъ, но не посягая на основу рецепта.

— Опять котлеты?.. — проговорилъ Быстровъ, когда она вышла изъ кухни.

— Самое питательное!

— Конечно...

Онъ улыбнулся и направился въ кабинетъ.

На столѣ ждали, присланныя уже нѣсколько дней тому назадъ, нѣмецкія и французскія новинки по медицинѣ.

Чтобъ убить время до ужина, Быстровъ усѣлся просматривать ихъ. Но дѣло спорилось плохо: улегшаяся нервная приподнятость смѣнилась умственною лѣностью; вяло двигавшіяся мысли не охватывали предмета, память не удерживала прочитаннаго.— „Разучился мыслить... Эта тревожность, выбивающая изъ колеи... эта нервность бередящая...“—думалъ онъ, поднявшись и размѣщая въ шкафикѣ тѣ изъ книгъ, которыя рѣшилъ оставить себѣ.

VI.

За ужиномъ, послѣ выпитой рюмки водки, Быстровъ оживился немного.

На второй рюмкѣ Мери остановила его.

— Michel! — воскликнула она и постучала ножомъ по тарелкѣ.

— Что̀ такое?

— Вѣдь ты знаешь, что алкоголь—ядъ! что введеніе его въ организмъ—вредно!

— Кто это сказалъ тебѣ? Гимнова?

— Ты, врачъ, отвергаешь...

— Потому и отвергаю, что врачъ... Вреденъ не алкоголь, вредно излишество, какъ и во всемъ... Чай, на что̀ ужъ невинный напитокъ, а „неумѣренное употребленіе его надолго разстроило здоровье" великому поэту Шиллеру, какъ значится въ біографіи, которую ты читала, надѣюсь... Недаромъ вырѣзано было на вратахъ Дельфійскаго храма: „Ничего чрезъ мѣру"...

— Но двѣ рюмки...

— Хоть бы двадцать! Смотря по натурѣ и обстоятельствамъ....

Онъ опрокинулъ рюмку въ ротъ и продолжалъ:

— У насъ, на что̀ найдетъ полоса, то и на языкѣ у всѣхъ! Захилѣлъ современный человѣкъ отъ всякихъ политическихъ да экономическихъ золъ, сталъ ни на что не годенъ со своимъ расшатаннымъ, издерганнымъ организмомъ,—начали съ „микробами" возиться... Такъ же и алкоголь въ опалу попалъ—какъ зеркало, когда рожа крива...

— Что̀ ты хочешь сказать?

— То, что не въ алкоголѣ суть... Онъ не придаетъ побужденій—ни дурныхъ, ни хорошихъ, а только повышаетъ имѣющіяся... Прежде, подъ вліяніемъ алкоголя рыцарскіе характеры выказывались... создавались перлы поэзіи, искусства... Теперь оказываются повышающимися лишь дикія стремленія, склонность къ преступности... А алкоголь какимъ былъ, такимъ и остался... Причина, очевидно, не въ немъ.

Онъ налилъ себѣ еще рюмку.

Мери, сидѣвшая по другую сторону стола, вскочила стремительно.

— Michel! Я прошу тебя, умоляю!.. — заговорила она трагическимъ голосомъ и отодвигая рюмку.—Если ты любишь меня...

— Ахъ, да перестань же! — перебилъ онъ, отстраняя ея руку, и въ его ласковыхъ синихъ глазахъ мелькнулъ нехорошій огонекъ.—Младенецъ я, что-ли, или подъ опекой по слабоумію!

Мери сѣла, съ обиженнымъ видомъ, и потупилась надъ тарелкой.

— Формулируй яснѣе,—въ чемъ опасность-то, по твоему?—сказалъ Быстровъ.

— Вредно...—отвѣтила Мери, не поднимая головы.

Онъ выпилъ рюмку и захохоталъ, думая:—„Вредно вліяетъ на *мужчину...*"

— Не понимаю, что смѣшного тутъ... — сухо отозвалась Мери.—Медицина же считаетъ вреднымъ... Она ставитъ эти... нормы...

Быстровъ поморщился.

Въ дѣтствѣ очень понятливая и живая, Мери, послѣ гимназіи и высшихъ курсовъ, какъ-то странно потупѣла: запасшись формальными знаніями, она нажила какъ бы умственную трусость, неспособность отрѣшиться отъ шаблона, оцѣнить самостоятельно мысль, явленіе; вмѣсто жизни, стала существовать для нея книга; вычитанное или услышанное она повторяла, не претворяя въ свое.

Это послѣднее, случавшееся нерѣдко при разговорахъ, всегда затрогивало непріятно Быстрова и заставило его поморщиться теперь.

— Видишь ли что, милая... — сталъ говорить онъ. — Медицина вообще не вмѣшивается въ причины и благоразумно предпочитаетъ имѣть дѣло лишь со слѣдствіями... Устроили, скажемъ, инженеры костоломку изъ желѣзной дороги... завели домовладѣльцы тифозныя клоаки вмѣсто квартиръ... переутомили, довели до идіотизма юношество казенные педа-магоги,—медицина вездѣ врачуетъ слѣдствія, закрывая глазки на причину... Такъ и съ алкоголемъ: вредитъ онъ человѣку, ну, значитъ, и ядъ...

— Вотъ, видишь!—ввернула Мери.

— То-то, что не вижу... Французы, а за ними и мы, ядомъ провозгласили алкоголь; американцы же доказали строго-научными опытами, что онъ — полезнѣйшій факторъ для организма, питательнѣйшій продуктъ... А вотъ это...—продолжалъ Быстровъ, потрогавъ ножомъ кусочекъ красной, сочной котлеты,—этотъ архи-ядъ — въ почетѣ у насъ, и всѣ объѣдаются имъ, отравляются! Во цвѣтѣ лѣтъ человѣкъ уже пропитанъ альбуминоидами — толстякъ, діабетикъ, подагрикъ... И если счесть, то на алкоголизмъ придется, сравнительно, десятокъ жертвъ, а на *альбуминизмъ*—тысяча!..

— Ты былъ противъ вегетаріанства! — проговорила сбитая съ толку и удивленная Мери.

— И всегда буду!—отвѣтилъ Быстровъ. — Вегетаріанство, походы противъ алкоголя, табаку—все это ненормальность, сектантство! Человѣкъ долженъ *жить*, знать во всемъ свою волю,

понимать самъ, что вредно или полезно ему... и именно ему—Петру или Ивану,—а не выдуманному, книжному облику человѣческому!.. Спасеніе, какъ и вообще, не въ запретахъ и гоненіяхъ, а въ просвѣщеніи, въ разумѣ... Только такой общественный строй—самосознательный, а не на помочахъ водимый—и можетъ быть названъ здоровымъ, дѣйствительнымъ!

Ужинъ былъ конченъ. Мери поднялась изъ-за стола.

— Вотъ видишь, не умеръ отъ трехъ рюмокъ! — сказалъ шутливо Быстровъ, поцѣловавъ руку у нея.

Она закинула руки ему на плечи и пристально посмотрѣла въ глаза, какъ бы удостовѣряясь, что онъ дѣйствительно не умеръ...

— Который часъ?—сказала она, откинувшись и остановивъ на немъ какъ бы посоловѣвшіе глаза.

— Одиннадцатый...

— Я устала... мы много ходили...

— Ложись спать.

— А ты?

— Мнѣ надо книги дочитывать...

— Ночью!

— Нельзя же, чтобы онѣ валялись по недѣлямъ: магазинъ присылать не будетъ.

Онъ отвелъ ея руки, поцѣловалъ ихъ, одну за другою, и прошелъ въ кабинетъ.

VII.

Лампа не чадила, не горѣла криво — чѣмъ не всегда баловала угрюмая, меланхолическая Өедосья. Ничто не отрывало вниманья. Обезпокоенныя внезапнымъ свѣтомъ, двѣ раннія мухи, несовсѣмъ еще очнувшіяся отъ зимней спячки, зажужжали-было, тронувъ отзывчивые нервы, но тутъ же умолкли, усѣвшись въ теплѣ—на краешкѣ бумажнаго абажура.

Все располагало къ сосредоточенности, способствовало ясности мыслей. Быстровъ отдался этому настроенію, пробѣгая страницу за страницей, схватывая сущность, разбирая ее, противопоставляя вычитанному свои, тутъ же формировавшіеся взгляды...

— Барыня зовутъ васъ! — коротко и рѣшительно объявила Өедосья, растворивъ дверь.

Быстровъ откинулся въ креслѣ, приходя въ себя, и медленно повернулъ къ ней голову.

— Скажи, что занимаюсь я,—проговорилъ онъ разсѣянно.

Онъ снова зашуршилъ страницами.

Ѳедосья постояла, какъ бы изумленная такимъ супружескимъ негликированіемъ, утерла носъ рукавомъ платья и скрылась неслышно.

Шуршить пришлось недолго.

Дверь растворилась снова и вошла Мери—въ розовомъ „китайскомъ“ капотѣ, въ воздушномъ ночномъ чепчикѣ, распространяя запахъ одеколона...

— Пойдемъ же... будетъ тебѣ глаза портить...—томно проговорила она, обнявъ мужа за плечи и поцѣловавъ его въ голову.

— Приду... сейчасъ... Вотъ только эту книгу докончу...—отвѣтилъ Быстровъ, вскинувъ голову и заложивъ пальцемъ страницу.

— Что̀ это за манера—ночи просиживать!—воскликнула съ неудовольствіемъ Мери, отступая отъ кресла.—Развѣ нельзя докончить завтра, днемъ!

У него опять мелькнулъ огонекъ въ глазахъ.

— Вотъ что̀... послушай...—началъ онъ, сунувъ торопливо между страницами костяной ножъ и поворачиваясь къ ней въ креслѣ. — Ты видишь, что я не праздное воображеніе веселю, не романъ французскій читаю... Знать необходимое и во̀-время—обязанность моя... долгъ... И потомъ... для чего это буржуазное желаніе подгонять всѣхъ и все подъ какой-то нивеллирующій масштабъ?.. Есть личный характеръ человѣка... особенности... Я, напримѣръ, не могу заниматься спокойно при другихъ... не могу скоро вправиться въ работу, въ мысли, если бываю оторванъ... Да и охоту, живость мыслей, представленія, — вдохновеніе, такъ сказать,—нельзя вызывать произвольно...

— Пріучай себя!

— Да нельзя, милая!

Онъ подвинулъ ей стулъ, но она продолжала стоять, сложивъ руки у таліи и смотря на него сощуренными, искривившимися глазами.

— Я объясню тебѣ... ты поймешь...—сталъ говорить онъ, оживляясь.—Не человѣкъ распоряжается вдохновеніемъ этимъ, влеченіемъ къ умственной работѣ, а оно имъ... Готовымъ результатомъ безотчетнаго, уже завершившагося внутренняго процесса является оно, и знать объ этомъ можно тогда лишь, когда результатъ проявляется... Не займись, не воспользуйся во̀-время,—результатъ изсякнетъ безплодно, уступитъ мѣсто новому безот-

четному процессу... Выхода нѣтъ!.. А занявшись... вообще занимаясь, надо еще нормой имѣть это, привычкой! Чего достигъ въ умственной работоспособности, того—высоты этой—не сохранишь, отрываясь, работая дилеттантски! Снова и снова надо начинать тогда, Сизифовой работѣ отдаваться...

— Занимайся...—перебила капризно Мери и вышла.

У Быстрова точно гора съ плечъ свалилась.

Онъ схватился за покинутыя мысли, связалъ ихъ удачно и весь ушелъ въ интересовавшую его книгу.

Время побѣжало.

Какъ сквозь сонъ, разслышалъ онъ стукъ затворявшихся Ѳедосьею дверей... За окномъ, на проѣздѣ бульвара, стали стихать грохотъ экипажей, споры и крики подвыпившихъ гулякъ...

Было совсѣмъ уже поздно, когда Быстровъ, весь охваченный пріятною лихорадкой отъ умственной и нервной приподнятости, вошелъ въ спальню.

Предъ большимъ „благословеніемъ“ въ золоченой ризѣ и съ вѣнчальными свѣчами за стекломъ рамки теплилась „неугасимая“ лампадка, озаряя трепетнымъ свѣтомъ пестрый кретоновый балдахинъ надъ кроватью, походившею отъ этого убранства на катафалкъ. Розовый капотъ виднѣлся брошеннымъ въ креслѣ.

Быстровъ осторожно шагнулъ мимо, чтобъ не наступить на оборку; но капотъ вдругъ, какъ живой, поднялся изъ кресла, выпрямился...

— Ты не спишь?—удивился Быстровъ, вглядываясь при слабомъ, неровномъ свѣтѣ въ лицо Мери.—Чтò съ тобою?

— Я ждала тебя...

— Какъ это можно!—воскликнулъ онъ.—Чтò за ребячество!

— Я не могу спать...

— А если меня задержатъ у больного ночь, двѣ...

Она не дослушала и кинулась ему на шею—вся пылающая.

Черныя мысли нахлынули на него, ошеломили. Онъ замеръ неподвижно, чувствуя себя совершеннымъ трупомъ...

VIII.

Каково было прошлое бойкой, смазливой гимназисточки петербургской гимназіи Марточки Пущиной, „эманципировавшейся“ отъ власти своихъ „бѣдныхъ, но благородныхъ“ родителей, перебивавшихся на Пескахъ отдачею комнатъ со столомъ,—могли

знать лишь хроникеры „Демидрона" да танцовальныхъ вечеровъ по прямой линіи отъ „Ефремова"...

Достовѣрно извѣстно только одно — что въ самый критическій дѣвичій моментъ, когда румяныя губки грозятъ поблекнуть, а личико начинаетъ требовать усиленнаго освѣженія пудрой, Марточка „подхватила" себѣ гдѣ-то на Островахъ солиднѣйшаго помѣщика—москвича Кондратія Назарыча Зуева, для котораго и стала „примѣрною" женой-повелительницей...

Московско-сущевскія кумушки говорили, что „примѣрнаго" въ женѣ мало... что супругъ напрасно мнитъ себя обожаемымъ... что даже дѣти „ни въ мать, ни въ отца"... Самъ же Зуевъ— рыхлый, лысый блондинъ съ усталымъ взглядомъ, одаренный врожденною способностью „пріумножать" и спекулировавшій покупкою имѣній у прожившихся собратьевъ, — оставался доволенъ женою, дарилъ ей брилліанты къ именинамъ и безмятежно проводилъ свои вечера въ дворянскомъ клубѣ; а умирая—отъ постепенно развившейся водянки—завѣщалъ Марѳѣ Даниловнѣ все свое, недурно округленное, *благо*-пріобрѣтенное состояніе.

Уже располнѣвшая, „сырая" и съ выцвѣтшими голубыми глазами, Марѳа Даниловна пожила первые годы вдовства въ свое полное удовольствіе; „попала въ газеты" по случаю судбища съ красавцемъ-гусаромъ, „выманившимъ" у нея векселя; побывала въ Парижѣ... Окончательно успокоившись затѣмъ и осѣвшись въ Сущевѣ, она отдалась набожности, „винту", участію во всякихъ благотворительныхъ вечерахъ и базарахъ...

Пережитое надѣлило Марѳу Даниловну, при самомъ недалекомъ умѣ, большою практическою смѣтливостью, умѣньемъ разбираться въ „дѣлахъ" и... самымъ безповоротнымъ недовѣріемъ къ людямъ... Тридцатилѣтняго сына своего, служившаго въ гвардіи въ Петербургѣ, она продолжала держать на „жалованьи", не торопясь выдѣломъ, чтобъ не лишиться „почтенія". На такомъ жалованьи хотѣла держать она и выданную дочь, спасая предусмотрительно приданое отъ рукъ зятя. Уступая настояніямъ дочери, естественно жаждавшей собственнаго декорума хозяйки, Марѳа Даниловна согласилась на выдѣлъ, но сама положила деньги въ банкъ, на имя Мери, а ей сказала:

— На свою волю рвешься ты, имѣй тогда и умъ свой... Помни, что поколь деньги въ рукахъ у тебя, потоль и мужъ къ тебѣ ласковъ...

IX.

Случайная дождевая тучка только-что пронеслась надъ Москвою, спрыснувъ и освѣживъ ее. Клонившееся къ закату весеннее солнце тихо и ласково сіяло.

Деревянный съ мезониномъ домъ Зуевой, въ переулкѣ близъ Сущевскаго бульвара, тонулъ въ яркой молодой зелени, окруженный садомъ и палисадникомъ. Въ богато, но по-старомодному убранной гостиной, съ окнами въ садъ, Марѳа Даниловна, одѣтая въ чесунчу и кружева, бесѣдовала съ мѣстнымъ батюшкой.

День для нея выдался „жаркій"... Пришлось побывать въ Обществахъ: „Защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія", „Помощи безработнымъ", „Спасанія на водахъ", въ засѣданіи по устройству столовой для голодающихъ, въ банкѣ—чтобъ провѣрить газетные биржевые слухи... Возвратившись, она надѣялась собраться наединѣ съ мыслями и все обдумать, но тутъ пришелъ батюшка—узнать, подвигается ли вышиваніе обѣщанныхъ въ церковь „воздуховъ". Воздухи—блѣдными шелками по гранатовому атласу—были почти готовы, и Зуева, не безъ гордости, показала работу, придвинувъ пяльцы къ окну. Но батюшка сѣлъ и повелъ разговоръ о погодѣ... Зуева поняла, что дѣло не въ воздухахъ, и насторожилась выжидательно, приказавъ престарѣлой горничной, продолжавшей зваться Аринкой, подать чаю, варенья.

Въ черной люстриновой рясѣ съ порыжѣвшею спиной, одутловатый и съ отрепанными, давно переставшими рости косичками вокругъ потной лысины, батюшка говорилъ медлительно, сиплымъ баскомъ, при чемъ постоянно перекладывалъ одну на другую толстыя ныпшія ноги.

Постепенно выяснилось, что батюшка намѣревается привлечь почтенную прихожанку въ лоно „Союза истинно-русскихъ людей"...

— Это тѣ, что̀ съ пистолетами накидываются на всякаго!?— испуганно вскрикнула Зуева.

— Молодежь... въ пылу патріотическаго увлеченія...—произнесъ успокоительно батюшка.—Да и тутъ: „любяй наказуетъ"... можно выразиться... Въ фондѣ же—народъ умудренный, степенный... Вчера приватное собраніе было въ нашемъ приходѣ...

Батюшка умолчалъ, что „собраніе" состояло всего изъ трехъ

довольно странныхъ личностей, таинственно вызвавшихъ его въ церковную караулку...

— Что же надо дѣлать тамъ?

— Охранять Русь святую... стоять за то, чтобъ было все по старому—безъ Думы, безъ новшествъ разныхъ.

— Идти противъ царя?

— Ахъ, что вы!—изумленно воскликнулъ батюшка и даже руками отмахнулся.

— Да вѣдь Думу-то царь далъ...

— А вѣрноподданные выражаютъ... повергаютъ... Гдѣ-жъ тутъ?.. Возможно ли иное толкованіе?..

Не зная, что сказать дальше, батюшка припалъ толстыми безкровными губами къ стакану чаю.

— Не занималась я политикою-то никогда... — начала, подумавъ, Зуева.—Бывало, въ гимназіи еще, явятся конспиративно студенты-депутаты организовывать ночную расклейку прокламацій, такъ подруги на перебой одна предъ другою, а мнѣ страшно только...

— Политикою дозволительно теперь заниматься всякому,— ободрилъ батюшка.

Зуева пристально посмотрѣла на него.

— Зачѣмъ же тогда союзы-то эти дѣлать... накидываться съ пистолетами на прочихъ?—произнесла она, съ явнымъ неодобреніемъ. — Пусть всякій и пользуется своимъ, дозволеннымъ, какъ знаетъ... Для меня все равно—что, какъ ни дѣлается въ Думѣ или гдѣ; а вонъ Аринка—откуда и набралась она, не понимаю!— спитъ и видитъ конституцію... Что же? Стрѣлять мнѣ надо въ нее за это?..

Появившаяся въ дверяхъ, легкая на поминѣ, Аринка — съ трясущеюся головой и въ бѣломъ коленкоровомъ чепцѣ — доложила о прибытіи гостьи.

Батюшка всталъ, откланиваясь и придерживая ладонью наперсный крестъ на груди.

X.

— Ну, вотъ... давно бы... Дарья Егоровна... — заговорила Зуева, лобызаясь трижды съ гостьей. — Гдѣ это вы запропали?

Гостья — худощавая и блѣдная, высокаго роста особа, въ черномъ дешевенькомъ платьѣ, въ запыленной соломенной шляпкѣ на порѣдѣвшихъ, наскоро подобранныхъ волосахъ и съ ридикюлемъ на лѣвой рукѣ,—воскликнула горестно:

— Точно вы не знаете моей жизни!

Эго была женщина-врачъ — Гимнова — „разводка“, какъ называли ее за-глаза. Вся ея жизнь состояла изъ горестей; горестнымъ пропитана была она вся сама—отъ вѣчно стоптанныхъ ботинокъ до дурныхъ, почернѣвшихъ зубовъ... Но все это, почему-то, не производило должнаго впечатлѣнія на знавшихъ ее, не вызывало сочувствія... — „Сама виновата!“—былъ общій голосъ. И дѣйствительно: совсѣмъ „красная“ цюрихская доктopecca, она „выбрала“ себѣ въ мужья хориста-тенора—бездѣльника и волокиту, съ которымъ и мучилась, тратя на него свои послѣднія наслѣдственныя крохи, пока тотъ не соблазнилъ какую-то шальную купчиху и не устроилъ себѣ фальшиваго развода, выставивъ „прелюбодѣйкою“ жену; вызубрившая отлично теоріи о „микробахъ“, о „ядѣ-алкоголѣ“ и о всемъ прочемъ, она совсѣмъ запугивала паціентовъ своимъ ученымъ краснорѣчіемъ и никакъ не могла составить себѣ хотя какой-нибудь прочной практики...

— Представьте! — продолжала она, сдавъ на руки Аринкѣ шляпку и ридикюль.—Представьте! У Назаровыхъ совсѣмъ, совсѣмъ столковалась я, чтобъ быть годовымъ врачомъ; а сегодня вдругъ узнаю, что ему отъ должности отказали... за политическія убѣжденія! У Тихоновыхъ пенсія задержана, потому что сынъ ихъ подозрѣвается... Оружіе ли это противъ идей?!..

Узнавъ отъ словоохотливой хозяйки, ради чего являлся батюшка, Гимнова превратилась въ настоящую Мегеру... Блѣдное лицо ея позеленѣло, остатки волосъ встали дыбомъ.

— Чтобъ вы... въ этой шайкѣ!..—воскликнула она, потрясая въ воздухѣ своими длинными костлявыми руками. — Чтобъ на ваши деньги они вербовали хулигановъ чрезъ сыщиковъ, чрезъ квартальныхъ!.. Да знаете ли—что... кто эго такіе!..

Слова: „черносотенцы“, „алеуты“, „инквизиторы“ полились потокомъ... Развернулась широкая, мрачная картина дѣятельности...

— Какъ наши молодые? были вы у нихъ?—спросила Зуева, когда экспансивная докторша поуспокоилась и онѣ усѣлись на диванѣ.—Я такъ, такъ занята эти дни!

— Вчера заходила я...

Зуева остановила на ней выразительный вопрошающій взглядъ.

— Ни плюсъ, ни минусъ...

Эго должно было означать, что Быстровъ могъ бы вести себя и лучше, какъ супругъ. Зуева поняла и вздохнула.

Гимнова усиленно задымила дешевою папиросой, которыя курила она обыкновенно одну за другою, непрерывно.

— Мери сумѣла выбрать... счастливо выбрала... — начала

она, какъ бы разсуждая сама съ собою.—Но надо и то сказать, что стотысячная невѣста да съ такою красотой можетъ хоть кому счастье составить... и себѣ требовать...

— Ума не приложу... — проронила Зуева, полуприкрывъ рукою глаза.

Чувствуя, что дипломатическая передача мыслей наладилась и вопросъ уже ясенъ, Гимнова приступила къ заключенію.

— Въ такомъ бракѣ, при наличности всѣхъ данныхъ къ счастью... — заговорила она, затянувшись и торопливо отрясая сыпавшіяся на платье искорки отъ папироски.—Въ такомъ бракѣ стимулъ, руководящій... отдаляющій мужчину... мыслимъ только... на почвѣ несогласій... изъ-за матеріальнаго...

— Охъ, деньги, деньги!.. — простонала Зуева, давая знать этимъ, что все ей понятно, какъ нельзя лучше.

Увѣренная, что къ какимъ бы чарамъ ни прибѣгалъ зять, стараясь прибрать деньги къ своимъ рукамъ, Мери не сдѣлаетъ ни одного финансоваго шага, не переговоривъ предварительно съ нею, Марѳа Даниловна не очень огорчилась услышаннымъ. Разговоръ, попавъ въ интересную колею счастливыхъ и несчастныхъ замужествъ, покатился по ней, задѣвая то тѣхъ, то другихъ знакомыхъ... Повѣяло атмосферою настоящаго московскаго „petit comité"... Началась филиграновая отдѣлка былей и небылицъ...

XI.

Была среда — jour-fixe Быстровыхъ, съ дешевенькимъ „винтомъ", съ легонькою закуской изъ колбасной лавки.

По средамъ же, отъ трехъ до пяти часовъ, собирался „комитетъ" устроеннаго стараніями Мери „Женскаго союза", гдѣ, не безъ гордости, занимала она постъ предсѣдательницы. Засѣданія происходили въ гостиной, и на нихъ не допускался ни одинъ мужчина, даже самъ Быстровъ. Союзъ имѣлъ задачею ратовать за равноправность женщинъ на общественномъ, экономическомъ, политическомъ и всякихъ другихъ поприщахъ... Когда Быстрову случалось быть въ эти часы дома, къ нему въ кабинетъ доносились сквозь стѣнку шумъ, споръ, крики, непрестанныя трели предсѣдательскаго колокольчика... Дѣлая — и всегда слишкомъ часто — перерывъ засѣданія, Мери—возбужденная, раскраснѣвшаяся—забѣгала въ кабинетъ, поцѣловать мужа, но о происходившемъ не заикалась ни словечкомъ, точно храня важнѣйшую государственную тайну...

На первыхъ порахъ Быстровъ спорилъ съ женою, старался доказывать ей, что отвоевывать какія-то права у мужчинъ — странное занятіе; что права у каждаго пола свои и по-своему необходимы; что силу составлять могутъ онѣ только вмѣстѣ, а не обособленныя. Потомъ онъ пріобыкъ, пересталъ вмѣшиваться.

Возвратившись съ визитовъ, Быстровъ засталъ спѣшныя приготовленія къ засѣданію.

Онъ прошелъ въ кабинетъ, переодѣлся и углубился въ газету, наполненную думскими преніями.

Забѣжавъ по обыкновенію, Мери обняла его и сказала:

— Мы сейчасъ будемъ чай пить, иди и ты!

— Но я мужчина...

— Засѣданіе кончено!

— Что такъ рано?

— Матвѣева обѣщала ознакомить съ своимъ будущимъ рефератомъ: „Женщина и публичныя функціи", а готова у нея всего одна страничка,—отвѣтила съ дѣловымъ видомъ Мери.— Постановлено выслушать въ слѣдующемъ засѣданіи.

Когда Быстровъ вышелъ въ залу, тамъ все уже оказалось готовымъ: на раздвинутомъ столѣ, покрытомъ новенькою, ни разу еще не мытою скатертью, кипѣлъ никелированный керосиновый самоваръ; красовался новенькій фарфоровый чайный приборъ, не успѣвшій еще пострадать отъ рукъ Ѳедосьи... Мери важно хозяйничала.

Гостями были только столпы комитета: извѣстная уже Гимнова—вице-предсѣдательница; секретарь—писательница Маврина-Сущинская, анемичная, тщедушная фигурка въ пенснэ и съ чрезмѣрно-пышными буфами на плоской груди, совсѣмъ захирѣвшая отъ науки въ Парижѣ; казначейша — купеческая дочка Полянская, круглолицая, быстроглазая атлетка, прошедшая сельско-хозяйственные курсы, отличавшаяся на велосипедныхъ, гребныхъ и плавательныхъ состязаніяхъ и сидѣвшая въ старыхъ дѣвицахъ, потому что женихи боялись ея атлетизма...

Онѣ, на перебой, говорили, обсуждая будущій рефератъ Матвѣевой.

— ...Ну, да!.. Тоже самое я и говорю!—кричала Гимнова, отвѣчая всѣмъ сразу, поворачиваясь то вправо, то влѣво.— Научныхъ основаній нѣтъ, чтобы въ силу полового различія ставить барьеры въ дѣятельности!.. Важна степень способности индивидуума!.. Полянская! Вы говорите: законъ... законодательнымъ путемъ... Надо еще, чтобы время измѣнило нравы, чтобы мужчина видѣлъ въ женщинѣ товарища по труду!.. И этотъ

поступательный шагъ есть, онъ констатируется!.. Ахъ, Маврина!.. Извините, что не прибавляю другой вашей фамиліи: такъ короче!.. Литература, вы говорите... Она — вспомогательное средство, не больше! А надо вліять жизненно, непосредственно! Воспитаніе — вотъ устой!.. Что?.. Школа не удовлетворяетъ?.. Въ этомъ-то и вопросъ! Все должно основываться на принципѣ свободнаго развитія личности, личной иниціативы! Только самостоятельность, отвѣтственность за свои поступки могутъ давать правильный критическій взглядъ, научаютъ... пріучаютъ... Вы согласны? Вотъ, видите!.. Тогда женщина займетъ положеніе независимаго члена общества, избавится собственными усиліями... силами... отъ тираніи мужчины!..

— Этого не достаточно, — замѣтилъ Быстровъ. — Необходимо, чтобы женщина проявляла равныя, если не бо̀льшія способности...

— И будетъ проявлять! — перебила Гимнова, ткнувъ въ блюдечко докуренную папиросу и доставая другую изъ коробочки.

— Геніальныхъ женщинъ исторія насчитываетъ не меньше, чѣмъ мужчинъ! — крикнула тоненькимъ голоскомъ Маврина.

— Геніальность — дѣло исключительное и не такъ важна въ женскомъ вопросѣ, тѣсно связанномъ съ экономическимъ... — отвѣтилъ Быстровъ. — Возьмемъ трудоспособность женщины...

— Ну, и что̀ же? что̀? — вступилась Гимнова. — Развѣ деревенская женщина менѣе сильна, чѣмъ мужчина, меньше работаетъ?

— И все-таки, чтобъ не терять экономически предъ мужчиною, должна обладать вотъ такою физическою благодатью, какъ у Татьяны Петровны! (такъ звали атлетку Полянскую).

— Почему?

— По своимъ особенностямъ... чисто женскимъ... Не говоря о прочихъ вычетахъ, одинъ періодъ беременности отнимаетъ цѣлые мѣсяцы рабочаго времени. Тамъ же, гдѣ беременная женщина форсируетъ себя, гонится въ трудѣ за мужчиною, въ результатѣ получаются: вредъ плоду, неизлечимыя болѣзни матери... Въ Бельгіи, въ Англіи само законодательство предписываетъ покой беременнымъ женщинамъ-работницамъ. Въ Швейцаріи, сверхъ того, имъ вообще запрещены: ночной трудъ, чистка машинъ... Какой же хозяинъ, въ какой области труда будетъ вознаграждать одинаково женщину и мужчину? Какая можетъ быть равноправность при такой естественной экономической зависимости женщины въ семьѣ, въ хозяйствѣ, на фабрикѣ?..

— Возбуждено... вопросъ возбужденъ во Франціи! — возразила поспѣшно Маврина, расправляя неспокойными пальчиками свои

буфы на груди. — Будетъ законъ... „indemnité de droit“ будетъ выдаваться беременнымъ работницамъ!

— Да?.. Но причемъ же тутъ равноправность? Это именно признаніе слабости, неравносильности женщины... И насколько еще отрывается женщина отъ труда своими обязанностями матери, хозяйки дома? Даже въ высшихъ классахъ, при либеральныхъ профессіяхъ, женщина-мать меньше чѣмъ полуработница...

— Не надо выходить замужъ!—рѣшительно произнесла Полянская.

— Какъ же быть?—спросилъ озадаченный Быстровъ.

— Такъ... женщина должна оставаться независимою, свободною какъ вѣтеръ!.. Не женятся же многіе мужчины!

— Ахъ, это замужество! Въ Америкѣ справедливо предлагали упразднить раздѣленіе человѣчества на мужской и женскій полъ!—подхватила Гимнова, завозившись безпокойно на стулѣ.— Бракъ и религія — два буржуазныхъ кита, на которыхъ каменѣетъ человѣчество! Никакой дѣйствительный прогрессъ, никакое серьезное обновленіе — немыслимы, пока не шевельнутся эти киты, не откроютъ простора для личности, для идей!..

— И за кого выходить теперь замужъ? Гдѣ взять жениховъ?—отозвалась, вспыхивая и съ чувствомъ, Маврина, обреченная влачить „построчное“ существованіе.—Невѣста со средствами, какъ вотъ Мери, разумѣется, можетъ выбрать себѣ стоющаго мужчину; а вообще... Вы правы, Гимнова!

Быстровъ кинулъ взглядъ на Мери: она дружески улыбалась Мавриной—видимо, польщенная и довольная...

Онъ угрюмо потупился надъ своею чашкой, чувствуя, какъ горятъ у него лицо, шея. — „Нравы... новые нравы... — думалъ онъ. — Дѣвица не замужъ выходитъ, а „мужчину выбираетъ“ себѣ... щеки и прочее... Такъ и я *выбранъ*“.

Вечеромъ Быстровъ очень часто подходилъ съ гостями къ закусочному столу... Мери то краснѣла, то блѣднѣла, посматривая на „отравлявшагося“ мужа, но тонкимъ женскимъ инстинктомъ чувствовала, что подступиться къ нему нельзя, что упрекъ можетъ только вызвать бурю... Винтившая Мареа Даниловна осторожно наблюдала за зятемъ, дѣлая свои заключенія, и перешептывалась съ подходившею къ ней дочерью...

XII.

Прошло съ недѣлю.

Возвратившійся съ визитовъ Быстровъ ходилъ безпокойно по залѣ. Въ дверяхъ стояла Ѳедосья и объясняла:

— ...Тогда же, слѣдомъ за вами и ушли. Обѣщали вернуться черезъ часъ, не больше. Приказали бѣлье собрать, которое въ стирку,—переписать чтобы... Прачка ждала, ждала — ушла... Объ обѣдѣ тоже ничѣмъ не распорядились...

— Куда же пошла барыня?

— Этого не сказали.

Быстровъ остановился задумчиво.

Ѳедосья пригорюнилась, подперевъ щеку рукой и нахмуривъ брови, въ напрасной попыткѣ разрѣшить неразрѣшимое.

— Вѣроятно, дачу смотрѣть поѣхала, — высказалъ догадку Быстровъ.

— А вѣдь и то! — воскликнула Ѳедосья, встрепенувшись и расцвѣтая вся. — Вчера, безъ васъ, были маменька и все про дачу говорили...

Шелъ уже четвертый часъ. Быстровъ распорядился насчетъ обѣда, по листку календаря, и улегся въ кабинетѣ, на диванѣ.

Дачный вопросъ былъ не изъ легкихъ для Быстрова: лично ему хотѣлось устроиться гдѣ-нибудь около Москвы — чтобы не прерывать практики; Мери, напротивъ, стояла за отдыхъ въ деревенскомъ уединеніи; Марѳа Даниловна соглашалась съ зятемъ, но осложняла вопросъ желаніемъ взять дачу вмѣстѣ...

Среди размышленій объ этомъ донесся звонокъ изъ передней.

Быстровъ кинулся, надѣясь встрѣтить Мери, но столкнулся съ сотоварищемъ—ординаторомъ больницы, Ольшанскимъ.

Худенькій, юркій брюнетъ небольшого роста — „природный малороссъ“ по его словамъ и перекрестившійся еврей по документамъ, — Ольшанскій отличался изумительною способностью со всѣми ладить, всюду проникать, выкапывать себѣ практику чуть не изъ земли... „Усовершенствовавшись“ въ Парижѣ, онъ зналъ твердо учебники и былъ во всякихъ прочихъ „вопросахъ“ такъ ограниченъ, что не понималъ даже газетныхъ статей...

— Простите, collega, что безпокою васъ!.. Я на одну,

только на одну минутку!—заговорилъ онъ, вступая съ Быстровымъ въ кабинетъ.

Онъ былъ въ полномъ докторскомъ парадѣ: въ новенькомъ черномъ сюртукѣ, въ черномъ атласномъ галстукѣ, въ которомъ мерцалъ бриллiантикъ булавки, и въ чистѣйшихъ высокихъ воротничкахъ.

— Напротивъ: располагайтесь и будемъ бесѣдовать, если есть время у васъ! — отвѣтилъ Быстровъ, пододвигая кресло гостю.—Жены нѣтъ дома, а я на диванѣ валяюсь, отъ нечего дѣлать...

Онъ распорядился, чтобы Ѳедосья дала закусить.

— Вотъ ужъ одолжили, collega!—воскликнулъ Ольшанскiй, выпивъ рюмку водки и выражая хозяину признательность своими черненькими подвижными глазками. — Съ утра по визитамъ и хоть бы капля во рту.

— По такой бѣднотѣ ѣздили?

— Какъ можно! Лучшiе дома! Но... — Онъ прожевалъ кусочекъ семги и докончилъ:—Я у пацiентовъ воздерживаюсь отъ угощенiя!

— Почему?

— Гдѣ закусилъ, тамъ меньше за визитъ заплатятъ...

Быстровъ расхохотался.

— Пожалуй, вы правы, — сказалъ онъ. —Мнѣ тоже случалось замѣчать...

— Да-съ! да-съ!.. Съ пацiентами вообще вѣдь, какъ вы сами знаете, нельзя держать себя этакъ... пò-просту... Чуть чтò—ни внимательности такой, ни страха къ тебѣ не будетъ...

Быстровъ не зналъ этого. Онъ всегда старался держать себя съ пацiентами именно пò-просту, по-человѣчески.

— Развѣ страхъ къ врачу необходимъ?—спросилъ онъ.

— А какъ же? Страхомъ — что вотъ, молъ, въ рукѣ у меня и жизнь, и смерть твоя,—только и можно привязать пацiента!

— Мнѣ кажется, наука, достоинство врача... — началъ Быстровъ.

— Ну, ужъ это, какъ тамъ хотите! — перебилъ Ольшанскiй.—А практиковать иначе нельзя-съ! Нѣтъ!

Онъ окинулъ глазами большой, научно обставленный кабинетъ — съ отличными препаратами, инструментами, — какъ бы оцѣнивая по немъ хозяина, и сказалъ:

— Я къ вамъ вотъ зачѣмъ, collega: позвольте просить васъ завтра на консилiумъ къ моему больному...

— Меня? Чтò я за знаменитость?—съ искреннимъ удивленіемъ проговорилъ Быстровъ и даже приподнялся изъ уголка дивана.

— По части діагностики у васъ многимъ поучиться слѣдуетъ, collega...—отвѣтилъ значительно Ольшанскій.

— Будто?

— Да-съ!

— Будетъ еще кто-нибудь?—спросилъ, подумавъ, Быстровъ.

— Жабинъ, Иліодоръ Симфоріоновичъ, удостоилъ своимъ согласіемъ...

— И я—рядомъ съ этимъ столпомъ науки! — воскликнулъ Быстровъ.

Ольшанскій хихикнулъ и совсѣмъ спрятался въ глубокое репсовое кресло.

Вынырнувъ потомъ оттуда и остановивъ на хозяинѣ смѣющіеся черные глазки, онъ спросилъ:

— Это ваше серьезное мнѣніе о немъ?

— Такъ извѣстно... Лично я только въ клубѣ встрѣчалъ его...

— Обмѣнъ ученыхъ мыслей имѣли съ нимъ?

— Онъ вѣдь не разговорчивъ...

— Такъ-съ, такъ... Насупится, бороду свою патріаршью погладитъ, да буркнетъ что-нибудь и взглядомъ этакимъ испытующимъ окинетъ... Ума палата у человѣка, да и только!.. А въ сущности — вотъ-съ!

Ольшанскій знаменательно постучалъ костяшками пальцевъ по столику.

— Тупица-съ!—пояснилъ онъ, встрѣтивъ удивленный взглядъ Быстрова.—Развѣ что горячку да лихорадку можетъ распознать сознательно...

— Зачѣмъ же вы пригласили его? — изумленно спросилъ Быстровъ.

— А репутація-то? Безъ него ни одинъ состоятельный больной не умретъ спокойно!.. И, надо вамъ сказать, проницательность практическая, смекалка — здòрово рàзвиты въ немъ! Постигъ онъ паціента — вотъ какъ! до послѣдней жилки!.. Въ кабинетѣ у него, не то что у васъ вотъ или у прочихъ, — понятное, надобное. Нѣтъ-съ! Все—точно у мага-волшебника какого—пригнано такъ, чтобы эмоцію, трепетъ наводить!.. И скелеты, и щипцы аршинные, и банки съ солитерами, съ кишками, съ уродцами!.. Насчетъ простого насморка нарочно полчаса цѣлыхъ протолкуетъ,—чтобы прочіе ждали и уваженіемъ прони-

кались!.. Первое слово къ паціенту: „Когда я изучалъ въ Парижѣ“...

Дальше слѣдовало перечисленіе совсѣмъ невѣроятныхъ врачебныхъ пріемовъ столпа науки, — вродѣ рекомендаціи іерусалимскихъ шапочекъ противъ головныхъ болей, посылки недужныхъ въ Саровъ...

Какъ бы достаточно насладившись изумленіемъ мало-опытнаго сотоварища, Ольшанскій чокнулся съ нимъ рюмкой и спросилъ:

— О докторской диссертаціи подумываете, collega?

Быстровъ, имѣвшій это завѣтною мечтой, уныло отвѣтилъ, что не находитъ еще возможности сосредоточиться, отдаться работѣ, отрѣшившись отъ посторонняго.

— Ну, вамъ-то грѣшно жаловаться на невозможность! — замѣтилъ Ольшанскій.

— Мнѣ?

— Разумѣется! Вы обезпечились, достигли своего...

Быстровъ вздрогнулъ, какъ ужаленный.

— Вся холостежь наша завидуетъ вамъ!—продолжалъ Ольшанскій, бывшій вообще не прочь посудачить, при случаѣ.— Товарищъ вашъ по университету, Сыропятовъ, вѣдь ужъ какой кавалергардъ-мужчина: на вечерахъ да балахъ всѣ ноги отбилъ себѣ... А вотъ не успѣваетъ до сего времени!.. Въ разочарованіе даже пришелъ, стихи противъ любви написалъ... Что тамъ, дескать, про любовь поэты разные ни говорятъ, а это, молъ, лишь nervi vagus et sympaticus шалятъ! Очень хорошо написалъ!...

Потолковавъ еще о томъ, о семъ, условившись окончательно насчетъ консиліума, Ольшанскій справился со своимъ новенькимъ золотымъ хронометромъ и быстро поднялся.

XIII.

Слова и взгляды практическаго сотоварища оставили странный осадокъ въ душѣ Быстрова: въ его обычный правильный порядокъ мыслей точно какой-то пестрый фельетонъ вторгся... „Да... по наукѣ „какъ тамъ хотите“, а практика—иное дѣло... Идеалъ—и у знаменитаго монстра Жабина, и у безвѣстной ничтожности Сыропятова—одинъ: „обезпечиться, достигнуть своего“... Какъ увѣрить, что у человѣка могутъ быть не гадкія мысли, что онъ не хочетъ только обезпечиться?..“—думалъ Быстровъ, куря и прохаживаясь по кабинету.

На этихъ размышленіяхъ застала его явившаяся Мери.

— Ты дачу смотрѣла? гдѣ?—спросилъ, встрѣчая ее, Быстровъ.

— Нѣтъ... — проговорила она, съ усталымъ, разсѣяннымъ видомъ и снимая на ходу шляпку.—Меня задержали... Ты... не будешь сердиться?

— За что?!—отвѣтилъ онъ, тронутый ея озабоченностью.—Пообѣдаемъ часомъ позднѣе, только и всего! Это даже прекрасно: авторитеты — ученые говорятъ, что однообразная правильность жизни не допускаетъ проявленія геніальности!

Онъ разсмѣялся весело.

Мери молча положила на этажерку шляпку, перчатки, поправила себѣ волосы передъ зеркаломъ.

Усѣвшись потомъ съ мужемъ на диванѣ, она заговорила смущенно:

— Я была... Полянская просила, чтобъ вмѣстѣ... А тамъ... Представь, что случилось съ нею?

— Замужъ выходитъ?

— Нѣтъ... Но ей понравился кто-то, и она придумала...

Дальше изъ торопливаго разсказа слѣдовало, что Полянская—по просту, безъ затѣй, — придумала „приворожить“ предметъ чрезъ извѣстную по этой части цыганку въ Грузинахъ, къ которой, не одинъ уже разъ, и отправлялась съ нею Мери; что для „наговора“ отданы были браслетъ и брошка, и ихъ никакъ нельзя теперь выручить, потому что цыганки все нѣтъ да нѣтъ дома... (Какъ пытала при этомъ Мери свою собственную судьбу и во сколько обошлось ей это, она благоразумно умалчивала...)

— Это непостижимо! — воскликнулъ Быстровъ, вскочивъ и бѣгая по кабинету.—Образованныя женщины, отрада XX вѣка, умѣщаютъ въ просвѣщенныхъ головахъ своихъ ворожбу, наговоры... чертовщину всякую! Ни переутомленіе школьное, ни всякіе курсы — высшіе, низшіе... лекціи, рефераты не помогаютъ даже тьму кромѣшную разсѣять въ головахъ!.. И ты... вмѣсто того, чтобы пристыдить, образумить сумасшедшую, ты потворствуешь...

— Ты невѣрующій...—промолвила, потупившись, Мери.

— Сообрази, что говоришь ты: при чемъ тутъ *вѣра*?

— Я про судьбу говорю... Отчего не вѣрить въ судьбу? Былъ же у древнихъ рокъ...

— Въ судьбу —, а не въ цыганку! И древность... для того ли она, чтобъ няньчиться съ нею, воспроизводить ее?.. Всѣ мы бываемъ дѣтьми; а потомъ ростемъ, умнѣемъ... То же и по отношенію къ человѣчеству... Трудна, что-ли, очень аналогія?..

Онъ опустился въ кресло предъ столомъ, закинувъ нервно одну ногу на другую.

Мери молчала, смотря предъ собой съ упрямствомъ наказаннаго ребенка, и вертѣла пуговицу на платьѣ.

XIV.

Быстрову показалось, что моментъ „подступиться, выяснить“ назрѣлъ, что накопившееся требуетъ само разрѣшенія...

— Намъ вообще надо поговорить, милая... — началъ онъ, пересѣвъ на диванъ и поцѣловавъ руку у Мери. — Мы какъ-то не можемъ все вправиться въ колею... и рискуемъ свернуть совсѣмъ съ дороги, забраться не знаю куда...

Мери встрепенулась и подняла на него вопросительно глаза.

— Вмѣсто того, чтобъ свыкаться и успокаиваться, мы испытываемъ только недоразумѣнія... — продолжалъ онъ. — Духовное дружеское единеніе какъ-то все не дается намъ...

— При чемъ-же тутъ *я?*

— Не будемъ винить другъ друга... Вникнемъ только и обсудимъ...

— Ну?

— Я ничего не имѣю противъ твоего хозяйственнаго господства въ домѣ — оно можетъ быть только пріятно и желательно въ хозяйкѣ... Но... не надо, чтобъ господство касалось личности, совѣсти мужа, въ извѣстныхъ предѣлахъ... И эту черточку необходимо провести, установить... Права вообще нельзя создавать себѣ... нельзя и создать никакъ, не уважая правъ другого... Потомъ... самая заботливость твоя обо мнѣ... которую я цѣню и чувствую, конечно... она окрашивается чѣмъ-то постороннимъ... какъ бы чувственнымъ исключительно... Неловко бываетъ, когда слышишь слова эти: „мой“, „выбрала“...

Онъ вспыхнулъ и отвернулъ лицо, глядя безцѣльно въ сторону.

— Ты ни къ чему не относишься, какъ прочіе... — возразила Мери, съ слышавшеюся ноткой раздраженія въ голосѣ. — Ты всегда... подъ игомъ рефлексіи...

Быстровъ не могъ не согласиться внутренно, что Мери права, не могъ не отдать должнаго ея наблюдательности. Видно было однако, что наблюдательность эта — слишкомъ женская, субъективная...

— Хорошо, положимъ! Рефлексія при чемъ-то тутъ! — сталъ говорить онъ. — И все же нельзя... недостаточно ограничиться

знаніемъ факта. Надо еще уяснить его, связать съ причиною... Ты сама видишь, что рефлексія — не капризъ мой; что призадуматься, поразмыслить есть надъ чѣмъ... И къ тому, о чемъ уже говорилъ я, надо прибавить еще многое... Возьмемъ хоть деньги—эту заразу нашего духовно-смутнаго времени... Нельзя, чтобъ приданое твое всовывалось въ наши отношенія, играло роль регулятора какого-то!.. Будемъ жить исключительно на мой заработокъ, если ты желаешь... Я принимаю все, все на себя!..

— Послушай!—перебила Мери, положивъ любовно ручку на плечо мужа.—Ты вѣдь знаешь Сутугиныхъ?

— Какихъ Сутугиныхъ?

— Ну, Вава и Романъ Авксентьевичъ. На свадьбѣ у насъ были они!

Товарка Мери по курсамъ, богачка—дочь ростовщика подъ закладныя—Вава (Варвара) Шурупова, „вѣдьма“ лицомъ и нравомъ, „выбрала мужчину“ въ образѣ промотавшагося выгнаннаго гвардейскаго адъютанта Сутугина. Быстровъ зналъ эту чету лишь потому, что товарки раскланивались при встрѣчахъ въ театрѣ, и не могъ смотрѣть безъ отвращенія на пошлую, самодовольную фигуру разъѣвшагося хлыща, франтившаго цѣпочками и перстнями на счетъ жены...

— Не понимаю, что̀ значитъ твой вопросъ,—отвѣтилъ онъ.

— Я къ тому говорю, — стала пояснять Мери, сдвинувъ серьезно бровки:—что на что ужъ некрасива и такая жадная, жадная Вава, а какъ согласно живутъ они! Ни одной сцены между ними не было еще, и мужемъ не нахвалится она... Почему же у насъ?.. Я, кажется, ни въ чемъ, никогда тебѣ...

— Оставь, оставь...—умоляюще произнесъ Быстровъ, отодвинувшись отъ нея.—Если не стыдно тебѣ ставить меня на одну доску съ такимъ... quasi-мужемъ, какъ Сутугинъ, то подумай, съ кѣмъ ты себя равняешь: съ грубою, безнравственною женщиной... не стыдящейся выставлять публично свою покупку...

Онъ умолкъ, дрожа весь и сцѣпивъ холодѣвшіе пальцы...

— Ты не любишь меня... не любишь! — вскрикнула Мери, заливаясь слезами, и выбѣжала изъ кабинета.

XV.

Поданный поздній обѣдъ остался нетронутымъ.

Быстровъ провозился до разсвѣта съ книгами, стараясь

придти въ себя, уравновѣситься; а потомъ прилегъ въ кабинетѣ, на диванѣ.

Не спала ночь и Мери.

Она молилась въ спальнѣ, кладя земные поклоны предъ „благословеніемъ“, шепча молитвы...

Молитвы эти были особенныя, — имѣвшія мало общаго съ катихизисомъ, съ православіемъ. Сперва отъ няньки-старухи, странствовавшей до этого по монастырямъ, а потомъ—отъ „вѣрующихъ“ товарокъ по курсамъ, Мери научилась разнымъ молитвамъ „на случай“ (въ томъ числѣ, „зубной“, „отъ грозы“),—неизвѣстно кѣмъ и когда сложеннымъ.

Теперь шепталось относившееся къ „умиренію мужа“. Просилось о „вселеніи въ сердце рабу божьему Михаилу — яко же радуется женихъ о невѣстѣ“; о „наученіи раба сего всему добру закону и добру норову“...

Дѣлая перерывы и какъ бы ожидая немедленнаго вмѣшательства небесныхъ силъ, Мери садилась въ кресло, прислушивалась жадно къ малѣйшему шороху... Но мужъ не смирялся, не шелъ... Слезы снова лились у нея неудержимо, и она снова распростиралась на коврѣ, судорожно и неслышно шевелясь при слабомъ, трепетномъ свѣтѣ лампадки...

Первая серьезная размолвка съ мужемъ — „сцена“, какъ звалось это вообще въ ея женскомъ кружкѣ,—была первымъ ея жизненнымъ горемъ, трогала самое дорогое изъ благъ. Помня слова матери, она не сомнѣвалась, что все недовольство мужа—изъ-за денегъ. Она старалась разобраться въ своемъ горѣ, обдумать его, но мысли только мутились, не находя разрѣшенія... Да, собственно, *думать* она и не могла, не умѣла. При всякомъ встрѣчавшемся затрудненіи она, обыкновенно, лишь соображала практически, не выходя изъ круга фактовъ, разрѣшая все при помощи изощрившейся у нея женской умственной изворотливости.

XVI.

Только разслабленный тревожнымъ, прерывистымъ подобіемъ сна, Быстровъ поднялся, когда бронзовые часы подъ стекляннымъ колпакомъ, на каминѣ, стуча торопливо и неравномѣрно молоточкомъ, пробили десять.

Въ залѣ Ѳедосья гремѣла тарелками, приготовляясь накрывать къ завтраку.

Визитовъ предстояло немного, да и торопиться съ ними не

было надобности. Но Быстровъ поспѣшно одѣлся въ черную пару и вышелъ, чувствуя какъ бы боязнь встрѣтиться съ женою.

Сверхъ обыкновенія, онъ не велѣлъ закладывать экипажъ, а взялъ извозчика.

Послѣ консиліума онъ долго бесѣдовалъ съ Ольшанскимъ въ ресторанѣ, стараясь протянуть время, и возвратился домой поздно, предъ самымъ обѣдомъ.

По угрюмому и какъ бы обиженному лицу Өедосьи онъ безъ труда заключилъ, что о размолвкѣ извѣстно ей, и что она не на его сторонѣ.

— Барыня дома?—спросилъ онъ, думая, не отправилась ли Мери съ извѣстіемъ къ матери.

— Въ спальнѣ онѣ... Такъ убиваются, такъ убиваются...— пропѣла плаксиво Өедосья. — Маменька только-что ушли отъ нихъ,—прибавила она вскользь.

О томъ, что за Марөою Даниловной отправлялась она сама, на извозчикѣ, съ письмомъ Мери, Өедосья не сочла нужнымъ упомянуть.

Быстровъ молча прошелъ въ кабинетъ.

„Собственно говоря, все это—вздоръ, и не мнѣ бы, врачу, слѣдовало волноваться изъ-за подобнаго... То ли бываетъ между мужемъ и женой!.. Она права, что я подъ этимъ... игомъ рефлексіи и слишкомъ разсуждаю надо всѣмъ...“—думалъ онъ, доставая изъ кармана и укладывая въ ящикъ письменнаго стола полученныя на визитахъ бумажки, снимая черный сюртукъ.

Отъ сердца у него уже давно отошло, и онъ искренно терзался. Позорное приравниванье къ хлыщу Сутугину вставало теперь предъ нимъ безсвязно, одиноко, казалось пустою, нестоющею вниманія нетактичностью, которую можно и должно перенести отъ любимой и любящей жены. Онъ раскаявался, винилъ себя въ горячности, опрометчивости.

Онъ торопился переодѣться, чтобъ пойти въ спальню, повидать жену.

Въ это время дверь кабинета отворилась и вошла Мери— съ замѣтно покраснѣвшими отъ слезъ глазами, съ освѣженнымъ пудрою лицомъ.

— Скоро будемъ обѣдать?—ласково сказалъ Быстровъ, ступивъ навстрѣчу ей.

— Да...

Онъ обнялъ ее за талію и медленно, съ чувствомъ, поцѣловалъ въ лобъ.

Мери прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ, охвативъ за шею лѣвою рукой, и остановила на немъ какой-то загадочный взглядъ.

— Вотъ...—промолвила она, подавая сложенную аккуратно бумажку.

— Что это?—спросилъ Быстровъ.

— Тебѣ...

— Не понимаю.

— Тебѣ... — повторила Мери и выжидательно впилась въ него искрившимися темными глазами. — Ты не будешь больше сердиться?

Быстровъ полу-развернулъ бумажку.

Она оказывалась банковымъ чекомъ. Онъ могъ замѣтить какую-то цифру и нѣсколько нуликовъ.

Теперь онъ уже не разсердился, не вскипѣлъ. Неожиданное олимпiйское спокойствiе нашло на него. Все заклокотавшее осталось внутри; стиснутые зубы скрипнули, а руки судорожно рванули бумажку вдоль, потомъ—поперекъ.

— Стыдись...—послышался совсѣмъ не его, глухой и странный голосъ.—Я не Сутугинъ—не продаюсь...

— Michel! Я... люблю тебя! Дѣ... дѣлай, что хочешь!..—какъ-то неестественно выкрикнула Мери.

Она затряслась вся, закинувъ назадъ голову, и, съ помертвѣвшимъ лицомъ, рухнулась на полъ.

Быстровъ поднялъ ее, какъ ребенка, и отнесъ въ спальню. Тамъ онъ привелъ ее въ чувство,—ставя дiагнозъ началу той женской истеричности, противъ которой бываетъ безсильно все врачебное и которая зовется „crux medicorum",—раздѣлъ и уложилъ въ постель.

Дрожа, стуча зубами о края стакана, Мери приняла изготовленное мужемъ лекарственное питье и впала въ глубокiй сонъ.

XVII.

Нахмуренный, блѣдный, Быстровъ прошелъ въ кухню, распорядился, въ чемъ слѣдовало, за жену и строго наказалъ Ѳедосьѣ не принимать никого, не безпокоить барыню.

Лежа потомъ навзничь на диванѣ, въ кабинетѣ, онъ собралъ всѣ силы, чтобы взглянуть серьезно въ глаза своей дѣйствительности.

Большая, дружная семья, нѣжная близость съ сестрами привили ему мягкость чувствъ, отзывчивость. Онъ просто и глубоко

полюбилъ Мери, опоэтизировалъ свой будущій семейный уголокъ, и такъ же глубоко сталъ чувствовать потомъ тревогу за возможность счастья... Пока тревожили только частности, позволявшія ждать, надѣяться... Теперь рушилась основа, клалась непереходимая пропасть.

„...Да... О случайныхъ недостаткахъ, о сознательномъ отступленіи отъ нравственнаго не можетъ быть и рѣчи... Это—особый организмъ, съ своимъ особымъ содержаніемъ, съ своею моралью...—проходило у него въ головѣ.—И Дарвиновская борьба за существованіе, и „ницшеанство" съ его человѣкомъ-животнымъ, и родное „толстовство" съ мертвенно-мистическимъ византійскимъ туманомъ,—все наслоилось тутъ при судорожной ломкѣ культурнаго строя, при глухомъ нравственно-духовномъ переворотѣ... Разница въ томъ только, что одни—сознательно болѣютъ скептицизмомъ, рушатъ сами гнетъ лицемѣрной общественной морали, ищутъ новыхъ путей, новыхъ началъ жизни... Другіе—фатально, невѣдомо для самихъ себя, сживаются съ навѣяннымъ новымъ, съ успѣвшимъ пристать, наслоиться... Она—такая... Но она права... Она искренно слѣдуетъ владѣющей ею морали... Ей тоже хочется „достигнуть своего, обезпечиться", завладѣть прочно и возможно бо̀льшимъ среди благъ жизни... *Задарить* „выбраннаго мужчину", *купить* ласку, не только—естественность, а, быть можетъ, доблесть, подвигъ, по ея міросозерцанію".

Но разсужденія помогали мало... Связать эту мораль съ своею онъ не могъ. А оторвать отъ сердца сросшееся съ нимъ было мучительно больно. Роковая двойственность томила, держала точно въ когтяхъ.

Въ сумеркахъ Быстровъ прошелъ въ спальню, провѣдать жену.

Уже проснувшаяся, Мери окликнула его слабымъ голосомъ.

Она какъ бы съ испугомъ подняла на него померкшіе глаза, когда онъ зажегъ свѣчу и приблизился къ кровати. Поблѣднѣвшее лицо ея казалось утомленнымъ, пульсъ былъ слабъ и неровенъ.

— Аппетитъ есть у тебя?—спросилъ Быстровъ.

Она отрицательно шевельнула головой.

— А охота встать, посидѣть?

— Нѣтъ...

— Старайся не волноваться, не думать ни о чемъ,—сказалъ онъ, вступая въ роль врача.—Хочешь, я почитаю тебѣ что-нибудь?

Она снова и пытливо подняла на него глаза, потомъ проговорила:

— Вонъ тамъ, на этажеркѣ, *наши* книги...

„Наши“ означало: женскія.

Быстровъ выбралъ, переговариваясь съ нею, книжку, придвинулъ кресло къ кровати и сталъ читать статью, съ нешуточнымъ заглавіемъ: *„Женщина съ культурно-исторической точки зрѣнія“*.

Компилятивная статья написана была неумѣло, тяжелымъ, кудреватымъ слогомъ, обиловавшимъ барбаризмами. Приходилось чуть не задыхаться на длиннѣйшихъ сложныхъ періодахъ.

И это, и лежавшая на сердцѣ тяжесть, мутившая мысли, не позволяли вправиться въ чтеніе. Да въ сущности и читать было не для чего: онъ чувствовалъ на себѣ пристальный взглядъ Мери и понималъ, что она не слушаетъ.

Онъ все-таки продолжалъ читать, слѣдя машинально за строчками, перевертывая листокъ за листкомъ. Однообразно и томительно звучалъ его голосъ въ тишинѣ комнаты,—точно читалась „отходная“... счастью.

Бросивъ взглядъ на кровать и замѣтивъ, что Мери покоится въ сонномъ забытьи, онъ умолкъ, откинувшись на спинку кресла, сдерживая подступавшія къ горлу спазмы.

XVIII.

Мери продолжала оставаться въ постели — не больная собственно ничѣмъ, но разслабленная, разбитая.

Мароа Даниловна не пропускала дня, чтобъ не навѣстить дочь, не прислать Аринку справиться о здоровьи, и видимо косилась на зятя.

Однажды Быстровъ получилъ отъ нея письмо, по почтѣ. Холодно и въ изысканныхъ, безъ надобности, выраженіяхъ, Мароа Даниловна просила его заѣхать къ ней „по очень важному дѣлу“.

Быстровъ отправился немедленно.

Шелъ пятый часъ. Надъ зеленѣвшею, озаренною солнцемъ Москвою носился нестройный гулъ колоколовъ, благовѣстившихъ къ вечернѣ на всѣхъ „сорока сорокахъ“... По улицамъ тянулись возы со скарбомъ начинавшихъ выбираться дачниковъ...

Мароа Даниловна, въ темномъ добротномъ шолковомъ платьѣ и въ брилліантовыхъ серьгахъ, — только-что вернувшаяся изъ какого-то благотворительнаго комитета, — впала при видѣ зятя въ замѣтное волненіе и церемонно указала ему въ гостиной на кресло.

— Ахъ, какъ свѣтъ-то мѣняется... какъ мѣняется! — заговорила она, послѣ обычныхъ разспросовъ о здоровьи Мери. — На моей памяти и то сколько, сколько перемѣнъ во всемъ!.. Мы съ покойнымъ Кондратіемъ Назарычемъ на что ужъ разны по лѣтамъ и по богатству были — пятый десятокъ шелъ ему, когда женился онъ на мнѣ, безприданницѣ,—а жизнь провели, прямо можно сказать, душа въ душу!.. Теперь же только и слышишь, что тамъ, при красотѣ да при богатствѣ, „характерами не сошлись“, тутъ — нé вѣсть изъ-за чего, нелады да сцены у молодыхъ!..

Быстровъ приблизительно понялъ, въ чемъ должно состоять „важное дѣло“.

— Я писала вамъ... Я хочу поговорить съ вами, Михаилъ Петровичъ, серьезно... по родственному... — приступила Мареа Даниловна, выпрямляясь на диванѣ и нервно потеребливая платокъ бѣлою пухлою ручкой, сверкавшей браслетами и кольцами, знакомъ счастливой супружеской жизни.

— Я къ вашимъ услугамъ,—чинно отвѣтилъ Быстровъ.

— Я... я хочу поговорить съ вами о счастьи Ме... моей дочери... — поправилась Зуева, считая выраженіе это болѣе подходящимъ къ важности дѣла.—Все ея счастье связано съ вашею любовью... зависитъ отъ васъ... Когда вы присватались, я прямо сказала, что деньги Мери будутъ у меня... И вы не высказывались противъ, вы согласились... И не я одна примѣромъ тутъ: Лахутины вонъ, Рѣщиковы — богачи изъ богачей — проценты зятьямъ выплачиваютъ... Жены, которыя отдѣлены... очень многія имѣютъ свои деньги у себя, сами распоряжаются...

— Извините, Мареа Даниловна... — перебилъ недоумѣвавшій Быстровъ.—Къ чему клонится все это?..

— Да какъ же-жъ?.. Теперь, когда Мери отдѣлена, вы противъ, вы желаете...

— Я?! — воскликнулъ изумленный Быстровъ.

— Вы обидѣлись, когда Мери хотѣла дать вамъ десять тысячъ...—продолжала Зуева, поднося платокъ къ затуманившимся голубымъ глазамъ. — Но ей нельзя остаться ни съ чѣмъ... Она совѣтовалась со мною... И... мнѣ счастье, согласіе ваше дороже всего... я готова... Пусть будетъ такъ: половина—на ваше имя, половина—на ея... Въ этомъ, мнѣ кажется, не можетъ быть для васъ...

— Позвольте-съ... позвольте... — остановилъ ее Быстровъ, сдерживая себя внутренно и краснѣя до корней волосъ.—Мери... при ея вообще спеціально-настроенномъ воображеніи, при ея

такъ неожиданно обострившейся нервичности... могла многое представить себѣ не какъ слѣдуетъ... могла передать вамъ... Не спорю-съ!.. Но если вы имѣете сказать что-нибудь по поводу нашихъ съ нею отношенiй, то исключите деньги... совершенно исключите!.. Иначе... я не могу слушать васъ!

Марѳа Даниловна сперва остолбенѣла, а потомъ воскликнула, привскочивъ на диванѣ:

— Но... изъ-за чего же все это?!

— Что?

— Несогласiя ваши?

Быстровъ развелъ руками.

— Вѣроятно, особенности воспитанiя вашей дочери...—началъ онъ.

— Ахъ, Михаилъ Петровичъ!—перебила Зуева, давая волю слезамъ.—Какъ мнѣ горько слышать это отъ васъ!.. именно отъ васъ—отъ человѣка, такъ все понимающаго, ученаго!.. Я ли не старалась, не полагала силъ своихъ всѣхъ!.. Покойный Кондратiй Назарычъ, по своимъ взглядамъ дворянскимъ, былъ противъ гимназiи даже, а на курсы и совсѣмъ не пустилъ бы!.. Я настаивала, я заботилась!..

— Первый вопросъ теперь—здоровье Мери...—сказалъ Быстровъ.—Мнѣ практика моя, — очень и очень нуждающаяся въ ростѣ,—не позволитъ скоро освободиться... А Мери неизбѣжно быть скорѣе на воздухѣ, на покоѣ... Не займетесь ли вы подысканiемъ дачи и не переѣдете ли съ нею?

Марѳа Даниловна снова пролила слезы, но уже радостныя. Зять казался ей теперь совсѣмъ инымъ, новымъ человѣкомъ. Несогласiя—разъ не вмѣшиваются тутъ деньги—превращались, въ ея материнскихъ глазахъ, въ пустыя, неизбѣжныя на первыхъ порахъ, недоразумѣнiя молодыхъ хозяевъ...

XIX.

Все вошло, видимо, въ должную колею.

Дачу нашли въ Петровскомъ-Разумовскомъ. Начавшая пользоваться прогулками, катаньемъ (экипажъ, по настоянiю Быстрова, находился въ распоряженiи дамъ, а самъ онъ довольствовался въ Москвѣ извозчиками), Мери успѣшно поправлялась и хорошѣла. Про свой улегшiйся внутреннiй переполохъ она и не вспоминала. Зная отъ матери объ отказѣ мужа отъ денегъ, она, не задумываясь, рѣшила:—„Значитъ, Michel просто капризничаетъ;

а это пройдетъ!“ — И восторжествовать надъ капризомъ было такъ легко: занимаясь по утрамъ туалетомъ и любуясь своимъ стройнымъ станомъ, бѣлымъ тѣломъ, тонкою атласною кожей, Мери сама изумлялась отмѣнной роскоши своихъ внѣшнихъ достоинствъ...

Для Өедосьи, — оставленной, ради барина, въ Москвѣ, — наступила истинная масляница.

Всѣ труды ея, не считая ѣды и спанья, свелись къ уходу за фикусами въ гостиной да за своею собственною пунцовою „еранью“ въ кухнѣ. Она немедленно, — спустя какихъ-нибудь двѣ-три недѣли, — потолстѣла и начала выказывать наклонность къ благодушію. Не зная, куда дѣвать тянувшееся лѣниво время, она стала рядиться въ свои лучшія платья и „шлёндрать“ — какъ выражался не долюбливавшій ее за что-то дворникъ — по церквамъ, по народнымъ „туманнымъ чтеніямъ съ картинами“, бѣгать, какъ угорѣлая, за шайками „черносотенцевъ“, крестясь на ихъ „знамя“... — „Баринъ у меня не характерный... нѣтъ въ немъ того, чтобъ доходить, усчитывать тебя! — хвалилась она предъ своими знакомками. — Хоть бы обѣдъ, къ примѣру: какъ сготовила я, такъ и сготовила; ему все хорошо!“

И Быстровъ, дѣйствительно, не замѣчалъ ни порядковъ въ домѣ, ни самой Өедосьи.

Не считая наѣздовъ изрѣдка на дачу, онъ проводилъ свободное отъ визитовъ время, валяясь на диванѣ, въ кабинетѣ, погруженный въ нескончаемыя, неотвязныя думы... Первымъ усиліемъ его, по отъѣздѣ жены, было скомкать въ себѣ, заглушить все, такъ мучившее, приводившее къ неладамъ. Но чѣмъ больше усиливался онъ, тѣмъ настойчивѣе твердило ему сознаніе, что возникшей пропасти не уничтожишь этимъ; что въ неладахъ надо разобраться, надо выяснить въ своей совѣсти будущія отношенія къ женѣ.

И онъ сталъ разбираться...

Онъ видѣлъ, что дѣло не въ *соглашеніи* только, не въ частныхъ уступкахъ личнымъ особенностямъ другого, а въ полномъ отреченіи отъ самого себя, въ принятіи всей той новой морали, которая узаконяетъ „выборъ мужчины“... И принять эту мораль, превратиться въ такого „выбраннаго мужчину“ у него не хватало ни духу, ни силъ... Вспыхивавшее чувство отметало разсужденія, застилало дальнѣйшее туманомъ, выказывая лишь обольстительное настоящее... Пригнетенный разумъ соглашался, что всякое благо требуетъ жертвъ; что новая мораль — стихія, отъ которой некуда дѣться, которая заставляетъ непокорныхъ ей вы-

мирать, — какъ заставила природа вымирать мастодонтовъ... А неугомонно шевелившаяся червячокъ-совѣсть твердила: „Но мастодонты боролись, а не сдавались avec les armes et bagages... Они вымерли, а не превратились ни въ хищниковъ, ни въ слизняковъ... Вымирай и ты, но борись, будь честенъ; сдавайся лишь тамъ, гдѣ велитъ чувство долга... помни „категорическій императивъ"... Въ этомъ и есть смыслъ жизни; въ этомъ—исторія"...

Иногда, въ минуты набѣгавшей бодрости, подъема духа, его осѣняло какъ бы прозрѣніе, что вторгшіяся въ его судьбу „деньги", устроившееся безмятежное благополучіе—только принизили его духовно, облѣнили, подточили энергію... Ему становилось яснымъ, что вся эта меркантильная благодать, самъ пресловутый идеалъ—„обезпечиться, достигнуть своего"—годны лишь для безвременно-засохшихъ да для отжившихъ, разслабленныхъ; что живому человѣку надобна *жизнь*—во всей ея многогранной сложности, со всею нераздѣльностью тревогъ, радостей, печалей, сомнѣній, надеждъ, торжества...

И его тянуло къ этой жизни, къ простору...

XX.

Однажды, совсѣмъ неожиданно для самого себя, раздумывавшій Быстровъ вдругъ отрѣшился отъ всякихъ сомнѣній, сталъ веселъ, бодръ.

Умывшись, причесавшись, надѣвъ черный сюртукъ, онъ вышелъ, взялъ перваго попавшагося извозчика и „погналъ" его на Арбатъ—къ адвокату, у котораго лечилъ жену и былъ не дальше, какъ утромъ этого же дня.

Тотъ только-что отобѣдалъ.

Небольшого роста, полный и лысый, онъ вышелъ въ кабинетъ, держа чашку кофе въ рукахъ и добродушно посматривая исподлобья умными карими глазами.

— Михаилу Петровичу!—выкрикнулъ онъ звонкимъ, навыкшимъ въ „судоговореніяхъ" голосомъ, соображая въ то же время: „Что за надобность у доктора? Не ошибся ли давеча въ рецептѣ, чего добраго?"...

Быстровъ, неумѣло и конфузливо, сталъ передавать, въ общихъ выраженіяхъ, о несогласіяхъ съ женою, о необходимости покончить съ этимъ, „урегулировать отношенія формальнымъ порядкомъ"...

— Расходитесь съ Марьей Кондратьевной?—резюмировалъ

адвокатъ, удивляясь мысленно, что и такой „счастливѣйшій" бракъ оказывается не лучше прочихъ...

— Да...

— И опять сойдетесь...

— Нѣтъ!—перебилъ поспѣшно Быстровъ. — Я хочу, чтобъ былъ разводъ!

Адвокатъ отхлебнулъ кофе и прищелкнулъ языкомъ. (Онъ любилъ покушать и полакомиться.)

— Разводъ—канитель... сложная, непріятная... — сталъ говорить онъ искренно, „по знакомству".—И денегъ много потребуется... Марья Кондратьевна тоже желаетъ развода?

— Не знаю... не думаю...

— Такъ дайте ей отдѣльный видъ, да и все тутъ!

— А если она замужъ захочетъ выйти?

— Тогда пусть сама и хлопочетъ о разводѣ... Вы-то, собственно, нуждаетесь въ немъ?

— Нисколько!

— Конечно...—согласился адвокатъ.—Теперь и въ высшемъ свѣтѣ сквозь пальцы смотрится на подобное... Сановники, вонъ...

Онъ не договорилъ, не желая нарушать профессіональную тайну.

Быстровъ спросилъ о формальностяхъ.

Адвокатъ тутъ же набросалъ требовавшееся для отдѣльнаго вида; растолковалъ, что̀ и какъ надо сдѣлать, куда обратиться.

Дома Быстровъ прошелся по пустыннымъ комнатамъ, съ завѣшанными зеркалами, съ мебелью въ чехлахъ, съ окутанными газетною бумагой лампами, и опустилъ голову, охваченный грустнымъ чувствомъ близившагося одиночества... Сердце дрогнуло у него при мысли о мелькнувшемъ, оторвавшемся клочкѣ жизни... Онъ не зналъ, что̀ будетъ съ нимъ, гдѣ приклонитъ онъ свою голову... Ясно сознавалъ онъ только одно—что въ Москвѣ, на свѣжихъ развалинахъ былого, ему нѣтъ пока мѣста... Нуждаясь въ участіи, въ тихомъ пристанищѣ, чтобъ дать затянуться ранѣ, онъ рѣшилъ отправиться къ роднымъ, передавъ практику Ольшанскому — этой немудрой, но спеціально-точной машинкѣ...

Утро слѣдующаго дня Быстровъ провелъ въ укладкѣ. — „Да, вымирай, но борись... будь послѣднимъ изъ мастодонтовъ, а не иди въ хищники... въ слизняки..."—думалъ онъ, возясь надъ упаковкой инструментовъ, препаратовъ, книгъ... Онъ бралъ съ собою только свое, — пріобрѣтенное на трудовыя деньги. Онъ оставлялъ въ письменномъ столѣ обручальное кольцо, золотые часы—подарокъ Мери; оставлялъ въ спальнѣ халатъ рытаго бархата.

Объясненія съ женою Быстровъ, по совѣсти, счелъ надобнымъ избѣжать: онъ видѣлъ безполезность перекликанья съ различныхъ полюсовъ, зналъ, какъ можетъ отразиться на ней ударъ... Онъ адресовался съ подробнымъ письмомъ къ Марѳѣ Даниловнѣ, приложивъ необходимыя женѣ бумаги.

И Мери, дѣйствительно, едва перенесла ударъ.

Несмотря на всю материнскую осторожность Марѳы Даниловны при передачѣ извѣстія, она свалилась, какъ подкошенная, и долго оставалась между жизнью и смертью. Поселившись снова въ домѣ матери и прослывъ среди сущевскихъ кумушекъ „соломенною вдовой“, она продолжала страдать, считала себя жертвой, роптала на Провидѣніе, которому сама же слала молитвы, но вынести поучительное изъ опыта—не могла...

II.

„ПО КРАФТЪ-ЭБИНГУ“.

I.

Егоръ Саввичъ Брусницынъ, человѣкъ лѣтъ сорока, съ остренькою французскою бородкой, плотный и румяный, весь, такъ сказать, составленный изъ здоровья и благополучія, одернулъ жилетъ, крякнулъ и заговорилъ:

— Никого посторонняго на дачѣ не было — рразъ! (Онъ загнулъ одинъ палецъ.) — Тихонъ платье чистилъ у задняго крыльца—два!..

— Вы сущность дѣла изложите; къ доказательствамъ мы потомъ перейдемъ... — остановилъ его Кириллъ Макаровичъ Рябовъ—одно изъ свѣтилъ московской адвокатуры,—рыхлый, бѣлогубый и лысый блондинъ, одѣтый франтомъ и во все свѣтлое.

— Разумѣется! — согласилась съ нимъ хозяйка, Зинаида Прохоровна.

Она поднялась изъ-за стола, выпрямила свою стройную, нѣсколько излишне располнѣвшую фигуру, точно облитую шолковымъ крупноцвѣтнымъ „китайскимъ“ капотомъ, и заговорила торопливо, едва успѣвая переводить духъ:

— Третьяго дня... мы, какъ вотъ и теперь... пили чай на балконѣ, послѣ завтрака... Приходятъ разносчики съ кружевами деревенскими... кустарными... На дачѣ рѣдко случается это!.. Мы вышли на крыльцо — я и Егоръ Саввичъ... Я выбрала на двадцать рублей...

— А-а-а!.. — простоналъ Брусницынъ, и зашагалъ безпокойно по длинному балкону, осѣненному на концахъ густою зеленью липъ.

— Чтò... чтò такое?— обратилась къ нему, вспыхнувъ, Зинаида Прохоровна.

— Волнуешься ты очень...

— Какъ же не волноваться!

— Тогда молчи...

— Позвольте высказаться Егору Саввичу, а мы съ вами... обсудимъ потомъ...—вступился дипломатически Рябовъ.

Зинаида Прохоровна сѣла, отвернувъ лицо и оглядывая даль, млѣвшую въ мягкомъ искристомъ туманѣ, сверкавшіе извивы Москвы-рѣки, золотистыя полосы созрѣвавшихъ хлѣбовъ...

Брусницынъ снова крякнулъ и одернулъ жилетъ, набралъ воздуху въ грудной ящикъ. Онъ торговалъ ситцами, держался либеральныхъ взглядовъ, состоя гласнымъ въ уѣздномъ земствѣ, и—въ будущемъ—лелѣялъ тайную мечту попасть въ Думу. Ораторскія способности, въ виду этого, онъ старательно развивалъ въ себѣ и ревниво подстерегалъ всякій случай попрактиковаться...

— Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что Тихонъ—обстоятельнѣйшій, безупречнѣйшій слуга... а Демка—деревенскій подонокъ... пролетарій...—сталъ говорить онъ, хмурясь дѣловито и пощипывая бородку. — Затѣмъ, ходъ дѣлъ... то-есть обстоятельствъ собственно, таковъ-съ... Разносчикъ,—продолжалъ онъ, повышая тонъ голоса и отставивъ одну ногу, — дѣйствительно былъ, но суть не въ немъ! По какому бы поводу ни произошелъ фактъ, въ данномъ случаѣ дѣло именно въ этомъ фактѣ: въ томъ, что я послалъ Демку въ кабинетъ, взять со стола бумажникъ... и принести!.. Въ бумажникѣ же, кромѣ мелочи, было четыре сотенныхъ, а потомъ... когда хватился я... оказалось только три!..

— Не ужасно ли! — проговорила, повертываясь къ Рябову, Зинаида Прохоровна.

— Не разоримся, Боже ты мой! — воскликнулъ успокоительно Брусницынъ.

— Я не потому...

— Ну, и не волнуйся!

Скупой, хотя порою и любившій щегольнуть тратами, Брусницынъ огорчался пропажею сотенной прежде всего какъ убыткомъ. Зинаиду Прохоровну, — отличавшуюся вообще слабонервностью,—тревожило отвлеченное, пугающее представленіе о таящемся гдѣ-то „ворѣ“...

Collega по земству и неизмѣнный партнёръ въ „винтъ“ по воскресеньямъ, Рябовъ долженъ былъ внести юридическій свѣтъ во тьму...

— А вы того... въ Москвѣ не потратили ли?—спросилъ онъ.

— Ни-ни!—категорически удостовѣрилъ Брусницынъ.

Рябовъ задумался, захватывая въ кулакъ свою рыжеватую съ просѣдью бороду и стараясь дотянуть ее до рта.

Хозяева примолкли выжидательно.

II.

Демка принадлежалъ къ числу обитателей небольшой деревушки, виднѣвшейся сквозь голубоватую дымку по ту сторону извивовъ Москвы-рѣки. На дачу Брусницыныхъ попалъ онъ только весною, взятый въ услуженье, „на выучку“.

Случилось это такимъ образомъ: въ числѣ всякаго окружнаго люда, нахлынувшаго съ предложеніемъ услугъ перебравшимся дачникамъ, къ Брусницынымъ явилась баба продать курицу. Курица, по докладу кухарки, оказалась „испитая — ни дать, ни взять, чахоточная“, и ее не купили. Тогда баба освѣдомилась: не возьмутъ ли у нея „парнишку-Демку“, который „ужъ такой-то тихій да работящій“. Предложеніе это совпало съ желаніемъ Брусницына имѣть кого-нибудь на побѣгушкахъ, въ помощь Тихону — слугѣ респектабельному, служившему въ „первыхъ домахъ“, респектабельному до того, что Брусницыны щеголяли имъ предъ своими гостями и не обращались къ нему иначе, какъ со словомъ „вы“.

Парнишку велѣли прислать.

Демка явился и былъ принятъ. Едва прикрытый рубищемъ, малорослый, вихрастый, истощенный въ конецъ деревенскою безкормицей, онъ выглядѣлъ еще испитѣе и невзрачнѣе забракованной курицы, а при ходьбѣ даже и ноги какъ бы заплетались у него. Не взирая, однако, на все это, онъ оказался исполненнымъ необыкновенной внутренней живучести и не зналъ усталости при побѣгушкахъ; а въ работѣ сталъ отдаваться чисто поэтическому увлеченію, такъ что, „вышмыгавъ“ до сіянія самоваръ, самъ сіялъ не меньше его—отъ удовольствія.

Въ награду за такія качества, Демку одѣли въ красную кумачную рубашку, обули въ сапоги и помѣстили въ передней, подъ лѣстницей, въ темномъ низенькомъ чуланчикѣ,—гдѣ пахло пылью и гнилушками, а постель и всякія мебели замѣняла старая лошадиная попона изъ верблюжьяго сукна.

Впервые выглянувшій дальше родной околицы и приближенный къ „господамъ“, Демка совсѣмъ потерялъ голову отъ нахлынувшаго счастья и сталъ жить, окруженный самымъ розовымъ упоительнымъ туманомъ... Брусницынъ представлялся ему какимъ-то всевластнымъ, всемогущимъ существомъ, держащимъ судьбы въ рукахъ... Въ Зинаидѣ Прохоровнѣ видѣлъ онъ подобіе доброй волшебницы... Питая сообразныя съ этимъ и чувства къ

господамъ, Демка не служилъ имъ, а изъявлялъ самую безпредѣльную преданность, — бросаясь со всѣхъ ногъ за всякою малостью, тая отъ восторга при милостивой улыбкѣ, приходя въ грусть и безпокойство отъ равнодушнаго взгляда.

Проводивъ день, — иногда шумный и хлопотливый, иногда тихій и однообразный, — Демка свертывался въ своемъ чуланѣ колечкомъ на попонѣ, закрутивъ одинъ уголъ ея подъ голову, и засыпалъ сномъ истинной невинности. Случалось, что новыя, разнообразныя впечатлѣнія дня, переутомивъ Демку, приводили его въ состояніе безпредметной внутренней приподнятости, отгонявшей сонъ, въ состояніе какого-то внутренняго восхищенія. Тогда Демка вслушивался, притаивъ дыханіе, въ безконечныя переливчатыя трели соловья, облюбовавшаго себѣ густые черемуховые кусты около дачи, или читалъ, прилѣпивъ къ дощечкѣ огарокъ свѣчи, старую газету, представлявшуюся таинственнымъ, неисчерпаемымъ источникомъ всякихъ знаній... Когда не случалось огарка, Демка просто таращилъ глаза въ темнотѣ и мечталъ. Мечты его касались рисовавшагося предъ нимъ будущаго: онъ представлялъ себѣ, какъ попадетъ съ господами осенью въ Москву, — еще невиданную имъ, огромную, великолѣпную Москву, гдѣ столько церквей, столько народу, гдѣ есть царь-пушка, царь-колоколъ... какъ напишетъ изъ-этой Москвы письмо въ деревню — обо всемъ, обо всемъ...

III.

Надумавшись, Рябовъ всталъ и прошелся по балкону.

Привычнымъ безсознательнымъ полетомъ мыслей онъ уже парилъ въ мірѣ руководящихъ, самыхъ отборныхъ криминалистическихъ и психологическихъ теорій...

— По Крафтъ-Эбингу... равно, держась взглядовъ и указаній Ломброзо и его послѣдователей, съ Энрико Ферри во главѣ... научно-психіатрическое расчлененіе преступныхъ личностей можно производить въ наше время почти съ такою же точностью, какъ производится химическій анализъ веществъ! — сталъ говорить онъ, прохаживаясь глиссадами и прислушиваясь самъ къ своему голосу, какъ имѣлъ привычку дѣлать это послѣднее въ судѣ. — Тихонъ... станемъ по отношенію къ нему въ роль экспертовъ — дѣйствительно, является субъектомъ, психически вполнѣ уравновѣшеннымъ, исключающимъ самую мысль о тожественности съ типомъ носителя злой воли, порвавшаго связь съ обществомъ...

Къ этому — опредѣленность легальной профессіи, отсутствіе матеріальной нужды... Демка... тутъ экспертиза сразу какъ бы лишается почвы, выбивается изъ колеи... Элементу защиты не остается и мѣста... Послушный, такъ сказать, научнымъ авторитетамъ, тутъ всецѣло самъ бросается въ глаза типичный образчикъ физическаго вырожденія, — неразлучнаго съ психическою развинченностью, съ ослабленіемъ нравственныхъ основъ!.. И въ то время, какъ Тихонъ матеріально благоденствуетъ, Демка является пропитаннымъ, и лично, и наслѣдственно, скудостью, — этимъ современнымъ могущественнымъ стимуломъ разлада, преступности...

— Значитъ, Демка! — вскрикнула Зинаида Прохоровна.

— Мы не обвиняемъ, мы анализируемъ только! — остановилъ ее Рябовъ. — Будемъ защитниками Демки... потребуемъ формальныхъ уликъ отъ прокурора... И... смотрите, что выходитъ: у Тихона несомнѣннѣйшее, неопровержимое alibi — онъ чистилъ платье, не могъ физически находиться на мѣстѣ преступленія въ данный моментъ... Противъ Демки — несомнѣннѣйшая, неотразимая улика: фактъ прикосновенія къ бумажнику!.. Вотъ данныя: рѣшайте!

— Кому же больше? Посуди ты сама! — хмуро проговорилъ Брусницынъ.

— Мнѣ такъ жаль его! Онъ такой бѣдный, несчастный! — отвѣтила, чуть не со слезами, Зинаида Прохоровна.

— Я разогорчилъ васъ, милая барынька! Простите! — воскликнулъ, ловеласничая, Рябовъ, и припалъ толстыми бѣлыми губами къ ея унизанной кольцами рукѣ. — Добры и чувствительны вы истинно по-женски! — продолжалъ онъ какъ бы шутливо. — Но за это-то и не позволяютъ вашему брату ни дѣла вести, ни присяжными засѣдателями быть! Гдѣ требуется логическій выводъ изъ факта, тамъ у васъ альтруистическое соображеніе является; гдѣ думать надо, тамъ вы волю чувствамъ даете... Субъективны вы очень, взглядъ на предметъ у васъ всегда чрезъ призму какую-нибудь!..

Онъ еще разъ поцѣловалъ у нея руку и обратился къ Брусницыну, принявъ подобающую серьезность:

— Фактъ покражи вы не разглашали?

— Все до васъ отложено...

— Прекрасно! Попробуемъ нравственное воздѣйствіе...

Они прошли въ кабинетъ.

IV.

Предсѣдательское мѣсто за большимъ красивымъ письменнымъ столомъ занялъ Рябовъ. Разслѣдованіе открылось опросомъ Тихона, какъ эксперта.

Респектабельный слуга вошелъ, какъ и всегда, исполненный невозмутимости и почтительной сдержанности. Его лицо, съ длиннымъ, красноватымъ на кончикѣ носомъ и съ узенькими черными, какъ смоль, бакенбардами, хранило неизмѣнный отпечатокъ достоинства; такъ же, какъ всегда,—методично, не спѣша—переставлялъ онъ ноги, изогнувшись слегка и двигаясь неслышною поступью.

— Вы, Тихонъ, ничего предосудительнаго не замѣчали за Демкой?—обратился къ нему Рябовъ.

— Касательно чего-съ?—освѣдомился Тихонъ.

— Не потаскиваетъ онъ?... не выказываетъ склонности?

Тихонъ развелъ руками, помолчалъ, сжавъ значительно губы, и сталъ докладывать. (Онъ всегда какъ бы докладывалъ, а не говорилъ.)

— Досконально сказать не могу-съ... А иногда, точно, недостачу какъ бы замѣтишь въ буфетѣ...

— Что?.. серебро?—перебилъ тревожно Брусницынъ.

— Нѣтъ-съ, какъ это можно! Я доложилъ бы... Такъ, изъ сладкаго что-нибудь, или прочіе остатки... Важности въ этомъ, конечно, не много-съ, а къ заключенію здѣсь надобно придти въ томъ, что отъ малаго до большого шагъ скорый бываетъ... Вы, позвольте спросить-съ, изволили замѣтить что-нибудь?

И онъ остановилъ взглядъ узенькихъ, безцвѣтныхъ глазъ сперва на баринѣ, потомъ на адвокатѣ.

Брусницынъ разсказалъ о пропажѣ денегъ.

Тихонъ процѣдилъ сквозь зубы неопредѣленное: „с-с-с...", покачалъ длинною, полысѣвшею на макушкѣ головою и отступилъ нѣсколько отъ стола.

Съ минуту длилось молчаніе.

Какъ бы прочувствовавъ за это время всю глубину паденія Демки, но все же питая жалость къ юному носителю злой воли, Тихонъ заговорилъ, уныло и въ носъ:

— Легкомысленность ребяческая, да и примѣры нынѣшніе деревенскіе... Безъ строгости, безъ внушительности, въ чемъ принадлежитъ, долго ли парню свертѣться...

Это разсужденіе было какъ бы отголоскомъ собственныхъ мыслей Брусницына. Онъ подумалъ и распорядился:

— Пошлите сюда Демку. Да не того... не распространяйтесь съ нимъ...

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ, съ поклономъ, Тихонъ.

V.

Послѣ краткаго совѣщанія рѣшено было примѣнить систему неожиданнаго нападенія. Бумажникъ положенъ былъ на столъ,— какъ моральный намекъ и вещественное доказательство.

Демка, по своему обыкновенію, не вошелъ, а влетѣлъ въ кабинетъ.

Не давая ему опомниться и знаменательно потрогивая бумажникъ, Брусницынъ проговорилъ:

— Отдай деньги!

— Какія?—спросилъ Демка, тараща свои голубые глаза.

— Ты знаешь... Сотенную бумажку...

— Сотельную!—воскликнулъ Демка и обвелъ глазами кабинетъ, какъ бы не зная, куда дѣваться отъ изумленія.

Рябовъ былъ хорошо знакомъ съ этой воровской манерой выигрывать время и потомъ ставить слѣдователя втупикъ какою-нибудь хитро придуманною уверткой. Толкнувъ Брусницына слегка локтемъ и глядя въ упоръ на Демку, онъ заговорилъ строго:

— Третьяго дня, когда Егоръ Саввичъ послалъ тебя сюда вотъ, въ кабинетъ, за этимъ бумажникомъ (онъ взялъ и потрясъ бумажникъ предъ Демкой), въ немъ было *четыре* сотенныхъ; а послѣ оказалось только *три*—одной недостаетъ... Понимаешь?

— Куда же дѣвалась она?—спросилъ Демка, встрепенувшись и съ видомъ совсѣмъ дѣтской невинности.

Не оставалось сомнѣнія, что Демка рѣшилъ утвердиться въ запирательствѣ. Соображая, что запирательство „носителей злой воли" можетъ происходить или отъ крайней испорченности субъекта, или отъ стыда и самолюбія, Рябовъ,—склоняясь къ послѣднему и давая упорствующему приличный выходъ,—сказалъ, съ видомъ добродушія:

— Ты, можетъ быть, выронилъ ее, когда несъ бумажникъ?

— Гдѣ-жъ выронить!—отвѣтилъ Демка.—Я остерегался.

— Роняютъ нечаянно; сами не знаютъ иной разъ, выронили или нѣтъ... Такъ, можетъ быть, и ты...—продолжалъ тонко на-

водить Рябовъ. — Ты посмотри... въ передней... у крыльца... Авось найдешь...

— Кабы найти, такъ давно бы нашли—убиравши комнаты!— возразилъ догадливо Демка.

Брусницынъ не вытерпѣлъ.

Схвативъ бумажникъ и прихлопнувъ имъ по столу, онъ заговорилъ сердито:

— Кромѣ тебя, никто не прикасался къ бумажнику, — значитъ, никто, кромѣ тебя, не могъ и взять сотенной! Сыщешь ли ты ее, или просто вынешь оттуда, куда спряталъ, — мнѣ дѣла нѣтъ, только была бы она тутъ!

Онъ внушительно постучалъ щиколотками пальцевъ по столу.

Демка, какъ-то вяло вникавшій до этого въ происходившее передъ нимъ, вникнулъ теперь какъ должно. Его наивные голубые глаза странно выкатились и остановились, блѣдное лицо совсѣмъ помертвѣло.

— Правду... правду говори!..—промолвилъ увѣщательно Рябовъ, пользуясь получившимся эффектомъ.—Егоръ Саввичъ проститъ...

— Я правду-съ...

— Ну?

— Я какъ взялъ бумажникъ, такъ и принесъ-съ...

— Куда же сотенная дѣвалась?

Демка молчалъ. Лицо его судорожно подергивалось и сквозь эти судороги мелькала на кривившихся губахъ какая-то неестественная и совсѣмъ неумѣстная улыбка.

— Ступай!—приказалъ Брусницынъ, едва сдерживая въ себѣ гнѣвъ.

VI.

Упорное запирательство совсѣмъ доканало Демку въ глазахъ Брусницына. Особенно бѣсила его улыбка, представлявшаяся просто чудовищною, и только смутно поднимавшаяся жалость мѣшала послать за урядникомъ, предать въ руки правосудія дерзкаго воришку.

— Какъ же быть теперь съ Демкой?—спросила за обѣдомъ опечаленная Зинаида Прохоровна.

— Со двора долой! Не ждать же, когда онъ сундуки начнетъ взламывать!—угрюмо отвѣтилъ Брусницынъ, не поднимая глазъ отъ тарелки.

Стоявшій за кресломъ хозяйки Тихонъ кашлянулъ осторожно

въ руку, обтянутую бѣлою нитяною перчаткой, и произнесъ съ видомъ обычной почтительности, не лишенной достоинства:

— Мой прежній господинъ сами сенаторомъ были, а тоже куда какъ не уважали судбища всякія...

Помолчавъ немного, Тихонъ прошелся мѣрными, какъ бы театральными шагами вдоль края стола, прикоснулся къ корзинкѣ съ хлѣбомъ, одернулъ скатерть и прибавилъ, уже по адресу Демки:

— Этакій, можно сказать, молокососъ и къ чему склонность имѣетъ!

Почему эта „склонность“ должна была какъ бы составлять привилегію старшихъ, Тихонъ не объяснилъ, а только погладилъ глубокомысленно свои узенькія бакенбарды и заложилъ одну руку за спину.

Брусницынъ, имѣвшій склонность считать себя также не чуждымъ барственныхъ похвальныхъ особенностей, соглашался мысленно съ сенаторомъ насчетъ неуваженія судбищъ; но отдать чуть не собственными руками и такимъ глупымъ образомъ сотенную негодному воришкѣ онъ далеко не хотѣлъ...

— Тихонъ! — сказалъ онъ, ухватываясь за мелькнувшую мысль. — Подите, посмотрите... нѣтъ ли сотенной этой при Демкѣ... въ карманахъ... или въ чуланѣ гдѣ...

Тихонъ вышелъ.

Демка лежалъ, свернувшись на попонѣ, и пытался, въ перепугѣ, осмыслить разразившуюся бѣду, когда въ чуланную дверь просунулась голова Тихона.

Съ трескомъ шаркнувъ восковою спичкой о никелированную спичечницу, Тихонъ увидѣлъ на полу, передъ попоной, прилѣпленный къ дощечкѣ огарокъ свѣчи и зажегъ его. У Демки зубы застучали отъ страха, а вихры встали совсѣмъ дыбомъ: грозный исполнитель казни представился ему въ важномъ, нахмуренномъ Тихонѣ,—Малюта Скуратовъ, о которомъ Демка достаточно былъ наслышанъ и начитанъ еще въ деревнѣ...

Тихонъ, напротивъ, повелъ себя очень милостиво: къ Демкѣ онъ даже не прикоснулся, а только согналъ его съ попоны, заставивъ прижаться въ углу; самую же попону встряхнулъ и сталъ потомъ шарить, для чего-то, ногою въ углу...

Сотенная не отыскалась.

VII.

Волшебный мірокъ Демки разбился. Все вокругъ точно наизнанку вывертывалось передъ нимъ; мысли его, не отличавшіяся и безъ того завиднымъ порядкомъ, мутились совсѣмъ.

Улегшись, по уходѣ Тихона, снова на попонѣ, онъ продолжалъ задаваться, въ тупомъ недоумѣніи, вопросами: куда могла дѣваться „сотельная"? Какъ это такъ вышло, что его вдругъ считаютъ воромъ?.. Онъ то замиралъ, охваченный ужасомъ и стыдомъ, то оживалъ какою-то неясною надеждой, и ему казалось, что все это такъ, въ шутку случилось и вотъ-вотъ перемѣнится...

Время бѣжало.

По знакомому характерному шуму, начавшемуся въ залѣ, Демка догадался, что господа, отобѣдавъ, собираются уходить, „для променаду", — чтобъ не спать. Вскорѣ захлопали двери гдѣ-то въ отдаленіи,—это въ людской прислуга готовилась пить на досугѣ чай и калякать. Демка всегда радостно бѣжалъ въ это время въ людскую, но теперь ему стыдно было показать глаза. Уткнувъ въ попону лицо и стараясь забыться, онъ долго и глухо рыдалъ, а потомъ уснулъ.

Когда онъ пробудился, изъ залы доносились веселые голоса господъ. Егоръ Саввичъ крикнулъ звонко: — „Тихонъ, дайте вазу!" — Демка сообразилъ, что господа гуляли въ лѣсу и принесли цвѣтовъ. Онъ приподнялся и сѣлъ на попонѣ, охвативъ колѣни руками. На душѣ было у него легче, а мысли въ головѣ двигались живѣе. Бѣда не представлялась уже такою страшною: все произошло отъ того—такъ казалось ему теперь,—что онъ не сумѣлъ отвѣтить, какъ надо, барину... Слѣдовало прямо сказать, что онъ, Демка, не воръ; что за нимъ не водилось этого никогда; что его одобритъ вся деревня... И Егоръ Саввичъ—такой умный, извѣстный баринъ—вошелъ бы въ это... Щеки вспыхнули у Демки отъ конфуза при сознаніи такой оплошности, и онъ нервно тряхнулъ вихрами.

Донеслись быстрые шаги Брусницына, отправлявшагося изъ залы въ кабинетъ. Демка поднялся съ попоны. Предъ глазами мелькали у него отъ слабости свѣтлые круги; онѣмѣвшія отъ непривычнаго бездѣйствія ноги гудѣли. Ободряющая, набѣжавшая вдругъ, рѣшимость точно толкнула Демку изъ чулана. Пріостановившись въ передней передъ зеркаломъ, онъ пригладилъ рукою вихры и смѣло двинулся къ полуотворенной двери кабинета.

Низко спустившееся солнце било красноватыми лучами прямо въ окна. Брусницынъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, перебирая пачки счетовъ и фактуръ. При входѣ Демки лицо его превратилось вдругъ изъ веселаго въ строгое. Это смутило Демку. Онъ безпокойно завертѣлъ пальцами опущенныхъ рукъ и остановился у двери.

— Что тебѣ?—хмуро проговорилъ Брусницынъ.

Демка вздохнулъ, собираясь съ духомъ.

— Эти деньги, сотельная, что не хватаетъ которой...—началъ онъ, подступая къ столу.

Брусницынъ, не переставая копаться въ бумагахъ, насторожилъ уши, готовясь услышать повинную.

Демка продолжалъ, оживляясь:

— Эту сотельную, Егоръ Саввичъ... баринъ... я и пальцемъ не трогалъ ее—отсохни рука моя!.. Я званія одного не возьму!.. Я у вашей милости какъ сталъ жить, такъ не то что... а всегда, какъ предъ Богомъ, предъ вами...

— Ну, ты не бралъ, значитъ? — перебилъ разочарованный Брусницынъ.

— Не бралъ-съ!

— Это твое послѣднее слово?

— Послѣднее, лопни глаза! — отвѣтилъ храбро Демка, не вникая въ тонъ вопроса.

— Ну, и я скажу тебѣ мое послѣднее слово! — крикнулъ вышедшій изъ себя Брусницынъ.—Я сегодня же напишу твоему отцу и въ волость, чтобъ убрали тебя отсюда поскорѣе да расправились съ тобою, какъ слѣдуетъ!.. Пошелъ вонъ!

Демка вылетѣлъ изъ кабинета, не помня себя.

VIII.

Въ сумеркахъ, понукаемый голодомъ и жаждой, Демка поплелся въ людскую.

Звѣзды чуть мигали сквозь застилавшій небо вечерній туманъ. Сильно пахла трава, вдалекѣ звонко „билъ“ перепелъ... Демка, путаясь слабыми ногами въ попадавшихся росистыхъ куртинкахъ чернобыли и конскаго щавеля, брелъ широкимъ дворомъ точно лунатикъ, ничего не видя и не слыша, направляясь безотчетно на краснѣвшее свѣтомъ окно людской.

Всѣ были уже за столомъ, и какъ-то странно, вдругъ, замолчали, когда онъ вошелъ. Среди этого молчанія кухарка

Аѳимья—полногрудая и краснощекая молодица изъ солдатокъ—отрѣзала хлѣба Демкѣ, подала ложку, и начала сама хлебать щи, вздыхая глубоко и знаменательно. Демка взялся за ложку и тоже сталъ хлебать щи. Но вздохи Аѳимьи, продолжавшее длиться недоброе молчанье,—превращавшееся для Демки въ крикъ про „сотельную", — заставляли „горѣть шапку на ворѣ", убивали послѣдній остатокъ бодрости... Демка горбился приниженно, не смѣя поднять глазъ, чувствуя взгляды на себѣ...

Вдругъ онъ выронилъ ложку и повалился, всхлипывая, на лавку.

Сострадательная Аѳимья обратилась-было къ нему съ утѣшеніями, но, видя, что онъ „совсѣмъ какъ въ родимцѣ", взяла его, точно свертокъ, подъ-мышку, вынесла на крыльцо и подставила тамъ головою подъ рукомойникъ.

Демка очнулся и утвердился на ногахъ, проводя, какъ бы въ недоумѣніи, рукою по своимъ мокрымъ вихрамъ.

— Иди, ѣшь!—сказала жалобно Аѳимья.

Демка ничего не отвѣтилъ ей и поплелся черезъ дворъ къ парадному крыльцу, въ свой чуланъ.

Ночь Демка провелъ въ бреду, охваченный томительнымъ, спутаннымъ кошмаромъ. Ему мерещились отецъ, волостной судъ, полчища чудовищъ, неотступно требовавшихъ „сотельную", мерещилась и она сама, въ видѣ разодѣтой барыни—Зинаиды Прохоровны... И только одна ясная мысль, то исчезая въ этой путаницѣ, то снова вырываясь, не покидала Демку: будутъ ли его лишь „пороть" въ волости и запрутъ потомъ въ холодную, или поведутъ еще по улицѣ, надѣвъ ему на шею хомутъ и звоня вокругъ въ сковороды, въ печные заслоны,—какъ дѣлаютъ это съ ворами въ деревняхъ?..

IX.

Наутро Брусницынъ собрался въ Москву. Тихонъ отправлялся съ нимъ.

Зинаида Прохоровна, любившая поспать, нѣжилась еще въ постели, когда Брусницынъ, въ восьмомъ часу, вышелъ въ переднюю. Коляска была уже подана, и Тихонъ ожидалъ барина, держа наготовѣ бѣлую чесунчевую накидку. Набросивъ ее заученнымъ ловкимъ пріемомъ на широкія плечи барина и деликатно одернувъ кончиками пальцевъ, онъ поспѣшилъ къ коляскѣ, чтобы встрѣтить его тамъ и подсадить.

Брусницынъ тоже готовъ былъ выйти, но въ это время скрипнула чуланная дверь, и въ передней показался Демка,—пошатываясь, точно пьяный.

— Баринъ... Егоръ Саввичъ...—заговорилъ онъ, падая какъ-то сразу на оба колѣна и стараясь поймать руку Брусницына.— Не прогоняйте меня... Я всѣ деньги вамъ заслужу...

Брусницынъ не могъ удержаться, чтобъ не покатиться со смѣху надъ этимъ бухгалтерскимъ разсчетомъ.

— Заслужишь? А?—проговорилъ онъ, натягивая перчатки.— Смекни, сколько жалованья получаешь ты!.. Ха-ха-ха!

Дойдя до двери, онъ повернулся и сказалъ серьезно:

— Имущество свое укладывай: завтра отецъ за тобою пріѣдетъ!

Вернувшись снова на свою попону, Демка сжался въ комочекъ, точно на смерть подстрѣленный заяцъ, и тупо уставилъ глаза на щель подъ дверью, наполненную свѣтомъ запавшаго солнечнаго луча, какъ золотомъ...

Думалъ ли онъ, и о чемъ именно, Демка не сказалъ бы и самъ. Когда онъ очнулся, солнце перешло уже далеко за полдень, и щель подъ дверью поблекла, едва очерчивалась... Донеслись звуки піанино изъ гостиной, гдѣ Зинаида Прохоровна разбирала какую-то музыкальную новинку... Демка всегда такъ любилъ слушать музыку, такъ восхищался при этомъ непостижимымъ умѣньемъ барыни... Теперь звуки точно вонзались ему въ сердце, щемили болью, тоской... Онъ замеръ въ неподвижности, хмурясь напряженно и сводя мелькавшіе въ головѣ обрывки мыслей къ одному: какъ быть теперь? куда дѣваться?..

X.

Брусницынъ вернулся къ обѣду.

Встрѣтивъ мужа въ залѣ, Зинаида Прохоровна звонко поцѣловала его и спросила, видя, что привезенныя покупки вноситъ кучеръ:

— А гдѣ же Тихонъ?

— Въ домѣ побудетъ онъ дня два,—отвѣтилъ Брусницынъ. —Родственники какіе-то или земляки пріѣхали къ нему... Москву показать имъ надо...

— Вотъ ты какъ распоряжаешься! Тихона отпустилъ, Демку возьмутъ завтра... Кто же служить будетъ?

— Не возьмутъ твоего Демку! Не успѣлъ я написать въ деревню, не до того было... Что, какъ онъ тутъ?

— Все время въ чуланѣ сидитъ...

— Это что за манера? Пусть занимается дѣломъ... Демка! — крикнулъ Брусницынъ въ переднюю.

Демка не показывался.

Брусницынъ позвонилъ. Исполнительный всегда Демка не явился и на звонокъ.

— Въ людскую, вѣроятно, отправился, — высказала догадку Зинаида Прохоровна.

Брусницынъ прошелъ въ кабинетъ, раздѣться. Спустя минуту, онъ поспѣшно вернулся въ залу и воскликнулъ:

— Представь, Демка-то сбѣжалъ!

Разбиравшая покупки Зинаида Прохоровна измѣнилась въ лицѣ отъ неожиданности и тоже воскликнула, въ нервномъ испугѣ:

— Сбѣжалъ?!

— Да. Вотъ записку нашелъ я въ кабинетѣ...

Въ запискѣ было всего, кое-какъ нацарапанныхъ, нѣсколько словъ. Прочесть ихъ, придавъ должные знаки препинанія, можно было такъ: „*Не я... не я сотельную... Не видать мнѣ васъ больше...*“

Пробѣжавъ записку наскоро въ кабинетѣ, Брусницынъ, — употребляя юридическую терминологію, — обратилъ вниманіе лишь на фактъ, не давъ ему освѣщенія. Теперь, перечитывая, онъ вникнулъ въ смыслъ немногихъ простыхъ словъ ея, и сердце стукнуло у него, чувствуя что-то недоброе...

Немедленно отправленъ былъ въ деревню кучеръ верхомъ — узнать, тамъ ли Демка. Привезенный отвѣтъ оказался несовсѣмъ хорошимъ: родныхъ Демки кучеръ не засталъ — всѣ они были въ полѣ, — но сосѣди сказали, что Демка ни въ семью, ни вообще въ деревню не являлся.

Пока, не на шутку встревоженный, Брусницынъ раздумывалъ, сидя за послѣобѣденною чашкою кофе, что предпринять дальше? не послать ли за Рябовымъ, дача котораго была всего верстахъ въ двухъ? — прибылъ урядникъ...

Онъ сталъ „извѣщать“, что Демка — по свидѣтельству видѣвшихъ это дачниковъ — „бултыхнулся“ съ кручи въ Москву-рѣку... что водоворотомъ протащило его почти съ версту, пока не перехватили рыбаки...

— Живъ? не утонулъ? — перебилъ нетерпѣливо Брусницынъ.

— Откачали-съ! — успокоилъ урядникъ. — Только въ сознательность настоящую не вошелъ онъ, и вродѣ какъ бы корчи съ нимъ: дюже воды наглотался...

— Гдѣ же онъ?

— Въ больницу въ земскую отправили...

XI.

Стало вечерѣть. Солнце, спустившееся до вершинъ дальнихъ деревьевъ, стелило по луговинѣ, передъ дачей, длинные багровые переливы заката. Въ воздухѣ вѣяло прохладною влажностью, и Москва-рѣка начинала кутаться въ волнистый, мѣстами розовый туманъ. Уныло каркая, тянулись грачи къ гнѣздамъ...

Брусницынъ оставался на балконѣ, прохаживаясь и раздумывая. (Зинаида Прохоровна, испытавшая жестокій нервный припадокъ, покоилась въ спальнѣ). Душевное состояніе его было самое хаотическое, впервые переживаемое имъ... Встревоженная совѣсть выдвигала вопросъ за вопросомъ, требовала разрѣшенія, не давала покоя...—„Да, ты христіанинъ, соль земли...—твердила она.—Но воистину ли такъ это? Не кривишь ли ты душой? не фарисействуешь ли?.. Ты соблюдаешь обряды, но очищаешься ли внутренно? приближаешься ли къ свѣту истины?... Нѣтъ... Ты укрылся въ сухія, лицемѣрныя формы, утративъ духъ... отвернулся отъ жизни, отъ христіанскаго общенія съ ближнимъ... Не убилъ ли ты Демку—„одного изъ малыхъ сихъ“—твоею жестокою, себялюбивою холодностью, твоимъ отдаленіемъ отъ пониманія живой человѣческой души?.. Онъ уцѣлѣлъ, да... но ты причемъ тутъ?.. Христіанинъ ли ты даже? Развѣ христіанская, а не языческая, проникающая тебя мораль,—что тебѣ, сильному, и благъ слѣдуетъ больше, чѣмъ слабому?.. На христіанскомъ ли чувствѣ, на любви ли къ ближнему покоятся всѣ твои желанія, поступки?..“

И мысли его неслись неудержимо, охватывая минувшее, цѣпляясь то за одну, то за другую подробность, — и онѣ, давно пережитыя, покрытыя забвеніемъ, вставали, какъ укоръ, какъ ожившія мстительныя тѣни.

На слѣдующій день, вскорѣ послѣ завтрака, явившійся вновь урядникъ привезъ изъ стана еще вѣсть, бросившую истинный свѣтъ на дѣло... Она касалась Тихона. Оставшись въ Москвѣ подъ выдуманнымъ предлогомъ свиданія съ земляками и проводивъ барина, Тихонъ закутилъ. Одѣтый франтомъ—во все барское, находившееся въ домѣ,—онъ затесался съ какою-то феей

въ первоклассный ресторанъ, затребовалъ шампанскаго, рябчиковъ со свѣжей икрой, повелъ себя совсѣмъ „не по чину"... Взятый въ полицію потому, что шумѣлъ и „сорилъ деньгами", и допрошенный, онъ повинился въ своемъ неказистомъ прошломъ, — подводившемъ его какъ нельзя лучше подъ Крафтъ-Эбинга, подъ Ломброзо, — показалъ, что проживаетъ по чужому виду. „За одно", признался онъ и въ кражѣ „сотенной", объяснивъ, что наткнулся на бумажникъ случайно, — когда вошелъ въ кабинетъ за щеткой, собираясь чистить платье.

Н. Сѣверовъ.

ДАЛЕКІЙ ГОРИЗОНТЪ

Романъ Люкаса Малета.

The far horizon. By Lucas Malet. London. 1907.

I.

Доминикъ Иглезіасъ, стоя у окна, видѣлъ, какъ іюньскія сумерки, медленно сгущаясь, переходили въ ночь. Онъ былъ утомленъ физически, но находился въ необычайно тревожномъ состояніи духа. Гостиная, несмотря на довольно большіе ея размѣры, казалась ему душной, и мысль его упорно стремилась за предѣлы Триммеръ-Грина и близлежащихъ садовъ, къ сѣверовостоку, этому району вѣчныхъ бурь, страстей и столкновеній, надъ которымъ стояли теперь плоскія грязно-фіолетовыя облака, а за ними открывались дымныя пурпурно-алыя пространства лондонскаго заката. Громъ гремѣлъ цѣлый день, но гроза такъ и не разразилась. И даже въ настоящую минуту небо казалось не столько спокойнымъ, сколько втайнѣ угрожающимъ, словно неминуемый бой откладывался имъ лишь въ виду неприбытія ожидавшихся подкрѣпленій.

Помимо этого мѣстность носила вполнѣ мирный характеръ, свойственный предмѣстью съ добропорядочнымъ средней руки населеніемъ. Изъ Кедроваго коттэджа открывался видъ на весь Триммеръ-Гринъ, имѣвшій форму бутылки. Было бы совершенно напрасною въ данное время попыткою опредѣлить: кто былъ Триммеръ, давшій свое имя этой мѣстности, какимъ образомъ пріобрѣлъ онъ свой Гринъ,—ознаменовалъ ли свое пребываніе тамъ служеніемъ на пользу общества, или просто былъ тамъ повѣшенъ? Во всякомъ случаѣ этотъ уголокъ принадлежалъ къ

числу тѣхъ „лондонскихъ легкихъ“, которыя представляютъ собою отрадные оазисы зелени въ отдаленныхъ кварталахъ столицы. Прежде Триммеръ-Гринъ могъ похвалиться великолѣпными аллеями стройныхъ вязовъ и садами, окружавшими виллы и дома XVIII-го вѣка. Теперь на мѣстѣ ихъ явились (Кедровый коттэджъ былъ счастливымъ исключеніемъ) банально однообразные современные дома.

Изъ всего этого слѣдуетъ однако, что обстановка м-ра Иглезіаса не лишена была пріятности, и, будучи человѣкомъ весьма умѣренныхъ ожиданій, онъ сознавалъ, что пользуется максимумомъ комфорта, на какой имѣетъ право человѣкъ среднихъ лѣтъ съ неособенно широкими средствами, живущій въ качествѣ „платнаго гостя“—вѣжливый терминъ, замѣняющій слово: „жилецъ“. Онъ неоднократно благодарилъ своего сосѣда и школьнаго товарища, м-ра Джорджа Лёвгрова, за то, что тотъ не только указалъ ему на объявленіе м-ссъ Парчеръ, но и разсѣялъ зародившееся было въ немъ предубѣжденіе. Согласитесь, что лэди, рекомендующаяся печатно „вдовою офицера, веселаго характера, музыкально образованною особою и превосходною хозяйкою, предлагающею пріятный и изящный домашній кровъ въ Вестъ-Эндѣ, на разстояніи трехъ минутъ ходьбы отъ омнибуса и подземной желѣзной дороги“,—такая лэди можетъ внушить на первыхъ порахъ легкое недовѣріе человѣку, одаренному чувствомъ юмора.

Справки, наведенныя почтенною м-ссъ Лёвгровъ какъ у достойнѣйшаго мѣстнаго викарія—доктора Невингтона, такъ и у мѣстныхъ поставщиковъ, оказались, однако, въ пользу м-ссъ Парчеръ: она довольно много жертвовала въ пользу прихода и покупала лишь безукоризненно свѣжую провизію.

Такимъ образомъ Доминикъ Иглезіасъ, послѣ смерти своей матери, восемь лѣтъ тому назадъ, сдѣлался жильцомъ м-ссъ Парчеръ, и до сихъ поръ ему еще ни разу не пришлось на это пожаловаться. Послѣ долгихъ часовъ напряженной работы въ банкирскомъ домѣ Баркингъ и К°, онъ ежедневно, съ сознаніемъ исполненнаго долга, входилъ въ эту гостиную; ея бѣлыя панели, тонкая рѣзьба камина, лѣпной потолокъ и видъ изъ высокихъ, узкихъ оконъ — удовлетворяли присущее ему чувство изящнаго. Онъ принадлежалъ къ людямъ, которые страдаютъ не столько отъ лишеній, сколько отъ вульгарныхъ претензій на моду и вкусъ.

Сегодня, противъ обыкновенія, м-ръ Иглезіасъ, отказавшись отъ обѣда въ обществѣ хозяйки, преданной ея помощницы миссъ Элизы Гартъ и троихъ джентльменовъ-гостей, одиноко пообѣдалъ

у себя, и Фредерикъ, лакей-швейцарецъ, только-что убралъ со стола. Въ обыкновенное время м-ръ Иглезіасъ досталъ бы изъ своей рѣзной краснаго дерева испанской библіотечки одну изъ любимыхъ своихъ книгъ, дѣйствовавшихъ на него успокоительно, какъ разговоръ со старымъ другомъ, но сегодня ни „Донъ-Кихотъ", ни Гиббонъ, ни поэмы Байрона, ни Кальдеронъ—не привлекали его. Его мысли, его судьба—наполняли весь его горизонтъ, не оставляя мѣста для мыслей и жизней другихъ людей. Уже не разъ въ теченіе своей трудовой, монотонной „добродѣтельной" жизни онъ чувствовалъ себя выброшеннымъ на берегъ кораблемъ. Суждено ли ему сидѣть на мели—добычею непогодъ и солнечныхъ лучей, покуда онъ не превратится въ развалину, или благодѣтельный приливъ подхватитъ его, и онъ снова поплыветъ по синимъ морямъ?

Первое крушеніе онъ смутно помнилъ сквозь туманъ дѣтскихъ лѣтъ: гулъ возстанія, пушки, кровь, поспѣшное бѣгство изъ Испаніи, родной страны его отца. Съ тѣхъ поръ мать его постоянно жила въ Лондонѣ, въ Кенсингтонѣ, въ старинномъ запущенномъ домѣ, темномъ и таинственномъ, съ небольшимъ садомъ—очаровательнымъ весною и бывшимъ источникомъ восторговъ и мечтаній для маленькаго, росшаго въ одиночествѣ Доминика, населявшаго домъ и садъ призраками своей фантазіи. Отецъ его, серьезный и озабоченный, изрѣдка пріѣзжалъ къ нимъ на короткое время, и въ эти короткіе пріѣзды домъ оживалъ, хотя они совершались какъ-то втайнѣ, что̀ понималъ даже мальчикъ. Появлялись и уходили странные люди, съ которыми входилъ духъ страха, требовавшій, чтобы двери запирались и окна занавѣшивались. При Доминикѣ они почти всегда молчали, но какъ только его уводили въ дѣтскую, они становились краснорѣчивы и разговаривали между собою на звучномъ иностранномъ языкѣ. Сознаніе тайны, широкихъ замысловъ, чего-то одновременно сильнаго и скрытаго, непонятнаго для него и не допускавшаго разспросовъ—окружало дѣтство Доминика и вплелось въ работу его мысли. Мать его, безконечно нѣжная къ нему, жила въ атмосферѣ затаеннаго энтузіазма и вѣчной, безмолвно переносимой тревоги. Эта серьезность и чувство какой-то отвѣтственности—отразились на ребенкѣ, подавляя врожденную его живость и настраивая даже смѣхъ его на болѣе сдержанный тонъ.

Лишь много лѣтъ спустя, читая уже послѣ смерти матери ея переписку съ мужемъ, сынъ получилъ ключъ къ загадкѣ и понялъ, какой гнетъ лежалъ на немъ съ дѣтства. Отецъ его былъ анархистомъ—изъ числа самыхъ непримиримыхъ, становя-

щихся въ концѣ концовъ тиранами—въ ихъ стремленіи уничтожить всякую власть и всякую общественность. Мать Доминика полюбила его со всею преданностью и жаромъ своей ирландской натуры. То, что она выстрадала, живя въ постоянномъ страхѣ за него, было такъ ужасно, что свято чтившій память ея Доминикъ старался объ этомъ не думать.

Когда мальчику было четырнадцать лѣтъ, отецъ его отправился въ одно изъ своихъ неожиданныхъ путешествій, цѣль которыхъ оставалась всегда тайною. Время отъ времени отъ него получались письма изъ Парижа, Неаполя, Праги и, наконецъ,—изъ Петербурга, затѣмъ послѣдовали устныя сообщенія одного изъ бывшихъ его сподвижниковъ—француза Паскаля Пеллетье, длинноволосаго истерическаго субъекта съ ангельскимъ лицомъ, бредившаго адскими машинами—въ теоріи, и безконечно преданнаго на практикѣ м-ссъ Иглезіасъ и юному Доминику. Но кроткій анархистъ простудился холодною зимою и кончилъ скоротечною чахоткою, а съ его смертью прекратились всякія извѣстія о „вождѣ“.

Доминикъ, усердно занимавшійся въ школѣ, не ощутилъ въ своей жизни особаго пробѣла вслѣдствіе прекращенія этихъ извѣстій,—такъ бывало и ранѣе, странникъ всегда возвращался неожиданно,—но онъ всѣмъ сердцемъ оплакивалъ многорѣчиваго Паскаля съ его кроткими глазами. Домикъ на Голландъ-Стритъ становился съ годами все тише, и Доминикъ, еще полный юношескимъ оживленіемъ, сразу затихалъ, переступая порогъ его, и его легкіе шаги становились еще безшумнѣе, когда онъ поднимался по старой лѣстницѣ.

— Когда отецъ твой вернется, мы рѣшимъ, какую профессію ты изберешь, мой Доминикъ,—говорила обыкновенно его мать; но прежде чѣмъ онъ достигъ юношескаго возраста, Доминикъ инстинктивно понялъ, что ему придется самому о себѣ позаботиться. Мать его была, очевидно, больна. Въ чемъ состояла ея болѣзнь — онъ не могъ бы сказать, — ему казалось кощунственнымъ касаться этого предмета. Она сохранила свою красоту,—хотя сильно исхудала, словно ее пожирала внутренняя лихорадка, — а также присущую ей своеобразную грацію и манеру одѣваться, но ее преслѣдовали странныя фантазіи, припадки страха; она переставала понимать дѣйствительность, погружалась въ глубокую меланхолію. Со смерти Паскаля Пеллетье, она перестала выходить изъ дому и прекратила всякія сношенія съ живымъ міромъ. Живой по природѣ, гордый и самолюбивый мальчикъ тоже становился печальнымъ и задумчи-

вымъ. Одно было ясно для него: всѣмъ его честолюбивымъ мечтаніямъ—конецъ, онъ не можетъ оставить мать.

Много пришлось ему побродить по огромному, страшному, чужому Лондону, жившему лихорадочною жизнью по вечерамъ, прежде чѣмъ онъ нашелъ себѣ занятіе въ банкирской конторѣ, гдѣ ему предложили сначала временно замѣнить м-ра Джорджа Лёвгрова, внезапно заболѣвшаго. Знаніе иностранныхъ языковъ, недюжинныя способности и трудолюбіе его — были замѣчены, и онъ остался на постоянной службѣ. Съ тѣхъ поръ прошли года дѣловой рутины; теперь ему уже было за пятьдесятъ, и, глядя на сумрачный закатъ, онъ съ грустью думалъ о своемъ прошломъ и будущемъ.

II.

То, что случилось сегодня поутру, казалось Иглезіасу ироніей судьбы.

Лондонъ, бывшій до сихъ поръ его тюремщикомъ и надсмотрщикомъ, неожиданно далъ ему свободу. Оскорбленный въ своемъ самолюбіи, выбитый изъ колеи, Иглезіасъ спрашивалъ себя: что ему дѣлать съ этимъ даромъ,—съ остатками своей жизни?

Ему отказали отъ мѣста.

Сегодня онъ испросилъ аудіенцію у сэра Абеля Баркинга, съ тѣмъ, чтобы попросить его о болѣе раннемъ отпускѣ, въ виду того, что онъ чувствуетъ себя несовсѣмъ здоровымъ.

— Тяжесть въ головѣ, боли?.. Понимаю! Вамъ затруднительно справляться съ механизмомъ нашихъ финансовыхъ операцій, который становится все болѣе сложнымъ? — протянулъ сэръ Абель.—Сознаюсь, любезный другъ, что я несовсѣмъ подготовленъ къ этому заявленію.

— Насколько мнѣ извѣстно, моя работа не пострадала ни въ какомъ отношеніи,—спокойно вставилъ Иглезіасъ.

— Конечно, конечно. Я не жалуюсь, ничуть. Но операціи наши расширились, такъ расширились, благодаря замѣчательной личной энергіи и американскому методу, введеннымъ въ дѣло моимъ племянникомъ Реджинальдомъ, что вамъ, быть можетъ, уже не подъ силу оріентироваться въ нихъ...—Сэръ Абель произнесъ цѣлую рѣчь. Новое дѣло требуетъ новыхъ людей, громаднаго напряженія, тяжелой отвѣтственности. Онъ самъ, со всей его многолѣтнею финансовою опытностью, иногда чувствуетъ себя подавленнымъ лежащимъ на немъ бременемъ отвѣтственности.

Банкиръ говорилъ напыщенно, безсвязно, съ длинными паузами, опираясь одною пухлою рукою о край полированнаго стола, между тѣмъ какъ другая рука его небрежно лежала на спинкѣ кресла, и время отъ времени онъ незамѣтно поднималъ глаза на свой собственный портретъ, на которомъ онъ былъ изображенъ въ той же позѣ. Иглезіасъ исполнилъ свой долгъ,— онъ можетъ съ честью удалиться. Онъ счастливъ. Другіе желали бы это сдѣлать, но не могутъ: на нихъ лежатъ обязательства передъ обществомъ, передъ отечествомъ. Высокое положеніе обязываетъ...

Смыслъ рѣчи былъ ясенъ: ты устарѣлъ, выслужилъ пенсію, имѣешь сбереженія, будь благодаренъ и уходи...

На мигъ у Иглезіаса мелькнула мысль — швырнуть своему хозяину въ лицо эти заработанныя имъ тяжелымъ трудомъ деньги. Служба въ банкѣ Баркингъ и К⁰ взяла его молодость, его силы. Онъ считалъ интересы фирмы своими, и въ трудныя времена, быть можетъ, не разъ спасалъ готовый потерпѣть крушеніе корабль. Его разумность и осмотрительность высоко цѣнились понимающими дѣло. А теперь его самого выбрасываютъ за бортъ. Гордость подсказывала ему: откажись, отвергни дары данайцевъ!—Здравый смыслъ говорилъ: эти деньги по праву— твои! — Чувство собственнаго достоинства заявляло: не подавай виду, что ты оскорбленъ, ступай домой и обдумай все на свободѣ.

И онъ поступилъ такъ, какъ ему подсказывало чувство собственнаго достоинства.

Дорогою первый пылъ гнѣва успѣлъ остыть, но онъ чувствовалъ себя растеряннымъ. Два новыхъ лица заглянули къ нему: одиночество и свобода. Онъ зналъ о ихъ существованіи, но ему въ его занятой жизни не приходило на умъ, что они имѣютъ къ нему какое-нибудь отношеніе. У него не было для нихъ времени, но они терпѣливо ожидали его, и теперь онъ понялъ, что ему придется волею-неволею открыть имъ двери.

На обратномъ пути онъ занялъ въ омнибусѣ наружное мѣсто. Вечеръ былъ душный, грозовый, и какъ ни удручали Иглезіаса его собственныя мысли, онъ не могъ не обратить вниманія на потокъ экипажей, занятыхъ разряженною, оживленною публикою, очевидно куда-то стремившеюся. Этотъ блескъ и оживленіе смутно напомнили ему, отставному банковскому дѣльцу, о какой-то иной, невѣдомой жизни, къ которой его когда-то влекло. Онъ даже узналъ среди проѣзжающихъ младшаго сына сэра Абеля, очаровательнаго вѣтрогона, сорившаго деньгами, и

лэди Сокингтонъ, родственницу Баркинговъ, которой онъ, въ качествѣ старшаго служащаго, имѣлъ честь поднести, лѣтъ двадцать тому назадъ, дорогой сервизъ отъ имени своихъ сослуживцевъ по случаю ея свадьбы. Съ ними была еще одна особа: очень молодая, прелестная дѣвушка. Ея поза, поворотъ хорошенькой головки въ шляпкѣ съ блѣднорозовыми и сѣрыми перьями—все обличало въ ней желаніе понравиться своему спутнику. Иглезіасъ подумалъ, что они, дѣйствительно, были очень милою парочкой, и его рыцарское сердце преисполнилось по отношенію къ нимъ симпатіей и благоволеніемъ. И вдругъ онъ содрогнулся, такъ какъ ему стало ясно, что къ двоимъ непрошеннымъ гостямъ—одиночеству и свободѣ—присоединилась третья гостья—старость. Не взирая на кротость души его и врожденную склонность къ самообузданію, въ немъ еще несовсѣмъ улеглись первоначальные порывы и запросы. Старость—страшная посѣтительница, даже для тѣхъ, чья жизнь чиста и требованія—умѣренны. Она даетъ испить отъ чаши не наслажденія, но терпѣнія, физической слабости и умственнаго униженія, и отъ ея власти единственное спасеніе—смерть.

Въ первую минуту Иглезіасъ возмутился, но, будучи благоразуменъ, онъ призналъ неумолимую логику фактовъ. Послѣ короткой паузы, призвавъ на помощь гордость, являющуюся союзницею мужества, онъ съ тою утонченною вѣжливостью, которая доставила ему прозваніе „стараго гидальго", обратился къ кондуктору, помѣщавшемуся рядомъ съ нимъ, съ вопросомъ о томъ, куда направляется публика?

Кондукторъ приподнялъ свое широкое потное лицо и объяснилъ не безъ оттѣнка снисхожденія, что всѣ спѣшатъ на состязаніе въ игрѣ въ „поло". Самая модная игра. Многіе ломаютъ себѣ шею, калѣчатъ лошадей...

Звонокъ и остановка прервали его объясненіе, но Доминикъ Иглезіасъ былъ удовлетворенъ. Всѣ эти люди, включая Аларика Баркинга и его милую спутницу, стремились на поиски удовольствія—неуловимаго, но важнаго фактора, снимающаго съ людей излишнее бремя заботы, возвращающаго имъ равновѣсіе, помогающаго имъ надѣяться, смѣяться, забывать. И сознавая близость одиночества и старости, Иглезіасъ впервые обратилъ на людей, ищущихъ удовольствія, болѣе серьезное вниманіе. Быть можетъ, они были обладателями тайны, которая давала имъ радость жизни. Попытаться овладѣть ею? Но какъ осуществить это на практикѣ? Какъ разложить ее на ея составныя части—внутреннюю и внѣшнюю?

Такимъ образомъ, трудовая глава его жизни была закончена, и м-ръ Иглезіасъ, по уходѣ Фредерика, убравшаго со стола, почувствовалъ пустоту и смутное раздраженіе противъ окружавшей его мирной обстановки. Между тѣмъ изъ общей гостиной къ нему доносились звуки веселья, весьма умѣреннаго, конечно, но все же не особенно успокоительно дѣйствовавшіе ему на нервы.

Маленькій мистеръ Фарджъ выводилъ тонкимъ теноркомъ модные куплеты подъ аккомпаниментъ своего друга и поклонника, мистера Уортингтона. Изъ окна Иглезіасъ видѣлъ освѣщенныя окна столовой м-ссъ Лёвгровъ, и ему казалось, что эти огоньки — глаза, смотрящіе на него съ укоромъ. Не пойти ли туда, не разсказать ли старому другу о случившемся и избавить себя такимъ образомъ отъ вокальныхъ упражненій Фарджа? Но гордость его какъ-то возмущалась противъ этого. Оба они, мужъ и жена—добрѣйшіе люди, но они скажутъ именно то, чего не надо говорить. Они не поймутъ. Джорджъ предложитъ, въ виду утѣшенія, пріискать ему мѣсто; жена его снова подниметъ вопросъ о женитьбѣ. Все это будетъ сказано съ самыми лучшими намѣреніями, но сегодня кожа его такъ чувствительна къ малѣйшему уколу, что онъ не можетъ отнестись къ этому съ философскою терпимостью.

Онъ отошелъ отъ окна—фигура у него была высокая, осанистая—и прошелся по комнатѣ. Онъ чувствовалъ себя страшно одинокимъ; его прямо пугала образовавшаяся внутри и вокругъ него пустота. Совѣсть его была чиста: онъ пожертвовалъ личнымъ счастьемъ и личнымъ самолюбіемъ самому дорогому для него существу, и еслибы ему пришлось начать жизнь сызнова, онъ, не колеблясь, сдѣлалъ бы то же самое. И все же—вотъ расплата.

— Рутина все вытравила изъ меня,—говорилъ онъ себѣ съ горечью:—я потерялъ гибкость, способность общенія съ людьми. Я сталъ машиною, не человѣкомъ, а для машины работа—жизнь. Работа кончена — кончена и жизнь, машина становится ненужнымъ хламомъ, и ее продаютъ на сломъ. — Что ожидаетъ его? Годы постепеннаго умственнаго и тѣлеснаго разрушенія, безсмысленное убиваніе времени, возрастающій эгоизмъ и узость взглядовъ, быть можетъ, въ концѣ концовъ—отвратительная старческая чувственность. О, Доминикъ Иглезіасъ, этимъ ли безобразнымъ путемъ суждено тебѣ идти?

Изъ окна зловѣщимъ аккомпаниментомъ къ легкомысленному чириканью м-ра Фарджа отвѣтно звучалъ голосъ громаднаго города — глухой, многотысячный, грубый, безъ повышеній, но и

безъ малѣйшаго перерыва. Это напомнило Иглезіасу его первыя скитанія по Лондону въ поискахъ занятій: молодость, энергію, красоту, то время, когда Лондонъ казался ему живымъ собирательнымъ чудовищемъ, грознымъ въ своей таинственной силѣ, вѣчно чреватымъ рожденіями, вѣчно грозящій смертью.

„Я честно служилъ тебѣ; ты много взялъ у меня и мало далъ мнѣ, но я уже не уйду отъ тебя, хотя я—чужой тебѣ по происхожденію, по образу мыслей, по темпераменту".

Невольно пугаясь налетѣвшихъ на него въ сумракѣ мыслей, Иглезіасъ постарался сосредоточить свой умъ на практическихъ вопросахъ, и ему какъ-то сразу стало ясно, что онъ имѣетъ неоспоримыя права на пенсію. Онъ будетъ жить и тратить ее; работа сдѣлала изъ него машину, онъ попытается стать человѣкомъ. Онъ проживетъ такъ долго, что сэру Абелю надоѣстъ выплачивать ему пенсію. Это будетъ его местью бездушной восковой фигурѣ, изрекающей широковѣщательныя пошлыя фразы. Иглезіасу вспомнился портретъ сэра Абеля, эта талантливая каррикатура на псевдо-великаго человѣка, и онъ почувствовалъ невольное удовлетвореніе.

При свѣтѣ газовыхъ рожковъ Иглезіасъ увидѣлъ приближавшуюся къ подъѣзду невѣрными шагами фигуру, въ которой узналъ третьяго жильца м-ссъ Парчеръ, недавно поселившагося въ Кедровомъ коттеджѣ. М-ссъ Парчеръ отзывалась о немъ какъ о джентльменѣ „весьма вліятельномъ въ литературныхъ и артистическихъ сферахъ, но несчастномъ въ своей семейной жизни". Онъ носилъ звучное имя Декурси-Смитъ.

Съ минуту онъ простоялъ въ нерѣшимости, ярко освѣщенный падавшимъ ему въ лицо свѣтомъ. Подъ легкимъ пальто на немъ былъ вечерній костюмъ; свою мягкую фетровую шляпу онъ держалъ въ рукѣ. Лицо у него было блѣдное, опухшее, рѣдкіе рыжеватые волосы и бородка—растрепаны; онъ производилъ впечатлѣніе человѣка совершенно опустившагося, страдавшаго, можетъ быть, по собственной винѣ отъ всевозможныхъ лишеній.

Доминикъ слышалъ его тяжелые шаги по лѣстницѣ; стукъ отпираемой двери, звонъ паденія каминныхъ щипцовъ, преградившихъ путь м-ру Декурси-Смиту, а затѣмъ — скрипѣніе пружиннаго матраца, на который тотъ бросился, не раздѣваясь. Этотъ привычный звукъ вернулъ Иглезіаса къ дѣйствительной жизни. Въ гостиной пѣніе и смѣхъ давно уже смолкли. Почему-то онъ сталъ припоминать сцены изъ своей дѣтской жизни, Паскаля Пеллетье съ его ангелоподобнымъ лицомъ, съ жестянкою изъ-подъ бисквитъ, заключающей какое-то адское снадобье—подъ мышкой.

Ему вспомнилось, какъ онъ едва не взорвалъ на воздухъ пестраго кота, охотившагося за воробьями: эмблема капиталиста, уловляющаго пролетаріатъ въ свои сѣти. Морда кота—широкая, бѣлая, съ маленькими хитрыми глазками и сѣрыми усами—смутно напоминала сэра Абеля. Вѣроятно, онъ увѣрялъ, что ловитъ воробьевъ для ихъ собственнаго блага. Не говорилъ ли онъ объ отвѣтственности, налагаемой богатствомъ и высокимъ положеніемъ?

Доминикъ понялъ, что онъ усталъ, что его начинаетъ клонить ко сну; онъ раздѣлся и легъ; смутныя воспоминанія дѣтства какъ-то размягчили и убаюкали его. Голосъ Лондона тоже звучалъ слабѣе и по временамъ словно прерывался. Онъ заснулъ.

III.

На протяженіи четверти мили возвышался плотно сколоченный высокій некрашенный заборъ, за которымъ виднѣлись вершины гигантскихъ, поднимавшихся къ небу вязовъ и слышался топотъ лошадей, мчавшихся во весь опоръ по травѣ, восклицанія, свистъ палочекъ „поло“ въ воздухѣ и стуканье деревянныхъ шаровъ. Очевидно, тамъ происходило состязаніе въ модной игрѣ, но, къ своему несчастію, Иглезіасъ очутился по другой сторонѣ загородки, и изъ замѣчаній направлявшаго потокъ экипажей монументальнаго полисмэна онъ узналъ, что на арену „поло“, какъ и въ другія завидныя мѣста, можно проникнуть лишь съ помощью билета и притомъ—съ противоположной стороны. Доминикъ оказался въ числѣ людей, попавшихъ не туда, куда слѣдовало. Сначала это раздосадовало его, но непривычная долгая ходьба и свѣжій воздухъ привели его въ хорошее настроеніе. Выбравшись изъ толпы, онъ пересѣкъ дорогу и присѣлъ на деревянной скамьѣ, манившей къ отдыху. Кругомъ разстилались поля, зеленѣли кусты, на боярышникѣ еще сохранился бѣло-розовый цвѣтъ, и птицы перелетали съ вѣтки на вѣтку. Въ ихъ веселомъ отрывистомъ чириканьи ясно слышались вопросъ и отвѣтъ. Вдали, позади линіи желѣзной дороги, поднимались густо поросшіе лѣсомъ холмы Рогемптона и Шина, а на ихъ пурпурно-зеленомъ фонѣ рельефно выдѣлялись рѣзкія бѣлыя линіи и углы строеній станціи, испещренныхъ краснымъ и чернымъ, на подобіе гигантскихъ буквъ какой-то странной азбуки. На большой дорогѣ шипѣли моторы и медленно двигались экипажи; кучера и лакеи отдыхали и курили, ожидая окончанія игры и возвращенія домой—къ лондонской жарѣ и дыму.

Иглезіасъ наслаждался солнечнымъ свѣтомъ и отдыхалъ, но какъ только усталость прошла, мысль его снова заработала. Цвѣты—и тѣ инстинктивно тянутся къ солнцу. Почему онъ уклонился отъ жизни,—не изъ трусости ли, не изъ малодушія ли? Кто знаетъ?!

Повелительный голосъ, въ которомъ слышался, однако, смѣхъ, прервалъ его невеселыя думы.

— Каппадочіа! Сюда! Ахъ, ты, маленькая дрянь!

Тутъ Доминикъ замѣтилъ, что онъ не одинъ занимаетъ скамейку. Рядомъ съ нимъ сидѣла крошечная испанская болонка. Она примостилась къ нему и смотрѣла на него забавно выпуклыми глазами. Ея окаймлённыя коричневымъ уши, мягкія и лоснящіяся какъ шелкъ, висѣли двумя длинными бандо по обѣимъ сторонамъ ея миніатюрной меланхолической мордочки. Она высунула кончикъ краснаго языка, и общее выраженіе ея было самодовольно-серьезное. Она положила одну мохнатую лапку на рукавъ Иглезіаса и потянула воздухъ.

— Каппадочіа, ты самая негодная изъ собаченокъ!..

Говорившая внезапно расхохоталась—не безъ оттѣнка лукаваго торжества, и м-ръ Иглезіасъ вдругъ очутился лицомъ къ лицу съ молодою женщиной. Она медленно подходила, небрежно поддерживая рукою свои кружевныя юбки. На плечи ея былъ наброшенъ шарфъ, на которомъ золотомъ и шелками были вышиты китайскіе драконы. Эти нѣсколько яркіе цвѣта повторялись въ листьяхъ и цвѣткахъ настурціи, украшавшихъ ея кружевную шляпу цыганскаго типа, завязанную узкою красною бархатною лентою подъ подбородкомъ. Она держала подъ мышкою другую такую же крошечную собачку, головка которой забавно выглядывала изъ-подъ развѣвавшихся при ходьбѣ драконовъ. Лицо ея было въ тѣни широкополой шляпки, но солнце озаряло всю ея фигуру, и она казалась чѣмъ-то яркимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ воздушнымъ, подобно столбу пыли, пронизанному солнечнымъ лучомъ.

Это впечатлѣніе чего-то ненастоящаго, чуждаго дѣйствительной жизни, лишило Иглезіаса его обычной, исполненной достоинства вѣжливости; онъ вытаращилъ глаза на приближавшееся видѣніе. Собачка еще плотнѣе прижалась къ нему.

— Пожалуйста, не безпокойтесь! Я знаю, что неловко надоѣдать людямъ, но если Каппадочіа не идетъ ко мнѣ, я должна идти къ ней. Горничныя положительно отказываются водить ее—даже на цѣпочкѣ. Она ужасно боится или дѣлаетъ видъ, что боится моторовъ. При видѣ ихъ она забываетъ свои аристокра-

тическія манеры и ищетъ покровительства у перваго встрѣчнаго. Она готова укрыться въ самыхъ невозможныхъ мѣстахъ. Она совсѣмъ не нынѣшняго вѣка.

Всего благоразумнѣе было бы встать и уйти, но въ этотъ мигъ обѣ собачки, молодая женщина, ея разговоръ — казались Доминику, только-что порвавшему съ „рутиной", чѣмъ-то настолько неправдоподобнымъ, что онъ не могъ отнестись къ нимъ серьезно. Пусть ее болтаетъ, если хочетъ.

— Я самъ—отчасти чуждъ нынѣшнему вѣку. Быть можетъ, потому вашъ кингъ-чарльзъ и почуялъ во мнѣ родственную душу, —отвѣтилъ онъ съ оттѣнкомъ усталости.

— Но вѣдь вы во всякомъ случаѣ не современникъ Чарльза II-го? отвѣтила она быстро.

Она нѣсколько дерзкимъ движеніемъ приподняла подбородокъ, и теперь Иглезіасъ могъ разсмотрѣть ея лицо. Оно было миніатюрно, черты его незначительны, кожа гладкая, но желтоватая. Ея черные, очень густые волосы были низко зачесаны и прикрывали пышными бандо ея уши. Губы ея были очень красны, а пятна слабаго румянца на щекахъ даже и неопытнаго м-ра Иглезіаса наводили на мысль о гримѣ. Зато глаза ея рѣзко отличались отъ всей ея внѣшности. Они принадлежали женщинѣ совсѣмъ иной породы, женщинѣ съ тонкой организаціей, высшей интеллигентностью, болѣе благородными стремленіями. Они были очень велики и еще уменьшали собою размѣры ея лица; цвѣтъ ихъ былъ нѣжный, свѣтло-карій, а прозрачность бѣлка и голубоватый цвѣтъ его напоминали дѣтскіе глаза. Въ выраженіи ихъ было тоже нѣчто дѣтское, когда она устремила ихъ на Доминика Иглезіаса.

— Быть можетъ, Каппадочіа и дура, когда дѣло идетъ о моторахъ, но она большая умница по части оцѣнки характеровъ. Вы ей понравились, значитъ вы—хорошій человѣкъ... Я присяду здѣсь. Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не уходите. Весь интересъ —именно въ томъ, чтобы вы остались.

Такимъ образомъ Доминикъ Иглезіасъ и дама въ платьѣ цвѣта поднимаемой вѣтромъ пыли размѣстились по обоимъ концамъ скамьи, съ двумя нелѣпыми очаровательными собачками—по серединѣ. И она продолжала болтать. Голосъ у нея былъ нѣжный и звучный, съ меланхолическими и смѣющимися нотами и едва уловимымъ вульгарнымъ оттѣнкомъ въ интонаціяхъ. Иглезіасъ слушалъ ее такъ, какъ будто бы ихъ раздѣляла рампа.

Сейчасъ она уйдетъ со своими собачками—и представленіе окончится.

— Я люблю вести дѣло на чистоту, и если въ концѣ концовъ мнѣ захочется узнать что-нибудь о васъ, я все же начну съ себя и своихъ. Вотъ это,—она тихонько потеребила за ухо собачку, — м-ръ Вилли. Не очень аристократическое имя, не правда ли? Но Каппадочіа разыгрываетъ изъ себя такую герцогиню, что нужно было такъ или иначе сбить съ нея спѣсь. И одинъ изъ моихъ друзей нашелъ, что mésalliance—лучшее для этого средство. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы васъ презирало въ вашемъ собственномъ домѣ существо величиною съ ноготокъ! Она всегда была слишкомъ аристократична для меня. Я знала даму, которая, выйдя замужъ за мистера Синтгильса, купила ему титулъ графа д'Оппиталь; она соглашалась на то, чтобы онъ колотилъ ее зонтикомъ, лишь бы у этого зонтика была ручка съ короною. Каппадочіа—изъ той же породы. Внѣшность для нея—все. Но вѣдь лучше сдѣлать изъ нея м-ссъ Вилли, нежели бить ее,—не правда ли?

М-ръ Иглезіасъ серьезно согласился съ этимъ. Дама поправила на плечахъ шарфъ со сверкающими драконами и посмотрѣла на куполообразныя вершины вязовъ.

— Мнѣ пріятно слышать вашъ голосъ. Нашъ разговоръ былъ нѣсколько однобокимъ. Я боялась, что надоѣдаю вамъ, но теперь вы меня поощрили, и я продолжаю. Мое имя—Пеппи, Пеппи Сентъ-Джонъ, м-ссъ Сентъ-Джонъ... Вамъ нравится?

— Вполнѣ, — отвѣтилъ м-ръ Иглезіасъ; ея беззастѣнчивая развязность начала забавлять его. Вѣдь онъ искалъ развлеченія, не въ этой формѣ, разумѣется, но зачѣмъ же отказываться отъ него?

— Я рада, что оно нравится вамъ. Мой другъ былъ правъ. Отъ имени не отдѣлаешься, и какимъ бы совершенствомъ ни былъ мужъ, трудно бываетъ простить ему, если онъ наградитъ васъ глупой фамиліей. Мнѣ всего двадцать-три... впрочемъ—нѣтъ, по вашему лицу я вижу, что вамъ противна всякая, даже пустяшная ложь... Мнѣ двадцать-девять лѣтъ.

Она остановила на Доминикѣ свои загадочные глаза, которые одновременно подчеркивали и скрашивали банальность ея лица, точно такъ же, какъ нѣжность ея голоса и сдержанность манеръ умѣряли рѣзкость словъ и нѣкоторую вульгарность интонаціи.

— Вотъ и все, что вы вправѣ знать—покуда; говорю: покуда, если, благодаря Каппадочіи, нашему знакомству суждено продлиться. Она, очевидно, страшно плѣнилась вами, а я считаю ее способной на продолжительную привязанность.

Пеппи тихо разсмѣялась и поглядѣла на м-ра Иглезіаса изъ-подъ полей своей шляпки.

— Ну, а теперь—ваша очередь. Выкладывайте все на чистоту. Кто вы такой, ради всего святого? Я все время думаю и раздумываю объ этомъ...

Иглезіасъ съ неудовольствіемъ выпрямился, но на нее невозможно было сердиться; ея добродушіе обезоружило его.

— Кто я такой? Никто!—отвѣтилъ онъ серьезно.

— Вотъ такъ новость! Не имѣть имени—такъ же странно, какъ не имѣть тѣни. Будетъ вамъ морочить меня. Карты на столъ и будемъ играть въ открытую. Другими словами: что̀ вы дѣлаете?

— Со вчерашняго дня—ничего.

Незнакомка посмотрѣла на него съ возрастающимъ интересомъ.

— Но, кроткій мой помѣшанный, не со вчерашняго же дня началось ваше знакомство съ нашею планетою? Этого не можетъ быть, хотя вы и моложавы, и очень красивы. Поэтому, если вамъ все равно, мы начнемъ съ по-за-вчера.

Серьезность Иглезіаса не устояла, онъ улыбнулся.

— Я служилъ тридцать-пять лѣтъ въ банкѣ.

— Что̀ такое?—порывисто воскликнула Пеппи:—за какую идіотку вы меня принимаете? Если ужъ вы хотите сочинять, то придумайте что-нибудь болѣе правдоподобное, а это—недостойно васъ.

Она надула губы и покачала головою въ знакъ величайшаго неодобренія.

— Не ребячьтесь,—продолжала она,—ваша выдумка прозрачна до глупости... Вы—самый изящный съ виду человѣкъ, какого я только видала, исключая лорда... все равно, какъ его зовутъ,—вы служили клеркомъ въ Сити? Это—извините меня... Пеппи щелкнула пальцами, какъ кастаньетами, отъ чего обѣ собачки вздрогнули,—можете разсказывать такія сказки выжившей изъ ума слѣпорожденной... Дудки!

Доминикъ Иглезіасъ расхохотался. Со времени смерти Паскаля онъ, кажется, ни разу такъ не смѣялся.

Пеппи слѣдила за нимъ смѣющимися глазами. Выраженіе у нея было самое милое и естественное, чуть-чуть материнское. Но Иглезіасъ этого не замѣтилъ.

— Вотъ и хорошо,—проговорила она:—я видѣла, что съ вами что-то неладно. Нужно было васъ расшевелить, а теперь бросьте сочинять и скажите правду.

— Къ несчастью, я уже сдѣлалъ это.

— И вы хотите меня увѣрить, что тянули эту лямку ежедневно въ теченіе столькихъ лѣтъ?

— Я отдыхалъ по воскресеньямъ, а затѣмъ два раза пользовался отпусками: одинъ разъ—на три недѣли, другой разъ—на двѣ.

Онъ уже не смѣялся; ему доставляло горькое удовольствіе сознаваться передъ этимъ легкомысленнымъ существомъ женскаго рода въ скудости своей жизни.

— И вы ухитрились сохранить такой видъ? Сознаюсь, что вы поразили меня. Но вы не похожи на англичанина.

— По происхожденію я испанецъ, — сказалъ Иглезіасъ нѣсколько холодно.

— Только, пожалуйста, не замораживайтесь сызнова! У насъ только-что дѣло пошло на ладъ. А вы давно въ Англіи? Я не хочу касаться вопроса о годахъ, хотя вы — изъ тѣхъ счастливцевъ, для которыхъ года не существуютъ.

— Меня привезли сюда, когда я былъ ребенкомъ. Мать моя—ирландка.

Онъ поднялъ глаза къ лѣсистымъ скатамъ Рогемптона и Шина, на фонѣ которыхъ станціонныя строенія выдѣлялись рѣзкими чертами, напоминавшими буквы гигантской азбуки.

Пахло свѣжимъ сѣномъ и чирикали птицы, но Доминика вдругъ охватила тоска; онъ снова увидѣлъ передъ собою непрошенныхъ гостей: одиночество и старость.

— А ваша мать еще жива?—спросила Пеппи съ едва уловимою насмѣшкой.

Иглезіасъ вдругъ гнѣвно обернулся къ маленькой женщинѣ въ платьѣ цвѣта пыли. Она слишкомъ близко подошла къ нему, перешагнувъ черезъ рампу,—не были ли ея губы накрашены?—и прикоснулась руками къ тому, что было для него священно. Онъ разсердился на нее и на себя за то, что, отбросивъ обычную свою сдержанность, онъ отвѣчалъ на ея разспросы и прислушивался къ ея сумасбродной болтовнѣ. Онъ сразу поднялся—помолодѣвшій и надменный.

— Боже сохрани!—воскликнулъ онъ: — святая и мученица, она избавлена отъ житейской грязи. Она умерла. Мнѣ пора идти, — проговорилъ онъ, овладѣвъ собою, — нашъ разговоръ и такъ былъ довольно дологъ.

Но Пеппи Сентъ-Джонъ странно измѣнилась. Смѣлость совершенно покинула ее; она сидѣла, вся сжавшись въ комочекъ, маленькая и жалкая; глаза ея были наполнены слезами.

— Нѣтъ, нѣтъ, не уходите!—воскликнула она съ дѣтскою мольбой.—Почему вы уходите? Вы мнѣ нравитесь, и я не хотѣла васъ обидѣть. Сегодня у меня былъ чертовски непріятный день, и встрѣча съ вами явилась счастливымъ нумеромъ. Сама не знаю какъ—но вы принесли мнѣ пользу. Я только потому васъ разспрашивала, что вы не похожи на другихъ. Не говорите, ничего не говорите... Вы были правы. Вы—хорошій.

Слова сыпались съ ея устъ съ такою быстротою, что онъ едва понималъ ихъ значеніе, но одно было для него ясно, что это легкомысленное созданіе—человѣкъ, такъ какъ она способна страдать.

— Не уходите, я очень несчастна. Присядьте, я все вамъ объясню. Видите ли, я ожидала друга. Мнѣ было необходимо сказать ему одну вещь, и я не спала половину ночи, собираясь съ духомъ, чтобы сказать ему это. А онъ не пришелъ. Я ждала его — часъ за часомъ, всѣ нервы у меня измотались. Чего я только не передумала — всякіе ужасы мнѣ представлялись...

Пеппи отерла глаза.

— Простите, я сейчасъ оправлюсь. Вы говорите, что вы— никто, и дѣлать вамъ нечего, слѣдовательно вамъ некуда спѣшить. Со мною иногда такъ бываетъ. Это очень глупо, конечно, но какая-нибудь бездѣлица меня разстроитъ — и я пойду, пойду фантазировать... Не думаете ли вы, что вамъ лучше сѣсть? Я принуждена говорить такъ громко, что прохожіе будутъ посвящены въ мои тайны. Благодарю васъ. Это очень мило съ вашей стороны. Когда открываются „шлюзы воспоминаній", какъ кто-то выразился, то хлынувшая изъ нихъ вода бываетъ зачастую грязновата, но выплываетъ и многое такое, что мы считали уже погребеннымъ...

Она остановилась и поправила свой шарфъ съ драконами.

— Вотъ почему я надѣла сегодня эту вещь. Мнѣ подарилъ ее человѣкъ, который страстно любилъ меня до моего замужества. Онъ прислалъ мнѣ ее изъ Индіи наканунѣ схватки, въ которой онъ былъ убитъ. Посмотрите.

Пеппи показала м-ру Иглезіасу концы шарфа.

— Онъ стоилъ, должно быть, кучу денегъ. Камни настоящіе и шитье золотомъ — очень массивное. Во всемъ виноваты его родные; они не считали меня подходящей партіей для него, скорѣе—для себя самихъ. Они ничего изъ себя самихъ не представляли, но имъ хотѣлось выйти въ люди: микробъ честолюбія заѣлъ ихъ, они и отправили его въ Индію. Не будь этого, все пошло бы для меня по иному; такъ думается мнѣ въ такіе

дни, какъ сегодня. А впрочемъ, — тутъ Пеппи заговорила съ прежнимъ аппломбомъ, хотя въ смѣхѣ ея еще слышались нервныя нотки, — за вѣрность мужчинъ можно поручиться только тогда, когда ихъ уже нѣтъ въ живыхъ, а разъ они умерли — какой отъ нихъ прокъ: вѣрны они или невѣрны?

Она еще разъ отерла глаза и посмотрѣла съ грустной улыбкою на м-ра Иглезіаса.

— Жизнь въ концѣ концовъ — порядочная гадость, не такъ ли? Вѣроятно, за тридцать пять лѣтъ банковской службы вы сами пришли къ тому же заключенію? Кстати, что это былъ за банкъ?

Тронутый простотою разсказа и искренностью ея исповѣди, Доминикъ машинально отвѣтилъ:

— Какой банкъ? Баркингъ и К°.

Съ секунду Пеппи сидѣла неподвижно, округливъ отъ изумленія ротъ. Затѣмъ она вдругъ рѣзкимъ движеніемъ смахнула со скамьи бѣднаго Вилли. Его мохнатыя лапки и длинныя уши мелькнули въ воздухѣ во время этого позорнаго полета, придавъ ему какой-то безумный видъ.

— Лови птицъ! — крикнула она: — лови птицъ, говорятъ тебѣ! Дѣлай движеніе, или ты растолстѣешь, какъ шаръ!

Она поощрительно захлопала въ ладоши, но маленькое животное полу-обиженно, полу-испуганно подошло къ ней. Она хлопнула его платкомъ.

— Убирайся! Неужели у тебя нѣтъ никакого самолюбія? Нечего лѣзть съ нѣжностями, когда тебя совсѣмъ не желаютъ.

Затѣмъ, не поднимая глазъ, она обратилась къ м-ру Иглезіасу:—Пожалуйста, простите, но семейныя обязанности—прежде всего. Я... я хотѣла бы спросить у васъ только одну вещь. Мое имя, я сейчасъ назвала вамъ его: Пеппи Сентъ-Джонъ... Помните?

— Помню.

— Не связано ли оно съ чѣмъ-нибудь особеннымъ? Оно ничего вамъ не напоминаетъ?

— Боюсь, что нѣтъ; извините мое невѣжество, но я жилъ вдали отъ свѣта. Я незнакомъ съ обществомъ.

— Тѣмъ лучше. Свѣтъ черезчуръ высоко цѣнится, а общество — величайшій обманъ, какой только существуетъ! — Она перестала дразнить собачку и сидѣла выпрямившись, смотря прямо въ лицо Иглезіасу своими удивительными глазами. — Если вы дорожите спокойствіемъ и независимостью, забудьте

о нихъ. Они не дадутъ ничего хорошаго такимъ людямъ, какъ вы и... я! Я ненавижу ихъ, но я принадлежу имъ, и мнѣ уже не вырваться оттуда. Что же касается васъ, — голосъ Пеппи зазвучалъ горестно и нѣжно,—они не годятся для такого милаго блаженнаго короля безъ царства, какимъ вы кажетесь мнѣ!

Она встала, подобрала свои юбки и позвала собачекъ.

— Падаетъ роса, а Каппадочіа поднимаетъ каждый разъ крикъ, когда ей случается промочить лапки. Надо вести ее домой. Вотъ моя карточка. Приходите, когда вздумается, только извѣстите меня за день. Мнѣ будетъ жаль, если вы меня не застанете или застанете у меня гостей. Каппадочіа по васъ соскучится, и я тоже. Вы хорошо повліяли на меня. Обѣщаю вамъ всегда играть въ открытую. Покойной ночи.

Солнце сіяло въ вѣнцѣ изъ пурпура и золота, переходившаго ниже въ голубоватую мглу. На востокѣ небо тоже горѣло румянцемъ, но съ мѣднокраснымъ оттѣнкомъ, и яркость лазури омрачалась облаками дыма и поднимавшихся отъ земли испареній.

Пеппи Сентъ-Джонъ медленно шла по дорогѣ; фигура ея была залита блескомъ заката, на плечахъ ея сверкали вышитые драконы; собачки смиренно бѣжали за нею по пятамъ, и нѣкоторое время она казалась ослѣпительной. Но вотъ она вступила въ полосу тѣни, отбрасываемой домиками съ балконами, и снова преобразилась въ какое-то чуждое дѣйствительности, призрачное существо, напоминавшее столбъ поднимаемой вѣтромъ пыли, въ которомъ свѣтятся золотистыя песчинки.

IV.

У м-ссъ Джорджъ Лёвгровъ происходила еженедѣльная церемонія пріемнаго дня. По этому случаю она облачилась въ свое черное атласное платье, съ добавленіемъ бѣлой кружевной косынки—дань лѣтнему времени. При своей полнотѣ она сильно страдала какъ отъ своего туалета, такъ и отъ предварительныхъ приготовленій къ пріему и опасеній, что никто не придетъ, смѣняемыхъ страхомъ, что явятся сразу слишкомъ многіе и, пожалуй, не хватитъ пирожнаго.

Но теперь этотъ подготовительный періодъ счастливо миновалъ, и она готова была ворковать отъ удовольствія, такъ какъ на софѣ рядомъ съ нею помѣщался самъ викарій, д-ръ Джемсъ Невингтонъ, заявившій, что онъ явился на этотъ разъ не по

приходскимъ дѣламъ „къ своей высокоцѣнимой сотрудницѣ“, а исключительно „съ дружескимъ визитомъ“.

Викарій, высокій, гладко выбритый брюнетъ, говорилъ звучнымъ басомъ, искусно поддѣлываясь подъ добродушно-благожелательный тонъ, которому нѣсколько противорѣчили, по словамъ его хулителей, его холодные сѣро-голубые глаза, устремленные въ ту сторону, гдѣ рисовалась ему епископская шапка.

Но м-ссъ Лёвгровъ принадлежала къ числу пламенныхъ его поклонницъ; онъ казался ей идеаломъ добраго и справедливаго пастыря. Она разспрашивала его о мѣстныхъ дѣлахъ, комитетахъ, о воскресныхъ чтеніяхъ, о здоровьи м-ссъ Невингтонъ.

— Благодарю васъ. Она бодра и энергична, какъ всегда.

— Настоящая помощница мужу въ его христіанскомъ дѣлѣ,— проворковала м-ссъ Лёвгровъ.

— Вотъ именно, она замѣчательная организаторша, и я признаю, что въ этомъ отношеніи она стоитъ выше меня. Я согласенъ взять на себя самую тяжелую часть брачнаго обѣта. Если она согласна „любить и чтить“, я готовъ ей „повиноваться“. Прекрасное правило для мужей,—не правда ли, Лёвгровъ,—когда сдѣлаешь настоящій выборъ, какъ мы съ вами,—не такъ ли?

М-ссъ Лёвгровъ расплывалась отъ удовольствія. Сегодня и ея милый разсѣянный Джорджъ былъ „на высотѣ положенія“: онъ занималъ разговоромъ и затѣмъ провожалъ до дверей двухъ богатыхъ дамъ-диссидентокъ.

Въ разгаръ этой очаровательной бесѣды хозяйкѣ пришлось встать, чтобы принять новыхъ гостей.

— Какъ ваше здоровье, м-ссъ Парчеръ? Какъ вы поживаете, миссъ Гартъ? Очень любезно съ вашей стороны. Сегодня собрались лишь немногіе друзья, но это и пріятнѣе въ такую жаркую погоду... Д-ръ Невингтонъ обаятеленъ сегодня,—она понизила голосъ:—преисполненъ высокихъ мыслей и вмѣстѣ съ тѣмъ—такъ простъ; слушать его—прямо наслажденіе.

Поощренный своими дипломатическими успѣхами, Джорджъ Лёвгровъ снова проявилъ свѣтскій тактъ. Это былъ средняго роста толстенькій человѣкъ, коротконогій и короткорукій, отчасти напоминавшій черепаху. Лицо его было круглое, бритое и до того чисто вымытое, что оно лоснилось, а свѣтло-голубые маленькіе глаза его съ ихъ дѣтскимъ выраженіемъ—производили впечатлѣніе не лишенной паѳоса неожиданности. По характеру онъ былъ безобиденъ и преисполненъ смиренія, но тѣмъ не менѣе каждая несправедливость и жестокость превращали его въ разъяренную овцу. Онъ считалъ себя счастливымъ, и бывалъ удивленъ

и обиженъ, видя въ другихъ недовольство жизнью. Рубрика самоубійствъ чрезвычайно огорчала его,—онъ считалъ ихъ актами безумія, но у Джорджа Лёвгрова было свое глубоко затаенное отъ жены горе: отсутствіе въ ихъ домѣ маленькихъ Лёвгрововъ.

Послѣ первыхъ привѣтствій онъ отвелъ въ сторону миссъ Гартъ, подъ предлогомъ разсматриванія новыхъ открытокъ. М-ссъ Парчеръ, задумчивая, аккуратная, сентиментальная, могла быть допущена къ бесѣдѣ съ викаріемъ, но „большая Элиза", потрясающая желтою гривой своихъ торчащихъ волосъ, съ ея громкимъ говоромъ и рѣзкими манерами, не годилась для такого избраннаго общества.

М-ръ Лёвгровъ питалъ нѣкоторую слабость къ Элизѣ, но она дѣйствовала на нервы его жены, и потому онъ поспѣшилъ удалить ее. Онъ былъ правъ, такъ какъ она оказалась въ шутливомъ настроеніи и сразу принялась дразнить его модною актрисою, портретъ которой онъ показывалъ ей. Очаровательное платье, стильная прическа! Вотъ бы Пышечкѣ—это ласкательное относилось къ м-ссъ Парчеръ—такъ одѣться и причесаться и послать эту карточку въ отвѣтъ на письма по поводу объявленій! Отбою бы не было отъ жильцовъ!

Она лукаво посмотрѣла на него сбоку; онъ скромно хихикнулъ.

— Вы замѣчаете, что она сегодня особенно интересна? А почему—вы навѣрное угадали, лукавый вы человѣкъ? Вы меня не проведете.

Подобно всѣмъ добродѣтельнымъ и кроткимъ людямъ, Лёвгровъ былъ польщенъ тѣмъ, что его принимаютъ за кутилу, видавшаго виды.

— Съ вами опасно разговаривать, миссъ Гартъ.

— Ну, я-то не опасна. Я достаточно хорошо вижу себя въ зеркалѣ. А вотъ я хотѣла бы разспросить васъ относительно одного близкаго вамъ человѣка. Мы съ Пышечкой очень тревожимся на его счетъ. Вотъ уже недѣля, какъ онъ не ходитъ на службу. Каковы его планы на будущее? Не можете ли вы разузнать?

— Вы меня поражаете, миссъ Гартъ. Я ничего объ этомъ не зналъ. Зайду къ нему сегодня же вечеромъ...

Но тутъ со стороны дивана послышались глубокія басовыя ноты.

— Воистину величіе нашей родины, нашей дорогой старой Англіи, связано съ процвѣтаніемъ церкви. Церковь и государство должны идти рука-объ-руку. Бѣдность нѣкоторой части духо-

венства—вопіющее зло и позоръ. Духовенство должно пользоваться вліяніемъ, играть роль въ политикѣ, откликаться на вопросы дѣйствительности; намъ не нужны мечтатели, живущіе призраками...

Басъ продолжалъ рокотать — къ удовольствію слушателей и къ смущенію горничной, которой никакъ не удавалось доложить о Доминикѣ Иглезіасѣ, стоявшемъ въ дверяхъ.

Эта недѣля произвела въ немъ перемѣну. Онъ пересталъ быть умѣреннымъ въ своихъ требованіяхъ, и страдалъ отъ безтактности и безвкусія болѣе, чѣмъ прежде. Онъ уже отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что такая-то женщина некрасива, такая-то рѣчь—неискренняя, такая-то обстановка—вульгарна. И теперь онъ уловилъ въ голосѣ викарія недостатокъ деликатности и пониманія, излишнюю самоувѣренность. Этотъ голосъ словно стремился все растоптать, и въ немъ проснулось желаніе противорѣчить.

Держась съ бо̀льшимъ противъ обыкновенія достоинствомъ и надменностью, онъ подошелъ къ хозяйкѣ. Викарій удивленно взглянулъ на него, но когда ихъ познакомили, отнесся къ нему съ видомъ покровительства, словно говорившимъ: „Не бойтесь! Я—человѣкъ свѣтскій и христіанинъ. Я не сдѣлаю вамъ ничего дурного“.

— Если я не ошибаюсь, вы носите иностранное имя? Давно ли вы въ Лондонѣ? Надѣюсь, что посѣщеніе нашей столицы произвело на васъ пріятное впечатлѣніе?

— Оно было такъ продолжительно, что первое впечатлѣніе уже успѣло изгладиться.

— Вотъ какъ? Это бываетъ со всѣми нами. Значитъ, вы постоянно здѣсь живете? Въ моемъ приходѣ? Чрезвычайно сожалѣю, что не зналъ этого ранѣе. У меня нѣтъ англійскихъ предразсудковъ. Я всегда бываю готовъ помочь иностранцу.

— Вы очень добры.

— Ничуть, ничуть. Я смотрю на это съ практической точки зрѣнія, имѣя въ виду не только отношенія пастыря къ своему стаду, но и обязанности англичанина относительно чужестранцевъ. Но я фактически не успѣваю познакомиться лично со всѣми моими прихожанами, хотя моя жена и оба кьюрета—замѣняютъ меня, гдѣ можно. Мы чередуемся. Такова моя система.

— Превосходная система!—улыбнулся м-ръ Иглезіасъ.

Сказавъ ему еще нѣсколько любезныхъ словъ и перепутавъ его фамилію,—чего Доминикъ не выносилъ,—викарій простился. М-ссъ Парчеръ съ миссъ Гартъ ушли ранѣе.

М-ссъ Лёвгровъ обратилась къ Доминику; отблескъ сіянія еще лежалъ на ея лицѣ.

— Какая добрая фея привела васъ сегодня въ такой ранній часъ? Я такъ рада, что вамъ удалось познакомиться съ д-ромъ Невингтономъ. Я видѣла, что онъ увлекся вами, онъ съ вами самъ заговорилъ, онъ—врагъ излишнихъ церемоній.

— Я это замѣтилъ.

— Вы замѣтили? Онъ старался каждаго ободрить... — м-ссъ Лёвгровъ провела платкомъ по лбу и по губамъ, она готовилась къ рѣшительному выступленію.—Вы... вы, кажется, не особенно часто бываете въ церкви, м-ръ Иглезіасъ?

— Я былъ воспитанъ въ другой вѣрѣ.

— Да, Джорджъ говорилъ мнѣ. Никто изъ насъ, конечно, не подумаетъ ставить вамъ это въ укоръ; это было ваше несчастье, но не ваша вина. Но это было такъ давно, что уже позабылось.

Доминикъ серьезно взглянулъ на нее, но было очевидно, что она не имѣетъ въ виду его обидѣть. Чувство грусти его охватило: онъ вспомнилъ о непрошенныхъ гостяхъ—одиночествѣ и старости. М-ссъ Лёвгровъ продолжала закидывать свои дипломатическіе намеки, пытаясь привлечь его въ лоно истинной церкви. Тутъ подошелъ сіяющій Джорджъ. Онъ угодилъ женѣ, а Доминикъ, бывшій для него самымъ удивительнымъ существомъ, сидѣлъ у него въ гостяхъ,—чего же ему еще желать?

— Я слышалъ новость, Доминикъ,—воскликнулъ онъ:—вы, кажется, начинаете новую жизнь? Какъ же съ банкирскимъ домомъ Баркингъ и К^0?

— Мы рѣшили разстаться.

— Совсѣмъ?—одновременно воскликнули мужъ и жена.

— Совсѣмъ.

М-ръ Лёвгровъ пересталъ сіять и встревожился.

— Вы меня поражаете! Ничего непріятнаго не произошло?

— Ничего,—отвѣтилъ Иглезіасъ; онъ рѣшилъ, что въ разговорѣ съ этими добрыми душами онъ отнесется къ вопросу объ отставкѣ слегка. — Я пришелъ къ убѣжденію, что я слишкомъ долго работалъ. Вы оставили службу уже много лѣтъ тому назадъ.

— Да, но Джорджъ очень скучалъ сначала по банку, хотя у него была семья. Положимъ, это дѣло поправимое, — лукаво замѣтила она.

Доминикъ вспомнилъ, что ему пора домой. Въ передней Джорджъ, буквально, удержалъ его за пуговицу, глядя ему въ глаза мигающими голубыми глазками.

— Я не хочу навязываться на откровенность, Доминикъ, но не могу ли я чего-нибудь для васъ сдѣлать?

— Ничего, мой добрый старый другъ.

— Я знаю, у васъ болѣе широкіе горизонты, вы найдете содержаніе въ самомъ себѣ. Я былъ сначала болѣе несчастенъ, чѣмъ это извѣстно женѣ,—я старался по мѣрѣ силъ избавить ее отъ огорченія. Но вы не оставите насъ, Доминикъ, вы не уѣдете отсюда?

— Развѣ вы стали бы жалѣть обо мнѣ? — спросилъ Иглезіасъ, пораженный его тономъ.

— Жалѣть о васъ? Послѣ сорокалѣтней дружбы? Я знаю, насколько я ниже васъ во всѣхъ отношеніяхъ; я могу вамъ дать только мою дружбу. Но для меня жена моя и вы — самое дорогое, что есть у меня въ жизни.

Иглезіаса странно поразила мысль, что изъ милліоновъ людей это простодушное, недалекое существо было ему самымъ близкимъ. Это невольно тронуло его и какъ-то облегчило гнетъ одиночества.

— Въ такомъ случаѣ я не переѣду изъ Триммеръ-Грина.

Когда Джорджъ вернулся въ гостиную, жена встрѣтила его такими словами:

— Я все обдумала, Джорджъ, и рѣшила, что намъ необходимо пригласить твою кузину Серену. Я не довѣряю м-ссъ Парчеръ. Ты замѣтилъ этотъ голубой развѣвающійся бантъ? Эти вдовы на все способны.

Она поднялась съ трижды счастливаго дивана.

— Я рада, что м-ръ Иглезіасъ познакомился съ д-ромъ Невингтономъ, но мы, положительно, должны пригласить Серену.

V.

Въ теченіе десяти дней м-ръ Иглезіасъ упорно старался знакомиться съ увеселеніями. Онъ обѣдалъ въ модныхъ ресторанахъ, посѣщалъ театры, концерты, бывалъ въ паркѣ, наблюдая избранную и неизбранную публику, но все это скорѣе утомляло, чѣмъ увеселяло его. Онъ не чувствовалъ себя здѣсь чужимъ—его чувство достоинства и отрѣшенность мышленія были черезчуръ сильны для этого,—но онъ пришелъ къ убѣжденію, что искусству веселиться нужно научиться съ дѣтства. Онъ замѣтилъ, что зачастую на него обращаютъ вниманіе и даже дѣлаютъ замѣчанія на его счетъ. Сначала онъ въ невинности своей думалъ, что это

вызвано какою-нибудь особенностью въ его костюмѣ или манерѣ, но затѣмъ понялъ, что это вниманіе имѣетъ болѣе лестный для него характеръ.

Ему вспомнились откровенныя замѣчанія незнакомки въ платьѣ цвѣта поднимаемой вѣтромъ пыли, но такъ какъ гордость его была сильнѣе его тщеславія, такое открытіе скорѣе раздражило его, чѣмъ польстило ему.

Однажды онъ посѣтилъ домъ, гдѣ они жили когда-то съ матерью, съ такимъ чувствомъ, съ какимъ люди вступаютъ въ храмъ. Домъ отдавался въ наймы, но жильцовъ не находилось, такъ какъ онъ былъ въ запустѣніи и требовалъ поправокъ. Доминикъ долго оставался въ комнатѣ матери, куда онъ входилъ сейчасъ же по возвращеніи со службы, стараясь развлечь и занять ее, забавляя ее, какъ больного ребенка. Она постоянно сидѣла у окна, занимаясь плетеніемъ кружевъ, и онъ живо помнилъ ея безостановочно двигавшіяся маленькія руки; казалось, что въ замысловатыхъ фантастическихъ узорахъ она выражаетъ всѣ переживанія своей смятенной, больной души, какъ другіе изливаютъ ихъ въ звукахъ и краскахъ. Иногда ему казалось, что изъ всего ея существа остались живыми лишь эти руки,—все остальное было уже мертво.

Иглезіасъ вышелъ изъ домика успокоеннымъ и смягченнымъ. Признательность старичка-привратника, которому онъ далъ нѣсколько шиллинговъ, была ему пріятна отсутствіемъ въ ней жадности и попрошайства. Уже вечерѣло, и онъ рѣшилъ пообѣдать въ итальянскомъ ресторанчикѣ близъ Palace-Gardens; онъ шелъ медленно по улицамъ, уже пустѣвшимъ, и наслаждался свѣжестью, распространяемой Кенсингтонскимъ паркомъ, какъ вдругъ замѣтилъ впереди себя фигуру, въ бѣлыхъ грязныхъ фланелевыхъ панталонахъ, короткой синей жакеткѣ и башмакахъ для игры въ теннисъ, шедшую невѣрною, развинченною походкою и казавшуюся ему знакомою. Фигура въ нерѣшимости остановилась у зеленыхъ кадокъ съ растеніями, украшавшихъ входъ въ ресторанъ; но когда улыбающійся лакей съ салфеткою подъ мышкою подбѣжалъ къ джентльмену, тотъ, засунувъ руки въ карманы панталонъ, съ проклятіемъ повернулъ назадъ, очутившись такимъ образомъ лицомъ къ лицу съ м-ромъ Иглезіасомъ. Тотъ узналъ въ немъ своего сосѣда, м-ра Декурси-Смита.

— Какъ? Это вы?—воскликнулъ тотъ, и его опухшее лицо вспыхнуло.—Сегодня никуда не уйдешь, какъ видно, отъ нашего милѣйшаго Кедроваго коттэджа!

Затѣмъ онъ разсмѣялся сконфуженнымъ смѣхомъ.

— Прошу прощенія, м-ръ Иглезіасъ, но сейчасъ я только-что встрѣтилъ шедшихъ подъ-руку этихъ двухъ идіотовъ—Уортингтона съ Фарджемъ! Общество какихъ-то лавочниковъ третьяго сорта и ихъ взаимное восхищеніе—это дѣйствуетъ на нервы порядочному человѣку. Я ушелъ изъ дому для того, чтобы отдохнуть отъ нихъ. Вѣроятно, у васъ было такое же намѣреніе? Я не буду мѣшать вамъ.

Онъ стоялъ, какъ-то весь съёжившись и подгибая колѣни, какъ бѣднякъ, мерзнувшій на холодномъ вѣтру, хотя вечеръ былъ теплый. Иглезіасъ больше обратилъ вниманіе на это, чѣмъ на его нелюбезныя слова.

— Я намѣревался здѣсь пообѣдать, и вы, кажется,—тоже?—отвѣтилъ онъ спокойно.

— Я передумалъ.

— Потому что встрѣтили меня?

— Нѣтъ, по другой причинѣ.

— Я былъ бы очень радъ, еслибы вы еще разъ передумали и приняли мое приглашеніе—пообѣдать со мною. Намъ еще не удалось ближе познакомиться.

Смитъ украдкою скользнулъ взоромъ по рядамъ бѣлыхъ столовъ, виднѣвшихся въ открытую дверь ресторана, и въ глазахъ его мелькнуло какое-то голодное выраженіе.

— Съ какой стати я стану принимать отъ васъ угощеніе?—спросилъ онъ дерзкимъ и въ то же время жалкимъ тономъ.

— Только потому, что это доставило бы мнѣ удовольствіе.

— Я... я не въ вечернемъ костюмѣ.

— Я тоже. Вонъ тамъ въ углу свободный столъ? Займемъ его.

Сначала разговоръ пришлось поддерживать одному Иглезіасу, но послѣ „кьянти“ гость сдѣлался не только разговорчивъ, но и болтливъ. Онъ принялся громить „лавочниковъ и торгашей, заносящихся передъ людьми съ высшимъ образованіемъ и талантомъ“. Они знаютъ, они сознаютъ свою силу въ нашъ вульгарный торгашескій вѣкъ, когда разсчетъ убиваетъ искусство, литературу и происходитъ настоящая „гибель боговъ“.

Иглезіасъ молча выслушивалъ эти удивительныя тирады: сожалѣніе и долгъ гостепріимства принуждали его къ молчанію, но извѣстнаго рода профессіональный долгъ и порядочность по отношенію къ дому Баркингъ и К° принудили его къ отвѣту.

— Безъ сомнѣнія, наши времена—не рыцарскія, но я позволю себѣ сказать, что есть разница между торгашомъ и финансистомъ.

— Такая же, какъ между маленькой и большой собакою. Маленькой легче дать пинка; я не могу достать до Рокфеллера

и Ротшильда, а потому срываю злость на Фарджѣ съ Уортингтономъ, но въ принципѣ я правъ: деньги убиваютъ интеллектъ. Кто нуждается въ насъ, если мы не соглашаемся продавать свои дарованія? Простите... Я забылъ, что вы теперь не на сторонѣ побѣдителей, а на сторонѣ побѣжденныхъ. Этотъ разговоръ не можетъ васъ интересовать.

— Нѣтъ, онъ очень меня интересуетъ.

— Все равно. Изъ чувства самоуваженія я долженъ былъ бы молчать. Я примирился съ моимъ положеніемъ, но тяжело человѣку, сознающему, что онъ одаренъ талантомъ, быть можетъ— геніемъ, знать, что онъ потерпѣлъ полное крушеніе, между тѣмъ какъ каждый жалкій конторщикъ...

Онъ замолчалъ и оперся локтями на столъ, уставясь въ пространство.

— А у меня талантъ!—вдругъ вскрикнулъ онъ пискливо:— видитъ Богъ — у меня есть талантъ! Они могутъ отказываться печатать меня, ставить мои пьесы, принуждать меня работать въ третьестепенныхъ изданіяхъ, отъ которыхъ можно съ трудомъ кормиться. Но ни одинъ скотъ—издатель или директоръ театра не лишитъ меня вѣры въ то, что я великъ,—говорю вамъ это: ни болѣе ни менѣе, какъ великъ.

Доминикъ сидѣлъ молча, но въ немъ росла симпатія къ опустившемуся, грязно одѣтому, несчастному человѣку. Онъ никогда не сталкивался такъ близко съ бездною отчаянія и паденія. Ему вспомнилась незнакомка въ платьѣ цвѣта крутящейся по вѣтру пыли. Онъ видѣлъ не ея накрашенныя губы, но ея печальные глаза; онъ угадывалъ отчаяніе, скрывавшееся подъ ея легкомысленными выходками, ея фантастическимъ костюмомъ, ея вознею съ забавными собачонками. Она была далека во всѣхъ отношеніяхъ отъ этого жалкаго неудачника, но оба они въ своихъ сношеніяхъ съ Иглезіасомъ перешли границу строго установленныхъ приличій. Это сближало ихъ.

Сейчасъ на могилѣ его воспоминаній Иглезіасу пришло въ голову, что не участіе въ праздникѣ жизни, а сочувствіе къ тѣмъ, кто переживаетъ ея будни—можетъ дать ему нравственное удовлетвореніе. Онъ положилъ руку на плечо собесѣдника. Тотъ недовѣрчиво взглянулъ на него своими налитыми кровью глазами.

— Какого осла я разыгралъ изъ себя! — проговорилъ онъ мрачно.

— Нѣтъ, вы почтили меня вашимъ довѣріемъ, и я надѣюсь, что вы объ этомъ не пожалѣете.

Декурси-Смитъ закурилъ сигару. Руки его дрожали. Онъ не

особенно привыкъ къ доброму отношенію со стороны людей. Ресторанъ пустѣлъ; за столомъ поодаль сидѣла парочка—француженка и желтоволосый безусый юнецъ, занятые исключительно другъ другомъ.

Смитъ снова заговорилъ. Антрепренеры боятся его произведенія. Оно—слишкомъ крупно для нихъ, въ немъ течетъ живая кровь, они боятся допустить на сцену хотя одну изъ его драмъ, замалчиваютъ ихъ—изъ опасенія, что публика не захочетъ смотрѣть послѣ этого ихъ обычный худосочный репертуаръ. Это все—jalousie de métier, его коллеги топятъ его. Но его время придетъ, какъ пришло оно для другихъ великихъ писателей и непризнанныхъ геніевъ. И тогда онъ посмѣется надъ врагами, онъ принудитъ и ее—ту женщину—вернуться къ нему; она пойметъ, что она потеряла въ немъ...

— А еслибы она вернулась, что бы вы сдѣлали? Простили ее?

— Не знаю. Можетъ быть. Она всегда умѣла обойти меня.

Онъ вдругъ обернулся къ Иглезіасу съ истерической яростью.

— Почему вы спрашиваете? Не состоите ли вы въ числѣ ея покровителей? Я вамъ довѣрился, а вы, угостивъ меня обѣдомъ, выматываете изъ меня душу? О, проклятіе! Неужели всѣ въ мірѣ—предатели?

Сердце Иглезіаса переполнилось состраданіемъ.

— Мнѣ очень жаль, если я неумышленно огорчилъ васъ; я ничего о васъ не знаю, за исключеніемъ того, что вы сами сказали о себѣ. Я хотѣлъ бы чѣмъ-нибудь помочь вамъ.

Наступило молчаніе. Допивъ кофе съ коньякомъ, Декурси тяжело поднялся на ноги.

— Вы говорите серьезно, м-ръ Иглезіасъ, что вы желали бы что-нибудь сдѣлать для меня?—спросилъ онъ полу-вызывающимъ, полу-просительнымъ тономъ.

— Конечно.

— Какую помощь вы подразумѣваете? Денежную?

Доминикъ тоже всталъ и задумался.

— Я хочу попытать счастья, — продолжалъ Смитъ, — въ сущности вы ничѣмъ не рискуете. Это — простое помѣщеніе денегъ. Я сниму театръ на два утреннихъ представленія, если вы согласны поддержать меня матеріально. Увѣряю васъ: шансы на успѣхъ — большіе.

Иглезіасъ подумалъ съ минуту, но потребность сдѣлать кому-нибудь добро была такъ велика, что онъ отвѣтилъ утвердительно.

VI.

— Представленіе идетъ тамъ, а толпа—здѣсь, веселье—тамъ, а я сижу здѣсь съ тобою одной для компаніи, ахъ, ты, мерзлая несчастная идіотка! Чего ты дрожишь?

Пеппи Сентъ-Джонъ гладила шелковистыя уши болонки, медленно проводя по нимъ рукою.

— Мнѣ скучно, Каппадочіа,—сказала она, не дѣлая попытки скрыть зѣвокъ,—скучно до мозга костей... О, еслибы хоть что-нибудь случилось!

Пеппи сидѣла среди пунцовыхъ шолковыхъ подушекъ въ тростниковомъ креслѣ на балконѣ съ бѣлыми перилами. Вокругъ нея были разбросаны книги и модные журналы, но романы казались ей такими же глупыми, какъ модныя картинки. И все окружающее казалось ей глупымъ, начиная съ балкона, шедшаго террасою вокругъ всего дома и отдѣленнаго перегородкою отъ балкона сосѣдей. Такіе же балконы украшали и остальные двадцать-семь домовъ; въ этомъ была какая-то претензія на нарядность. Казалось, что всѣ они вырядились въ свои лучшія платья и ботинки на высокихъ каблукахъ и становятся на цыпочки, чтобы привлечь на себя вниманіе. Ихъ украшало множество цвѣтовъ: гераніи, настурціи, маргаритки, плющъ — совершенно закрывали перила; это было пожалуй красиво, но опять-таки напоминало шляпки, съ чрезмѣрнымъ обиліемъ цвѣтовъ.

Внизу шелъ асфальтовый троттуаръ, а за нимъ начиналась деревянная загородка, которою была обнесена арена игры въ „поло". Съ балкона Пеппи можно было видѣть все происходящее на ней, но этотъ блестящій живой калейдоскопъ уже пересталъ интересовать ее.

— О, Боже, еслибы что-нибудь случилось!

Едва слова эти сорвались съ ея губъ, какъ она спихнула съ колѣнъ многострадальную Каппадочію и оперлась локтями о перила.

— Идите сюда, милый, красивый помѣшанный! Бога ради, не пройдите мимо!

Быть можетъ, Доминикъ Иглезіасъ не разслышалъ въ уличномъ шумѣ этого не совсѣмъ корректнаго приглашенія. Онъ переходилъ черезъ дорогу съ осмотрительностью, обязательной по отношенію къ эксцентрическимъ пріемамъ мотористовъ и бициклистовъ. Но и безъ словъ было ясно, что его привѣтствуютъ. Бѣлыя пе-

рила, яркіе цвѣты, голова и бюстъ Пеппи, ея тяжелые черные волосы, странные пламенные глаза, красныя пятнышки румянъ на щекахъ, разгорѣвшихся неподдѣльнымъ румянцемъ оживленія,—все это смутило бы, нѣсколько недѣль тому назадъ, аскетическую сторону его характера, но теперь его взгляды измѣнились.

Пять минутъ спустя, Пеппи уже встрѣчала его на порогѣ своей гостиной.

— Ну, вы могли бы придти и ранѣе!—воскликнула она.—Хотя, съ другой стороны, вы могли бы и совсѣмъ не придти. Поэтому я не стану съ вами ссориться, хотя ваше непоявленіе меня очень огорчало.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я жалѣю, что не приходилъ.

— И жалѣйте, жалѣйте,—повторила она,—мнѣ такъ пріятно слышать это отъ васъ.

Она смотрѣла на него съ полною откровенностью и, взявъ его за руку, подвела его къ креслу у камина.

— Садитесь, и потолкуемъ. Вотъ вамъ другая подушка, и если вы будете хорошій, я сейчасъ дамъ вамъ чаю. Помните, вамъ нечего остерегаться: я играю съ вами въ открытую, мнѣ даже незачѣмъ знать ваше имя. Это стѣснило бы васъ и меня. Я не люблю садовъ и лужаекъ со столбами, на которыхъ надпись: „Ходить воспрещается". Они возбуждаютъ во мнѣ желаніе поступать наоборотъ.

Пеппи сидѣла, держа сложенныя вмѣстѣ ладони рукъ между колѣнъ. Легкій вырѣзъ платья открывалъ ея шею—закругленную, но нѣсколько длинную. Въ общемъ ея сложеніе—тонкое и хрупкое, нѣсколько анемичное—напоминало дѣвушекъ низшихъ лондонскихъ классовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней было что-то искусственно-утонченное, напоминавшее оранжерейные цвѣты.

— Я много объ этомъ думала,—продолжала она:—въ жизни моей есть много такого, о чемъ обыкновенно не говорится въ книжкахъ, предназначаемыхъ для новичковъ. Не сердитесь, милый,—добавила она ласково:—вѣдь, судя по тому, что вы мнѣ прошлый разъ сказали о себѣ, вы—новичокъ въ жизни, и, можетъ быть, я могла бы вамъ быть полезной?

— Конечно, я новичокъ,—согласился Иглезіасъ; для него была странна эта внезапная интимность съ такою одновременно искусственною и умудренною опытомъ женщиною. Притомъ онъ все болѣе и болѣе довѣрялъ ей.

— Разумѣется. Въ этомъ и есть ваше очарованіе. Достаточно взглянуть на ваше лицо. Пожалуйста, не вздумайте снова замерзнуть. Вы принадлежите къ людямъ другого сорта. И вотъ

почему вы могли бы многое сдѣлать для меня — не въ смыслѣ денежномъ или дѣловомъ, нѣтъ! Но съ вами мнѣ хорошо... Я какъ-то отдыхаю съ вами.

Она стала покачиваться изъ стороны въ сторону. Кончики ея ботинокъ не касались земли.

— Я отдыхаю съ вами,—повторила она.

— Я очень радъ, — сказалъ Иглезіасъ; ему было пріятно, онъ былъ почти благодаренъ ей.

Пеппи глянула на него съ боку.

— Съ вами что-то случилось со времени нашего свиданія. Вы словно двинулись впередъ.

— Пожалуй, я скорѣе оглянулся назадъ; я перенесся мыслью къ прошлому и отряхнулъ съ него пыль временъ. На это потребовалось извѣстное мужество.

— Всегда нужно мужество, я знаю это по себѣ—для того, чтобы отряхнуть эту пыль.

Доминикъ отвѣтилъ не сразу; онъ былъ пораженъ ея чуткостью. Онъ осмотрѣлся вокругъ. Окружающая обстановка давала ему нѣкоторое понятіе о характерѣ ея обитательницы. Гостиная походила скорѣе на мужскую, чѣмъ на женскую,—въ ней не замѣчалось бездѣлушекъ и лишнихъ драпировокъ; два низкихъ дивана стояли по угламъ, кресла и столъ занимали средину комнаты; у стѣны стояло піанино, у окна—письменный столъ чернаго дерева съ длиннымъ рядомъ фотографій.

На стѣнахъ висѣли гравюры Никольсона—въ строгихъ темныхъ опредѣленныхъ линіяхъ, хорошая копія съ „Жнецовъ" Милле́, и „Лэди Гамильтонъ за прялкой" Ромнея. На столикѣ стояла серебряная пепельница. Покуда онъ разглядывалъ все это, Пеппи глядѣла на него — пристально, упорно. Вдругъ она откинулась на подушки дивана.

— Не будемъ поднимать праха воспоминаній!—воскликнула она почти рѣзко:—такъ безопаснѣе. Пусть его накопляется цѣлымъ густымъ слоемъ, пусть покроетъ все и вся, такъ чтобы и шаговъ не было слышно.

Пеппи вскочила и, смахнувъ стоявшія на столѣ фотографіи, бросила ихъ въ ящикъ письменнаго стола. Затѣмъ она обернулась съ высоко поднятою головою и стиснутыми зубами къ Доминику Иглезіасу, также поднявшемуся съ мѣста.

— Вы, можетъ быть, не устанавливаете связи между тѣмъ и этимъ, и я даже не особенно желаю, чтобы вы ее установили, но даю вамъ слово, что въ данномъ случаѣ чѣмъ гуще лежитъ эта пыль, тѣмъ лучше.

Она откинула со лба свои черные волосы и, пройдясь по комнатѣ, остановилась передъ Доминикомъ, улыбаясь, со сложенными на спинѣ руками.

— Да, я отдыхаю съ вами, даже — болѣе, чѣмъ я предполагала. Я страшно хотѣла васъ видѣть и боялась, что мы не сойдемся. Но вѣдь мы сойдемся, не правда ли?

— Я думаю, — сказалъ онъ серьезно: — у меня мало друзей. Я былъ бы радъ новому другу. Я радъ, что вы во мнѣ не разочаровались, — прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія.

— Я не допускаю и разговоровъ объ этомъ, — воскликнула Пеппи. — Нѣтъ, пожалуйста, не уходите. Сегодня на моемъ горизонтѣ нѣтъ бурь, и я намѣрена насладиться затишьемъ. Станемъ пить чай.

Но Иглезіасу не суждено было напиться чаю. Послышался звонокъ, и вошла пожилая горничная съ карточкою на подносѣ.

— Его сіятельство проситъ принять его по важному дѣлу. Если барыня занята, — онъ можетъ обождать.

Пеппи взглянула на карточку, потомъ на Иглезіаса.

— Я боюсь, что мнѣ придется отпустить васъ, — она дружелюбно взяла обѣ его руки и держала ихъ въ своихъ.

— Не обижайтесь, или вы чрезвычайно огорчите меня. Но онъ — старый другъ и поддержалъ меня въ самыя тяжелыя минуты моей жизни. Я не могу его прогнать. Вы не обидитесь?

— Нѣтъ.

— И вы придете ко мнѣ? Обѣщаете, что придете?

— Да.

Въ узкомъ корридорѣ высокій господинъ среднихъ лѣтъ, очень изящно одѣтый, посторонился, давая ему дорогу. Надменное выраженіе его лица смягчалось юмористическою улыбкой его глазъ и красиваго рта.

Дома Иглезіасъ нашелъ записку. Онъ узналъ аккуратный дѣловой почеркъ Джорджа.

„Дорогой другъ, жена проситъ васъ придти завтра къ ужину — пораньше. У насъ гоститъ миссъ Серена Лёвгровъ, моя кузина. Приходите безъ церемоніи, по домашнему. — Д. Л.“

VII.

— Здравствуйте, барышня! — закричалъ красно-зеленый попугай, прыгая въ клѣткѣ.

Серена Лёвгровъ неожиданно отворила дверь и, увидѣвъ,

что м-ръ Иглезіасъ одинъ стоитъ среди комнаты, а хозяина съ хозяйкою нѣтъ, она остановилась въ дверяхъ, нерѣшительно играя лентами своего большого желтаго шолковаго ридикюля и соображая, что предписываетъ ей хорошій тонъ—войти или уйти?

Серена была высокая, элегантная лэди въ черномъ; ея маленькая голова сидѣла необыкновенно прямо на тонкой шеѣ. Несомнѣнно увядшая, она сохраняла однако—особенно по вечерамъ—нѣкоторую моложавость, и всякое волненіе возрождало на мгновеніе призракъ восемнадцатилѣтней Серены.

— Здравствуйте, барышня, душечка моя! — раздирающимъ голосомъ высвистывалъ попугай.—Эй, кучеръ, подавай! Барышня ѣдетъ кататься! Шевелись, что-ли! Запри дверцу! — послѣднія слова звучали уже хрипло.

— Мнѣ кажется, я уже имѣлъ удовольствіе видѣть васъ раза два, миссъ Лёвгровъ, — очень вѣжливо проговорилъ Доминикъ, видя, что дѣвица смущена восклицаніемъ попугая.

— О, да, конечно, мы встрѣчались, но вы ошиблись въ счетѣ. Мы видѣлись разъ шесть, нѣтъ—пять. Одинъ разъ васъ ждали, и вы не пришли. Пять разъ.

— У васъ превосходная память, — замѣтилъ Иглезіасъ. — Очень любезно съ вашей стороны—помнить это съ такою точностью.

— Въ самомъ дѣлѣ?—отвѣтила Серена безъ малѣйшей попытки на сарказмъ. Подобно всѣмъ незанятымъ или—скорѣе—занятымъ собою особамъ, она постоянно взвѣшивала и педантически разбирала чужія слова. — Но вы правы: у меня хорошая память. Притомъ меня учили, что забывать — грубо и невоспитанно. Забывчивость происходитъ отъ невниманія. Въ школѣ я легко заучивала все наизусть.

— Пріятная и полезная способность.

— Можетъ быть,—отвѣтила Серена небрежно; она пришла къ убѣжденію, что м-ръ Иглезіасъ былъ грубъ, такъ какъ забылъ о томъ, сколько разъ они встрѣчались, и теперь старается загладить это удвоенною любезностью. Но она будетъ „на сторожѣ". Въ сущности, ни она, ни кто-либо другой не могъ бы сказать: почему ей слѣдуетъ быть на сторожѣ и чего собственно остерегаться. Однако, надо было поддерживать разговоръ, и не будучи очень находчива, она спросила Иглезіаса, любитъ ли онъ животныхъ?

— Я какъ-то мало знаю ихъ.

Серена сухо засмѣялась. Онъ уклоняется отъ прямого отвѣта, — это очевидно.

— Странный отвѣтъ! — проговорила она. — Какъ можно не знать: любишь животныхъ или нѣтъ?

— Мнѣ мало приходилось имѣть съ ними дѣла.

— Очень странно.

Серена отошла къ столу и принялась разсматривать открытки. Привлеченный ея движеніями, попугай вскочилъ на жердочку и закивалъ головою.

— Бѣдная старушенція, хочешь водочки съ содовой водой? Поцѣлуй меня и будемъ друзьями. Покойной ночи всей компаніи!—пробормоталъ онъ, уже засыпая.

— Если вашъ вопросъ относится именно къ этой птицѣ, то мои чувства вполнѣ опредѣленны. Я терпѣть ее не могу.

— Вотъ видите, вы знаете. Я была въ этомъ увѣрена!— воскликнула Серена. Ея подозрѣніе въ его неискренности подтвердилось.—Но никто съ вами не согласится, м-ръ Иглезіасъ, такъ какъ это очень умная птица. Немногіе изъ нихъ знаютъ такъ много словъ.

— Какое счастіе!—позволилъ себѣ замѣтить Доминикъ.

Но тутъ появленіе м-ссъ Лёвгровъ прекратило интересный разговоръ.

— М-ръ Иглезіасъ, мы съ Джорджемъ такъ рады васъ видѣть. Насъ задержали на собраніи, нашъ дорогой викарій все хлопочетъ... Теперь онъ устраиваетъ общество для обращенія евреевъ въ христіанство. Ваша сестра Сюзанна принимаетъ въ этомъ участіе, милая Серена...

— Сюзанна во всемъ принимаетъ участіе,—замѣтила Серена не безъ презрѣнія.

— Это очень похвально съ ея стороны, она очень добра,— возразила м-ссъ Лёвгровъ; — даже викарій находитъ, что у нея настоящій ораторскій талантъ.

— Я не увѣрена въ томъ, что это нужно. Сюзанна любитъ общественную дѣятельность.

— Она дѣлаетъ добро.

— Но если это доставляетъ ей удовольствіе, какая же тутъ заслуга?—Я не увѣрена въ томъ, что тутъ есть заслуга. Иногда люди сами не понимаютъ собственныхъ побужденій.

Она многозначительно взглянула на Доминика, который дружелюбно улыбнулся ей. Мысли его перенеслись, какъ это часто бывало за послѣднія сутки, къ домику въ Barnes Common, гдѣ онъ нашелъ друга. Всѣ женщины въ сущности—загадки, но не всякую изъ нихъ — онъ посмотрѣлъ на Серену — стоитъ разгадывать.

Сѣли за ужинъ, „запросто, безъ всякихъ расносоловъ“, какъ заявила хозяйка. Серена кушала очень мало. Въ этомъ отношеніи она отличается отъ Сюзанны, у которой большой аппетитъ. Люди, принадлежащіе къ нижней церкви, много не ѣдятъ.

Она обращалась съ м-ссъ Лёвгровъ нѣсколько покровительственно. Семья находила, что Джорджъ сдѣлалъ отчасти mésalliance; отецъ ихъ былъ генералъ индійской арміи, и барышни сохранили связи въ обществѣ, которыми очень дорожили. Серена была рада, что она пріѣхала въ Лондонъ, но пусть Рода не думаетъ, что оказываетъ ей одолженіе. Скорѣе—наоборотъ.

Сидя, на сонъ грядущій, въ полосатомъ капотѣ передъ зеркаломъ, Серена погрузилась въ глубочайшія соображенія относительно того, что̀ можетъ быть и что̀ могло бы быть, еслибы... Имѣется ли у Джорджа и Роды—противное имя!—особая причина для того, чтобы пригласить ее? Положимъ, ей это все равно, но, пожалуй, это было бы черезчуръ самонадѣянно съ ихъ стороны. Надо разузнать.

„Понимаетъ ли бѣдный Джорджъ, что Рода нѣсколько вульгарна? Какою грубою становится у нея кожа! Я думаю, что ему бываетъ неловко за нее передо мною. Не было ли въ письмѣ Роды къ Сюзаннѣ какого-нибудь намека, и потому Сюзанна была со мною такъ мила передъ моимъ отъѣздомъ? Удастся ли мнѣ доказать когда-нибудь Сюзаннѣ, что я—не такой нуль, какъ она думаетъ? Что̀ бы сказали у насъ о м-рѣ Иглезіасѣ? Конечно, онъ былъ только служащимъ въ банкѣ, но вѣдь и Джорджъ тоже тамъ служилъ. Разница въ томъ, что м-ръ Иглезіасъ—иностранецъ. Еслибы что-нибудь изъ этого вышло, нашла ли бы Сюзанна, что его происхожденіе можетъ служить препятствіемъ?“

Этотъ послѣдній вопросъ показался Серенѣ, завивавшей въ эту минуту волосы на затылкѣ, такимъ важнымъ, что она, глубоко надъ нимъ задумавшись, застыла въ этой неудобной позѣ, пока у нея не затекли руки и шея. Она замѣтила это и разсердилась.

„Надѣюсь, что они не вздумали сдѣлать какого-нибудь намека м-ру Иглезіасу? Это было бы уже слишкомъ! Я должна быть на сторожѣ, чтобы не скомпрометировать себя. Замѣтили ли они, что я держалась очень осторожно?“

Завивка была окончена, и хотя еще множество вопросовъ остались неразрѣшенными, пришлось ложиться спать.

Тѣмъ временемъ Иглезіасъ, посидѣвъ часъ-другой наединѣ со старымъ другомъ, шелъ домой среди сгущающейся таинственности лѣтней ночи. Луны не было, но высоко въ небѣ, надъ

огнями огромнаго города, звѣзды горѣли ярко и свѣтло. Жажда широкихъ пространствъ, далекихъ горизонтовъ, ощущеній личныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, берущихъ свое начало въ вѣчномъ и безсмертномъ,—охватила его. Но надо сознаться, что онъ ни на одну секунду не подумалъ о Серенѣ.

VIII.

Изъ кедровъ, давшихъ свое имя коттэджу, уцѣлѣлъ лишь одинъ.

Одинокій гигантъ, мрачный ливанскій изгнанникъ, царилъ надъ остатками прежняго обширнаго сада и значительно затемнялъ задній фасадъ дома. Хотя листва его порѣдѣла и закоптѣла отъ дыма безчисленныхъ трубъ, онъ сохранялъ свою величавость и декоративность, напоминавшія старинную бронзу. Съ перваго знакомства Доминика съ домомъ м-ссъ Парчеръ кедръ этотъ былъ ему пріятенъ, даже симпатиченъ. Онъ признавалъ въ немъ извѣстный стоицизмъ, непоколебимое чувство достоинства и надменное пренебреженіе къ грубой пошлости окружающей среды. Шелестъ вѣтра въ сухихъ безплодныхъ вѣтвяхъ придавалъ ему нѣкоторую подвижность и пробуждалъ смутный напѣвъ, говорившій о дальнихъ мѣстахъ и далекихъ временахъ, и дерево вздрагивало, словно для него оживали давно позабытыя надежды и мечты.

Кедръ былъ дорогъ Иглезіасу еще и потому, что онъ закрывалъ собою безстыдно-новое зданіе прачешной съ блестящею крышею и громадною трубой, выросшее на сосѣдней улицѣ.

Но однажды, въ дождливый вечеръ, маленькій, желтоволосый м-ръ Фарджъ вздумалъ непочтительно отозваться о кедрѣ, и Доминикъ съ нѣкоторою горячностью выступилъ на его защиту.

— Еслибы я дерзнулъ навести критику на что-нибудь, принадлежащее хозяйкѣ здѣшняго дома,—замѣтилъ онъ,—то я не одобрилъ бы вонъ то старое чучело, заглядывающее въ заднія окна.

— Какъ? Нашъ милый старый кедръ? Не можетъ быть, м-ръ Фарджъ!—воскликнула Элиза.

— Именно онъ. Въ такіе дни—какъ сегодня, когда съ него—капъ! капъ! капъ!—каплетъ весь день, отъ него мало веселья, не правда ли, Берти?

— Вотъ именно,—послушно подхватилъ Уортингтонъ:—если что-нибудь можетъ вогнать насъ обоихъ съ Чарли въ мрачную меланхолію, то это именно кедръ!

— Онъ напоминаетъ кладбище, не такъ ли, Берти?

— Послѣднюю поѣздку къ мѣстамъ вѣчнаго успокоенія? Билетъ — безъ права передачи? — фыркнулъ Декурси-Смитъ, сидѣвшій противъ обыкновенія за столомъ. Тонъ его былъ такъ рѣзокъ, что невольно привлекъ вниманіе. Все стихло. Слышались лишь рыданія дождя въ вѣтвяхъ кедра. Фарджъ поблѣднѣлъ. М-ссъ Парчеръ вздохнула и возвела къ потолку свои красивые глаза. М-ръ Иглезіасъ не безъ любопытства посмотрѣлъ на говорившаго.

— Фи, м-ръ Смитъ! — воскликнула Элиза: — можно ли такъ пугать? У меня морозъ по кожѣ.

— Извините, — буркнулъ Декурси-Смитъ: — обращаю вниманіе на то, что не я первый затронулъ этотъ вопросъ. Я только пожелалъ принять участіе въ рѣдкомъ у насъ интеллигентномъ разговорѣ. Но я все же извиняюсь.

— Это ничего не значитъ, — любезно заявила м-ссъ Парчеръ, — всѣмъ намъ не мѣшаетъ вспоминать иногда о смерти и тому подобномъ, — она томно перевела глаза на м-ра Иглезіаса, занимавшаго почетное мѣсто по правую ея руку, и вздохнула.

— Милая Пышечка! — прошептала Элиза.

— Но за столомъ, конечно, желательны болѣе веселыя темы. Что касается кедра, — неужели вы серьезно предлагаете его убрать, м-ръ Фарджъ?

— Боюсь, что такъ.

— Вы забываете, что онъ осѣнялъ мое дѣтство, онъ связанъ съ моимъ прошедшимъ.

— Развѣ у бутона розы можетъ быть прошедшее! — воскликнулъ Фарджъ.

М-ссъ Парчеръ улыбнулась, граціозно покачала головою въ знакъ упрека и снова обернулась къ Доминику.

— Я полагаю, намъ всѣмъ интересно знать: что̀ думаете объ этомъ вы, м-ръ Иглезіасъ? Желаете ли вы, чтобы бѣдное старое дерево спилили?

— Наоборотъ, я сталъ бы очень сожалѣть о немъ. Для меня это было бы утратою, такъ какъ видъ его и шумъ его вѣтвей — доставляли мнѣ удовольствіе. Но вы менѣе всего должны соображаться съ моимъ мнѣніемъ.

— Позвольте мнѣ думать на этотъ счетъ иначе! — замѣтила м-ссъ Парчеръ съ мягкимъ подчеркиваніемъ: — мы не забываемъ — не правда ли, Элиза? — кто нашъ самый давнишній гость. Во всемъ, касающемся Кедроваго коттэджа, мнѣніе м-ра Иглезіаса должно быть преобладающимъ.

Тутъ Фарджъ съ Уортингтономъ вытаращили другъ на друга глаза, а Декурси-Смитъ тревожно задвигался на мѣстѣ.

— Конечно, дорогая Пышечка, конечно!—воскликнула миссъ Гартъ. Она сіяла. Какое оживленіе! Какой тактъ! Жаль, что она не догадалась ранѣе — до пріѣзда этой Серены Лёвгровъ. Впрочемъ, какое можетъ быть соперничество между нею и этой несчастною худышкой!

Доминикъ принялъ, однако, любезность хозяйки съ невозмутимостью, заставившею пылкую Элизу мысленно сравнить его со скалою, монументомъ, каменнымъ слономъ и тому подобными, не поддающимся волненію предметами.

— Вы очень добры, — сказалъ онъ, — но, помимо личнаго мнѣнія, тутъ есть, по моему, болѣе вѣскія соображенія. Это нанесло бы ущербъ красотѣ вашего дома. То, что вашъ домъ выиграетъ въ смыслѣ свѣта, онъ утратитъ въ смыслѣ изящества и представительности.

— Да, — сказала м-ссъ Парчеръ, скромно сложивъ свои пухлыя ручки и опустивъ глаза: — онъ придаетъ дому аристократическій видъ.

— И это не фальшивый видъ,—заявила неугомонная Элиза, прибавивъ мысленно: „Джентльменъ долженъ сразу понять, что Пышечка принадлежитъ къ другому кругу. Пусть эта Серена ловитъ его, какъ кошка—мышь по ту сторону Грина, онъ сразу пойметъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Для этого не надо быть Соломономъ“.

— Боюсь, что вердиктъ будетъ не въ вашу пользу, м-ръ Фарджъ, — объявила м-ссъ Парчеръ, вставая:—кедръ останется на своемъ мѣстѣ.

Молодой человѣкъ сдѣлалъ видъ, что утираетъ слезу; затѣмъ они оба съ Уортингтономъ кинулись обгонять другъ друга—отворить двери для дамъ. М-ссъ Парчеръ обратилась къ м-ру Иглезіасу съ приглашеніемъ присоединиться сегодня къ ихъ маленькому дружескому кружку въ гостиной, но Декурси-Смитъ, все время тревожно вертѣвшійся около Доминика, успѣлъ предупредить ее. Ему „крайне необходимо“ поговорить съ м-ромъ Иглезіасомъ наединѣ.

Доминикъ извинился передъ хозяйкою и не безъ колебанія провелъ непрошеннаго посѣтителя въ свою гостиную. Состраданіе боролось въ немъ съ отвращеніемъ. Этотъ господинъ былъ не только растрепанъ и неопрятенъ, но онъ имѣлъ видъ человѣка, способнаго на отчаянный поступокъ. Чувство физическаго страха было чуждо Доминику, но его комнаты были его святи-

лищемъ, гдѣ онъ отдыхалъ послѣ трудового дня и всякихъ непріятныхъ впечатлѣній извнѣ. Тамъ были вещи, на которыя онъ смотрѣлъ какъ на реликвіи; поэтому онъ не безъ внутренней борьбы пригласилъ Смита къ себѣ.

Газъ былъ зажженъ. Доминикъ опустилъ шторы, замѣтивъ при этомъ сквозь качаемыя вѣтромъ мокрыя вѣтви бальзаминовъ знакомый огонекъ въ столовой Джорджа, и вспомнилъ, что онъ до сихъ поръ не побывалъ у м-ссъ Лёвгровъ и миссъ Серены.

Онъ пододвинулъ Смиту кресло, досталъ изъ шкафчика ликеръ, сифонъ съ содовою водою и стаканъ и поставилъ все это передъ нимъ на столикъ.

Смитъ жадно слѣдилъ за его приготовленіями своими выцвѣтшими глазами; изящество обстановки преисполнило его чувствомъ непреодолимой зависти. Отпивъ до половины изъ своего стакана, онъ облокотился локтемъ на столъ и заговорилъ:

— Сейчасъ мы присутствовали при демонстраціи дамскаго благоволенія по отношенію къ вамъ, м-ръ Иглезіасъ. Это было, пожалуй, и лишнее, такъ какъ обстановка вашихъ комнатъ достаточно ясно говоритъ о томъ, что вы — привилегированный жилецъ м-съ Парчеръ.

Доминикъ продолжалъ стоять; ему казалось, что такимъ образомъ онъ болѣе огражденъ отъ нахальства гостя.

— Я нанялъ эти комнаты безъ мебели, — отвѣтилъ онъ сухо,—а теперь могу я узнать: въ чемъ заключается ваше дѣло?

Смитъ снова отпилъ изъ стакана; рука его такъ дрожала, что зубы звякнули о стекло.

— Я—глупецъ,—сказалъ онъ: — прихожу сюда — просить васъ объ одолженіи, и какой-то чортъ толкаетъ меня на дерзости! Я ненавижу васъ, потому что долженъ извлечь изъ васъ пользу. Эта комната, съ ея скромной солидною роскошью, представляетъ слишкомъ вопіющій контрастъ съ моею обстановкою, съ моимъ матрацомъ, изъ котораго высунулись пружины, — вѣроятно, онъ остался отъ прежняго лакея. Что вы сдѣлали, вы— чернорабочій этихъ банкировъ-филистимлянъ,—для того, чтобы пользоваться жизненными благами, между тѣмъ какъ я—превосходящій васъ культурностью и талантами, долженъ страдать отъ лишеній? Я задолжалъ м-ссъ Парчеръ, и она выгонитъ меня. „Вечерній Листокъ"—и тотъ вышвырнулъ меня за дверь. Мнѣ остается одно—околѣвать съ голоду...

— Мнѣ очень жаль, вы должны были бы сказать мнѣ ранѣе. Я помню свое слово. Какъ дѣла съ пьесою? Вы ее закончили?

Смитъ смущенно задвигался, избѣгая взора хозяина.

— Она геніальна! — воскликнулъ онъ: — вамъ нечего объ этомъ тревожиться. Ваши деньги вернутся вамъ вдвойнѣ, втройнѣ. Это—простое ихъ помѣщеніе.

— Я не имѣлъ въ виду никакого помѣщенія...

— Но я имѣлъ. Неужели вы полагаете, что я иначе рѣшился бы просить васъ объ одолженіи? Вы оскорбляете меня вашимъ дѣланнымъ безкорыстіемъ. Ваши слова звучатъ фальшиво, предупреждаю васъ. Ваше отношеніе ставитъ меня не на одну доску съ вами, и я это чувствую. Я понимаю вашу коммерческую точку зрѣнія на талантъ, но когда моя пьеса появится—вы увидите, увидите... Я покажу вамъ...

Терпѣніе Доминика истощилось; онъ попросилъ собесѣдника, оставивъ въ сторонѣ личности, перейти прямо къ дѣлу и назвать ту сумму, которая выручила бы его изъ затрудненія.

— Временно, конечно?

— Хорошо. Я понимаю, и считаю всякія пререканія—излишними.

— Вы хотите избавиться отъ меня?—фыркнулъ Смитъ: — всѣ этого хотятъ!

Доминику пришлось призвать на помощь все свое человѣколюбіе. Трудно было дѣлать добро такому человѣку, но онъ вспомнилъ о его нищетѣ, о нравственныхъ его страданіяхъ, породившихъ эту болѣзненную, оскорбительную форму самолюбія, и заговорилъ съ нимъ, какъ съ больнымъ.

— Я не желаю отдѣлаться отъ васъ,—я хочу дать вамъ возможность работать безъ помѣхи. Настоящее произведеніе искусства можетъ быть создано лишь на свободѣ, при условіяхъ полнаго душевнаго спокойствія и отсутствія мелкихъ заботъ.

— Почему вы знаете? Это не ваша область,—сказалъ Смитъ рѣзко.

М-ръ Иглезіасъ позволилъ себѣ улыбнуться и пожать плечами.

— Я происхожу изъ народа, давшаго въ прошедшемъ великихъ поэтовъ и художниковъ. Любовь къ искусству и пониманіе его унаслѣдованы отъ нихъ и тѣми, кто лично не одаренъ никакимъ талантомъ.

Смитъ сумрачно глядѣлъ передъ собою и, наконецъ, всталъ съ кресла.

— Я—оселъ, неблагодарный, подозрительный оселъ. Именно потому что вы великодушны, мнѣ еще ненавистнѣе просить васъ объ одолженіи. Дайте мнѣ двадцать-пять фунтовъ. Съ меньшею суммою мнѣ не выпутаться.

Когда Доминикъ далъ ему деньги, онъ снова сталъ придираться.

— Я не извиняюсь. Я не объясняюсь. Я даже не благодарю васъ. За что? Мое великое произведеніе не только покроетъ этотъ жалкій долгъ, но и оправдаетъ меня въ глазахъ всѣхъ, кто говоритъ на англійскомъ языкѣ!

Оставшись одинъ, Иглезіасъ отворилъ обѣ форточки, чтобы освѣжиться. У него было тяжело на душѣ; онъ не жалѣлъ денегъ, хотя далъ не по средствамъ много,—но онъ сознавалъ, что деньги эти не принесутъ пользы. Глупые разговоры за обѣдомъ, неумѣстные авансы бѣдной м-ссъ Парчеръ, тяжелая сцена съ неудачникомъ — угнетали его. Жизнь казалась пуста и безцѣльна. Гулъ Лондона походилъ на стоны сильнаго человѣка, закованнаго въ цѣпи и стремящагося сбросить свои оковы.

Онъ вспомнилъ о Пеппи. Онъ былъ у нея недѣли двѣ тому назадъ, но не могъ дозвониться, и изъ чувства деликатности не повторилъ своего посѣщенія.

Но теперь, прислушиваясь къ жалобному шуму стараго одинокаго кедра, онъ находилъ въ мысляхъ о ней какое-то утѣшеніе и обѣщаніе дружбы на равныхъ правахъ, которая не только даетъ сама, но и получаетъ.

IX.

Доминикъ стоялъ на Гаммерсмитскомъ мосту; было холодно; по небу неслись тяжелыя синія тучи, грозившія дождемъ. Рѣка казалась свинцовою и неподвижною; только близъ Чизвика вѣтеръ, несшійся навстрѣчу приливу, поднималъ на волнахъ бѣлые гребешки, казавшіеся издали блѣдными руками, поднимавшимися съ мольбою къ небу. Пароходы, тащившіе за собою вереницы баржъ, бороздили воду; знамёна дыма изъ высокихъ фабричныхъ трубъ разстилались къ небу; мостъ дрожалъ подъ тяжелыми возами; вѣтеръ скрипѣлъ желѣзными, выкрашенными въ зеленую краску цѣпями моста, и казалось, что между природою и сложнымъ механизмомъ современной цивилизаціи происходитъ глухая борьба.

Пеппи тоже шла по сторонѣ, предназначенной для пѣшеходовъ, но она не столько наблюдала за происходившимъ, сколько за Доминикомъ, еще не замѣчавшимъ ея присутствія.

Его высокая, статная, худощавая фигура, серьезное тонкое лицо, отличавшія его отъ большинства окрашенныхъ въ тусклые цвѣта смертныхъ—восхищали ея артистическій вкусъ.

„Еслибы какая-нибудь женщина овладѣла имъ, когда онъ былъ молодъ,—какъ бы она была счастлива и осталась бы при этомъ порядочною женщиной, вполнѣ безукоризненною!"

Она рѣшительно подошла къ нему, пробираясь среди прохожихъ.

— Взгляните на меня, милый другъ, взгляните. Я, право, этого заслуживаю. Я вернулась вчера поздно вечеромъ, и мнѣ такъ захотѣлось васъ видѣть, что вы не можете себѣ представить. Сегодня я была увѣрена, что вы придете, и пошла васъ встрѣчать. Вы рады?

Доминикъ, удивленный, хотя онъ и находилъ это естественнымъ, отвѣтилъ просто.

— Да, я очень радъ.

— Ну, вотъ и прекрасно. Вѣдь мой выходъ былъ вызванъ простымъ предчувствіемъ: иногда мнѣ кажется, что должно случиться то-то и то-то. Но еслибы вы не пришли,—нечего и говорить, что я пришла бы въ адское состояніе духа.

Иглезіасъ улыбался. Пеппи предстала ему сегодня въ новомъ свѣтѣ: она была въ гладкомъ черномъ платьѣ съ блузкою, придававшемъ ей неожиданно изящный видъ. Онъ заговорилъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ, происходившимъ отъ робости и гордости.

— Мое вчерашнее настроеніе совпало съ вашимъ. У меня тоже былъ черный день. Мнѣ хотѣлось васъ видѣть, и еслибы я васъ не засталъ сегодня, мнѣ было бы очень тяжело.

Пеппи вопросительно и пристально взглянула на него, затѣмъ вдругъ быстро отвернулась и облокотилась о перила моста. Онъ увидѣлъ, что она плачетъ, и сталъ съ правой ея стороны, чтобы защитить ее отъ взоровъ прохожихъ. Ему казалось, что они—одни среди шума толпы и грохота экипажей, что онъ долженъ отъ чего-то защищать ее, и это было непривычно сладостное ощущеніе, полное непреходящей красоты. Старость и одиночество перестали грозить ему. Волна признательной радости залила его душу.

Пеппи обернулась; глаза ея смѣялись, но были влажны.

— Ну, пойдемте, милый другъ. Мнѣ нужно придти въ равновѣсіе. Поведите меня куда-нибудь—въ тихое мѣсто, мнѣ хочется пройтись.

Уступая ея желанію, Доминикъ повелъ ее по узкимъ стариннымъ улицамъ и переулкамъ, болѣе напоминающимъ маленькій портовый городокъ, чѣмъ Лондонъ. Тамъ были пѣшеходные мостики, переброшенные черезъ каналы, маленькіе коттэджи, склады, построенные наполовину изъ дерева. Пахло смолою и

канатомъ; кое-гдѣ шмыгали кошки и скакали воробьи, но прохожихъ попадалось мало; лишь изрѣдка доносился рѣзкій звукъ сирены.

Они молчали, но оба чувствовали присутствіе другъ друга, и слова казались имъ излишними. Когда они достигли открытой площадки съ кирпичною стѣнкой и высокими вязами, Пеппи протянула руку Иглезіасу.

— Какой вы умный!—сказала она.—Вы привели меня какъ разъ туда, куда слѣдуетъ. Я опять бодра и мужественна. Но что за странное мѣстечко! Какъ вы нашли сюда дорогу?

— Я часто приходилъ сюда въ прежніе годы. По окончаніи службы, я не могъ отлучаться надолго изъ дому. Въ сумеркахъ или вечеромъ мнѣ нравилась эта мѣстность съ ея мелькающими огоньками, со спускомъ къ рѣкѣ; оттуда можно было наблюдать за приливомъ и отливомъ, за вѣчнымъ стремленіемъ рѣки къ морю. Эго было единственнымъ доступнымъ для меня уголкомъ свободной, еще не закованной въ цѣпи природы, чуждой кирпича и известки. Я наблюдалъ за умираніемъ заката, за восходящими звѣздами, за шелестомъ блѣдныхъ ивъ, и никто въ сумеркахъ, когда набѣгаетъ вечерній вѣтерокъ, не тревожилъ меня здѣсь. И вотъ я полюбилъ этотъ уголокъ; онъ успокоительно дѣйствовалъ на меня, помогалъ мнѣ спокойно относиться къ жизни, мириться съ неизбѣжнымъ, терпѣть и прощать.

Покуда онъ говорилъ, рука Пеппи продолжала безсознательно лежать въ его рукѣ.

— Вы поэтъ,—сказала она,—и вы очень добрый человѣкъ.

Доминикъ засмѣялся и покачалъ головою.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—я не поэтъ и совсѣмъ не такъ добръ. Я только пытался быть вѣрнымъ до конца моему единственному долгу.

Пеппи подошла къ самой стѣнкѣ и смотрѣла на высоко поднявшійся приливъ.

— Вы дѣлали все это и страдали изъ-за женщины,—сказала она:—такой человѣкъ, какъ вы, всегда разрывается на части изъ-за какой-нибудь женщины. Надѣюсь, что она стоила того,—зачастую онѣ этого не стоятъ. Кто она была? Любимая вами женщина? Ваша жена?

— Женщина, которую я любилъ, но не моя жена.

Пеппи рѣзко взглянула на него,—въ глазахъ ея были страхъ и вопросъ, словно она ожидала, что вотъ-вотъ услышитъ самое худшее.

— Не ваша возлюбленная?—воскликнула она:—не говорите

мнѣ, что она была вашею возлюбленною! Видитъ Богъ, что я не вправѣ огорчаться. Но я огорчилась бы. Для меня это значило бы погасить сразу всѣ огни. Если это такъ—разстанемся сейчасъ же. Вы мнѣ не нужны,—я знаю теперь, гдѣ я. У сквера я найду кэбъ, и онъ отвезетъ меня домой,—я называю это домомъ, такъ какъ другого дома у меня нѣтъ... Что же касается васъ, то если у васъ есть капля жалости, пусть я никогда васъ больше не увижу! Вы не нужны мнѣ, я уже сказала вамъ. Идите и предоставьте меня моей судьбѣ, а какова она будетъ — это уже не ваша забота.

Она остановилась, задыхаясь; глаза ея сверкали, лицо было очень блѣдно. Она словно выросла, и въ ея горечи, сожалѣніи и отреченіи—чувствовалась огромная сила.

— Въ концѣ концовъ, я не знаю даже вашего имени, и потому, слава Богу, мнѣ не трудно будетъ забыть васъ.

Слова ея и лицо странно взволновали Иглезіаса; они показались ему воплощеніемъ грознаго неба, мрачной рѣки, всей скорби умершаго лѣта и бурныхъ осеннихъ огней. Съ минуту онъ молча глядѣлъ на нее. Затѣмъ онъ взялъ обѣ ея руки въ свои и очень кротко улыбнулся ей.

— Нѣтъ, дорогой другъ,—сказалъ онъ, — эта женщина не была моею возлюбленной, она была... моя мать!—голосъ его дрогнулъ.—Я никогда не говорю о ней, но постоянно о ней думаю. Она была святая и красавица. И она страдала... она такъ много страдала въ жизни, что разсудокъ у нея помутился. Вы поняли теперь? Въ теченіе многихъ лѣтъ она была помѣшана.

Съ англ. О. Ч.

РОСТЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО ДОЛГА

РОССIИ

1769—1906 гг.

Въ проектѣ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1907 годъ текущiе платежи по государственнымъ долгамъ исчислены въ 381 милл. руб. Сверхъ того въ смѣту внесенъ чрезвычайный расходъ въ 53 милл. руб. на погашенiе краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства, выпущенныхъ въ 1906 г. Этотъ долгъ предполагается, впрочемъ, покрыть выручкою отъ новыхъ займовъ на сумму 234 милл. руб., фигурирующихъ въ проектѣ росписи. Въ слѣдующемъ году можно поэтому ожидать возрастанiя платежей по государственнымъ долгамъ миллiоновъ на десять. А принимая во вниманiе долговыя обязательства государства, не входящiя въ рубрику платежей по государственнымъ долгамъ, какъ-то ежегодный взносъ болѣе 3 милл. руб. за отошедшiя къ удѣльнымъ крестьянамъ земли, остающiйся на государственномъ казначействѣ, несмотря на отмѣну выкупныхъ платежей, приплаты по гарантiи желѣзнодорожныхъ капиталовъ, долги разнымъ лицамъ и т. п., — можно допустить, что въ ближайшiе годы ежегодные платежи по смѣтѣ государственнаго кредита приблизятся къ суммѣ 400 милл. руб. Съ этимъ расходомъ можетъ теперь конкуррировать только расходъ на военное министерство, занесенный въ роспись на 1907 г. въ суммѣ 389 милл. руб.

Для того, чтобы судить о тяжести расходовъ по системѣ государственнаго кредита, его нужно сопоставить съ суммою тѣхъ рессурсовъ, которые идутъ на государственныя нужды. Въ

росписи на 1907 г. сумма обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ исчислена въ 2.175 милл. руб. Если всю эту сумму считать расходуемой на государственныя нужды, то обязательства по государственному кредиту поглотятъ 17,5% или болѣе $^1/_6$ части бюджета. Но средства удовлетворенія государственныхъ нашихъ потребностей далеко не достигаютъ суммы обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, исчисленныхъ въ 2.175 милл. руб. На государственныя нужды идетъ лишь чистый остатокъ, за вычетомъ расходовъ взиманія. Въ отдѣлѣ налоговъ расходомъ взиманія при приблизительныхъ подсчетахъ можно пренебречь потому, что онъ составляетъ ничтожную, сравнительно, часть собираемыхъ суммъ. Но нельзя того же сказать о той части государственныхъ доходовъ, которая получается отъ хозяйственныхъ предпріятій. Частные предприниматели остаются довольны, если ихъ имѣніе, фабрика или желѣзная дорога принесетъ 10% барыша, т.-е. если расходы предпріятій поглощаютъ цѣлыхъ 90% валового дохода. Приблизительно то же наблюдается и въ области хозяйственныхъ предпріятій государства, и гдѣ эти предпріятія играютъ видную роль въ дѣлѣ составленія валовой суммы государственныхъ доходовъ, тамъ эту послѣднюю нельзя цѣликомъ заносить въ счетъ рессурсовъ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ. Изъ нея нужно исключить расходы, поглощаемые хозяйственными предпріятіями, какъ таковыми.

Хозяйственныя предпріятія играютъ въ послѣдніе годы очень видную роль въ составленіи валовой суммы нашихъ государственныхъ доходовъ, и въ роспись доходовъ на 1907 г. внесено 1.178 милл. руб., получаемыхъ отъ винной монополіи, отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, заводовъ и складовъ. Операціонные же расходы этихъ предпріятій опредѣлены въ 720 милл. руб. Чтобы получить болѣе точную цифру средствъ, предназначаемыхъ на удовлетвореніе государственныхъ потребностей, указанную выше сумму валового государственнаго дохода (2.175 милл. руб.) нужно поэтому уменьшить на 720 милл. руб. Сумма ожидаемыхъ въ 1907 г. обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ сократится тогда до 1.455 милл. руб., и расходъ по системѣ государственнаго кредита (381 милл. руб.) окажется поглощающимъ уже болѣе $^1/_4$ части государственныхъ рессурсовъ.

Но не весь расходъ данной категоріи падаетъ на общебюджетныя средства. Нѣкоторые займы заключены для производительныхъ цѣлей и воплотились, такъ сказать, въ предпріятіяхъ, разсчитанныхъ на опредѣленный доходъ. Сюда относятся, главнымъ образомъ, желѣзнодорожные займы. До отмѣны выкупныхъ

платежей, обязательствами, имѣющими спеціальный источникъ покрытія, были также долги выкупныхъ операцій, нынѣ переходящіе на общебюджетные рессурсы. Къ 1-му января 1907 г. государственный долгъ составлялъ 8.610 милліоновъ рублей. По разсчету проф. Мигулина [1]), относящемуся къ долгу въ 8.573 милл. руб., 5.416 милл. руб. или 63% этого долга обязаны своимъ происхожденіемъ общегосударственнымъ надобностямъ и должны оплачиваться изъ общихъ государственныхъ рессурсовъ; а 3.156 милл. руб. занято для желѣзныхъ дорогъ, и уплата лежащихъ на государствѣ обязательствъ должна, казалось бы, покрываться средствами, выручаемыми отъ эксплуатаціи рельсовой сѣти. Посмотримъ же—оправдываются ли эти ожиданія?

Обязательства государственнаго казначейства по оплатѣ слишкомъ 3-хъ-милліарднаго долга, заключеннаго для нуждъ желѣзныхъ дорогъ, опредѣляются на 1907 г. приблизительно въ 130 м. р. Валового дохода отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ ожидается 489 милл. р., а расходъ на эксплуатацію дорогъ, на ихъ улучшеніе и пріобрѣтеніе для нихъ подвижного состава предположенъ въ 476 милл. руб. Чистая выручка желѣзнодорожнаго хозяйства составитъ такимъ образомъ 13 милліоновъ рублей, т.-е. ровно 1/10 часть суммы, назначенной для покрытія процентовъ и погашенія долговъ, заключенныхъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ. На погашеніе желѣзнодорожнаго долга могли бы идти поступленія отъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ возвратъ правительственныхъ ссудъ и другихъ обязательствъ; но эти поступленія столь ничтожны, что ихъ можно оставить безъ разсмотрѣнія. Приходится поэтому мириться съ тѣмъ, что на общихъ нашихъ государственныхъ рессурсахъ будетъ лежать вся тяжесть долговъ, заключенныхъ не только для общегосударственныхъ нуждъ, но—въ ближайшемъ, по крайней мѣрѣ, будущемъ—и для такихъ, казалось бы, производительныхъ цѣлей, какъ сооруженіе рельсовыхъ путей.

Въ виду важнаго значенія для нашего бюджета государственнаго долга, увеличивающаго на цѣлую треть [2]) денежныя жертвы націи для поддержанія государственнаго организма,—не можетъ не представлять интереса вопросъ о причинахъ и послѣдовательности хода задолженности русскаго государства. Мы

---

[1]) Русскій государственный кредитъ, т. III, вып. V, стр. 1.189.

[2]) Изъ полутора почти милліарда рублей, по смѣтѣ на 1907 г., очищающагося (за покрытіемъ эксплуатаціи хозяйственныхъ предпріятій) для удовлетворенія государственныхъ нуждъ, 380 милл. руб. пойдутъ на оплату долговъ, а 1.075 милл. руб.—на остальныя потребности; первая сумма составляетъ болѣе 1/3 части второй.

воспользуемся поэтому нынѣ закончившимся обширнымъ трудомъ проф. Мигулина „Русскій государственный кредитъ“, чтобы познакомить читателя съ движеніемъ государственнаго долга Россіи.

I.

Экстренные расходы государствъ почти всюду вызываются, главнымъ образомъ, внѣшними войнами и затратами на приведеніе арміи въ боевую готовность, т.-е. на увеличеніе ея численности, улучшеніе вооруженія и обученіе новому строю и новымъ воинскимъ пріемамъ. Отдѣльныя государства могли рѣзко отличаться другъ отъ друга въ отношеніи высоты политическаго развитія, положенія образованія, состоянія промышленности и т. п., но они должны были находиться приблизительно на одномъ уровнѣ въ томъ, что касается ихъ боевой способности—иначе они переставали играть видную роль въ общемъ международномъ концертѣ, и не были даже застрахованы отъ опасности прямого завоеванія сильнымъ сосѣдомъ. Всѣ европейскія правительства стремились поэтому къ усиленію своихъ боевыхъ средствъ. Болѣе культурныя и богатыя государства изобрѣтали съ этой цѣлью новыя орудія истребленія людей; эти усовершенствованія техники военнаго дѣла вели обыкновенно къ увеличенію численности арміи; а слѣдствіемъ того и другого было возрастаніе расходовъ на военное дѣло. Культурныя и богатыя государства выдерживали это возрастаніе; самыя усовершенствованія военнаго дѣла истекали у нихъ изъ предварительныхъ завоеваній науки, развитія промышленной техники и національнаго богатства. Но, появившись, такъ сказать, естественно въ одной странѣ, эти усовершенствованія необходимо перебрасывались въ другія, менѣе подготовленныя къ реформѣ; и чѣмъ болѣе отсталымъ и бѣднымъ было государство, тѣмъ непосильнѣе оказывались для него денежныя средства, требовавшіяся для такого нововведенія.

Особенной тяжестью военные расходы ложились на наше государство, какъ потому, что Россія была самая отсталая и наименѣе промышленно развитая изъ европейскихъ странъ, такъ и по причинѣ того, что ей приходилось бороться на нѣсколько очень растянутыхъ фронтахъ, отражать враговъ и наступать на нихъ на западѣ, востокѣ и на югѣ. Какія средства требовались для этого, можно судить потому, что въ Московскомъ государствѣ военныя нужды поглощали цѣлую половину государственныхъ рессурсовъ, при Петрѣ I расходы на армію и флотъ составляли

отъ $^2/_3$ до $^4/_5$ бюджета, а въ началѣ царствованія Екатерины II (если не считать издержекъ по собиранію доходовъ) на содержаніе войска тратилось $^2/_3$ суммы обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ [1]). Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что виднѣйшимъ мотивомъ внутренней политики русскаго правительства со времени образованія Московскаго государства было стремленіе увеличить государственные доходы, и что это наложило рѣзкій отпечатокъ на все наше соціальное развитіе. Съ конца XV в., напр., до Петра I „Россія пять разъ переживаетъ коренную ломку во всемъ строѣ государственнаго управленія. И всякій разъ въ основѣ ломки лежитъ необходимость финансоваго переустройства. А необходимость послѣдняго вызывалась новыми, болѣе дорогими, улучшеніями въ техникѣ военнаго дѣла“ (Милюковъ).

Наибольшую нужду въ деньгахъ правительства испытывали во время войнъ. Они прибѣгали для полученія средствъ къ различнымъ пріемамъ, и въ XVII вѣкѣ въ Западной Европѣ начали возникать внутренніе, а затѣмъ и внѣшніе государственные займы.

Русское правительство въ прежнія времена не могло разсчитывать на реализацію внутреннихъ государственныхъ займовъ, потому что при господствѣ натуральнаго быта и отсутствіи широкаго распространенія крупной торговли, населеніе страны не отличалось богатствомъ денежныхъ средствъ. По той же причинѣ у насъ не было организовано правильныхъ кредитныхъ учрежденій для надобностей частныхъ лицъ. Не могли русскіе цари и первые императоры разсчитывать и на кредитъ заграничный, и попытки заключенія внѣшнихъ займовъ при Петрѣ I и Елизаветѣ терпѣли неудачи. Иностранцы плохо знали Россію, а то, что доходило до ихъ свѣдѣнія, не внушало довѣрія къ кредитоспособности этой полуазіатской страны. Къ концу XVIII вѣка положеніе измѣнилось. Россія болѣе и болѣе принимала внѣшнія европейскія формы, привела въ нѣкоторый порядокъ финансы, а успѣшнымъ окончаніемъ многочисленныхъ войнъ завоевала репутацію одной изъ могущественнѣйшихъ державъ. Престолъ въ концѣ XVIII вѣка занимала въ Россіи императрица, считавшаяся въ Европѣ одною изъ просвѣщеннѣйшихъ и либеральныхъ правительницъ. Ей-то и удалось пробить брешь въ стѣнѣ недовѣрія европейскихъ капиталистовъ къ кредитоспособ-

[1]) П. Милюковъ. Очерки по исторіи культуры. Ч. I. Очеркъ третій.—Н. Д. Чечулинъ. Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II, стр. 283.

ности Россіи и положить начало тѣмъ финансовымъ операціямъ, которыя въ настоящее время висятъ на плечахъ русскаго народа бременемъ почти въ 400 милл. р. ежегодныхъ платежей.

Обстоятельствомъ, побудившимъ Екатерину, какъ и ея предшественниковъ, искать денегъ заграницей, были расходы на военныя надобности. Закончивъ побѣдоносно войну съ Пруссіей и предполагая начать войну съ Турціей, русское правительство для пріобрѣтенія средствъ приступило, въ 1768 г., къ выпуску ассигнацій, къ тому, что называется безпроцентнымъ займомъ, а въ 1769 г. объявило о заключеніи иностраннаго займа въ $7^1/_2$ милл. голландскихъ гульденовъ, которые предполагалось израсходовать заграницей же на военныя операціи въ Средиземномъ морѣ и на агитацію въ Польшѣ въ пользу Россіи. Хотя заемъ этотъ обезпечивался таможенными сборами, но амстердамскіе банкиры, привлеченные къ участію въ этомъ дѣлѣ, медленно размѣщали русскія обязательства, и правительство для слѣдующихъ займовъ обратилось къ другимъ посредникамъ. Блестящія побѣды русскихъ войскъ надъ турками и полученіе доли въ первомъ раздѣлѣ Польши подняли кредитъ русскаго государства, и къ концу царствованія Екатерины было уже заключено шестнадцать иностранныхъ займовъ, на сумму 53 милл. руб., давшихъ выручку въ 50 милл. руб., или 95%. Часть этой суммы истрачена, впрочемъ, на погашеніе болѣе раннихъ займовъ, а на покрытіе дефицитовъ осталось лишь 33 милл. р. Другой источникъ чрезвычайныхъ средствъ — выпускъ ассигнацій — далъ правительству Екатерины 157 милл. р. Этими двумя рессурсами не были, однако, покрыты дефициты государственнаго хозяйства. По разсчету Н. Д. Чечулина, за тридцать-пять лѣтъ царствованія Екатерины, государственныхъ доходовъ поступило 1.415 милл. р., а расходовъ произведено 1.615 милл. р., т.-е. на 200 милл. р. болѣе. Чрезвычайные же ресурсы дали 190 милл. р. За правительствомъ остались еще долги по поставкамъ, погашенные въ слѣдующее царствованіе выпускомъ ассигнацій.

Въ краткій періодъ правленія Павла I русская казна не успѣла обремениться новыми крупными долгами. Заемъ въ 18 милл. руб. заключенъ въ это время главнымъ образомъ для расплаты съ долгами польской короны, лежавшими на земляхъ, перешедшихъ подъ власть Россіи. Расходы итальянскаго похода Суворова покрыты были ассигнаціями, выпущенными въ количествѣ 55 милл. руб.

Александръ I получилъ, такимъ образомъ, отъ предшественниковъ 54 милл. р. с. (63 милл. руб. ассигнаціями) внѣшнихъ дол-

говъ и 212 милл. р. ассигнацій. На первыхъ порахъ новый царь пытался соблюденіемъ экономіи предупредить образованіе новыхъ дефицитовъ. Это ему, однако, не совсѣмъ удалось, а вмѣшательство Александра въ распри западно-европейскихъ правительствъ повело къ обремененію государственнаго казначейства огромными расходами чрезвычайнаго характера. Съ 1805 г. начался десятилѣтній періодъ почти непрекращавшихся войнъ его съ Турціей, Персіей, Швеціей и, главное, съ Франціей; и въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ царствованія дефициты составили сумму въ 376 милл. р. Покрывать эти недочеты путемъ внѣшнихъ займовъ было невозможно: по причинѣ, главнымъ образомъ, смутнаго времени, денежные рынки Европы находились въ стѣсненномъ состояніи. Для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ описываемаго періода, обратились поэтому къ выпуску ассигнацій (на 320 милл. р.). Въ это же время правительство начало употреблять въ качествѣ чрезвычайнаго рессурса суммы, хранившіяся въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ.

До второй половины XIX в., въ Россіи, какъ извѣстно, не существовало частныхъ кредитныхъ учрежденій и первые наши банки были казенные. Банки, оперировавшіе не только на свои капиталы, но и за счетъ вкладовъ, возникли въ 1754 г., и въ описываемое время они находились въ столицахъ и губернскихъ городахъ. Банки принимали вклады до востребованія изъ 5% и выдавали ипотечныя ссуды. Эти учрежденія имѣли большой успѣхъ, и количество вкладовъ скоро превзошло требованія ссудъ. Эти-то суммы правительство Александра I и стало заимствовать изъ банковъ изъ 6% на государственныя нужды.

Хотя при помощи указанныхъ средствъ и были покрыты дефициты первыхъ лѣтъ правленія Александра, но будущее не становилось оттого яснѣе, потому что нужда въ деньгахъ росла, а покупательная сила безмѣрно выпускавшихся ассигнацій падала изо дня въ день. Въ концѣ царствованія Екатерины II рубль ассигнаціями упалъ уже до 70 коп. серебромъ, а послѣ выпуска при Александрѣ ассигнацій на 320 милл. руб., курсъ ихъ въ 1809 г. опустился до 33 коп. Подъ давленіемъ такихъ обстоятельствъ въ 1810 г. былъ поставленъ на очередь вопросъ о средствахъ улучшенія финансовъ. Согласно проекту Сперанскаго, для достиженія этой цѣли слѣдовало сократить расходы, повысить налоги и уменьшить болѣе чѣмъ на половину количество обращающихся ассигнацій и тѣмъ возстановить ихъ нормальный курсъ. Средства для изъятія ассигнацій предполагалось получить путемъ возвышенія налоговъ, отчужденія нѣкоторыхъ государ-

ственныхъ имуществъ и обращенія къ внутреннимъ процентнымъ займамъ.

Эти предположенія получили, однако, лишь частичное осуществленіе. Подушная подать была дѣйствительно увеличена почти въ два раза, оброчная подать государственныхъ крестьянъ поднята на 4—5 рублей. Что же касается средствъ для сокращенія количества ассигнацій, то продажа государственныхъ имуществъ дала ничтожную выручку, а объявленный въ 1809 г. первый внутренній заемъ, несмотря на предложенные 7%, потерпѣлъ неудачу и далъ всего 3 милл. р. Въ 1810 г., впрочемъ, объявленъ новый внутренній заемъ на 100 милл. р. ассигнаціями, причемъ одинъ ссужаемый серебряный рубль принимался за два ассигнаціонныхъ. Первый выпускъ этого займа въ 20 милл. руб. былъ успѣшно реализованъ. Но дальнѣйшіе его выпуски были пріостановлены—потому ли, какъ думаютъ гг. Бржескій и др., что въ уплату за облигаціи поступило лишь 5 милл. р. ассигнацій, а 15 милл. р. были внесены вкладными билетами казенныхъ банковъ,—или, какъ полагаетъ г. Мигулинъ, что въ это время стали готовиться къ войнѣ съ Наполеономъ, и правительству было не до реформъ. Такъ или иначе, но вмѣсто извлеченія изъ обращенія ассигнацій періодъ отечественной войны отличался, напротивъ того, усиленными ихъ выпусками.

Съ 1810 по 1816 г. ассигнацій было выпущено на 300 милл. руб. Въ это же время прибѣгали и къ усиленнымъ заимствованіямъ суммъ изъ разныхъ учрежденій, и не только излишковъ суммъ въ казенныхъ банкахъ, сверхъ того, что требовалось заемщиками, для которыхъ эти банки и были устроены: въ 1812 г. велѣно было совсѣмъ прекратить выдачу этими банками частныхъ ссудъ и обратить, кромѣ того, въ государственное казначейство капиталы и суммы, принадлежащіе городамъ, остановивъ „на время терпящіе городскіе расходы, какъ-то, строенія и прочія заведенія". Все приносилось въ жертву богу войны!

Съ окончаніемъ въ 1815 г. отечественной войны, при министрѣ финансовъ Гурьевѣ, занялись опять вопросомъ объ исправленіи финансовъ. Самымъ виднымъ отрицательнымъ послѣдствіемъ прежней политики было пониженіе курса ассигнацій, опускавшагося по временамъ до 20 к. с. за рубль, и согласно господствовавшимъ воззрѣніямъ правительство считало нужнымъ и возможнымъ возстановить бумажныя деньги въ ихъ первоначальной цѣнности путемъ извлеченія изъ обращенія излишняго количества ассигнацій. Нужно было, затѣмъ, возвратить суммы,

заимствованныя изъ различныхъ учрежденій и возстановить ссудныя операціи банковъ. Средства для этого должны были доставить займы. Условія для заключенія таковыхъ оказались въ это время болѣе благопріятными, и въ теченіе 1817—18 гг. правительству удалось реализовать пять внутреннихъ займовъ на 331 милл. р. асс. (95 м. р. с.), а въ 1820—22 гг. два заграничныхъ займа на 83 милл. р. с. (выручено 59 м. р. с.). Суммы, вырученныя отъ внутреннихъ займовъ, затрачены на уплату частныхъ долговъ по военнымъ поставкамъ и на консолидированіе долга казеннымъ банкамъ; суммы внѣшнихъ займовъ пошли на погашеніе ассигнацій. Отдѣльно отъ этихъ операцій стоитъ внѣшній заемъ въ 10 м. р. для оплаты процентовъ по старымъ займамъ, не производившейся въ теченіе Наполеоновскихъ войнъ. Всего при Александрѣ I было заключено займовъ: на сумму 93 м. р. с. займовъ иностранныхъ, 355 м. р. асс. внутреннихъ и 324 м. р. асс. заимствовано изъ различныхъ учрежденій. Считая 3 р. 50 к. асс. равными 1 р. с., это составитъ 287 м. р. с. нарицательныхъ (выручено же 248 м. р. с.). Около 100 м. р. займовъ (считая нарицательную сумму) ушли непосредственно на военныя операціи, 70 м. р.—на погашеніе ассигнацій, выпущенныхъ для той же цѣли, и около 120 м. р. израсходовано на уплаты процентовъ и выкупъ долговъ. Погашено въ это время было 100 м. р. долговъ, и 3/4 этой суммы падаетъ на консолидацію позаимствованій изъ казенныхъ банковъ. Государственный долгъ уменьшился въ это время еще на 28 м. р., потому что Англія и Голландія, за согласіе на политическую между ними сдѣлку, взяли на себя оплату 5% интереса и 1% погашенія по иностранному долгу въ 25 милл. гульденовъ каждая. Англія аккуратно выполняла свои обязательства вплоть до 1891 г., когда этотъ долгъ былъ погашенъ. Что же касается Голландіи, взявшей на себя обязательство подъ условіемъ сохраненія за собой присоединенной тогда къ ней Бельгіи, то она отказалась отъ него послѣ того, какъ послѣдняя въ 1830 г. превратилась въ самостоятельное государство. За исключеніемъ 127 м. р., погашенныхъ описанными операціями, правительство Александра I передало своему преемнику новый долгъ въ 160 милл. р. с. Вмѣстѣ съ долгами Павла и Екатерины (54 м. р.), задолженность государства достигла въ концѣ царствованія Александра 214 милл. руб. с. Кромѣ указаннаго процентнаго долга, новое царствованіе получило въ наслѣдіе отъ стараго непогашенныя ассигнаціи въ суммѣ 596 милл. р. (погашено при Александрѣ I 240 м. р.), соотвѣтствующихъ 170 милл. рублей серебромъ.

II.

Вышеподведенный итогъ относится собственно къ 1822 г., когда, за два года до смерти Александра, въ управленіе финансами вступилъ талантливый финансистъ, гр. Канкринъ, заслужившій одобреніе современныхъ ему западно-европейскихъ дѣятелей. Но со всѣми его талантами Канкринъ не внесъ существенно новаго въ дѣло постановки русскихъ финансовъ, и на пути рѣшительныхъ преобразованій стояли, съ одной стороны, крѣпостной строй и консерватизмъ императора, съ другой—воинственная политика послѣдняго, требовавшая новыхъ жертвъ. Канкринъ только отказался отъ мысли обременять казначейство долгами ради поднятія курса ассигнацій, путемъ сокращенія количества обращающихся бумажекъ. Результаты подобныхъ мѣропріятій его предшественника, дѣйствительно, не располагали къ повторенію опытовъ: изъятіе изъ обращенія Гурьевымъ болѣе $^1/_4$ части ассигнацій подняло ихъ курсъ всего на 5%. Но Канкрину пришлось прибѣгать къ тому же, не одобряемому имъ, средству заключенія займовъ изъ-за воинственной политики государя и частью для ликвидаціи дѣлъ, предшествовавшихъ войнѣ. Подобно Александру, Николай вмѣшивался въ европейскія дѣла не въ интересахъ своей страны, но изъ-за постороннихъ принципіальныхъ побужденій; и тогда какъ его братъ не прочь былъ стоять и за либеральныя начала, самъ онъ выступалъ только на защиту реакціи, и будучи—правда, не призваннымъ—стражемъ политическаго status quo Европы, готовилъ войско къ тому, чтобы, въ случаѣ надобности, предпринять походъ для подавленія революціонныхъ движеній у своихъ сосѣдей. Такая политика, естественно, вызывала подозрѣніе о завоевательныхъ планахъ русскаго правительства и ненависть къ нему, какъ къ международному жандарму, и это не могло не отразиться на состояніи нашего кредита. Потребность же въ кредитныхъ операціяхъ была велика, потому что воинственная политика императора въ періодъ управленія финансами Канкрина привела не только къ непосредственному расходу въ 150 м. р. на военныя операціи, но и къ увеличенію расходовъ военнаго вѣдомства въ мирное время, которое, впрочемъ, можно считать лишь относительно мирнымъ, такъ какъ во все время правленія Николая I не прекращались военныя дѣйствія на Кавказѣ. Денежныя средства требовались еще для образованія размѣннаго фонда (32 м. р.) въ виду воз-

становленія металлическаго денежнаго обращенія и для оплаты обязательствъ по быстро ростущимъ займамъ.

Первые займы заграницей, на сумму 65 м. р. с., были заключены въ 1828 — 32 гг. для покрытія расходовъ турецкой войны и слѣдовавшаго за ней польскаго возстанія. Но вырученная сумма (56 м. р.) покрывала лишь половину дефицита, а потому съ первыхъ же лѣтъ царствованія Николая I стали прибѣгать къ позаимствованіямъ изъ казенныхъ банковъ; общая ихъ сумма при Канкринѣ составила 166 м. р. с. Въ 1831 г., послѣ испытанныхъ затрудненій при заключеніи внѣшнихъ займовъ, прибѣгли къ вольнымъ внутреннимъ займамъ. Къ выпуску ассигнацій для покрытія дефицитовъ Канкринъ не прибѣгалъ. Внутренніе займы дали при Канкринѣ 40 м. р. с. (142 м. р. асс.). Этотъ министръ ввелъ новую форму займа въ видѣ краткосрочныхъ (сначала на 4, затѣмъ на 6, наконецъ на 8 лѣтъ) билетовъ государственнаго казначейства. Билеты приносили 4,32% и принимались казною по всѣмъ платежамъ (кромѣ платежей кредитнымъ установленіямъ) и въ залоги по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ. Въ 1840 г. наступило улучшеніе положенія западно-европейскихъ денежныхъ рынковъ, и Канкринъ воспользовался этимъ и заключилъ заемъ въ 25 м. р. с., для образованія размѣннаго фонда, и займы на 16 м. р. с., для сооруженія Николаевской ж. д. Хотя Канкринъ, въ виду воинственной политики своего государя, счелъ нужнымъ образовать даже особый военный запасной фондъ, но онъ не шелъ такъ далеко, чтобы отдать финансы страны на погибель и разграбленіе ради ненужныхъ войнъ, и, протестуя противъ непрерывной войны съ горцами Кавказа, подалъ весною 1844 г. въ отставку. Преемникъ его, Вронченко, оставался на министерскомъ посту до апрѣля мѣсяца 1852 г. При немъ (считая весь 1852 г.) было заключено на 61 м. р. иностранныхъ займовъ, на 42 м. р. внутреннихъ и заимствовано 245 м. р. изъ казенныхъ банковъ, всего 348 м. р.; 122 м. р. заняты для сооруженія Николаевской ж. д.; остальная сумма пошла на покрытіе дефицитовъ, главными источниками коихъ были погашеніе долговъ (78 м. р.) и военныя издержки: одна венгерская война стоила государственному казначейству 46 м. р. Черезъ годъ послѣ ухода Вронченко, началась турецкая война, закончившаяся севастопольскимъ разгромомъ, пробудившимъ страну отъ вѣковой спячки и двинувшимъ ее на путь коренныхъ реформъ. Этотъ моментъ русской исторіи можно, поэтому, считать началомъ конца стараго режима, и мы подведемъ итоги тому, въ какомъ

положеніи накануне столь важнаго момента находилось дѣло нашего государственнаго кредита.

Екатерина II оставила Павлу 35-ти-милліонный долгъ. Павелъ прибавилъ къ нему 18 милл. р., Александръ I—160 м. р. Николай I получилъ, слѣдовательно, отъ своихъ предшественниковъ 214 м. р. долга, распредѣлявшагося почти поровну между внѣшними и внутренними займами. Министрами Канкриномъ и Вронченко заключено на 177 м. р. и погашено 58 м. р. внѣшнихъ займовъ, заключено на 82 м. р. и погашено 26 м. р. внутреннихъ займовъ, заимствовано 411 милл. р. изъ казенныхъ банковъ и возвращено назадъ 67 м. р. Всего, слѣдовательно, занято 670 м. р. и погашено 151 м. р. Государственный долгъ возросъ на 519 м. р. и вмѣстѣ со старымъ (214 м. р.) равнялся 732 м. р. Эта сумма составлялась изъ 225 м. р. внѣшняго долга, 130 м. р. внутренняго и 377 м. р. позаимствованій изъ казенныхъ банковъ.

Изложенное выше относится къ процентнымъ госуд. долгамъ. Къ пользованію долгомъ безпроцентнымъ (выпуску ассигнацій) правительство, какъ мы видѣли, обратилось одновременно съ заключеніемъ процентныхъ займовъ, и къ 1818 г. въ обращеніи находилось уже 836 м. ассигнаціонныхъ рублей. Это средство пріобрѣтенія чрезвычайныхъ рессурсовъ не приводитъ къ вреднымъ послѣдствіямъ, если выпускъ бумажныхъ денегъ сообразуется съ требованіями торговли. Поэтому, не только при Николаѣ или Александрѣ, но и при Екатеринѣ были проектированы мѣры регулированія выпуска ассигнацій. Но всѣ начинанія этого рода пріостанавливались изъ-за того, что къ выпуску бумажныхъ денегъ обращались, какъ къ главному источнику средствъ для веденія войнъ; а обращеніе ассигнацій въ количествѣ, превышавшемъ нужды торговли, естественно приводило къ упадку ихъ цѣны, обезцѣнивавшему бумажки и какъ средство поддержанія финансовъ. Въ концѣ царствованія Екатерины рубль ассигнаціями стоилъ 68 коп. сер., при воцареніи Александра I—66 к., потомъ повысился на 14 к.; въ 1810 г., послѣ выпуска 320 м. р. (сопровождавшагося, впрочемъ, и ухудшеніемъ торговаго баланса) курсъ его упалъ до $33^1/_3$ к., а послѣ выпуска новыхъ 300 м. р. временами понижался до 20 к. с. Изъятіе изъ обращенія, въ концѣ министерства Гурьева, 28% ассигнацій повысило ихъ цѣну всего на 1 коп., и это побудило, какъ мы видѣли, преемника этого министра отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ возстановленія цѣнности ассигнаціоннаго рубля. Но Канкринъ не пользовался ассигнаціями и какъ средствомъ пріобрѣтенія денегъ. На заемъ въ этой формѣ, при

курсѣ въ 25 — 30 к. за рубль, можно рѣшиться лишь въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ; Александръ, съ его грандіозными войнами, находился въ такихъ обстоятельствахъ; войны Николая I были, сравнительно, незначительны.

Въ 1841 г. было возстановлено металлическое обращеніе на началѣ закрѣпленія происшедшаго пониженія цѣны ассигнаціоннаго рубля, съ замѣной въ обращеніи ассигнацій кредитными билетами, одноцѣнными съ металлическими деньгами. Новый бумажный кредитный рубль замѣнялъ $3^1/_2$ старыхъ бумажныхъ рубля, ассигнаціонныхъ, и, взамѣнъ ассигнацій на номинальную сумму 596 милл. руб., выпущено было кредитныхъ билетовъ на 170 милл. руб. сер. Билеты эти обезпечивались всѣмъ достояніемъ государства и безпрепятственнымъ размѣномъ на звонкую монету. Для этого учреждался особый металлическій фондъ, въ размѣрѣ $^1/_6$ части обращавшихся тогда (187 милл. руб.) кредитокъ. Выпускъ бумажекъ сверхъ 187 милл. руб. допускался подъ условіемъ обезпеченія ихъ звонкою монетою рубль за рубль.

Возстановленіемъ металлическаго обращенія, т.-е. уравненіемъ кредитнаго рубля съ рублемъ металлическимъ, правительство воспользовалось для того, чтобы выпусками кредитныхъ билетовъ опять покрывать свои экстренныя нужды. Первоначально къ этому средству прибѣгали осторожно, хотя наканунѣ крымской войны все-таки не всѣ выпущенные билеты были покрыты золотымъ фондомъ. Война же заставила отложить въ сторону всѣ прежніе разсчеты, и къ моменту осуществленія Александровскихъ реформъ у насъ водворилось бумажное денежное обращеніе.

Заключаемые до сихъ поръ государственные займы имѣли въ виду, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ, военныя нужды, и лишь незначительная ихъ часть расходовалась на другія цѣли (напр., 60 милл. руб. сер. было употреблено при Александрѣ I-мъ на погашеніе ассигнацій). Только во второй половинѣ царствованія Николая I начали обращать значительныя суммы, вырученныя отъ займовъ, на производительную цѣль сооруженія желѣзныхъ дорогъ. При Канкринѣ и Вронченко на этотъ предметъ заключено было внѣшнихъ займовъ на 76 милл. руб., внутреннихъ — на 12 милл. руб. и заимствовано около 50 милл. руб. изъ казенныхъ банковъ. Впослѣдствіи желѣзныя дороги сдѣлались главной, послѣ военныхъ расходовъ, статьей издержекъ, требовавшихъ заключенія государственныхъ займовъ. Причины этого заключаются не только въ стремленіи власти скорѣе оборудовать нашу страну наиболѣе совершенными средствами сообщенія. Характернымъ въ данномъ отношеніи представляется

тотъ фактъ, что займы для распространенія нашей рельсовой сѣти заключались главнымъ образомъ заграницей, а не внутри страны. Это находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что займы съ производительной цѣлью лучше принимаются иностранными финансовыми сферами, и что наше правительство всегда нуждалось въ золотѣ для уплаты процентовъ и погашенія по заграничнымъ долгамъ, для накопленія золотого запаса въ интересахъ денежнаго обращенія и т. п. Но коль скоро приходится обращаться къ займамъ не ради денегъ, самихъ по себѣ, а ради металлической формы послѣднихъ, то чѣмъ держать соотвѣтствующія имъ суммы безъ движенія, лучше дать имъ какое-либо полезное употребленіе. Министерство финансовъ не настолько было озабочено общими культурными успѣхами Россіи, чтобы затрачивать эти средства, напр., на народное образованіе. Оно обратило ихъ на сооруженіе рельсовыхъ путей, полагая, что выручка отъ желѣзнодорожныхъ предпріятій дастъ средства оплачивать обязательства, налагаемыя займами. Ожиданія эти далеко не оправдались, и значительная часть платежей по займамъ, заключеннымъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, лежитъ до сихъ поръ на общемъ бюджетѣ. Но хотя бы дороги и покрывали полностью расходы, лежащіе на нихъ, какъ на коммерческихъ предпріятіяхъ, — затруднительное положеніе казны, проистекающее отъ недостатка металлическихъ денегъ для оплаты долговыхъ обязательствъ по заграничнымъ займамъ, все-таки будетъ побуждать ее заключать иностранные металлическіе займы и этимъ усиливать зависимость русскаго государственнаго казначейства отъ западно-европейскихъ финансовыхъ сферъ.

III.

Пятидесятые годы истекшаго столѣтія представляютъ довольно печальный моментъ въ исторіи нашего государственнаго кредита, потому что въ это время производились крупные экстраординарные расходы, покрывавшіеся выпусками процентныхъ и безпроцентныхъ займовъ. Расходы эти требовались съ одной стороны для покрытія издержекъ крымской войны, закончившейся севастопольскимъ разгромомъ и уронившей нашъ кредитъ за границей; съ другой — для ликвидаціи казенныхъ кредитныхъ учрежденій, начало которой положено преступными, можно сказать, дѣйствіями министерства финансовъ, въ угоду нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ.

Несмотря на все вниманіе, удѣляемое Николаемъ I военному дѣлу и своей арміи, послѣдняя въ боевомъ отношеніи болѣе и болѣе отставала отъ армій западно-европейскихъ, и въ рѣшительномъ столкновеніи силъ въ крымскую войну побѣда естественно склонилась противъ Россіи. Расходы крымской войны разные авторы опредѣляютъ отъ 350 до 800 милл. руб. Быть можетъ, это — и не очень высокая цѣна тѣхъ преобразованій, какія были принесены Россіи крымскими пораженіями, но на русскихъ финансахъ они отразились очень печально. На покрытіе военныхъ расходовъ (и дефицитовъ по исполненію росписи обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ) въ 1852—1857 гг. было выпущено 400 милл. руб. кредитныхъ билетовъ, заимствовано около 220 милл. руб. изъ казенныхъ банковъ, и заключено два внѣшнихъ займа, на 50 милл. руб. каждый [1]). Всего для военныхъ цѣлей занято было 320 милл. руб., а для покрытія всего дефицита даннаго шестилѣтія затрачено (вмѣстѣ съ кредитными билетами) 720 милл. руб. чрезвычайныхъ средствъ.

Не успѣло государственное казначейство ликвидировать тяжелое наслѣдіе ошибочной внѣшней политики правительства, какъ передъ нимъ стала новая задача: выполненіе необдуманныхъ проектовъ его внутренней политики.

Мы видѣли, какую важную роль въ дѣлѣ покрытія дефицитовъ нашего государственнаго бюджета играли казенные банки, куда населеніе вносило свои сбереженія въ видѣ безсрочныхъ вкладовъ, сначала изъ 5%, а со временъ Канкрина—изъ 4% годовыхъ. Банки эти имѣли большой успѣхъ, какъ потому, что вложенныя въ нихъ суммы можно было взять обратно, какъ только онѣ понадобятся, такъ и по причинѣ того, что вкладные билеты этихъ банковъ (выдаваемые на предъявителя) принимались въ казенные подряды и обращались, вмѣсто денегъ, между частными лицами. Вслѣдствіе этого обстоятельства вкладные билеты ссужались, какъ деньги, и лицо, вложившее свои сбереженія въ казенный банкъ, получало проценты не только на вложенную сумму, но и на вкладной билетъ, отдаваемый имъ въ пользованіе третьихъ лицъ. Помѣщеніе сбереженій въ казенные банки считалось настолько надежнымъ средствомъ ихъ сохраненія, что даже иностранцы, при смутныхъ временахъ на Западѣ, посылали деньги въ русскіе банки, и къ 1857 году въ казенныхъ банкахъ находилось 150 милл. руб. вкладовъ иностранныхъ подданныхъ.

---

[1]) Хотя оба займа заключены въ русской валютѣ, но одинъ изъ нихъ впослѣдствіи былъ отнесенъ къ разряду металлическихъ.

Приливъ вкладовъ въ казенные банки находился въ зависимости отъ операцій по выпуску бумажныхъ денегъ. Чѣмъ болѣе министерство финансовъ пускало въ обращеніе ассигнацій или кредитныхъ билетовъ,—не ради удовлетворенія нужды торговли въ денежныхъ знакахъ, а съ цѣлью покрытія ими государственныхъ расходовъ,—тѣмъ болѣе копились въ странѣ излишнія бумажки и тѣмъ болѣе приливало вкладовъ въ казенные банки. Правительство пользовалось этими суммами для развитія ссудныхъ операцій самихъ банковъ и выдавало долгосрочныя ссуды подъ залогъ имѣній. Въ этомъ, конечно, заключалась слабая сторона организаціи банковъ, потому что выдача долгосрочныхъ ссудъ находилась въ противорѣчіи съ фактомъ обращенія на этотъ предметъ суммъ, влагаемыхъ въ банки до востребованія. Опасность, проистекающая отъ такого несоотвѣтствія активныхъ и пассивныхъ операцій банковъ, предупреждалась, однако, тѣмъ обстоятельствомъ, что сумма вкладовъ значительно превышала сумму долгосрочныхъ ссудъ, и обратное требованіе вкладовъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ могло принять такіе размѣры, чтобы коснуться капиталовъ, ссуженныхъ частнымъ заемщикамъ.

Избытокъ банковыхъ средствъ былъ использованъ, какъ мы видѣли, правительствомъ, употреблявшимъ ихъ на свои экстренныя нужды, и хотя внезапное востребованіе вкладовъ могло и въ этомъ случаѣ грозить непріятными затрудненіями, но ожидать такого востребованія не представлялось основаній; между тѣмъ, пока государство нуждалось въ средствахъ для покрытія экстренныхъ расходовъ—нельзя было не дорожить учрежденіемъ, снабжающимъ его деньгами въ случаѣ неудачи обыкновенныхъ займовъ.

Особенно должно было дорожить этими учрежденіями, по мнѣнію пр. Мигулина, правительство Александра II, приступавшее къ реформамъ, требовавшимъ крупныхъ расходовъ, и предполагавшее развить широкую дѣятельность по сооруженію желѣзныхъ дорогъ. Но въ это именно царствованіе и приняты были мѣры, приведшія затѣмъ къ упраздненію старыхъ кредитныхъ учрежденій.

Въ 1857 г., при министрѣ финансовъ Брокѣ, процентъ по вкладамъ въ казенные банки былъ пониженъ съ 4-хъ до 3-хъ. Оффиціально эта мѣра мотивировалась избыткомъ вкладовъ и желаніемъ понизить проценты казначейства по долгамъ казеннымъ банкамъ. Мотивировку эту нельзя, однако, признать серьезною, потому что къ 1858 г. изъ всей суммы вкладовъ въ 1.015 м. р. въ наличности находилось лишь около 100 м. р.; остальная сумма была въ ссудахъ у частныхъ лицъ (болѣе 400 м. р.) и

государственнаго казначейства (болѣе 500 м. р.). Настоящей причиной даннаго мѣропріятія было желаніе угодить нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ, заинтересованнымъ въ дѣлахъ Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, выпустившаго въ это время свои акціи и облигаціи, которыя не находили помѣщенія ни внутри Россіи, ни внѣ ея. Съ изгнаніемъ вкладовъ изъ казенныхъ банковъ, свободныя суммы станутъ искать новаго пріюта и направятся, между прочимъ, на пріобрѣтеніе бумагъ этого общества.

Ожиданія желѣзнодорожныхъ дѣльцовъ оправдались. Съ пониженіемъ процентовъ вклады стали покидать казенные банки и обращались на пріобрѣтеніе различныхъ бумагъ, въ томъ числѣ и бумагъ Главнаго Общества. Но дѣло пошло гораздо дальше, чѣмъ первоначально предполагалось. Вклады сотнями милліоновъ отливали изъ банковъ, и тогда, при министрѣ финансовъ Княжевичѣ, рѣшено совершенно уничтожить казенные банки и — согласно господствовавшимъ тогда взглядамъ — содѣйствовать развитію частныхъ кредитныхъ учрежденій. Предстояло такимъ образомъ возвратить въ краткій срокъ милліардную сумму вкладовъ, и средства для этого можно было получить лишь путемъ кредитныхъ же операцій, потому что другой источникъ экстренныхъ средствъ—выпускъ кредитныхъ билетовъ—былъ использованъ для цѣлей войны, и курсъ бумажныхъ денегъ настолько уже поколебался, что въ 1858 г. нашли нужнымъ прекратить размѣнъ ихъ на металлическую монету.

Для ликвидаціи казенныхъ банковъ произведено займовъ на 658 м. р. и выпущено на 70 м. р. кредитныхъ билетовъ. Вмѣстѣ съ суммами, находившимися въ самихъ банкахъ, вкладчикамъ къ началу 60-хъ годовъ уплачено было (преимущественно процентными бумагами) 832 м. р. Вмѣстѣ съ этимъ была погашена и большая часть долга этимъ банкамъ правительства. Ликвидація казенныхъ банковъ, предпринятая какъ бы въ согласіи съ европейскими взглядами на организацію кредита, вызвала недоумѣніе западныхъ финансистовъ.

„Мы рѣшительно не можетъ объяснить себѣ—пишетъ англійскій „Economist“ въ декабрѣ 1863 г.,—по какимъ особеннымъ причинамъ и соображеніямъ русское правительство съ необыкновенной быстротой и энергіей разрушило свою превосходную и практическую государственно-земельную кредитную систему... Ликвидація этой системы, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшей земледѣльческой странѣ, уже произвела разстройство въ русскомъ

денежномъ обращеніи и поставила Россію на широкій и скользкій путь займовъ и биржевыхъ спекуляцій" (Озеровъ).

Итакъ, въ теченіе описываемаго періода заключены займы на 355 м. р. для военныхъ надобностей и на 658 м. р. для ликвидаціи банковъ; по присоединеніи къ тому 30 м. р., билетовъ государственнаго казначейства, выпущенныхъ въ 1861 г. въ пособіе „Главному Обществу жел. дор."—общая сумма новыхъ долговъ опредѣлится въ 1.043 м. р. Погашено было въ это время 533 м. р. разныхъ долговъ, переданъ слѣдующему періоду новый долгъ въ 510 м. р., и этотъ послѣдній, вмѣстѣ съ старымъ долгомъ (732 м. р.), составитъ 1.242 м. р. нарицательныхъ. По переводѣ же 265 м. р. металлическихъ займовъ въ кредитные (по курсу 1 р. кр. = 87 к. мет.), государственный долгъ выразится въ валютѣ того времени суммою 1.282 м. р. [1]). Въ нынѣшней валютѣ (1 р. кр. = 67 к. мет.) это будетъ 1.375 м. р.

IV.

Первыя пятнадцать лѣтъ пореформеннаго періода были временемъ общественныхъ и экономическихъ преобразованій, требовавшихъ крупныхъ затратъ; и это отразилось на цѣляхъ заключенія государственныхъ займовъ. Военныя издержки — главная цѣль прежнихъ государственныхъ займовъ—почти стушевались, но выдвинулись такія задачи внутренняго управленія, какъ выкупъ освобожденными крестьянами отведенныхъ имъ земель и сооруженіе сѣти желѣзныхъ дорогъ. Эти новыя потребности вызвали и двѣ новыя крупныя категоріи государственныхъ займовъ: на выкупъ крестьянскихъ земель и на нужды желѣзнодорожнаго дѣла. Но новому времени приходилось еще считаться съ дѣлами, унаслѣдованными отъ дореформеннаго періода. Нужно было завершить ликвидацію старыхъ кредитныхъ учрежденій (возвратить 180 милл. руб. оставшихся вкладовъ и занятыя у государственнаго банка суммы), упорядочить денежное обращеніе и погашать, согласно принятымъ обязательствамъ, прежніе займы.

Особенно озабочивала правительство задача упорядоченія денежнаго обращенія. Разстройство послѣдняго считалось въ то время главной причиной и коммерческаго кризиса начала

---

[1]) Эта цифра расходится съ числомъ пр. Мигулина, отнесшаго 18 милл. руб. билетовъ государственнаго казначейства, выпущенныхъ въ данномъ періодѣ, къ слѣдующему періоду.

60-хъ годовъ, и паденія нашего кредита заграницей, выразившагося, между прочимъ, въ томъ, что два займа, объявленные въ 50-хъ годахъ ради ликвидаціи старыхъ кредитныхъ учрежденій, не имѣли полнаго успѣха. Разстройство денежнаго обращенія выражалось пониженіемъ на 15% курса кредитнаго рубля и исчезновеніемъ изъ обращенія звонкой монеты. То и другое считалось послѣдствіемъ чрезмѣрнаго выпуска кредитныхъ билетовъ; а средство исправленія денежнаго обращенія и возстановленія цѣнности кредитнаго рубля видѣли въ изъятіи излишка бумажекъ. Одною изъ первыхъ мѣръ новаго министра финансовъ, М. X. Рейтерна, и было возстановленіе прекращеннаго въ 1859 г. размѣна кредитокъ на золото, для чего былъ заключенъ лѣтомъ 1862 г. иностранный заемъ на 95 милл. руб. золотомъ, а въ началѣ 1863 г. получено было согласіе Ротшильда на выпускъ другого крупнаго займа. Въ январѣ 1863 г. вспыхнуло польское возстаніе, обошедшееся государственному казначейству свыше 70 милл. руб.; и когда осенью правительство приступило къ реализаціи внѣшняго займа, Ротшильды отказались отъ выполненія своего обѣщанія. Золотой фондъ продолжалъ, между тѣмъ, истощаться, вслѣдствіе предъявленія къ размѣну кредитокъ, и черезъ $1^1/_2$ года послѣ объявленія размѣна, эта операція была пріостановлена. Этотъ опытъ возстановленія металлическаго обращенія обошелся государственному казначейству въ 70 милл. руб., истраченныхъ безполезно, такъ какъ изъятые билеты скоро опять были пущены въ обращеніе. Потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ непосредственнаго возстановленія металлическаго обращенія, министерство финансовъ занялось подготовительными операціями къ тому, чтобы повторить эту попытку въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Оно начало собирать размѣнный золотой фондъ, и къ срединѣ семидесятыхъ годовъ этотъ фондъ увеличился на 130 милл. руб. сравнительно съ началомъ даннаго періода. Всѣ затраты Рейтерна на денежное обращеніе опредѣлятся такимъ образомъ (въ кредитной валютѣ) въ суммѣ около 220 милл. руб. Кромѣ указанныхъ расходовъ, чрезвычайные рессурсы понадобились еще для срочнаго погашенія государственныхъ долговъ, такъ какъ сумма этихъ погашеній въ теченіе періода времени отъ крестьянской реформы до турецкой войны и достигла 457 милл. руб., что превышало средства обыкновеннаго государственнаго бюджета. Всего для общегосударственныхъ нуждъ было въ этотъ періодъ заключено займовъ (полагая вслѣдъ за пр. Мигулинымъ, что весь второй англо-голландскій заемъ израсходованъ на желѣзнодорожное дѣло) на

493 милл. руб. валюты того времени и на 150 милл. руб. выпущено кредитныхъ билетовъ. Переводя 156 м. р. металл. долга на нынюшнюю валюту, мы получимъ уже сумму 547 милл. руб. заключенныхъ и 485 милл. руб. погашенныхъ займовъ. Государственный долгъ въ описываемое время возросъ еще на 100 милл. руб., вслѣдствіе присоединенія къ нему (послѣ объединенія въ 1868 г. бюджетовъ имперскаго и Царства Польскаго) долговъ Царства Польскаго; къ 1877 г. 22 милл. руб. этого долга были погашены. Движеніе долговъ данной категоріи въ описываемый періодъ выразится, поэтому, суммой 647 милл. руб. заключенныхъ и 507 милл. руб. погашенныхъ займовъ; приростъ долга опредѣляется въ 140 милл. руб.

Съ началомъ сооруженія сѣти желѣзныхъ дорогъ появилась новая крупная статья чрезвычайныхъ расходовъ, требовавшая заключенія государственныхъ займовъ, потому что почти вся наша рельсовая сѣть строилась или на казенный счетъ, или на условіи правительственной гарантіи строительныхъ капиталовъ. Первая большая наша желѣзнодорожная линія, Николаевская, строилась на казенный счетъ, и для покрытія соотвѣтствующихъ расходовъ съ 1842 по 1849 гг. было заключено займовъ на 138 милл. р. Доходы отъ этой дороги далеко не достигали суммы ежегодныхъ платежей по займамъ, и послѣдніе были поэтому занесены въ общій списокъ государственныхъ долговъ. Столь же малоудовлетворительными были результаты эксплуатаціи другой казенной дороги, варшавско-вѣнской, и, считая въ этомъ повиннымъ казенное хозяйство, правительство полагало достигать дальнѣйшаго расширенія рельсовой сѣти путемъ поощренія частной строительной дѣятельности—идея, находившаяся въ соотвѣтствіи съ распространявшимися у насъ съ Запада взглядами на значеніе частнаго капитала въ этомъ дѣлѣ. Для осуществленія этой идеи въ 1857 г. было образовано столь прославившееся впослѣдствіи „Главное Общество желѣзныхъ дорогъ“, взявшее на себя сооруженіе четырехъ тысячъ верстъ рельсовыхъ путей, имѣвшихъ связать Петербургъ съ западной границей и Москву съ Волгой, Балтійскимъ и Чернымъ морями и получавшее 5% гарантіи на строительный капиталъ. Къ учрежденію общества были привлечены иностранные банкиры въ надеждѣ на послѣдующее участіе въ этомъ дѣлѣ иностраннаго капитала и иностраннаго опыта желѣзнодорожнаго строительства. Во главѣ правленія были поставлены вліятельные аристократы—гр. Бобринскій, ген. Тимашевъ, Левшинъ, Абаза и др. Заграничные покупатели доходныхъ бумагъ не оказали, однако, довѣрія новому обществу и не покупали

его акцій; выпускъ послѣднихъ въ Россіи тоже не имѣлъ успѣха, потому что масса частныхъ сбереженій находила себѣ пріюты въ казенныхъ банкахъ. Тутъ-то и оказали первую услугу новому обществу высокопоставленныя особы —члены его правленія. Первыя акціи общества были разобраны учредителями по нарицательной цѣнѣ (а послѣдующіе выпуски облигацій — по цѣнѣ ниже нарицательной); а чтобы заставить русскую публику пріобрѣтать ихъ съ барышомъ для учредителей, правительство понизило, какъ намъ извѣстно, до 3% интересъ по вкладамъ въ казенные банки. Вкладчики тогда стали массами требовать обратно свои деньги и покупать 5% акціи „Главнаго Общества", цѣна которыхъ поднялась на 12% выше нарицательной.

Такимъ образомъ, вмѣсто ожидавшагося привлеченія иностранныхъ капиталовъ, учрежденіе „Главнаго Общества" повело, какъ разъ обратно, къ отливу русскаго золота заграницу, такъ какъ суммы, полученныя отъ реализаціи его процентныхъ бумагъ, обращались на пріобрѣтеніе иностранныхъ принадлежностей желѣзнодорожнаго строительства. Не оправдало „Главное Общество" ожиданій и въ другихъ отношеніяхъ, показавъ образецъ хищничества и неаккуратности въ выполненіи принятыхъ на себя обязательствъ. Правительство, тѣмъ не менѣе, продолжало выдавать гарантіи акціонернымъ обществамъ, составлявшимся для сооруженій и другихъ линій; и такъ какъ, благодаря этимъ гарантіямъ, общества не были заинтересованы въ экономномъ веденіи дѣла, то ихъ заправилы могли всецѣло стоять на точкѣ зрѣнія личной наживы, отчего расходы обществъ оказывались крайне расточительными, а заключаемые ими займы реализировались по очень низкому курсу. Правительство, тѣмъ не менѣе, поощряло образованіе акціонерныхъ обществъ, потому что приливъ иностранныхъ капиталовъ давалъ золото для расплаты по металлическимъ займамъ, по заказамъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей заграницей и т. д., а заключать желѣзнодорожные займы отъ своего имени правительство считало неполитичнымъ, полагая, что это понизитъ, въ глазахъ западныхъ финансистовъ, кредитоспособность государства и создастъ менѣе выгодныя условія для реализаціи займовъ для общегосударственныхъ цѣлей. Въ дѣйствительности было какъ разъ обратно. Займы акціонерныхъ обществъ, выпускаемые по низкому курсу, не могли не ронять и курса государственныхъ бумагъ, а иностранные банкиры, конечно, прекрасно понимали значеніе для нашего бюджета обязательствъ, вытекавшихъ изъ правительственной гарантіи частныхъ займовъ.

Въ 70-хъ годахъ правительство передало въ частныя руки

все желѣзнодорожное хозяйство, но выпускавшіяся акціонерными обществами гарантированныя облигаціи оставляло у себя, оплачивая ихъ суммами, выручавшимися отъ займовъ, заключаемыхъ отъ имени государства. Но и при этомъ оно не отказалось отъ политики укрыванія шила въ мѣшкѣ, и полагало увѣрить иностранныхъ банкировъ въ томъ, что желѣзнодорожные займы не имѣютъ отношенія къ государственному бюджету, не включая ихъ въ общую сумму долговъ, а образовавъ спеціальный желѣзнодорожный фондъ. И хотя иностранцы врядъ ли могли ошибаться въ оцѣнкѣ того, какое значеніе имѣетъ для государственныхъ финансовъ полумилліардный долгъ государственному казначейству, накопившійся за дорогами къ срединѣ 70-хъ годовъ, и ежегодный расходъ правительства въ 50 милліоновъ рублей на приплаты по гарантіи, но правительство продолжало укрывать эту категорію государственныхъ долговъ, и лишь въ 1884 г. эта безцѣльная игра была оставлена, и желѣзнодорожные займы стали заноситься въ общій списокъ государственныхъ долговъ.

Всего въ описываемый періодъ заключено было для нуждъ желѣзнодорожнаго дѣла займовъ на сумму 800 м. р. въ тогдашней валютѣ, 1.026 м. р. въ нынѣшней валютѣ. Выручено по нимъ 845 м. р., а за покрытіемъ расходовъ реализаціи и по оплатѣ перваго купона, въ распоряженіе правительства для нуждъ желѣзнодорожнаго дѣла поступило около 700 м. р. въ нынѣшней валютѣ, т.-е. немного болѣе $^2/_3$ нарицательной цѣны займовъ. 156 милл. рублей этого долга причислены къ общему долгу.

Не будемъ останавливаться на объясненіи происхожденія и составѣ выкупного долга за отведенныя крестьянамъ земли. Скажемъ лишь, что къ 1877 г. на государственномъ казначействѣ лежали обязательства (выкупныя свидѣтельства, банковые билеты и т. п.) въ суммѣ 380 милліоновъ рублей и числилось 47 милліоновъ рублей долга за земли удѣльныхъ крестьянъ, всего 427 милліоновъ рублей. Этотъ долгъ вполнѣ обезпечивался выкупными платежами крестьянъ.

Движеніе государственнаго долга въ теченіе разсматриваемаго періода и итогъ задолженности государственнаго казначейства къ моменту турецкой войны, послѣ всего сказаннаго, выразится (въ нынѣшней валютѣ) такъ.

На общегосударственныя надобности (вмѣстѣ съ долгомъ Царства Польскаго и частью желѣзнодорожныхъ займовъ) заключено займовъ на 803 милл. рублей, погашенъ долгъ въ 519 милл. руб.; приростъ долга—284 милліона рублей; образованіе желѣзнодорожнаго фонда увеличило государственный долгъ на 864 мил-

ліона рублей; всего въ теченіе описываемаго періода государственный долгъ (не считая выкупного) возросъ на 1.148 милліоновъ рублей. Къ началу періода государственный долгъ равнялся 1.375 милліонамъ рублей; къ концу его онъ увеличился до 2.523 милліоновъ рублей. Въ валютѣ того времени государственный долгъ выразится суммою 2.180 милл. рублей.

По этому долгу государственное казначейство должно было ежегодно уплачивать всю сумму взятыхъ на себя обязательствъ или бо̀льшую ихъ часть (по желѣзнодорожнымъ долгамъ). Если же считать и совершенно обезпечиваемый крестьянскими платежами выкупной долгъ, то задолженность государства къ моменту турецкой войны выразится суммою въ 2.610 милліоновъ рублей валюты того времени и 2.950 милліоновъ рублей въ нынѣшней валютѣ.

В. В.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

ЭСКИЗЪ

По роману *Michel Corday* „La Mémoire du Coeur“ (Paris, 1907, E. Fasquelle édit.).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Какъ трогательны и печальны отъѣзды большихъ курьерскихъ поѣздовъ, которые каждый вечеръ мчатся изъ Парижа, направляясь къ границамъ! Присутствуя случайно при отходѣ такого поѣзда, невольно заражаешься общимъ волненіемъ. Сначала заинтересованный взглядъ наблюдаетъ стоящія вдоль поѣзда передъ открытыми дверцами вагоновъ темныя группы. Рѣзко выступающія при жесткомъ свѣтѣ электрическихъ фонарей отдѣльныя фигуры сплочиваются тѣсными кучками, стараясь до послѣдней минуты сохранить свою обособленность отъ толпы. Потомъ вниманіе сосредоточивается на какой-нибудь отдѣльной парѣ: отъѣзжающемъ путешественникѣ, котораго провожаетъ женщина. Такую пару можно всегда встрѣтить при отходѣ вечернихъ курьерскихъ поѣздовъ. Начинаешь слѣдить за ними и уже не отводишь глазъ до послѣдней минуты, до тѣхъ поръ, пока отходъ поѣзда не оторветъ ихъ насильственно другъ отъ друга. Является инстинктивное желаніе проникнуться самому ихъ печалью. Какъ случайный посѣтитель игорной залы бросаетъ монету на зеленый столъ, чтобы пріобщиться настроенію игроковъ, такъ, наблюдая за драмой прощанія, отдаешь незнакомымъ людямъ частицу сердца, чтобы пріобщиться ихъ печали. Хочется угадать по ихъ лицу, что̀ они переживаютъ. Что̀ они другъ для друга? Одинаково ли страдаютъ при разлукѣ? Почему разстаются? Надолго ли? Словомъ, хотѣлось бы знать ихъ лучше, чтобы глубже ихъ жалѣть.

Въ концѣ сентября 19..., на платформѣ Gare du Nord стояла передъ отходомъ вечерняго поѣзда такая пара, вызывавшая интересъ и сочувствіе всякаго, кто бы ни взглянулъ на нее.

Отъѣзжавшій путешественникъ былъ высокаго роста стройный человѣкъ лѣтъ тридцати съ небольшимъ. Широкій дорожный плащъ съ капюшономъ и высокимъ воротникомъ, изящный покрой платья, тонкія узкія ботинки, рука въ сѣрой перчаткѣ, нервно игравшая палкой изъ чернаго дерева съ серебрянымъ набалдашникомъ—вся изящная внѣшность его выдавала человѣка, умѣющаго сочетать требованія моды съ индивидуальнымъ вкусомъ. Коротко остриженные каштановые волосы оттѣняли правильное очертаніе круглой головы, слегка наклоненной къ лѣвому плечу. Пенснэ — два хрустальныхъ стекла безъ оправы — и острая бородка еще болѣе выдѣляли тонкость умнаго нѣжнаго лица. И несмотря на явное стараніе скрыть печаль, она ясно обозначалась въ скорбной складкѣ полуоткрытаго рта.

Провожавшая его женщина была средняго роста, въ изящномъ костюмѣ tailleur, который мягко обрисовывалъ гармоничныя линіи ея фигуры. Во всемъ ея существѣ сказывался тотъ моментъ расцвѣта красоты, который обыкновенно недолго длится — та пора жизни, когда весна у женщины уже предвѣщаетъ лѣто. Подъ рѣзкимъ, падающимъ съ высоты, свѣтомъ электрическаго фонаря ея темная шляпа бросала тѣнь на лобъ и глаза. Въ тяжелыхъ завиткахъ русыхъ волосъ сверкали болѣе свѣтлыя пряди. Нижняя часть нѣжнаго лица поражала своей граціей, своей дѣтской свѣжестью. Но лицо это было воспалено отъ недавнихъ, невысохшихъ слезъ.

Стоя неподвижно другъ противъ друга передъ открытымъ купэ въ концѣ вагона, они обмѣнивались лишь немногими словами. Видно было стараніе скрыть душевную муку, но она всетаки такъ ясно отражалась на ихъ лицахъ, что другіе путешественники, отвлекаясь отъ собственныхъ заботъ и печали, украдкой смотрѣли отъ времени до времени въ ихъ сторону. Даже рабочіе, врѣзывавшіеся въ толпу со своими тяжелыми желѣзными повозками, нагруженными багажемъ, огибали ихъ, чтобы не мѣшать, и только оборачивались на нихъ, проѣхавъ мимо. И самому равнодушному взору они представлялись трогательными жертвами разлуки; всякому хотѣлось раздѣлить ихъ горе, узнать, въ чемъ оно заключается.

Отъѣзжающаго звали Адріеномъ Делькамбромъ. Онъ родился въ Парижѣ; отецъ его былъ провансалецъ, мать—шведка. Бракъ его родителей былъ очень романтичный,—они познакомились и

полюбили другъ друга въ Швейцаріи, но родители Делькамбра сопротивлялись его женитьбѣ на эмансипированной, самостоятельной иностранкѣ. Послѣ долгой борьбы съ разными препятствіями, они, наконецъ, все-таки поженились, и противоположность южнаго и сѣвернаго темперамента мужа и жены не помѣшала ихъ супружескому счастью. Адріенъ выросъ въ атмосферѣ полной гармоніи между родителями. Дѣтство онъ провелъ неразлучно съ матерью, которая пріучила его къ вдумчивому отношенію ко всему окружающему и привила ему любовь къ самоуглубленію. Она часто говорила ему: „Такъ же, какъ мы смотримъ на свое лицо въ зеркало, такъ нужно умѣть смотрѣть и вглубь самого себя". Подъ ея вліяніемъ ясность духа стала казаться ему главнымъ условіемъ красоты жизни. Мать Адріена сама учила его, и живостью своего ума пріохотила его къ ученью, научила его размышлять и обобщать свои знанія. Она много разсказывала ему о себѣ, о томъ, какъ она знакомилась съ новой для нея страной, когда переселилась во Францію. Слушая ея разсказы, Адріенъ сталъ рано задумываться надъ значеніемъ настоящаго и прошлаго — надъ вопросами, которымъ впослѣдствіи посвятилъ свои мысли и знанія.

Потомъ, когда пришлось, наконецъ, поступить въ школу и держать экзамены, Адріенъ ближе сошелся съ отцомъ, помогавшимъ ему въ занятіяхъ математикой. Делькамбръ былъ истинный южанинъ по натурѣ, по живости воображенія. Онъ былъ инженеръ, и, окруженный машинами, онъ, однако, всегда жилъ мечтами о красотѣ, чувствовалъ красоту даже въ области отвлеченнаго мышленія. Когда онъ водилъ сына въ мастерскія и показывалъ ему машины, онъ часто прерывалъ объясненія словами: „Смотри, какъ это красиво!" У него была ненасытная жажда знанія; онъ одинаково любилъ науку и искусство, увлекался музыкой—и всю эту полноту духовной жизни и пламеннаго южнаго воображенія передалъ сыну. Въ Адріенѣ сливались свѣтлый аналитическій умъ матери и художественный южный темпераментъ отца, а счастливое дѣтство, окруженное разумными заботами родителей, гармонично развило способности мальчика.

Зиму Адріенъ проводилъ съ родителями въ Парижѣ, а на лѣто они уѣзжали на югъ, въ Валескуре́, въ Провансѣ, — къ бабушкѣ, матери отца. Эти поѣздки представляли тѣмъ большую радость для Адріена, что онъ тамъ видался съ своей сестрой Маріеттой, которая была старше его на два года. Она была съ самаго рожденія болѣзненнымъ ребенкомъ, и, по совѣту врачей,

ее отправили на югъ, къ бабушкѣ, гдѣ она росла и воспитывалась. Солнце и море излечили унаслѣдованную отъ семьи матери слабость организма.

Братъ и сестра видались такимъ образомъ только во время каникулъ, и поэтому, вѣроятно, они такъ радовались свиданіямъ. Два мѣсяца, которые они проводили вмѣстѣ у моря и въ оливковыхъ кущахъ, казались имъ обоимъ волшебной порой. Но они все-таки часто ссорились, потому что у Маріетты былъ очень властный характеръ, а Адріенъ не любилъ повиноваться. Ссоры ихъ, впрочемъ, были непродолжительныя; порывистая Маріетта первая бросалась обнимать брата, котораго обожала. Она никому не позволяла нападать на Адріена, всегда защищала его и относилась къ нему съ оттѣнкомъ покровительственнаго материнскаго чувства.

Въ Парижѣ жизнь Делькамбровъ протекала очень ровно и тихо. Они не любили показной роскоши, тяготились свѣтскими обязательствами, и потому — хотя и могли, при своихъ большихъ средствахъ, жить очень открыто — предпочитали замкнутую жизнь, ограничиваясь общеніемъ съ тѣснымъ кружкомъ близкихъ друзей.

Изъ всѣхъ друзей его родителей Адріенъ больше всего привязался къ одному человѣку, который имѣлъ на него большое вліяніе и помогъ ему опредѣлить свое призваніе. Это былъ Пьеръ Ронсенъ, профессоръ ботаники въ музеѣ Jardin des Plantes. Онъ былъ школьный товарищъ отца Адріена, но въ молодости они не были близки, а подружились уже, когда обоимъ было лѣтъ по сорока.

Адріенъ сохранилъ на всю жизнь воспоминаніе о первой прогулкѣ по оранжереямъ Jardin des Plantes въ сопровожденіи Ронсена. Адріену было тогда четырнадцать лѣтъ. Былъ хмурый ноябрьскій день, дулъ рѣзкій вѣтеръ, — и вдругъ, когда они попали за стеклянную стѣну оранжереи, они какъ бы перенеслись въ тропики, очутившись въ пальмовомъ лѣсу, среди влажной теплоты и запаха растеній. Эта теплая влажность и ароматъ земли и зелени сопровождали ихъ и по боковымъ свѣтлымъ алеямъ, гдѣ распускались диковинные цвѣты орхидей. Ронсенъ водилъ ихъ по узкимъ дорожкамъ, отвѣчая на почтительные поклоны попадавшихся по пути садовниковъ. Маленькій, съ впалой грудью, съ худымъ лицомъ, обросшимъ сѣдоватой бородой, Ронсенъ не обращалъ на себя вниманія. Но у него была молодая веселая улыбка, открывавшая сверкающіе бѣлые зубы, пріятный музыкальный голосъ и глубокіе голубые глаза. Онъ высказывалъ очень мягко чрезвычайно смѣлыя мысли, интересно говорилъ о цвѣтахъ,

объясняя всѣ ихъ характерныя особенности. Онъ зналъ каждое растеніе въ своихъ оранжереяхъ, гордился своими цвѣтами, трогалъ ихъ такъ ласково и нѣжно, что казался любящимъ отцомъ среди своихъ дѣтей. Но, кромѣ цвѣтовъ, у него была настоящая дочка,—не похожая на таинственный цвѣтокъ. Сильвія была очень веселая, шаловливая дѣвочка, съ падающими на лицо непокорными черными прядями волосъ. Адріена смущалъ ея шумный нравъ, и въ общемъ онъ предпочиталъ отца дочери. Пьера Ронсена онъ обожалъ, когда былъ мальчикомъ; онъ мечталъ о томъ, чтобы сдѣлаться такимъ же ученымъ, какъ Ронсенъ, работать, какъ онъ, всю жизнь. Въ эту пору юности жажда знанія доходила у Адріена до всепоглощающей страсти. Ожиданіе лекціи любимаго профессора, интересная книга—были событіями, усиливавшими радостное ощущеніе жизни. Адріенъ переживалъ счастливое время, когда пріобрѣтеніе знаній, ученіе, кажется открытіемъ новыхъ истинъ, когда, учась, испытываютъ радость изобрѣтателя или путешественника, открывающаго новыя страны. Онъ зачитывался книгами до полнаго забвенія; мать старалась образумить его въ такія минуты, вернуть къ дѣйствительности, но отецъ его узнавалъ свою юность въ страсти Адріена къ чтенію и потворствовалъ его вкусамъ.

Адріенъ имѣлъ полную возможность вполнѣ выяснить себѣ свое призваніе, прежде чѣмъ избрать опредѣленную карьеру. Родители не торопили его, давали ему возможность учиться, вооружаться знаніями, прежде чѣмъ спеціализироваться на чемъ-нибудь одномъ. Пьеръ Ронсенъ очень одобрялъ ихъ образъ дѣйствій, выхваливалъ имъ преимущества университетскихъ занятій для желающихъ дѣйствительно обогатить свой умъ. Рѣшено было, что Адріенъ будетъ одновременно слушать лекціи на филологическомъ и естественномъ факультетахъ, и затѣмъ будетъ, не торопясь, держать экзамены, чтобы имѣть нужные въ жизни дипломы. Адріенъ сталъ усердно посѣщать лекціи и весь ушелъ въ занятія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ правильное теченіе его занятій было нарушено семейнымъ событіемъ—свадьбой его сестры Маріетты. Она воспитывалась на югѣ, у своей бабушки, въ чисто буржуазной средѣ, и въ противоположность брату, выросшему въ интеллектуальной атмосферѣ, прониклась условными взглядами на все и твердой увѣренностью въ правильности понятій своего круга. Она вышла замужъ за человѣка, вполнѣ соотвѣтствовавшаго ей по взглядамъ и жизненнымъ вкусамъ. Роберъ Дюпрэ былъ сынъ богатаго коммерсанта и служилъ первымъ клеркомъ въ большой нотаріальной конторѣ въ Парижѣ. Знакомство между

нимъ и Маріеттой было устроено общими друзьями, и оба они знали до первой встрѣчи, что подходятъ другъ къ другу по годамъ и по матеріальнымъ средствамъ. Черезъ два мѣсяца послѣ первой встрѣчи состоялась свадьба, и новобрачные, слѣдуя традиціонному обычаю, уѣхали въ Италію; вернувшись изъ свадебнаго путешествія, они устроились съ надлежащимъ комфортомъ въ одномъ изъ новыхъ домовъ на бульварѣ St.-Germain.

Адріенъ увидѣлъ впервые Робера Дюпрѐ наканунѣ свадьбы, въ Сенъ-Рафаэлѣ, и сталъ съ интересомъ разглядывать своего „брата по закону", по англійскому выраженію. Роберу было двадцать-восемь лѣтъ, и самое характерное въ его лицѣ была его большая мягкая черная борода, выражавшая спокойствіе духа и увѣренность въ усвоенныхъ разъ навсегда правилахъ жизни. Къ Адріену онъ отнесся съ искреннимъ хорошимъ чувствомъ.

— Видите,—сказалъ онъ ему при первой же встрѣчѣ,—я не отнимаю у васъ сестру, какъ поступаютъ обыкновенно beau-frère'ы, а, напротивъ того, привезу ее вамъ въ Парижъ. Надѣюсь, что вы будете нашимъ постояннымъ гостемъ.

Адріенъ не обманулъ надежды Робера и, по возвращеніи сестры съ мужемъ изъ Италіи, сталъ очень часто бывать у нихъ. Ему было пріятно приходить къ нимъ; все въ ихъ благоустроенномъ новомъ хозяйствѣ было такое новое, чистое, все дышало здоровьемъ и довольствомъ.

Вскорѣ ему пришлось сдѣлаться постояннымъ гостемъ въ домѣ сестры.

Не прошло и года со времени свадьбы Маріетты, какъ родители ея и Адріена оставили Парижъ. Получилось письмо изъ Швеціи, отъ дяди и опекуна матери Адріена. Онъ заболѣлъ, чувствовалъ близость смерти и умолялъ мужа своей племянницы пріѣхать къ нему, чтобы взять на себя огромное и очень выгодное предпріятіе, которое онъ затѣялъ незадолго передъ тѣмъ. Онъ первый сталъ эксплуатировать силу водопадовъ для добыванія электрической энергіи. Делькамбръ колебался нѣсколько времени, не рѣшаясь начать новую жизнь въ сорокъ-пять лѣтъ. Но въ виду того, что дѣти уже выросли и были пристроены, онъ все-таки рѣшился поѣхать, по крайней мѣрѣ на время, чтобы поставить дѣло на ноги; къ тому же женѣ его очень хотѣлось побывать на родинѣ. Они уѣхали съ тѣмъ, однако, чтобы еще вернуться и даже оставили за собой квартиру, въ которой сынъ долженъ былъ жить одинъ во время ихъ отсутствія.

У Адріена стало тяжело на душѣ, когда онъ вдругъ очутился одинъ въ большой квартирѣ родителей. Онъ началъ ходить

по комнатамъ, стараясь сдержать волненіе. Онъ нѣсколько стыдился своего чисто дѣтскаго чувства осиротѣлости послѣ отъѣзда родителей, съ которыми никогда до того не разставался. Приходъ Маріетты отвлекъ его отъ грустныхъ мыслей. Она пришла привести въ порядокъ квартиру, увидѣла плохо скрываемую печаль брата и, подойдя къ нему, ласково тронула его за плечо. Онъ почувствовалъ въ ней такую же нѣжность и готовность защитить его отъ всѣхъ,—какъ въ дѣтствѣ.

— Бѣдный,—сказала она,—тебѣ очень грустно! Ты никогда съ ними не разставался. Я-то привыкла жить вдали отъ родителей. Бѣдный братецъ... Но вѣдь я осталась съ тобой. И Роберъ... онъ очень тебя любитъ. Ты будешь нашимъ ребенкомъ—мы такъ условились съ папой и мамой. Мы усыновляемъ тебя. У насъ сразу будетъ взрослый сынъ. Я буду баловать тебя... въ ожиданіи своихъ дѣтей. Идемъ къ намъ.

Онъ взялъ ее за руку.

— Благодарю тебя, Маріетта. Какая ты добрая!

И они ушли вмѣстѣ изъ дома родителей.

Еще въ одномъ мѣстѣ Адріенъ чувствовалъ себя какъ дома—у Ронсеновъ. Профессоръ ботаники жилъ неподалеку отъ Jardin des Plantes, вблизи фонтана со статуей Кювье, въ уютной, маленькой, со вкусомъ устроенной, квартирѣ. Уютность дому придавали, главнымъ образомъ, молодая улыбка Ронсена, представлявшая такой пріятный контрастъ съ его сѣдѣющей бородой, его глубокій добрый взглядъ и присутствіе его дочери. Сильвія уже перестала быть шумнымъ ребенкомъ; она сдѣлалась умной, веселой дѣвушкой. Съ двѣнадцати лѣтъ она вела хозяйство отца, оставшагося вдовцомъ, и привыкла къ непринужденнымъ ученымъ разговорамъ его друзей. У нея былъ нѣсколько мальчишескій видъ, круглое веселое личико, и она нравилась Адріену своимъ свободнымъ обращеніемъ. Онъ любилъ ея общество, но относился къ ней безъ малѣйшаго оттѣнка ухаживанія. Въ ней было слишкомъ мало женственности, чтобы увлечь его. Она сама опредѣлила ихъ отношенія, говоря, что они отличные товарищи, причемъ, когда она это ему сказала, въ глазахъ ея мелькнуло неожиданно грустное выраженіе.

— Ну, вотъ, какъ товарищъ,—прибавила она, подавляя грусть,—я окажу вамъ сейчасъ же услугу. Хотите знать, на чемъ рѣжетъ Обэнъ на экзаменѣ зоологіи? Онъ самъ мнѣ разсказалъ, и я по дружбѣ вамъ сообщаю. Онъ спрашиваетъ сту-

дента: „Вы видали фонтанъ, выстроенный въ память Кювье?“ Если несчастный отвѣтитъ, что знаетъ, онъ сейчасъ же спрашиваетъ: „Въ такомъ случаѣ, скажите, какую ошибку сдѣлалъ скульпторъ?“ Вы, конечно, не знаете, и я тоже не знала. Обэнъ показалъ мнѣ, въ чемъ дѣло: на памятникѣ изображенъ кайманъ, поворачивающій голову. А оказывается, что кайманъ не можетъ повернуть голову, потому что у него позвонки шеи срослись. Помните это,—на экзаменѣ можетъ пригодиться.

Въ домѣ Маріетты къ экзаменамъ Адріена относились съ величайшимъ волненіемъ,—неуспѣха боялись, какъ катастрофы, удача принимала размѣры апоѳеоза. Маріетта, дѣйствительно, относилась къ младшему брату какъ мать, съ почти слѣпымъ обожаніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ суровой требовательностью... Адріенъ, не видавшій Маріетту съ дѣтства, теперь замѣчалъ съ удивленіемъ странности въ ея характерѣ. Она удивительно быстро увлекалась людьми, и потомъ съ такой же быстротой охладѣвала къ нимъ; у нея были постоянно какія-нибудь любимицы подруги, о которыхъ она же потомъ говорила съ пренебреженіемъ. Точно также она капризно увлекалась какой-нибудь идеей, съ тѣмъ, чтобы черезъ самый непродолжительный срокъ перемѣнить ее на другую... Но среди этихъ капризныхъ увлеченій людьми и идеями у нея былъ какой-то совершенно непоколебимый фонъ убѣжденій; и въ жизни она слѣдовала совершенно опредѣленнымъ правиламъ, какъ рѣка, твердо текущая по своему руслу, какъ бы капризно ни вздымалась и ни опускалась вода на поверхности. Это сказывалось особенно въ отношеніи къ тѣмъ, кого она любила. Къ такимъ избранникамъ ея сердца принадлежалъ ея братъ, и ее нельзя было бы никакъ разувѣрить въ томъ, что онъ обладаетъ всѣми совершенствами.

Нужно было видѣть ея возбужденное лицо, когда, проникаясь страхами брата-студента передъ экзаменами, она возмущалась трудностями конкурсныхъ испытаній, несправедливостью профессоровъ и сыпала въ разговорѣ техническими словами, точно это былъ ея привычный языкъ.

Передъ друзьями—тѣми, которые случайно въ это время пользовались ея симпатіями—она жаловалась на чрезмѣрное трудолюбіе Адріена, конечно, въ то же время гордясь имъ—по чисто материнской непослѣдовательности.

— Подумайте,—говорила она,—онъ едва сдалъ философію

для licence ès lettres, какъ уже готовитъ эмбріологію, физіологію и гистологію для licence ès sciences.

Всѣ должны были знать, — съ тѣхъ поръ, какъ это узнала Маріетта,—что гистологія занимается изученіемъ органическихъ тканей, а эмбріологія изучаетъ эволюцію живыхъ организмовъ. И она распространялась безъ конца о практическихъ занятіяхъ, разсказывала о вскрытіи цефалопода такъ, точно сама держала въ рукахъ скальпель, описывала слои мозгового вещества такъ, точно сама разсматривала все это въ микроскопъ...

Адріенъ дѣйствительно послѣдовалъ плану, предначертанному Пьеромъ Ронсеномъ, и соединялъ изученіе гуманитарныхъ наукъ съ естественно-научными занятіями; онъ съ такимъ же рвеніемъ углублялся въ свои занятія, съ какимъ Маріетта ихъ комментировала. Перерывъ, сдѣланный для военной службы, послужилъ для него умственнымъ отдыхомъ среди физическаго труда, и послѣ того онъ вернулся къ работѣ съ обновленными силами.

Но онъ вступилъ тогда въ новый фазисъ духовной жизни— болѣе творческій. Его умственная и душевная индивидуальность стала рѣзко опредѣляться, и онъ сталъ относиться къ работѣ уже не съ всепоглощающимъ голодомъ первой юности, а съ опредѣлившимся вкусомъ. Онъ сталъ выбирать то, что̀ ему нравилось, сталъ принимать или отвергать вычитанныя мнѣнія. Теперь уже нѣкоторыя книги возмущали его, и онъ съ негодованіемъ бросалъ ихъ. Другія, напротивъ того, особенно восхищали его, такъ какъ выясняли то, что̀ онъ самъ смутно представлялъ себѣ. Онѣ какъ бы продолжали его мысль и возвѣщали ее ему же самому. Онъ слѣдовалъ своимъ внутреннимъ влеченіямъ, избиралъ среди мыслителей тѣхъ, которые были близки ему по духу, и, продолжая изучать мысли другихъ, ощупью старался утвердить и укрѣпить свою индивидуальность. Пьеръ Ронсенъ былъ правъ, усматривая аналогіи между жизнью человѣка и жизнью растеній. Ростъ ума подобенъ росту растенія, которое слѣпо вытягиваетъ соки изъ темной земли тысячью своихъ корней, потомъ, пробиваясь на свѣтъ, питается болѣе утонченной пищей, слѣдуя своимъ особенностямъ и вкусамъ, и, наконецъ, распускаясь въ видѣ цвѣтка, проявляетъ свою обособленность въ очертаніяхъ листьевъ и лепестковъ.

Этимъ первымъ цвѣткомъ, т.-е. первымъ проявленіемъ его индивидуальной сущности, была первая книга Адріена. Онъ ее писалъ два года, стараясь соединить научный характеръ содержанія съ литературностью формы. Книга носила заглавіе „Психея“ и эпиграфомъ къ ней были слова Лейбница: „Жизнь существуетъ

всюду“. Въ результатѣ своихъ серьезныхъ гуманитарныхъ и естественно-научныхъ занятій Адріенъ пришелъ къ панпсихизму, и книга его излагала это міросозерцаніе съ убѣжденностью молодой вѣры. Психея въ его книгѣ не была героиней поэтической античной легенды; онъ бралъ это слово въ первоначальномъ значеніи одухотворящей силы, принципа жизни. Адріенъ вкратцѣ излагалъ эволюцію этого понятія въ теченіе вѣковъ во всѣхъ философскихъ системахъ и религіозныхъ ученіяхъ, въ которыхъ таинственная сила называлась поочередно душой, духомъ, дуновеніемъ, флюидомъ. Сначала различаясь въ примѣненіи къ людямъ и къ животнымъ, она, наконецъ, сдѣлалась простымъ выраженіемъ энергіи, одинаковой во всѣхъ органическихъ существахъ и даже въ инертной матеріи. На этомъ опредѣленіи Адріенъ останавливался съ особымъ вниманіемъ и вполнѣ его признавалъ. Не возводя его въ догматъ, чтобы не впасть въ сектантство, онъ считалъ его, однако, наиболѣе близкимъ къ истинѣ.

Первая книга принесла молодому автору много пріятныхъ минутъ. Онъ зналъ, что появленіе ея не вызоветъ шума, и не былъ огорченъ тѣмъ, что о ней было лишь нѣсколько небольшихъ отзывовъ въ кружковыхъ маленькихъ журналахъ безъ подписки; но сочувствіе нѣсколькихъ близкихъ людей очень его ободрило и укрѣпило желаніе идти дальше по намѣченному пути. Онъ получилъ изъ Швеціи отъ родителей обрадовавшее его сочувственное письмо. Учителя, которымъ онъ послалъ свою книгу, хвалили его—вполнѣ искренно, такъ какъ успѣхъ книги далеко не былъ громкимъ.

Больше всего его радовали похвалы Пьера Ронсена—въ особенности въ виду того, что онъ хвалилъ именно тѣ мѣста, которыми Адріенъ болѣе всего дорожилъ въ своей книгѣ. Сильвія радовалась его литературному дебюту, какъ празднику, устроила парадный обѣдъ въ день выхода книжки. За дессертомъ они выпили втроемъ бутылку Asti. Потомъ Сильвія потребовала, чтобы Адріенъ далъ ей экземпляръ своей книги съ надписью. Когда онъ, взявъ перо, которое она ему принесла, задумался, не зная, что̀ написать на книгѣ, она сама же ему продиктовала: „Товарищу Сильвіи отъ автора“.

Среди этого общаго сочувствія близкихъ людей прозвучалъ одинъ диссонансъ: Маріеттѣ и въ особенности ея мужу „Психея“ не понравилась.

Адріенъ очень сжился съ сестрой. Родители окончательно

поселились въ Швеціи, гдѣ присутствіе его отца было необходимо для дѣла, и Адріенъ привыкъ считать роднымъ домомъ домъ сестры. Отношенія съ нею и ея мужемъ оставались самыми близкими. Роберъ тѣмъ временемъ откупилъ нотаріальную контору у своего прежняго патрона; борода его сдѣлалась еще болѣе блестящей, спокойной и внушительной,—но добродушіе его оставалось прежнимъ и къ брату жены онъ былъ искренно привязанъ.

Появленію книги Адріена придавали въ домѣ его сестры значеніе мірового событія. Маріетта была увѣрена, что книга брата должна будетъ произвести переворотъ въ мірѣ. И вдругъ, когда книга вышла въ свѣтъ, когда Маріетта разрѣзала и прочла ее сначала до конца, она ограничилась нѣсколькими пустыми комплиментами автору, а Роберъ просто ничего не говорилъ,—что, конечно, еще сильнѣе задѣло самолюбіе автора.

Но такое отношеніе въ сущности не очень удивило Адріена, который, несмотря на теплыя родственныя отношеніи съ сестрой и ея мужемъ, чувствовалъ въ нихъ уже нѣсколько времени людей совершенно иного духовнаго міра. Маріетта была насквозь пропитана вліяніемъ буржуазной среды, въ которой выросла, и становилась все болѣе и болѣе похожей по складу ума и по характеру на бабушку, мать отца. Очевидно, то̀, что доказывалъ Адріенъ въ „Психеѣ", идея равноцѣнности жизненнаго начала въ людяхъ, животныхъ и даже неодушевленной природѣ, должна была возмущать ее, привыкшую къ іерархическому пониманію міра, къ дѣленію людей на высшія и низшія группы, къ перегородкамъ въ общественномъ строѣ.

Еще яснѣе обнаруживалась разница взглядовъ между Адріеномъ и его шуриномъ. Роберъ былъ миролюбивъ и вовсе не чувствовалъ потребности спорить и отстаивать свои убѣжденія. Но онъ былъ твердо увѣренъ въ ихъ непоколебимой истинѣ и выражалъ это въ спокойныхъ и увѣренныхъ жизненныхъ поступкахъ, въ воспитаніи дѣтей, въ сужденіяхъ о политическихъ и общественныхъ событіяхъ дня. Онъ почти никогда не говорилъ съ Адріеномъ о теоретическихъ вопросахъ, но когда взгляды Адріена выяснились въ его книгѣ, Роберъ былъ пораженъ. Теорія единства жизненнаго начала въ природѣ, объединеніе трехъ царствъ воедино казалось ему какимъ-то нарушеніемъ общественныхъ приличій. Онъ никакъ не могъ согласиться съ тѣмъ, что одна и та же энергія дѣйствуетъ въ формирующемся кристаллѣ, въ артишокѣ, въ собакѣ и въ почтенномъ нотаріусѣ. Адріенъ, утверждавшій нѣчто столь дикое, казался ему просто комичнымъ.

Онъ не представлялъ себѣ, что можно мыслить и разсуждать иначе, чѣмъ всѣ. Онъ сталъ разспрашивать Адріена о его теоріяхъ съ явно пренебрежительнымъ любопытствомъ, какъ богатый янки сталъ бы разспрашивать индѣйца о его суевѣріяхъ. Въ особенности его интересовало одно слово, постоянно повторявшееся въ книгѣ Адріена и какъ бы составлявшее ключъ къ его ученію,—слово „детерминизмъ".

— Да объясните вы, наконецъ, — сказалъ онъ разъ послѣ завтрака, за кофеемъ,—въ чемъ заключается этотъ пресловутый детерминизмъ?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, Адріенъ и не подозрѣвалъ, что наступитъ день, когда онъ самъ не рѣшится сразу примѣнить на практикѣ свои идеи, и что, излагая свои мысли передъ сестрой и ея мужемъ, онъ создалъ себѣ въ будущемъ судей и грозныхъ свидѣтелей. Ему только хотѣлось убѣдить, побѣдить ихъ идейную вражду, которую онъ чувствовалъ за личнымъ расположеніемъ къ нему.

— Быть детерминистомъ,—сталъ онъ объяснять,—это значитъ вѣрить, что наши дѣйствія и слова опредѣляются условіями, надъ которыми мы не властны, какъ не властны надъ физическими законами жизни. Разнообразныя силы сочетаются и создаютъ въ результатѣ нѣчто, что является нашимъ дѣйствіемъ или нашимъ словомъ. Наше сознаніе воспринимаетъ это слѣдствіе разныхъ причинъ, но не управляетъ имъ. Если проанализировать самый простой жестъ, то, что я беру тотъ или другой предметъ, или направляюсь къ какой-нибудь цѣли, то выяснится, что я слѣдую влеченіямъ, которыхъ самъ не вызывалъ. Нашъ мозгъ подобенъ клавіатурѣ, составленной изъ разнообразной и сложной гаммы нашихъ ощущеній. Когда нажимаются извѣстныя клавиши, инструментъ издаетъ опредѣленный звукъ—и не можетъ издать другого. Въ то время, какъ намъ кажется, что мы свободно принимаемъ какое-нибудь рѣшеніе, наши внутренніе голоса уже опредѣлили его заранѣе, и у насъ является только иллюзія воли.

Маріетта молча и сурово слушала объясненія брата, совершенно не убѣждавшія ее, а Роберъ тихо качалъ головой, внутренно удивляясь, что такой образованный и умный юноша могъ принимать въ серьёзъ такія глупости. Онъ небрежно возразилъ, что весь этотъ детерминизмъ — не что иное, какъ передѣланный на модный манеръ фатализмъ восточныхъ народовъ, и прибавилъ, что эти теоріи, еслибы онѣ, не дай Богъ, привились, могли бы оказаться очень опасными.

— Самое лучшее доказательство, что я обладаю свободой

воли,—закончилъ нотаріусъ свое самодовольное объясненіе,—это то, что я возьму теперь шляпу и палку, и отправлюсь по собственной волѣ въ мою контору, куря сигару, которую, повѣрьте, я выбралъ по собственному вкусу.

Адріенъ вздохнулъ, понимая, что онъ никогда его не убѣдитъ. Со времени появленія „Психеи", въ ихъ отношенія вкралась фальшивая нота, и по поводу каждаго вопроса, заходила ли рѣчь о правосудіи, объ отечествѣ, о семьѣ, о книгахъ, о литературѣ, о законахъ, они выражали діаметрально противоположныя сужденія...

Однажды вечеромъ, послѣ обѣда, Адріенъ засидѣлся въ маленькой гостиной Маріетты. Въ гостяхъ у его сестры была ея новая знакомая, новый предметъ ея перемѣнчивыхъ увлеченій, Елена Обрэ, молодая дѣвушка, учительница рисованія въ школѣ, гдѣ училась маленькая дочка Маріетты. Маріетта сразу привязалась къ молодой учительницѣ, всячески выказывала ей свои восторги, подружилась съ ней, звала ее по имени и не отпускала отъ себя. Елена спокойно принимала поклоненіе, окружавшее ее въ домѣ ея новой пріятельницы, и держалась очень спокойно.

Подали чай. Мелкія граненыя стекла двери, отдѣлявшей маленькую гостиную отъ большой залы, искрились пестрыми огнями. Электрическія лампочки сверкали въ мѣдныхъ оправахъ; на темнокрасномъ фонѣ стѣнъ выдѣлялись полки краснаго дерева съ золотыми рѣшетчатыми дверцами. Адріенъ обратилъ вниманіе на то, какъ среди этихъ теплыхъ тоновъ эффектно выдѣлялась красота новой подруги Маріетты, ея свѣтлый цвѣтъ лица и волосы съ свѣтлыми переливами среди темно-каштановыхъ волнъ. Онъ любовался стройной фигурой, блестящими глазами и капризно-изгибающейся линіей рта.

Въ сосѣдней комнатѣ раздался звонокъ телефона, и Роберъ съ неудовольствіемъ поднялся и вышелъ изъ гостиной.

— Вотъ несносное изобрѣтеніе!—воскликнулъ онъ, возвращаясь.

— Зачѣмъ же вы имъ пользуетесь?—спросилъ съ улыбкой Адріенъ.

— Чтобы жить какъ всѣ, чтобы подражать сосѣду, отстаивать свои интересы, не уступая ему въ средствахъ. Еслибы всѣ сразу захотѣли отказаться отъ этой нелѣпой выдумки, то конечно...

— Да вѣдь это теорія разоруженія!—воскликнулъ Адріенъ, чувствуя себя почему-то въ воинственномъ настроеніи.

Маріетта, которая всегда боялась возможныхъ столкновеній между братомъ и мужемъ, постаралась отвлечь разговоръ на

другую тему, втянувъ въ общую бесѣду свою новую пріятельницу, Елену. Но Адріена еще болѣе возбуждало къ спору присутствіе молодой дѣвушки, и онъ продолжалъ свои нападки.

— Самое любопытное во врагахъ науки, — сказалъ онъ, — то, что они, возмущаясь противъ нея, сами же пользуются ея услугами, телеграфомъ, телефономъ, быстрыми поѣздами. Они хвалятъ старые дома, но предпочитаютъ жить въ новыхъ, устроенныхъ по всѣмъ правиламъ современнаго комфорта и гигіены. Они пользуются лифтомъ, устраиваютъ у себя электрическое освѣщеніе — и даже не могутъ жить безъ газетъ.

— Вы ошибаетесь, милый другъ, — отвѣтилъ Роберъ. — Безъ всѣхъ этихъ чудесъ цивилизаціи, которыя вы такъ восхваляете, жилось бы гораздо лучше. Они не улучшаютъ жизнь, а только вносятъ въ нее суету и нервность.

Адріену стало скучно оспаривать избитые доводы противъ матеріальнаго прогресса, будто бы не содѣйствующаго нравственному совершенствованію.

— Знаю, знаю, — пробормоталъ онъ. — Доброе старое время... Конечно. Да я не отвергаю прелесть старины, развалинъ, античныхъ статуй, живописныхъ старыхъ обычаевъ, пѣсенъ, — всего, что̀ связываетъ насъ съ прошлымъ. Мнѣ тоже отрадно чувствовать корни своего существованія въ прошломъ, — но я не могу преклоняться передъ суевѣріемъ и невѣжествомъ только на томъ основаніи, что ими жили наши предки.

Адріенъ видѣлъ, что Елена слѣдитъ за его споромъ съ Роберомъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и въ ея блестящемъ взглядѣ Адріенъ почувствовалъ невысказываемое сочувствіе себѣ. Это его обрадовало. Роберъ продолжалъ возражать противъ его защиты прогресса, доказывая, что все равно никакія научныя открытія и усовершенствованія не сдѣлаютъ людей лучшими и болѣе счастливыми.

— Все равно, всѣ вы ничего не измѣнили въ жизни, — сказалъ онъ спокойно и самоувѣренно. — Всѣ тѣ, которые ораторствуютъ на трибунахъ и въ газетахъ, всѣ эти борцы за лучшее будущее не улучшили ничьего положенія — кромѣ своего собственнаго.

Адріенъ съ негодованіемъ вскочилъ съ мѣста. Роберъ передъ посторонней женщиной высмѣивалъ его вѣру, высказывалъ сомнѣніе въ искренности его и его единомышленниковъ. Это его вывело изъ себя.

— Значитъ, вы сомнѣваетесь въ нашей искренности? — крикнулъ онъ.

— Относительно искренности я ничего не говорю,—возразилъ Роберъ, покачавъ головой. — Я только отрицаю здравый смыслъ въ вашихъ разсужденіяхъ... Прогрессъ — пустое слово. На самомъ дѣлѣ ничего нельзя измѣнить.

Маріетта стояла около Робера, опершись на спинку его кресла. Адріенъ подошелъ къ нимъ, весь дрожа.

— Какая чудовищная несправедливость!—воскликнулъ онъ.— Какъ вамъ не стыдно отрицать науку! Послушайте, я привязанъ къ вамъ обоимъ и, очевидно, не желаю вамъ зла. Но что̀, еслибы вотъ въ эту минуту вы услышали изъ сосѣдней комнаты, гдѣ спятъ ваши дѣти, удушливый кашель,—еслибы, словомъ, у Клода или Лизы вдругъ сдѣлался круппъ? Вы бы все-таки бросились къ доктору за спасеніемъ и моментально сдѣлали бы прививку больному ребенку... И что̀ бы вы сказали, еслибы я загородилъ вамъ дорогу въ дѣтскую, повторяя ваши слова:—„Зачѣмъ лечить? Все равно наука ни къ чему не приводитъ“?

— Адріенъ, перестань!—крикнула въ ужасѣ Маріетта.

Роберъ сдѣлалъ только гримасу, показывая, что считаетъ эту выходку неумѣстной. Адріену было нѣсколько непріятно, что онъ далъ волю своему возмущенію передъ чужой гостьею, но все-таки ему стало легче. Теперь ему хотѣлось только остаться одному, чтобы окончательно успокоиться, и онъ воспользовался первой наступившей паузой въ разговорѣ, чтобы уйти.

По дорогѣ домой онъ думалъ о томъ, до чего идейныя разногласія испортили личныя отношенія между нимъ и Роберомъ. Подъ вліяніемъ пережитого возбужденія ему даже казалось, что лучше всего, можетъ быть, перестать бывать у сестры. Но потомъ, успокоившись, онъ сталъ разсуждать болѣе логично.

Чѣмъ виноватъ Роберъ въ томъ, что у него такія убѣжденія? По собственной же теоріи Адріена онъ такъ же неотвѣтственъ за свои взгляды, какъ за форму лица, за голосъ и жесты. Его умственный складъ выработался подъ вліяніемъ воспитанія и наслѣдственности,—и не его вина, что онъ сдѣлался убѣжденнымъ буржуа. Если мы миримся съ физическими недостатками близкихъ людей, то нельзя возмущаться ихъ духовными недочетами, считая мысль только высшей функціей организма, и разсматривая душу и тѣло только какъ разные знаки одной и той же жизненной энергіи.

Адріенъ настолько проникся своими теоріями, что понялъ всю непослѣдовательность своего гнѣва противъ Робера и сестры, и рѣшилъ разъ навсегда примириться съ ихъ взглядами.

На слѣдующій же день онъ съ утра отправился въ контору

Робера и, заставъ его одного, сразу объяснилъ ему совершенно откровенно цѣль своего прихода.

— Я пришелъ объясниться,—сказалъ онъ,—и загладить непріятное впечатлѣніе отъ вчерашняго спора. Наши взгляды совершенно расходятся,—но постараемся избѣгать столкновеній. Я обѣщаю вамъ не возбуждать споровъ. Я излагаю и буду излагать свои мысли въ книгахъ, а вы можете ихъ не читать,—вотъ и все. Въ жизни же мы можемъ не касаться нашихъ убѣжденій. Я навѣрное готовъ не отстаивать ихъ,—въ этомъ отношеніи я уступчивѣе васъ. Научный образъ мыслей не стремится къ непоколебимости. Наше ученіе подлежитъ всегда совершенствованію, въ зависимости отъ новыхъ научныхъ открытій. Мы это знаемъ и преклоняемся передъ опытомъ. Мы ничего не утверждаемъ—съ такой увѣренностью, какъ вы, догматики. Вы же такъ увѣрены въ себѣ, что, говоря о своемъ образѣ мыслей, о своихъ патріотическихъ чувствахъ, говорите: „здравый образъ мыслей", „истинный французъ" и т. д. У васъ—монополія здраваго, истиннаго. Вы такъ увѣрены въ превосходствѣ своихъ принциповъ, что не желаете даже размышлять, потому что размышленіе означало бы споръ съ самимъ собой. Поэтому вы такъ спокойно и высказываете свои взгляды, даже не подозрѣвая возможности иной истины, кромѣ вашей, не думая, что ваши слова могутъ задѣть кого-нибудь. А вѣдь иногда очень больно наступаешь кому-нибудь на ногу именно потому, что не замѣчаешь его ноги. Такъ вотъ я и прошу васъ по возможности не наступать мнѣ на ногу,—и я буду тоже остороженъ въ этомъ отношеніи.—Согласны?

Роберъ выслушалъ Адріена очень спокойно, поглаживая свою бороду; потомъ онъ поднялся и протянулъ ему руку.

— Можетъ быть, вы отчасти правы,—сказалъ онъ.—Во всякомъ случаѣ намѣренія ваши несомнѣнно хорошія,—и мнѣ было бы дѣйствительно очень больно, еслибы наши отношенія испортились. И знаете—ужъ я вамъ сознаюсь,—еслибы вы не зашли теперь ко мнѣ, я бы пришелъ къ вамъ передъ обѣдомъ. Идемте же завтракать.

При видѣ брата, пришедшаго съ мужемъ, Маріетта просіяла отъ радости и нѣжно обняла его. Адріену было пріятно очутиться снова въ уютной столовой, за столомъ у сестры, и смотрѣть на свѣжія личики дѣтей, Лизы и Клода. При всемъ своемъ детерминизмѣ, онъ питалъ искреннюю привязанность къ сестрѣ и ея семьѣ.

— Какъ тебѣ нравится моя Елена?—вдругъ спросила его Маріетта.

Адріенъ въ эту минуту какъ разъ подумалъ объ Еленѣ Обрэ, вспоминая сцену, разыгравшуюся наканунѣ въ ея присутствіи. Онъ помолчалъ и сказалъ:

— Она очень женственна.

— Что̀ ты понимаешь подъ этимъ словомъ?—спросила Маріетта.

Онъ былъ нѣсколько возбужденъ радостью примиренія, чувствовалъ себя въ праздничномъ настроеніи, и въ отвѣтъ сестрѣ сказалъ нѣсколько мечтательнымъ тономъ:

— Это трудно объяснить, потому что въ этомъ словѣ объединено много другого, еще болѣе неопредѣленнаго. Женственность, какъ я ее понимаю,—это, въ чисто пластическомъ отношеніи, стройная полнота, нѣжная закругленность; а духовно—слабость, соединенная со смѣлостью, доброта и веселость, гибкость и прямодушіе, невинное очарованіе, естественная грація, сознающая себя и стремящаяся къ совершенству. Это—душа, открытая для чувствъ, и умъ, открытый для мыслей,—что-то страстное, приближающееся къ нѣжности материнства,—словомъ, то, что̀ среди всяческихъ эволюцій и измѣненій остается главнымъ очарованіемъ женщины.

— Однако!—воскликнулъ Роберъ: — да вѣдь это былъ бы перлъ созданія! Неужели m-lle Обрэ владѣетъ всѣми этими совершенствами?

— Я этого не утверждаю; — я слишкомъ мало знаю ее, чтобы судить. Но она принадлежитъ къ этому типу.

— Сколько ей лѣтъ?—спросилъ Роберъ.

— Двадцать-пять,—отвѣтила Маріетта.

Обѣдъ кончился. Опустивъ кончики пальцевъ въ стаканъ теплой воды, Адріенъ спросилъ:

— Почему она не вышла еще замужъ?

— Потому что у нея нѣтъ ни гроша приданаго,—нѣсколько рѣзко отвѣтила Маріетта.

Она, конечно, вполнѣ раздѣляла обычный взглядъ на приданое, какъ на необходимое условіе брака, и Роберъ былъ такого же мнѣнія.

— Жалко,—сказалъ онъ.—И у нея нѣтъ никакихъ надеждъ на деньги въ будущемъ,—на какое-нибудь наслѣдство?

— Никакихъ. Отецъ служитъ въ Греноблѣ. Ихъ три сестры. Расходы по дому большіе, а жалованье у отца маленькое. А такъ какъ дочерямъ чиновника неприлично работать для зара-

ботка, по крайней мѣрѣ въ городѣ, гдѣ служитъ отецъ, то двѣ старшія дочери уѣхали изъ родительскаго дома, чтобы искать заработка въ другихъ мѣстахъ. Старшая — въ Англіи, самая младшая—дома, а Елена, средняя—здѣсь, въ Парижѣ. У нея большія способности къ живописи; она расписываетъ вѣера, даетъ уроки и хотѣла бы достать заказы для иллюстраціи книгъ. Она удивительно работящая, даровитая дѣвушка, и такая простая, скромная. Говорятъ, что теперь многія дѣвушки въ ея положеніи пріѣзжаютъ искать заработка въ Парижъ. Да это и понятно. Безъ приданаго никто на нихъ не женится,—развѣ какой-нибудь ремесленникъ или мелкій служащій, за котораго онѣ не пойдутъ. Онѣ предпочитаютъ поэтому жить самостоятельнымъ трудомъ.

Роберъ вздохнулъ, поднявъ глаза къ небу. Ему была не по душѣ такая эмансипація дѣвушекъ, идущая противъ традицій буржуазной жизни. Но, согласно обѣщанію, данному Адріену, онъ не сталъ спорить, и только крѣпко сжалъ въ рукѣ свою бороду, какъ сжимаютъ руку другу, сдерживая волненіе.

Адріенъ былъ тронутъ этимъ доказательствомъ дружелюбныхъ намѣреній Робера. Адріенъ, въ свою очередь, тоже старался не высказывать своихъ мнѣній. Онъ не говорилъ также о новой книгѣ, надъ которой работалъ теперь. Въ ней онъ пошелъ еще дальше въ смыслѣ протеста противъ общепринятыхъ взглядовъ, давая новыя, самобытныя объясненія собраннымъ фактамъ дѣйствительности. Онъ занялся изученіемъ мозговыхъ функцій и останавливался, главнымъ образомъ, на явленіи сновъ. Онъ хотѣлъ назвать свою книгу „Сны", чтобы заманить воображеніе читателя анализомъ страннаго раздвоенія жизни во время сна и увлечь его затѣмъ въ таинственный лабиринтъ своихъ мыслей и теорій. Но обо всемъ этомъ онъ не могъ говорить Маріеттѣ и Роберу, такъ какъ пришлось бы выяснять свою теорію, которая не могла не возмутить ихъ.

Адріенъ ясно сознавалъ, что для дѣйствительнаго сохраненія хорошихъ отношеній слѣдовало бы—по крайней мѣрѣ на время работы надъ новой книгой—рѣже бывать у сестры; но почему-то онъ именно теперь не чувствовалъ желанія рѣже бывать у Маріетты; напротивъ того, онъ приходилъ къ ней каждый день къ обѣду и слишкомъ привыкъ анализировать свои дѣйствія и влеченія, чтобы не догадаться, что собственно его влечетъ туда. Онъ ходилъ къ сестрѣ изъ-за Елены...

При всемъ своемъ увлеченіи научными занятіями, Адріенъ былъ менѣе всего равнодушенъ къ женской красотѣ. У него были въ жизни мимолетные романы, причемъ онъ сейчасъ же

охладѣвалъ къ женщинѣ, когда замѣчалъ въ ней что-нибудь мелкое. Но истинной, глубокой любви онъ еще не испыталъ въ жизни, хотя мечталъ — и въ то же время боялся — о чувствѣ, которое захватило бы его цѣликомъ.

Шелъ ли онъ навстрѣчу такому чувству, опредѣляющему судьбу человѣка, когда спѣшилъ по вечерамъ на обѣдъ къ сестрѣ? Было ли его волненіе при видѣ верхней одежды Елены въ передней знакомъ, возвѣщавшимъ о готовящейся драмѣ его жизни? Почему, при появленіи Елены, все вокругъ принимало преображенный, сіяющій видъ? Означало ли все это, что она—та, которую онъ долженъ былъ полюбить навсегда,—этого онъ не зналъ и не рѣшался узнать.

Но все въ жизни обнаруживается. Разъ въ апрѣлѣ, около десяти часовъ утра, Адріенъ зашелъ къ Ронсенамъ. Онъ бывалъ у нихъ попрежнему довольно часто, такъ какъ съ ними могъ свободно говорить о своихъ теоретическихъ работахъ и литературныхъ планахъ. Сильвія сейчасъ же стала оживленно разспрашивать его о его новой книгѣ. Пьеръ Ронсенъ помогалъ своему молодому другу въ работѣ надъ этой книгой, собирая матеріалы у знакомыхъ ученыхъ, которые охотно говорили ему о своихъ наблюденіяхъ надъ снами, о томъ, при какихъ обстоятельствахъ они видѣли интересные въ какомъ-либо отношеніи сны. Эти сообщенія были тѣмъ болѣе цѣнны, что исходили отъ людей, привыкшихъ къ самоанализу.

Адріенъ, однако, продолжая бывать у Ронсеновъ, приходилъ теперь всегда только утромъ—и не могъ, при всей дружбѣ съ „товарищемъ“-Сильвіей, объяснить ей, что потому никогда не приходитъ къ нимъ обѣдать, что Елена часто обѣдаетъ у Маріетты, но никогда не бываетъ къ завтраку.

Когда онъ пришелъ на этотъ разъ къ Ронсену, Сильвія сказала ему, провожая его въ кабинетъ отца:

— Вы застанете папу ужасно разстроеннымъ. Заболѣлъ его рисовальщикъ, старикъ, который уже двадцать лѣтъ срисовываетъ для него цвѣты акварелью. А какъ разъ сегодня нужно сдѣлать портретъ рѣдкаго растенія,—до завтра оно утратитъ свои краски. Можете себѣ представить отчаяніе папы! Можетъ быть, случайно, у васъ есть знакомый рисовальщикъ?

— Конечно, есть!—воскликнулъ Адріенъ, входя къ Ронсену и здороваясь съ нимъ.—Впрочемъ, это не рисовальщикъ, а рисовальщица, пріятельница моей сестры Маріетты,—Елена Обрэ. Она рисуетъ вѣера, иллюстрируетъ книги и отлично исполнитъ то, что вамъ нужно.

Онъ въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ все, что зналъ про нее, и Сильвія, которая слегка нахмурилась при первыхъ его словахъ объ Еленѣ, разсмѣялась.

— Не долго же, — сказала она шутливымъ тономъ, — пришлось вамъ рыться въ памяти, чтобы вспомнить о ней. Книга раскрылась прямо на нужной страницѣ.

— Вы сдѣлали бы мнѣ огромное одолженіе,—сказалъ Пьеръ Ронсенъ,—еслибы сейчасъ же направили ко мнѣ эту особу. Время не терпитъ.

— Я сейчасъ же поѣду къ ней.

Наклонившись надъ перилами у входной двери, профессоръ и его дочь слѣдили взглядомъ за Адріеномъ, который быстро спускался съ лѣстницы.

— Онъ очень торопится,—радовался Ронсенъ.

— Еще бы!—отвѣтила молодая дѣвушка.—Онъ сразу осчастливитъ трехъ людей: тебя, ее и себя.

Адріенъ сейчасъ же поѣхалъ на rue Grenelle. Адресъ Елены онъ зналъ, такъ какъ нѣсколько разъ провожалъ ее вмѣстѣ съ Роберомъ до дому отъ сестры. Было одиннадцать часовъ—слишкомъ ранній часъ для визита. Но онъ вѣдь шелъ къ ней по дѣлу, и это придавало ему смѣлости. На его звонокъ явилась сама Елена и провела его изъ передней въ свою мастерскую, большую, свѣтлую комнату, заставленную столами съ гипсами и рисунками. Много этюдовъ висѣло на стѣнахъ, стояло на мольбертахъ.

Елена была въ темной блузѣ, перетянутой у пояса шнуркомъ. Тяжелые волосы окружали ея голову свѣтлымъ вѣнцомъ. Глаза и губы сверкали среди теплой бѣлизны лица. „Какъ она красива!“—подумалъ онъ. Съ полной добросовѣстностью онъ тотчасъ же передалъ ей предложеніе Пьера Ронсена. Она съ радостью приняла его, поблагодарила Адріена за рекомендацію и сказала, что въ теченіе дня зайдетъ къ профессору.

Адріенъ понялъ, что, исполнивъ порученіе, онъ не имѣетъ основанія дольше оставаться, и нехотя поднялся, ища предлога помедлить уходомъ. Увидавъ на мольбертѣ рисунокъ вѣера во вкусѣ XVIII вѣка, онъ спросилъ, ея ли это работа, и она разсказала ему, что ей заказана поддѣлка подъ старинный вѣеръ, и объяснила, какъ это дѣлается. Потомъ онъ вспомнилъ, что она не знаетъ, гдѣ живетъ Ронсенъ, и подошелъ къ камину, чтобы записать адресъ его на бумажкѣ. Каминъ былъ весь уставленъ фотографическими карточками, и на одной группѣ трехъ дѣвочекъ онъ узналъ Елену.

— Это вы?—спросилъ Адріенъ.

— Да. Отецъ мой всю жизнь увлекался фотографіей и снималъ насъ, меня и сестеръ, безконечное число разъ въ разныя времена.

По просьбѣ Адріена, она принесла цѣлую шкатулку съ карточками, среди которыхъ онъ съ восторгомъ нашелъ ея изображенія въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, начиная съ младенческаго возраста, затѣмъ въ дѣтскихъ платьицахъ; всѣ карточки были очаровательны. Затѣмъ шелъ цѣлый рядъ карточекъ ея въ видѣ подростка, а потомъ уже взрослой молодой дѣвушки. Пока онъ разсматривалъ карточки, Елена стояла подлѣ него и говорила, къ какому возрасту относятся разныя фотографіи. Потомъ она показала еще портреты отца и матери. Онъ поблагодарилъ ее и тихо сказалъ:

— Теперь мнѣ кажется, что я зналъ васъ всю жизнь.

Когда кончился осмотръ карточекъ, не было уже никакого предлога оставаться дольше, и Адріенъ ушелъ, простившись съ Еленой долгимъ рукопожатіемъ. Въ первый разъ, когда онъ послѣ того зашелъ къ Ронсенамъ, Сильвія встрѣтила его словами:

— Я ее видѣла.

Адріенъ даже не притворился, что не знаетъ, о комъ она говоритъ.

— M-lle Обрэ?—спросилъ онъ.

— Ну, конечно. Она приняла заказъ отца. Она сидѣла вотъ тутъ въ креслѣ, гдѣ вы сидите.

Разговоръ происходилъ въ кабинетѣ, гдѣ, въ отсутствіе профессора, Сильвія сидѣла за его столомъ и дѣлала для него выписки.

— Она очень мила,—сказала Сильвія.—Я съ ней обмѣнялась лишь нѣсколькими словами, но она мнѣ очень понравилась. Она очень сдержанна.

— Это такъ кажется,—отвѣтилъ Адріенъ,—потому что она говоритъ какъ разъ только то, что̀ нужно. Она удивительно гармонична во всемъ, — и это сказывается въ ея лицѣ. Замѣтили вы, до чего всѣ черты, всѣ мельчайшія линіи въ ея лицѣ гармонично сливаются?

Онъ сталъ быстрыми, выразительными жестами намѣчать нѣжность очертаній ея лица.

„Можетъ быть, не слѣдуетъ восхвалять красоту одной женщины передъ другой, некрасивой,—подумалъ онъ, но сейчасъ же отстранилъ эту мысль. — Сильвія не кокетка. Она — настоящій маль-

чишка и относится къ нему по-товарищески. Почему же не дѣлиться съ ней своими чувствами?“ Онъ продолжалъ свой панегирикъ:

— Въ ней есть что-то удивительно спокойное, свѣжее и сіяющее... Она—точно волна, сверкающая на солнцѣ... И умъ у нея такой же свѣжій, сверкающій. Я какъ-то разъ говорилъ въ ея присутствіи, что человѣческій мозгъ имѣетъ болѣе шестисотъ милліоновъ клѣточекъ. Она вскрикнула съ комической скромностью: „Даже мой?“... Ну, развѣ это не очаровательно?!

— Словомъ, — сказала Сильвія съ лукавой улыбкой, — она вамъ нравится.

— Да, — серьезно отвѣтилъ онъ, — нравится. Къ чему это скрывать?

— Да это и безполезно,—отвѣтила она.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Она продолжала:

— Это бросается въ глаза, другъ мой. Помните, когда вы побѣжали позвать ее къ отцу? Уже по вашей возбужденной торопливости все было ясно: вы помчались вихремъ. Вы не умѣете скрывать... да и она тоже.

— Какъ такъ?—быстро прервалъ онъ.

— Ну, конечно. Ей стоитъ только произнести: „monsieur Адріенъ“—и все ясно.

Онъ хотѣлъ отвѣтить шутливо, но почувствовалъ, что улыбка у него не вышла.

— Вы болѣе освѣдомлены, чѣмъ я,—сказалъ онъ.

— Возможно... Бываютъ два случая, когда мужчины не видятъ, что они нравятся: это или когда они сами очень влюблены, или когда они совершенно равнодушны.

Адріенъ поднялся со стула радостно возбужденный. Онъ довѣрялъ чуткости Сильвіи. Можетъ быть, она дѣйствительно права. Но онъ не рѣшался разспросить ее подробнѣе объ ея впечатлѣніяхъ и попрощался съ нею. По обыкновенію, она подошла къ периламъ лѣстницы, провожая его взглядомъ. Онъ ни разу не обернулся. Но еслибы онъ поднялъ голову, онъ увидѣлъ бы, какъ душевная печаль краситъ даже некрасивыя черты женскаго лица.

Новая книга Адріена вышла въ свѣтъ. На этотъ разъ онъ уже не былъ новичкомъ. Его знали по многимъ статьямъ въ журналахъ, въ которыхъ онъ трактовалъ научные вопросы въ доступномъ для непосвященныхъ тонѣ. Заглавіе книги, „Сны“, тоже вызывало интересъ,—и Адріенъ сразу очутился въ атмо-

сферѣ несомнѣннаго успѣха. Онъ получалъ много писемъ отъ незнакомыхъ людей, выражавшихъ ему сочувствіе. Кромѣ того, критика — а это было уже несомнѣннымъ знакомъ успѣха—отнеслась къ нему не съ прежнимъ равнодушно-снисходительнымъ доброжелательствомъ; на ряду съ сочувственными отзывами появлялись и рѣзкія нападки. Ученые упрекали его въ томъ, что онъ пишетъ для большой публики, — а друзья говорили ему, что читатели, привлеченные многообѣщающимъ заглавіемъ, на самомъ дѣлѣ не дочитывали его книги, не понимая ея. Адріенъ былъ доволенъ противорѣчивостью сужденій. Съ нимъ спорятъ,—значитъ, онъ— авторъ, съ которымъ считаются. Первое изданіе очень скоро разошлось, и сейчасъ же вышло второе,—словомъ, успѣхъ былъ несомнѣнный.

Но зарождавшаяся литературная извѣстность не такъ радовала Адріена, какъ можно было ожидать, потому что ему не съ кѣмъ было дѣлить пріятныя впечатлѣнія; онъ вдругъ почувствовалъ себя одинокимъ. Почему, когда онъ получалъ присылаемыя изъ агентства вырѣзки съ отзывами, не было около него Елены? Какъ бы она утѣшила его въ случаѣ непріятности, насколько бы при ней его больше радовалъ успѣхъ... Онъ теперь уже ясно сознавалъ, что полюбилъ Елену, и что она воплощаетъ для него идеалъ женщины. Еслибы онъ могъ создать существо, отвѣчающее его мечтамъ, то это была бы Елена. Она казалась ему источникомъ всѣхъ радостей, осуществленіемъ всѣхъ мечтаній.

Ничто, какъ ему казалось, не могло помѣшать ему жениться на ней. То, что у нея не было денегъ и положенія въ обществѣ, не играло никакой роли. Онъ зналъ отъ сестры, что она безукоризненно честная, скромная дѣвушка,—все остальное не имѣло значенія. Онъ зналъ, что ему придется преодолѣвать разныя препятствія, что Маріетта, несмотря на свою дружбу съ Еленой, будетъ противъ его брака съ нею. Она уже давно пыталась женить его по своему выбору. Но въ концѣ концовъ сестра и ея мужъ не имѣютъ никакой власти надъ нимъ, и онъ можетъ поступать независимо. А съ родителями онъ навѣрное столкуется. Они сами женились внѣ всякихъ житейскихъ соображеній и навѣрное одобрятъ его выборъ.

Важно поэтому только одно — захочетъ ли Елена стать его женой, или откажетъ ему. Онъ совершенно не зналъ, каковы ея чувства къ нему. Онъ видался съ нею только у сестры—и одинъ только разъ былъ у нея съ порученіемъ Ронсена. Ему казалось, что она хорошо относится къ нему, — онъ чувствовалъ въ ней молчаливое сочувствіе его словамъ и взглядамъ, когда при ней

выходили споры съ Роберомъ и Маріеттой; но ничего опредѣленнаго онъ не зналъ. Можетъ быть, Сильвія Ронсенъ все-таки ошиблась, и Елена совершенно равнодушна къ нему.

Онъ рѣшилъ какъ можно скорѣе разрѣшить свои сомнѣнія, поговоривъ съ Еленой. Все побуждало его торопиться. Сестра полна была матримоніальныхъ плановъ; она имѣла много подходящихъ невѣстъ для него и сердилась, что онъ отказывался знакомиться съ ними. Она не понимала его упрямства,—не замѣчая въ своемъ ослѣпленіи дружбой съ Еленой, а также благодаря сдержанности брата и подруги, въ чемъ главное препятствіе ея планамъ.

Приближался іюль; Маріетта собиралась уѣзжать по обыкновенію на югъ, въ Валескуре; Елена тоже готовилась къ отъѣзду на лѣто къ родителямъ. Адріенъ не хотѣлъ отпустить ее, не поговоривъ съ ней, и рѣшилъ, что при слѣдующей же встрѣчѣ съ Еленой у Маріетты попроситъ у нея позволенія зайти къ ней.

Въ слѣдующій разъ онъ встрѣтился съ Еленой у Маріетты въ отсутствіе Робера, уѣхавшаго по дѣламъ. Послѣ обѣда они перешли втроемъ въ маленькую гостиную. Окна были открыты, и изъ нихъ видны были аллеи высокихъ каштановъ. Адріену хотѣлось быть наединѣ съ Еленой — или хотя бы наединѣ съ сестрой, чтобы довѣрить ей свои чувства, въ надеждѣ на ея привязанность къ нему. Но въ присутствіи обѣихъ женщинъ вмѣстѣ ему приходилось молчать, такъ какъ говорить о чемъ-нибудь постороннемъ онъ не могъ въ эту минуту. Онъ сталъ бродить по комнатѣ, думая о томъ, какъ бы сказать Еленѣ два слова наединѣ. Вдругъ, разглядывая кучку книгъ на одномъ изъ столиковъ въ гостиной, онъ увидѣлъ среди нихъ свои „Сны“. Онъ крайне удивился, такъ какъ не приносилъ своей книги и даже не говорилъ о ней. Онъ взялъ ее въ руки и увидѣлъ, что она вся разрѣзана: ее, очевидно, читали. Онъ удивленно взглянулъ на сестру.

Она съ улыбкой созналась.

— Ну, конечно, у меня есть твоя книга. Мнѣ надоѣло читать отзывы и выписки въ газетахъ и журналахъ и не знать, въ чемъ дѣло. Я рѣшила купить книгу, не сказавъ Роберу. А потомъ оказалось, что и онъ тоже купилъ, не говоря мнѣ.

— Такъ вотъ отчего изданіе такъ хорошо расходится!—воскликнулъ со смѣхомъ Адріенъ.

Онъ понялъ, что на Маріетту подѣйствовалъ его успѣхъ, смягчившій принципіальное несогласіе.—Я даже одолжила книгу Еленѣ,—прибавила она.

Адріенъ просіялъ отъ радостнаго изумленія.

— И вы все прочли? — спросилъ онъ у Елены.

Она отвѣтила, слегка наклонивъ голову, съ лукавой усмѣшкой:

— И даже, кажется, все поняла.

Ему хотѣлось бы прибавить:—И со всѣмъ согласились?—настолько онъ былъ увѣренъ въ ихъ взаимномъ пониманіи. Но онъ боялся, что это повредитъ Еленѣ въ глазахъ Маріетты, и потому заговорилъ съ сестрой.

— Ну, что же, — не такая ужъ это ужасная книга, какъ ты думала?

— Напротивъ того, — возразила она, — книга интересная. Но меня ты не убѣдишь, — я никогда не соглашусь съ твоей теоріей... съ тѣмъ, что всѣ эти фибры, клѣточки, невроны, какъ ты ихъ называешь,—превращаютъ нашъ мозгъ въ какое-то центральное телеграфное или телефонное бюро... Нѣтъ, я не могу этого допустить.

— Но вѣдь я могу показать тебѣ эти клѣточки подъ микроскопомъ,—мягко отвѣтилъ Адріенъ, которому пріятно было излагать свои теоріи въ присутствіи Елены. — Эти нервные центры существуютъ, ихъ роль хорошо извѣстна въ наукѣ.

— Можетъ быть... можетъ быть,—задумчиво сказала Маріетта, но тотчасъ же прибавила болѣе рѣшительно и возбужденно: — И все-таки ты не убѣдишь меня, что мы — не что иное, какъ механизмъ, управляемый посторонними силами. Ты не убѣдишь меня, что у насъ нѣтъ воли, что мы не можемъ въ каждую данную минуту выбирать между добромъ и зломъ.

— Однако...—началъ-было онъ, но она его прервала:

— Ты никогда не убѣдишь меня, что я не могу по доброй волѣ удержаться отъ гнѣвнаго слова или поступка. Я увѣрена, что могу сдержать себя и стать лучше, если сильно захочу.

— Но въ такомъ случаѣ ты сдерживаешь свой гнѣвъ въ силу болѣе могущественныхъ доводовъ благоразумія или жалости. И вообще, если ты сдерживаешь себя, если ты становишься лучше, то, значитъ, въ тебѣ дѣйствуютъ силы и инстинкты, которые влекутъ тебя туда, куда ты, будто бы, направляешься по собственной волѣ.

— Докажи мнѣ это!—настаивала она.

Онъ вздохнулъ. Какъ объяснить ей результаты научныхъ изслѣдованій въ области психологіи, какъ объяснить механизмъ взаимодѣйствія инстинктовъ, внутреннюю работу мысли, выражающуюся даже въ словахъ обыденной рѣчи? Она была слиш-

жомъ неподготовлена, чтобы слѣдить за его объясненіями. Наново доказывать ей всю теорію детерминизма ему не хотѣлось. Онъ накопилъ достаточно доказательствъ въ своей книгѣ, и если они на нее не подѣйствовали, то какъ убѣдить ее словами? Онъ замолчалъ.

— Нѣтъ,—сказала она, продолжая настаивать на своемъ,— мы съ тобой никогда не согласимся, если ты будешь настаивать на томъ, что люди неотвѣтственны за свои поступки. Знаешь, Роберъ такъ и прозвалъ тебя, прочтя твою книгу: „Никто не виноватъ“.

— Немного неуклюжее и длинное прозвище, — возразилъ Адріенъ съ улыбкой, — но я его принимаю. Это, дѣйствительно, девизъ — и жаль, что люди не выбираютъ его, какъ основное правило жизни. Еслибы мы мирились съ нравственными недостатками, какъ съ физическими, жалѣли бы, а не осуждали— вся жизнь людей измѣнилась бы. Мы старались бы пробуждать и укрѣплять въ себѣ добрые инстинкты, какъ упражняютъ тѣло гимнастикой. За людьми порочными мы ухаживали бы, лечили бы ихъ, и этимъ бы ограждали себя отъ нихъ и отъ послѣдствій ихъ порочныхъ инстинктовъ. Тамъ, гдѣ вы говорите: „виновный“, мы говорили бы: „вредный“. Это такое же огражденіе общества— только безъ суровой идеи мести. Конечно, далеко еще то время, когда законы будутъ исходить изъ формулы: „никто ни въ чемъ не виноватъ“, но, увѣряю тебя, въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка она—единственно вѣрное правило, которымъ слѣдуетъ руководствоваться.

— Ну, а ты руководствуешься имъ? — спросила Маріетта недовѣрчиво и съ любопытствомъ.

— Я, по крайней мѣрѣ, стараюсь проводить мои теоріи на практикѣ. Помнишь, какъ, полгода тому назадъ, твой мужъ усумнился въ моей искренности? Я въ первую минуту разсердился,—но, подумавъ, примѣнилъ къ его несправедливой выходкѣ мой девизъ: „никто ни въ чемъ не виноватъ“ —и первый пошелъ мириться. Кстати, я могу напомнить тебѣ случаи, когда ты была несправедлива именно потому, что не имѣла въ виду моего жизненнаго девиза. Помнишь, какъ еще недавно твоя маленькая Лиза противъ обыкновенія стала капризничать. Ты разсердилась и даже, кажется, наказала ее. А потомъ оказалось, что у дѣвочки начиналась корь, — и она не была виновата въ своемъ возбужденномъ настроеніи.

— Ну, дѣти часто бываютъ несносны и безъ всякой кори.

— Значитъ, есть какая-нибудь другая причина. Ихъ капризы

большей частью—въ зависимости отъ состоянія ихъ здоровья. И я увѣренъ, что будь у меня дѣти, я сумѣлъ бы, въ силу моихъ теорій, справляться съ ними, не прибѣгая къ наказаніямъ.

— Ну, это мы увидимъ, когда у тебя будутъ дѣти, — отвѣтила Маріетта нѣсколько сухо.—Только когда это еще будетъ? Что-то не видно, чтобы ты скоро женился.

Онъ быстро взглянулъ въ сторону Елены нѣжнымъ взглядомъ и сказалъ:

— Какъ знать?

Произнеся это неосторожное слово, Адріенъ сейчасъ же почувствовалъ, что выдалъ себя,—но ужъ было слишкомъ поздно, чтобы поправить дѣло. Очень возможно, что Маріетта угадала желаніе, скрытое въ его восклицаніи,—но она, во всякомъ случаѣ, не показала этого. Когда Елена стала прощаться, она сказала, удерживая обѣ ея руки въ своихъ:

— Милая, приходите ко мнѣ завтра завтракать. Я буду совершенно одна. Мужъ еще не вернется, а Адріенъ приглашенъ къ Ронсенамъ. Приходите!

Увидавъ, что братъ тоже собирается уходить, она нахмурилась:

— Чего ты спѣшишь? Останься еще,—сказала она.

— Я пойду проводить m-lle Обрэ, если она разрѣшитъ.

Быстро взглянувъ на Маріетту, Елена воскликнула:

— Нѣтъ, нѣтъ. Не нужно. Я отлично дойду сама. Тутъ недалеко.

Но, рѣшивъ непремѣнно добиться свиданія, Адріенъ настоялъ на своемъ, попрощался съ сестрой и ушелъ вмѣстѣ съ Еленой.

— Я вамъ навѣрное очень надоѣлъ своими объясненіями,— началъ Адріенъ, когда они вышли на улицу.

— Почему вы думаете? — возразила она ему. — Если я не приняла участія въ спорѣ, то только потому, что не хотѣлось огорчать вашу сестру. Она очень мила ко мнѣ, но не выноситъ возраженій,—и я не могу такъ рѣзко нападать на нее, какъ вы.

— Такъ, значитъ, вы за меня противъ нея? — радостно воскликнулъ Адріенъ.

— Я недостаточно вооружена знаніями, чтобы сознательно соглашаться съ вами. Но я выросла внѣ религіозныхъ традицій, и ваши теоріи привлекаютъ меня своей широтой и стремленіемъ оправдать всѣхъ.

Они подошли къ ея дому, и Елена собиралась позвонить. Но Адріенъ остановилъ ее, удержавъ за руку.

— Еслибы вы знали, до чего я счастливъ, что нашелъ въ васъ союзницу!.. Послушайте. Я знаю, что покажусь вамъ смѣшнымъ... Тутъ не мѣсто и не время говорить... Но это духовное родство,—развѣ оно не предвѣщаетъ... Скажите, могу ли я питать надежду на болѣе тѣсную дружбу и близость?... Я говорилъ, что покажусь вамъ смѣшнымъ, но скажите... согласны вы быть моей женой?

Она отвѣтила только скорбнымъ восклицаніемъ, выражавшимъ глубину волненія, вызваннаго его словами.

— Не отвѣчайте сразу, — быстро остановилъ онъ ее. — Я знаю, что вы не подготовлены къ отвѣту. Я слишкомъ неожиданно сказалъ вамъ все это. Но я думаю объ этомъ уже цѣлыя недѣли. Подумайте. Позвольте мнѣ только зайти къ вамъ черезъ нѣсколько времени,—утромъ, какъ тогда, когда я пришелъ отъ имени Пьера Ронсена. Вы позволяете? Больше ничего не нужно. Уходите, уходите!

Онъ убѣжалъ и услышалъ среди ночной тишины на улицѣ, какъ захлопнулась ея дверь.

— Ну что, милая, вы благополучно дошли вчера?—спросила Маріетта на слѣдующее утро Елену, когда та вошла къ ней въ спальню, гдѣ она кончала свой туалетъ.

— Да. Меня вашъ братъ проводилъ до самаго дома.

— Бѣдный Адріенъ! Убѣдить онъ меня не можетъ, но я все-таки преклоняюсь передъ его талантомъ. Какой успѣхъ имѣетъ его послѣдняя книга! Ее читаютъ даже свѣтскія женщины, — а это—самое вѣрное доказательство славы.

Маріетта стала надѣвать кольца и, глядя на нихъ, вздохнула.

— Для завершенія карьеры ему нужно только сдѣлать надлежащую партію, жениться на дѣвушкѣ своего круга, которая была бы равной ему по положенію, связямъ, и принесла бы ему хорошее приданое. Вѣдь Адріенъ можетъ сдѣлать самую блестящую партію, не правда ли?

— Конечно,—согласилась Елена, но, очевидно, голосъ ея не звучалъ достаточно увѣренно, и Маріетта, поднявъ голову, чтобы прикрѣпить передъ зеркаломъ брошку къ корсажу, продолжала убѣждать ее.

— Вы, можетъ быть, удивляетесь моей практичности и считаете меня отсталой. Но что же дѣлать, милая! Нужно брать жизнь, какова она есть. Я не знаю мнѣнія Адріена на этотъ счетъ,—но нѣтъ сомнѣнія, что для него жениться на дѣвушкѣ безъ приданаго было бы непростительной глупостью.

На этотъ разъ Елена не могла подавить невольнаго воскли-

цанія. Но что это было — просто несогласіе съ высказаннымъ мнѣніемъ или личное чувство боли? Во всякомъ случаѣ, Маріетта хотѣла добиться полнаго согласія съ своими словами и продолжала говорить, полируя ногти, дружескимъ тономъ, — причемъ, однако, глаза ея блестѣли темнымъ огнемъ.

— Да вѣдь это очевидно. Подумайте сами. Адріенъ достаточно обезпеченъ для холостого человѣка, но еслибы ему пришлось содержать семью на свои средства, ему пришлось бы оставить занятія и искать хорошо оплачиваемую должность. Кончилась бы его независимость и возможность жить для своихъ идей. Какъ онъ ни благороденъ, а я думаю, что онъ скоро сталъ бы проклинать несчастную женщину, которая испортила бы его жизнь.

Маріетта любила Елену, но была еще болѣе привязана къ брату, и для того, чтобы обезпечить ему блестящее будущее, готова была смести все съ его дороги. Пусть ему нравится эта красивая дѣвушка—противъ этого она ничего не имѣла, тѣмъ болѣе, что Елена привязывала его къ ея дому. Но жениться на ней... Этого Маріетта рѣшила не допускать. Можетъ быть, впрочемъ, онъ и не собирается, и его вчерашнее восклицаніе не имѣло отношенія къ Еленѣ. Но лучше предупредить зло, чѣмъ бороться противъ него.

Надушенная, свѣжая, Маріетта сѣла около своей подруги.

— Еслибы Адріенъ сдѣлалъ такую глупость, я бы никогда не простила ему,—сказала она.—Да и ей тоже. Съ ея стороны было бы страшнымъ эгоизмомъ соблазнить его на такой бракъ. Еслибы женщина, не имѣющая денегъ, полюбила Адріена, то изъ любви къ нему она должна была бы отойти отъ него.

Въ дверяхъ появился слуга. Маріетта обняла Елену за талію и повела ее къ столу.

Черезъ два дня послѣ этой дружеской бесѣды, Адріенъ съ волненіемъ поднимался утромъ къ Еленѣ. Онъ поспѣшилъ воспользоваться ея позволеніемъ придти къ ней, потому что Маріетта собиралась уже уѣзжать съ дѣтьми къ морю, и Елена, вѣроятно, тоже должна была скоро уѣхать къ родителямъ. Онъ же рѣшилъ непремѣнно видѣть ее передъ отъѣздомъ. Ему отворила дверь сама Елена; она поздоровалась съ нимъ нѣсколько смущенно и попросила его войти. Но въ мастерской, гдѣ она принимала его въ первый разъ, былъ страшный безпорядокъ. При видѣ разбросанныхъ рисунковъ и папокъ, у него мелькнуло подозрѣніе. Дверь въ слѣдующую комнату была открыта, и онъ съ

неожиданной для самого себя рѣшимостью кинулся туда. Тамъ стоялъ раскрытый сундукъ съ вынутыми отдѣленіями. Онъ все понялъ.

— Вы уѣзжаете?

Елена, послѣдовавшая за нимъ, наклонила голову.

— Да.

— Къ вашимъ родителямъ? Не дождавшись моего прихода, не предупредивъ меня? Значитъ, вы бѣжите отъ меня, чтобы избѣжать объясненія, котораго я просилъ у васъ? Вы не рѣшаетесь мнѣ прямо отказать? Я угадалъ?

Она ничего не отвѣчала.

— Но ужъ если я здѣсь, то говорите!—настаивалъ онъ.

Она прислонилась плечомъ къ зеркальному шкафу, въ которомъ отражалась тонкая линія ея шеи, и пробормотала:

— Что теперь говорить?.. Все сказано.

— Такъ, значитъ, я правъ!—воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ.—Но нѣтъ,—продолжалъ онъ, какъ бы стараясь сообразить что-то непостижимое,—вѣдь это невозможно! Тогда, когда я провожалъ васъ, вы еще не рѣшили оттолкнуть меня. Иначе вы бы сразу какимъ-нибудь словомъ дали мнѣ понять, что мнѣ нечего надѣяться. Что же произошло съ тѣхъ поръ? Что вамъ наклеветали на меня? Говорите, что случилось? Дѣло вѣдь не въ деньгахъ—этого я не допускаю. Мы оба люди достаточно независимые, чтобы деньги могли стать между нами. Но конечно... можетъ быть, дѣло только въ томъ, что я вамъ не нравлюсь. Вы не хотите стать моей женой—это ваше право. Это очень просто—но ужасно. Мнѣ казалось, что ваши взгляды выражали сочувствіе мнѣ... Когда я разсматривалъ вотъ тутъ, въ вашей мастерской, ваши портреты, какъ я былъ счастливъ!.. И когда я провожалъ васъ вечеромъ, мнѣ казалось, что вы говорили со мной, какъ съ другомъ.

— Я и останусь вашимъ другомъ, — сказала она съ отчаяніемъ въ голосѣ.

— Но вы отказываетесь быть моей женой! Я знаю, это обычное средство смягчить ударъ: обѣщаніе быть другомъ, сестрой... Нѣтъ, я не дружбы просилъ, а нераздѣльной любви... Что будетъ теперь со мной безъ васъ?

— Вы забудете. Передъ вами вся жизнь впереди.

— Это слова. Я не могу забыть васъ. Жизнь и будущее—это для меня вы. Вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я живу исключительно вами. Я не могу вырвать васъ изъ своей души, не могу... Боже, какъ я несчастенъ!

Онъ замолчалъ, наклонивъ голову, и вдругъ по лицу его потекли слезы, какъ кровь изъ раны.

Она увидѣла это.

— Нѣтъ, только не это! — крикнула она. — Не плачьте. Я не могу видѣть вашихъ слезъ.

Она кинулась къ нему и взяла его за плечи. Онъ бормоталъ, чувствуя себя какъ бы воскресшимъ для новой жизни: — Елена! Елена!..—А она, прижавшись къ нему, тихо говорила: — Не плачьте! Не плачьте! — Онъ покрывалъ ей лицо поцѣлуями и тихо шепталъ: — Значитъ, вы меня все-таки немного любите?

Ей бы хотѣлось отвѣтить ему то, что у нея было на душѣ. — Люблю ли я васъ? — хотѣлось ей сказать: — Развѣ вы не видите этого? Но поймите. Я не хочу ссорить васъ съ семьей, не хочу, чтобы вы когда-нибудь могли упрекнуть меня, что я своей бѣдностью разбила вашу карьеру. Но доставлять вамъ страданія я не хочу. Я рѣшила уѣхать — но не отъ васъ, а отъ соблазна счастья. Судьба рѣшила иначе, — и я не хочу сопротивляться. Я свободна, я имѣю право на счастье, имѣю право отдать себя. И этимъ правомъ я пользуюсь, такъ какъ это единственная возможность не потерять васъ.

Но она поняла женскимъ инстинктомъ, что нельзя было предложить ему такую жертву ясными словами. Она поэтому молчала.

Но онъ не могъ придти въ себя отъ счастья. Когда все казалось потеряннымъ, вдругъ совершилось какое-то чудо. Елена любитъ его! Для нихъ обоихъ въ эту минуту существовалъ одинъ законъ — ихъ молодой торжествующей страсти.

На опушкѣ Булонскаго лѣса, среди зелени стоитъ маленькій домикъ, который служилъ прежде сторожевой будкой, а потомъ отдавался городомъ въ наймы. Его наняла одна семья, уютно обставила, но потомъ выселилась оттуда и сдавала въ наемъ отъ себя. Тамъ поселились Елена и Адріенъ. Онъ давно уже замѣтилъ этотъ домикъ, гуляя по Булонскому лѣсу, и думалъ о томъ, какъ отрадно было бы жить въ немъ съ Еленой. Теперь же, когда Еленѣ удобнѣе было, чтобы въ домѣ, гдѣ она жила, думали, что она уѣхала къ родителямъ, Адріенъ вспомнилъ объ укромномъ гнѣздышкѣ въ Булонскомъ лѣсу, — и сундуки Елены, уложенные для отправки въ Гренобль, направлены были туда.

Адріенъ былъ такъ счастливъ, что ему порой казалось, точно онъ живетъ въ гипнозѣ. Дни протекали среди тихой радости.

Они гуляли по Булонскому лѣсу, какъ въ собственномъ саду, выбирая самые пустынные уголки, гдѣ имъ казалось, что они далеки отъ всего міра и гдѣ ихъ радовала близость природы, зелень, воздухъ лѣса. Часто послѣ долгихъ прогулокъ они заходили куда-нибудь въ маленькое кафе и садились тамъ пить плохое пиво, только изъ любезности къ хозяевамъ, очевидно не избалованнымъ посѣтителями.

Воскресенья они проводили дома, избѣгая праздничной толпы. Но и этотъ день въ ихъ уютномъ домикѣ, который Елена сумѣла сдѣлать привлекательнымъ и красивымъ, проходилъ очень быстро. Они жили совершенно одиноко, никого не принимая въ своемъ убѣжищѣ, и только письма связывали ихъ съ окружающимъ міромъ. Видъ писемъ изъ Швеціи или изъ Валескуре отрезвлялъ каждый разъ Адріена, пробуждалъ въ немъ угрызенія совѣсти. Какъ это онъ такъ безпечно отдается своему счастью? Онъ тогда опять предлагалъ Еленѣ написать роднымъ и сейчасъ же жениться... Но Елена его останавливала, ласками отгоняла его заботы и говорила:

— Оставь. Мы теперь какъ школьники во время каникулъ. Уроки начнутся осенью. Долгъ, обязанности—на это будетъ время потомъ. Что̀ намъ за дѣло до свѣта? Мы любимъ другъ друга—и больше ничего намъ не нужно.

— Я люблю тебя,—повторяла она,—ты вѣдь это знаешь. Какъ смѣшно подумать, что именно твоя сестра Маріетта содѣйствовала этому. Она вѣчно расхваливала мнѣ тебя. И какъ это я не разочаровалась, познакомившись съ тобой! Очевидно, ты дѣйствительно заслуживалъ похвалы сестры.

Они не всегда бѣгали отъ общества людей; иногда они ходили обѣдать въ модные рестораны въ Булонскомъ лѣсу. Елена любила изящную роскошь, и эти обѣды доставляли ей удовольствіе. Они возвращались поздно вечеромъ пѣшкомъ домой, и эти прогулки, въ особенности въ лунныя ночи, были источникомъ новыхъ радостей.

Вдругъ однажды утромъ пришла телеграмма отъ его матери:

„Отецъ боленъ. Постарайся пріѣхать“.

Это было страшнымъ пробужденіемъ отъ счастливаго забытья. Въ послѣднихъ письмахъ изъ Швеціи говорилось о припадкахъ ревматизма у отца, но ревматизмъ былъ у него хроническій, и о немъ говорили, какъ о привычномъ явленіи. Что̀ же случилось? Задѣтъ какой-нибудь внутренній органъ? Адріенъ проклиналъ лаконизмъ телеграфнаго языка и пробормоталъ, бросая депешу на столъ:

— За все въ жизни приходится платиться!

Казалось ли ему, что въ каждой жизни есть опредѣленный балансъ счастья и несчастья, и что избытокъ счастья непремѣнно уравновѣшивается избыткомъ горя? Или же въ немъ проснулась традиціонная вѣра въ искупленіе, и ему казалось, что онъ наказанъ за то, что откладывалъ бракъ, принимая жертву Елены? Онъ самъ не могъ разобраться въ своихъ чувствахъ и мысляхъ.

Онъ рѣшилъ поѣхать въ тотъ же день, и Елена не удерживала его. Пришлось разстаться съ домикомъ, гдѣ они прожили три счастливыхъ мѣсяца, короткихъ какъ сонъ, оставляющій безчисленныя воспоминанія.

Пріѣхавъ въ Парижъ, Адріенъ телеграфировалъ о своемъ отъѣздѣ родителямъ и Маріеттѣ. Среди хлопотъ, связанныхъ съ внезапнымъ отъѣздомъ, онъ старался забыть свою двойную муку: разлуку съ Еленой и тревогу о томъ, что дѣлается у родителей. Елена сказала, что проводитъ его на вокзалъ, и онъ не рѣшился удержать ее, хотя и зналъ, какая мука—прощаніе среди толпы чужихъ людей.

Послѣднія минуты передъ отходомъ поѣзда были дѣйствительно ужасны. Воздухъ пропитанъ былъ сѣрымъ туманомъ,—казалось, точно поѣзда, пріѣзжавшіе съ сѣвера, привозили его съ собой. Среди этого тумана не видно было даже стеклянной крыши. Адріенъ стоялъ неподвижно у вагона. Чтобы забыть о объ ужасѣ разлуки, онъ мысленно перескочилъ къ моменту возвращенія. Теперь ему все стало яснымъ. Какъ только онъ вернется, они поженятся. Нельзя жить внѣ условій времени, какъ говорилъ Ронсенъ. Только замужество высвободитъ Елену изъ ложнаго положенія и поставитъ ее на мѣсто, котораго она заслуживаетъ. Онъ это ей говорилъ, а она отвѣчала, качая головой:

— Возвращайся скорѣе! Возвращайся скорѣе!

Чтобы забыться, они стали ходить вдоль поѣзда, интересуясь разными мелочами. Когда они дошли до конца платформы, Елена вдругъ прижалась къ Адріену и сказала задыхающимся голосомъ:

— Не оставляй меня. Молю тебя.

Онъ заглушилъ поцѣлуемъ ея крикъ отчаянія.

— Ты вѣдь знаешь, что я долженъ ѣхать...

Раздался свистокъ. Они вздрогнули и быстро направились къ вагону Адріена. Кондуктора торопили путешественниковъ. Наступилъ часъ отхода поѣзда.

Они взялись за руки, потомъ неловко обняли другъ друга, стѣсняясь посторонними взглядами, но горе разлуки пересилило

стѣсненіе, и они застыли въ долгомъ поцѣлуѣ, въ который вложили всю свою скорбь, всю любовь, всю надежду.

Прислонившись къ двери, одинъ путешественникъ, котораго никто не провожалъ, глядѣлъ на нихъ съ иронической завистью. Адріенъ вошелъ въ вагонъ и сталъ у открытаго окна. Онъ глядѣлъ на Елену, впитывая взглядомъ каждую черту ея лица. Хоть бы все скорѣе кончилось и поѣздъ умчался вдаль! Ожиданіе было такое, какъ у осужденнаго передъ казнью. Ему хотѣлось или сойти и остаться, или взять Елену и увезти ее съ собой... Раздался унылый свистокъ, потомъ звонокъ, потомъ опять свистокъ... Поѣздъ грузно колыхнулся, скользнулъ. Она протянула руку, и онъ смогъ еще взять ее. Сначала она инстинктивно ускорила шагъ, продолжая держать его за руку. Наконецъ, она остановилась. Онъ высунулся изъ окна и среди темныхъ группъ подъ электрическимъ свѣтомъ видѣлъ только ее. Наконецъ, она исчезла. Она осталась только въ немъ, въ его памяти.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Четыре часа утра въ февралѣ. Адріенъ сгораетъ отъ нетерпѣнія въ коляскѣ по дорогѣ съ вокзала. Онъ возвращается къ Еленѣ. Ему кажется, что кучеръ не довезетъ его. Онъ еще ночной и ѣдетъ шагомъ. Весь обратный путь Адріенъ проѣхалъ точно въ лихорадкѣ отъ нетерпѣнія. Очутившись въ вагонѣ послѣ морского переѣзда, онъ сталъ считать километрическіе указатели, провѣрялъ скорость поѣзда, повторялъ про себя стихи, алгебраическія формулы, перечитывалъ газеты сплошь, не исключая фельетоновъ, съ обрывками романовъ и объявленій.

Онъ уѣхалъ изъ Швеціи съ совершенно спокойнымъ сердцемъ. Отецъ вылечился, благодаря новымъ энергичнымъ средствамъ леченія, на которыхъ онъ настоялъ. Кромѣ того, онъ привелъ въ порядокъ предпріятіе отца, пострадавшее отъ болѣзни хозяина. Теперь и отецъ выздоровѣлъ, и дѣло процвѣтало, и онъ могъ уѣхать съ спокойной совѣстью. Но на это ушло полтора года. Полтора года онъ не видалъ Елены, и теперь вся душа его рвалась къ ней. Чтобы убить время, онъ сталъ разглядывать вывѣски въ сѣромъ предразсвѣтномъ свѣтѣ. Ничто не измѣнилось за полтора года. Точно городъ заснулъ и теперь просыпается съ его пріѣздомъ.

Хорошо бы и ему спать все это время. Но нѣтъ, ничто

въ немъ не спало, ничто не заглушало мукъ разлуки, ни впечатлѣнія новой жизни въ чужой странѣ, ни радость свиданія съ родителями, ни заботы о больномъ отцѣ и работа за него въ дѣлѣ, ни научныя занятія во время досуга. Онъ все время неустанно думалъ объ Еленѣ съ такой же остротой, какъ въ моментъ отхода поѣзда. Иногда онъ былъ въ ужасѣ отъ своей неспособности забыть ее хоть на минуту. Наконецъ, онъ пріѣхалъ, въ темнотѣ вбѣжалъ въ ворота, быстро назвалъ консьержу имя Елены и сталъ подниматься по лѣстницѣ, намѣреваясь тихонько постучать, чтобы не встревожить Елену слишкомъ рѣзкимъ стукомъ. Но дверь раскрылась настежь при его появленіи, и онъ увидѣлъ бѣлую фигуру, бросившуюся ему навстрѣчу. Елена поджидала его и при звукѣ остановившагося экипажа побѣжала къ нему навстрѣчу. Кинувшись къ нему, она шептала, вся дрожа:

— Это ты... наконецъ-то!

Они прошли въ комнату, гдѣ уже топился каминъ и стояла лампа подъ краснымъ абажуромъ. Обмѣниваясь первыми обычными словами послѣ пріѣзда: „Ты не очень усталъ?“ — „Когда ты получила мою телеграмму? и т. д., они сѣли, подавленные волненіемъ. Она смотрѣла на него какъ-то робко, точно не рѣшаясь вѣрить своему счастью, а онъ не отводилъ глазъ отъ любимаго лица. Наконецъ-то оно снова передъ нимъ—это лицо, которое не покидало его душу всѣ эти долгіе мѣсяцы!.. Они долго не могли говорить, охваченные стихійной радостью свиданія.

— Еслибы ты знала, какъ я страдалъ отъ разлуки!—сказалъ Адріенъ, уже нѣсколько часовъ спустя.—Я не переставалъ думать о тебѣ ни на минуту. Я вспоминалъ всѣ минуты, которыя мы провели вмѣстѣ въ Булонскомъ лѣсу. И я испытывалъ тѣ же восторги, то же волненіе, какъ въ твоемъ присутствіи. Но было еще мучительнѣе испытывать весь трепетъ любви къ тебѣ, не видя тебя...—Онъ продолжалъ вспоминать живость своей мучительной памяти въ разлукѣ и говорить о своихъ страданіяхъ вдали отъ нея. Прижавшись къ нему, обнимая его, Елена только шептала:

— Не думай объ этомъ! Не думай! Теперь все это кончено.

— Да, кончено,—говорилъ онъ.—Къ тому же я вѣдь писалъ тебѣ обо всемъ этомъ.

Онъ проклиналъ въ разлукѣ недостаточность писемъ, невозможность передать въ нихъ всю острую жизнь сердца... И все-таки, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ писемъ отъ Елены, какъ бѣжалъ всегда навстрѣчу почтальону!.. Она прервала его воспоминанія.

— Бѣдный!—сказала она.—А вѣдь письма мои не приносили тебѣ дѣйствительной отрады. Я не умѣю выражать на бумагѣ свои чувства,—я должна видѣть лицомъ къ лицу того, съ кѣмъ говорю. У художниковъ всегда чернильницы стоятъ съ засохшими чернилами и перья заржавлены. Они не умѣютъ писать. Въ этомъ отношенiи я—настоящая художница.

Онъ вспомнилъ, что, дѣйствительно, всѣ письма Елены были торопливыя и короткiя, и въ нихъ повторялось всегда только одно слово: „Вернись, вернись!“

— Ты вѣдь даже разъ не писала мнѣ цѣлую недѣлю—прошлымъ лѣтомъ, въ сентябрѣ. Ты была тогда у твоихъ родителей въ Греноблѣ. Помнишь?

Ей, вѣроятно, было больно вспомнить объ этомъ,—можетъ быть, она упрекала себя въ этомъ молчанiи; при напоминанiи Адрiена, она прошептала взволнованнымъ тономъ, точно стараясь отряхнуть тяжелое воспоминанiе:

— Я была тогда больна, я вѣдь тебѣ потомъ объяснила.

— Да. Но, Боже, какъ я мучился тогда,—и ничего не могъ подѣлать. Оставалось только посылать до востребованiя безчисленныя письма и телеграммы... Ну, да все это кончено. Ты со мной, навсегда.

Да, навсегда. Теперь онъ твердо рѣшилъ какъ можно скорѣе жениться на Еленѣ. Родителямъ онъ разсказалъ всю романтическую исторiю ихъ любви; они отнеслись сочувственно къ его браку съ Еленой, которую онъ описывалъ имъ въ самыхъ восторженныхъ выраженiяхъ. Они сами помнили, что женились не въ силу житейскихъ соображенiй, и не противились любви сына къ дѣвушкѣ изъ бѣдной семьи. Словомъ, въ ихъ согласiи онъ уже не сомнѣвался. Ему хотѣлось теперь убѣдить и Марiетту, чтобы не ссориться съ сестрой изъ-за своей женитьбы. Марiетта была на югѣ все время ихъ идилліи въ Булонскомъ лѣсу и не знала объ ихъ отношенiяхъ. Изъ писемъ Елены Адрiенъ видѣлъ, что она почти не видается съ Марiеттой. Это его и не удивило. Еленѣ было, вѣроятно, неловко бывать у его сестры, такъ какъ она не умѣла притворяться, а Марiетта вообще никогда не была дружна съ кѣмъ-нибудь больше одного сезона. Какъ она приметъ вѣсть о его женитьбѣ? Навѣрное, возмутится неравнымъ бракомъ, разрушающимъ всѣ ея честолюбивые планы. Ну, да, можетъ быть, примѣръ родителей образумитъ ее.

Ни въ письмахъ къ Еленѣ, ни теперь, по прiѣздѣ, Адрiенъ не распространялся о своихъ планахъ. Ему хотѣлось сначала убѣдить Марiетту, побороть всѣ препятствiя и затѣмъ уже

явиться къ Еленѣ и сказать ей, что ничто не стоитъ на пути къ ихъ браку.

Эта перспектива окрыляла его и дала ему силу уйти отъ Елены черезъ нѣсколько часовъ послѣ пріѣзда.

— Я долженъ пойти завтракать къ Маріеттѣ, — сказалъ онъ.—Она меня ждетъ. И до того я долженъ еще зайти домой.

Она обняла его и, какъ въ вечеръ отъѣзда, прошептала со стономъ:

— Не уходи! Не оставляй меня!

Онъ удивился ея отчаянію, успокоилъ ее, сказавъ, что вернется къ ней, какъ только освободится, и что они пойдутъ вмѣстѣ обѣдать.

— Да, да, конечно, иди. Не обращай вниманія на мои глупые страхи...—Но она вздохнула при этихъ словахъ такъ, точно онъ навсегда покидалъ ее.

У Маріетты его ждалъ парадный завтракъ и пріятный сюрпризъ. Маріетта пригласила къ завтраку Ронсеновъ. Оказалось, что за время его отсутствія она съ ними подружилась и теперь увлекается Сильвіей Ронсенъ. Расхваливая ее, какъ перлъ созданія, Адріену, она какъ-то забывала, что это лишнее, что ея братъ отлично ее знаетъ и друженъ съ нею. Адріенъ обратилъ вниманіе на то, до чего Маріетта выбираетъ неподходящихъ пріятельницъ. Послѣ Елены—Сильвія! Роберъ спокойно мирился съ этимъ новымъ увлеченіемъ жены. За тринадцать лѣтъ онъ видѣлъ достаточно мѣняющихся фаворитокъ въ домѣ... Адріенъ только нѣсколько удивлялся Сильвіи. Почему она дружитъ съ Маріеттой? Что между ними общаго?

Послѣ оживленныхъ разговоровъ за завтракомъ, во время которыхъ Ронсенъ излагалъ свои любимыя теоріи объ аналогіи между растеніями и людьми, перешли пить кофе въ маленькую гостиную. Сильвія вскорѣ оставила тамъ мужчинъ и прошла въ залу, и Адріенъ послѣдовалъ за ней. Она сѣла за рояль, но когда Адріенъ подошелъ къ ней, перестала играть.

— Скажите, у васъ оставалось все-таки время работать для себя въ Швеціи?—спросила она.

Она знала, что ему пріятно говорить съ ней о своихъ книгахъ,—только это и интересовало его, кромѣ Елены. А на этотъ разъ книга была непосредственно связана съ мыслями объ Еленѣ.

— Да, я много работалъ. Я подготовлялъ матеріалы для большого труда—для книги о памяти,—о томъ, какъ воспоминанія укрѣпляются въ мозгу и какъ они пробуждаются въ насъ.

— Это, дѣйствительно, интересная тема,—сказала она.

— Еще бы. Жить значитъ вспоминать. Чѣмъ была бы жизнь безъ воспоминаній? Память — единственная связь между днями. Это—нить, на которую нанизанъ жемчугъ, и безъ этой нити жемчужины бы разсыпались. Ходить, писать, говорить—все это воспоминанія, такъ какъ все это дѣйствія, которыя мы когда-нибудь производили въ первый разъ. Вся масса нашихъ впечатлѣній, нашихъ знаній—все это воспоминанія. Знать—это вспоминать. Область памяти—очень велика, но нѣкоторыя части ея хорошо изслѣдованы. Почти все уже сказано о памяти зрительной, слуховой, о памяти на слова.

— Еще бы. У отца есть груды книгъ объ этомъ. Я ихъ знаю. Я вѣдь ставлю ихъ по мѣстамъ и стираю съ нихъ пыль.

— Вы слишкомъ скромны. Сознайтесь, что вы ихъ читали... Но есть и менѣе изслѣдованныя области. Память чувствъ, напримѣръ, очень мало изслѣдована. Не знаю, думали ли вы объ этомъ,—но вѣдь ненависть, ревность, честолюбіе, нѣжность—все это—память, только другого рода. Хранить въ душѣ теплоту чувства—значитъ помнить свои ощущенія. Вы понимаете меня? И почему одни воспоминанія быстро блѣднѣютъ и исчезаютъ, а другія остаются неувядаемыми навсегда, такъ что, благодаря имъ, прошлое всегда живо?

— Это вѣрно,—проговорила она.

— Вотъ это меня и занимаетъ, — продолжалъ онъ. — Въ этомъ—содержаніе моей новой книги. Во всякомъ случаѣ я много вложилъ въ нее самого себя. Я задумалъ ее, наблюдая за собой на чужбинѣ.

— Я понимаю, — сказала она тихимъ голосомъ, и потомъ прибавила слегка шутливымъ тономъ:—Кстати, говоря о воспоминаніяхъ... гдѣ теперь ваша знакомая, m-lle Обрэ? Она уже мѣсяцевъ шесть не бывала у насъ. Вы знаете что-нибудь о ней?

Адріену не хотѣлось притворяться — вѣдь онъ все равно скоро сообщитъ Сильвіи о своей женитьбѣ.

— Да,—сказалъ онъ,—мы переписывались.

Она захлопала въ ладоши, какъ бы обрадовавшись своей проницательности.

— Такъ, значитъ, прошлое, которое остается живымъ, чувства, сохраняющія теплоту жизни, свѣжесть воспоминаній—это все относится къ ней?

— Да.

— Но мнѣ кажется, — сказала она съ улыбкой, — что по-

мнить о комъ-нибудь въ разлукѣ—явленіе достаточно извѣстное. Не то ли это, быть можетъ, что̀ принято называть любовью?

— Конечно,—отвѣтилъ онъ.—Это любовь. Но это не непремѣнное условіе любви. Когда любящіе разстаются, они не одинаково помнятъ другъ о другѣ. Одни, какъ я, напримѣръ, сохраняютъ такое живое воспоминаніе, что чувства ихъ одни и тѣ же вдали, какъ и вблизи. У другихъ память сердца можетъ ослабѣть,—что̀ не значитъ, что любовь ихъ умерла. Она только погрузилась въ сонъ.

— Опасный сонъ!—воскликнула, смѣясь, Сильвія.—Этотъ сонъ—братъ забвенія. Надѣюсь, что у васъ нѣтъ пережитыхъ данныхъ для этого случая?

Какое-то нелѣпое опасеніе промелькнуло въ головѣ Адріена.—А Елена... осталась ли она вѣрна памяти о немъ?.. Какое безуміе! Ему сдѣлалось стыдно за свое сомнѣніе.

— Нѣтъ,—мягко отвѣтилъ онъ, и продолжалъ развивать свою мысль.—Подумайте,—сказалъ онъ,—какъ таинственна эта память, которая мѣняется у разныхъ людей. Какъ укрѣпляется въ насъ воспоминаніе? Это ощущеніе, которое сохраняется въ мозгу безконечно долго послѣ толчка, какъ кристаллъ, сохраняющій воспринятый свѣтъ,—оно кажется мнѣ истинно чудеснымъ. Восхищаются поэзіей и красотой вечерняго лѣтняго неба,—а для меня столь же полонъ чудесъ внутренній міръ каждаго человѣка, милліарды клѣточекъ, которыя свѣтятся воココ мракѣ мозга, освѣщая другъ друга, составляя созвѣздія, опредѣляющія рисунокъ нашихъ воспоминаній.

Около четырехъ часовъ Ронсены ушли, и Адріенъ остался наединѣ съ Маріеттой. Онъ разсказалъ ей про родителей, про то, какъ они постарѣли, но какъ ихъ поддерживаетъ взаимная любовь и нѣжность, и, вздохнувъ, сказалъ:

— Да... любить, вотъ тайна жизни!

Потомъ вдругъ, придвинувъ свой стулъ ближе къ сестрѣ, онъ сказалъ:

— Помнишь, Маріетта, за нѣсколько дней до твоего отъѣзда въ Валескуре, два года тому назадъ,—помнишь, мы спорили по поводу моей книги о снахъ?—ты упрекнула меня въ томъ что я долго не женюсь. Могу сообщить тебѣ теперь новость: я рѣшилъ жениться,—я женюсь на Еленѣ Обрэ.

Маріетта вскочила и вскрикнула:

— На Еленѣ?

— Да.

Она наклонилась къ брату, блѣдная, съ горящими глазами.

— Ты съ ума сошелъ!—крикнула она. — Это невозможно. Понимаешь ли—невозможно.

Онъ ждалъ протеста съ ея стороны, но не такого бѣшенства. Она вела себя—такъ ему казалось—какъ капризный ребенокъ, настаивающій на исполненіи своей воли.

— Я ничуть не сошелъ съ ума, — отвѣтилъ онъ снисходительно и кротко,—и не знаю, что можетъ помѣшать мнѣ жениться на Еленѣ. Я—совершеннолѣтній. Родители согласны, и я могу жениться, когда хочу. Но мнѣ хотѣлось бы убѣдить тебя для того, чтобы сохранить прежнія отношенія между нами. Мы десять лѣтъ жили общей жизнью, я знаю, что ты меня любишь—какъ и я тебя. Было бы нелѣпо разойтись изъ-за того, что я женюсь на дѣвушкѣ, которую ты же расхваливала мнѣ. Я понимаю, что ты невполнѣ одобряешь этотъ бракъ...

— Невполнѣ!.. Это ты все таки допускаешь?—насмѣшливо прервала она его.

— Я понимаю,—продолжалъ онъ,—судя по тѣмъ кандидаткамъ, которыхъ ты мнѣ предлагала, и по твоимъ взглядамъ, которые ты не разъ мнѣ излагала, что Елена Обрэ не соотвѣтствуетъ твоему идеалу жены для меня. Ты ставишь ей въ упрекъ то, что у нея нѣтъ ни приданаго, ни связей. Я знаю заранѣе всѣ твои возраженія, но...

— Подожди,—прервала она его, поднявъ руку.—Одно слово: она согласна?

Началась предвидѣнная Адріеномъ аттака. Онъ не сразу отвѣтилъ. Правда, что Елена не такъ хотѣла брака, какъ онъ, что она всегда отвѣчала уклончиво, когда онъ заводилъ объ этомъ разговоръ, но во всякомъ случаѣ она не отталкивала его.

— Я думаю, что она не откажетъ мнѣ,—отвѣтилъ онъ, подумавъ.

Маріетта пришла въ бѣшенство.

— Не думаю, что у нея хватитъ на это дерзости!—вскрикнула она.—Это было бы неслыханно—и по многимъ причинамъ. Я вѣдь ей объяснила, что она погубитъ твою карьеру, если сдѣлается твоей женой. Да, я это совершенно ясно ей сказала. И я не скрыла также, что если она все-таки согласится стать твоей женой, то я буду ея непримиримымъ врагомъ.

„Что? Маріетта все это сказала ей? Вотъ объясненіе ея отказа“... Адріенъ схватилъ сестру за руку и прерывисто спросилъ:

— Ты все это ей сказала? Когда?

Нѣсколько растерявшись отъ его настойчивости, она стала припоминать:

— Да незадолго до твоего отъѣзда... или, вѣрнѣе, до моего отъѣзда въ Валескуре. На слѣдующій день послѣ того, какъ ты пошелъ провожать ее вечеромъ отъ меня.

— И ты посовѣтовала ей избѣгать меня, не слушать?..

— Да.

Теперь все ясно. Онъ отпустилъ руку сестры и внѣ себя отъ волненія выдалъ тайну ихъ связи.

— Такъ ты же, значитъ, сблизила насъ... Послушай!—сказалъ онъ и снова наклонился къ Маріеттѣ: — Черезъ два дня послѣ твоего... подвига я былъ у Елены и просилъ ее стать моей женой. Она отказала... слѣдуя, какъ я теперь понимаю, твоему совѣту,—но не такъ, какъ ты надѣялась. Гордая и свободная, она отдалась мнѣ, не связывая моей жизни никакими обязательствами. Теперь я понимаю ея поступокъ и еще болѣе преклоняюсь передъ нею... Я понимаю теперь ея сопротивленіе, понимаю, почему она и потомъ уклонялась отъ моихъ настаиваній на бракѣ... Мы были безгранично счастливы, и за все время она была идеальной подругой жизни. Мы провели три блаженныхъ мѣсяца, которыхъ я не забывалъ ни на одну секунду во время разлуки.

Маріетта, ошеломленная его признаніемъ, молча слушала его разсказъ. Наконецъ, оправившись, она проговорила шипящимъ ироническимъ тономъ:

— Да, ты ихъ не забылъ, но...

Адріенъ не слушалъ ее.—Конечно, ты любишь меня, какъ мать,—продолжалъ онъ,—но именно слѣпой материнской любовью. Ты хотѣла разлучить насъ, а достигла только того, что сблизила насъ навсегда;—между нами создалась неразрывная связь.

Въ отвѣтъ на это Маріетта крикнула съ мрачнымъ торжествомъ:

— Ты на ней не женишься... ты не можешь на ней жениться! Вотъ увидишь, я это тебѣ докажу.

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, она выбѣжала изъ комнаты, только еще крикнувъ ему на порогѣ:

— Да, я люблю тебя, какъ мать, и я спасу тебя... У меня опасное оружіе въ рукахъ, которымъ я не хотѣла пользоваться... Но я не думала, что эта женщина осмѣлится принять твое имя. Если же у нея хватаетъ на это безстыдства, то я не буду больше скрывать... я все скажу...

Выбѣжавъ въ корридоръ, она крикнула:—Роберъ... Роберъ!

Онъ былъ въ дѣтской, гдѣ, какъ всегда передъ обѣдомъ, репетировалъ уроки съ Лизой и Клодомъ. Онъ пришелъ съ обычнымъ добродушнымъ видомъ, но встревожился при видѣ жены. У нея было злое, потемнѣвшее лицо, губы сжались въ судорожномъ жестокомъ движеніи.

— Что случилось?—тревожно спросилъ онъ.

— Пожалуйста, Роберъ,—сказала Маріетта,—разскажи Адріену о твоемъ маленькомъ приключеніи въ Уріажѣ.

— Зачѣмъ?— спросилъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ.— Развѣ это необходимо? Не знаю, имѣю ли я право...

— Ты спрашиваешь, необходимо ли это? Онъ хочетъ жениться на Еленѣ Обрэ.

Нотаріусъ вскочилъ съ изумленнымъ лицомъ.

— Чортъ возьми!.. Въ такомъ случаѣ я, дѣйствительно, долженъ разсказать. Нѣтъ, милый Адріенъ, m-lle Обрэ—не такая особа, на которой можно жениться. И я вамъ это докажу...

Онъ спокойно сѣлъ въ кресло, погладилъ бороду и приготовился спокойно разсказывать интересный анекдотъ.

— Ради Бога,—пробормоталъ Адріенъ, который стоялъ, опершись на спинку стула, весь замирая отъ ужаса. — Скажите однимъ словомъ, въ чемъ дѣло!

— Подождите, милый другъ,—сказалъ Роберъ.—Я вамъ уже сказалъ—это очень тонкое и сложное дѣло,—я хочу точно представить вамъ всѣ доказательства, и потому разскажу все по порядку. Вы увидите, что случай тутъ ни при чемъ,—что все было предопредѣлено,—какъ говорите вы, люди науки. На этотъ разъ я присоединяюсь къ вашимъ теоріямъ.

— Ради Бога, скорѣе!—повторилъ Адріенъ.

— Ну, такъ вотъ. Въ прошломъ году, въ сентябрѣ, я былъ въ Греноблѣ по дѣламъ—предстояла ликвидація одного большого наслѣдства. Мнѣ нужны были справки въ регистративномъ вѣдомствѣ, и я вспомнилъ про Обрэ, который служитъ именно въ этомъ вѣдомствѣ. Я считалъ его полу-знакомымъ, въ виду нашихъ отношеній съ его дочерью, и съ утра отправился къ нему. Поговоривъ о дѣлѣ, я спросилъ, какъ поживаетъ его дочь, и узналъ, что она уѣхала наканунѣ съ знакомыми въ Уріажъ, курортъ по близости, съ тѣмъ, чтобы подняться на зарѣ къ распятію въ Шанрусѣ и спуститься оттуда днемъ. Вечеромъ она должна была вернуться въ Гренобль. Уйдя отъ Обрэ и не зная, куда дѣвать свободное время до вечера, я рѣшилъ тоже поѣхать въ Уріажъ, просто потому, что тамъ дѣйствительно очень красиво,—а отчасти и съ мыслью встрѣтить m-lle Елену, которую я давно не видалъ,

— Ну, и что же, вы ее встрѣтили тамъ?—прерывисто спросилъ Адріенъ, съ трудомъ произнося слова.

— Подождите, я разскажу все по порядку. Я позавтракалъ въ Уріажѣ, и, не торопясь, сталъ подниматься на Шанрусъ, смутно думая, что встрѣчу, можетъ быть, m-lle Елену и ея знакомыхъ. Было жарко, и я шелъ медленно, изнемогая отъ жары. Увидѣвъ лѣсокъ на холмѣ, я направился туда и сѣлъ, не будучи въ состояніи идти дальше. Я даже, кажется, вздремнулъ, какъ вдругъ услышалъ шумъ съ дороги и стукъ горныхъ палокъ о камни. Я выглянулъ изъ своей засады въ чащѣ и увидѣлъ спускавшееся внизъ общество, которое шло нѣсколькими разбросанными группами. Сначала шли группы незнакомыхъ мнѣ людей, дамъ и мужчинъ. Наконецъ, показалась m-lle Елена и рядомъ съ нею коренастый, очень увѣренно выступавшій человѣкъ лѣтъ тридцати, въ изящномъ костюмѣ туриста...

Адріенъ уже не торопилъ своего шурина. Онъ задыхался. Ему казалось, точно какая-то тяжелая рука опустилась на него и давитъ его къ землѣ. Роберъ продолжалъ:

— Они медленно шли рядомъ. Въ немъ видна была самоувѣренная манера фата; онъ явно ухаживалъ за ней, и меня удивило, что она слушала его, очевидно, совершенно благосклонно. Мнѣ стало грустно за нее. Вдругъ они исчезли изъ виду. Меня это такъ заинтриговало, что я вышелъ изъ лѣсу на дорогу, чтобы слѣдить за ними взоромъ. Но представьте себѣ мое удивленіе: на слѣдующемъ поворотѣ дороги никого не оказалось. А между тѣмъ передо мной разстилался широкій горизонтъ. Ничего не было видно, кромѣ пустыннаго шалэ, одного изъ тѣхъ, въ которыхъ горцы держатъ фуражъ. У стѣны домика устроенъ былъ кранъ съ водой. Я такъ и не догадался бы, въ чемъ дѣло, еслибы не увидѣлъ прислоненную къ стѣнкѣ шалэ палку спутника m-lle Елены.

Оглушенный какъ отъ удара, Адріенъ ясно представлялъ себѣ сцену, скрытую отъ взоровъ Робера. Но, чувствуя на себѣ взглядъ Маріетты, онъ не поддался боли, не крикнулъ. И въ немъ уже зарождалась надежда: Роберъ все-таки не видѣлъ ихъ. Значитъ, ничего еще неизвѣстно навѣрное. И онъ спросилъ, дѣлая попытку улыбнуться:

— Что же было дальше?

— Дальше? Я спустился внизъ, думая объ опасностяхъ восхожденія на горы... Для меня сомнѣнія не было.

Адріенъ проговорилъ, не отдавая себѣ отчета въ своихъ словахъ:

— Да, можетъ быть, вы правы. Благодарю васъ.

Маріетта подошла къ нему съ выраженіемъ жалости въ потемнѣвшемъ взорѣ и стала его утѣшать.—Нужно вѣдь было показать тебѣ, что эта женщина недостойна тебя. Эта операція была необходима. Ты не сердишься?

— Ничуть,—сухо отвѣтилъ онъ—и поспѣшилъ черезъ нѣсколько минутъ распрощаться съ сестрой подъ предлогомъ усталости съ дороги.

Когда онъ вышелъ, Роберъ покачалъ головой.

— Онъ, кажется, очень огорченъ,—сказалъ онъ.

Она отвѣтила голосомъ, въ которомъ еще слышалась злоба противъ побѣжденнаго:

— Еще бы... Вѣдь они три мѣсяца прожили вмѣстѣ передъ его отъѣздомъ.

Роберъ остолбенѣлъ.—Хороша же ты, нечего сказать!—проговорилъ онъ.—Какъ ты не предупредила меня? Я думалъ, что онъ слегка ухаживалъ за ней, и разсказалъ всю исторію, какъ пикантный анекдотъ... А вдругъ... Какъ можно было допустить такую жестокость!

Она остановила его. — Именно хорошо, что ты говорилъ, ничего не подозрѣвая. Въ противномъ случаѣ ты не рѣшился бы говорить прямо, оставилъ бы нѣкоторое сомнѣніе въ умѣ Адріена. Она бы продолжала отрицать, и все-таки онъ бы на ней женился. Благодаря твоей деликатности, Адріенъ женился бы на дѣвушкѣ безъ гроша, которая отдается первому встрѣчному,—этого ты хотѣлъ, что-ли?

— Все-таки, такъ не слѣдовало поступать. Бѣдный Адріенъ вправѣ сердиться на меня. Я пойду къ нему завтра.

— Конечно, пойди. Мы будемъ знать по крайней мѣрѣ, какъ онъ перенесъ это.

Адріенъ прямо отъ сестры поспѣшилъ къ Еленѣ, думая только объ одномъ—о томъ, что она скажетъ въ свое оправданіе. Онъ внутренно не сомнѣвался. Все сходилось: какъ разъ въ сентябрѣ она ему не писала, потомъ перестала бывать у Ронсеновъ и у Маріетты... И все-таки... все-таки... Можетъ быть, она объяснитъ!

Елена открыла ему дверь. При свѣтѣ, падавшемъ съ улицы, онъ увидѣлъ, что она въ шляпѣ и верхней кофточкѣ.

— Подожди еще, — сказалъ онъ ей. — Намъ нужно поговорить.

Онъ прошелъ съ ней въ комнату, подождалъ, пока она зажигала лампу, и ея спокойныя движенія воскрешали въ немъ надежду. Наконецъ, она кончила и, подойдя къ нему, спросила:

— Что ты хотѣлъ сказать?

— Послушай, Елена, — сказалъ онъ задыхающимся голосомъ: — Роберъ встрѣтилъ тебя прошлой осенью въ Уріажѣ, при спускѣ съ Шанруса. Ты была не одна... Онъ слѣдилъ за вами. Ему кажется, что вы вошли въ заброшенный шалэ. Онъ подозрѣваетъ... нѣчто ужасное... Скажи, неужели это правда?

Смертельно поблѣднѣвъ, она опустила голову и сказала тихо и внятно:

— Да, правда.

Онъ глухо вскрикнулъ отъ боли, но тутъ же оправился. Онъ все-таки не хотѣлъ вѣрить, — можетъ быть, она опять нарочно клевещетъ на себя. Но нѣтъ, такой клеветы не взводятъ на себя. Да вѣдь онъ зналъ, что это правда, во время разсказа Робера.

— Значитъ, ты меня не любила? — крикнулъ онъ, сознавая, что въ немъ говоритъ не разумъ, а только инстинктъ. — Какъ же ты звала меня въ письмахъ? Ты, значитъ, лгала? А еще сегодня, когда я пріѣхалъ... твоя радость... твоя нѣжность... все это была ложь?

Елена плакала. Прерывающимся отъ рыданій голосомъ она сказала, отвернувъ голову:

— Не старайся понять... Ты знаешь правду — такъ лучше. Я бы все равно не могла жить, скрывая. Меня душила ложь. Такъ лучше.

Его терзала жажда узнать подробности.

— Какъ же это случилось? Кто онъ? Ты видала его съ тѣхъ поръ? Ты давно его знаешь?

Она протянула впередъ руки, останавливая его:

— Не спрашивай меня... Зачѣмъ напрасно мучить другъ друга?.. Того, что ты знаешь, достаточно, чтобы разлучить насъ на вѣки. Зачѣмъ же спрашивать?

Она была права. Между ними все кончено. Онъ замкнулся въ гордости и проговорилъ:

— Ты права. Намъ нечего больше сказать другъ другу. Прощай.

Онъ еще остановился на порогѣ, въ надеждѣ на какое-то чудо, на какое-нибудь неожиданное признаніе. Но она продолжала стоять неподвижно... какъ мертвая.

Онъ пошелъ къ себѣ домой, совершенно уничтоженный, и долго сидѣлъ, запершись въ своей комнатѣ, безъ свѣта. Что теперь дѣлать? Вернуться въ Швецію?

Это слишкомъ мучительно послѣ его разсказовъ матери про

Елену. Уѣхать въ Валескуре́,—нѣтъ, тамъ слишкомъ много воспоминаній. Нужно уѣхать куда-нибудь въ новое мѣсто, съ которымъ ничто не связано. Вдругъ онъ вспомнилъ о зоологической станціи въ Баньюльсѣ, на берегу моря, у испанской границы. Пьеръ Ронсенъ разсказывалъ о томъ, какъ онъ недавно тамъ былъ, и совѣтовалъ Адріену при случаѣ остановиться тамъ и поработать. Когда профессоръ говорилъ ему это за завтракомъ у Маріетты, онъ съ улыбкой поблагодарилъ за совѣтъ, не думая, что попадетъ куда-то въ заброшенный уголокъ, когда счастье ждало его тутъ же, въ Парижѣ. Но теперь все измѣнилось, и онъ рѣшилъ поѣхать въ Баньюльсъ какъ можно скорѣе.

Съ этой мыслью онъ пошелъ спать — и вопреки ожиданію крѣпко проспалъ всю ночь, измученный всѣмъ, что пережилъ за безконечно длинный тяжелый день. На слѣдующее утро его разбудилъ слуга докладомъ о приходѣ Робера. Онъ удивился неожиданному утреннему визиту шурина и, быстро одѣвшись, вышелъ къ нему въ кабинетъ.

— Я пришелъ къ вамъ, милый Адріенъ, какъ вы ко мнѣ года два тому назадъ, когда считали себя неправымъ передо мной. Теперь я неправъ. Мнѣ не слѣдовало разсказывать вамъ эту исторію,—но я не зналъ о вашихъ отношеніяхъ съ m-lle Еленой. Я бы, по крайней мѣрѣ, не говорилъ въ такомъ небрежномъ тонѣ.

— Ничего, я ничуть не сердитъ,—сказалъ Адріенъ, стараясь казаться спокойнымъ.

— Но, конечно,—продолжалъ Роберъ, — слѣдовало же предупредить васъ, съ кѣмъ вы имѣете дѣло. Вамъ не слишкомъ тяжело теперь?

— Вы видите. Я живъ и здоровъ. Я уѣзжаю, чтобы разсѣяться отъ всякихъ воспоминаній. Я ѣду въ Баньюльсъ, на зоологическую станцію, о которой говорилъ мнѣ Ронсенъ. Хочу тамъ поработать.

— Ну, и отлично. Возвращайтесь оттуда совсѣмъ здоровымъ... Да, — прибавилъ онъ, чувствуя потребность подчеркнуть свое идейное торжество,—кто бы сказалъ, что вы такъ скоро оправдаете мои слова! Вы видите: человѣкъ всегда остается человѣкомъ, и наступаетъ моментъ, когда нельзя утѣшиться девизомъ: „никто ни въ чемъ не виноватъ“.

Онъ ушелъ, и Адріенъ задумался. Роберъ правъ. Этотъ девизъ, который долженъ былъ стать его жизненнымъ правиломъ, который онъ считалъ почти такимъ же твердымъ въ себѣ, какъ голосъ инстинкта,—вѣдь онъ ни разу не вспомнилъ о немъ съ минуты признанія Елены.

По дорогѣ въ Баньюльсъ Адріена неотступно преслѣдовали все тѣ же мысли. Онъ представлялъ себѣ измѣну Елены, и чувствовалъ, что никогда не забудетъ ни ее, ни того, что произошло... Онъ подумалъ о томъ, какъ Роберъ напомнилъ ему о его девизѣ, и еще болѣе вознегодовалъ:

— Что мнѣ отъ того, что она не виновата? Развѣ она все-таки не солгала и не измѣнила? Развѣ я все-таки не страдаю, представляя себѣ ее въ объятіяхъ другого человѣка?

Въ Баньюльсѣ Адріена приняли очень привѣтливо, такъ какъ о его пріѣздѣ Ронсенъ предупредилъ телеграммой. Жизнь его устроилась очень удобно. Онъ поселился, по рекомендаціи Сильвіи, въ томъ же домикѣ, гдѣ жили она и ея отецъ, и хозяйка дома взялась вести хозяйство молодого ученаго. Она готовила ему обѣды, и только огорчалась его равнодушіемъ къ ѣдѣ, тѣмъ, что онъ никогда не хвалилъ ея стряпню.

Но одиночество, на вліяніе котораго разсчитывалъ Адріенъ, не оказалось благотворнымъ. Оно не исцѣлило его. Прошлое не покидало его душу—онъ думалъ только объ Еленѣ, о всемъ недосказанномъ въ ея признаніи. У него были знакомые въ Баньюльсѣ—два молодыхъ человѣка, занимавшіеся на зоологической станціи, — но онъ съ ними не сошелся, такъ какъ не могъ выносить ихъ болтливаго фатовства, вѣчныхъ разговоровъ о женщинахъ или объ успѣхахъ въ жизни, въ наукѣ. Адріенъ предпочиталъ разговорамъ съ ними одинокія прогулки по скаламъ. Онѣ его успокаивали, давая ему возможность заняться самоанализомъ, объяснить себѣ свои страданія.

Онъ вспомнилъ опредѣленіе любви у Спенсера, поразившее его своей вѣрностью: „Вокругъ физическаго обаянія,—говоритъ Спенсеръ,—которое составляетъ зерно чувства,—группируются чувства, вызываемыя красотой, затѣмъ чувства, составляющія простую привязанность, наконецъ уваженіе, самолюбіе, чувство собственности, любовь къ свободѣ, симпатія. Всѣ эти чувства, доведенныя каждое до высшей точки развитія, составляютъ то психическое состояніе, которое мы называемъ любовью. И такъ какъ каждое изъ этихъ чувствъ очень сложное, то вмѣстѣ образуется огромный аггрегатъ, въ которомъ сходятся почти всѣ стихійныя влеченія, на которыя мы способны. И въ этомъ—тайна несокрушимаго могущества чувства любви“.

Адріенъ пытался примѣнить къ своему частному случаю этотъ точный научный методъ. Онъ былъ оскорбленъ въ чувствѣ преклоненія передъ Еленой—онъ пересталъ уважать ее. Оскорблено было также его самолюбіе—такъ какъ Елена предпочла

ему его соперника. Оскорблено было чувство собственности... ея красота сдѣлалась достояніемъ другого... Но вѣдь другое осталось. Осталось обаяніе красоты, осталась привязанность... нѣжность. Эти чувства вѣдь еще живы въ немъ...

Однажды Адріенъ отправился подъ вечеръ гулять вдоль моря и дошелъ до доковъ, гдѣ готовился къ отплытію транспортъ солдатъ. Съ самаго отъѣзда изъ Парижа онъ не былъ среди толпы, и его оглушилъ крикъ пьяныхъ солдатъ, готовившихся къ отъѣзду, оглушила брань, запахъ водки, грубыя пѣсни—вся картина нищеты и человѣческаго паденія. Онъ чувствовалъ себя подавленнымъ,—и все-таки именно тутъ онъ опять вспомнилъ о своемъ девизѣ: „Никто ни въ чемъ не виноватъ“ —и впервые попытался примѣнить его къ Еленѣ, чего не могъ сдѣлать до того, слишкомъ страдая отъ неожиданнаго удара судьбы. Теперь чувства его стали снова подчиняться голосу разума, и онъ понялъ главное: Елена не виновата.

Онъ, конечно, не зналъ всего, что̀ произошло, но какъ бы ни поступала его подруга, онъ долженъ былъ признать въ силу своего ученія—какъ ни тяжело было это признать,—что она не могла иначе дѣйствовать. Вѣдь онъ всегда утверждалъ, что мы дѣйствуемъ подъ вліяніемъ всего, что̀ владѣетъ нами, и что мы не можемъ овладѣть вліяніями извнѣ, какъ не можемъ быть господами надъ своимъ тѣломъ и его страданіями. Среди обстоятельствъ, неизвѣстныхъ ему, онъ и его соперникъ боролись за власть надъ Еленой. Онъ потерпѣлъ пораженіе—вотъ и все. Но онъ не могъ ненавидѣть за это Елену, какъ не могъ бы возненавидѣть ее за то, что она ранила его движеніемъ, отъ котораго не могла удержаться. Она не виновата въ его пораженіи. Какъ знать, каковы причины этого пораженія? Елена не была исключительно чувственной натурой—это онъ зналъ. Она не была также капризной кокеткой. Нѣтъ, если онъ утратилъ власть надъ ея душой, значитъ, онъ не жилъ такъ неотступно въ ея памяти, какъ она въ его памяти,—значитъ, она его забыла... Снова его охватила горечь при этой мысли. Забыла!..

Но что̀ же дѣлать? Вѣдь онъ самъ доказывалъ, что одни люди скорѣе забываютъ, чѣмъ другіе, что у иныхъ память исчезаетъ, если ее не оживлять. Онъ вѣдь самъ говорилъ объ этомъ Сильвіи въ день своего возвращенія, доказывая, что отсутствіе памяти—просто органическій недостатокъ. Можетъ быть, Елена именно жертва отсутствія памяти. И опять онъ сталъ упрекать

себя за то, что не разспросилъ ее въ день ихъ послѣдней встрѣчи, не узналъ отъ нея полной правды...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой прогулки въ доки, Адріенъ получилъ длинное письмо отъ Сильвіи Ронсенъ, которое онъ сначала быстро пробѣжалъ глазами, а потомъ перечелъ слово за словомъ. Вотъ что она писала ему:

„Дорогой другъ, заняты ли вы еще вашей книгой о памяти? Я увѣрена, что да, такъ какъ вы не изъ тѣхъ, которые оставляютъ какую-нибудь мысль, не додумавъ ее до конца. Я тоже не забыла нашихъ бесѣдъ по этому поводу, и вотъ хочу послать вамъ интересный документъ для вашей книги. Я знаю, что вы собираете такіе документы съ жадностью. Помните, какъ папа доставлялъ вамъ свидѣтельства разныхъ ученыхъ для книги о снахъ? Съ какой важностью всѣ эти почтенные господа разсказывали свои смѣшные сны и обстоятельства, вызывавшія ихъ!

„Такъ вотъ и я вамъ сообщу такого же рода наблюденіе для вашей новой книги. За полную достовѣрность я ручаюсь, такъ какъ лично знаю объектъ сообщаемыхъ мною наблюденій. Если я не писала подъ диктовку, то лишь потому, что данное лицо не должно было знать о моихъ намѣреніяхъ. Но я все записывала тотчасъ же послѣ нашихъ бесѣдъ, а память у меня фонографическая—это вы знаете. Впрочемъ, если я что-нибудь прибавила отъ себя, то вы сейчасъ же догадаетесь, что.

„Рѣчь идетъ о памяти ощущеній и чувствъ, о той памяти сердца, которая, если я не ошибаюсь, спеціально васъ интересуетъ.

„Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Жила была одна красивая, гордая и смѣлая молодая женщина—настоящая Діана. Она любила одного молодого человѣка—и настолько любила его, что, въ виду препятствій къ ихъ браку, отдалась ему свободно. Они прожили три мѣсяца въ тѣсномъ счастливомъ союзѣ, послѣ чего молодого человѣка отозвали за шестьсотъ миль. Противъ судьбы ничего нельзя было подѣлать. Молодая женщина очень страдала отъ разлуки и снова стала вести прежнюю трудовую жизнь.

„Она была очень красива, и за ней много ухаживали,—такъ какъ дѣло происходило во Франціи. Пока она жила въ Парижѣ, она легко отстраняла всѣ приставанія, тѣмъ болѣе, что постоянно ждала возвращенія своего друга и—что очень важно—жила въ городѣ, гдѣ все напоминало ей его и ихъ любовь. Прошелъ годъ—замѣтьте, цѣлый годъ. Она уѣхала на лѣто къ родителямъ и тамъ за ней стали ухаживать еще съ большей настойчивостью. Среди всѣхъ поклонниковъ самымъ энергичнымъ былъ одинъ

инженеръ, женатый на очень некрасивой дочери богатаго фабриканта и открыто измѣнявшій постоянно своей женѣ. Всѣ это знали, и это считалось въ порядкѣ вещей. Онъ былъ красивъ въ пошломъ вкусѣ, но зналъ жизнь, зналъ женщинъ и имѣлъ успѣхъ. Онъ былъ знакомъ съ родителями молодой дѣвушки и, встрѣтившись съ ней, сталъ за ней ухаживать,—исполняя до нѣкоторой степени свою роль оффиціальнаго поклонника всѣхъ красивыхъ женщинъ въ городѣ. Къ нему отнеслись довольно безразлично,—не отклоняя и не поощряя его. Это равнодушіе—непривычное, потому что обыкновенно его поклоненіе считалось лестнымъ — его подзадорило. Онъ сталъ дѣйствовать болѣе настойчиво. Тутъ мы вступаемъ въ область интересующихъ васъ психологическихъ наблюденій.

„Вѣрность—я полагаю и вы, вѣроятно, согласитесь со мной—имѣетъ свои основанія: чувство долга, уваженіе къ себѣ, любовь. Каковы же были способы защиты молодой женщины въ данномъ случаѣ? Не чувство долга: она не была законной женой своего друга. Уваженіе передъ собой—но есть минуты, когда человѣкъ теряетъ самосознаніе. Нѣтъ, ея единственнымъ оплотомъ была любовь къ отсутствующему. Она могла оставаться ему вѣрной только изъ любви.

„Но что̀ значитъ любить кого-нибудь въ отсутствіи? Это значитъ постоянно думать о немъ, постоянно представлять его себѣ, вспоминать всѣ минуты, проведенныя съ нимъ, слышать звукъ его голоса, видѣть малѣйшія черты его лица, осязать его присутствіе, когда его нѣтъ, — жить всѣми этими воспоминаніями, такъ, какъ будто онъ продолжаетъ быть тутъ. Наконецъ, это значитъ обращаться ко всѣмъ предметамъ, которыхъ онъ касался, къ зеркаламъ, отражавшимъ его, къ воздуху, которымъ онъ дышалъ, прося ихъ: — покажите мнѣ его! верните мнѣ его! Вотъ что̀ значитъ—такъ я полагаю—любить отсутствующаго.

„Такое чувство дѣйствительно бы могло спасти любящую женщину во время разлуки. Но помните, вы сами говорили мнѣ это въ день возвращенія изъ Швеціи, у вашей сестры, когда подошли ко мнѣ къ роялю,—все это свойственно тѣмъ, которые обладаютъ спеціальной памятью, дающей теплоту жизни всему, что̀ она вызываетъ. Подумайте же, каково несчастной, которая, чувствуя опасность, призываетъ на помощь всѣ воспоминанія, и они оказываются мертвыми. Она ничего не забыла, помнитъ всѣ нѣжныя слова, но они утратили свои оттѣнки, такъ же, какъ она помнитъ черты лица, но онѣ мертвы, какъ на фотографіи. Воспоминанія остались, но они, какъ цвѣты гербарія въ ея рукахъ:

въ нихъ нѣтъ ни красокъ, ни запаха. Воспоминанія ея точны, но они не вызываютъ въ ней сильныхъ ощущеній. Она обладаетъ памятью, которая хранитъ прошлое, но не той, которая воскрешаетъ ее. У нея нѣтъ памяти сердца, — вы вѣдь предвидѣли такой случай въ задуманной книгѣ, считали, что возможно отсутствіе такой памяти, какъ и памяти зрительной.

„Съ другой стороны, все соединяется для гибели несчастной женщины. Она уже не въ той странѣ, гдѣ протекала ея любовь. Ничто не напоминаетъ отсутствующаго, ни улицы, ни дома, ни природа. Ничто не помогаетъ ей,—у нея нѣтъ защиты. И какъ разъ въ это время ея преслѣдователь становится настойчивѣе. Представляется удобный случай — экскурсія въ горы, спускъ вразбродъ, усталость и жара. Несчастная, измученная усталостью, соглашается пойти выпить воды у резервуара около горнаго шалэ. И когда преслѣдователь пользуется случаемъ и дѣлаетъ грубое нападеніе, она, безсильная, оглушенная, становится какъ бы сама свидѣтельницей своего паденія.

„Потомъ? Потомъ наступаетъ пробужденіе. Эта женщина, умѣющая жить только настоящимъ, почувствовала ужасъ случившагося только послѣ того, какъ оно стало непоправимымъ фактомъ. Тогда только она поняла всѣ его послѣдствія. „Я измѣнила"—фактъ только-что совершившійся—сильнѣе потрясаетъ ее, чѣмъ „я люблю", относящееся къ чему-то далекому. Дѣло въ томъ, что она любила. Не знаю, сумѣла ли я показать вамъ, какъ эта любовь проснулась именно послѣ катастрофы. Вы должны понять—вы сами доказывали, что любовь не исчерпывается памятью сердца,—что можно забывать въ отсутствіи, не переставая любить въ присутствіи. И доказательство того, что она любила, это то, что она не перестала любить. Это ясно видно изъ всѣхъ ея дальнѣйшихъ поступковъ, того, какъ она, вернувшись съ горъ, не выходила изъ дому подъ предлогомъ болѣзни до тѣхъ поръ, пока смогла, не возбуждая подозрѣній, уѣхать незамѣтно въ Парижъ. Изъ любви она не писала ни о чемъ далекому другу, чтобы не тревожить его, и съ тайной надеждой, что онъ никогда ничего не узнаетъ. Любовь ея видна и по ея слезамъ послѣ того, какъ она снова свидѣлась съ тѣмъ, кому измѣнила, и поняла, что напрасно скрывала, и что все кончено. Любовь оказывается и въ ея гордомъ смиреніи, въ томъ, что она не проситъ прощенія, — словомъ, во всемъ. Если вы сами не вѣрите, то повѣрьте мнѣ. Я это знаю.

„Вотъ мои наблюденія. Они—полезный для васъ противовѣсъ вашимъ. У васъ такимъ образомъ получатся два полюса—примѣръ

памяти вѣрной и памяти измѣняющей. Меня вовсе не радуетъ, что жизнь сама доставляетъ вамъ такіе документы, но я довольна тѣмъ, что, разобравшись въ этихъ противоположныхъ случаяхъ, вы сумѣете понять ихъ.

„Сказать вамъ, какъ я собрала мои наблюденія, для того, чтобы вы были вполнѣ увѣрены въ ихъ достовѣрности? Я вамъ скажу. Вы не зашли къ намъ до отъѣзда въ Баньюльсъ. Я узнала о вашемъ бѣгствѣ изъ Парижа по запискѣ къ отцу, въ которой вы просили рекомендаціи къ директору зоологической станціи. Но я сразу узнала, въ чемъ дѣло, отъ вашей сестры. Я вѣдь теперь ея любимица;—надѣюсь скоро сказать вамъ, почему я согласилась быть при ней ея dame d'honneur. Во всякомъ случаѣ, я узнала причину вашего отъѣзда, выслушивая ея сожалѣнія о томъ, что вы уѣхали такъ далеко и живете въ одиночествѣ. Я не настолько ей сочувствовала, однако, чтобы дѣйствовать въ ея смыслѣ,—вѣдь я болѣе дружна съ вами, чѣмъ съ нею. Поэтому, какъ только я узнала, въ чемъ дѣло, я тотчасъ же направилась къ m-lle Обрэ. Какъ я вынудила у нея признаніе среди слезъ—это вѣдь васъ не интересуетъ. Словомъ, я все узнала—женщины или ничего не говорятъ другъ другу, или все. Я счастлива, что могла раздобыть для васъ свѣдѣнія изъ лучшихъ источниковъ... Обдумайте ихъ, другъ мой. И если письмо мое можетъ показаться вамъ слишкомъ длиннымъ, подумайте, что въ сущности всѣ мои наблюденія можно выразить въ короткой пословицѣ: „Съ глазъ долой—вонъ изъ сердца“,—что̀, впрочемъ, не относится ни къ вамъ, ни къ вашему „товарищу“—

„Сильвіи Ронсенъ“.

Послѣ письма Сильвіи все вокругъ Адріена показалось ему преображеннымъ, точно возродившимся для новой жизни. Письмо ясно выражало то, что̀ уже смутно складывалось у него въ головѣ. Ему казалось, точно онъ самъ себѣ написалъ это письмо послѣ размышленій о памяти сердца и объ отсутствіи ея. Онъ самъ не рѣшался еще примѣнить своихъ теорій къ Еленѣ,—но вотъ это сдѣлали за него,—и передъ нимъ открылась новая возможность снова увидѣть Елену. Нѣсколько дней онъ провелъ, ни на что не рѣшаясь. Пришло письмо изъ Швеціи, отъ матери, которая нѣжно разспрашивала его о его планахъ... Онъ вспомнилъ, съ какой увѣренностью онъ говорилъ ей объ Еленѣ... Если онъ внутренно оправдаетъ ее теперь, то все останется по старому, и онъ можетъ поѣхать съ нею къ матери. Но онъ почувствовалъ, что это еще не рѣшено въ его душѣ, что въ немъ борются два человѣка, старый и новый, что есть въ его

инстинктахъ что-то противорѣчащее его разуму. Съ этимъ еще нужно справиться... Прошло нѣсколько дней среди размышленій. Однажды онъ пошелъ въ далекую прогулку и медленно направился вдоль границы Испаніи. Идя въ гору навстрѣчу вѣтру, онъ чувствовалъ, какъ крѣпнетъ его духъ. Уже ничто въ немъ не противилось разуму,—и губы его шептали: „Елена... Елена!" Новый человѣкъ побѣдилъ. Въ тотъ же вечеръ онъ уѣхалъ въ Парижъ.

Въ самый день пріѣзда онъ пошелъ днемъ къ Ронсенамъ, которыхъ предупредилъ о своемъ пріѣздѣ. Ему хотѣлось прежде всего видѣть Сильвію. Но ея не оказалось дома. Адріенъ засталъ только ея отца, который сказалъ, что она должна сейчасъ вернуться, а до ея прихода сталъ разспрашивать Адріена о Баньюльсѣ, о работахъ. Адріенъ сидѣлъ какъ на иголкахъ отъ нетерпѣнія. Наконецъ, явилась Сильвія и тотчасъ же увела Адріена, сказавъ отцу, что должна поговорить съ своимъ другомъ о важномъ дѣлѣ.

Проведя его въ залу, она взглянула на него съ нѣжнымъ, серьезнымъ выраженіемъ, рѣдко выступавшимъ на ея веселомъ кругломъ личикѣ.

— Ну, что, вылечились?

— Кажется—и благодаря вамъ. Вы многое объяснили мнѣ въ своемъ изложеніи — или, вѣрнѣе, въ своей защитительной рѣчи. Вы громко высказали то, что я началъ внутренно говорить себѣ.

— Конечно. Я надѣялась, что являюсь именно въ нужную минуту.

— Какъ вы меня хорошо знаете!—пробормоталъ онъ.

— Надѣюсь,—подтвердила она.

— Вѣдь безъ васъ я бы все еще блуждалъ въ потемкахъ; вы помогли мнѣ найти себя.

— Это естественно. Мнѣ было больно, что вы такъ несчастны — неужели это васъ удивляетъ? Я вѣдь къ вамъ отношусь съ нѣкоторой нѣжностью—развѣ вы этого не замѣтили?— сказала она, скрывая подъ смѣхомъ свое волненіе. — Я даже не скрываю, — какъ сдѣлала бы героиня романа. Но вѣдь я съ моимъ китайскимъ лицомъ не гожусь въ героини романа—и довольствуюсь ролью товарища. Мнѣ пріятно часто видать васъ. Сознаюсь вамъ кстати, что съ вашей сестрой я только потому и веду дружбу, чтобы быть ближе къ вамъ. Правда, всѣ мои хитрости ни къ чему,—я все-таки только всего разъ и видѣла васъ

съ вашего пріѣзда изъ Швеціи. Надѣюсь, что въ будущемъ мнѣ больше повезетъ. Но во всякомъ случаѣ мнѣ тяжело было знать, что вы несчастны, и я хотѣла помочь вамъ.

— Какой вы истинный другъ!—пробормоталъ онъ.

— Я не могла иначе поступить, чѣмъ поступила. Нельзя же было оставить васъ тамъ, въ Баньюльсѣ, а Елену здѣсь... Нужно было объяснить вамъ, что вы должны вернуться къ ней. И что же, вы поняли это?

— Да, понялъ. Я пережилъ нравственный кризисъ, какъ физическую рану; благодаря времени и вашему письму, я вернулся къ принципамъ, всегда руководившимъ моими мыслями, и могъ отнестись къ Еленѣ, какъ требовали мои убѣжденія. Я понялъ все, что произошло, понялъ, что „она не виновата"...

— Вы ее еще не видѣли?—спросила Сильвія, перебивая его.

— Нѣтъ. Я хотѣлъ раньше быть у васъ. И я не знаю, какъ быть; — я не хотѣлъ бы просить у нея свиданія, чтобы не дать ей времени для размышленія, но не хотѣлъ бы и явиться неожиданно.

— Но чтобы жениться на ней, нужно все-таки повидаться,— сказала Сильвія, улыбаясь.—Вѣдь вы женитесь?—прибавила она болѣе серьезнымъ тономъ.

— Конечно. Я вѣдь знаю, что Елена не соглашалась до сихъ поръ на бракъ изъ-за Маріетты. Теперь ужъ я знаю причину ея сопротивленія. Но я хотѣлъ раньше поговорить съ вами.

— Вамъ хочется знать подробности? Но, право, я могу повторить вамъ только то, что говорила. Знайте только одно. Вы увѣрены, что сильнѣе любите Елену, чѣмъ она васъ. Повѣрьте, хотя бы съ моихъ словъ, что она любитъ васъ не меньше. Только любовь ея—такая, которая расцвѣтаетъ въ присутствіи того, кого любятъ... Въ разлукѣ такая любовь не исчезаетъ, а только скрывается. Повѣрьте мнѣ — и идите скорѣе къ Еленѣ.

— Я повинуюсь вамъ и пойду. Но раньше я зайду къ Маріеттѣ.

— Зачѣмъ? Вѣдь она будетъ въ бѣшенствѣ.

— Это все-таки необходимо. Я хочу, женившись, сейчасъ же уѣхать съ Еленой въ Швецію, и боюсь, чтобы Маріетта не надѣлала непріятностей, написавъ родителямъ объ исторіи съ Еленой. Кромѣ того, я хочу въ послѣдній разъ попытаться выяснить ей мое отношеніе къ Еленѣ и къ тому, что произошло... Это будетъ для меня провѣркой силы доводовъ, которые я нашелъ въ одиночествѣ.

— А что, если ваши доводы окажутся слабы, и сестра васъ переубѣдитъ...

— Еслибы это было возможно, я бы отказался отъ свиданія съ Еленой.

— Ну, хорошо. Идите и выходите побѣдителемъ изъ испытанія.

Маріетты не было дома. Адріенъ засталъ только Робера, который искренно обрадовался его неожиданному возвращенію, и первымъ дѣломъ спросилъ его:

— Ну, что, какъ ваше сердце?

— Здорово,—отвѣтилъ веселымъ тономъ Адріенъ.

— Ну, слава Богу! — воскликнулъ Роберъ.—Я зналъ, что такой благоразумный молодой человѣкъ...

— Простите,—сказалъ Адріенъ,—во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, я долженъ сейчасъ же вамъ сказать, что пребываніе въ одиночествѣ мнѣ помогло въ томъ отношеніи, что я нашелъ себя. Словомъ, я женюсь на m-lle Обрэ.

— Что?—раздался испуганный крикъ Робера.

Адріенъ ничего не отвѣтилъ. Тогда Роберъ подошелъ къ нему и, дружески касаясь его плеча, сталъ говорить ласковымъ, убѣждающимъ тономъ:

— Послушайте, милый Адріенъ, мы, конечно, люди разныхъ взглядовъ, но есть вѣдь безспорныя, очевидныя истины, противъ которыхъ никто не можетъ идти. Простите мою настойчивость, но вѣдь я говорю изъ дружбы. Нельзя вѣдь... нельзя жениться на женщинѣ, которая принадлежала вамъ до брака... и въ особенности если она была возлюбленной другого человѣка... Она можетъ нравиться попрежнему, можно сохранять съ ней отношенія... Но жениться...

Его краснорѣчіе было внезапно прервано появленіемъ Маріетты. Она влетѣла какъ вихрь, узнавъ отъ прислуги о приходѣ Адріена, стала бурно обнимать его, радуясь возвращенію, говоря, что уже не отпуститъ его такъ скоро. Но Адріенъ съ первыхъ же словъ объяснилъ ей, въ чемъ дѣло, сказавъ, что женится на Еленѣ и уѣзжаетъ съ ней въ Швецію. Маріетта поблѣднѣла, опустилась на стулъ, и шептала только внѣ себя: „Ты съ ума сошелъ!..“ Она чуть не рыдала, и ея печаль больше трогала Адріена, чѣмъ ея прежнее бѣшенство. Она стала говорить кротко, убѣждать его, говоря почти то же, что Роберъ, доказывая невозможность забыть паденіе Елены, и Роберъ не могъ удержаться отъ ироническаго возгласа:

— Что бы ты ни доказывала ему,—сказалъ онъ, обращаясь къ женѣ,—онъ тебѣ отвѣтитъ: „она не виновата“.

Адріенъ почувствовалъ себя очень сильнымъ передъ этими двумя непоколебимыми въ своей узости людьми.

— Да, — сказалъ онъ, — я именно это и скажу. И если хочешь, Маріетта, я постараюсь выяснить тебѣ мою мысль. Послушай. Ты знаешь, что часто говорятъ: „у меня нѣтъ памяти на лица"... Затѣмъ, ты помнишь, вѣроятно, что тебѣ случалось иногда живо вспомнить какую-нибудь сдѣланную неловкость или же вспомнить что-нибудь смѣшное или грустное, и при этомъ воспоминаніи ты или краснѣла, или смѣялась, или тебѣ дѣлалось грустно. Бывало это съ тобой?

— Бывало,—отвѣтила Маріетта, не понимая, къ чему все это должно привести.

— Это доказываетъ, что есть память чувства, которая опредѣляетъ продолжительность нашихъ ощущеній, сохраняя ихъ живость. Если я помню умершаго человѣка, то потому, что во мнѣ жива печаль, связанная съ его утратой. Если не смягчается мой гнѣвъ противъ кого-нибудь, значитъ, память моего первоначальнаго гнѣва осталась прежней. Но, допуская это, нужно понять, что человѣкъ не виновенъ, если эта память ему измѣняетъ,— какъ это было съ Еленой въ мое отсутствіе.

— Несчастный! Вѣдь это просто значитъ, что она перестала тебя любить.

— Нѣтъ. Забыть въ отсутствіи не значитъ разлюбить. Если я не могу припомнить лицо отсутствующаго друга по недостатку зрительной памяти,—развѣ это значитъ, что онъ пересталъ быть мнѣ милымъ? Нужно помогать недостатку памяти. И я буду это дѣлать своимъ постояннымъ присутствіемъ...

— Но вѣдь она принадлежала другому... Повѣрь, что ты никогда этого не забудешь, что потомъ, въ семейной жизни, ты будешь вспоминать... и будешь презирать свою жену...

— Я не ревную ее къ прошлому, какъ не ревнуютъ, женившись на вдовѣ или на женщинѣ, разведенной съ первымъ мужемъ. А за недостатокъ памяти я не могу презирать ее, какъ бы не презиралъ ее за физическій недостатокъ, за болѣзнь. Нѣтъ точныхъ границъ между болѣзнями тѣла и болѣзнями души...

— Ну, посмотримъ,—воскликнула Маріетта внѣ себя,—какъ ты проведешь свои принципы въ жизни! Я увѣрена, что ты вернешься къ намъ—мой домъ тебѣ всегда открытъ.

— Я уѣзжаю въ Швецію съ Еленой—и не такъ скоро смогу воспользоваться твоимъ гостепріимствомъ. Родителямъ я разскажу все, что предшествовало нашему браку,—и они меня поймутъ,—я увѣренъ въ этомъ. Прощай.

На слѣдующій день Адріенъ получилъ письмо отъ Сильвіи, извѣщавшей его, что Елена срисовываетъ какой-то цвѣтокъ для ея отца въ городскихъ оранжереяхъ, и что онъ можетъ застать ее тамъ. Онъ тотчасъ же взялъ коляску и съ волненіемъ направился въ оранжереи, думая по дорогѣ о внутренней борьбѣ, пережитой наединѣ въ Баньюльсѣ, а потомъ о спорѣ съ Роберомъ и Маріеттой. Теперь уже все успокоилось въ немъ. Старый инстинктъ былъ окончательно побѣжденъ свѣтлымъ сознаніемъ. Онъ былъ спокоенъ и чувствовалъ только радость отъ близкаго свиданія. Онъ прошелъ въ указанную имъ въ письмѣ Сильвіи аллею и увидѣлъ Елену. Обернувшись на звукъ его шаговъ, Елена бросилась къ нему. Она отъ волненія не могла отвѣчать на его нѣжныя слова, и онъ едва могъ остановить ея слезы. Они вмѣстѣ ушли, и Адріенъ предложилъ ей поѣхать въ Булонскій лѣсъ. Тамъ, обходя знакомыя мѣста, связанныя съ прошлымъ ихъ любви, Елена точно воскресала отъ тяжелаго испытанія.

— Я точно просыпаюсь отъ тяжелаго сна... Ты около меня... и навсегда?

Тогда только онъ разсказалъ ей о ближайшихъ планахъ, о томъ, что они сейчасъ же повѣнчаются и уѣдутъ въ Швецію. Она, съ тихимъ выраженіемъ счастья на лицѣ, шептала:

— Быть всегда съ тобой... умереть подлѣ тебя!..

Мѣсяцъ спустя, когда Роберъ, вернувшись домой, прошелъ въ маленькую гостиную Маріетты, она показала ему письмо, которое держала въ рукахъ, и сказала сухимъ тономъ:

— Свершилось.

Въ короткомъ письмѣ Адріенъ сообщалъ сестрѣ въ моментъ отъѣзда о своей женитьбѣ и отъѣздѣ въ Швецію.

— Быстро же онъ все устроилъ! — сказалъ Роберъ, привыкшій къ долгимъ формальностямъ.

— А все-таки это неслыханно,—сказала Маріетта со вздохомъ.—Неужели ты думаешь, Роберъ, что Адріенъ дѣйствительно поступилъ согласно своимъ идеямъ, что этотъ безумный поступокъ вызванъ тѣми разсужденіями, которыя онъ излагалъ намъ? Словомъ, скажи, почему онъ женился на этой женщинѣ?

Роберъ откинулся въ креслѣ и поглядѣлъ въ потолокъ, самодовольно поглаживая бороду. Въ его глазахъ люди всегда оставались одинаковыми. Онъ не допускалъ, что инстинкты ихъ могутъ стать болѣе тонкими, осложняться новыми мотивами. Онъ не думалъ, что Адріенъ женился на Еленѣ, зная объ ея измѣнѣ,

потому, что душа его просвѣтлѣла, что у него явились новыя вѣрованія, благодаря которымъ онъ сумѣлъ оправдать Елену, отнестись къ нравственной винѣ, какъ къ физической слабости. Нѣтъ. По его убѣжденію, Адріенъ просто продолжалъ питать страсть къ этой женщинѣ... Смягчая свою мысль, чтобы сдѣлать ее болѣе скромной, онъ отвѣтилъ Маріеттѣ съ мечтательной снисходительностью, къ которой примѣшивалась, быть можетъ, тайная зависть:

— Потому что онъ ее любитъ...

Съ франц. З. В.

ЭЛИЗА ОЖЕШКО

Литературная характеристика.

I.

Сорокалѣтній литературный юбилей знаменитой польской романистки Элизы Ожешко заставляетъ читателя и критика попытаться подвести общіе итоги дѣятельности талантливой писательницы, сочиненія которой имѣли сильное вліяніе не только на ея родное общество, но и на многочисленныхъ русскихъ читателей. Почти всѣ романы Ожешко переведены на русскій языкъ; особенно хороши переводы г. Лаврова.

Начало писательской дѣятельности Ожешко относится къ періоду, слѣдовавшему за возстаніемъ 1863 г. Событія 1863 г. оказались роковыми не только для польскаго, но и для русскаго общества, вызвавъ въ немъ реакціонное движеніе. Законное, какъ естественное проявленіе живучести націи, возстаніе 1863 г. было безуміемъ съ политической точки зрѣнія, по несоразмѣрности силъ. Возстаніе ограничивалось территоріей Царства Польскаго и частью Литвы. Въ другихъ провинціяхъ бывшей Рѣчи Посполитой возстаніе имѣло характеръ отдѣльныхъ мелкихъ вспышекъ, скорѣе проявленій патріотическаго пыла незрѣлой молодежи, нежели организованнаго движенія. Правительство дало возможность организоваться и вспыхнуть возстанію, а послѣ усмиренія—примѣнило суровыя, террористическія мѣры. Для реакціи возстаніе было сюрпризомъ и притомъ пріятнымъ; она использовала событія 1863 г. съ такимъ совершенствомъ и послѣдовательностью, что быстро подавила зарождающееся свободное общественное самоуправленіе не только въ Польшѣ, но и въ Россіи. Безъ возстанія 1863 г. вліяніе Каткова не было бы сильно.

Реакціи было выгодно расширить размѣры возстанія. Въ кругъ повстанцевъ, а затѣмъ „неблагонадежныхъ“ были искусственно зачислены широкіе слои польскаго и литовскаго общества въ Литвѣ и въ Западномъ краѣ—бѣлоруссы-католики. Стали искоренять крамолу тамъ, гдѣ ея никогда не было. Исторія разоблачитъ дѣянія знаменитаго усмирителя Западнаго края, Муравьева, предоставленнаго инстинктамъ своей феноменальной жестокости и изумлявшаго міръ своими экзекуціями. Муравьевъ прекрасно зналъ, что единству и цѣлости Россіи не можетъ грозить опасность отъ кучки энтузіастовъ, но воспользовался случаемъ, чтобы свести счеты не только съ настоящимъ, но и съ прошедшимъ. Вспомнились преслѣдованія поляками православія въ эпоху казацкихъ войнъ, и была провозглашена рядомъ съ политической и проповѣдь религіознаго реванша. Церкви, часовни—закрывались, священнослужители высылались въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста — правые и виноватые. Смутой воспользовались люди болѣе чѣмъ сомнительной репутаціи, набросившіеся на продававшіяся за безцѣнокъ конфискованныя имѣнія и на мѣста выгнанныхъ массами чиновниковъ-католиковъ, которыхъ единственная вина заключалась въ иновѣріи.

Вслѣдъ за полнымъ замиреніемъ края въ немъ воцарилась пришлая полуобразованная и часто невѣжественная бюрократія. Мракъ нестерпимаго полицейскаго бюрократическаго режима густою мглою окуталъ обездоленный край. Русское населеніе страдало не менѣе польскаго и литовскаго, такъ какъ крестьяне находились въ полномъ рабствѣ у чиновниковъ. Всякіе слѣды мѣстнаго самоуправленія исчезли. Землевладѣльцы „польскаго“ происхожденія (таковыми назывались и литовцы, и бѣлоруссы-католики) были обложены громадными спеціальными налогами (контрибуція). Польскій языкъ былъ устраненъ не только изъ школъ и общественныхъ учрежденій, но даже частнымъ лицамъ „запрещалось говорить по-польски“ въ клубахъ и вокзалахъ. Въ гимназіяхъ школьники исключались за разговоръ на родномъ языкѣ и чтеніе польскихъ книгъ. Подъ этимъ ужасающимъ гнетомъ замолкли всѣ проявленія общественной жизни; всякій ушелъ въ свои личныя дѣла и скрывался, подобно улиткѣ.

При такихъ обстоятельствахъ Ожешко пришлось выступить на литературную арену.

Территорія, къ которой относятся наблюденія Ожешко, обнимаетъ литовскія губерніи: виленскую, гродненскую и ковенскую. Сама писательница безвыѣздно живетъ въ Гроднѣ. Эти губерніи населены литовцами, бѣлоруссами, поляками и евреями. Среди

поляковъ значительное большинство составляютъ ополяченные литовцы. Небольшой процентъ населенія — татары и караимы. Кромѣ евреевъ и крестьянскаго бѣлорусскаго населенія въ восточной части края, кромѣ мѣщанъ, не занимающихъ виднаго положенія, все прочее населеніе относится къ шляхетскому сословію, которое иногда—весьма неудачно—представляется аналогичнымъ дворянству. Шляхетство скорѣе можно сопоставить съ испанской hidalguia; оно было, подобно испанскому дворянству, извѣстной корпораціей, члены которой были связаны понятіями о благородствѣ происхожденія и чести (honor), несли извѣстныя сословныя обязательства и имѣли права, въ значительной степени фиктивныя.

Я уже упомянулъ, что территорія, бывшая ареной наблюденій Ожешко, населена смѣшаннымъ населеніемъ; литовцы, поляки, русскіе, евреи живутъ безъ вражды рядомъ, и всѣ лишены въ бо́льшей или меньшей степени элементарныхъ правъ гражданства.

При отсутствіи какихъ-либо общественныхъ интересовъ всѣ упомянутыя группы населенія живутъ своими—узкими эгоистическими. Эта вынужденная односторонность жизни должна была до крайности сузить міросозерцаніе этихъ общественныхъ группъ и заставить ихъ въ замкнутой обособленности чуждаться другъ друга.

Ожешко въ началѣ своей литературной дѣятельности могла наблюдать приблизительно слѣдующіе составные элементы общества.

Высшія сферы — родовая, немногочисленная аристократія— являлись или абсентеистами, проживавшими состояніе заграницей, или довольствовались отношеніями въ своемъ очень тѣсномъ кругу и пребываніемъ, болѣе или менѣе продолжительнымъ, въ столицѣ и губернскихъ городахъ. Понятно, они не могли оказывать никакого вліянія на мѣстныя дѣла.

За аристократіей слѣдовала наиболѣе многочисленная шляхетская группа, насчитывавшая въ своей средѣ цѣлый рядъ соціальныхъ и экономическихъ разновидностей—до бездомныхъ пролетаріевъ включительно. Всѣ онѣ принадлежали къ землевладѣльческому и земледѣльческому сословію. Болѣе достаточная часть шляхты выдержала натискъ политической и соціальной бури и упорно продолжала держаться за наслѣдіе предковъ, отказывая себѣ даже въ самомъ необходимомъ. Менѣе благоразумныя, обезпеченныя и стойкія группы претерпѣли экономическое разореніе и ютились въ поискахъ за жалкимъ кускомъ хлѣба—по городамъ и мѣстечкамъ. Наиболѣе матеріально обезпе-

ченная часть шляхетскаго сословія оказалась наиболѣе сильной въ борьбѣ съ внѣшними и внутренними бѣдствіями и, крѣпко держась за вѣру, столь же упорно держалась за клокъ родной земли.

Эта часть шляхетскаго сословія въ сущности ничѣмъ не отличалась отъ крестьянства, къ которому ее приравняла и правительственная политика. Эта часть шляхетства сохранила до сихъ поръ рядъ самобытныхъ и оригинальныхъ чертъ характера.

Еврейское населеніе, чрезвычайно многолюдное, населяющее города и мѣстечки Западнаго края, изстари занималось торговлей, мелкой промышленностью и ремеслами и оттѣснило отъ нихъ христіанское населеніе края.

Евреи образуютъ нѣчто вродѣ третьяго сословія; они не представляютъ компактнаго цѣлаго, а распадаются на много разновидностей, обусловленныхъ главнымъ образомъ имущественными отношеніями. Прогрессивная еврейская партія существовала во время появленія Ожешко на литературной аренѣ лишь въ зародышѣ. Громадное большинство еврейской массы почерпало свои знанія и питало умственные интересы въ темныхъ и малопонятныхъ книгахъ, среди которыхъ первое мѣсто отводилось Талмуду. Евреи отличались глубокой привязанностью къ старымъ завѣтамъ, крайней нетерпимостью къ новшествамъ и презрительно относились къ христіанамъ, которыхъ они превосходили умомъ, ловкостью, воздержаніемъ и изобрѣтательностью. Евреи, за немногими исключеніями, были люди трезвые и умѣренные.

Что касается до литовцевъ, то высшіе ихъ классы всецѣло примкнули къ польскому шляхетству, а низшіе—къ крестьянству. Литовскій элементъ играетъ сравнительно небольшую роль въ романахъ Ожешко.

Вся эта пестрая, разнородная масса, несмотря на чрезвычайно тяжелыя политическія условія жизни, о которыхъ мы говорили, должна была переживать разнообразные фазисы развитія. Сквозь свинцовыя тучи политическаго гнета проникали лучи новыхъ политическихъ и общественныхъ вѣяній и воспламеняли пылкія сердца молодежи. Старшее поколѣніе являлось постороннимъ наблюдателемъ и не раздѣляло увлеченій и надеждъ молодежи. Оно какъ бы застыло въ своемъ эгоистическомъ самодовольствѣ, обереганіи старыхъ традицій и предразсудковъ.

Романисту, наблюдавшему этотъ пестрый фонъ разнообраз-

ныхъ слоевъ общества въ ихъ взаимодѣйствіи, предстояла двойная, весьма заманчивая задача: изображеніе проникновенія и эволюціи новыхъ идей въ политически-обездоленную среду и вмѣстѣ съ этимъ изображеніе борьбы со старыми предразсудками, нетерпимостью и косностью. Рядомъ съ этимъ могла идти проповѣдь положительныхъ идеаловъ, гуманности, равенства и прогресса. Съ другой стороны, романистъ-художникъ не могъ отнестись равнодушно къ своеобразнымъ красотамъ той отходящей въ вѣчность жизни, которой не коснулось вліяніе новшествъ и которую необходимо было живописать, прежде чѣмъ стремительный потокъ революціи, общественной, политической и соціальной, не смететъ ихъ съ лица земли.

Ожешко преслѣдовала и блестяще выполнила обѣ задачи. Она изобразила падающее и возрождающееся общество; она съ громаднымъ успѣхомъ проводила высокія идеи гуманности, терпимости и гражданственности, умѣло наблюдая и выбирая соотвѣтствующія жизненныя комбинаціи. Она внесла въ общественное самосознаніе цѣлый міръ идей и нарисовала для грядущаго потомства цѣлый рядъ отходящихъ въ вѣчность типовъ. Преслѣдуя по преимуществу дидактическія цѣли, стараясь ввести въ сознаніе своего общества рядъ прогрессивныхъ идей, освободить отъ предразсудковъ и слабостей людей, не лишенныхъ задатковъ на будущее, Ожешко никогда не жертвовала художественными интересами романиста нравоучительному элементу. Отсюда и высокое значеніе ея романовъ, не только какъ показателей общественныхъ, политическихъ и философскихъ теченій, но и какъ собраніе поэтическихъ мотивовъ и прекрасно законченныхъ образовъ. Въ Ожешко мы имѣемъ—рядомъ съ учителемъ и публицистомъ—поэта,—и это дѣлаетъ значеніе писательницы независимымъ отъ случайныхъ элементовъ политической и общественной эволюціи.—Постараемся окинуть взглядомъ многолѣтнюю производительность романистки. Мы будемъ имѣть въ виду значеніе для польскаго общества тѣхъ идей, которыя въ свое время были откровеніемъ, а впослѣдствіи вошли въ сознаніе большинства, и тѣ художественные типы и образы, которые упрочили вліяніе польской романистки на много поколѣній.

II.

Ожешко появилась на литературной аренѣ въ 1864 году, когда родное ей общество переносило многообразныя испытанія.

Послѣ возстанія порѣдѣли ряды польской интеллигенціи. Возстаніе было своего рода революціоннымъ движеніемъ, за которымъ неминуемо должна была послѣдовать репрессія правительства. Политическія невзгоды осложнились соціальными; хотя литовское дворянство раньше другихъ высказалось за освобожденіе крестьянъ и надѣленіе ихъ землей, переходъ отъ крѣпостного труда къ вольнонаемному былъ въ высшей степени болѣзненной и опасной для экономическаго положенія операціей. Администрація, слѣдуя указаніямъ Муравьева, всѣми мѣрами нарушала элементарные принципы человѣчности и справедливости, систематически возбуждая крестьянъ противъ помѣщиковъ. Масса конфискованныхъ безъ должныхъ основаній имѣній создала интеллигентный пролетаріатъ, не знающій, какъ и за что взяться, и къ житейской борьбѣ неподготовленный. Романисткѣ приходилось переживать крушеніе цѣлаго соціальнаго строя, цѣлой фаланги семействъ. Роль бытописателя, художника по преимуществу—была невозможна. Это обездоленное, разрозненное, потерявшееся общество нуждалось въ поддержкѣ, утѣшеніи и наставленіи; все это оказалось у Ожешко, вмѣстѣ съ прекраснымъ знаніемъ среды. Романы ея не могли быть легкимъ, остроумнымъ чтеніемъ; они не могли довольствоваться живописаніемъ различныхъ общественныхъ сферъ; общество страдало, оглушенное громовымъ несчастіемъ: оно потеряло прежній путь и не умѣло обрѣсти новаго. Писатель долженъ былъ по неволѣ сдѣлаться наставникомъ. Будучи художникомъ, даже поэтомъ, Ожешко обладала большимъ политическимъ тактомъ, знаніемъ отношеній, жизненнымъ опытомъ и гражданскимъ мужествомъ. Она могла научить и наставить, и за эту задачу она взялась бодро и смѣло.

Больныхъ мѣстъ въ окружающихъ Ожешко сферахъ было много. Отторженные отъ почвы аристократы предпочитали сомнительную роль въ варшавскихъ или заграничныхъ салонахъ — плодотворной дѣятельности у себя дома; дворянство, владѣвшее крупными имѣніями, мало-по-малу таяло отъ своихъ и наслѣдственныхъ долговъ, отъ неумѣнья ограничивать свои нужды, слѣдовать за требованіями времени, спеціализироваться въ хозяйственномъ дѣлѣ, отъ котораго зависѣло ихъ существованіе. Нелѣпое воспитаніе мужчинъ и женщинъ дѣлало молодое поколѣніе неспособнымъ къ труду и многихъ изъ нихъ губило. Особенно страдали женщины, знавшія всего понемногу и неспособныя къ сколько-нибудь продуктивному труду. Люди, которыхъ поздно уже было перевоспитывать, должны были, въ силу печальной необходимости, стремиться къ изысканію средствъ заработка;

иные падали въ непривычной борьбѣ, меньшинство выходило побѣдителями. Для людей, привязанныхъ узами преданія и привычки къ землѣ, необходимо было бороться съ враждебными элементами.

Наблюдая за этой борьбой, романистка создала цѣлый культъ органическаго труда на родной почвѣ. Общество, огорченное, обиженное и обездоленное, не забывало старыхъ распрей, и одна часть не переставала обезсиливать другую. Предразсудки и увлеченія высшихъ слоевъ шляхетства очень тормазили сближеніе съ мелкопомѣстной, родственной по крови и религіи шляхтой и создавали часто комическія и иногда трагическія положенія. Взаимное недоброжелательство давало лишь лишнее оружіе въ руки врагамъ. Еврейское населеніе, очень многочисленное и могущественное въ краѣ, относилось враждебно къ христіанскому. Однако и въ немъ находились элементы менѣе фанатичные, которые могли бы сыграть роль примирителей двухъ націй, вынужденныхъ жить вмѣстѣ. Впервые въ нѣдра еврейства былъ брошенъ яркій свѣтъ романистской, и перо ея создало такія великолѣпныя повѣсти, какъ „Эли Маковеръ“ и „Мееръ Эзофовичъ“.

Талантъ Ожешко—талантъ оптимиста и идеалиста. То, что она рисуетъ, въ высшей степени безотрадно. Сколько жертвъ слѣпого случая, собственной вины, неумолимаго рока! И при всемъ этомъ ея глубокая вѣра въ то, что вдали свѣтитъ заря обновленія, сообщаетъ бодрость и читателю. Лишь немногія повѣсти Ожешко проникнуты пессимизмомъ. Идеалы не чужды и самымъ темнымъ, отталкивающимъ типамъ Ожешко, и въ этомъ слѣдуетъ видѣть причину того бодрящаго вліянія, которое оказываетъ ея романъ.

Соціальная сторона повѣстей Ожешко представляетъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ предшествующими имъ произведеніями польской беллетристики. „Аристократизма“ чувствъ романистка, очевидно, не признаетъ. Герои ея повѣстей изъ низшихъ слоевъ общества способны къ патетическимъ, возвышеннымъ чувствамъ, самопожертвованію и милосердію.

Первые романы Ожешко, напр. „Послѣдняя любовь“, обладаютъ техническими недостатками, длиннотами и отступленіями. Однако романистка скоро овладѣваетъ техникой, и лишь немногія ея произведенія изобличаютъ спѣшность работы. По объему и количеству романовъ, повѣстей и новеллъ, Ожешко занимаетъ среди романистовъ выдающееся мѣсто. Если мы постараемся разобраться въ общей суммѣ произведеній Ожешко, то можно

будетъ отмѣтить въ ней нѣсколько общихъ темъ, излюбленныхъ авторомъ. Одной изъ важнѣйшихъ темъ, развиваемыхъ авторомъ, является проповѣдь органическаго труда на родной почвѣ. Эта идея сквозитъ во многихъ романахъ Ожешко, и особенно талантливо проводится въ повѣстяхъ: „Два полюса“, „Братья“, „Семья Брохвичей“. Въ повѣсти „Два полюса“ весь интересъ сосредоточивается на характеристикѣ замѣчательной дѣвушки. Обрекшая себя на трудовую жизнь, пожертвовавшая своей молодостью для идеи, Северина отвергаетъ призракъ любви и всѣ свѣтскія удовольствія. Она поступаетъ такъ, какъ поступалъ чтимый ею покойный братъ, и жизнь ея становится служеніемъ на благо человѣчеству; она учитъ, лечитъ, широко благотворитъ. Свою confession de foi Северина излагаетъ слѣдующимъ образомъ: „Красавцы (имѣніе) принадлежатъ не мнѣ,—говоритъ она,—а моему брату Адасю; я буду употреблять изъ этого состоянія для себя столько, сколько это будетъ необходимымъ; остальное отдамъ тому, что̀ онъ любилъ. Душа можетъ пережить тѣло; душа Адася здѣсь будетъ жить тѣмъ, что я все буду дѣлать такъ, какъ бы дѣлалъ онъ, еслибы жилъ“. Северинѣ понравился ея молодой кузенъ; она готова отплатить ему взаимностью за его горячія чувства, но сознаніе, что замужемъ она будетъ лишена возможности проводить въ жизнь священные обѣты своего брата, заставляетъ ее рѣшительно отклонить предложеніе кузена.

Въ повѣсти „Братья“ романистка выводитъ на сцену двухъ братьевъ: одинъ добился положенія и карьеры, другой жилъ скромно и трудился въ деревнѣ. Всѣ симпатіи романистки на сторонѣ деревенскаго труженика. Въ „Семьѣ Брохвичей“ мы находимъ семью Спуинскихъ, трудящуюся послѣ финансоваго крушенія въ городѣ и не гнушающуюся, несмотря на свое шляхетство, торговать въ лавкѣ, шить бѣлье, давать уроки. Совмѣстная трудовая жизнь въ любви и согласіи дѣлаетъ этихъ людей болѣе счастливыми, нежели во дни благоденствія. Я уже замѣтилъ, что въ этихъ и другихъ романахъ Ожешко вопросъ о цѣлесообразномъ трудѣ въ жизни, обязанной своимъ существованіемъ усердію и предпріимчивости, всюду ставится Ожешко, и никто не возбуждаетъ въ ней столько негодованія и ироніи, какъ тунеядцы. Ближе всего лежалъ къ сердцу Ожешко, какъ передовой женщины, женскій вопросъ. Это былъ, какъ извѣстно, злободневный вопросъ въ семидесятыхъ годахъ въ русскомъ и польскомъ обществѣ. Ожешко неоднократно выступала по этому вопросу въ публицистикѣ; извѣстны ея статьи о недостаткахъ женскаго воспитанія и образованія, вышедшія отдѣльной книгой

въ нѣсколькихъ изданіяхъ („О женщинахъ"). Эти же идеи она развиваетъ на фонѣ семейныхъ и общественныхъ романовъ. Среди романовъ, затрогивающихъ почти исключительно женскій вопросъ, первое мѣсто занимаетъ „Марта". Марта—во всѣхъ отношеніяхъ достойная женщина, благороднаго характера, безукоризненнаго поведенія, но воспитанная по-дилеттантски. Она по-дилеттантски знаетъ языки и музыку, домашнее хозяйство, шитье, рисованье, но всѣ эти познанія, будучи несовершенными, не могутъ выручить Марту въ нуждѣ. Страданія этой несчастной женщины, не въ мѣру самолюбивой для своего положенія, бьющейся въ нуждѣ, какъ рыба объ ледъ, описаны Ожешко въ очень яркихъ и правдивыхъ чертахъ. На всѣхъ поприщахъ труда Марту постигаютъ неудачи. Она оказывается слабой гувернанткой, слишкомъ самолюбивой швеей, и всѣ ея попытки обезпечить себѣ заработокъ оканчиваются неудачей. Для того, чтобы искать легкой наживы, Марта слишкомъ честна. Исчерпавъ всѣ средства, Марта, ради ребенка, продаетъ свое послѣднее сокровище—обручальное кольцо. Когда исчерпался послѣдній рессурсъ, несчастная женщина проситъ милостыню и, получивъ отказъ, похищаетъ въ магазинѣ трехрублевую бумажку. Кража замѣчена, полиція преслѣдуетъ воровку; но Марта попадаетъ подъ омнибусъ, который лишаетъ ее жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безконечнаго горя.

Съ другой стороны подходитъ къ женскому вопросу Ожешко въ повѣсти „Марія" и романѣ „Дневникъ Вацлавы". Первая представляетъ собою повѣсть въ видѣ дневника, формѣ, дающей возможность углубить психологическій анализъ. Письма пишутся четырьмя лицами, изъ которыхъ двое играютъ видную роль въ романѣ. Прекрасная дѣвушка выходитъ замужъ за почтеннаго, гораздо старше ея, коммерсанта, который спасаетъ ея состояніе отъ разоренія. Молодая женщина очень уважаетъ своего мужа, страстно любитъ его дѣтей отъ перваго брака, и въ теченіе десяти лѣтъ счастье этой четы ничѣмъ не нарушается. Однако въ жизни молодой женщины наступаетъ моментъ колебанія и душевной борьбы. Марія полюбила другого, давно любившаго ее, прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка. Несмотря на всѣ искушенія, на благородную уступчивость мужа, Марія остается вѣрной своему долгу и разстается навсегда съ любимымъ человѣкомъ.

Въ этой повѣсти простое и элементарное сознаніе долга противополагается понятію о роковой страсти, столь распростра-

ненному въ модныхъ повѣстяхъ. Непреоборимости страсти противопоставляется вѣрное и честное исполненіе долга.

Во многихъ романахъ Ожешко (если не во всѣхъ) такъ или иначе выступаетъ на сцену женскій вопросъ. Романистка наглядно показываетъ, какую пустоту и легкомысленность порождаетъ плохое воспитаніе и недостаточное обученіе женщины. Незнающія ничего, кромѣ модъ и баловъ, молодыя дѣвушки попадаются на первую удочку и дѣлаются несчастными на всю жизнь. Жанця Брохвичъ, убѣгающая съ безталаннымъ музыкантомъ, терпѣливо несетъ свой крестъ, полагая, что всѣ идеалы ограничиваются пьянымъ и грубымъ комедіантомъ. Почти всѣ онѣ выходятъ замужъ безъ любви и коротаютъ жизнь въ бездѣйствіи и, иногда, порокѣ. Мальвина Дарвидъ не находитъ для себя ничего лучше, какъ взять въ любовники пустого свѣтскаго кавалера; другія ограничиваются ухаживателями, наглядно обучая флирту взрослыхъ дочерей.

Почти вся галерея женщинъ, выводимыхъ въ романахъ Ожешко изъ жизни аристократіи и обезпеченнаго шляхетства, состоитъ изъ женщинъ, изнѣженныхъ, избалованныхъ, неспособныхъ къ самостоятельной продуктивной дѣятельности. Лишь немногія („Два Полюса", „Въ клѣткѣ") способны вести идейную жизнь. Наоборотъ, женщины низшаго шляхетскаго круга соединяютъ трудолюбіе и практичность—съ чертами идеализма, придающими имъ эстетическій характеръ („Надъ Нѣманомъ", „Bene Nati" и др.).

Съ наибольшею полнотой и обстоятельностью трактуется женскій вопросъ въ „Дневникѣ Вацлавы"—романѣ, являющемся вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе глубокимъ психологическимъ анализомъ женской души. Вацлава — дочь богатой, свѣтской женщины и почтеннаго ученаго, бракъ съ которымъ семья жены считаетъ мезальянсомъ.

Противорѣчіе характеровъ, наклонностей родителей сказалось весьма рано; супруги разъѣхались подъ условіемъ, что единственная дочь ихъ, Вацлава, достигнувъ юношескаго возраста, будетъ поочередно гостить у родителей. Добрая, но легкомысленная и нѣсколько взбалмошная мать могла бы сдѣлать изъ своей дочери лишь свѣтскую женщину. Вацлава отъ вліянія матери переходитъ подъ вліяніе отца; характеръ ея созрѣваетъ и крѣпнетъ, умственный горизонтъ расширяется. Она подаетъ руку помощи матери, которой грозитъ разореніе. Романистка чрезвычайно искусно слѣдитъ за душевнымъ развитіемъ дѣвушки, наблюдаетъ ея увлеченія и сердечныя заботы. Вацлава уходитъ

въ жизнь, которая во многихъ случаяхъ кажется ей непонятной. Ей непонятны скрытыя пружины, управляющія обществомъ, лицемѣріе, тамъ царящее. Она видитъ угодничество и рабскую лесть, оказываемыя бѣдными богатымъ, пустоту золотой молодежи, коварство и измѣну друзей. Поклонники, вызывавшіе симпатію дѣвушки, мало-по-малу разочаровываютъ ее. Одинъ изъ нихъ, кузенъ Франусь, оказывается лишеннымъ всякаго самолюбія, позволяя себя третировать теткамъ, у которыхъ онъ живетъ изъ-за куска хлѣба. Другой, гр. Агеноръ, дѣлая предложеніе Вацлавѣ, увѣряя ее въ своей любви, любитъ ея кузину Розалію; обманъ во-время раскрывается. Третій, прикидывающійся идеалистомъ, заводитъ шашни съ горничной. Все это, къ счастью, не испортило Вацлаву. Въ домѣ отца она вела трудовой образъ жизни и вернулась къ матери зрѣлою умственно и нравственно и уравновѣшенною благодаря вліянію отца. Мать она застаетъ въ чрезвычайно тяжелыхъ обстоятельствахъ, близкою къ разоренію. Главнымъ врагомъ пани Матильды является Генрикъ С., скупившій всѣ ея долговыя обязательства. Всѣ усилія адвоката и Вацлавы не могутъ задержать катастрофу. Мать, не желая вернуть ее къ мужу, котораго она покинула въ періодъ своего благосостоянія, переѣзжаетъ съ дочерью въ городъ. Подготовка, данная Вацлавѣ отцомъ, спасаетъ разорившихся женщинъ отъ нищеты. Общество, среди котораго живетъ Матильда, переживаетъ различные моменты. Вацлава имѣетъ возможность наблюдать, извлекая изъ своихъ наблюденій немалую дозу опыта и поученій. Если не относиться слишкомъ строго къ страннымъ эпизодамъ интриги романа (находка затерянныхъ документовъ, возвращеніе богатства пани Матильды), а вникнуть лишь въ идею романа и характеристику дѣйствующихъ лицъ, то впечатлѣніе получится весьма благопріятное. Въ упрекъ можно поставить романисткѣ лишь резонерство Вацлавы и иныхъ дѣйствующихъ лицъ, рѣчи которыхъ кажутся слишкомъ искусно построенными. Въ общемъ романистка руководилась вѣрными и правдивыми наблюденіями.

Весьма важную группу любимыхъ темъ Ожешко составляютъ мотивы изъ еврейской жизни. Евреи, занимающіе видное мѣсто среди населенія Западнаго края и связанные съ христіанами разнообразными, по преимуществу матеріальными интересами, должны были занять въ романахъ Ожешко видное мѣсто. Эпизодически евреи появляются во многихъ разсказахъ Ожешко; притомъ нигдѣ романистка не позволяетъ себѣ комической ноты; напротивъ, даже у самыхъ закоренѣлыхъ ростовщиковъ (Вигель

въ „Папъ Граба“) отмѣчена глубокая любовь къ своему народу. Въ „Эли Маковеръ“ и „Мееръ Эзофовичъ“ Ожешко даетъ замѣчательныя картины еврейской жизни и въ изображенiи главныхъ представителей этого племени достигаетъ высоты своего художественнаго творчества. „Эли Маковеръ“ принадлежитъ къ числу романовъ съ широкой соцiальной и общественной перспективой; онъ изображаетъ процессъ упадка, по преимуществу матерiальнаго, но отчасти и моральнаго, шляхетской среды, подъ влiянiемъ перехода отъ крѣпостного къ свободному труду. Въ этомъ процессѣ евреи играютъ выдающуюся роль.

Романъ изобилуетъ очень интересными типами, а главный интересъ фабулы сосредоточивается вокругъ семьи Орховскихъ. Самый старшiй представитель этой семьи, Каетанъ Орховскiй, заканчиваетъ свой вѣкъ, послѣ крушенiя личныхъ и общественныхъ иллюзiй. Жена дала ему не много счастья, отстранила отъ него дѣтей, и лишь сынъ Мечиславъ понимаетъ, что дѣлается въ душѣ бѣднаго больного отца. Наслѣдiе Орховскихъ, послѣ смерти главы, распалось на части, причемъ самая большая, но обремененная обязательствами доля досталась Мечиславу. Между тѣмъ противъ Орховскихъ и противъ другихъ крупныхъ и средней руки землевладѣльцевъ евреи составили заговоръ экспропрiацiи. Во главѣ заговора сталъ знаменитый купецъ Эли Маковеръ, задавшiйся цѣлью, вмѣстѣ со своими многочисленными единомышленниками, принизить и обездолить столь недавно сильное и влiятельное сословiе родовитой шляхты. Арендуя имѣнiя, ссужая болѣе легкомысленныхъ деньгами, потворствуя всякимъ слабостямъ молодежи, Эли Маковеръ и его приспѣшники успѣли, въ сравнительно непродолжительное время, довести многихъ помѣщиковъ до разоренiя. Однимъ изъ немногихъ владѣльцевъ, не поддавшихся никакимъ искушенiямъ, и бодро трудившимся для семьи, былъ Мечиславъ Орховскiй, женившiйся на бѣдной и умной гувернанткѣ, терпѣвшей великiя притѣсненiя отъ ограниченныхъ, кичливыхъ баръ. Противъ этого стойкаго Орховскаго были безсильны всѣ происки Маковера, но онъ нашелъ достойнаго помощника въ лицѣ нѣкоего Порицкаго, потомка древняго рода, прикрывавшаго гербомъ свои низменныя продѣлки агента посреднической конторы.

При помощи этого Порицкаго, Эли наноситъ Орховскому рѣшительный ударъ. Порицкiй заставляетъ обольщенную имъ сестру Мечислава, Лили Ренчицъ, потребовать возврата ея доли. Въ моментъ неминуемаго крушенiя Орховскаго спасаетъ заступ-

ничество отца Эли, престарѣлаго портного Юделя. Старикъ помнитъ добрыя къ нему отношенія отца Мечислава, и спасаетъ послѣдняго, запретивъ Эли губить Орховскихъ. Эли повинуется отцу, и не только спасаетъ Мечислава отъ интриги Порицкаго, но и ссужаетъ его деньгами на веденіе образцоваго хозяйства. Въ романѣ противопоставлены два общества, одно отживающее, другое — преисполненное силъ, стремящееся къ богатству и захвату. Первое состоитъ изъ разрозненныхъ, враждующихъ другъ съ другомъ членовъ, второе — солидарная, послушная мановенію Эли община. Первое общество быстро сходитъ по наклонной плоскости; второе при дружныхъ усиліяхъ быстро поднимается въ гору. Еврейская среда изображена Ожешко съ совершенствомъ; мы видимъ рядъ пластичныхъ художественныхъ фигуръ. Высокая гуманность, которою романистка одаряетъ стараго портного Юделя, вполнѣ логично исходитъ изъ глубокой житейской мудрости, которую этотъ старецъ пріобрѣлъ вслѣдствіе своего жизненнаго опыта и многолѣтнихъ размышленій.

Второй романъ исключительно изъ еврейской жизни — „Мееръ Эзофовичъ". Это — одно изъ лучшихъ произведеній Ожешко. Странно, но несомнѣнно, что польскіе романисты, до послѣдняго времени, мало интересовались народомъ, входившимъ въ составъ населенія Польши и Литвы.

Впервые Нѣмцевичъ своимъ романомъ „Лейбе и Сора" обратилъ вниманіе соотечественниковъ на евреевъ. Комизмъ нѣкоторыхъ характерныхъ чертъ еврейства охотно эксплуатировался беллетристами, особенно въ послѣднее время, но никто не заглядывалъ такъ глубоко въ психологію еврейскаго народа, какъ Ожешко. Въ „Меерѣ Эзофовичѣ" она проявила замѣчательное знакомство съ чуждой ей еврейской средой. Романистка раскрыла ея внутренній міръ. Она изучила еврейскій языкъ и своеобразную литературу. Она уловила начатки прогрессивнаго движенія въ еврействѣ и борьбу ихъ съ отсталостью и фанатизмомъ.

Романистка указываетъ и на генезисъ этихъ прогрессивныхъ элементовъ въ отдаленномъ прошломъ, въ ученіи Маймонида. Ученіе и жизнь караимовъ равнымъ образомъ извѣстны романисткѣ. Вмѣстѣ съ Мееромъ и его предкомъ читатель невольно вдается въ мечтанія о будущемъ единеніи народовъ въ духѣ истинной культуры и человѣчности. Трудно передать обаяніе этого „chef d'oeuvre" Ожешко — своеобразный оріентализмъ, воспроизводимый романисткой. Нигдѣ — ни шаржа, ни преувеличенія. Къ убѣжденіямъ двухъ противоположныхъ партій романистка относится съ одинаковымъ вниманіемъ. Привлекательный образъ главнаго дѣйствую-

щаго лица, Меера Эзофовича, остается въ памяти читателя на всю жизнь. Еврейское общество выступаетъ передъ нами во всемъ разнообразіи его разновидностей. Очень тонко схвачены характерныя особенности его психики и міросозерцанія. Наконецъ, романъ полонъ возвышенныхъ гуманныхъ идей, отличается широкимъ соціальнымъ кругозоромъ, всеобъемлющей любовью къ человѣчеству. Исаакъ Тодросъ—темный, жестокій фанатикъ,—становится человѣчнымъ, если мы вдумаемся въ его жизнь, полную лишеній, въ его милосердіе и снисходительность къ вѣрнымъ, его своеобразное рвеніе объ израильскомъ народѣ. Въ романѣ есть рядъ типичнѣйшихъ еврейскихъ фигуръ, которыя запечатлѣваются въ памяти разъ навсегда. Романистка мечтаетъ съ Мееромъ о лучшемъ будущемъ для Израиля, когда евреи станутъ истинными гражданами своей страны и братьями христіанству.

Къ еврейскимъ повѣстямъ относится и комическій разсказъ „Сильный Самсонъ"; здѣсь находимъ комизмъ совершенно внѣшняго характера. Въ сущности въ глубинѣ души Самсона скрывается трагедія: жалкій, грязный еврей, обреченный на бѣдствія, чувствуетъ себя способнымъ на высшія дѣла.

Особенно много вниманія Ожешко посвящаетъ шляхетству во всѣхъ его разновидностяхъ.

Неудивительно: это сословіе по численности и общественной роли является первымъ. Отъ бѣглаго очерка вродѣ „Прерванная пѣснь", гдѣ молодой князь, подъ фамиліей своего секретаря, ухаживаетъ за бѣдной дочерью чиновника, повидимому, влюбляется въ нее, но когда ему предлагаютъ жениться на ней—разражается гомерическимъ хохотомъ,—до того ему кажется невѣроятной женитьба на незнатной дѣвушкѣ,—отъ этой повѣсти-фрагмента до великолѣпной эпопеи „Надъ Нѣманомъ" мы находимъ всѣ фазисы этого рода повѣсти, посвященной шляхтѣ. Ожешко жестоко казнитъ шляхту въ романѣ „Помпалинскіе". Романъ проникнутъ сатирическимъ элементомъ. Изображается богатая семья шляхты, купившая себѣ графскій титулъ въ Римѣ, кичащаяся своимъ мнимымъ знатнымъ происхожденіемъ и богатствомъ. Старшій представитель этого рода, Святославъ, изъ-за родовой спѣси пренебрегъ чувствомъ бѣдной родственницы и сдѣлалъ изъ нея, впослѣдствіи богачки, злѣйшаго врага своей семьи. Это, впрочемъ, умный и тонкій человѣкъ; его ни въ коемъ случаѣ нельзя сравнивать съ братомъ Августомъ, легкомысленнымъ прожигателемъ жизни, имѣющимъ столь же достойнаго сына. Интрига повѣсти состоитъ въ романѣ одного изъ Помпалинскихъ, Цезаря,

съ небогатой и незнатной дѣвушкой, которая измѣняетъ своему жениху и выходитъ за его двоюроднаго брата, а также въ злобной интригѣ, которую всю жизнь ведетъ противъ Святослава отвергнутая имъ родственница. Ударъ, постигшій Цезаря (отказъ невѣсты), сдѣлалъ изъ этого неловкаго, безвольнаго, но очень добраго человѣка весьма полезнаго общественнаго дѣятеля. Онъ принимается за работу и дѣлаетъ много добра. Параллельно съ дворцомъ Помпалинскихъ мы видимъ жилища разорившихся помѣщиковъ; одного изъ нихъ спасаетъ отъ голодной смерти Цезарь. Въ заключеніе семья Помпалинскихъ распадается на двѣ группы: одна поддерживаетъ традиціи рода, посредствомъ удачныхъ браковъ и связей, другая (Цезарь и его родственникъ Павелъ) идетъ по трудовому пути; симпатіи романистки—на сторонѣ послѣдней.

Романъ, несмотря на нѣкоторыя сатирическія преувеличенія, изобилуетъ очень тонкими психологическими наблюденіями и характеристиками.

Въ одинаковой степени шляхетской сферѣ посвященъ романъ „Семья Брохвичей“, о которомъ мы упоминали выше; счастье и здѣсь выпадаетъ на долю трудолюбивыхъ и трудоспособныхъ людей.

Съ полнымъ совершенствомъ Ожешко умѣетъ описывать низшіе, близко стоящіе къ крестьянству слои шляхетскаго общества. Въ этомъ отношеніи особенно интересны повѣсть „Bene Nati“ и романъ „Надъ Нѣманомъ“. Въ „Bene Nati“ дѣйствіе происходитъ между лицами одной категоріи—мелкопомѣстной шляхты. Интрига повѣсти: любовь богатой шляхтянки Саломеи и старшаго лѣсника Юрія—крестьянина. Саломея любитъ Юрія, но родовая гордость брата и сестеръ мѣшаетъ ея браку, и она рѣшается отдать руку богатому шляхтичу. Юрій—въ большомъ горѣ отъ этой неудачи, но находитъ себѣ утѣшеніе въ лицѣ прелестной дочери арендатора Кулеши, давно его любившей.

Саломея, однако, уступивъ минутной слабости, не перестала любить своего прежняго жениха. Она убѣжала изъ дома наканунѣ свадьбы и случайно наткнулась на свадьбу Юрія. Это такъ повліяло на нее, что несчастная дѣвушка пыталась броситься въ прорубь; къ счастью, подоспѣвшій во время ея родственникъ Габрысь убѣдилъ Саломею остаться въ живыхъ.

Повѣсть реалистична по замыслу и исполненію и лишній разъ свидѣтельствуетъ объ отличномъ знакомствѣ романистки съ шляхетскими сферами.

„Надъ Нѣманомъ“—настоящая эпопея шляхетской жизни.

цѣлый рядъ разнообразныхъ шляхетскихъ типовъ, превосходно составленная интрига, весьма интересная фабула. Представители шляхты изображены сильными и мѣткими красками.

Бенедиктъ Корчинскій, помѣщикъ средняго достатка, неутомимый хозяинъ, заботливый семьянинъ, имѣетъ подругой жизни совершенно ничтожную, сантиментальную женщину, заботящуюся лишь объ удовлетвореніи своихъ такъ-называемыхъ эстетическихъ потребностей. Она въ деревнѣ не находитъ себѣ дѣла и стремится къ великосвѣтской, праздной жизни.

Мужу она служитъ помѣхой и разореніемъ. Другая чета— Кирло. Мужъ—провинціальный ловеласъ, жена — трудолюбивая, усердная хозяйка, держащая въ порядкѣ хозяйство и дѣла. Мужъ, мнящій себя эстетомъ, запустилъ дѣла по имѣнію.

Весьма типичны преисполненные традицій и сознанія своего достоинства шляхтичи Богатыровичи, оправдывающіе польскую пословицу: „Szlachcic na zagrodzie równy jest wojewodzie". Это— чрезвычайно трудолюбивое выносливое и самолюбивое поколѣніе. Соприкасаясь со знатью, Богатыровичи сумѣли проломить брешь въ стѣнѣ, отдѣляющей ихъ отъ богатой шляхты, романомъ двухъ поколѣній (Марта и Ансельмъ, Юстина и Янекъ); лишь младшее поколѣніе, отрѣшившись отъ предразсудковъ, успѣваетъ достигнуть согласія и счастья. Цѣлый рядъ персонажей шляхетской сферы выступаетъ на яркомъ фонѣ прекраснаго нѣманскаго пейзажа. Великолѣпная въ своей скорби, достойная названія матроны, вдова Андрея Корчинскаго посвящаетъ всю свою жизнь памяти мужа и воспитанію неудачнаго сына.

Сынъ ея Зигмунтъ усвоилъ всѣ тонкости западной культуры, былъ влюбленъ въ Юстину, небогатую кузину, потомъ женился на очаровательной Клотильдѣ и вновь, но безуспѣшно пытался вернуться къ прежней симпатіи.

Ружицъ, великолѣпный типъ изнѣженнаго морфиниста, — по странному капризу изнервничавшагося человѣка влюбляется въ Юстину и дѣлаетъ ей предложеніе. Талантливый музыкантъ Оржельскій, отецъ Юстины, чрезвычайно жалокъ въ своей безпомощности и отсутствіи всякаго самолюбія. Витольдъ, сынъ Корчинскаго, привлекаетъ своей прямотой и искренностью своего характера и дѣлается женихомъ Марины Кирло. Романъ представляетъ разнообразную и пеструю, но вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣльную картину довольно обширнаго района, рисуетъ много интересныхъ этнографическихъ особенностей мелкопомѣстной шляхты. Романъ проникнутъ истинно демократическимъ духомъ, и романистка вполнѣ права, когда указываетъ на возможность

оздоровленія высшихъ слоевъ общества брачными союзами со свѣжими силами еще неиспорченныхъ ложной культурой тружениковъ и усвоенія ихъ трудового, а потому нравственнаго образа жизни.

Въ романѣ есть и искренній юморъ. Здѣсь вы найдете несравненное описаніе природы. Знакомство романистки съ мѣстной ботаникой и зоологіей—весьма замѣчательное.

Разносторонность таланта Ожешко заставляетъ ее приниматься за обработку темъ, которыя ее привлекаютъ глубиной психологіи главнаго дѣйствующаго лица и проблемами, связанными съ этой психологіей. Лучшими представителями этой категоріи являются: „Аргонавты", „Панъ Граба" и „На днѣ совѣсти". „Аргонавты" — очень серьезное литературное произведеніе. Герой—Дарвидъ — крупный финансистъ, упорствомъ и силой характера достигшій милліоннаго состоянія. Семья Дарвида, кромѣ главы, неоднократно покидавшаго ее изъ-за дѣлъ, состоитъ изъ слабохарактерной матери, кутилы сына, Марія, и двухъ дочерей. Старшая, Ирена, унаслѣдовала сильную волю отца; младшая, полуребенокъ Кара, отличается голубиной кротостью и мягкостью характера. Въ отсутствіе мужа, Мальвина Дарвидъ вступила въ интимную связь съ нѣкоимъ Краницкимъ, очень свѣтскимъ человѣкомъ, добрымъ, но легкомысленнымъ малымъ, посвящавшимъ юнаго Марія Дарвида въ тайны свѣтской жизни и холостыхъ кутежей.

По возвращеніи изъ продолжительнаго путешествія, Дарвидъ-отецъ узнаетъ о своемъ позорѣ. Гордый, сильный и властолюбивый, Дарвидъ не могъ простить кающейся женѣ ея проступка, подавлялъ убитую женщину своимъ презрѣніемъ и, наконецъ, совсѣмъ разошелся съ семьей.

Любимицей Дарвида была младшая дочь его Кара, съ нѣжной, отзывчивой душой. Случайно узнала Кара о семейномъ разладѣ, и это такъ на нее повліяло, что она умышленно простудилась и, несмотря на всѣ старанія врачей, умерла отъ скоротечной чахотки.

Смерть любимаго ребенка не сблизила, а еще болѣе разъединила родителей. Дарвидъ мужественно выдержалъ напоръ бѣдствій, блестяще велъ свои дѣла, но, наконецъ, силы его истощились, и онъ покончилъ счеты съ жизнью самоубійствомъ. Романисткѣ на рѣдкость удалось нарисовать рядъ весьма цѣльныхъ и пластичныхъ характеровъ. Дарвидъ—стальной человѣкъ, одаренный сильной волей. Въ рѣшительныя минуты онъ уподобляется шальному игроку и ставитъ все на карту.

Въ своемъ побѣдоносномъ шествіи Дарвидъ забываетъ о семьѣ и является самъ виновникомъ измѣны своей жены. Съ ужасомъ узнаетъ онъ о своемъ позорѣ. Дарвидъ отталкиваетъ отъ себя старшую дочь и приводитъ младшую къ катастрофѣ.

Превосходно изображена Мальвина Дарвидъ, ея дѣти и второстепенныя лица романа. Дѣйствіе въ „Аргонавтахъ“ сосредоточивается въ средѣ одного сословія, а характеръ Дарвида поглощаетъ всѣ прочіе. Душевный процессъ, которымъ Дарвидъ приходитъ къ самоубійству, изложенъ романисткой послѣдовательно, съ глубокимъ знаніемъ психологіи.

Опытъ изображенія алчнаго и склоннаго къ злодѣяніямъ характера представляетъ одно изъ раннихъ произведеній Ожешко— „Панъ Граба“. Герой романа — шулеръ и мотъ—лишенъ даже элементарныхъ проблесковъ доброты, но притомъ слишкомъ нерѣшителенъ, чтобы сдѣлаться злодѣемъ. Онъ жестокъ съ женой, неумолимъ для партнеровъ и производитъ впечатлѣніе маніака.

Невполнѣ удачна и жена Грабы, принесшая не только ненужную, но и безполезную жертву. Граба въ сущности—нравственный уродъ, и романистка совершила ошибку, заполняя этимъ характеромъ романъ. Ожешко, много думавшая и наблюдавшая, интересовалась всегда живучестью положительнаго нравственнаго элемента въ сердцѣ человѣка. Даже злодѣй у нея имѣетъ часы просвѣтленія и раскаянія. Она твердо вѣритъ, что хотя бываютъ преступленія, послѣдствія которыхъ неисправимы, все же сила раскаянія и удовлетвореніе потерпѣвшихъ можетъ уменьшить вину. На эту тему написанъ романъ „На днѣ совѣсти“. Дѣйствіе происходитъ въ городской сферѣ и объединяется честолюбивымъ чиновникомъ Дембелинскимъ, изъ-за карьеры совершившимъ подлогъ.

Особенно интересны въ романѣ представители мелкаго чиновничьяго люда съ ихъ однообразной, убогой жизнью. Превосходно написанъ портретъ мелкаго адвоката Сущица, спустившагося съ высей идеаловъ юности до самыхъ низкихъ сдѣлокъ съ совѣстью.

Полонъ юмора типъ маленькаго канцеляриста Валерія, мнящаго себя потомкомъ императорскаго рода. Герой романа, Анатолій Дембелинскій, производитъ впечатлѣніе чего-то дѣланнаго, а его позднее раскаяніе неспособно доставить внутренняго удовлетворенія. Слишкомъ много жизней разбито подлогомъ Дембелинскаго, которому романистка даетъ утѣшительницу въ лицѣ прекрасной и богатой дѣвушки! Благодарный тезисъ романистки менѣе удачно разработанъ въ этомъ романѣ, нежели въ предыдущихъ.

Я уже замѣтилъ, что Ожешко слѣдуетъ считать вполнѣ демократической писательницей. Она знаетъ всѣ общественныя сферы и изображаетъ ихъ превосходно. Мелкопомѣстная жизнь, изображенная въ „Bene Nati“ и „Надъ Нѣманомъ“, дополняется прекрасной жанровой повѣстью „На провинцію“. Эта повѣсть замѣчательна не только по своему жанровому колориту,—она изображаетъ искреннюю, чистую любовь и позднее раскаяніе молодой несчастной женщины, легкомысленно отвергшей своего перваго жениха, котораго она въ глубинѣ души своей всегда любила. Столь же хорошъ и честный, вѣрный ея женихъ Топольскій, любившій въ своей невѣстѣ ея душу и простившій всѣ ея заблужденія.

Вполнѣ оріентируется Ожешко во всѣхъ составныхъ частяхъ низшихъ слоевъ общества. Ея новеллы изъ простонародной жизни отличаются яркимъ реализмомъ и задушевностью. Первое мѣсто среди этихъ разсказовъ слѣдуетъ отвести повѣсти „Хамъ“. Интересъ этой повѣсти сосредоточивается вокругъ двухъ дѣйствующихъ лицъ, представляющихъ двѣ разновидности родной среды. Простой, честный и добрый рыбакъ, живущій упорнымъ трудомъ, противополагается своей женѣ, истеричной служанкѣ провинціальнаго города, прошедшей до замужества всевозможныя мытарства. Художественное чутье романистки заставило вложить въ душу „Хама“ (такъ звала его жена) глубокую человѣчность, всепрощеніе и незлобивость. Художественное чутье придало характеру Франки (такъ звали жену рыбака) трагизмъ, сопровождающій преступленіе на высшихъ его ступеняхъ. Франка упорно мститъ мужу за благодѣянія, а онъ съ такимъ же упорствомъ прикрываетъ ея злодѣянія. Несчастная женщина отъ злобы и досады налагаетъ на себя руки. Рыбакъ окружаетъ нѣжной заботливостью ея ребенка. „Хамъ“—одно изъ лучшихъ произведеній Ожешко; мы встрѣчаемъ здѣсь блестящія описанія природы и глубину психологическаго анализа.

Изъ народной или международной жизни—повѣсть „Сильвекъ Могильщикъ“. Романистка раскрываетъ здѣсь тайны городской провинціальной жизни, муть, находящуюся на днѣ грустнаго и монотоннаго житейскаго моря.

Въ домѣ престарѣлаго могильщика Луки и его жены Настасіи находитъ пріютъ мальчикъ Сильвестръ,—плодъ любви красивой служанки и богатаго барича. По неизвѣстнымъ причинамъ мать Сильвека забываетъ о своемъ обѣщаніи помогать старикамъ, и Сильвекъ терпитъ побои и голодъ. Онъ работаетъ, какъ умѣетъ, и входитъ въ сношенія съ подобными ему бездомными уличными

мальчишками. Важнымъ событіемъ въ жизни Сильвека является посѣщеніе могильщика народнымъ учителемъ Кемпой, ярымъ соціалистомъ. Кемпа ведетъ среди убогой молодежи пропаганду, вооружая ихъ противъ имущихъ своими страстными и убѣдительными рѣчами. Когда Лука лишился мѣста, а жена его не пережила крушенія, онъ изъ могильщика превратился въ шарманщика, а Сильвекъ—въ уличнаго плясуна. Сильвекъ поражалъ публику красотой и ловкостью движеній. Однажды онъ обратилъ на себя вниманіе богатаго помѣщика Торжица, котораго поразило сходство мальчика съ женщиной, когда-то имъ любимой. Проповѣдь Кемпы приносила своеобразные плоды, и многіе изъ его учениковъ становились заурядными ворами и мошенниками. Сильвекъ долго не поддавался внушеніямъ Кемпы, но, наконецъ, и онъ пришелъ къ выводу, что борьба съ богатыми необходима. Онъ намѣтилъ себѣ жертвой Торжица. Къ счастью для Торжица, его племянникъ, сообщникъ Сильвека, спасъ дядю своимъ внезапнымъ появленіемъ. Преступники были преданы въ руки правосудія. Кемпа, здѣсь присутствовавшій, злорадно доказываетъ Торжицу, что преступникъ—его сынъ. Убитый этимъ открытіемъ, Торжицъ тщетно старается спасти Сильвека. Сильвека уводятъ въ тюрьму, откуда онъ выйдетъ закоренѣлымъ злодѣемъ, не подозрѣвая, что тотъ, на жизнь котораго онъ посягалъ, былъ его отецъ.

Повѣсть о Сильвекѣ подкупаетъ читателя яркостью красокъ, живымъ изображеніемъ характеровъ и глубиной основной идеи, сближающей этотъ романъ съ „Обѣтованной землей“ Бурже. Въ обоихъ произведеніяхъ различными путями романисты приходятъ къ заключенію, что къ такъ называемымъ „увлеченіямъ молодости“ нельзя относиться поверхностно, и что они губятъ неповинныя ни въ чемъ существа.

Мы подходимъ къ концу нашей статьи, далеко не исчерпавъ всего богатства мотивовъ повѣстей Ожешко. Особенными художественными достоинствами отличаются ея новеллы. Вспомнимъ исторію взлелѣяннаго родителями „милорда“, предки котораго гончарнымъ искусствомъ составили себѣ нѣкоторое состояніе. „Милордъ“ сталъ подражать аристократамъ и въ скоромъ времени разорился. Романистка ставитъ вопросъ: кто виноватъ въ трагедіи юноши? Онъ—или мать?

Превосходная новелла, проникнутая истиннымъ чувствомъ состраданія и милосердія—„А, В, С“. Здѣсь описывается убогая учительница, изъ состраданія къ заброшеннымъ дѣтямъ обучавшая ихъ на дому. Ее обвиняютъ въ незаконномъ преподаваніи и

приговариваютъ къ тюрьмѣ, замѣняемой значительнымъ штрафомъ. Братъ дѣвушки, бѣдный канцеляристъ, закабаляетъ себя на всю жизнь ростовщику, чтобы спасти сестру отъ позора.

Новелла „Въ зимній вечеръ“ — прекрасная картинка изъ крестьянской жизни. Въ мирную семью является неизвѣстный странникъ въ сочельникъ Рождества. Изъ его разсказовъ становится очевидно, что это—бѣглый каторжникъ, наведшій страхъ на всю окрестность. Еще далѣе выясняется, что передъ нами—давно пропавшій безъ вѣсти сынъ старика хозяина. Отецъ узнаетъ сына, спасаетъ отъ напасти, тайкомъ благословляетъ его. Бродяга, прослезившись, уходитъ. Любовь къ отцу жила въ немъ, несмотря на совершенныя злодѣянія и многолѣтнюю каторгу.

Столь же жизненные и свѣтлые мотивы мы находимъ въ другихъ повѣстяхъ и новеллахъ. Въ новеллѣ „Свѣтъ въ развалинахъ“ безцѣльно скучающая женщина находитъ просвѣтъ въ поддержкѣ, оказанной дряхлому старцу, всѣми покинутому. Въ новеллѣ „Австраліецъ“ молодой человѣкъ, дѣлающій карьеру, подъ вліяніемъ обстановки окружающихъ его трудовыхъ людей, рѣшаетъ покинуть службу, чтобы трудиться съ природой и для природы.

Изъ сказаннаго могло уясниться значеніе многолѣтняго литературнаго служенія Ожешко. Она заняла видное мѣсто и въ отечественной, и во всемірной литературѣ. Она соединила качества высоко одареннаго художника съ качествами моралиста и философа. Она изображала различные слои общества, раскрывала его язвы и предоставляла средства для уврачеванія. Ея діагнозъ былъ вѣренъ, а средства указывались въ органическихъ силахъ природы и труда. Ожешко—оптимистъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Она вѣритъ въ лучшія стороны человѣческой натуры; она не видитъ непреодолимыхъ помѣхъ сближенію людей между собою. Въ лицѣ этой романистки человѣчество имѣетъ талантливаго художника и благороднаго гражданина.

Л. Шепелевичъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1907.

Теоретикъ обскурантизма и конституція 1906-го года. — Реформа, революція или государственный переворотъ?—Мнимая вина „кодификаторовъ".—Возможна ли неизмѣняемость верховной власти?—Сложная верховная власть и ея факторы.—Предстоящій процессъ о выборгскомъ воззваніи. — Движеніе законодательныхъ работъ прежде и теперь.—В. А. Половцовъ †.

Мобилизируя, въ виду приближенія выборовъ, всѣ свои наличныя силы, „истинно-русскіе" реакціонеры рѣшили подкрѣпить привычныя для нихъ выкликанія и извѣщенія мало свойственною имъ діалектикою. Они нашли въ своихъ рядахъ доктринера, взявшаго на себя теоретическое обоснованіе ихъ вожделѣній. Въ докладахъ, представленныхъ петербургскому „клубу умѣренныхъ и правыхъ" и московскому „монархическому собранію" и напечатанныхъ, затѣмъ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№№ 166 — 172), г. Л. Тихомировъ старается раскрыть „недостатки конституціи 1906-го года". Замѣтимъ, прежде всего, что хотя въ заглавіи этого произведенія и въ первыхъ его параграфахъ слово *конституція* поставлено въ кавычкахъ, тѣмъ не менѣе всѣ дальнѣйшія разсужденія автора исходятъ изъ признанія основныхъ законовъ 1906-го года составляющими, въ сущности, именно конституцію, т.-е. вводящими Россію въ категорію государствъ конституціонныхъ. Аргументація автора сводится къ обнаруженію несовершенствъ новаго строя—такихъ несовершенствъ, изъ-за которыхъ онъ долженъ быть радикально измѣненъ или вовсе уничтоженъ; но измѣнить или уничтожить можно только то, что̀ существуетъ. Оставаясь на̀ почвѣ, избранной г. Тихомировымъ, единомышленники его уже не въ правѣ утверждать, что у насъ нѣтъ конституціи.

Основные законы 1906-го года, по мнѣнію г. Тихомирова, не были ни реформой, ни даже революціей: послѣдняя „санкціонируется ка-

кою-нибудь высшей волей, имѣющею учредительныя права",—а у насъ измѣненіе верховной власти „не имѣло никакихъ учредительныхъ полномочій ни отъ народа, ни отъ царя". Въ виду такой „полной самовольности", это измѣненіе представляется г. Тихомирову *„государственнымъ переворотомъ"*.—Да, манифестъ 17-го октября 1905-го года и основанные на немъ законы нельзя назвать *реформой*; они были направлены не къ частичному усовершенствованію дѣйствовавшаго порядка, а къ замѣнѣ его другимъ, существенно отъ него отличнымъ. Не вполнѣ примѣнимъ къ нимъ и терминъ: *революція*, потому что они шли сверху, а не снизу—но еще меньше подходитъ къ нимъ выраженіе: *государственный переворотъ*, съ которымъ неразрывно связано понятіе о внѣ-легальномъ, ищущемъ опоры только въ грубой силѣ посягательствѣ власти на законныя права народа. Напрасно, такимъ образомъ, г. Тихомировъ начинаетъ свою аргументацію съ жонглированья словами: оно не подвигаетъ его ни на шагъ къ его цѣли. Напрасно онъ говоритъ о высшей волѣ, *санкціонирующей* революцію: такая санкція, сводящаяся, въ сущности, къ простому признанію совершившагося факта, слѣдуетъ за настоящей революціей, т.-е. за насильственнымъ ниспроверженіемъ или непроизвольнымъ паденіемъ государственнаго строя [1]), а ни того, ни другого у насъ въ 1905-6 г. не произошло.

Переходя отъ словъ къ дѣлу, г. Тихомировъ ставитъ себѣ чрезвычайно трудную задачу: онъ берется доказать, что „попытка перемѣны субъекта верховной власти совершена *безъ уполномочія монарха*". Въ содержаніи манифестовъ, какъ предшествовавшихъ *конституціи* 1906-го года, такъ и послѣ нея появившихся, нельзя—увѣряетъ г. Тихомировъ—„найти присутствія воли императора на замѣну его верховной власти какою-либо иною". Относительно манифестовъ 26-го февраля 1903-го и 6-го августа 1905-го года не можетъ быть, съ этой точки зрѣнія, никакого спора: утверждая, что въ нихъ нѣтъ ничего конституціоннаго, г. Тихомировъ ломится въ открытую дверь. Но что̀ же онъ скажетъ о манифестѣ 17-го октября, отъ котораго всецѣло зависитъ рѣшеніе вопроса? Буквально — вотъ что̀: „должно обратить вниманіе, что этотъ манифестъ не отмѣняетъ предписанія предъиду-

---

[1]) Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Первый актъ великой французской революціи закончился въ ту минуту, когда Генеральные Штаты, по собственному побужденію и вопреки волѣ короля, провозгласили себя Учредительнымъ Собраніемъ; санкція, данная этому акту утвержденіемъ конституціи 1791-го года, была его логическимъ результатомъ. Второй актъ революціи—переходъ отъ монархіи къ республикѣ—совершился тогда, когда король былъ взятъ подъ стражу и созвано собраніе, не предусмотрѣнное конституціею; постановленіемъ Національнаго Конвента этотъ актъ былъ только оформленъ.

щаго о сохраненіи неприкосновенною ст. 1-ой тогдашнихъ основныхъ законовъ (провозглашавшей императора всероссійскаго монархомъ самодержавнымъ и *неограниченнымъ*), а потому кодификаторы не получили права истолковывать выраженіе о *незыблемомъ правилѣ* думскаго одобренія въ смыслѣ ограниченія власти императора". О формальномъ правѣ „кодификаторовъ" мы скажемъ ниже; теперь замѣтимъ только, что манифестъ 17-го октября, замѣняя совѣщательную Думу Думою рѣшающею, очевидно отмѣнилъ ту часть манифеста 6-го августа, въ силу которой „оставлялся неприкосновеннымъ основной законъ россійской имперіи о существѣ самодержавной власти". Когда послѣдующій законъ безусловно несовмѣстенъ съ предъидущимъ, онъ уничтожаетъ его дѣйствіе, хотя бы это и не было выговорено прямо— а въ несовмѣстимости манифестовъ 6-го августа и 17-го октября не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Единственный аргументъ, приводимый г. Тихомировымъ противъ обычнаго пониманія манифеста 17-го октября, не заслуживаетъ даже названія софизма: это—просто продуктъ буквоѣдства, доводящаго до ослѣпленія.

Не выше цѣна и тѣхъ соображеній г. Тихомирова, которыя касаются манифеста 20-го февраля 1906-го года. И въ этомъ государственномъ актѣ не говорится ни слова объ *отмѣнѣ* чего-либо установленнаго манифестомъ 6-го августа: ergo — онъ также не давалъ кодификаторамъ права исключать изъ основныхъ законовъ постановленіе о неограниченности власти императора. Въ манифестѣ 20-го февраля сказано, притомъ: „мы постановляемъ впредь *общимъ правиломъ*, что со времени созыва Государственнаго Совѣта и Государственной Думы законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія Совѣта и Думы". Г. Тихомировъ придаетъ большое значеніе тому, что „двукратное требованіе совѣтскаго и думскаго одобренія выражается не словомъ *законъ*, а словомъ *правило*; правило далеко не есть законъ, а только *руководство къ поведенію*". Предоставляя самимъ читателямъ пріискать подходящее названіе для такого разсужденія, ограничимся указаніемъ, что *общее правило*, о которомъ идетъ рѣчь въ манифестѣ, есть *постановленіе* императора, бывшаго въ данный моментъ — какъ сказано въ другомъ мѣстѣ статьи г. Тихомирова—„законною верховною властью". Не г. Тихомирову, слѣдовательно, и не его единомышленникамъ подобаетъ колебать значеніе такихъ *общихъ правилъ*.

Не желая или не умѣя видѣть, что ограниченіе императорской власти вытекаетъ не изъ того или другого отдѣльнаго слова, сказаннаго 17-го октября и 20-го февраля, а изъ рѣшающаго значенія, даннаго Государственной Думѣ, г. Тихомировъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что не былъ пущенъ въ ходъ одинъ изъ указываемыхъ имъ

способовъ обезцвѣченія и обезсиленія манифестовъ [1]), и заканчиваетъ прямымъ обвиненіемъ „кодификаторовъ“ въ *непониманіи воли Государя.* Читая статью г. Тихомирова, можно подумать, что дѣло происходило такъ: всѣ акты, касающіеся преобразованія государственнаго строя, были переданы на усмотрѣніе кодификаціонной коллегіи, отъ которой и зависѣло извлечь изъ нихъ, такъ или иначе, рядъ постановленій, взамѣнъ прежнихъ основныхъ законовъ. Въ дѣйствительности мы видимъ совсѣмъ иное. Самая смѣлая „фигура умолчанія“ не можетъ заставить забыть о такихъ несомнѣнныхъ фактахъ, какъ Высочайшая надпись: „Быть по сему“ на новомъ текстѣ основныхъ законовъ и Именной указъ 23-го апрѣля 1906-го года, при которомъ они препровождены въ Прав. Сенатъ. „Въ видахъ укрѣпленія *обновляемаго* государственнаго строя“ — сказано въ этомъ указѣ, — „Мы повелѣли свести во едино постановленія, имѣющія значеніе основныхъ государственныхъ законовъ, и дополнить ихъ положеніями, точнѣе разграничивающими область принадлежащей Намъ нераздѣльно власти верховнаго государственнаго управленія отъ власти законодательной. Начертанные на сихъ основаніяхъ, *по предуказаніямъ Нашимъ*, основные государственные законы *Мы признали за благо утвердить*“. Не странно ли, затѣмъ, говорить о новыхъ основныхъ законахъ, какъ о произведеніи „кодификаторовъ“, не уразумѣвшихъ или извратившихъ волю монарха? Не ясно ли, что, противопоставляя законодательную власть *нераздѣльной* власти верховнаго управленія, Именной указъ 23-го апрѣля, согласно съ ст. 7-ой основныхъ законовъ, прямо призналъ первую изъ этихъ властей *раздѣленною*, т.-е. ограниченною?

Не довольствуясь увѣреніемъ, что въ государственныхъ актахъ 1905-го и 1906-го гг. не содержится „измѣненія верховной власти“, г. Тихомировъ отрицаетъ самую возможность такого измѣненія, „въ виду характера полномочій носителя верховной власти, врученной дому Романовыхъ земскимъ соборомъ 1613-го года“. „Верховная, а потому и неограниченная власть императора“—читаемъ мы дальше— „не есть его частная собственность, а политическая обязанность, освященная божественнымъ призваніемъ. Еще при объявленіи его наслѣдникомъ онъ даетъ присягу соблюдать законы о престолонаслѣдіи, въ коихъ (ст. 178 прежнихъ и 222 новыхъ основныхъ законовъ) императоръ опредѣляется какъ *неограниченный Самодержецъ.* Это обязательство повторяется и при вступленіи на престолъ. При священномъ

[1]) О нравственномъ и юридическомъ достоинствѣ этихъ способовъ даетъ понятіе слѣдующій примѣръ: „требованіе непремѣннаго одобренія могло быть введено въ законъ *въ видѣ примѣчанія*, съ сохраненіемъ выраженія *правило*“. Итакъ, примѣчаніе, введенное въ текстъ закона, имѣетъ меньшую силу, чѣмъ статья, къ которой оно относится?!

короновании императоръ припимаетъ корону и прочія регаліи послѣ рѣчи митрополита, говорящаго отъ имени народа (!) и объясняющаго ихъ значеніе, какъ символовъ царской верховной власти, и слѣдовательно самымъ фактомъ принятія регалій коронующійся выражаетъ свое обязательство пребыть именно тою властью, которая ему вручается, во имя воли Божіей, какъ *служеніе*. При такихъ фамильныхъ и личныхъ обязательствахъ императора, ни одинъ членъ правительства, облеченный обязанностью кодификаціи, не имѣлъ права предположить, будто бы воля императора состояла въ измѣненіи носимой имъ верховной власти *безъ всякаго совѣщанія о семъ съ народомъ*". Въ другомъ мѣстѣ своей статьи г. Тихомировъ указываетъ на то, что „со стороны народа не было никакихъ ясныхъ требованій, внушительныхъ петицій въ пользу измѣненія верховной власти; выработка конституціи не была совершена какимъ-нибудь земскимъ соборомъ, и конституція не была, затѣмъ, ни повергнута на рѣшеніе земскихъ соборовъ, ни отдана на всенародное голосованіе". Въ подтвержденіе своего взгляда на неизмѣняемость императорской власти г. Тихомировъ приводитъ извѣстныя слова Карамзина, обращенныя къ императору Александру I-му: „Россія вручила самодержавіе твоему предку и требовала, да управляетъ ею верховно, нераздѣльно. Сей завѣтъ есть основаніе твоей власти: иной не имѣешь. Можешь все, но не можешь законно ее ограничить".

Устранимъ сначала изъ аргументаціи г. Тихомирова все очевидно невѣрное и лишенное всякаго значенія. Сюда относится ссылка на ст. 222 основн. зак., изъ которой уже не разъ пытались вывести неприкосновенность *неограниченной* самодержавной власти. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что слова: *неограниченный самодержецъ* уцѣлѣли въ этой статьѣ только по недосмотру: учрежденіе императорской фамиліи, въ составъ котораго она входитъ, вовсе не подверглось передѣлкѣ и совершенно механически введено въ новую редакцію основныхъ законовъ. Вся статья относится, притомъ, только къ членамъ императорской фамиліи; только для нихъ, слѣдовательно—если толковать статью буквально и не считать ее отчасти потерявшей свою силу—императоръ и остается *неограниченнымъ* самодержцемъ. Къ числу законовъ о престолонаслѣдіи ст. 222-ая вовсе не принадлежитъ: они изложены въ ст. 25—39 осн. зак. Въ формѣ присяги наслѣдника (прилож. III къ осн. госуд. зак.) дѣйствительно говорится о соблюденіи постановленій, относящихся къ наслѣдію престола; такое же обязательство, за силою ст. 39 осн. зак., принимаетъ на себя и императоръ, при вступленіи на престолъ и миропомазаніи—но развѣ порядокъ престолонаслѣдія опредѣляетъ собою сущность и предѣлы верховной власти? Развѣ основные законы возлагаютъ на императора обя-

зательство „свято наблюдать", наравнѣ съ порядкомъ престолонаслѣдія, неограниченность императорской власти? Развѣ комическія усилія г. Тихомирова вывести такое обязательство изъ рѣчи, произносимой митрополитомъ при короновaніи, и изъ символическаго смысла коронаціонныхъ регалій не обнаруживаютъ съ полною ясностью всю безнадежность поддерживаемой имъ темы? Развѣ обрядъ коронованія предрѣшаетъ значеніе и характеръ освящаемаго имъ сана? Короновались и конституціонные короли (Карлъ X во Франціи, Вильгельмъ I въ Пруссіи); коронуются до сихъ поръ англійскіе монархи— а ограниченность ихъ власти признана всѣми, начиная съ нихъ самихъ. Такихъ выраженій, которыя можно было бы истолковать какъ обѣщаніе охранять неограниченность самодержавія, нѣтъ и въ молитвѣ, произносимой императоромъ „по возложеніи на себя короны и воспріятіи скипетра и державы" (примѣч. 2-ое къ ст. 58 основн. законовъ).

Обязательство *соблюдать* тотъ или другой законъ, тотъ или другой порядокъ не должно быть, притомъ, смѣшиваемо съ обязательствомъ *оставлять его навсегда неизмѣннымъ*. Въ новѣйшей исторіи извѣстенъ примѣръ такого смѣшенія, какъ нельзя лучше иллюстрирующій его несостоятельность и его опасность. Со времени изгнанія Стюартовъ короли англійскіе обѣщали, при коронованіи, исполнять законы, ограничивавшіе права католиковъ. Когда Питтъ (младшій), проводя унію Ирландіи съ Великобританіей, призналъ необходимымъ укрѣпить ее путемъ эманципаціи католиковъ, Георгъ III, передъ тѣмъ нѣсколько разъ впадавшій въ безуміе, отказалъ въ своемъ согласіи на эту мѣру, потому что видѣлъ въ ней нарушеніе коронаціонной присяги. Питтъ вышелъ въ отставку; лучшіе плоды уніи были потеряны; вражда ирландцевъ къ Англіи постоянно обострялась и, четверть вѣка спустя, грозила вооруженнымъ возстаніемъ. Новый король, Георгъ IV, долго не рѣшался отступить отъ политики своего отца, но *консервативное* министерство (Пиля и Веллингтона) настояло на своемъ, и давно необходимая мѣра была, наконецъ, осуществлена, не вполнѣ успокоивъ страну именно вслѣдствіе своей запоздалости. Теперь для всѣхъ ясно, что колебанія двухъ королей, очень дорого стоившія какъ Ирландіи, такъ и Англіи, исходили изъ простого недоразумѣнія. Коронаціонная присяга имѣла въ виду предупредить такія *правонарушенія*, такія *злоупотребленія* властью, какія были допущены Іаковомъ II; она должна была обезпечить *исполненіе* законовъ, пока они существуютъ, а не увѣковѣчить ихъ *неизмѣнное существованіе*. Въ государственной жизни нѣтъ и не можетъ быть, вообще, ничего вѣчнаго; ея основной законъ—движеніе; все въ ней возникаетъ, измѣняется, уничтожается, сообразно съ требованіями времени. Не составляютъ исключенія изъ

общаго правила и формы верховной власти. Три столѣтія — періодъ времени. болѣе чѣмъ достаточный для возникновенія потребности въ ихъ обновленіи.

Въ чемъ бы ни заключались, слѣдовательно, постановленія земскаго собора 1613-го года, законная возможность перехода къ другому образу правленія, къ другой организаціи верховной власти не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Не входя въ подробное обсужденіе вопроса о содержаніи этихъ постановленій, замѣтимъ только, что онъ разрѣшается вовсе не такъ просто и не такъ безспорно, какъ кажется г. Тихомирову. Есть много основаній утверждать, что власть, возстановленная въ 1613 г., вовсе не была неограниченною, что первый царь изъ дома Романовыхъ подписалъ ограничительную запись и что именно потому земскіе соборы, во все продолженіе его царствованія, играли гораздо бо̀льшую роль, чѣмъ когда бы то ни было раньше или позже. Чему могъ вѣрить Карамзинъ, при тогдашнемъ положеніи исторической науки, то не должно быть выдаваемо за аксіому въ настоящее время. Повторяемъ, впрочемъ: историческая сторона вопроса имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, весьма второстепенное значеніе. Гораздо важнѣе освѣтить тѣ политическія дебри, въ которыя ведетъ оспариваемый нами взглядъ. Г. Тихомировъ допускаетъ, повидимому, что порядокъ вещей, созданный (т.-е. *будто бы* созданный) земскимъ соборомъ 1613-го года, могъ бы быть измѣненъ „какимъ-либо" земскимъ соборомъ и, затѣмъ, всенароднымъ голосованіемъ. Каковъ же долженъ былъ быть составъ этого собора, какими правами, какою властью онъ долженъ былъ располагать, кто долженъ былъ быть допущенъ къ участію въ голосованіи и какъ оно должно было происходить? На всѣ эти вопросы можетъ быть дано безчисленное множество отвѣтовъ, одинаково произвольныхъ, такъ какъ формы, существовавшія три столѣтія тому назадъ — еслибы онѣ и были до мельчайшихъ подробностей извѣстны — оказались бы непримѣнимыми къ условіямъ настоящаго времени, столь отличнымъ отъ тогдашнихъ. Неизбѣжно выступило бы па сцену политическое творчество — или, по терминологіи завзятыхъ охранителей старины, политическое сочинительство. Неизбѣжными, затѣмъ, оказались бы и возраженія: всякій шагъ впередъ былъ бы опротестованъ, какъ несогласный съ „завѣтами предковъ". Тѣ самые господа, которые проливаютъ теперь крокодиловы слезы надъ отсутствіемъ земскаго собора и всенароднаго голосованія, не преминули бы возопить: „Что это за земскій соборъ, ничего, кромѣ имени, не имѣющій общаго съ своими предшественниками! Къ чему всенародное голосованіе, небывалое въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкѣ"! Теорія, защищаемая г. Тихомировымъ, упирается, такимъ образомъ, въ безнадежный тупикъ: отрицая возможность ограниченія импера-

торской власти свободнымъ актомъ самого монарха, она осуждаетъ государство на неподвижность, равносильную смерти.

Перечисляя ошибки, сдѣланныя „кодификаторами“ основныхъ законовъ, г. Тихомировъ замѣчаетъ, между прочимъ, что *общее правило*, требующее для новыхъ законовъ одобренія Государственной Думы, могло бы быть „оговорено какъ правило установленное императоромъ въ руководство властямъ собственно *во время его правленія* или *впредь до отмѣны*“. Итакъ, съ точки зрѣнія г. Тихомирова перемѣна „образа дѣйствій“, равносильная перемѣнѣ образа правленія, допустима не только каждый разъ, когда воцаряется новый императоръ, но и во всякое время? Хороша, нечего сказать, была бы монархія, лишенная, такимъ образомъ, главнаго своего преимущества: устойчивости, постоянства! Не трудно себѣ представить, какова была бы судьба государства, въ которомъ все, въ каждый данный моментъ, могло бы быть поставлено вверхъ дномъ, въ которомъ никто не могъ бы ручаться за завтрашній день! Самъ, можетъ быть, того не замѣчая, г. Тихомировъ выражаетъ готовность замѣнить монархію худшею формой деспотіи, ни на чемъ и ни передъ чѣмъ не останавливающейся, ничѣмъ не сдерживаемой, слѣдующей только внушеніямъ минуты. Вполнѣ понятенъ и, въ сущности, неизбѣженъ обдуманный, спокойный, *безповоротный* переходъ со старой дороги, приведшей къ самому краю пропасти, на новый путь, общій всѣмъ цивилизованнымъ государствамъ: но совершенно ненормальны и крайне опасны скачки то въ одну, то въ другую сторону, впередъ, назадъ, подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ.

Добавочное доказательство тому, что манифесты 17-го октября и 20-го февраля ничего не измѣнили въ характерѣ императорской власти, г. Тихомировъ находитъ въ манифестѣ 3-го іюня нынѣшняго года. Въ этомъ манифестѣ—восклицаетъ г. Тихомировъ—„Государь Императоръ заявилъ свое право, и даже обязанность, измѣнить самолично избирательный законъ, хотя это ему возбранялось законами, сочиненными въ 1906-мъ году. При этомъ Государь Императоръ прямо объясняетъ, что создавалъ Думу какъ учрежденіе обязанное содѣйствовать его державной волѣ, въ имъ указанныхъ цѣляхъ, и давалъ выборнымъ права только для исполненія ихъ обязанностей. Слѣдовательно, Императоръ имѣлъ въ виду учрежденіе *служебное*, а вовсе не какого-либо новаго носителя верховной власти“. Что учрежденіе, свободное одобреніе котораго необходимо для дѣйствительности новаго закона, не можетъ считаться учрежденіемъ *служебнымъ*, что слова манифеста: „согласно Державной волѣ Нашей“, относясь только къ основной цѣли призыва народныхъ представителей—успокоенію Россіи,—вовсе не возлагаютъ на Думу обязательства содѣйствовать испол-

нению не ею принятыхъ рѣшеній — это не требуетъ поясненія; но г. Тихомировъ одинаково невѣрно толкуетъ какъ отдѣльныя выраженія, такъ и идею манифеста 3-го іюня. Въ августовской общественной хроникѣ нашего журнала было уже указано, что общій смыслъ манифеста прямо говоритъ за существованіе у насъ конституціоннаго строя. Отъ требованій этого строя признано было нужнымъ, въ одномъ случаѣ, отступить, но во всемъ остальномъ они провозглашаются неизмѣнными. Истинный характеръ отступленія освѣщенъ нами съ достаточною ясностью въ іюльскомъ внутреннемъ обозрѣніи.

Дальше идутъ разсужденія г. Тихомирова о существѣ верховной власти, еще меньше выдерживающія критику, чѣмъ толкованіе, данное имъ государственнымъ актамъ 1905—1906 гг. Опредѣляя аттрибуты верховной власти, „хотя бы и по конституціонному праву", онъ находитъ, что она „заключаетъ въ себѣ всѣ частныя подраздѣленія власти: ей принадлежитъ законодательная власть, ей же принадлежитъ въ основѣ и осуществленіе закона, т.-е. власть судебная и исполнительная". Только „для удобства дѣйствія" власть раздѣляется между учрежденіями законодательными, исполнительными и судебными, „которыя въ отношеніи другъ ко другу независимы, но всѣ они истекаютъ отъ суверена и *ему подчинены;* каждая отдѣльная власть ограничена, но суверенъ неограниченъ". Приведя извѣстную формулу о неограниченности власти англійскаго парламента, который можетъ сдѣлать все, кромѣ превращенія мужчины въ женщину или обратно, г. Тихомировъ спрашиваетъ себя, гдѣ же у насъ власть, которая, на основаніи законовъ 1906-го года, можетъ сдѣлать все—и отвѣчаетъ, что такой власти нѣтъ. Почему? Потому что императору дано лишь одно наименованіе верховной власти, но права его ограничены со всѣхъ сторонъ, въ законодательствѣ, въ управленіи, въ судѣ. Не создана, съ другой стороны, и *сложная* верховная власть, изъ императора и двухъ палатъ: назначеніе министровъ предоставлено одному императору, вслѣдствіе чего Государственный Совѣтъ и Государственная Дума являются учрежденіями подчиненными. Они не имѣютъ даже принадлежащаго каждому гражданину права возбуждать вопросы объ измѣненіи нѣкоторыхъ отдѣловъ законодательства. Между тѣмъ, каждый изъ носителей верховной власти долженъ имѣть, и въ отдѣльности взятый, характеръ верховенства... Изъ отсутствія верховной власти вытекаетъ невозможность организаціи правильнаго правительства и установленія ясной политики. Положить конецъ господствующей у насъ анархіи можетъ только „постоянное дѣйствіе ясной верховной власти, увѣренное въ своей прочности и правѣ".

Совершенно напрасно г. Тихомировъ ссылается на неограниченность могущества, признаваемаго за англійскимъ парламентомъ — со-

вершенно напрасно потому, что спорный вопросъ касается не объема власти, принадлежащей монарху *вмѣстѣ съ палатами* („королю въ парламентѣ"), а объема власти, принадлежащей одному монарху. Всемогущество парламента, какъ сложнаго цѣлаго, несомнѣнно, хотя формула, его выражающая, никогда вполнѣ не переходитъ въ жизнь и должна быть понимаема cum grano salis; множество разнообразныхъ условій сдерживаютъ его въ извѣстныхъ предѣлахъ, съ теченіемъ времени скорѣе съуживающихся, чѣмъ расширяющихся. Даже въ теоріи судебную власть нельзя назвать *подчиненною* парламенту: она можетъ быть имъ преобразована, перестроена, но пока существуетъ установленный для нея порядокъ, ея рѣшенія, состоявшіяся въ этомъ порядкѣ, неприкосновенны для самого парламента. Нельзя говорить и о подчиненности законодательной власти, потому что всемогущество принадлежитъ парламенту именно какъ носителю законодательныхъ функцій. Всемогущимъ, съ этими оговорками, представляется не только англійскій парламентъ, но и всякій другой комплексъ факторовъ, облеченныхъ, въ конституціонномъ государствѣ законодательною властью [1]. Весьма различно положеніе каждаго изъ этихъ факторовъ, разсматриваемаго въ отдѣльности — весьма различно какъ юридически, такъ и фактически; но во всякомъ случаѣ только ихъ *совмѣстною* дѣятельностью движется и живетъ государство, только имъ вмѣстѣ взятымъ, слѣдовательно, принадлежитъ верховная власть. Съ г. Тихомировымъ мы можемъ, поэтому, согласиться лишь въ одномъ: власть императора, въ томъ видѣ, какой ей данъ манифестами 17-го октября и 20-го февраля и построенными на нихъ новыми основными законами, неправильно названа *верховною*, если соединять съ этимъ выраженіемъ понятіе *суверенитета*. Но въ государственной жизни важно не наименованіе учрежденій — важна ихъ сущность, опредѣляемая объемомъ правъ и свойствомъ функцій. „Верховный", „самодержавный" — это титулы, унаслѣдованные отъ невозвратнаго прошлаго; прежде за ними стояло реальное содержаніе—теперь они обратились въ украшеніе, присвоенное высокому сану.

Въ конституціонной монархіи верховная власть, въ смыслѣ суверенитета, неизбѣжно является раздѣленной между нѣсколькими факторами. Неограниченнымъ не можетъ быть ни одинъ изъ нихъ, въ отдѣльности взятый. Ограниченіе власти монарха — основная, характерная черта конституціоннаго строя; гдѣ его нѣтъ, тамъ мыслимъ только абсолютизмъ. Такое ограниченіе несомнѣнно имѣлось въ виду

---

[1]) Къ числу такихъ факторовъ можетъ принадлежать и народъ (т.-е. политически полноправная часть народа), если въ странѣ принята система референдума или плебисцита.

и у насъ, когда состоялся манифестъ 17-го октября. Недостатокъ новыхъ основныхъ законовъ заключается не въ томъ, что оно ими проведено, а въ томъ, что оно не осуществлено ими съ надлежащею послѣдовательностью и полнотою. Во всякомъ случаѣ ими создано именно то, что г. Тихомировъ называетъ *сложною* верховною властью. Какъ ни скудны, во многихъ отношеніяхъ, права Государственной Думы, она ни съ какой стороны и ни въ какомъ смыслѣ не можетъ считаться учрежденіемъ *подчиненнымъ*. Ей ничего не можетъ быть предписано; въ предѣлахъ своей компетенціи она независима и свободна. Независимъ de jure — хотя, быть можетъ, и не de facto—и Государственный Совѣтъ. Если Думѣ и Совѣту не предоставлено иниціативы въ измѣненіи основныхъ законовъ, то это еще не значитъ, что имъ отказано въ правѣ, принадлежащемъ каждому отдѣльному гражданину: указать на необходимость и желательность перемѣны они безспорно могутъ, только не въ формѣ законопроекта. Неравноправностью факторовъ законодательной власти отнюдь не устраняется, притомъ, основное начало конституціоннаго строя — *раздѣленіе верховенства*. Въ Англіи, напримѣръ, палата лордовъ не въ правѣ видоизмѣнять финансовые билли, обязательно разсматриваемые сначала палатою общинъ. На выборъ министровъ палата лордовъ не имѣетъ ни юридически, ни фактически ни малѣйшаго вліянія: недовѣріе, выраженное ею министерству, проходитъ совершенно безслѣдно. Въ Австріи, въ германской имперіи, въ отдѣльныхъ германскихъ государствахъ назначеніе министровъ зависитъ отъ монарха, весьма часто вовсе не руководствующагося при этомъ желаніемъ палатъ. Совершенно ошибочно, такимъ образомъ, утвержденіе г. Тихомирова, что каждый изъ носителей сложной верховной власти, въ отдѣльности взятый, долженъ имѣть „характеръ верховенства“ и быть вполнѣ равноправенъ съ остальными. Такой равноправности нѣтъ даже при господствѣ парламентаризма: въ Англіи, напримѣръ, палата общинъ имѣетъ безспорный перевѣсъ не только надъ палатой лордовъ, но и надъ королемъ; во Франціи палата депутатовъ несравненно сильнѣе сената. Тѣмъ меньше о равноправности можетъ быть рѣчь въ конституціонныхъ не-парламентарныхъ государствахъ, о которыхъ г. Тихомировъ какъ бы забылъ, хотя именно къ ихъ числу въ настоящее время принадлежитъ Россія. „Что же выйдетъ“ — спрашиваетъ онъ,—„если министры не станутъ исполнять постановленнаго закона? Что сдѣлаютъ палаты? Онѣ могутъ сдѣлать запросъ; но что будетъ если министры не обратятъ на это вниманія? Въ тѣхъ конституціяхъ, гдѣ палаты суть составныя части верховной власти, министры будутъ низвергнуты, отданы подъ судъ и т. д. Наши палаты такихъ правъ не имѣютъ. Ясно, что онѣ не носятъ характера верховной власти“. Нѣтъ, совсѣмъ не ясно: Низ-

вергнуть министерство не можетъ ни германскій рейхстагъ, ни прусскій сеймъ—а между тѣмъ никому не приходитъ въ голову утверждать, что верховной власти въ германской имперіи или въ прусскомъ королевствѣ вовсе нѣтъ—или что она принадлежитъ всецѣло императору-королю. Безспорно, конституціонализмъ, не дошедшій до парламентаризма, представляетъ серьезныя неудобства: больше при немъ шансовъ столкновенія между палатами и монархомъ, больше препятствій къ осуществленію назрѣвшихъ преобразованій, меньше увѣренности въ послѣдовательномъ и полномъ ихъ проведеніи. Вполнѣ совмѣстимо съ нимъ, однако, „постоянное дѣйствіе ясной верховной власти, увѣренное въ своей прочности и правѣ"; вполнѣ возможна плодотворная работа, какъ показываетъ, напримѣръ, исторія соціальнаго законодательства въ Германіи. Необходимо только одно: искреннее усвоеніе всѣхъ особенностей конституціоннаго режима, рѣшительный разрывъ съ традиціями и пріемами абсолютизма.

Съ остальными обвиненіями, взводимыми г. Тихомировымъ на конституцію 1906-го года, можно покончить въ немногихъ словахъ. Конституція, по мысли теоретика „Московскихъ Вѣдомостей", должна была сдѣлать изъ Думы „дѣловое, рабочее, подчиненное учрежденіе". Другими словами, никакой конституціи создавать не слѣдовало, а нужно было только кое-что почистить и подновить въ старомъ законодательномъ механизмѣ. Возражать противъ такого взгляда—значило бы напрасно терять слова. Конституція—читаемъ мы дальше—„исказила понятіе о дѣйствіи въ порядкѣ верховнаго управленія". Чѣмъ? Тѣмъ ли, что она черезчуръ расширила его предѣлы, въ ущербъ правамъ законодательныхъ собраній? Нѣтъ: тѣмъ, что она поставила его въ слишкомъ узкую рамку. Надлежало установить „постоянную готовность дѣйствія въ порядкѣ верховнаго управленія", такъ, чтобы всегда можно было „поправить" этимъ путемъ „неудачно составленные законы или неумѣлое ихъ примѣненіе". Къ чему привело бы совмѣстное существованіе двухъ законодательныхъ факторовъ: ординарнаго и экстраординарнаго, съ подчиненіемъ перваго второму—это не требуетъ поясненія... Конституція „приводитъ къ необходимости дѣйствовать внѣ-законнымъ порядкомъ и этимъ подрываетъ уваженіе къ законности". Да, изданіе законовъ внѣ установленнаго порядка несомнѣнно подрываетъ уваженіе къ законности,—но г. Тихомировъ не доказалъ и не могъ доказать, чтобы такое изданіе было *необходимо*. Во всякомъ случаѣ единичное отступленіе отъ закона, даже весьма существенное, менѣе вредно, чѣмъ предлагаемое г. Тихомировымъ безпрерывное вторженіе „верховнаго управленія" въ законодательную область... Конституція „въ корнѣ подрываетъ гегемонію русскаго народа въ имперіи". Въ истинно-конституціонномъ государствѣ немы-

слима неравноправность національностей, сколько-нибудь культурныхъ. Предоставить политическія права однимъ русскимъ, значило бы поставить цѣлость имперіи подъ охрану одной лишь внѣшней силы—охрану недостаточную и несовмѣстную съ дѣйствительнымъ торжествомъ права и правды. Да и что это былъ бы за народъ, который, имѣя на своей сторонѣ громадный перевѣсъ числа, нуждался бы еще въ какихъ-то искусственныхъ средствахъ вліянія на другія національности? Утверждая, что „подрывъ русской гегемоніи въ имперіи составляетъ подрывъ самой имперіи", г. Тихомировъ выдаетъ очень плохую аттестацію — не русскому народу, у котораго слишкомъ мало общаго съ его самозванными защитниками, а себѣ самому и своимъ единомышленникамъ, все и всѣхъ низводящимъ до своего невысокаго уровня.

Отстаивая конституцію 1906-го года отъ нападеній, подрывающихъ ее въ самомъ корнѣ и направленныхъ къ ея полному уничтоженію, мы, конечно, далеки отъ признанія ея совершенною или даже сколько-нибудь удовлетворительною. Недостатковъ въ ней очень много, но они прямо противоположны тѣмъ, которые усматриваютъ въ ней „истинно-русскіе люди". Съ нашей точки зрѣнія важно, прежде всего, установить, что конституція существуетъ и, слѣдовательно, возвращеніе къ старому порядку вещей было бы настоящимъ государственнымъ переворотомъ. Необходимо стать, рѣшительно и твердо, на конституціонную почву и, не сходя съ нея, приступить къ усовершенствованію новаго порядка. Необходимо исполнить всѣ обѣщанія, данныя манифестомъ 17-то октября, и устранить все то, что съ ними не согласно. Необходимо пересмотрѣть, съ этой точки зрѣнія, основные законы 1906-го года, а также всѣ временныя правила, изданныя въ междудумье и не разсмотрѣнныя второю Думой, и избирательный законъ 3-го іюня 1907-го года. Необходимо водворить то внутреннее согласіе между народнымъ представительствомъ и министерствомъ, безъ котораго немыслимъ правильный ходъ государственной жизни. Необходимо, однимъ словомъ, нѣчто прямо противоположное тому, что рекомендуется реакціонными элементами въ обществѣ и печати. Такія произведенія, какъ разобранная нами статья г. Тихомирова, полезны именно и только въ качествѣ указателя дороги, по которой не слѣдуетъ идти.

Прошло болѣе года со времени составленія такъ-называемаго выборгскаго воззванія — и только на дняхъ получилъ огласку обвинительный актъ, которымъ обвиняемые по этому дѣлу предаются суду с.-петербургской судебной палаты. Обстоятельства, за это время, пе-

ремѣнились настолько, что самое преслѣдованіе бывшихъ членовъ первой Государственной Думы представляется явнымъ анахронизмомъ. Выборгское воззваніе было актомъ политической борьбы, теперь вступившей въ совершенно другой фазисъ. Разсматриваемое въ исторической перспективѣ, оно является ошибкой, а не преступленіемъ—ошибкой сознанной и потому неопасной. Ожидать ея повторенія нѣтъ ни малѣйшаго повода. Между тѣмъ, многіе изъ подписавшихъ воззваніе могутъ сослужить Россіи, въ переживаемыя ею тяжелыя минуты, большую службу. Не такъ велико у насъ число выдающихся политическихъ дѣятелей, чтобы можно было съ легкимъ сердцемъ надолго или навсегда закрывать для цѣлой ихъ группы доступъ къ государственной и общественной жизни. Вредъ, сопряженный съ обвинительнымъ приговоромъ, не будетъ уравновѣшенъ пользой отъ формальнаго „торжества правосудія"—если и допустить, что такимъ торжествомъ было бы подведеніе обвиняемыхъ подъ 3 пунктъ 129 ст. уголовнаго уложенія. Юридическая шаткость обвиненія была указана въ печати еще тогда, когда оно только что возникало. Достаточно припомнить, что доказано лишь участіе обвиняемыхъ въ *составленіи* выборгскаго воззванія—а ст. 129-ая караетъ *распространеніе* противозаконныхъ сочиненій.

Преувеличить значеніе предстоящаго процесса старается изо всѣхъ силъ реакціонная печать. Она называетъ его „процессомъ первой Думы", какъ будто бы судятся не отдѣльныя лица, а цѣлое учрежденіе. „Собралась первая Дума"—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости"—„и совершила рядъ тяжкихъ государственныхъ преступленій, за которыя не потерпѣла никакого наказанія, исключая выборгскаго воззванія". Что же это за преступленія, совершенныя Думой? Очевидно—ея постановленія, шедшія въ разрѣзъ съ желаніями и взглядами правительства. Итакъ, рѣшенія законодательнаго собранія подлежатъ не только суду исторіи, но и уголовному суду?.. „Собирается вторая Дума"—читаемъ мы дальше,—„и въ ней снова повторяется государственное преступленіе, уже доходящее до замысловъ цареубійства. Каково будетъ наказаніе преступниковъ? Россія не знаетъ". Россія знаетъ, что никакихъ преступленій не совершалось ни второю Думою, ни во второй Думѣ; противъ нѣкоторыхъ ея членовъ возбуждено *обвиненіе*, еще не разсмотрѣнное судомъ и, слѣдовательно, не доказанное, но возбуждено по поводу дѣйствій, совершенныхъ *внѣ Думы*. Извративъ, такимъ образомъ, значеніе процесса, реакціонная газета переходитъ къ запугиванью суда. Отъ голоса суда зависитъ, по ея словамъ, „чрезвычайно многое въ ближайшихъ судьбахъ Россіи вообще, а въ частности и въ исходѣ выборовъ въ третью Думу. Если приговоръ суда будетъ соотвѣтствовать страшной тяжести преступленія лицъ,

составившихъ выборгское воззваніе, народъ увидитъ, что русское государство существуетъ и не допускаетъ той тяжкой измѣны, каковую составляетъ попытка его разрушенія силами государственныхъ же учрежденій. Увидавъ такую твердость государственнаго самосознанія, всѣ люди, преданные существующему государству, почувствуютъ свои силы удесятеренными, а революціонные элементы поймутъ, что ихъ замыслы—безплодныя химеры". И все это ожидается отъ одного судебнаго приговора? Да развѣ мало было до сихъ поръ судебныхъ рѣшеній, направленныхъ противъ революціонныхъ элементовъ? Развѣ дѣло суда — проявлять „государственное самосознаніе"? Развѣ его призваніе не исчерпывается примѣненіемъ закона къ данному факту? Если въ народѣ зародилось сомнѣніе въ „существованіи государства", то развѣ оно можетъ быть устранено хотя бы и самымъ строгимъ наказаніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ?

Центръ тяжести аргументаціи, какъ бы подсказываемой суду, заключается въ томъ, что выборгское воззваніе имѣло въ виду не „возбужденіе къ неповиновенію и противодѣйствію закону"—какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, — а „*ниспроверженіе существующаго государства*". Правосудіе, по мнѣнію самозванныхъ его совѣтчиковъ, „должно показать, сомнѣвается ли государство въ самомъ себѣ, склоняется ли оно къ мысли, что, можетъ быть, оно и не имѣетъ права поддерживать свой *принципъ*". Суду навязывается, такимъ образомъ, совершенно чуждая ему задача: онъ призывается къ рѣшенію политическаго спора или, лучше сказать, къ участію въ немъ въ качествѣ стороны, къ нисхожденію на арену, гдѣ нѣтъ мѣста для безпристрастія. Да и что̀ значитъ *ниспроверженіе государства*? Наше уголовное уложеніе знаетъ „ниспроверженіе существующаго въ государствѣ общественнаго строя", знаетъ „насильственное посягательство на измѣненіе образа правленія или порядка наслѣдія престола"; но ему незнакомо понятіе, сочиненное „Московскими Вѣдомостями". Какъ бы многаго ни оставлялъ желать современный судъ, на путь сочинительства, куда его толкаютъ, онъ, нужно надѣяться, не вступитъ.

Второй Государственной Думѣ, какъ и первой, до сихъ поръ безпрестанно ставится въ вину недостатокъ трудоспособности и серьезнаго законодательнаго творчества. Не мѣшаетъ, поэтому, почаще вспоминать о томъ, въ какой степени быстро и успѣшно подвигалась у насъ законодательная работа въ недавно закончившемся періодѣ нашей исторіи. Возьмемъ, для примѣра, уголовное уложеніе. Составлялось оно редакціонной коммиссіей въ теченіе *четырнадцати* лѣтъ— срокъ весьма продолжительный, если принять во вниманіе относи-

тельную простоту дѣла и обиліе западно-европейскихъ образцовъ, во многомъ примѣнимыхъ къ русской жизни [1]). Три года, затѣмъ, проектъ уложенія разсматривался въ министерствѣ юстиціи и въ другихъ вѣдомствахъ. Внесенный, наконецъ, въ Государственный Совѣтъ, онъ былъ переданъ въ „особое совѣщаніе", обсуждавшее его цѣлыхъ три года, потомъ перешелъ въ „особое присутствіе", гдѣ оставался больше года, и только въ мартѣ 1903 года, черезъ *двадцать два года* послѣ учрежденія редакціонной коммиссіи, получилъ Высочайшее утвержденіе. Опредѣленнаго срока для введенія его въ дѣйствіе назначено не было, да и не могло быть назначено, потому что не были своевременно приняты необходимыя для того подготовительныя мѣры (напр. устройство исправительныхъ домовъ). Были назначены новыя коммиссіи, работа которыхъ, повидимому, не закончена и по настоящее время. Лѣтомъ 1904 года дѣйствію уложенія подчинены дѣла о государственныхъ преступленіяхъ. Позднѣйшія уголовныя новеллы, довольно многочисленныя и далеко не маловажныя, пріурочиваются отчасти къ старому, отчасти къ новому уложенію. Отсюда цѣлый рядъ вопіющихъ аномалій, ярко освѣщенныхъ въ прекрасной статьѣ В. Д. Набокова: „Современное положеніе нашего уголовнаго законодательства" („Право", № 30). Теперь, по справедливому замѣчанію В. Д. Набокова, „уже невозможно введеніе въ дѣйствіе уголовнаго уложенія иначе, какъ въ порядкѣ законодательномъ, ибо подлежитъ введенію не уложеніе, утвержденное 22-го марта 1903 года, а новый кодексъ, значительно измѣненный". Старый порядокъ, такимъ образомъ, и въ этой области оставилъ наслѣдство запутанное, обремененное долгами. Государственная Дума имѣетъ передъ собою, по его винѣ, два уголовныхъ кодекса; къ числу ея задачъ, безъ того крайне трудныхъ и сложныхъ, присоединяется еще одна, завѣщанная ей медлительностью и несовершенствомъ отжившаго законодательнаго механизма. Позволительно ли, затѣмъ, упрекать Государственную Думу за незначительность результатовъ, достигнутыхъ ею въ теченіе полугодовой, прерванной по срединѣ работы? Позволительно ли удивляться, что въ этотъ короткій срокъ думскія коммиссіи, встрѣчавшія на своемъ пути препятствія всякаго рода, не закончили, большею частью, своихъ трудовъ? Гораздо удивительнѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ — напримѣръ коммиссія о мѣстномъ судѣ — успѣшно справились съ своимъ дѣломъ. Она существовала всего три мѣсяца—а коммиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ, учрежденная при министерствѣ юстиціи въ 1894 г.,

[1]) Приведемъ, для сравненія, слѣдующій фактъ. Сѣверо-германскій союзъ былъ основанъ въ 1867 г., а къ 1870-му году было уже готово уголовное уложеніе союза, настолько удовлетворительное, что оно почти безъ измѣненій стало уложеніемъ Германской имперіи.

работала болѣе пяти лѣтъ, ничего, въ концѣ концовъ, не сдѣлавъ для улучшенія нашего судоустройства и судопроизводства.

Въ нашемъ судебномъ мірѣ хорошо извѣстно имя скончавшагося на дняхъ Валеріана Александровича Половцова, хотя онъ давно уже не игралъ въ немъ дѣятельной роли. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, въ которыхъ всего полнѣе воплотились лучшіе завѣты судебной реформы. Когда, въ 1866 г., въ петербургскомъ судебномъ округѣ были введены въ дѣйствіе уставы 20-го ноября, В. А. былъ назначенъ товарищемъ прокурора с.-петербургской судебной палаты. На немъ лежала почти вся тяжесть работы, которую нужно было организовать и направить на новый путь. Онъ постоянно давалъ заключенія въ гражданскомъ департаментѣ палаты, показывая своимъ примѣромъ, что эта сторона прокурорской дѣятельности, многимъ казавшаяся излишней или чисто-формальной, можетъ имѣть серьезное значеніе. Въ уголовномъ департаментѣ палаты, дѣйствующемъ въ качествѣ обвинительной камеры, онъ много способствовалъ правильному направленію дѣлъ, поступавшихъ отъ прокурорскаго надзора окружнаго суда. Нужно было установить демаркаціонную линію между обвиненіями достаточно и недостаточно мотивированными, чтобы избѣжать, съ одной стороны, преданія суду по шаткимъ, сомнительнымъ уликамъ, съ другой—прекращенія преслѣдованій, основательность которыхъ могла обнаружиться именно на судѣ. Къ этому постоянно и успѣшно стремился В. А., тщательно провѣряя выводы молодыхъ обвинителей. Его руководству охотно подчинялись, его мнѣніемъ дорожили даже такіе люди, какъ А. Ѳ. Кони, начинавшій тогда свою блестящую дѣятельность. Назначенный, въ 1870 году, прокуроромъ с.-петербургской палаты, В. А. получилъ возможность еще прочнѣе установить пріемы, которые считалъ единственными подходящими для обновленной прокуратуры. Выступая обвинителемъ, онъ умѣлъ сохранять, насколько это было возможно, чисто судейское спокойствіе и безпристрастіе. Образцовыми, съ этой точки зрѣнія, были рѣчи, произнесенныя имъ въ 1871 г., по первымъ тремъ категоріямъ такъ называемаго нечаевскаго процесса. Основанныя на самомъ внимательномъ, детальномъ изученіи дѣла, онѣ были чужды всякаго задора, всякаго желанія обвинить во что бы то ни стало. Ровной, мягкой ихъ формѣ соотвѣтствовало содержаніе. Иногда прокуроръ превращался въ защитника, прямо признавая права подсудимаго на полное снисхожденіе. Когда результатъ нечаевскаго процесса не оправдалъ ожиданій администраціи, это было поставлено въ вину не столько судьямъ, сколько обвинителю. Неудовольствіе возрасло еще больше, когда новый порядокъ, установлен-

ный—именно подъ вліяніемъ нечаевскаго дѣла—для разслѣдованія политическихъ процессовъ не нашелъ въ прокурорѣ палаты особаго сочувствія и усердной поддержки. Твердость В. А. Половцова не могла нравиться третьему отдѣленію, безпрестанно соприкасавшемуся съ прокурорскимъ надзоромъ. Не была она по сердцу и высшимъ чинамъ министерства юстиціи. Нужно было устранить человѣка, мѣшавшаго или, по меньшей мѣрѣ, не помогавшаго новымъ теченіямъ. В. А., помимо его желанія, былъ перемѣщенъ, въ 1873 г., на должность предсѣдателя гражданскаго департамента судебной палаты. Что это была опала—доказательствомъ тому послужили немилостивыя слова, которыя пришлось выслушать новому предсѣдателю. Вынужденныя занятія не удовлетворяли В. А. Половцова: онъ оставилъ судебное вѣдомство и посвятилъ себя всецѣло дѣятельности въ акціонерныхъ обществахъ. Съ 1874 г. онъ предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Когда, въ эпоху диктатуры сердца, повѣяло ненадолго другимъ духомъ, Д. Н. Набокову удалось провести назначеніе В. А. Половцова сенаторомъ и управляющимъ межевою частью. Онъ принялся за дѣло съ обычнымъ рвеніемъ, но не могъ отказаться отъ работы въ обществѣ, съ которымъ сроднился, и послѣ изданія правилъ о совмѣстительствѣ оставилъ государственную службу. И въ главномъ обществѣ, до самаго его упраздненія, и въ другихъ, ставившихъ его у себя на первое мѣсто, онъ работалъ неутомимо, во все входя, все зная, всегда участливый къ чужимъ нуждамъ и чужому горю. Вездѣ онъ оставилъ лучшую память, вездѣ пріобрѣлъ преданныхъ друзей; но только тотъ, кто стоялъ къ нему близко—какъ пишущій эти строки—цѣлые полвѣка, знаетъ, сколько въ немъ было доброты, ясности пониманія, любви къ правдѣ. Трудоспособность его была по истинѣ изумительна—и можно только пожалѣть, что ему не было дано посвятить ее всецѣло тому дѣлу, къ которому онъ готовился и въ служеніи которому провелъ свои лучшіе годы. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ отбрасывалъ старый русскій государственный механизмъ, какъ матеріалъ недостаточно податливый, недостаточно гибкій — отбрасывалъ ко вреду для Россіи и, въ концѣ концовъ, для самого себя.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1907.

I.

— Н. Котляревскій. Старинные портреты. С.-пб., 1907. Стр. 457.

Книга г. Котляревскаго—одна изъ самыхъ красивыхъ книгъ, вышедшихъ у насъ въ послѣднее время. Въ ней все красиво: заглавіе, языкъ, сюжеты, мысли и настроенія. Милой задушевностью вѣетъ съ ея страницъ; ея тихая вдумчивость, мягкость и благородство ея тона, не нарушаемаго ни однимъ рѣзкимъ звукомъ, подкупаютъ и покоряютъ читателя. Она—какъ часовня въ лѣсу, далекая отъ нестройнаго шума жизни, полная тишины и поэтической грусти. Есть красота и есть красивость; книга г. Котляревскаго—лучшій образчикъ красиваго въ литературѣ. Можно многое возразить противъ манеры, въ которой написаны эти характеристики; можно спросить, достигаютъ ли онѣ той цѣли, которую ставилъ себѣ авторъ, т.-е. воспроизводятъ ли духовную сущность изображаемыхъ лицъ во всей ея полнотѣ и своеобразности, но нельзя отрицать, что въ мягкомъ обаяніи этой манеры есть своя сила, и что, быть можетъ, не достигая своей прямой цѣли, книга, тѣмъ не менѣе, даетъ нѣчто цѣнное, эстетически-заразительное. Въ литературѣ шаблоновъ нѣтъ; личность автора сама творитъ свою форму, и если эта личность цѣльна и интересна, если она умѣетъ сполна высказываться, мы должны съ благодарностью принимать ея даръ, какова бы ни была форма. И если мы хотимъ въ дальнѣйшемъ характеризовать манеру г. Котляревскаго, то отнюдь не въ осужденіе книги, а только съ цѣлью указать ея особенности.

Въ этой книгѣ,—если не считать приложенныхъ въ концѣ „Воспоминаній о В. П. Преображенскомъ,—шесть „портретовъ“: Баратынскій, Веневитиновъ, В. Ѳ. Одоевскій, Бѣлинскій, Тургеневъ какъ дра-

матургъ и А. Толстой. Это не біографіи, хотя авторъ, гдѣ ему нужно, пользуется и біографическимъ матеріаломъ, и не историко-литературныя изслѣдованія, хотя историческому элементу авторъ отводитъ большое мѣсто. Это философски-эстетическія характеристики, гдѣ центръ тяжести лежитъ въ анализѣ того слитнаго цѣлаго, которымъ является духъ и творчество всякаго поэта. Въ этомъ отношеніи надо отдать справедливость г. Котляревскому: онъ никогда не упускаетъ изъ виду сущности дѣла, не даетъ себя увлечь ни соблазну психологическихъ тонкостей, ни колоритности фактическаго матеріала, и отовсюду беретъ лишь то, что̀ можетъ служить выясненію общаго облика изображаемаго писателя. Это придаетъ большую законченность его характеристикамъ; въ нихъ дѣйствительно нѣтъ ничего лишняго.

Есть въ сущности только два способа изучить личность и творчество художника. Можно, игнорируя біографію и его историческія условія, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ, принять его психику и его произведенія за нѣчто данное, законченное въ себѣ, какъ живой организмъ, и изучать его внутреннее строеніе и развитіе безотносительно къ внѣшнимъ силамъ, воздѣйствовавшимъ на него. Это будетъ анализъ психологическій, эстетическій и т. п. Или можно, напротивъ, сосредоточить свое вниманіе какъ разъ на процессѣ сформированія данной личности, т.-е. на томъ взаимодѣйствіи внутреннихъ и внѣшнихъ силъ— личныхъ свойствъ, съ одной стороны, историческихъ и біографическихъ условій—съ другой,—результатомъ котораго и явился данный складъ личности и творчества. Обыкновенно историко-литературное изслѣдованіе совмѣщаетъ оба способа, и это дѣйствительно представляетъ большія удобства. Историческій методъ не только вноситъ значительную ясность въ картину явленія, но сплошь и рядомъ даетъ возможность подмѣтить въ немъ такія черты, которыя иначе остались бы скрытыми.

Теоретически и г. Котляревскій, повидимому, отдаетъ преимущество этому двойственному методу. Въ началѣ своей статьи о поэзіи А. Толстого онъ такимъ образомъ опредѣляетъ задачу изслѣдованія: „Поэзія Толстого озаряется совсѣмъ особымъ свѣтомъ, если взять ее какъ цѣлое, какъ поэтическое воплощеніе оригинальнаго міросозерцанія, этическаго и эстетическаго, и если къ тому же вдвинуть ее въ историческую рамку, т.-е. оцѣнить ее какъ живую силу, дѣйствовавшую въ опредѣленный и притомъ весьма важный моментъ нашей общественной жизни“. Приблизительно такъ же авторъ опредѣляетъ планъ и всѣхъ другихъ своихъ характеристикъ: вездѣ онъ, наряду съ анализомъ философскимъ, психологическимъ и эстетическимъ, выдвигаетъ, какъ важное подспорье, уясненіе историческихъ условій.

Но достаточно прочитать хотя бы только одинъ изъ его очерковъ,

чтобы замѣтить, какъ неравномѣрно распредѣляется его интересъ между этими двумя частями его задачи. Въ то время, какъ эстетико-психологическій анализъ развертывается у него послѣдовательно вширь и вглубь, стремясь охватить всю полноту явленія,—историческое освѣщеніе сводится обыкновенно къ простому, почти механическому констатированію извѣстныхъ фактовъ или отношеній. Оно свидѣтельствуетъ о большой освѣдомленности автора, даетъ иногда цѣнныя обобщенія,—но оно только сопровождаетъ анализъ, въ лучшихъ случаяхъ лишь поверхностно переплетаясь съ нимъ. Интересы автора—явно не въ этой области: они всецѣло сосредоточены на изученіи психологическихъ основъ личности и ея художественнаго творчества.

Въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ первый очеркъ г. Котляревскаго—„портретъ“ Баратынскаго. Судя по вводнымъ строкамъ, авторъ имѣлъ въ виду дать историко-психологическую картину. Онъ говоритъ о томъ переломѣ, который совершился въ умственной жизни нашего общества съ конца тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка, когда на смѣну поколѣнію двадцатыхъ годовъ стали выдвигаться новые люди, съ иными вкусами, и когда немногіе уцѣлѣвшіе изъ Пушкинской плеяды, грустно сиротѣя, допѣвали свои послѣднія пѣсни; въ этихъ пѣсняхъ они—кто съ гнѣвомъ, кто съ горечью—воспѣвали закатъ своего поколѣнія, произносили надъ собой надгробное слово: „самыя художественныя пѣсни Баратынскаго были такимъ похороннымъ пѣньемъ, и въ этомъ ихъ историческое значеніе“.

Опредѣливъ такъ свою тему, авторъ, казалось бы, долженъ былъ затѣмъ показать намъ, прежде всего, именно внутреннюю неизбѣжность конфликта; онъ долженъ былъ, оставаясь на исторической почвѣ, нарисовать обликъ Баратынскаго не какъ поэта вообще, а какъ представителя Пушкинскаго поколѣнія, и съ другой стороны—показать намъ, что̀ новаго принесли съ собою новые люди, откуда эта горечь и гнѣвъ Пушкинскихъ эпигоновъ и, въ частности, Баратынскаго. Тогда мы получили бы настоящую историческую картину, въ которой личность и творчество Баратынскаго освѣщали бы цѣлую эпоху общественнаго развитія и въ свою очередь освѣщались бы ею. Но этого въ статьѣ г. Котляревскаго нѣтъ. Мы находимъ въ ней очень цѣнный психологическій разборъ поэзіи Баратынскаго въ связи съ внѣшними фактами его жизни, видимъ своеобразіе его личности и творчества, но не видимъ его типичности, и въ концѣ концовъ на основаніи этого анализа имѣли бы полное право заключить, что по основнымъ своимъ свойствамъ Баратынскій совершенно мыслимъ и внѣ Россіи двадцатыхъ—сороковыхъ годовъ со своей грустью, чувствомъ безцѣльности бытія и даже враждой къ наукѣ. Но это не такъ: Баратынскій дѣйствительно при всей своей глубинѣ—плоть отъ плоти нашихъ двадцатыхъ—

сороковыхъ годовъ, и именно это хотѣлъ показать г. Котляревскій. Дѣло объясняется просто тѣмъ, что общечеловѣческіе элементы поэзіи Баратынскаго ощущаются нашимъ авторомъ несравненно сильнѣе, чѣмъ ея историческій смыслъ, который поэтому и остается въ тѣни. Авторъ превосходно обрисовалъ, такъ сказать, въ разрѣзѣ, ту своеобразную смѣсь молодого ликованія съ неопредѣленной философской грустью, которая такъ характерна для нашей поэзіи двадцатыхъ годовъ; но онъ ничего не говоритъ намъ о томъ, какъ родилось это настроеніе, почему это поколѣніе стало такимъ, какимъ было, а поэтому и оно, и вмѣстѣ съ нимъ Баратынскій кажутся висящими въ воздухѣ, безъ корней, уходящихъ въ родную почву. Когда мы читаемъ у Баратынскаго:

Чтò въ славѣ!? чтò въ молвѣ!?—на время жизнь дана!

и когда мы узнаемъ, что эти слова поэтъ и его сверстники твердили за полной чашей, то для насъ ясна типичность этихъ размышленій; но почему же веселье пира омрачалось для этихъ юношей мыслями о скоротечности счастія и о безцѣльности бытія, и они „*весело* въ струяхъ блестящаго вина *забвенье* сладостное пили“? Баратынскій по свойствамъ своего ума и чувства (грусть и философское углубленіе) безъ сомнѣнія имѣлъ всѣ данныя, чтобы стать выразителемъ именно такого міровоззрѣнія; но если онъ дѣйствительно сталъ имъ, а не остался одинокимъ голосомъ въ пустынѣ, то потому, что таково было его поколѣніе; слѣдовательно, онъ неотдѣлимъ отъ послѣдняго и безъ него не можетъ быть понятъ. А г. Котляревскій не ввелъ насъ въ психологію этого поколѣнія, а только слегка намѣтилъ ея внѣшнія черты. И еще меньше сдѣлалъ онъ для историческаго уясненія второй половины дѣятельности Баратынскаго — его столкновенія съ новыми вѣяніями. Слишкомъ поверхностны и общи тѣ немногія строки (на стр. 57-ой), въ которыхъ онъ характеризуетъ противоположность между новымъ и старымъ, и оттого цитируемыя имъ дальше жалобы Баратынскаго остаются только цитатами, не расчленяясь и не осмысливаясь въ своей исторической многозначительности.

Сказанное приложимо и ко всѣмъ остальнымъ очеркамъ г. Котляревскаго. Всюду тема поставлена исторически, и всюду историческій элементъ остается только рамкой, т.-е. болѣе или менѣе формальнымъ придаткомъ. Характеризуетъ ли онъ Тургенева, какъ драматурга, — мы узнаемъ, *какова* была русская драма до Тургенева, но получаемъ только самыя общія, и очень недостаточныя, свѣдѣнія о томъ, почему появленіе новой драмы стало у насъ, какъ разъ въ ту пору, исторической необходимостью. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ ставится такъ: почему, при неоспоримой типичности и разнообразіи русской жизни, наша до-Турге-

невская сцена была такъ бѣдна яркими типами? На это авторъ отвѣчаетъ: „Для созданія живой драмы и истинной комедіи нравовъ... необходимо, чтобы жизнь сама по себѣ, какъ таковая, независимо отъ взглядовъ писателя на искусство, стала предметомъ его глубокаго интереса. Нужно, чтобы художникъ детально зналъ жизнь и любилъ ее какъ таковую",—и онъ поясняетъ, что наши художники только съ конца сороковыхъ годовъ научились цѣнить и изслѣдовать русскую народную жизнь. Но это объясненіе слишкомъ широко, чтобы что̀-нибудь объяснить: таково условіе развитія всякой литературы. Намъ нужно было бы узнать, *почему* наши художники въ концѣ сороковыхъ годовъ вышли на эту дорогу; намъ нужно было бы далѣе узнать, *какъ* они понимали народную жизнь и что̀ знали изъ нея; оба эти вопроса неразрывно связаны, потому что причиною интереса опредѣлялось и его направленіе, т.-е. характеръ тогдашняго изученія народной жизни; и въ заключеніе у насъ оставался бы еще спеціальный вопросъ — о проявленіи этого интереса именно въ драмѣ. Только такой анализъ могъ бы намъ объяснить и особенности Тургеневскихъ драмъ, и самый фактъ ихъ появленія и успѣха.

Точно также и обширный очеркъ о Бѣлинскомъ, несмотря на чисто-историческую постановку темы (стр. 158—160), даетъ прекрасный анализъ внутренняго развитія Бѣлинскаго, въ историческихъ же своихъ частяхъ не идетъ дальше указаній на аналогичныя теченія общественной мысли. Историческая необходимость этихъ теченій, ихъ соціальные и психологическіе источники не вскрываются передъ читателемъ, а безъ этого и весь Бѣлинскій является какъ бы отрѣзаннымъ отъ корня. Констатировать романтическое направленіе въ русской литературѣ не значитъ ввести въ его пониманіе; указаніе на романтическій характеръ нѣмецкой философіи двадцатыхъ—тридцатыхъ годовъ очень мало объясняетъ въ томъ фактѣ, что для Бѣлинскаго и его друзей „усвоеніе, уясненіе и распространеніе нѣмецкаго идеализма въ русскомъ обществѣ стало дѣломъ жизни", и т. д. Въ статьѣ о Веневитиновѣ г. Котляревскій прекрасно выясняетъ взгляды нашихъ поэтовъ и писателей—отъ Карамзина и кончая Пушкинымъ—на призваніе поэта; но это опять-таки рядъ наблюденій, эволюція же явленія не обнаружена, причины этой эволюціи не указаны даже намекомъ. Но всего любопытнѣе, мы сказали бы — доказательнѣе, тѣ страницы книги, которыя трактуютъ о романтизмѣ. Къ этому предмету г. Котляревскій возвращается безпрестанно; это объясняется отчасти тѣмъ, что большинство его очерковъ посвящено писателямъ, такъ или иначе примыкавшимъ къ романтизму. Казалось бы, выясненіе историческихъ основъ и историческихъ же особенностей того романтизма, который въ началѣ прошлаго вѣка покорилъ себѣ и западную,

и русскую литературу, должно было составлять его прямой интересъ. И дѣйствительно, онъ каждый разъ пытается это сдѣлать, но послѣ первыхъ общихъ указаній рѣчь его тотчасъ сбивается на анализъ эмоціональной природы романтизма, который въ этомъ смыслѣ вѣченъ, надъ-историченъ, и въ итогѣ мы все-таки не узнаѐмъ, что̀ представлялъ собою именно романтизмъ двадцатыхъ годовъ. Зато общечеловѣческая сторона романтизма освѣщена отлично, и потому очеркъ г. Котляревскаго о поэзіи А. Толстого, въ которой какъ разъ этотъ элементъ первенствуетъ, является, на нашъ взглядъ, лучшей статьей сборника.

Мы съ умысломъ подчеркнули отношеніе г. Котляревскаго къ романтизму. Онъ самъ романтикъ, и оттого онъ не историкъ. Вѣчный романтизмъ человѣческаго духа ему всего ближе,—этимъ объясняется и выборъ его темъ, и ихъ обработка. Этой преобладающей его наклонности соотвѣтствуетъ и характеръ его письма, въ которомъ много задушевности, много поэзіи сердца, но мало отчетливости и рельефности. По неуловимости контуровъ и нѣжности тоновъ его портреты можно назвать пастэлями.

II.

— Литературно-художественные альманахи издательства „Шиповникъ". Книга вторая. Спб. 1907. 284 стр.

Первое мѣсто въ этомъ сборникѣ занимаетъ обширный разсказъ В. Муйжеля, до крайности тусклый и тяжеловѣсный, по манерѣ и языку—аляповатое подражаніе бытовымъ картинамъ у Л. Андреева, но любопытный, какъ добросовѣстно написанная этнографическая картина. Изображается артель мужиковъ, дренирующая болото въ лѣсу подъ желѣзнодорожный путь; изображается ихъ тяжкій трудъ и вся ихъ безпросвѣтная жизнь въ вѣчной нуждѣ, въ грязи и пьянствѣ,—жизнь страшная, какъ кошмаръ, русская мужицкая жизнь, не имѣющая себѣ подобія во всемъ цивилизованномъ мірѣ. За очеркомъ г. Муйжеля слѣдуютъ три небольшихъ разсказа изъ нашей интеллигентной жизни, и потомъ съ десятокъ стихотвореній. Составители альманаха навѣрное не разсчитывали на то впечатлѣніе, которое производитъ этотъ подборъ матеріала. Но, рядомъ со страшными *героями* г. Муйжеля, *авторы* этихъ разсказовъ и стиховъ—это такой эффектъ контраста, который поражаетъ несравненно сильнѣе, нежели содержаніе самихъ произведеній.

Вотъ разсказъ и стихи г. Бунина. Разсказъ (воспоминаніе о дѣтскихъ дняхъ) проникнутъ какой-то вялой и незаразительной грустью и крайне манеренъ по исполненію; стихи холодны, лишены лиризма,

но красивы, особенно тамъ, гдѣ весь смыслъ пьесы — въ описаніи: такъ четко рисовать детали стихомъ, какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ „Проводахъ", умѣетъ у насъ только г. Бунинъ. А. Койранскій изображаетъ тоску одиночества, Б. Зайцевъ—упоеніе мая, С. Городецкій поетъ гимнъ Руси, А. Блокъ воспѣваетъ свою „снѣжную" любовь; и во всемъ этомъ столько призрачнаго и равнодушнаго, и такой манерностью вѣетъ отъ этихъ пьесъ, что съ невольнымъ ужасомъ возвращаешься мыслью къ мужикамъ г. Муйжеля: неужели всѣ эти Липатовы, Стригуновы и пр. и гг. Бунинъ, Блокъ, Городецкій — дѣти одной матери Россіи и современники? Между ними бездна десяти вѣковъ,—какъ же они могутъ ужиться рядомъ, возможенъ ли такой укладъ жизни, при которомъ и тѣмъ, и другимъ было бы сносно жить?

Это старый вопросъ, но онъ такъ остеръ, особенно сейчасъ, когда начата перестройка общаго жилища, что каждый разъ поражаетъ умъ, какъ что-то новое. И точно въ отвѣтъ на него составители сборника отвели вторую половину книги подъ пьесу французскаго автора, Сентъ-Жоржъ де-Буэлье, „Король безъ вѣнца". Это замѣчательное произведеніе заслуживаетъ того, чтобы остановиться на немъ подробнѣе.

Мы не будемъ говорить о художественныхъ достоинствахъ пьесы. Ее писалъ настоящій художникъ, со всей искренностью и силой большого дарованія и горячаго сердца; послѣ „Ткачей" Гауптмана это, безъ сомнѣнія, лучшая соціальная драма, какую мы знаемъ. Въ своей художественной полнотѣ и сложности она обнимаетъ, разумѣется, безконечно больше, чѣмъ та ея идея, которую можно выразить въ логическихъ терминахъ; но насъ интересуетъ сейчасъ именно эта идея, такъ кстати завершающая содержаніе сборника.

Центральная фигура пьесы — Черный, вождь забастовщиковъ въ каменоломнѣ подъ Парижемъ. Одушевленный мечтой о равенствѣ и братствѣ, онъ пришелъ къ обездоленнымъ и ожесточеннымъ нуждою каменоломамъ, и своими пламенными рѣчами увлекъ ихъ за собою на борьбу за свободу человѣка. Но они поняли его по-своему. Онъ звалъ ихъ созидать и говорилъ имъ, что созидать можетъ только духовная сила, а они услыхали въ его рѣчахъ только призывъ къ разрушенію и мести. Онъ говорилъ имъ: „Вы съ вашими мирными инструментами—хозяева міра... Если вамъ кажется, что въ какомъ-нибудь зданіи живетъ зло, предоставьте этому зданію распасться на куски... Оно само рушится. Пусть никто изъ васъ не добываетъ камней и не участвуетъ въ постройкѣ зáмковъ, казармъ и тюремъ... но не дѣлайте ни одного движенія, вызваннаго гнѣвомъ. На землѣ все исчезаетъ только само собой, только подточенное собственнымъ гніеніемъ". Онъ говорилъ имущимъ: „Ты живешь рабомъ, рабомъ твоей должности, твоей земли, твоего имущества, твоихъ денегъ... ты болѣе порабо-

щепъ, чѣмъ всѣ отягченные трудомъ... Горе имущимъ!.. Кто строитъ себѣ домъ, строитъ свою тюрьму, роетъ себѣ могилу, воздвигаетъ военную крѣпость. Когда ты покупаешь кусокъ земли, ты уже закапываешь себя въ могилу. Проявлять власть, значитъ уйти отъ чистой жизни и стать чужимъ даже для своего лучшаго друга. Единственное благое состояніе — ничего не имѣть. Богатство души — единственная цѣль, достойная человѣка. Не желайте ничего иного и глядите беззаботно на будущее. Будьте сами для себя своимъ достояніемъ, своимъ знаменемъ, своимъ престоломъ". И всѣмъ вмѣстѣ онъ говорилъ: „Внимайте только голосу любви. Любовь да будетъ вашей единой цѣлью".

Но изъ этихъ словъ любви темная толпа, ожесточенная своими вѣковыми страданіями, поняла лишь то, что было ей подъ силу понять, и она пошла передѣлывать жизнь по-своему, матеріальнымъ разрушеніемъ и насиліемъ. Возбужденная толпа взрываетъ церковь; для нея церковь—только даромъ пустующее богатое зданіе, служащее къ тому же цѣлямъ ненавистной кучки угнетателей. Напрасно Черный указываетъ на то, что есть что-то прекрасное въ храмахъ, предназначенныхъ служить кровомъ только для мечты, убѣжищемъ для разбитыхъ сердецъ: его не слушаютъ, дѣло совершается и влечетъ за собою весь рядъ своихъ неизбѣжныхъ послѣдствій. И въ результатѣ Черный не только гибнетъ самъ и губитъ вмѣстѣ съ собою немногихъ своихъ вѣрныхъ послѣдователей, но еще осужденъ видѣть передъ казнью, какое страшное зло онъ сдѣлалъ своей проповѣдью бѣднымъ каменоломамъ, утратившимъ и тѣ жалкія опоры, которыми до него держалось ихъ существованіе: работу и безопасность. Свѣтлая мечта стала разрушительной силой при первой попыткѣ воплощенія. Пьеса кончается ужасной картиной ослѣпленія и смерти Нелли, чистѣйшей провозвѣстницы грядущаго царства любви... Казалось бы, итогъ безнадежный, ибо что можетъ быть страшнѣе той трагедіи идеализма, которая здѣсь изображена?—Но читатель закрываетъ книгу съ просвѣтленнымъ чувствомъ. Пусть временно гибнетъ мечта, пусть она вовлекаетъ въ свою гибель все, до чего она коснулась,—она носитъ свое освященіе въ самой себѣ, въ той лучезарной красотѣ, которою она облекаетъ своихъ носителей. Они сами—Черный, Нелли, Марія—такъ прекрасны и святы въ своемъ высокомъ стремленіи и своемъ подвигѣ, что все остальное содержаніе картины—ожесточеніе толпы, насилія, безумства, казни—разсѣивается какъ прахъ, меркнетъ, какъ все случайное; стоитъ незыблемо среди этого хаоса случайностей только дивный идеализмъ человѣческаго духа, эта твердая вѣра въ грядущее царство правды и любви и готовность отдать себя за его воцареніе. Этотъ дѣятельный идеализмъ—примиритель; онъ подаетъ руку съ одной стороны матеріальнымъ страданіямъ человѣчества, съ

другой—его высшимъ духовнымъ запросамъ; въ немъ—синтезъ и рѣшеніе вопроса. Быть можетъ, онъ безсиленъ въ чистомъ своемъ видѣ пересоздать жизнь, и ему нужно для этого сочетаться съ грубыми силами міра сего, сообразно двойственной природѣ человѣка. Это—вопросъ немаловажный, но вопросъ средствъ; направленіе же пути указываетъ только онъ, и внѣ его нѣтъ правды. Только онъ можетъ вывести на истинно-человѣчный путь и мужиковъ г. Муйжеля, и тѣхъ, кто поетъ манерные гимны Руси.

III.

— Петрашевцы. (Политическіе процессы Николаевской эпохи). Изд. В. М. Саблина. Москва. 1907. 160 стр.

Въ этой книгѣ собраны оффиціальные матеріалы о дѣлѣ петрашевцевъ—записка Липранди, докладъ генералъ-аудиторіата, записка о дѣйствіяхъ секретной слѣдственной коммиссіи, и пр., далѣе—обширное письменное показаніе Достоевскаго, нѣкоторые отрывки изъ мемуаровъ, относящіеся къ тому же дѣлу, и рядъ другихъ документовъ и выписокъ, болѣе или менѣе интересныхъ, но выбранныхъ безъ всякаго плана и во всякомъ случаѣ очень далекихъ отъ полноты. При скудости нашихъ свѣдѣній о петрашевцахъ и такой сводъ оффиціальныхъ матеріаловъ не лишенъ значенія, но, надо признаться, мы предпочли бы ему сводъ всѣхъ литературныхъ данныхъ, потому что первый знакомитъ насъ не столько съ сущностью движенія петрашевцевъ, сколько съ отношеніемъ къ нему властей; второй же раскрылъ бы передъ нами, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени, характеръ движенія и психологію его участниковъ, что̀, разумѣется, несравненно интереснѣе и важнѣе. И въ этой книгѣ, наполненной безконечными повтореніями однихъ и тѣхъ же грубыхъ свѣдѣній, добытыхъ невѣжественными агентами, и плоскихъ соображеній, рожденныхъ въ умѣ господъ вродѣ Липранди и др., живое вниманіе привлекаютъ не эти изъявленія канцелярскаго усердія, а тѣ трепещущія жизнью страницы, которыя писаны самими обвиняемыми и которыя въ видѣ уликъ цитируются слѣдователями. Эти драгоцѣнныя выдержки, да тексты прокламацій, да показанія подсудимыхъ (и самое ихъ поведеніе во время слѣдствія) даютъ возможность хотя несовершенно представить себѣ общественно-психологическій типъ петрашевцевъ.

В. И. Семевскій, въ своемъ извѣстномъ очеркѣ „Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 1840-хъ годовъ“, остающемся донынѣ лучшей работой о дѣлѣ Петрашевскаго, проводитъ внѣшнюю параллель между движеніемъ петрашевцевъ и движеніемъ декабри-

стовъ. Безъ сомнѣнія, болѣе демократическій составъ кружка и преобладаніе въ немъ лицъ интеллигентныхъ профессій очень характерны, такъ какъ свидѣтельствуютъ о перемѣщеніи центра умственной жизни въ обществѣ, но неизмѣримо важнѣе другое различіе, касающееся самаго содержанія и строя этой умственной жизни. Было бы въ высшей степени поучительно сопоставить эти два идейныхъ движенія въ цѣломъ и въ подробностяхъ, начиная съ ихъ общей психологической основы и кончая выработанными въ нихъ положительными требованіями соціальными, политическими и пр.; такая работа сама по себѣ уяснила бы многое въ эволюціи нашего общества, именно въ *направленіи*, по которому, вся въ цѣломъ, со всѣмъ арсеналомъ своихъ интересовъ и пожеланій, передвигалась наша общественная мысль. Но основныя черты различія видны даже при поверхностномъ сличеніи, и первѣйшая изъ нихъ—самый объемъ идеала.

Декабристы—за немногими исключеніями—были люди трезвые, положительные, съ умомъ, всецѣло направленнымъ на дѣйствительность; такой же положительный характеръ носилъ и ихъ идеалъ: онъ весь лежалъ въ плоскости общественнаго быта, соціально-политической дѣйствительности. Идеологическій элементъ въ ихъ движеніи былъ чрезвычайно слабъ; въ своихъ планахъ реформъ они исходили преимущественно отъ конкретныхъ западныхъ образцовъ, и немногія отвлеченныя начала, заимствованныя ими изъ „Деклараціи правъ" и западныхъ ученій о естественномъ правѣ, служили имъ больше какъ знамя, нежели какъ оружіе; источникомъ ихъ вдохновенія на дѣло и подвигъ были не эти отвлеченныя идеи, а частью знакомство съ западной дѣйствительностью, частью непосредственное чувство, на каждомъ шагу оскорбляемое созерцаніемъ родной дѣйствительности. Совсѣмъ другой характеръ носитъ движеніе петрашевцевъ. Изъ двухъ элементовъ, сочетающихся во всякомъ общественномъ движеніи, идеологія у нихъ безмѣрно преобладала надъ реальностью; они не исходили отъ какой-нибудь образцовой дѣйствительности и не соображали своихъ построеній съ наличными условіями русскаго быта: источникомъ ихъ вдохновенія и исходной точкой ихъ построеній служили нѣкоторыя отвлеченныя идеи, какъ извѣстно, заимствованныя ими изъ фурьеризма.

Отсюда, прежде всего, всеобъемлющій характеръ ихъ идеала. Они мечтали не о частичныхъ поправкахъ въ общественномъ строѣ, а о полномъ преобразованіи всей жизни, какъ оно обусловливалось ихъ новыми представленіями о природѣ человѣка и общества, и мечта ихъ касалась не одной Россіи, но всего человѣчества. Вся жизнь человѣка и все человѣчество — таковъ былъ объемъ ихъ идеала. На обѣдѣ въ день рожденія Фурье Д. Д. Ахшарумовъ говорилъ: „Раз-

рушить столицы, города, и всѣ матеріалы ихъ употребить для другихъ зданій, и всю эту жизнь мученій, бѣдствій, нищеты, стыда, срама превратить въ жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья, и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить въ цвѣтахъ—вотъ цѣль наша. Мы здѣсь, въ нашей странѣ, начнемъ преобразованіе, а кончитъ его вся земля. Скоро избавленъ будетъ родъ человѣческій отъ невыносимыхъ страданій". Другой петрашевецъ, Кашкинъ, говорилъ въ рѣчи, читанной на одномъ изъ собраній: „Истина ни въ слѣпой вѣрѣ, ни въ невѣріи, ни въ томъ, ни въ другомъ метафизическомъ ученіи, — истина въ природѣ. Въ ней высшій разумъ начерталъ волю свою, и изъ природы человѣкъ долженъ перенести ее въ свою жизнь, въ свое общественное устройство. Онъ научился открывать въ естественныхъ наукахъ законы природы,— остается примѣнить ихъ въ наукѣ общественной. И когда онъ это сдѣлаетъ, человѣчество будетъ имѣть законъ, счастье и совершенство; пока же онъ не осуществитъ воли высшаго начала, Творца своего, ясно начертанной въ великой книгѣ Природы, будетъ борьба, будетъ мракъ, будетъ несчастіе, царство лжи и зла".

Это была чистая утопія, прекрасная и неосуществимая мечта о свѣтлой, радостной, гармонической жизни, стройной и сознательной, и политика входила въ нее не какъ самостоятельный элементъ, а лишь постольку, поскольку политическія условія могли затруднять или облегчать осуществленіе этого всеобъемлющаго идеала. Критика петрашевцевъ, въ противоположность декабристамъ, касалась не отдѣльныхъ частей дѣйствительности, а самыхъ ея основъ, и оттого она была радикальна и революціонна по существу. У того же Ахшарумова при обыскѣ была найдена записная книга, гдѣ на первой страницѣ, въ видѣ перечня предметовъ, о которыхъ надо писать, было записано слѣдующее: „О невозможности улучшенія человѣчества доселѣ принятыми средствами: религіею и ею предписываемыми правилами, проповѣдями священниковъ, устройствомъ суда и законовъ, и о крайней необходимости измѣнить все, передѣлать во всѣхъ основаніяхъ общество и всю нашу глупую, безтолковую жизнь; объ уничтоженіи семейной жизни, труда, собственности въ такомъ видѣ, какъ они теперь... государства... законовъ, войны, войска, городовъ и столицъ..." Этотъ пересмотръ основъ быта былъ совершенно чуждъ декабристамъ, какъ чуждо имъ было и исканіе критеріевъ истины; истина была для нихъ нѣчто данное, они носили въ себѣ ея безсознательное мѣрило, тогда какъ петрашевцы въ безконечныхъ спорахъ о Богѣ и о природѣ человѣка страстно искали это мѣрило, искали его сознательно.

Такимъ образомъ, эти два движенія глубоко разнятся качественно,

и сопоставлять политическій элементъ, составлявшій и душу, и плоть движенія 1816—1825 гг., съ политическимъ элементомъ движенія петрашевцевъ, подчиненнымъ ихъ общей идеѣ и ею обусловленнымъ, можно только съ большой осторожностью. Разница такъ велика, что кажется почти непонятной. Но въ дѣйствительности не было никакого скачка. Между движеніемъ декабристовъ и движеніемъ петрашевцевъ въ умственной жизни русскаго общества лежитъ цѣлый періодъ развитія, далекій отъ положительнаго творчества и весь занятый идеологическими исканіями. Движеніе петрашевцевъ вытекло изъ фурьеризма, но если ученіе Фурье могло привиться на русской почвѣ, то только потому, что эта почва была подготовлена умственнымъ движеніемъ тридцатыхъ годовъ. Такъ называемые идеалисты тридцатыхъ годовъ—Станкевичъ и др.—не пошли по слѣдамъ декабристовъ, да это и было бы тогда безполезно; ихъ жизненное призваніе было иное: имъ суждено было подвергнуть пересмотру самый критерій истины, а вслѣдъ затѣмъ и основы жизни, личной и общественной. И они не только выработали первое русское сознательное міровоззрѣніе, но — что главное, они—направленіемъ своихъ исканій—вызвали наружу ту глубочайшую склонность къ идеологіи, которая до тѣхъ поръ дремала въ русскомъ обществѣ, а съ тѣхъ поръ является непрерывно его главнымъ отличіемъ. Они первые выставили всеобъемлющій идеалъ жизни радостной и прекрасной, они первые вывели это солнце на горизонтъ нашей общественной мысли,—съ тѣхъ поръ оно незакатно стоитъ надъ русской интеллигенціей. Отъ него заимствовала свой свѣтъ и тепло и получила свои краски наша художественная литература, и всѣ позднѣйшія движенія общественной мысли характеризовались неизмѣнно своимъ отношеніемъ къ этому всеобъемлющему идеалу. Безъ идеализма тридцатыхъ годовъ утопизмъ петрашевцевъ на русской почвѣ былъ бы немыслимъ. Эту преемственную связь хорошо понялъ Герценъ, сказавшій о петрашевцахъ: „Наслѣдники сильно возбужденной умственной дѣятельности сороковыхъ годовъ, они прямо изъ нѣмецкой философіи шли въ фалангу Фурье, въ послѣдователи Конта“. Прослѣдить эту связь детально будетъ благодарной задачей для историка.

IV.

— Д-ръ Н. Г. Котикъ. Эманація психофизической энергіи. Изд. В. М. Саблина. М. 1907.

Содержаніе этой книжки такъ поразительно, что еслибы не элементарная очевидность фактовъ, изложенныхъ въ ней,—его можно было бы принять за сказку. И какъ ни недостаточны эти факты для

обоснованія самоувѣренныхъ выводовъ автора, ихъ довольно, чтобы привлечь вниманіе науки къ неизвѣстному доселѣ ряду явленій и вызвать живой интересъ въ широкой публикѣ. Дѣло идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о доказательствѣ радіоактивной природы психическихъ процессовъ.

Исходной точкой для автора послужила новѣйшая психологическая теорія, согласно которой между такъ-называемыми „сознательными" и „безсознательными" психическими явленіями не существуетъ рѣзкой грани и которая поэтому замѣняетъ эти два термина—терминами „верхнее" и „нижнее" сознаніе. Въ нормальномъ состояніи верхнее и нижнее сознанія дѣйствуютъ совмѣстно, однимъ слитнымъ процессомъ, но при нѣкоторыхъ состояніяхъ нашей психики нижнее сознаніе проявляетъ себя независимо отъ верхняго, и тогда получаются акты автоматическіе. Къ этому ряду явленій принадлежитъ такъ-называемый графическій автоматизмъ, т.-е. автоматическое писаніе, широко практикуемое, напримѣръ, въ спиритизмѣ; его-то авторъ избралъ объектомъ своихъ наблюденій.

Ученые объясняютъ автоматическое писаніе у медіумическихъ субъектовъ проявленіемъ дѣятельности нижняго сознанія. Но извѣстно, что медіумы во время сеансовъ записываютъ иногда такія вещи, о которыхъ ихъ нижнее сознаніе не могло ничего знать. Это обстоятельство, въ связи съ наблюденіемъ, что медіумъ сообщаетъ только факты, извѣстные кому-либо изъ присутствующихъ на сеансѣ лицъ, навело автора на предположеніе, что знаніе о фактахъ какимъ-то способомъ переходитъ изъ сознанія присутствующихъ въ нижнее сознаніе медіума безъ посредства внѣшнихъ органовъ чувствъ.

Чтобы провѣрить эту догадку, авторъ произвелъ рядъ опытовъ надъ дѣвицей, обладающей способностью автоматическаго писанія. Оказалось, что медіумъ совершенно правильно записывалъ не только слова, задуманныя авторомъ, но и содержаніе иллюстрированныхъ открытыхъ писемъ, на которыхъ онъ во время сеанса сосредоточивалъ свое вниманіе. Характеръ ошибокъ, случавшихся при этомъ, указалъ на то, что преобладающую роль въ передачѣ играло, со стороны автора, нижнее сознаніе; это подтвердилось и тѣмъ, что для успѣха передачи ему не было надобности внимательно изучить открытку—достаточно было вглядѣться въ нее минуту,—а также тѣмъ, что передавались только общія черты картины и никакое волевое усиліе съ его стороны,—напримѣръ, сосредоточеніе вниманія на какой-нибудь детали картины,—не оказывало никакого дѣйствія: „передается только то, что моему нижнему сознанію больше говоритъ, чѣмъ верхнему".

Придя на основаніи этихъ опытовъ къ заключенію, что передача

представленій совершается посредствомъ какой-то психической энергіи, авторъ попытался достигнуть той же цѣли путемъ установленія между собою и медіумомъ матеріальнаго проводника, именно мѣдной палочки, и оказалось, что проводникъ чрезвычайно ускоряетъ передачу. При этомъ выяснилось еще одно поразительное явленіе. При опытахъ съ проводникомъ часто передавалось содержаніе не той открытки, которую авторъ избралъ для опыта, а какой-нибудь другой, на которую онъ мелькомъ взглянулъ передъ тѣмъ, когда перебиралъ принесенныя съ собою открытки съ цѣлью выбрать подходящую. Авторъ объяснилъ себѣ это тѣмъ, что при быстротѣ, съ которою дѣйствуетъ металлическій проводникъ, медіуму передавался *первый* психическій зарядъ экспериментатора; и дѣйствительно, говоритъ онъ, послѣ того, какъ онъ сталъ передъ опытомъ отводить въ землю эту случайно накопившуюся въ немъ энергію, прикасаясь рукою къ водопроводной трубѣ, ошибки больше не повторялись; отсюда онъ заключилъ, что „психическая энергія, возникающая въ нашемъ мозгу, можетъ скопляться на поверхности нашего тѣла (подобно тому, какъ электричество накопляется на конденсаторахъ) и покидаетъ его довольно медленно; если же соединить наше тѣло съ металлическимъ проводникомъ, то энергія быстро устремляется по немъ дальше и можетъ такимъ образомъ переходить къ другому лицу или въ землю".

Дальнѣйшій рядъ опытовъ, произведенный надъ тою же дѣвицей, имѣлъ своимъ предметомъ такъ-называемое ясновидѣніе, т.-е. чтеніе писемъ въ запечатанныхъ конвертахъ—явленіе, подлинность котораго неоднократно удостовѣрена наукой. Опыты эти привели къ неожиданнымъ результатамъ. Медіумъ не только въ большинствѣ случаевъ правильно передавалъ содержаніе картины, описанной въ запечатанномъ письмѣ, которое давалось ему въ руки, но часто сообщалъ детали, имѣвшія мѣсто въ дѣйствительности, но въ письмѣ не упомянутыя, передавалъ содержаніе въ дѣйствительномъ хронологическомъ порядкѣ и съ пережитыми въ дѣйствительности эмоціями, о которыхъ въ письмѣ не упоминалось. Это навело автора на мысль, что представленія запечатлѣваются на бумагѣ непосредственно, т.-е. помимо словесныхъ знаковъ. Для провѣрки этой гипотезы былъ произведенъ рядъ новыхъ опытовъ, уже съ пустыми бумажками, надъ которыми какое-нибудь третье лицо придумывало какую-нибудь картину, и опыты эти, по увѣренію автора, блестяще подтвердили его догадку. Еще большей ясности достигъ онъ, добившись правильной передачи картинъ, продуманныхъ надъ пустыми бумажками, путемъ металлической проволоки, одинъ конецъ которой бралъ въ руку медіумъ, а другой конецъ, въ сосѣдней комнатѣ, прикладывался къ „запечатлѣнному" листку.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ авторъ считаетъ себя въ правѣ

выставить слѣдующія положенія: мышленіе сопровождается выдѣленіемъ особой лучистой энергіи, обладающей психическими и физическими свойствами; ея психическія свойства заключаются въ томъ, что, попадая въ мозгъ другого лица, она вызываетъ въ немъ точно такія же представленія, какимъ сама обязана своимъ возникновеніемъ въ мозгу перваго лица; физическія ея свойства заключаются въ томъ, что она можетъ проходить въ тѣлѣ человѣка изъ мозга къ периферіи и обратно, скопляться въ тѣлѣ и на поверхности его, медленно проходитъ черезъ воздухъ, быстро пробѣгать по металлическому проводнику, переходить на бумагу и сохраняться въ ней, наконецъ переходить изъ тѣла, заряженнаго ею, въ тѣло незаряженное.

Въ заключеніе авторъ путемъ аналогіи пытается доказать тождество этого психофизическаго излученія съ такъ-называемой радіоактивной эманаціей, и высказываетъ нѣсколько не лишенныхъ интереса соображеній о томъ, какую громадную роль должна играть психическая эманація въ населенныхъ пунктахъ, гдѣ она выдѣляется въ громадномъ количествѣ и, такъ сказать, насыщаетъ всю атмосферу.

Выводы автора, при малочисленности произведенныхъ имъ опытовъ, безъ сомнѣнія чрезвычайно смѣлы и, можетъ быть, поспѣшны. Спеціальная критика, конечно, не замедлитъ произнести свой приговоръ, но, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать ни глубокаго интереса затронутыхъ здѣсь фактовъ, ни остроумія въ постановкѣ вопроса.

V.

— С. Рафаловичъ. Отвергнутый Донъ-Жуанъ. Драматическая трилогія въ стихахъ. Издат. „Шиповникъ“. С.-Пб. 1907. Стр. 112.

Въ обширномъ предисловіи, предпосланномъ трилогіи г. Рафаловича, З. А. Венгерова очень хорошо выяснила идею пьесы. Послѣдняя дѣлится на три части: „Жена“, „Инокиня“ и „Блудница“. Всѣ три женщины любятъ Донъ-Жуана, и всѣ три отвергаютъ его—одна ради вѣрности супружескому обѣту, другая—ради вѣрности монашескому обѣту, третья—ради чистоты своей любви. Такимъ образомъ, самоутвержденію свободы, олицетворенному въ Донъ-Жуанѣ, противопоставляется самоутвержденіе отреченія, столь же безусловное и свободное. Два вида свободы борются въ нашей душѣ; человѣкъ властенъ свободно отдаваться своему чувству, и властенъ добровольно наложить на себя запретъ,—и изъ этой двойственности человѣческой природы рождается понятіе грѣха.

Тема, здѣсь затронутая, безъ сомнѣнія интересна, и подъ перомъ поэта могла бы дать жизнь настоящему художественному произведе-

нію. Къ сожалѣнію, перо г. Рафаловича лишено этой магической силы; его трилогія—не что иное, какъ пьеса à thèse, произведеніе начитаннаго и набившаго руку въ обращеніи со стихомъ литератора.

Это сказалось не только въ такихъ внѣшнихъ признакахъ, какъ схематическое построеніе пьесы и симметрическое расположеніе дѣйствующихъ лицъ въ трехъ частяхъ ея, но, прежде всего, въ самомъ замыслѣ. Каковъ въ сущности итогъ пьесы? Во всѣхъ трехъ случаяхъ борьба кончается торжествомъ самоотреченія. Но такая побѣда не можетъ служить идеей: она—только фактъ, случайный результатъ сильной воли, которою произвольно одаряетъ авторъ своихъ героинь. Да и по самому характеру темы, какъ она поставлена авторомъ, она—сама по себѣ, безъ могущихъ осложнить ее внѣшнихъ обстоятельствъ—не содержитъ матеріала для драмы; она представляетъ собою простое констатированіе, наглядное доказательство наличности двухъ видовъ свободы. Между этими двумя свободами возможна двоякаго рода борьба: когда онѣ сталкиваются въ *одномъ* духѣ, и когда лицомъ къ лицу встрѣчаются два представителя обѣихъ свободъ. Въ первомъ случаѣ имѣетъ мѣсто та борьба, которая обычно и изображается въ драмахъ; второй случай любопытенъ лишь постольку, поскольку внѣшнія условія психически усложняютъ борьбу опять-таки въ нѣдрахъ каждой изъ двухъ противостоящихъ личностей; самая же борьба между ними, взятая схематически, сводится естественно къ простому діалогу, гдѣ одинъ провозглашаетъ права свободнаго чувства, другой—святость заповѣди. И это будетъ не драма, а діалогъ.

Именно такъ поступилъ авторъ „Отвергнутаго Донъ-Жуана". Онъ написалъ не драматическую трилогію, а три діалога, развилъ тему, но не далъ идеи. Его три пьески—три словесныхъ турнира, изъ которыхъ два любыхъ—совершенно лишніе, потому что нѣтъ никакой разницы въ томъ, во имя чего человѣкъ отрекается отъ свободы, лишь бы онъ дѣлалъ это добровольно, и такихъ мотивовъ можно придумать не три, а тысячи. Достаточно было иллюстрировать свой тезисъ однимъ примѣромъ, и картина получилась бы та же: картина того, какъ *не* рождается грѣхъ. Откровенно говоря, мы предпочитаемъ въ искусствѣ картины противоположнаго свойства, хотя бы уже потому, что онѣ глубже вскрываютъ антиноміи человѣческаго духа. „Идея" г. Рафаловича, на первый взглядъ столь значительная, въ дѣйствительности чрезвычайно поверхностна: гдѣ два голыхъ принципа сходятся, какъ двѣ стѣны, только для того, чтобы продефилировать другъ передъ другомъ, тамъ жизнь неглубоко захвачена, тамъ парадъ, а не битва.

Глубинѣ идеи вполнѣ соотвѣтствуетъ художество исполненія. Въ трилогіи нѣтъ живыхъ лицъ, а есть только литературные шаблоны

(за исключеніемъ, впрочемъ, одного вводнаго лица—Инесъ въ третьей части); все это—воспоминанія изъ безчисленныхъ пьесъ о Донъ-Жуанѣ, вообще изъ репертуара на испанскіе сюжеты. Такъ какъ они—не живые, и такъ какъ имъ, по самому замыслу автора, больше нечего дѣлать, какъ объяснять олицетворяемые ими принципы, то они сплошь провозглашаютъ сентенціи, иногда въ красивыхъ стихахъ, но почти всегда банальныя. Въ этихъ изреченіяхъ тонетъ и послѣдній проблескъ чувства, которое, казалось, должно бы одушевлять героевъ. Вотъ образчикъ—изъ сцены рѣшительнаго свиданія Донъ-Жуана съ Доньей Бьянкой:

Донъ-Жуанъ.

. . . .

Я временемъ своей любви не мѣрю.
Иль вѣчность—ложь, иль вѣченъ мигъ любви.
Не помню прошлаго, въ грядущее чуть вѣрю...
Когда расцвѣлъ цвѣтокъ,—приди, взгляни, сорви.

Донья Бьянка.

И брось его, какъ только онъ завянетъ.

Донъ-Жуанъ.

Цвѣтокъ не сорванный завянетъ на стеблѣ.

Донья-Бьянка.

Но вѣтеръ освѣжитъ и солнца лучъ проглянетъ...

Донъ-Жуанъ.

И все же лепестки развѣетъ по землѣ.

Донья-Бьянка.

Предѣлъ всему мгновенному положенъ,
И преступить его мы не должны.
Умѣренъ тотъ, кто остороженъ,
И разумъ—вѣрный стражъ у каменной стѣны, и т. д.

Такими афоризмами и острыми репликами наполнены всѣ страницы. Даже живая Инесъ, субретка у „блудницы“, пересыпаетъ свою рѣчь банальностями вродѣ „любовь и ревность—сестры“ или: „Какъ розѣ шипъ невидимый и острый,—такъ жало ревности цвѣтку любви дано“.

Кстати, по поводу цвѣтовъ: ихъ слишкомъ много въ стихахъ г. Рафаловича, и нѣкоторые изъ нихъ до того махровы, что даже удивительно. Такъ, Донъ-Жуанъ обращается къ Терезитѣ („блудницѣ“) съ такими словами:

Хочу я, чтобъ глаза твои забвенье пили
Въ моихъ глазахъ, гдѣ бьетъ ключомъ восторгъ.

Это, конечно, великолѣпно (особенно если написать прозою), но Пушкинъ училъ насъ иному.—М. Г.

VI.

— Три мѣсяца фабричнымъ рабочимъ. Очерки культурной и экономической жизни германскихъ рабочихъ. П. Гёре. Москва. 1907. Ц. 75 к.

Современное рабочее движеніе въ культурныхъ странахъ отождествляется съ движеніемъ революціоннаго соціализма. И дѣйствительно, самой сильной политической организаціей рабочихъ на Западѣ является соціалъ-демократія, которой предстоитъ, повидимому, сдѣлаться единственнымъ политическимъ представителемъ рабочихъ массъ. Соціалъ-демократія же объявляетъ себя партіей, поставившей себѣ цѣлью упраздненіе господствующей капиталистической организаціи общества и замѣну ея организаціей коллективистической, а этой задачѣ предстоитъ разрѣшиться революціоннымъ путемъ диктатуры пролетаріата. Это отождествленіе рабочаго движенія и революціоннаго соціализма заставляетъ мирныхъ гражданъ съ трепетомъ слѣдить за ростомъ организаціи пролетаріата подъ знаменемъ соціалъ-демократіи, и служитъ въ рукахъ воинствующей буржуазіи прекраснымъ средствомъ вооружить правительственную власть противъ рабочаго движенія, устрашающаго ее не отдаленными соціалистическими цѣлями, въ осуществленіе коихъ она мало вѣритъ, а ближайшими, реальными задачами возможнаго ограниченія экономической и политической эксплуатаціи трудящихся.

Выдающіеся вожди нѣмецкой и бельгійской соціалъ-демократіи понимаютъ, однако,—и при случаѣ высказываютъ это,—что видимые успѣхи соціалъ-демократіи въ рабочемъ классѣ еще не означаютъ такого же успѣха соціалистическихъ идей. И въ нашей литературѣ можно найти довольно подробныя разъясненія того, какимъ образомъ вовсе не соціалистически настроенныя рабочія массы могутъ отдавать при выборахъ свои голоса соціалъ-демократическимъ кандидатамъ (см., напр., „Очерки теоретической экономіи", стр. 246 и слѣдующія). Соотвѣтствующія положенія, развивавшіяся апріорно, находятъ фактическое подтвержденіе въ наблюденіяхъ быта нѣмецкихъ рабочихъ одного интеллигента, поступившаго на фабрику для того, чтобы узнать „полную правду о воззрѣніяхъ рабочихъ массъ, ихъ матеріальныя желанія, ихъ духовный, нравственный, религіозный характеръ" и опубликовавшаго свои наблюденія въ книжкѣ, указанной въ заголовкѣ нашей замѣтки.

Авторъ этой книжки принадлежалъ къ христіанско-соціальной партіи. Наблюденія, о которыхъ идетъ рѣчь, привели его къ очень высокому мнѣнію о роли соціалъ-демократіи въ развитіи рабочаго класса. Соціалъ-демократія есть представительница и выразительница нѣмецкаго рабочаго класса (стр. 268). Она, „какъ никто, сумѣла подслушать стремленіе къ знанію въ низшихъ слояхъ и систематически работаетъ надъ тѣмъ, чтобы удовлетворить это стремленіе въ широкихъ размѣрахъ“ (стр. 191). Удовлетворяя этому стремленію, она съ большимъ успѣхомъ разрушаетъ архаическія воззрѣнія рабочихъ и замѣняетъ ихъ новыми. Уничтожить вліяніе соціалъ-демократіи на рабочихъ невозможно, да и нежелательно. Но съ той точки зрѣнія, на которой стоялъ авторъ, „возможно, желательно и необходимо воспитать ее, облагородить и освятить“ (стр. 270). Не знаемъ, измѣнились ли эти взгляды Гёре теперь, когда онъ самъ сдѣлался очень виднымъ соціалъ-демократомъ, но изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что авторъ не склоненъ былъ преуменьшать вліяніе соціалъ-демократіи, и его заключенія, о которыхъ мы будемъ говорить, рисуютъ, нужно полагать, довольно вѣрно дѣйствительное положеніе вещей.

Соціалъ-демократія есть прежде всего партія соціальная и политическая. Между тѣмъ изъ своихъ наблюденій Гёре вынесъ заключеніе, что вліяніе соціалъ-демократической агитаціи „значительно менѣе важно по своимъ послѣдствіямъ на политическій и экономическій образъ мысли рабочихъ, чѣмъ на ихъ духовное образованіе, ихъ религіозное убѣжденіе и ихъ нравственность“ (стр. 135). Въ области религіи и общаго міросозерцанія понятія рабочаго подъ вліяніемъ соціалъ-демократіи претерпѣли полное превращеніе и отъ полу-теологическихъ воззрѣній онъ перешелъ къ матеріалистическимъ. Въ области же соціально-политической онъ придерживается довольно умѣренныхъ мнѣній, въ главномъ отражающихъ, такъ сказать, тотъ соціально-политическій бытъ, который его окружаетъ. Наблюденія автора относятся къ старѣйшему и преданнѣйшему соціалъ-демократіи округу Хемницъ въ Саксоніи. Всѣ извѣстные ему рабочіе, „бережливые и моты, прилежные и лѣнивые, умные и глупые, сумѣвшіе улучшить свое положеніе и обѣднѣвшіе, туземцы и пришельцы, всѣ группы, всѣ классы, всѣ категоріи, принадлежащія къ фабрикѣ—за исключеніемъ крошечной группы — считаютъ себя соціалъ-демократами, слѣдуютъ за ея вождями и вѣрятъ въ нихъ, въ ихъ слова и въ ихъ произведенія, какъ въ новое евангеліе“, говоритъ авторъ. „Здѣсь все соціалъ-демократично, даже сами машины“, заявлялъ автору одинъ рабочій. Изъ этого, однако, никоимъ образомъ не слѣдуетъ заключать, что всѣ эти соціалъ-демократы достаточно освѣдомлены относительно принциповъ той партіи, къ которой они себя причисляютъ. Какъ о

сознательныхъ соціалъ-демократахъ можно говорить „о трехъ, самое большее четырехъ процентахъ всѣхъ рабочихъ, только о небольшой кучкѣ руководителей и носителей агитаціи и ихъ ближайшихъ друзей и учениковъ. Они одни до извѣстной степени основательно и съ пониманіемъ читали всю агитаціонную литературу партіи, они одни знали и понимали всю оффиціальную программу, ея минимальныя требованія и послѣднія цѣли" (стр. 139). „Что же касается остального подавляющаго большинства соціалъ-демократическихъ рабочихъ, то тамъ не могло быть и рѣчи о такомъ законченномъ и ясномъ образѣ мыслей. Здѣсь скорѣе была пестрая смѣсь всевозможнѣйшихъ, запутаннѣйшихъ, самыхъ противуположныхъ мнѣній всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ". „Почти у всякаго изъ этихъ людей было свое особенное отношеніе къ соціалъ-демократической программѣ, и зачастую въ нее вкладывали самый различный, даже консервативный смыслъ". И это не покажется удивительнымъ, если имѣть въ виду, что политическія и экономическія представленія соціалъ-демократическаго происхожденія у большинства рабочихъ ограничивались тѣмъ, „что у нихъ оставалось отъ короткихъ полупонятныхъ статеекъ далеко не постоянно читаемой мѣстной соціалъ-демократической прессы, отъ рѣчей и лекцій, слышанныхъ на соціалъ-демократическихъ собраніяхъ (прибавимъ кстати—посѣщавшихся довольно ограниченнымъ числомъ лицъ), отъ личнаго общенія съ сознательными рабочими". Въ одномъ только сходятся всѣ эти именующіе себя соціалъ-демократами: въ равнодушномъ, если не отрицательномъ отношеніи къ тѣмъ послѣднимъ цѣлямъ соціалъ-демократіи, которыя придаютъ этой партіи радикально-соціалистическій характеръ.

Среди большинства этихъ среднихъ соціалъ-демократовъ „ни оффиціальный демократическій республиканизмъ, ни экономическій коммунизмъ особенно популярны не были. Это были такія вещи, для которыхъ у большинства этихъ головъ не было никакого внутренняго пониманія и которыя въ ихъ сердцахъ не вызывали никакого воодушевленія и никакой симпатіи. Но ихъ принимали, какъ и многое другое отъ соціалъ-демократіи, какъ нѣчто такое, что неразрывно съ ней связано и необходимо должно такъ быть, равнодушно предоставляя вождямъ возиться съ этими отвлеченными проблемами, и въ душѣ зачастую были убѣждены, во всякомъ случаѣ готовы были къ тому, что эти предсказанія никогда не осуществятся". „То, чего хочетъ Бебель въ будущемъ, никогда не осуществится. Онъ уже не разъ мѣнялся и потомъ еще больше будетъ мѣняться", говорилъ, напр., автору одинъ рабочій — „восторженный приверженецъ соціалъ-демократіи". „Знаешь, я никогда не читаю соціалъ-демократическихъ книгъ и очень рѣдко газеты... Я думаю по-своему... Мы вовсе не

хотимъ богатыхъ уравнять съ бѣдными. Богатые и бѣдные должны быть и всегда будутъ", высказывалъ свои мысли „тоже очень умный, разсудительный и убѣжденный соціалъ-демократъ".

Столь же интересны для характеристики рабочихъ приверженцевъ соціалъ-демократіи и наблюденія Гёре относительно политическихъ ихъ воззрѣній. „Среди массы среднихъ соціалъ-демократовъ, даже среди наиболѣе убѣжденныхъ изъ нихъ, политическія воззрѣнія ихъ вождей распространены очень мало, и въ большинствѣ случаевъ чувство любви и симпатіи къ своей родинѣ, императору и арміи было поразительно живо среди нихъ". Правда, значительная часть рабочихъ, по мнѣнію автора, относилась, напр., къ императору и имперіи совершенно равнодушно. „Но для большинства среднихъ соціалъ-демократовъ императоръ былъ вполнѣ симпатичной народной личностью". „У императора Вильгельма лучшія намѣренія,—говорятъ рабочіе,—но онъ не можетъ дѣлать такъ, какъ хочетъ, потому что они крѣпко держатъ его въ своихъ рукахъ и заставляютъ дѣлать, что имъ надо. Но можно, все-таки, надѣяться, что ему удастся еще пойти своей дорогой". „Я глубоко убѣжденъ,—заявляетъ авторъ,—что соціалъ-демократической агитаціи врядъ-ли когда удастся разрушить этотъ монархическій образъ мыслей народа, *разъ императоръ по прежнему будетъ заботливо относиться къ рабочимъ и ихъ справедливымъ требованіямъ* и, поскольку это въ его силахъ, будетъ стремиться къ ихъ удовлетворенію". Наблюденія автора относятся къ началу истекшаго десятилѣтія; интересно знать, насколько измѣнились съ тѣхъ поръ политическія воззрѣнія нѣмецкаго пролетаріата.

Излишне приводить наблюденія автора относительно отношенія рабочихъ къ насильственной революціи: отношеніе это безусловно отрицательное. Но интересно замѣтить, что объ арміи и военной службѣ рабочіе высказывались вполнѣ сочувственно. Всякій съ удовольствіемъ вспоминалъ о своей службѣ въ солдатахъ; призывные „съ радостнымъ нетерпѣніемъ" ожидали своей очереди поступленія на службу; запасные охотно принимаютъ участіе въ десятинедѣльномъ учебномъ сборѣ для повторныхъ военныхъ занятій, несмотря на то, что это ведетъ къ потерѣ ими заработка. Описанное отношеніе нѣмецкаго рабочаго къ военной службѣ авторъ отчасти объясняетъ тѣмъ, что „время военной жизни для фабричнаго рабочаго является самой длинной, самой полной и самой блестящей перемѣной въ его однообразной, скучной фабричной жизни". При этомъ само собою, конечно, должно разумѣться, что условія отбыванія воинской повинности въ Германіи не особенно тяжелы и не унизительны для человѣческаго достоинства.

Но если соціально-политическія воззрѣнія массы нѣмецкихъ рабочихъ такъ далеки отъ идеаловъ и принциповъ соціалъ-демократіи,

то чѣмъ же объяснить поголовную почти приверженность хемницкихъ, напр., рабочихъ къ этой партіи? Гёре даетъ на этотъ вопросъ положительный и вполнѣ понятный отвѣтъ. Нѣмецкій пролетаріатъ видитъ въ соціалъ-демократіи „единственно сильнаго и признаннаго представителя своихъ интересовъ". Его привязываетъ къ этой партіи не соціализмъ и политическій радикализмъ, а ея программа сегодняшняго дня, защищающая интересы именно рабочаго класса, и ея „безкорыстная, энергичная и смѣлая" защита этой программы.

Наблюденія Гёре имѣютъ немалый интересъ для насъ, русскихъ, въ виду политическаго пробужденія рабочихъ массъ и претензіи соціалъ-демократической партіи быть единственнымъ представителемъ русскаго пролетаріата. Наблюденія эти учатъ насъ прежде всего тому, что не слѣдуетъ придавать особое значеніе „страшнымъ" словамъ партіи, потому что у насъ, какъ и въ Германіи, соотвѣтствующія понятія могутъ не вызывать сочувствія массъ, слѣдующихъ за нею; и въ этомъ случаѣ громкія фразы будутъ играть роль декораціи безъ реальнаго политическаго содержанія. Наблюденія эти показываютъ затѣмъ, насколько нѣмецкій пролетаріатъ еще умственно несамостоятеленъ. Обидно предполагать, что такую же несамостоятельность мысли проявитъ и русскій рабочій классъ. Если ученіе нѣмецкой соціалъ-демократіи явилось, какъ завершеніе работы теоретической и практической мысли цѣлыхъ поколѣній борцовъ за интересы рабочаго класса,— въ числѣ которыхъ мы видимъ такіе блестящіе умы и великіе характеры, какъ Марксъ, Энгельсъ, Лассаль, предшествующіе имъ и послѣдующіе соціалисты,—то совершенно иное происхожденіе имѣетъ соціалъ-демократическое ученіе въ Россіи, вылупившееся изъ чужого яйца, развивавшееся людьми, правда, не безъ таланта, но весьма умѣреннаго, лишь въ послѣднее время проявившими склонность къ самостоятельной оцѣнкѣ явленій русской дѣйствительности. Русская соціалъ-демократія, словомъ, только теперь выходитъ изъ стадіи ученичества и не можетъ претендовать на авторитетъ, выростающій исторически.

Русской соціалъ-демократіи предстоитъ завершить построеніе своей программы послѣ всеобщаго пробужденія политическаго сознанія массъ; и это не можетъ произойти безъ активнаго участія послѣднихъ. Въ рабочей средѣ уже проявилось стремленіе самостоятельно разбираться въ вопросахъ соціально-политической жизни. Часть соціалъ-демократической интеллигенціи тоже сознаетъ необходимость болѣе дѣятельнаго вліянія массъ на партію. Можно, поэтому, ожидать, что организація рабочихъ въ Россіи пойдетъ по пути значительно отличному отъ нѣмецкаго; что русскій рабочій классъ объединится подъ знаменемъ принциповъ, принятыхъ имъ сознательно, а не привѣшенныхъ

къ его программѣ, какъ красивое украшеніе, и что партія или партіи, которыя поведутъ за собой трудящихся, получатъ право именоваться „рабочими“ не только по составу, но и по своему разумѣнію.

VII.

— Н. Новомбергскій. Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси. Томскъ. 1907. Ц. 2 р.

Было время, когда реформы Петра Великаго представлялись намъ крупнымъ переломомъ хода нашей государственной жизни, произведеннымъ чуть-ли не исключительно геніемъ и энергіей этого правителя. Дальнѣйшія историческія изысканія значительно смягчили это воззрѣніе, и преобразованія Петра рисуются теперь, какъ продолженіе процесса, начатаго задолго до него. Преувеличеніе роли Петра I въ исторіи преобразованія порядковъ Московскаго государства не исчезло, однако, окончательно, и оно естественнымъ образомъ сохраняется въ мало разработанныхъ отдѣлахъ исторической науки. Къ числу такихъ отдѣловъ относится исторія русской медицины, о состояніи которой можно судить хотя бы потому, что единственное сочиненіе по этой части, обнимающее всѣ стороны даннаго предмета, составлено еще въ началѣ истекшаго вѣка. Сочиненіе, указанное въ заголовкѣ настоящей замѣтки, разрушаетъ общепринятые взгляды на этотъ предметъ, и авторъ его не безъ основанія можетъ утверждать, что въ его книгѣ приведено достаточно данныхъ для того, чтобы „не повторять за многими историками, будто бы и первыя медицинскія школы, и вся вообще врачебная организація появилась въ Россіи со времени Петра Великаго“ (стр. 237).

Трудъ г. Новомбергскаго, въ большей его части, нельзя считать настоящимъ изслѣдованіемъ,—какъ онъ неуклюже выражается—„врачебнаго строенія“ въ до-Петровской Россіи. Это скорѣе первоначальная обработка сырого матеріала, въ собираніи коего — прибавимъ кстати — немало участія принималъ и самъ авторъ. Въ предисловіи къ своему труду г. Новомбергскій замѣчаетъ, что онъ старался „строго держаться въ предѣлахъ фактическаго матеріала“. Точнѣе же говоря, въ его трудѣ мы находимъ сортировку матеріала по нѣкоторымъ предметамъ, такъ какъ по каждому изслѣдуемому вопросу приводятся многочисленныя выдержки изъ документовъ, сопровождаемыя краткимъ обобщеніемъ о ихъ содержаніи. Въ этомъ цитированіи источниковъ авторъ подчасъ заходитъ слишкомъ далеко. Но, несмотря на обусловливаемую такимъ изложеніемъ громоздкость разсматриваемаго труда въ отношеніи сырого матеріала, книга г. Новомбергскаго читается съ

большимъ интересомъ,—такъ важны, живы, а часто и новы сообщаемые имъ факты!

Первые европейски-образованные врачи появляются на Руси въ концѣ XV вѣка; но судьба піонеровъ была очень печальна. Первый врачъ, Антонъ, „врачева князя Каракучю царевича Даньярова, да умори его смертнымъ зеліемъ. Князь же велики выда его сыну Каракучеву“, а тотъ „сведше его на рѣку на Москву подъ мостъ, да зарѣзаша его ножомъ, яко овцу“. Второй врачъ, Леонъ, былъ казненъ въ 1490 г. за то, что его паціентъ, сынъ вел. кн. Ивана Васильевича, во время леченія умеръ. Согласно взглядамъ на врачеваніе,—присущимъ тому времени, когда леченіе находилось въ рукахъ знахарей, боровшихся съ недугомъ не столько лекарствами, сколько вѣрою во вмѣшательство таинственныхъ силъ — лекарь могъ излечить всякую болѣзнь. Неудачное леченіе, поэтому, приписывалось не его незнанію, а его злой волѣ. Трагическая судьба врачей Антона и Леона свидѣтельствуетъ о томъ, что указанная точка зрѣнія на врачеваніе примѣнялась и къ прибывавшимъ изъ-за границы патентованнымъ врачамъ. „Неудачный выѣздъ первыхъ врачей не остановилъ, однако, дальнѣйшаго движенія образованныхъ медиковъ въ Россію“; а ближайшее ознакомленіе съ ихъ дѣятельностью постепенно разрушило архаическіе взгляды на леченіе, какъ на проявленіе сверхъестественныхъ силъ. Въ случаяхъ неудачнаго леченія слѣдующимъ врачамъ приходилось лишь на время укрываться отъ проявленія княжескаго гнѣва. Случалось, однако, что съ заподозрѣннымъ врачомъ расправлялась разъяренная толпа. Первоначально врачи призывались изъ-за границы исключительно для нуждъ царской семьи и даже только мужской ея половины, потому что женщины еще долго отдавали предпочтеніе знахаркамъ. Затѣмъ къ помощи придворныхъ врачей начали обращаться знатные бояре (каждый разъ по особой челобитной), потомъ менѣе знатныя лица, и во второй половинѣ XVII вѣка требованія врачебной помощи настолько увеличились, что на ряду съ аптекой для царской семьи правительство сочло нужнымъ открыть въ Москвѣ аптеку для вольной продажи лекарствъ. Но гораздо бо̀льшее значеніе въ дѣлѣ распространенія правильной медицинской помощи имѣло развитіе военно-полковой медицины. Эта отрасль медицинскаго дѣла начала распространяться у насъ послѣ того, какъ на русскую службу стали вызываться иноземные офицера и солдаты, и въ теченіе первой половины XVII в. постоянные лекаря были, повидимому, лишь въ иноземныхъ полкахъ. Къ концу этого столѣтія, по утвержденію автора, правильная медицинская помощь получила въ войскахъ всеобщее распространеніе, и полки имѣли даже не по одному, а по нѣскольку врачей-спеціалистовъ. Дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи медицинскаго

дѣла въ Россіи было появленіе вольно-практикующихъ врачей; главный ихъ контингентъ составлялся военными врачами, уволенными со службы.

Придворные врачи въ Московскомъ государствѣ не стояли изолированно и независимо, а были подчинены особому боярину. Въ этомъ надо видѣть зародышъ Аптекарскаго Приказа, вѣдавшаго врачебное дѣло съ конца XVI столѣтія. Строгій надзоръ за придворной медициной устроенъ былъ изъ опасенія, какъ бы врачи, аптекаря и другія лица не нанесли вреда государю. Медицинскіе препараты хранились за дьячей печатью, и входить въ соотвѣтствующее помѣщеніе можно было только вмѣстѣ съ дьякомъ. Приготовленіе лекарства аптекарями происходило также въ присутствіи особыхъ лицъ; приготовленное лекарство пробовалось врачомъ и аптекаремъ, запечатывалось и черезъ надежнаго боярина доставлялось государю. Подносся его царю, бояринъ долженъ былъ еще самъ „надкусить" или—принявъ рюмку обратно — выпить остатокъ. Если возникало сомнѣніе въ доброкачественности лекарства, то врачу, для доказательства своей благонадежности, приходилось самому его поѣдать или выпивать. Такъ, въ 1676 г. врачъ Розенбергъ выпилъ цѣлую склянку приготовленнаго для царицы лекарства, послѣ того какъ оно вызвало тошноту у придворной дамы, предварительно его отвѣдавшей.

Вся дѣятельность иностранныхъ врачей находилась подъ строгимъ контролемъ Аптекарскаго Приказа. Каждый актъ ихъ врачебной дѣятельности заносился на бумагу; тамъ же записывалось и назначенное кому-либо лекарство. Въ случаѣ же заболѣванія кого-либо изъ царской семьи, врачами составлялись пространныя описанія болѣзни, ея причинъ и леченія, съ приведеніемъ мнѣній различныхъ медицинскихъ авторитетовъ. Такія же описанія и подробныя наставленія составлялись и въ случаѣ появленія эпидемическихъ болѣзней или выполненія врачами какихъ-нибудь болѣе или менѣе важныхъ порученій, вродѣ осмотра заболѣвшихъ лицъ, изслѣдованія найденныхъ у кого-либо подозрительныхъ кореньевъ, рѣдкихъ аптекарскихъ матеріаловъ и т. п. Записныя книги Аптекарскаго Приказа представляли, поэтому, нѣчто вродѣ медицинской энциклопедіи. „По нимъ русскіе люди, обращавшіеся около аптеки и дѣлъ Аптекарскаго Приказа, усвоивали элементарныя познанія въ медицинѣ" (стр. 222).

Первые наши лекаря выписывались изъ-за границы; но съ распространеніемъ медицинской практики почувствовалась крайняя необходимость въ обученіи медицинскому дѣлу русскихъ людей внутри страны. При тогдашнемъ состояніи общаго образованія такое обученіе могло происходить только практически: ученики помогали врачамъ и аптекарямъ въ работѣ и такимъ путемъ пріобрѣтали нѣкоторыя по-

знанія. Во второй половинѣ XVII вѣка обученіе медицинскому искусству принимаетъ болѣе систематическій видъ и отъ учениковъ требуется прохожденіе практическимъ путемъ нѣсколькихъ опредѣленныхъ стадій обученія. Спеціальныхъ школъ для этого, впрочемъ, устроено не было. Для того, чтобы ученикамъ открытъ былъ доступъ къ источникамъ теоретическихъ знаній по медицинѣ—принимались мѣры для перевода иностранныхъ сочиненій и для обученія учащихся иностраннымъ языкамъ.

Очень интересны въ разсматриваемомъ сочиненіи главы, посвященныя мѣрамъ борьбы въ до-Петровской Руси съ эпидеміями и эпизоотіями, а также глава о преслѣдованіи колдовства. По этому послѣднему предмету въ литературѣ господствуетъ, какъ извѣстно, мнѣніе, что Россія была свободна отъ того изувѣрскаго преслѣдованія колдуновъ, которое окрашиваетъ такимъ мрачнымъ цвѣтомъ средніе вѣка западно-европейской исторіи. Г. Новомбергскій протестуетъ противъ этого мнѣнія. Многочисленными фактами онъ доказываетъ распространенность у насъ въ въ XVI и XVII вѣкахъ дѣлъ о колдовствѣ, въ которыхъ главнымъ процессуальнымъ орудіемъ служила пытка, а чуть-ли не самымъ обычнымъ наказаніемъ—сожженіе. „Ужасны кровавые процессы о колдовствѣ, но всего ужаснѣе то, что они начинались по пустякамъ, а нерѣдко подъ вліяніемъ личной мести, своекорыстныхъ разсчетовъ и т. д.“. Достаточно было бреда пьянаго человѣка, пустой похвальбы отомстить порчею, доноса на конкуррента, что онъ „принесъ съ поля коренья и сказалъ (кабатчикъ), отъ того коренья будетъ у меня много пьяныхъ людей“; достаточно при случайномъ обыскѣ оказаться у кого-либо корню растенія, какъ начиналось дѣло, допрашивались десятки, сотни и даже тысячи лицъ, примѣнялись пытки и т. д. „Вѣдовство считалось общеопаснымъ преступленіемъ, преслѣдуемымъ въ порядкѣ публичнаго обвиненія; поэтому дѣло, начатое по частной челобитной, уже не прекращалось, хотя бы и поступило со стороны заинтересованнаго заявленіе о прекращеніи... Правительство брало въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ свои руки вѣдовскій процессъ не потому, что оно желало придти на помощь частному человѣку (какъ утверждаютъ нѣкоторые ученые), но потому, что оно черезъ посредство частнаго дѣла разсчитывало распутать цѣлую организацію, бросить на кровавую дыбу по возможности всѣхъ колдуновъ даннаго района... Такимъ образомъ, каждое дѣло могло превратиться въ погромъ цѣлой мѣстности“; и по одному дѣлу 1649 г. обыскъ производился въ трехъ уѣздахъ! „Вдумываясь въ общій смыслъ приведенныхъ историческихъ документовъ,—заключаетъ авторъ,—мы находимъ, что процессы о вѣдьмахъ въ Россіи протекали съ такою же жестокостью, какъ и на Западѣ; что къ этимъ процессамъ правитель-

ственная власть Московскаго государства привлекалась не менѣе, чѣмъ въ католическихъ или протестантскихъ странахъ. Здѣсь разница лишь въ масштабѣ дѣятельности, а не въ существѣ ея".

Отъ кошмарныхъ видѣній прошлаго авторъ невольно обращается къ кошмару настоящаго. „Безпощадною жестокостью вѣетъ отъ затронутаго нами времени,—говоритъ онъ;—но если вникнуть въ текущую дѣйствительность, съ разстрѣлами сотенъ людей безъ суда и слѣдствія, то предпочтеніе нужно отдать XVII столѣтію".

VIII.

— Н. И. Сувировъ. Безработица и страхованіе отъ ея послѣдствій въ Западной Европѣ. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Настоящая книга, составленная на основаніи новѣйшихъ матеріаловъ, собранныхъ германскими правительственными учрежденіями, имѣетъ задачей ознакомить русскую публику съ современнымъ положеніемъ вопроса о мѣрахъ помощи безработнымъ на Западѣ. Она состоитъ изъ пяти главъ, посвященныхъ различнымъ сторонамъ даннаго предмета. Въ первой главѣ излагаются статистическія данныя о количествѣ безработныхъ. Имѣющіяся на этотъ счетъ свѣдѣнія далеко не достаточно рисуютъ распространеніе безработицы даже въ тѣ моменты времени, къ которымъ они относятся, потому ли что собирались они между прочимъ, или что касались ограниченнаго числа рабочихъ. Главнѣйшими источниками свѣдѣній, о которыхъ идетъ рѣчь, служатъ промышленныя народныя переписи и отчеты рабочихъ союзовъ; но въ послѣдніе годы наблюденія надъ распространеніемъ безработицы—не особенно, впрочемъ, точными методами—стали производить нѣкоторые, преимущественно, нѣмецкіе города. Цифровыя свѣдѣнія о числѣ безработныхъ, собранныя въ различныхъ странахъ различными учрежденіями, сгруппированы (преимущественно въ относительныхъ числахъ) въ первой главѣ разсматриваемаго труда.

Во второй главѣ описываются способы страхованія отъ безработицы, практикуемые рабочими союзами, и приводятся статистическія данныя объ этомъ страхованіи. Изъ крупныхъ государствъ всего болѣе распространено страхованіе въ союзахъ англійскихъ и нѣмецкихъ; но и здѣсь оно распространяется далеко не на всѣхъ членовъ союзовъ. Въ Англіи помощь на случай безработицы обезпечена приблизительно 800 тысячамъ рабочихъ, что составляетъ около 43% организованныхъ рабочихъ и лишь 6% всего числа промышленныхъ рабочихъ Соединеннаго Королевства; въ Германіи страхованіе въ рабочихъ союзахъ распространяется на милліонъ слишкомъ или на большую половину

членовъ послѣднихъ. Въ другихъ крупныхъ государствахъ страхованіе этой категоріи распространено гораздо слабѣе. Въ Австріи помощь въ случаѣ безработицы обезпечивается профессіональными союзами 200 тысячамъ рабочихъ, во Франціи—лишь 30 тыс. рабочихъ и т. д. Наибольшее распространеніе страхованій отъ безработицы получило въ датскихъ союзахъ. Рабочіе союзы охватываютъ здѣсь около половины общаго числа промышленныхъ рабочихъ, а союзы, страхующіе своихъ членовъ отъ безработицы, заключаютъ $^2/_3$ организованныхъ рабочихъ. Слабое, сравнительно, развитіе этого вида взаимопомощи рабочихъ въ большей части европейскихъ государствъ объясняется тѣмъ, что вниманіе на этотъ предметъ рабочихъ организацій обращено лишь очень недавно—въ небольшихъ государствахъ даже только въ текущемъ столѣтіи. Но зато, разъ начавшись, дѣло взаимопомощи рабочихъ въ отношеніи ослабленія послѣдствій безработицы развивается, вообще говоря, довольно быстро; въ Германіи, напр., съ 1900 по 1905 расходы союзовъ на помощь безработнымъ увеличились въ $2^1/_2$ раза.

Собственно говоря, только въ своихъ организаціяхъ рабочіе и находятъ сколько-нибудь замѣтную помощь въ случаѣ безработицы; участіе же въ этомъ дѣлѣ общественныхъ учрежденій, можно сказать, ничтожно и еще не вышло изъ области опытовъ. Этому предмету посвящены остальныя главы труда г. Сувирова. Муниципальныя учрежденія оказываютъ денежную поддержку безработнымъ, или организуя самостоятельное добровольное страхованіе отъ безработицы, или внося опредѣленныя суммы въ страховыя кассы рабочихъ союзовъ. Послѣдній способъ связанъ съ наименьшими затрудненіями, но такъ какъ общественная помощь направляется при этомъ на рабочихъ, и безъ того уже болѣе или менѣе обезпеченныхъ, то нѣкоторыя городскія общины пробовали ввести самостоятельное страхованіе отъ безработицы, для рабочихъ, не принадлежащихъ къ организаціямъ. Первая попытка этого рода предпринята городомъ Берномъ въ 1893 г. Но эту попытку нельзя считать особенно удачной, потому что членами кассы становятся лишь тѣ рабочіе, для которыхъ вѣроятность сдѣлаться безработными очень велика (главнымъ образомъ сезонные, строительные рабочіе), и касса поддерживается, поэтому, нестолько страховыми взносами, сколько субсидіями. То же самое надлежитъ сказать и о немногихъ кассахъ этого типа въ другихъ городахъ. Въ г. С.-Галленѣ сдѣланъ былъ опытъ обязательнаго страхованія отъ безработицы, но успѣха попытка эта не имѣла. Законопроекты обязательнаго страхованія вырабатывались и въ нѣкоторыхъ другихъ кантонахъ Швейцаріи.

Интересъ къ вопросу о страхованіи отъ безработицы очень оживился подъ вліяніемъ промышленнаго кризиса начала текущаго вѣка,

и въ теченіе послѣднихъ трехъ-четырехъ лѣтъ во Франціи, Норвегіи и Даніи въ помощи безработнымъ стало принимать нѣкоторое участіе и государство. Здѣсь изданы были законы о выдачѣ правительственныхъ субсидій кассамъ страхованія отъ безработицы. Въ нѣкоторыхъ другихъ западно-европейскихъ государствахъ вопросъ о государственномъ участіи въ страхованіи отъ безработицы поставленъ на очередь и подвергается горячему обсужденію. Высказываемыя на этотъ счетъ мнѣнія нашли также себѣ мѣсто на страницахъ разсматриваемаго труда. Трудность общаго рѣшенія даннаго вопроса обусловливается тѣмъ, что, при введеніи обязательнаго страхованія отъ безработицы, государству предстояла бы весьма трудная задача различать невольную потерю работы отъ такой, которая произошла по винѣ претендующаго на пособіе. Такіе вопросы разрѣшаются рабочими организаціями легче, но въ союзахъ объединена лишь незначительная часть рабочихъ.

Вопросъ о страхованіи отъ безработицы не сегодня-завтра станетъ на очередь и въ нашей странѣ; и книжка г. Сувирова, излагающая организацію этого дѣла на Западѣ, будетъ хорошимъ пособіемъ при первоначальныхъ обсужденіяхъ этого предмета.—В. В.

Въ теченіе августа мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Бѣляевъ, И. С.—Практическій курсъ изученія древней русской скорописи для чтенія рукописей XV—XVIII столѣтій. М. 907. Стр. 84. Ц. 1 р.

Вагнеръ, Ю. Н., проф.—Начальный курсъ природовѣдѣнія. Съ 105 рис. въ текстѣ. Ч. I. Изд. Пироговскаго тов. Кіевъ, 907. Стр. IV+188. Ц. 60 к.

Венгеровъ, С. А.—Очерки по исторіи русской литературы. (Библіотека „Свѣточа" подъ ред. С. А. Венгерова. №№ 56—65. Серія „Исторія и теорія литературы", № 4). Спб. 907. Стр. 488. Ц. 2 р. 50 к.

Воложайкинъ, В. М., д-ръ.—О неврозѣ и нервномъ анастомозѣ. Спб. 907. Стр. 110.

В. П.—Разсказы. Спб. 906. Стр. 365. Ц. 1 р.

Вульфъ, А.—Общій методъ разсчета электромагнитныхъ механизмовъ. Спб. 907. Стр. 123.

Гагенъ, В. А.—Борьба съ народнымъ пьянствомъ. (Попечительства о народной трезвости, ихъ современное положеніе и недостатки). Спб. 907. Стр. 103. (Оттиски изъ журн. „Трудовая Помощь").

Гауптманъ, Г.—Сестры изъ Бишофсберга. Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ. Перев. съ нѣм. Э. Бескина. М. 907. 16°. Стр. 139. Ц. 50 к.

Гёре, Павелъ.—Воспоминанія и достопамятныя происшествія изъ жизни одного рабочаго. Издано на нѣм. языкѣ и снабжено предисловіемъ П. Гёре. Полный перев. съ нѣм. подъ ред. А. Паевской. Спб. 907. Стр. 300. Ц. 1 р.

Геруа, А.—Послѣ войны о нашей арміи. Второе дополн. изд. Спб. 907. Стр. 390. Ц. 1 р. 50 к.

——— Къ познанію арміи. Спб. 907. Стр. 133. Ц. 1 р.

Герценъ, А. И.—О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи. Перев. съ франц. А. Тверитинова. Спб. 907. Стр. 169. Ц. 40 к.

Гершуни, Г.—Изъ недавняго прошлаго. Спб. 907. Стр. 96. Ц. 20 к.

Гольденбергъ, Изр.—На трудовомъ пути. Этюды и эскизы. Одесса 907. 16°. Стр. 16. Ц. 3 к.

Граціановъ, Н. А.—Организація популярно-научныхъ курсовъ въ Нижнемъ-Новг. для рабочаго и ремесл. населенія. Н.-Новг. 907. Стр. 12. Ц. 10 к.

Гутурбъ, Ф. П.—Сборникъ стихотвореній. Кіевъ 907. Стр. VIII+285. Ц. 1 р. 25 к.

Гутьяръ, Н. М.—Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Юрьевъ 907. Стр. 400. Ц. 1 р. 75 к.

E. O. L.—Проектъ основныхъ положеній объединенной школы. Уфа 907. Стр. 31.

Заленскій, В. Р.—Учебникъ физіологіи растеній для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 105 рис. въ текстѣ. Изд. Пироговскаго тов. Кіевъ 907. Стр. III+182. Ц. 80 к.

Замуравкинъ, К. И., д-ръ.—Туберкулезъ яичка и придатка. (Клиника и леченіе). Спб. 907. Стр. 111—256.

Земцевъ, В.—Къ аграрному вопросу въ Лифляндіи. Рига 907. Стр. 107. Ц. 75 коп.

Зоргенфрей, Г.—Вопросы современной школы. Спб. 907. Стр. 83. Ц. 75 к.

Каменоградскій, П. И.—Доходное грибоводство. Практич. руководство для огородниковъ, сельскихъ хозяевъ и любителей. Съ 56 рис. Изд. А. Ф. Девріена. Стр. XIV + 183. Ц. 1 р. 20 к.

Карлейль, Томасъ.—Французская революція. Исторія. Съ 104 портретами и 68 рисунками. Перев. съ англ. Спб. 907. Изд. В. И. Яковенко. Стр. VI+615.

Котляревскій, Н. А.—Старинные портреты. Спб. 907. Стр. VIII+457. Ц. 2 р.

Кульчицкій, К. (Мазовецкій).—Автономія и федерація въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ. Перев. съ польскаго А. Паткина, съ дополненіями, измѣненіями и предисловіемъ автора спеціально для русскаго изданія. М. 907. Стр. 211. Ц. 75 к.

Лабулэ, Эдуардъ.—Принцъ-пудель. Cosas de Espana. Полный перев. съ франц. П. Казановича. Спб. 907. Стр. 215. Ц. 50 к.

Лейченко, А.—Старое въ новомъ. Спб. 907. Изд. А. Артемьева. Стр. 181. Ц. 1 р.

Либкнехтъ, В.—Германія полвѣка тому назадъ (къ юбилею мартовской революціи). Съ портретомъ автора. Перев. съ нѣм. А. И. Ульяновой. Спб. 907. Стр. 110. Ц. 30 к.

Мирбо, О.—Себастьянъ Рокъ. Романъ нравовъ. Перев. съ франц. Анастасіи Чеботаревской. Изд. С. Скирмунта. Стр. 270. Ц. 1 р.

Нечаевъ, А. В.—Учебникъ минералогіи и геологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 219 рис. въ текстѣ. Изд. Пироговскаго тов. Кіевъ 907. Стр. VI+171. Ц. 80 к.

Новомбергскій, Н.—Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси. Томскъ 907. Стр. VII+387+XCIX+V. Ц. 2 р.

Петровскій, А. И.—Донскіе депутаты во II-й Госуд. Думѣ (Историческая справка). Правда о думской казачьей фракціи. Спб. 907. Стр. 136. Ц. 25 к.

Пибоди, Ф. Г.—Іисусъ Христосъ и соціальный вопросъ. Перев. С. П. Никитскаго. 2-ое испр. изд. М. 907. Стр. 319. Ц. 1 р. 25 к.

Пфеннигсдорфъ, Е.—Іисусъ Христосъ въ современной духовной жизни. Христіанское введеніе въ духовный міръ настоящаго времени. Перев. съ 7-го нѣм. изд. С. П. Никитскаго. Харьковъ 907. Стр. IV+304+VII. Ц. 1 р. 50 к.

Пыпинъ, А. Н.—Исторія русской литературы. Т. II. Изд. 3-е, безъ перем. Спб. 907. Стр. 552. Ц. 3 р.

Толстой, гр. А. К.—Полное собраніе стихотвореній. Т. I. Изд. 19-ое. Спб. 907. Изд. С. А. Хитрово. Съ портретомъ. Стр. XVI+367.

Тотоміанцъ, В. Ѳ.—Формы рабочаго движенія. 2-ое испр. и доп. изд. Спб. 907. Стр. 236. Изд. Н. Глаголева. Ц. 60 к.

Тэнъ, Ипполитъ.—Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Т. I. Старый порядокъ. Перев. съ 3-го фр. изд. Германа Лопатина. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 907. Стр. 576. Ц. 2 р. 50 к.

— Краткій очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности геологическаго комитета и отчетъ о состояніи и дѣят. геолог. комит. въ 1906 году. Спб. 907. Стр. 124.

— Краткое руководство для приготовленія домашнимъ способомъ булокъ, хлѣба, кондитерскихъ печеній, тортовъ и т. д. Составила Э. Кальнинкъ. Спб. 907. Стр. 132. Ц. 1 р. 20 к.

— Матеріалы къ познанію ископаемой флоры Домбровскаго каменноугольнаго бассейна. М. Д. Залѣсскаго. Съ 2 таблицами. Спб. 907. Стр. 68. 4°. (Труды геологич. комитета. Вып. 33). Ц. 1 р. 40 к.

— Монголія и Камъ. Труды экспедиціи Имп. Русскаго Геогр. общества, совершенной въ 1899—901 гг. подъ руководствомъ П. К. Козлова. Т. III. Вып. I. *Н. А. Тачаловъ.* Астрономическія наблюденія П. К. Козлова. Съ 20 таблицами. Спб. 907. Стр. 7+20. 4°. Т. V. *В. Біанки.* Матеріалы для авифауны Монголіи и вост. Тибета. Съ картою и 4 таблицами. Стр. 58+251. 4°.

— Наставленія для обученія войскъ гимнастикѣ и полевая гимнастика 1879 года. Изд. В. Березовскій. Спб. 907. Съ рис. и таблицами. Стр. 116+16. Ц. 35 коп.

— Отчетъ о дѣятельности врачей санитарнаго надзора на рр. Волгѣ и Камѣ и на Маріинской системѣ за 1906 г. Изд. управленія внутр. водныхъ путей и шоссейныхъ дорогъ. Спб. 907. Стр. 148.

— Отчетъ по лѣсному управленію за 1905 годъ. Спб. 1907. Стр. VII+497. Изд. Главнаго управленія землеустройства и земледѣлія.

— Пермскій научно-промышленный музей. Отчетъ за 1906 годъ. Стр. 48. Ц. 25 к. Библіотека музея. Вып. I. Каталогъ книгъ о Пермскомъ краѣ. Стр. 104. Пермь 907. Ц. 25 к. Краткій указатель. (Извлеченіе изъ Путеводителя И. Г. Остроумова). 16°. Стр. 16. Ц. 5 к.

— Попечительства о народной трезвости въ 1904 году. Спб. 907. Стр. 42+90+40. 4°. Изд. мин. финансовъ.

— Поѣздки заграницу (Voyages à l'Étranger). Двухнедѣльный журналъ. 1907 г. Августъ. Спб. 907. Стр. 144+32+12. Ц. 40 к.

— Протоколы Бердянскаго очередного уѣзднаго земскаго собранія 41 очередной сессіи. Бердянскъ. 1907. 4°. Стр. 267+39+70+21+129.

— Революціонное движеніе въ Россіи въ докладахъ министра Муравьева, съ предисл. Л. Мартова. 1894—1905. Съ приложеніями. Изд. книгоизд. „Лѣтописца". Спб. 907. Стр. 242.

— Свѣдѣнія о мужскомъ и женскомъ коммерческомъ училищѣ Н. М. Глаголевой. Съ прилож. программъ приготов. I, II, III и IV классовъ. Спб. 907. Стр. 46.

— „Сполохи". Альманахъ I. Издательство Стожары. М. 907. Стр. 111. Ц. 50 коп.

— Труды госпитальной хирургической клиники (Имп. Военно-медиц. академіи). Проф. С. П. Өедорова. Т. III. Ч. I. Спб. 907. Стр. 256.

— Труды русскаго Энтомологическаго общества въ Спб. Т. 38, № 1 — 2 Съ 6 таблицами и 3 фиг. въ текстѣ. Стр. 108 — 184. Ц. 4 р. № 3. Съ 2 фиг въ текстѣ. Подъ ред. Н. Я. Кузнецова. Спб., 907. Стр. 109—208. Ц. 1 р.

— Учебникъ грамоты для молодыхъ солдатъ. Сост. С. Миропольскій. Изд. 10-ое. Спб., 907. Стр. 111. Ц. 15 к.

— Энциклопедія практической медицины. Подъ редакціей д-ра М. Т. Schnirer и д-ра Н. Vierordt. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. проф. В. В. Подвысоцкаго и д-ра Л. Я. Якобзона. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 907. Томъ I, вып. 1. Ааресунъ—Бактеріи. Стр. 4 — 319. Ц. 1 р. 50 к.; в. 2. Бактеріи — Водяной ракъ. Ц. 1 р. 50 к.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1907 г.

Новыя международныя соглашенія. — Двѣ конвенціи—русско-японская и англо-русская.—Дипломатія короля Эдуарда VII.—Македонскій вопросъ и марокксвія дѣла.—Международный съѣздъ соціалистовъ. — Болгарскій юбилей.

Интересы международнаго общенія никогда еще, кажется, не поддерживались съ такою энергіею и не проявлялись въ такихъ разнообразныхъ формахъ, какъ въ настоящее время. Въ Гаагѣ засѣдаетъ еще вторая конференція мира, обсуждающая самые важные и коренные вопросы международной политической жизни; въ Штутгартѣ собрался международный соціалистическій конгрессъ при участіи многочисленныхъ представителей разныхъ странъ и народностей; свиданія монарховъ и руководящихъ министровъ великихъ державъ слѣдуютъ одно за другимъ; наконецъ, въ короткое время заключены три международныя конвенціи, изъ которыхъ каждая имѣетъ значеніе крупнаго политическаго событія. Послѣ франко-японской конвенціи 10 іюня (нов. ст.) состоялось соглашеніе между Россіею и Японіею, подписанное 17 (30) іюля въ Петербургѣ, а 18 (31) августа заключена давно ожидаемая англо-русская конвенція.

Оффиціальный текстъ русско-японскаго соглашенія очень кратокъ; онъ заключаетъ въ себѣ только двѣ статьи, съ маленькимъ дипломатическимъ вступленіемъ:

„Правительство Его Величества Императора Всероссійскаго и правительство его величества императора японскаго, желая упрочить мирныя и добрососѣдскія отношенія, столь счастливо возстановившіяся между Россіей и Японіей, и устранить всякіе поводы къ недоразумѣніямъ въ будущемъ, въ сношеніяхъ между двумя Имперіями, согласились на слѣдующія условія:

„Статья I. Каждая изъ высокихъ договаривающихся сторонъ обязуется уважать существующую территоріальную цѣлость другой и всѣ права, вытекающія для той и другой стороны изъ дѣйствующихъ трактатовъ, конвенцій и контрактовъ между ними и Китаемъ, копіи которыхъ были обмѣнены между договаривающимися сторонами (поскольку эти права совмѣстимы съ принципомъ общаго равноправія), изъ Портсмутскаго договора 23-го августа (5-го сентября) 1905 г., а равно изъ спеціальныхъ соглашеній, заключенныхъ между Россіей и Японіей.

„Статья II. Обѣ высокія договаривающіяся стороны признаютъ не-

зависимость и цѣлость территоріи Китайской имперіи и принципъ общаго равноправія по отношенію къ торговлѣ и промышленности всѣхъ націй въ этой имперіи и обязуются поддерживать и защищать сохраненіе status quo и означенный принципъ всѣми мирными средствами, имѣющимися въ ихъ распоряженіи".

Дипломатическій языкъ имѣетъ свои странности. Можно только порадоваться тому, что у насъ такъ скоро возстановились „мирныя и добрососѣдскія отношенія" съ Японіею; но не всякій пойметъ, въ какомъ смыслѣ употреблены при этомъ слова: „столь счастливо". События на Дальнемъ Востокѣ окончились весьма счастливо для Японіи и крайне несчастливо для Россіи; а съ тѣхъ поръ какъ они совершились, не произошло ничего такого, что̀ прямо или косвенно могло бы считаться благопріятнымъ для русскихъ интересовъ. Положеніе осталось именно такимъ, какимъ оно создано было рѣшительными японскими побѣдами на сушѣ и на морѣ: ни малѣйшей уступки намъ не сдѣлано, да мы и не имѣли основанія разсчитывать на какую-либо уступку со стороны противника, который еще недавно былъ для насъ „дерзкимъ" и „коварнымъ" врагомъ. Напротивъ, японцы благоразумно старались извлечь всѣ выгоды изъ своего положенія, прочно закрѣпили за собою достигнутые результаты и обезпечили для себя возможность спокойно пользоваться своими пріобрѣтеніями, не опасаясь „реванша",—при помощи дружественной и союзной Англіи, которая способствовала устройству франко-японскаго соглашенія и этимъ подготовила дипломатическую почву для дѣлового примиренія Россіи съ Японіею. Если мы вынуждены были примириться съ печальнымъ оборотомъ дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ и признать его окончательнымъ на долгіе годы впередъ, то что̀ же тутъ утѣшительнаго для русской дипломатіи, и съ какой точки зрѣнія можно назвать этотъ оборотъ „столь счастливымъ"?

Конвенція 17 (30) іюля есть только краткое предисловіе — или, вѣрнѣе, послѣсловіе,—къ заключеннымъ съ Японіею обстоятельнымъ договорамъ о рыбной ловлѣ у береговъ нашей Приморской области и о взаимныхъ торговыхъ сношеніяхъ; тексты этихъ договоровъ еще не обнародованы, но, насколько можно судить по проникшимъ въ печать извѣстіямъ, Россія уступила японцамъ больше, чѣмъ обязана была по Портсмутскому трактату, и предоставила имъ цѣнныя для нихъ льготы и преимущества по торговлѣ и судоходству, безъ соотвѣтственной компенсаціи, исключительно для доказательства своего искренняго желанія ликвидировать тяжелое наслѣдіе недавняго прошлаго и возстановить мирныя добрососѣдскія связи съ побѣдителями. Наши присяжные патріоты-націоналисты выступили уже съ горячими нападками и обвиненіями противъ дипломатическаго вѣдомства, не съумѣв-

шаго или не пожелавшаго отстоять русскіе національные интересы на Дальнемъ Востокѣ; но тѣ же патріоты являются усердными защитниками безотвѣтственности и неограниченности государственной власти, и слѣдовательно они не имѣютъ уже нравственнаго права возставать противъ неизбѣжныхъ послѣдствій этой безотвѣтственности правительства. Вѣдь не самовольно же дѣйствуютъ наши дипломаты, а съ согласія и одобренія верховной власти; противъ кого же протестуютъ эти убѣжденные сторонники стараго режима? Наши дипломатическіе дѣятели, въ отличіе отъ своихъ западно-европейскихъ и японскихъ коллегъ, не обязаны считаться съ общественнымъ мнѣніемъ; они не отвѣчаютъ предъ народнымъ представительствомъ и не должны бояться парламентскихъ запросовъ: ничто не измѣнилось въ этомъ отношеніи со времени японской войны, несмотря на категорическія конституціонныя обѣщанія 17 октября. И тѣ самые публицисты, которые съ наибольшимъ усердіемъ хлопотали, чтобы у насъ не было настоящей „конституціи“ и парламентаризма, удивляются теперь, что органы власти—и въ томъ числѣ дипломатія—дѣйствуютъ по старому!

Несомнѣнно, что прочное примиреніе съ Японіею, въ связи съ англо-русскимъ соглашеніемъ относительно разныхъ спорныхъ вопросовъ въ Азіи, было въ высшей степени желательно для нашего правительства въ виду продолжающагося внутренняго кризиса, требующаго напряженія всѣхъ государственныхъ силъ для борьбы съ повсемѣстной народной оппозиціей или крамолой. Заботы о незаконченныхъ или сомнительныхъ внѣшнихъ дѣлахъ связывали руки правительству въ нашей внутренней политикѣ; этимъ и объясняется та необыкновенная поспѣшность, съ какою заключены важныя и сложныя дѣловыя соглашенія съ Японіею и Англіею. На Западѣ, въ Европѣ, достигнуто дружественное сближеніе съ Германіею путемъ секретныхъ переговоровъ и свиданій въ Свинемюнде; на Востокѣ, въ Азіи, возстановлены мирныя „добрососѣдскія“ отношенія съ недавними врагами и улажены всѣ давнишніе споры съ нашими главными противниками и соперниками, англичанами. Понятно, что для скорѣйшаго достиженія такого желаннаго результата необходима была нѣкоторая уступчивость съ нашей стороны: это вытекало само собою изъ общаго положенія дѣлъ и изъ нашихъ собственныхъ печальныхъ обстоятельствъ. Осуждать эту уступчивость въ иностранныхъ дѣлахъ всего менѣе подобало тѣмъ, которые стоятъ за упорное продолженіе внутренней борьбы во имя сохраненія существенныхъ исконныхъ началъ стараго режима. Избавившись отъ внѣшнихъ тревогъ, правительство пріобрѣтаетъ полную свободу дѣйствій внутри страны; значительныя военныя силы, находившіяся въ разныхъ пограничныхъ областяхъ Азіи, могутъ быть размѣщены въ другихъ мѣстахъ, соотвѣтственно потребностямъ

и условіямъ внутренняго положенія. Независимо отъ этой ближайшей практической цѣнности состоявшихся дипломатическихъ сдѣлокъ для нынѣшняго нашего правительства, онѣ представляютъ огромный принципіальный успѣхъ для самой Россіи и для всей ея будущности,— и этотъ успѣхъ рѣшительно перевѣшиваетъ въ нашихъ глазахъ тѣ возраженія и сомнѣнія, которыя вызываются скрытыми „внутренними" мотивами и положительнымъ содержаніемъ указанныхъ актовъ.

Обѣ конвенціи — русско-японская и англо-русская — завершаютъ собою продолжительный, стоившій намъ чрезвычайно дорого періодъ военно-политической предпріимчивости въ средней и восточной Азіи,— періодъ опасныхъ, разорительныхъ и безцѣльныхъ авантюръ, которыя не разъ ставили насъ лицомъ къ лицу съ перспективою неминуемыхъ кровавыхъ столкновеній съ Англіею и ея союзниками. Неопредѣленные честолюбивые планы патріотовъ стараго режима тянули насъ то къ Индіи и къ Персидскому заливу, то къ Манчжуріи и Портъ-Артуру, и на эти ненужныя затѣи безотвѣтственныхъ фантазеровъ щедро тратились сотни милліоновъ рублей, безжалостно извлекаемыхъ изъ нищенской, періодически голодающей массы коренного русскаго населенія. Тѣ средства и усилія, которыя съ семидесятыхъ годовъ употреблялись на средне-азіатскія дѣла, были бы болѣе чѣмъ достаточны для введенія у насъ всеобщаго народнаго образованія, для основательнаго подъема народнаго земледѣлія и прочнаго улучшенія быта нашего крестьянства. Возбуждая противъ себя постоянную вражду и подозрительность англичанъ, обезпокоенныхъ насчетъ безопасности своего владычества въ Индіи, наша азіатская политика создавала намъ тяжелыя затрудненія на европейскомъ юго-востокѣ, гдѣ намъ приходилось сталкиваться съ Турціею на почвѣ интересовъ и традицій, настойчиво напоминавшихъ о себѣ при каждомъ серьезномъ кризисѣ или замѣшательствѣ на Балканскомъ полуостровѣ. Во время русско-турецкой войны и на берлинскомъ конгрессѣ мы расплачивались за средне-азіатскія увлеченія; въ 1885 году Россія едва избѣгла войны съ Англіею изъ-за стычки съ афганцами на Кушкѣ; непріязненное англо-русское соперничество сдѣлалось какъ бы обязательнымъ элементомъ международной политики; оно сопутствовало и послѣднимъ злополучнымъ предпріятіямъ въ Китаѣ и у Тихаго океана. Опасенія русскихъ замысловъ на Дальнемъ Востокѣ побудили Англію заключить союзъ съ Японіею; наконецъ, японская война положила конецъ нашимъ безсмысленнымъ азіатскимъ мечтаніямъ, подобно тому какъ полустолѣтіемъ раньше севастопольскій разгромъ положилъ конецъ притязаніямъ нашихъ правителей на руководящую роль въ Европѣ. Теперь мы поневолѣ должны отречься отъ активной наступательной политики въ Азіи, и заключенныя нынѣ конвенціи суть

именно акты такого отреченія. Обычныя мысли о возмездіи, стремленія къ будущимъ войнамъ съ цѣлью обратнаго завоеванія потерянныхъ позицій или, по крайней мѣрѣ, возстановленія утраченнаго военнаго престижа, — мысли и стремленія, вытекающія изъ ложнаго національнаго самолюбія и тщетно поддерживаемыя въ печати нѣкоторыми патріотами, — формально отвергнуты и устранены новыми дипломатическими договорами. Россія освобождается такимъ образомъ отъ кошмара дальнѣйшихъ военно-политическихъ приключеній, и если этому способствовали соображенія внутренней политики, то можно сказать: нѣтъ худа безъ добра. Конвенціи 17-го іюля и 18-го августа безповоротно рѣшаютъ вопросъ, который въ близкомъ будущемъ могъ бы послужить источникомъ новыхъ опасныхъ блужданій и честолюбивыхъ проектовъ. Отнынѣ нѣтъ у насъ щекотливыхъ счетовъ ни съ Англіею, ни съ Японіею: недавнее прошлое предается забвенію, и мы можемъ спокойно заняться устройствомъ нашихъ внутреннихъ дѣлъ для пользы народа. Остается только пожелать, чтобы и въ этой области внутренняго устроенія прекратилась безплодная борьба и чтобы между правителями и управляемыми установились такія же мирныя, дружественныя отношенія, какія „столь счастливо“ возстановлены теперь между великими державами въ Европѣ и въ Азіи.

Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ устроителей международныхъ дипломатическихъ соглашеній и сближеній является въ наше время король Эдуардъ VII, успѣшно соперничающій съ Вильгельмомъ II по части заграничныхъ путешествій. Не будучи самодержавнымъ монархомъ и потому пользуясь неограниченною свободою передвиженій и дѣйствій, англійскій король оказываетъ несомнѣнно большое и благотворное вліяніе на политику, и это вліяніе постоянно принимается теперь въ разсчетъ при оцѣнкѣ общаго международнаго положенія въ Европѣ. Крайне общительный и жизнерадостный по натурѣ, Эдуардъ VII повсюду дѣйствуетъ въ духѣ искренняго миролюбія, смягчаетъ возможныя недоразумѣнія и облегчаетъ дружескіе компромиссы; издавна, еще въ качествѣ наслѣдника престола, онъ старался подготовить соглашеніе между Англіею и Франціею, для чего сблизился съ Гамбеттою и съ другими выдающимися французскими дѣятелями во время своихъ частыхъ посѣщеній Парижа, и нельзя отрицать, что нынѣшняя франко-британская дружба, имѣющая отчасти характеръ союза, есть прежде всего результатъ его личныхъ усилій. Конечно, онъ ничего не предпринималъ безъ вѣдома и согласія отвѣтственнаго правительства своей страны, но онъ легко устраивалъ то, что не могло быть достигнуто профессіональными дипломатами.

Такъ, напримѣръ, между Англіею и Германіею существуетъ скрытый антагонизмъ, замѣтно отражающійся и на оффиціальныхъ отношеніяхъ обоихъ государствъ; Германія постепенно становится первоклассною морскою державою, стремится расширить свои колоніальныя владѣнія и готовится оспаривать торговое первенство Англіи въ разныхъ частяхъ свѣта; между вліятельными газетами обѣихъ странъ возбуждается часто непріязненная и нерѣдко весьма ядовитая полемика, свидѣтельствующая о недоброжелательныхъ взаимныхъ чувствахъ. Оффиціальная дипломатія не имѣетъ тутъ опредѣленнаго матеріала для обсужденія и не можетъ ничего сдѣлать своимъ вмѣшательствомъ; она только опровергаетъ прямыя обвиненія, въ родѣ указаній на умышленное будто бы содѣйствіе возставшимъ туземцамъ южно-африканскихъ германскихъ колоній, но эти опроверженія остаются безплодными и даютъ лишь новую пищу для газетныхъ нападокъ. Настроеніе противниковъ сразу измѣняется, когда добродушный король Эдуардъ, въ качествѣ родного дяди германскаго императора, отправляется къ нему съ визитомъ и обмѣнивается любезностями съ Вильгельмомъ II; поѣздка англійскаго короля въ Германію заставляетъ всю европейскую печать говорить объ англо-германскомъ сближеніи, и поводы къ взаимному неудовольствію забываются или исчезаютъ на время.

Впрочемъ, на этотъ разъ свиданіе Эдуарда VII съ Вильгельмомъ II въ замкѣ Вильгельмсгёе, близъ Касселя, 14 (1) августа, должно было имѣть серьезное политическое значеніе, такъ какъ короля сопровождалъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, сэръ Чарльзъ Гардингъ, и съ другой стороны присутствовалъ германскій канцлеръ, князь Бюловъ. Оба дипломата прибыли въ Вильгельмсгёе, разумѣется, не для простого развлеченія; но политическія бесѣды пріобрѣтаютъ особый оттѣнокъ, когда онѣ происходятъ при обстановкѣ дружескаго свиданія монарховъ, вдали отъ оффиціальныхъ дипломатическихъ канцелярій. Самая встрѣча монарховъ, какъ удостовѣряютъ газеты, отличалась чисто-родственною сердечностью; подчеркивается даже то обстоятельство, что они облобызались „въ обѣ щеки"; разговоръ велся сначала на англійскомъ языкѣ, но за обѣдомъ Эдуардъ VII произнесъ свой отвѣтный тостъ по-нѣмецки. Въ обоихъ тостахъ выражались самыя лучшія пожеланія относительно взаимныхъ отношеній обѣихъ націй; однако въ рѣчи Вильгельма II говорилось больше о фамильныхъ чувствахъ, а въ рѣчи короля преобладали національно-политическіе мотивы. „Мое величайшее желаніе,—сказалъ, между прочимъ, король Эдуардъ,—видѣть истинную дружбу между обѣими странами; я радуюсь, что ваше величество собираетесь посѣтить меня въ Англіи; я твердо убѣжденъ, что не только моя семья, но и весь англійскій на-

родъ съ величайшею радостью встрѣтитъ ваше величество". Нѣмецкая печать не могла не придти въ умиленіе отъ этихъ словъ, и слѣды непріязни и недовѣрія исчезли изъ газетныхъ отзывовъ и сужденій объ Англіи.

Исполнивъ свою миссію въ Вильгельмсгёе, Эдуардъ VII на слѣдующій день былъ уже въ гостяхъ у императора Франца-Іосифа, въ Ишлѣ, куда прибылъ и австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Эренталь; затѣмъ онъ отправился для отдыха въ Маріенбадъ, гдѣ его посѣтилъ приглашенный имъ на свиданіе французскій министръ-президентъ Клемансо. Въ то же время итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ Титтони ѣздилъ къ своему австрійскому коллегѣ и потомъ побывалъ въ Ишлѣ. О чемъ такъ дѣятельно совѣщались дипломаты и что̀ составляло предметъ и цѣль этихъ свиданій монарховъ и оживленныхъ бесѣдъ ихъ министровъ? Кромѣ общей цѣли — улучшенія взаимныхъ отношеній между государствами — имѣлось въ виду соглашеніе, во-первыхъ, относительно македонскихъ дѣлъ, наиболѣе интересующихъ Австро-Венгрію и Италію, и во-вторыхъ, относительно мароккс随 вопроса, озабочивающаго главнымъ образомъ Германію, Францію и Англію.

Македонія давно уже находится подъ номинальною опекою Европы, отъ имени которой двѣ державы, Австро-Венгрія и Россія, взяли на себя заботу о введеніи необходимыхъ реформъ и обезпеченіи внутренняго порядка въ странѣ; эта программа мнимыхъ реформъ примѣняется уже десять лѣтъ, въ Македоніи устроено какое-то подобіе международной жандармеріи и предположены зачатки административно-финансоваго контроля, подъ верховною властью турецкаго султана, но кровавыя внутреннія междоусобія сдѣлались хроническими, и положеніе несчастной страны всѣми признается невыносимымъ. Организованные греческіе отряды нападаютъ иа болгарскія села и вырѣзываютъ жителей, болгары въ свою очередь дерутся съ сербами и греками, а турки покровительствуютъ грекамъ, какъ болѣе благонадежнымъ, и открыто помогаютъ имъ въ патріотическомъ дѣлѣ истребленія крамольниковъ—болгаръ и сербовъ; опекунская дипломатія перестала даже слѣдить за однообразнымъ ходомъ этой безнадежной рѣзни, считая ее какъ бы неизбѣжною и неустранимою принадлежностью установленнаго status quo. Для вѣнскаго кабинета весь македонскій вопросъ сводится къ сохраненію и расширенію австрійскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ; главныя заботы направлены къ тому, чтобы не давать поводовъ для вмѣшательства постороннихъ державъ и для созданія какихъ-либо новыхъ международныхъ комбинацій, касающихся Македоніи, а что̀ собственно дѣлается съ самими македонцами—это въ сущности безразлично съ точки зрѣнія дипло-

матіи. Австро-Венгрія замѣняетъ теперь Европу для Македоніи, какъ и для другихъ балканскихъ областей и государствъ,—какъ отчасти и для самой Турціи; Россія едва принимается уже въ разсчетъ на ближнемъ Востокѣ, съ тѣхъ поръ какъ она занялась дальнимъ Востокомъ; она пассивно слѣдуетъ за Австріею и молчаливо подписываетъ всѣ ея рѣшенія и заявленія, охраняя неприкосновенность пресловутой „мюрцштегской" программы. Только англичане не могутъ успокоиться и иногда выказываютъ интересъ къ судьбѣ Македоніи и ея безправныхъ обитателей; они полагаютъ, что обязанность Европы, т.-е. великихъ державъ, участвовавшихъ въ подписаніи берлинскаго трактата, — позаботиться о дѣйствительномъ прекращеніи неслыханныхъ бѣдствій, терзающихъ несчастную страну, а не ограничиваться только обереганіемъ безплодныхъ дипломатическихъ формулъ. Но вѣнскій кабинетъ твердо стоитъ на своемъ и беретъ на себя всякія дальнѣйшія опекунскія мѣры, лишь бы не нарушать status quo, а такъ какъ „посторонпія" европейскія націи никакихъ серьезныхъ интересовъ, ни коммерческихъ, ни политическихъ, въ Македоніи не имѣютъ, то положеніе остается прежнимъ, и австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ легко убѣждаетъ своихъ оппонентовъ въ невозможности или опасности вновь поднимать вопросъ и дѣлать его предметомъ международнаго обсужденія. Послѣ бесѣдъ барона Эренталя съ королемъ Эдуардомъ и сэромъ Гардингомъ, какъ и позднѣе—съ Титтони, австрійскія оффиціозныя газеты съ удовольствіемъ сообщали, что австро-венгерская точка зрѣнія сохраняетъ свою силу и на будущее время и что въ Македоніи будетъ преобразована судебная организація съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ проведено учрежденіе международной жандармеріи.

Нѣкоторую аналогію съ Македоніею представляетъ и Марокко: Марокко также состоитъ подъ опекою Европы, при ближайшемъ фактическомъ участіи двухъ уполномоченныхъ державъ — Франціи и Испаніи, взявшихъ на себя устройство международной полиціи въ извѣстныхъ пунктахъ; разница только въ томъ, что Марокко считается самостоятельнымъ государствомъ и по своему географическому положенію, какъ и по размѣрамъ своихъ торговыхъ сношеній, представляетъ огромный интересъ для нѣкоторыхъ изъ наиболѣе могущественныхъ европейскихъ націй — для Германіи, Англіи и Франціи. Французское правительство, вмѣстѣ съ испанскимъ, имѣетъ относительно Марокко опредѣленныя полномочія, которыя оно также выполняетъ самостоятельно, безъ замѣтнаго участія Испаніи,—подобно тому, какъ Австрія распоряжается на Балканскомъ полуостровѣ при номинальномъ только участіи Россіи; но Франція вынуждена точно держаться постановленій международной алжесирасской конференціи, за соблю-

деніемъ которыхъ зорко слѣдитъ Германія, и въ этомъ кроется источникъ возможныхъ пререканій и конфликтовъ, болѣе или менѣе опасныхъ для общаго мира. Послѣднія событія въ Марокко наглядно доказали всю тщету искусственныхъ политическихъ комбинацій, предполагающихъ коллективную опеку иностранныхъ государствъ надъ чуждымъ и неподвластнымъ имъ народомъ. Въ концѣ іюля туземцы въ Казабланкѣ напали на портовыя сооруженія, производимыя европейцами, разрушили начатыя постройки, разбили локомотивъ и умертвили восемь человѣкъ, въ томъ числѣ пять французовъ; толпы туземныхъ патріотовъ, возбужденныхъ фанатическими рѣчами мусульманскихъ проповѣдниковъ, угрожали смертью всѣмъ вообще иноземцамъ, но были на первыхъ порахъ разсѣяны высадившимися съ французскаго крейсера матросами. Нѣсколько дней спустя, стали собираться въ окрестностяхъ многочисленные отряды вооруженныхъ всадниковъ, кабиловъ, готовясь къ „священной войнѣ" противъ иновѣрцевъ и иноземцевъ, вздумавшихъ завладѣть ихъ родиной; особенно пугала и возмущала ихъ мысль о желѣзной дорогѣ, которую будто бы предполагалось построить черезъ ихъ территорію. Эти арабскія полчища ворвались 5 августа (нов. ст.) въ городъ и совершили въ немъ рядъ жестокихъ звѣрствъ, причемъ особенно пострадали туземные бѣдняки-евреи; немногіе европейцы и иностранные консулы успѣли спрятаться въ хорошо защищенныхъ домахъ, подъ охраною матросовъ и при весьма сомнительной и недостаточной помощи войскъ, находившихся въ распоряженіи мѣстнаго губернатора, который вообще склоненъ былъ воздерживаться отъ вмѣшательства въ дѣйствія своихъ соплеменниковъ и только крайне неохотно подчинялся призывамъ иностранныхъ представителей. Два дня владѣли городомъ кабилы; для изгнанія ихъ французская эскадра бомбардировала Казабланку и почти совершенно разрушила значительную часть города; нѣкоторые выстрѣлы попали въ мусульманскія мечети, что̀ еще болѣе разожгло мусульманскій фанатизмъ. Кабилы удалились на время, но затѣмъ собрались вновь въ еще болѣе значительномъ числѣ; они неоднократно повторяли свои смѣлые набѣги, но каждый разъ отступали подъ сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ французовъ.

Эти военныя дѣйствія отдѣльной европейской державы въ предѣлахъ Марокко не были предусмотрѣны алжесирасскою конференціею и даже прямо возбранялись ею; а между тѣмъ они вызваны настоятельною необходимостью, и противъ нихъ ничего не можетъ сказать самая придирчивая и недовѣрчивая дипломатія. Но какъ справиться съ туземнымъ населеніемъ Марокко и съ родственными ему воинственными обитателями пустыни? Внутренняя государственная власть безсильна, или, вѣрнѣе, она фактически почти совсѣмъ не существуетъ;

султанъ, имѣющій свою резиденцію въ Фецѣ, не располагаетъ никакими реальными силами, и противъ него поднялись два конкуррента, изъ которыхъ каждый имѣетъ своихъ вліятельныхъ и многочисленныхъ приверженцевъ. Для водворенія порядка въ странѣ и для обезпеченія прочной безопасности европейцевъ пришлось бы предпринять цѣлую военную экспедицію и потомъ оставить гарнизоны въ главныхъ торговыхъ центрахъ; другими словами, произошло бы завоеваніе Марокко, которое однако немыслимо при существующемъ соперничествѣ заинтересованныхъ державъ. Такимъ образомъ, весь планъ алжесирасской конференціи оказывается построеннымъ на пескѣ и падаетъ, какъ карточный домикъ, при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью. Марокко признано самостоятельнымъ государствомъ и въ то же время подвергнуто постоянному иноземному вмѣшательству во имя защиты интересовъ пришлыхъ поселенцевъ, предпринимателей и коммерсантовъ; при этомъ упущено изъ виду вполнѣ естественное предположеніе, что Марокко, будучи самостоятельнымъ государствомъ, можетъ пожелать избавиться отъ иностранныхъ благодѣтелей и устроить свою жизнь по своимъ собственнымъ понятіямъ, идеямъ и вѣрованіямъ, безъ стѣснительной иноземной опеки. Марокко, съ его своеобразнымъ мусульманскимъ населеніемъ, было принято почему-то за свободную область для европейской колонизаціи, и между посторонними націями возникли только споры о томъ, кому и какъ и въ какихъ предѣлахъ слѣдуетъ по взаимному соглашенію распоряжаться въ этой странѣ. Подобный взглядъ на чужія земли, занятыя не-европейскими, малокультурными расами, лежитъ въ основѣ всей такъ называемой колоніальной политики современныхъ просвѣщенныхъ государствъ; онъ въ существѣ глубоко несправедливъ, предполагая безправіе народовъ, имѣющихъ свои вѣковыя права и традиціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ошибоченъ на практикѣ, вслѣдствіе чего приводитъ къ крайне тягостнымъ разочарованіямъ и неожиданностямъ. Даже африканскіе готтентоты и герреро не расположены подчиняться культурнымъ нѣмецкимъ пришельцамъ и упорно возстаютъ противъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, къ удивленію и неудовольствію германской дипломатіи; какъ же можно было ожидать, что туземные жители Марокко и пограничныхъ съ нимъ областей согласятся признать свои земли безхозяйными, подлежащими свободному завладѣнію иноземными предпринимателями? Къ сожалѣнію, этотъ принципіальный вопросъ не существуетъ для дипломатіи, и оттого такъ часто выступаютъ предъ нею неразрѣшимыя и опасныя задачи, вызывающія тревогу въ культурномъ мірѣ.

Международный соціалистическій конгрессъ, засѣдавшій въ Штутгартѣ, отличался необычайнымъ многолюдствомъ и оживленіемъ; въ скромную вюртембергскую столицу прибыло изъ разныхъ странъ и мѣстъ 886 делегатовъ, въ томъ числѣ изъ Германіи—300, изъ Англіи—123, изъ Австріи, Венгріи и Чехіи—141, изъ Франціи—78, изъ Россіи—37, изъ Соединенныхъ штатовъ—20, изъ Италіи—13, даже изъ Японіи, южной Африки и Австраліи—по одному представителю. Собрались знаменитѣйшіе ораторы, проповѣдники и теоретики соціализма—Бебель, Каутскій, Фольмаръ, Вандервельде, Жоресъ, Гедъ, Валльянъ, Гервè и другіе, — и имъ предоставлено публично громить существующій общественный строй, принимать соотвѣтственныя резолюціи и произносить „разрушительныя" рѣчи, не опасаясь ни вмѣшательства полиціи, ни привлеченія къ суду.

Подробные отчеты о конгрессѣ печатались во всѣхъ газетахъ, и многіе невольно вспоминали то отдаленное время, когда соціалъ-демократія подвергалась еще преслѣдованіямъ и ограниченіямъ и когда организація подобнаго съѣзда въ предѣлахъ Германіи казалась несовмѣстимою съ интересами общественной безопасности. Теперь никому уже не приходило въ голову безпокоиться по поводу вопроса о разрѣшеніи или запрещеніи конгресса; требовалось только соблюденіе установленныхъ закономъ формальностей, и затѣмъ полиція, сообразно своему истинному назначенію, старательно слѣдила за внѣшнимъ порядкомъ на улицѣ, у входа въ помѣщеніе конгресса. Одинъ только разъ вмѣшалась правительственная власть,—когда британскій делегатъ Квельчъ позволилъ себѣ оскорбительно отозваться о членахъ Гаагской конференціи мира, назвавъ ихъ шайкою мошенниковъ; на имя предсѣдателя, депутата Зингера, была на слѣдующій день прислана оффиціальная бумага съ предложеніемъ, чтобы Квельчъ въ ближайшемъ засѣданіи взялъ свои слова назадъ; Квельчъ не только не исполнилъ этого требованія, но еще подтвердилъ и усилилъ свои рѣзкія выраженія, послѣ чего ему пришлось немедленно выѣхать изъ предѣловъ страны. Сверхъ этого эпизода, никакихъ непріятныхъ инцидентовъ или столкновеній съ полиціею не было, и занятія конгресса прошли вполнѣ благополучно.

Таковъ установившійся законный порядокъ вещей въ маленькомъ государствѣ могущественной Германіи. А у насъ даже законнѣйшій по своимъ задачамъ и программѣ съѣздъ „кадетской" партіи не разрѣшается только потому, что эта партія—оппозиціонная! Вюртембергъ нисколько не поколебался въ своихъ монархическихъ учрежденіяхъ и законахъ отъ того, что въ Штутгартѣ собрались и шумно спорили между собою соціалисты разныхъ странъ и на разныхъ языкахъ; напротивъ, эти учрежденія и законы только лишній разъ оправдали

свое существованіе, показавъ наглядно возможность полной свободы собраній и мнѣній при монархическомъ государственномъ строѣ.

Изъ крупныхъ общихъ вопросовъ, поставленныхъ на обсужденіе конгресса, съ наибольшею горячностью обсуждались два—о милитаризмѣ и колоніальной политикѣ. По обоимъ вопросамъ образовалось два теченія—склоннаго къ компромиссамъ большинства и непримиримаго меньшинства. Относительно милитаризма выработана была очень длинная и подробно мотивированная резолюція, такъ какъ, по словамъ докладчика Вандервельде, не было времени изложить ее короче; милитаризмъ безусловно осуждается, но при выборѣ способовъ отрицанія войны и противодѣйствія ея принципамъ предоставляется соціалистамъ отдѣльныхъ странъ поступать въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ политическихъ условій и обстоятельствъ. Французскій делегатъ Гервè требовалъ, чтобы признана была необходимость военной забастовки въ случаѣ объявленія войны; но огромное большинство высказалось противъ этой радикальной мѣры, которая, однако, и не отвергнута текстомъ резолюціи, и потому послѣдняя могла пройти единогласно, при шумномъ одобреніи самого Гервè. По колоніальному вопросу предложены были двѣ резолюціи, изъ которыхъ одна отвергаетъ въ принципѣ всякую вообще колоніальную систему, какъ основанную на нарушеніи чужихъ человѣческихъ правъ, а другая высказывается лишь противъ хищнической капиталистической политики; потомъ, послѣ долгихъ и бурныхъ преній, уже при баллотировкѣ, первая резолюція—меньшинства—была неожиданно превращена въ поправку ко второй резолюціи, взамѣнъ ея перваго пункта, и въ такомъ видѣ была принята, по очевидному недоразумѣнію, большинствомъ, при громкихъ ликованіяхъ меньшинства; обѣ формулы спутались вмѣстѣ, и получился какой-то двусмысленный результатъ, неясный для самихъ участниковъ голосованія.

При пестромъ составѣ конгресса и при слишкомъ частомъ взаимномъ непониманіи его членовъ трудно было соблюдать строго-корректный парламентскій порядокъ преній; особенно удивляли публику англійскіе и отчасти также французскіе делегаты: они больше всего шумѣли и иногда приводили въ отчаяніе предсѣдателя Зингера. Англичане начали съ того, что стали обвинять и поносить другъ друга: представители англійской соціалъ-демократической федераціи требовали устраненія делегатовъ „рабочей партіи“, какъ не соціалистической и притомъ виновной въ предосудительныхъ и мошенническихъ пріемахъ во время агитаціи при выборахъ въ парламентъ, и т. п. Насилу удалось прекратить эту распрю, предложивъ передать возникшій споръ на разсмотрѣніе международнаго бюро. Въ другомъ случаѣ, когда большинство рѣшило прекратить пренія, англійскіе делегаты выразили свое неудовольствіе за то, что ихъ не выслушали, и подняли по этому

поводу неслыханный скандалъ: наступали на президіумъ съ кулаками, вскакивали на столы и стулья, и непрерывно кричали, такъ что предсѣдатель совершенно растерялся; извѣстный англійскій соціалистъ Гайндманъ, человѣкъ очень почтенный и уже пожилой (65-ти лѣтъ), пришелъ въ настоящую ярость, и долго нельзя было его успокоить. Вообще надо сказать, что соціалъ-демократы разныхъ націй дали въ Штутгартѣ плохую иллюстрацію къ девизу своей партіи: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!" Не только не было единенія, но не было и простой терпимости къ чужимъ взглядамъ, не было и уваженія къ чужой личности, и на каждомъ шагу обнаруживался непримиримый духъ узкаго сектантства, имѣющій мало общаго съ широкими объединительными задачами соціализма.

Въ ряду делегатовъ присутствовала на конгрессѣ молодая индусская женщина, произведшая большой эффектъ своимъ появленіемъ на трибунѣ въ длинномъ бѣломъ шолковомъ балахонѣ; она произнесла пламенную рѣчь въ защиту свободы и самоуправленія Индіи, съ негодованіемъ говорила о британскомъ владычествѣ и въ заключеніе развернула знамя индусской независимости, среди восторженныхъ рукоплесканій публики. Англійскіе делегаты съ своей стороны внесли резолюцію, требующую освобожденія Индіи отъ постыднаго эксплуататорскаго британскаго гнета; они не объяснили при этомъ, въ чемъ собственно выражается этотъ гнетъ и слѣдуетъ ли оставить туземныя народности подъ безконтрольною властью индусскихъ князей и аристократическихъ кастъ; осталось также неяснымъ, какую связь имѣетъ вопросъ о политической свободѣ Индіи съ идеями и программою соціалъ-демократіи. Тѣмъ не менѣе, резолюція была встрѣчена весьма сочувственно, такъ какъ общій смыслъ ея казался симпатичнымъ. Конгрессъ закрылся 24 (11) августа, выразивъ, между прочимъ, пожеланіе успѣха русской революціи, причемъ устроена была овація русскимъ представителямъ.

Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ болгарское народное собраніе въ Тырновѣ единогласно избрало княземъ принца Фердинанда Кобургскаго, внука французскаго короля Луи-Филиппа. Въ Болгаріи управлялъ тогда, въ званіи регента, Стамбуловъ, и благодаря усиліямъ россійскихъ патріотовъ, страна, освобожденная Россіею отъ турецкаго ига, все болѣе выходила изъ-подъ господствовавшаго вліянія и авторитета державы-освободительницы, систематически отталкивалась отъ нея грубыми запугивающими пріемами нашихъ отечественныхъ военно-дипломатическихъ дѣятелей и должна была искать защиты и покровительства Австріи и Англіи. Болгарія находилась тогда

подъ гнетомъ формальной опалы, объявленной ей могущественнымъ, грознымъ, самодержавнымъ русскимъ правительствомъ; наши естественныя связи съ Болгарскимъ княжествомъ были порваны, всякія сношенія съ болгарскимъ народомъ прекратились, и страна была вполнѣ предоставлена самой себѣ. Россія отреклась отъ Болгаріи, привыкшей видѣть и уважать въ ней свою великодушную заступницу, — отреклась за то, что она не пожелала промѣнять турецкое начальство на русское и не согласилась признать своимъ правителемъ русскаго губернатора съ титуломъ болгарскаго князя, въ лицѣ князя Мингрельскаго.

Избранный болгарами князь изъ дома Кобурговъ долго назывался въ нашихъ патріотическихъ газетахъ не иначе какъ „лже-княземъ" или „самозванцемъ", ибо подлиннымъ и законнымъ княземъ Болгаріи могъ быть только кавказскій или иной россійскій помпадуръ. Россія была тогда первенствующею державою въ Европѣ: внутреннее безсиліе ея подъ мертвящимъ гнетомъ самовластія было еще тайной будущаго,—оно было скрыто отъ поверхностныхъ наблюдателей принудительною тишиною народнаго прозябанія и обманчивымъ внѣшнимъ могуществомъ. Гнѣвъ Россіи угнеталъ Болгарію; положеніе принца Фердинанда было крайне трудное. Не признанный европейскою дипломатіею, онъ терпѣливо и бодро переносилъ невзгоды первыхъ лѣтъ своего номинальнаго правленія; онъ поневолѣ мирился съ тяжелымъ режимомъ Стамбулова, старался сблизиться съ народомъ, изучалъ болгарскій языкъ и нравы, добросовѣстно исполнялъ принятыя на себя обязанности и мало-по-малу вошелъ въ роль дѣйствительнаго болгарскаго князя. Теперь онъ признанъ всѣми державами, и въ числѣ поздравленій ко дню его двадцатилѣтняго юбилея получена имъ оффиціальная телеграмма отъ русскаго Государя.

Чего же достигла Россія своимъ многолѣтнимъ бойкотированіемъ Болгаріи? Она достигла дѣйствительнаго отчужденія, достигла того, что русское вліяніе въ Болгаріи, какъ и на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, равняется теперь нулю. „Лже-князь" понынѣ остается княземъ, а россійскіе патріоты, неустанно громившіе болгаръ за непослушаніе и неблагодарность, давно уже забыли о Болгаріи, продолжая съ такимъ же усердіемъ громить болѣе близкихъ намъ финляндцевъ, поляковъ и прочихъ инородцевъ. Судьба нашихъ отношеній съ Болгаріею ничему не научила отечественныхъ охранителей; но какой опытъ можетъ дѣйствовать на людей, для которыхъ даже тяжкіе удары Мукдена и Цусимы прошли безслѣдно?!

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Bernard Shaw. „John Bull's other Island“ and „Major Barbara“. Стр. 292. London 1907 (Constable).

Бернардъ Шоу пользуется въ Англіи большой популярностью, пріобрѣтенной, однако, не подчиненіемъ вкусамъ публики, а напротивъ того—рѣзкостью и откровенностью нападокъ на самодовольное англійское общество. И вотъ въ чемъ особенность положенія Бернарда Шоу. Онъ—идейный протестантъ и демократъ, возстающій противъ всякихъ классовыхъ различій, противъ всѣхъ предразсудковъ, и твердо исповѣдуетъ принципы соціализма. Это, казалось бы, должно было дѣлать его апостоломъ своихъ идей, учителемъ, за которымъ идутъ обращенные имъ, и котораго ненавидятъ тѣ, на кого онъ нападаетъ. Съ Бернардомъ Шоу, однако, произошло нѣчто противоположное—онъ „вошелъ въ моду“. Фешенебельная вестъ-эндская публика толпится на его лекціяхъ, увлекается его комедіями, его рѣчами, его статьями; онъ „нравится“ — нравятся его дерзости, его каррикатурное изображеніе національныхъ чертъ. Для проповѣдника общественнаго переворота, или даже только коренныхъ реформъ, такой успѣхъ вовсе не благопріятенъ,—и дѣйствительно Бернардъ Шоу, при всей рѣзкости своихъ общественныхъ сатиръ и своихъ соціалистическихъ проповѣдей, все же скорѣе интересный писатель, чѣмъ общественный дѣятель, проводящій свои принципы въ жизнь. Для такой миссіи ему не хватаетъ фанатизма. Онъ въ сущности никого не осуждаетъ. Онъ только выясняетъ психологію англійскаго консерватизма, а также доказываетъ привилегированнымъ классамъ, что ихъ торжество не будетъ долго длиться и что они сами готовятъ возмущеніе противъ себя.

Но именно преобладаніе психологическаго анализа надъ стихійнымъ не разсуждающимъ гнѣвомъ и ослабляетъ идейную пропаганду Бернарда Шоу. Съ его психологическими толкованіями и выводами можно соглашаться или не соглашаться—а въ его остроумномъ блестящемъ изложеніи они всегда интересны,—но они ни къ чему не обязываютъ. Поэтому, хотя Бернардъ Шоу—членъ соціалистической партіи и выступаетъ представителемъ ея на митингахъ и въ печати, но, какъ партійный дѣятель, онъ слишкомъ безпристрастенъ, слишкомъ склоненъ оправдывать все психологически, и потому въ его обличеніяхъ нѣтъ разрушительнаго яда. Вестъ-эндская публика можетъ спокойно ходить на его чтенія, выслушивать его дерзкія обвиненія—и уходить домой съ

прежней увѣренностью въ себѣ и съ пріятнымъ сознаніемъ еще одного своего драгоцѣннаго національнаго свойства — свободолюбія и уваженія къ личности всякаго человѣка — по крайней мѣрѣ всякаго англичанина, — признанія за нимъ права осужденія и критики, поскольку она интересна, остроумна и не переходитъ въ реальную опасность.

Но недостатки Бернарда Шоу, какъ партійнаго дѣятеля и проповѣдника общественнаго переустройства, становятся достоинствами его, какъ писателя. Въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ онъ—тонкій психологъ и сатирикъ. Особенность его сатиры заключается въ отсутствіи желчности, а также въ томъ, что, исповѣдуя самъ опредѣленные взгляды, во имя ихъ онъ не творитъ суда надъ людьми противоположныхъ жизненныхъ принциповъ. Онъ не судитъ, а наблюдаетъ, и извлекаетъ изъ своихъ наблюденій очень мѣткія характеристики. То, къ чему тяготѣетъ Бернардъ Шоу, опредѣленно и ясно сказывается въ его художественныхъ и теоретическихъ произведеніяхъ. Онъ—крайній индивидуалистъ, доводящій культъ свободы личности до протеста противъ всякихъ ограниченій во имя нравственныхъ законовъ. Онъ стремится къ осуществленію закона справедливости и, видя путь къ этому осуществленію въ соціалистической пропагандѣ, примыкаетъ самъ къ ней. Его философскіе и эстетическіе вкусы влекутъ его къ людямъ безнадежно непрактичнымъ въ своей чисто духовной жизни, къ мечтателямъ, почти безумцамъ съ житейской точки зрѣнія,—но это не мѣшаетъ ему признавать силу людей, преуспѣвающихъ въ своемъ трезвомъ пониманіи жизненныхъ цѣлей. Любимая тема Бернарда Шоу — столкновенія между мечтателями и практическими людьми, причемъ онъ съ легкой ироніей изображаетъ крайности того и другого жизнепониманія и, никого не осуждая, изображаетъ жизнь какъ синтезъ этихъ крайностей, дополняющихъ одна другую. Чувство справедливости, которое Бернардъ Шоу считаетъ основой разумной общественной жизни, можетъ окрѣпнуть только при проникновеніи одно другимъ двухъ противоположныхъ міросозерцаній— житейской мудрости и того, что онъ называетъ „метафизическимъ строемъ души“.

Въ своихъ критическихъ и публицистическихъ очеркахъ Бернардъ Шоу выясняетъ свое пониманіе жизни, т.-е. соединяетъ проповѣдь справедливости съ оправданіемъ всѣхъ жизненныхъ принциповъ. Въ области общественныхъ отношеній онъ выступаетъ защитникомъ и проповѣдникомъ соціалистическаго устройства, а въ многочисленныхъ очеркахъ, посвященныхъ литературнымъ вопросамъ, онъ горячо отстаиваетъ идеалистическое искусство. Бернардъ Шоу—убѣжденный приверженецъ Ибсена, и былъ первымъ „ибсенистомъ“ въ Англіи.

Въ драмахъ Ибсена Бернарда Шоу привлекалъ индивидуализмъ, и на примѣрахъ Ибсеновскихъ драмъ Бернардъ Шоу боролся противъ шаблонности и условности англійской сцены. Онъ пытался оживить театръ, превратившійся въ Англіи въ чисто коммерческое предпріятіе, привлекающій публику или сенсаціонностью эффектовъ, или нарядно фальшивымъ изображеніемъ жизни. Можно сказать, что интересъ къ серьезному иностранному театру, въ особенности къ Ибсену, привился въ Англіи въ значительной степени благодаря Бернарду Шоу. Другіе театральные критики примкнули къ начатой имъ кампаніи, и въ настоящее время, наряду съ коммерческимъ театромъ, продолжающимъ успѣшно эксплуатировать праздное любопытство и безвкусіе средней публики, въ Лондонѣ возникаютъ частныя театральныя предпріятія, разсчитанныя на публику съ болѣе развитымъ вкусомъ. Возникаютъ такіе театры, какъ „Court Theatre", въ которомъ наряду съ выдающимися пьесами иностраннаго репертуара ставятся пьесы англійскихъ авторовъ — слишкомъ литературныя для публики большихъ театровъ. Въ этомъ театрѣ поставлено было большинство пьесъ Бернарда Шоу съ неожиданно большимъ успѣхомъ. Пьесы Бернарда Шоу привлекали юморомъ и легкостью своей сатиры, не слишкомъ ядовитой, и потому не вызывающей возмущенія, но необычайно мѣткой и правдивой.

Почти всѣ пьесы Бернарда Шоу построены на одномъ и томъ же столкновеніи: съ одной стороны мечтательныя, не способныя къ жизни натуры, съ другой—преуспѣвающіе въ жизни сильные люди. Мечтатели правы въ своихъ стремленіяхъ, расходящихся съ требованіями дѣйствительности, но правы и тѣ, которые, ставя себѣ практическія цѣли, достигаютъ ихъ. У Бернарда Шоу есть пьесы, въ которыхъ онъ въ намѣренно легкой, какъ бы ни къ чему не обязывающей формѣ возстаетъ противъ самыхъ коренныхъ общественныхъ взглядовъ на „безнравственность". Такова пьеса подъ названіемъ „Профессія м-ссъ Варренъ", въ которой авторъ оправдываетъ женщину съ такъ называемымъ темнымъ прошлымъ,—не во имя правоты ея образа жизни, а во имя справедливости. Онъ не защищаетъ безнравственности, а только доказываетъ людямъ, зазнавшимся въ своей легко достающейся имъ удобной добродѣтели, что виновныхъ нѣтъ, потому что нѣтъ правыхъ. Блестящій діалогъ его пьесъ, смѣлость и простота, съ которой онъ говоритъ о томъ, о чемъ въ Англіи не говорятъ,—такъ какъ предполагается, что всѣ согласны въ молчаливомъ осужденіи порока или того, что условлено называть порокомъ,—все это создало успѣхъ комедіямъ Бернарда Шоу. Одна изъ самыхъ его интересныхъ пьесъ, въ которой оправдывается и мечтательность внѣ-жизненныхъ натуръ, и качества, обусловливающія жизнеспособ-

ность въ современныхъ условіяхъ жизни,—„Кандида". Въ ней изображена женщина, олицетворяющая мечту молодого поэта, правая въ своемъ свободолюбіи, также какъ правъ ея мужъ, умѣющій сохранить привязанность жены своей жизненной мудростью.

Вышедшій недавно новый томъ драматическихъ произведеній Бернарда Шоу заключаетъ въ себѣ двѣ большія пьесы, очень характерныя для его манеры. Сатира нравовъ соединяется въ нихъ съ психологическимъ оправданіемъ высмѣиваемыхъ чертъ характера. Обѣ пьесы посвящены изображенію и психологическому выясненію характерныхъ сторонъ національной жизни Англіи. Въ одной изъ нихъ Бернардъ Шоу старается разъяснить отношенія англичанъ и ирландцевъ, въ другой—затронуть вопросъ о филантропическихъ движеніяхъ, находящихъ въ Англіи всегда множество послѣдователей и послѣдовательницъ. Въ предисловіяхъ къ обѣимъ пьесамъ, написанныхъ со свойственнымъ Бернарду Шоу публицистическимъ талантомъ, онъ выясняетъ свои теоретическіе взгляды на вопросы, составляющіе основу пьесъ.

Первая изъ этихъ пьесъ носитъ заглавіе: „Другой островъ Джона Буля" (John Bull's other Island). Этотъ „другой островъ", конечно, Ирландія. На отношеніяхъ англійскаго національнаго характера къ ирландскому Бернардъ Шоу иллюстрируетъ свою основную мысль о правотѣ двухъ противоположныхъ міровозрѣній—отвлеченно идеалистическаго и жизненно практическаго. Бернардъ Шоу объясняетъ въ своей пьесѣ психологическія причины политическаго господства Англіи надъ Ирландіей. Онъ видитъ ихъ въ расовыхъ особенностяхъ обѣихъ націй. Носителями двухъ противоположныхъ національныхъ типовъ въ пьесѣ Бернарда Шоу являются англичанинъ Томасъ Бродбентъ и его другъ ирландецъ Лоренсъ Дойль. Оба они—гражданскіе инженеры, вмѣстѣ живутъ и ведутъ дѣла сообща. Для большей опредѣленности характеристикъ оба типа, англичанина и ирландца, представлены въ преувеличенно каррикатурномъ видѣ. И остальныя дѣйствующія лица въ пьесѣ, какъ ирландцы, такъ и англичане,—каррикатурны. Основныя національныя черты представлены болѣе выпуклыми, чѣмъ они могли бы проявиться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ,—и такимъ образомъ комедія нравовъ превращается въ сатиру, въ которой, впрочемъ, ирландскія симпатіи автора уравновѣшиваются его признаніемъ англосаксонской силы.

Характерная особенность Томаса Бродбента заключается въ томъ, что онъ всегда принимаетъ себя въ серьёзъ, очень самоувѣренъ, и при этомъ совершенно невоспріимчивъ къ комизму въ жизни,—ему никогда не приходитъ въ голову, что онъ можетъ быть смѣшонъ. Кромѣ того, онъ лишенъ чувства истины, всегда живетъ въ состояніи

самообольщенія, всегда въ рабствѣ у своего воображенія. Такимъ Бернардъ Шоу изображаетъ типичнаго, преуспѣвающаго въ политикѣ и въ жизни англичанина, и ему онъ противопоставляетъ ирландцевъ, совершенно неспособныхъ жить иллюзіями, воспріимчивыхъ къ комизму, гордыхъ, легко уязвимыхъ въ своей гордости и потому лишенныхъ всякой самоувѣренности. Кромѣ того, вмѣсто практической дѣловитости англичанъ, умѣющихъ приспособлять свои чувства къ требованіямъ обстоятельствъ, у ирландцевъ развиты чувства, враждебныя жизни. Они видятъ правду жизни, но не любятъ ее,—вѣрны своимъ романтически гордымъ чувствамъ, склонны къ мечтамъ о святости. Или же, въ болѣе низменныхъ національныхъ типахъ, та же нежизнеспособность сказывается въ лѣни, въ пьянствѣ, во всемъ, что нарушаетъ нормальное теченіе жизни. Или святые, или бездѣльники—или романтики въ жизни, или мелко корыстные, неспособные къ широкой предпріимчивости аферисты—такими изображаетъ Бернардъ Шоу своихъ соотечественниковъ. Бернардъ Шоу самъ ирландецъ и пространно говоритъ объ этомъ въ предисловіи къ своей пьесѣ. Казалось бы, по этой характеристикѣ двухъ націй, что симпатіи Бернарда Шоу—на сторонѣ ирландцевъ, въ виду ихъ большей духовности, которая сказывается какъ въ положительныхъ, такъ и въ отрицательныхъ чертахъ. А между тѣмъ,—таково философское безпристрастіе Бернарда Шоу,—его пьеса—одинаковая сатира какъ на англичанъ, такъ и на ирландцевъ, и въ то же время одинаковое оправданіе и тѣхъ, и другихъ. Истину Бернардъ Шоу склоненъ видѣть съ синтезѣ англійской практичности съ ирландской правдивостью, англійской самоувѣренности—съ ирландской мечтательностью и духовностью. При существующемъ же различіи двухъ націй справедливость—по совершенно вѣрному, конечно, заключенію Бернарда Шоу—можетъ быть только въ предоставленіи ирландцамъ полной самобытности. Достигнувъ, наконецъ, самобытности и свободы, Ирландія перестала бы ревниво оберегать свою національную обособленность и могла бы развиваться внѣ обостреннаго національзма, вызваннаго политической борьбой и составляющаго, по убѣжденію Бернарда Шоу, язву ирландской національной культуры.

Особенности обѣихъ національностей представлены въ пьесѣ Бернарда Шоу въ обостренно каррикатурномъ видѣ: Томасъ Бродбентъ собирается ѣхать въ Ирландію, предчувствуя возможность извлечь практическую пользу изъ своего пребыванія тамъ, — также какъ его другъ, ирландецъ Дойль, уѣхалъ изъ Ирландіи въ Англію, понявъ, что онъ, какъ ирландецъ, можетъ преуспѣть въ жизни только, если пріобщится къ англосаксонской культурѣ. Онъ отлично понимаетъ своего друга Бродбента, считаетъ его низшимъ типомъ въ духовномъ отно-

шеніи, — но цѣнитъ его выдержанную практичность во всемъ и привязанъ къ нему, — даже съ грустью сознаетъ его превосходство надъ собой въ жизни. Бродбентъ ѣдетъ въ Ирландію съ практическими планами, которымъ Дойль сочувствуетъ, хотя въ то же время внутренно возстаетъ противъ идейной ограниченности своего преуспѣвающаго друга, относясь къ Бродбенту съ такимъ же двойственнымъ чувствомъ, какъ и къ своей родинѣ. Онъ осуждаетъ ирландцевъ за ихъ слабость, за ихъ безпомощность и за ихъ пороки, но относится къ нимъ съ болѣзненнымъ чувствомъ, внутренно сочувствуя имъ и жалѣя ихъ. Бродбентъ восхищается ирландцами, но относится къ нимъ при этомъ совершенно бездушно, какъ къ чудакамъ, которыхъ легко обойти. Дойль же не выноситъ такого глумленія подъ маской сочувствія, и очень нападаетъ на своего друга, когда тотъ приходитъ въ восторгъ отъ перваго встрѣчнаго пьяницы и тунеядца, который выпрашиваетъ у него деньги, обманувъ его своимъ поддѣльнымъ ирландскимъ акцентомъ. Дойль хотѣлъ бы поѣхать съ Бродбентомъ въ Ирландію, но боится встрѣчи съ дѣвушкой, съ которой у него установились сложныя отношенія—типичныя для національнаго характера ирландцевъ. Нора Рэли живетъ въ домѣ родителей Дойля, считается богатой невѣстой, такъ какъ, при крайней нетребовательности ирландскихъ семей, ея нѣсколько сотъ фунтовъ обезпечиваютъ ей безбѣдное существованіе. Въ молодости Дойль слегка увлекался ею, но уѣхалъ изъ дому, не связавъ себя никакими обѣщаніями. Но для ирландской дѣвушки ихъ мимолетная дружба превратилась въ чувство, наполнившее всю ея жизнь. Она „ждетъ“ возвращенія Лоренса, и хотя прошло уже восемнадцать лѣтъ послѣ того, какъ онъ покинулъ родину, она все же хранитъ ему вѣрность. Она ни разу не говоритъ въ письмахъ о своихъ чувствахъ—національная гордость не допустила бы этого,— и онъ не имѣетъ права намекнуть ей о своемъ равнодушіи. Вѣрность и гордость наполнили всю молодость Норы, и она живетъ по прежнему ожиданіемъ, окаменѣвъ въ своихъ чувствахъ. Дойль боится показаться на родинѣ, не зная, какъ быть съ Норой,—но его выручаетъ Бродбентъ. Онъ заранѣе восхищенъ Норой по разсказамъ своего друга и ѣдетъ, уже готовый влюбиться въ нее,—для его практическихъ плановъ какъ разъ нужна любовь къ ирландкѣ, и Бродбентъ обладаетъ даромъ загораться моментально тѣми чувствами, которыя ему полезны въ жизни. Для Дойля это исходъ. Онъ рѣшаетъ ѣхать вмѣстѣ съ Бродбентомъ и способствовать его женитьбѣ на Норѣ. Онъ самъ привязанъ къ Норѣ и ближе понимаетъ ее, чѣмъ Бродбентъ, но онъ рѣшилъ оторваться отъ родины, такъ какъ иначе его жизнь станетъ такой же безъисходной, какъ жизнь всѣхъ его соотечественниковъ. И къ тому же отказаться отъ самаго желаннаго и сохранить въ душѣ неисполненную мечту — чисто

ирландская черта. Поэтому и Дойль способствуетъ женитьбѣ Бродбента на Норѣ, и она въ концѣ концовъ соглашается на этотъ бракъ, убѣдившись въ равнодушіи Дойля. Бродбентъ преуспѣваетъ въ Роскеленѣ, родномъ городѣ Дойля, благодаря своимъ національнымъ свойствамъ. Онъ съ самаго начала попадаетъ въ смѣшныя положенія, но такъ какъ самъ этого не замѣчаетъ, а напротивъ того, увѣренъ въ томъ, что всѣ симпатіи на его сторонѣ, — то дѣйствительно всѣ его планы осуществляются. Еще до пріѣзда Дойля—онъ опоздалъ на день, такъ какъ по дорогѣ у него сломался автомобиль,—Бродбентъ располагается какъ дома у отца его, старика Дойля, который живетъ вмѣстѣ съ пожилой сестрой и съ Норой, ставшей членомъ ихъ семьи. Бродбентъ пріѣзжаетъ съ готовымъ запасомъ восхищенія и съ почерпнутыми изъ путеводителя знаніями Ирландіи. Мѣстнымъ жителямъ смѣшны его свѣдѣнія о достопримѣчательностяхъ ихъ города, и они относятся къ нему сначала съ снисходительнымъ пренебреженіемъ; но это его не смущаетъ. Все въ Ирландіи для него ново и странно, но онъ рѣшилъ восторгаться всѣмъ, что бы ни увидѣлъ,—и вѣренъ своему рѣшенію. Онъ требуетъ даже отъ своего слуги, возмущеннаго отсутствіемъ комфорта и некультурностью ирландцевъ, чтобы и онъ тоже всѣмъ восторгался. Бродбентъ начинаетъ ухаживать за Норой съ возмущающей гордую ирландку стремительностью. Онъ узнаетъ отъ старика Дойля, что Норы нѣтъ дома. Она на Круглой Башнѣ,—это одна изъ достопримѣчательностей Роскелена,—куда пошла въ надеждѣ, что Лоренсъ Дойль пойдетъ за нею туда, какъ только пріѣдетъ. Она сначала принимаетъ въ полутемной башнѣ Бродбента за своего невѣрнаго друга дѣтства и окликаетъ его нѣжнымъ голосомъ. Но, убѣдившись въ своей ошибкѣ, она мѣняетъ тонъ и говоритъ съ другомъ Дойля очень холодно. Когда же Бродбентъ начинаетъ объясняться ей въ любви и увѣрять, что ея голосъ сразу покорилъ его сердце, она спокойно говоритъ ему, что онъ, вѣроятно, выпилъ за ужиномъ слишкомъ много ирландской водки и что у него съ непривычки закружилась голова. Она провожаетъ его домой, — Бродбентъ, конечно, живетъ у старика Дойля, радушно пріютившаго у себя въ домѣ друга своего сына. На слѣдующій день, когда пріѣзжаетъ наконецъ молодой Дойль, ирландскія похожденія Бродбента осложняются политическими интересами. Мѣстные землевладѣльцы, бывшіе арендаторы старика Дойля, ставшіе мелкими собственниками, недовольны своимъ представителемъ въ парламентѣ и готовятся замѣнить его на приближающихся выборахъ—новымъ. Кандидатуру предлагаютъ молодому Дойлю, но онъ отказывается, объясняя, что его политическія убѣжденія слишкомъ радикальны, чтобы удовлетворить интересамъ собственниковъ. Бродбентъ выставляетъ тогда свою кандидатуру, и ему удается убѣдить нераз-

витыхъ землевладѣльцевъ, что англичанинъ, преданный ихъ дѣлу, лучше сумѣетъ защитить интересы ирландскаго населенія, чѣмъ мѣстный уроженецъ. Бродбентъ старается всячески расположить къ себѣ своихъ будущихъ избирателей и ухаживаетъ за каждымъ въ отдѣльности. Происходитъ комическій эпизодъ: Бродбентъ, изъ желанія угождать избирателямъ, берется отвезти на своемъ автомобилѣ на крестьянскую ферму — купленную фермеромъ свинью. Поѣздка кончается печально. Свинья выскакиваетъ изъ автомобиля, попадаетъ подъ колеса, на улицѣ происходитъ переполохъ, есть нѣсколько слегка пострадавшихъ. Въ общемъ получается комическій эпизодъ, но Бродбентъ не чувствуетъ комизма своего положенія. Напротивъ того, онъ произноситъ прочувствованную рѣчь, благодаритъ населеніе за сочувствіе и выходитъ побѣдителемъ. Все населеніе—за него, и выборъ его обезпеченъ. Лоренсъ Дойль самъ поддерживаетъ его кандидатуру и даже объясняетъ старой теткѣ, что напрасно Бродбентъ кажется ей только смѣшнымъ — что онъ принесетъ больше пользы, попавъ въ парламентъ, чѣмъ любой изъ мѣстныхъ ирландцевъ, подпавшихъ подъ его вліяніе. Но, одобряя Бродбента и участвуя въ его предпріятіяхъ, Дойль чувствуетъ, однако, что въ лицѣ Бродбента торжествуетъ не истина, а житейская изворотливость. Только въ этомъ, т.-е. въ сознаніи, что есть нѣчто истинное, противорѣчащее интересамъ дѣйствительности, только въ этомъ сознаніи — духовное превосходство ирландца Дойля. Бродбентъ торжествуетъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ, создавъ себѣ политическое положеніе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ эксплуатируетъ его для коммерческихъ цѣлей. Онъ готовъ дать каждому изъ своихъ избирателей деньги подъ залогъ ихъ земель; онъ даетъ имъ даже больше, чѣмъ они надѣялись получить, причемъ они не понимаютъ его разсчета. На самомъ дѣлѣ эти заложенныя по высокой цѣнѣ земли уже не могутъ быть выкуплены, и сдѣлаются его собственностью. Бродбентъ уже заранѣе знаетъ, какъ онъ используетъ пріобрѣтенныя земли: онъ построитъ большой отель — единственный въ этой живописной мѣстности — и, конечно, наживетъ этимъ безконечно больше, чѣмъ несчастные собственники маленькихъ клочковъ земли, которые они обрабатывали, работая какъ волы. Женитьба на Норѣ—тоже въ связи съ этимъ планомъ, такъ какъ жена-ирландка упрочитъ его связь съ страной, на которую онъ смотритъ только какъ на источникъ доходовъ. Онъ правъ въ своей предпріимчивости, — и ирландецъ Дойль первый признаетъ его права на завоеванное имъ положеніе въ Ирландіи. Но есть еще и другая правда—представителемъ ея въ пьесѣ является чудакъ Киганъ, бывшій священникъ, отрѣшенный отъ своего сана за свои еретическіе взгляды. Онъ самъ объявляетъ себя сумасшедшимъ, хотя на самомъ дѣлѣ его сумасшествіе—

только въ томъ, что, отлично понимая житейскіе интересы, онъ предпочитаетъ имъ другіе. Онъ ясно видитъ политику Бродбента, понимаетъ, что онъ проведетъ довѣрившееся ему населеніе. Онъ говоритъ Бродбенту и Дойлю, въ чемъ заключается ихъ планъ, какъ они построятъ отель и путемъ спекуляцій сдѣлаются единственными его собственниками, устранивъ прежнихъ владѣльцевъ земли. Они поражены его проницательностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ противопоставляетъ практическимъ идеаламъ Бродбента свои мечты о превращеніи земли въ рай,—что настанетъ тогда, когда сольется земное и божественное, когда все земное освятится. Вотъ мечты, которыми живутъ ирландцы въ то время, какъ англичане прибираютъ къ своимъ рукамъ ихъ земли.

Задача Бернарда Шоу въ этой пьесѣ—установить равновѣсіе между двумя жизненными идеалами и въ то же время освѣтить отношенія двухъ націй, не щадя слабостей ни той, ни другой. Какъ ни каррикатуренъ и мало привлекателенъ практичный Бродбентъ, все же онъ представленъ сильнымъ и полезнымъ общественнымъ дѣятелемъ, въ то время какъ ирландцы въ пьесѣ или мечтатели, или, какъ нѣсколько мелкихъ собственниковъ, тупы и некультурны въ своей упорной погонѣ за мелкой наживой. Въ изображеніе какъ ирландцевъ, такъ и англичанъ Бернардъ Шоу вложилъ много блеска и остроумія, такъ что успѣхъ пьесы вполнѣ понятенъ. Она написана была, какъ авторъ объясняетъ въ предисловіи, для маленькаго національно-ирландскаго театра, но потомъ шла съ успѣхомъ на большой сценѣ. Въ предисловіи къ пьесѣ проводится параллель между двумя націями. Особенно интересна глава о роли католической церкви въ Ирландіи, о ненормальности того, что революціонный элементъ ирландской національной жизни связанъ съ католической церковью, реакціонной по духу.

Вторая пьеса—„Major Barbara“—любопытное изображеніе „Арміи спасенія“. Въ этой пьесѣ опять выведенъ излюбленный Бернардомъ Шоу контрастъ. Съ одной стороны, представитель крайняго матеріализма — милліонеръ Ондершафтъ, собственникъ знаменитой во всемъ мірѣ фабрики пушекъ и усовершенствованныхъ военныхъ снарядовъ, и при этомъ не просто фабрикантъ, а фабрикантъ съ принципами, философъ, возводящій въ теорію „кровь и желѣзо“, т.-е. власть, покупаемую путемъ разрушенія. Съ другой стороны — дочь Ондершафта, идеалистка, которая вѣритъ въ спасеніе міра любовью. Она вступила въ „Армію спасенія“, занимаетъ рангъ маіора и предана своему дѣлу всей душой. Столкновеніе этихъ двухъ міросозерцаній и составляетъ интересное содержаніе пьесы. Барбара вѣритъ только въ любовь; ея отецъ — только въ силу и власть. Нужно, чтобы ихъ міросозерцанія

сплелись, — тогда можетъ выработаться плодотворное отношеніе къ жизни. Ондершафтъ берется доказать дочери, что ея дѣло зависитъ всецѣло отъ него, и что она не можетъ обойтись безъ его помощи. Барбара дѣйствительно убѣждается въ необходимости обращаться за помощью къ капиталистамъ, каковъ бы ни былъ источникъ ихъ богатства. Вначалѣ это ее настолько смущаетъ, что она выходитъ изъ „Арміи спасенія". Но потомъ она понимаетъ, что не нужно считать дѣло, которому служишь, идеальнымъ, что нужно понять несовершенство всего, что дѣлается волей человѣческой, и, зная это, продолжать служить не съ гордостью, а съ смиреніемъ, допуская и противоположное тому, что самому кажется истиной,—такъ какъ истина неосуществима. Картины нравовъ, изображенія „Арміи спасенія" и въ особенности тѣхъ, кому она помогаетъ, сдѣланы въ пьесѣ съ большимъ юморомъ. Сатирическое изображеніе дѣятельности „Арміи" не мѣшаетъ автору сочувствовать ей; — онъ только доказываетъ, что нельзя и не слѣдуетъ ничего идеализировать, а нужно трезво видѣть слабости и недочеты — и принимать ихъ во вниманіе, продолжая служить своему дѣлу. Очень интересенъ типъ милліонера Ондершафта, теоретика силы,—часто оказывающагося правымъ въ своемъ пониманіи жизни, какъ арены, на которой побѣждаетъ сила, а не чувство. Правъ онъ—какъ правы отрицающіе силу и власть во имя отрицанія жизненныхъ благъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 сентября 1907.

О политическомъ утомленіи и политическомъ отдыхѣ. — Вѣрно ли опредѣленіе: „страна отдыхаетъ"?—Неуспѣшность проведенія въ жизнь закона о самоупраздненіи крестьянской общины. — Перемѣна ролей въ вопросѣ объ общинѣ. — Неудачныя усилія землеустроительныхъ коммиссій. — Циркуляръ о раздѣленіи избирательныхъ съѣздовъ.

„Страна отдыхаетъ"... Чтобы не нарушать ея отдыха, газеты—помимо воли, конечно,—печатаютъ переводные романы, отчеты объ автомобильной гонкѣ Пекинъ-Парижъ и о состояніи здоровья ея побѣдителя, кн. Боргезе (совсѣмъ какъ въ былое время тиши и глади, когда сотникъ Пѣшковъ ѣхалъ на „Сѣромъ" изъ Владивостока въ Петербургъ), компиляціи изъ техническихъ журналовъ о занимательныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ,—и въ страстной полемикѣ перемываютъ другъ другу кости о томъ, кто и когда какія дѣлалъ ошибки... Чтобы не нарушать отдыха страны, всѣ проявленія общественности поставлены подъ дѣйствіе неумолимаго недопущенія. Получилось, что какъ будто у людей вдругъ вовсе пропалъ такъ захватывавшій ихъ въ теченіе трехъ лѣтъ политическій интересъ и совершенно исчезла охота съѣзжаться и собираться, обмѣниваться мыслями и формировать убѣжденія свои и другихъ.

Сказанное, впрочемъ, требуетъ оговорки. Запретъ повисъ надъ проявленіями общественности односторонне. Также и газеты обходятъ молчаніемъ больные, злободневные вопросы, или говорятъ о нихъ обиняками, забытымъ было эзоповскимъ языкомъ, либо вскользь, „по поводу"—не всѣ. То, что исходитъ отъ правыхъ политическихъ теченій, разумѣя подъ ними всѣ открыто и сокровенно реакціонныя, недопущенія не знаетъ. Для этихъ теченій, напротивъ, существуетъ полная свобода, и они широко ею пользуются. Съѣзды „монархистовъ" слѣдуютъ за съѣздами. Собранія и даже уличныя манифестаціи происходятъ повсюду. Правая печать, по словамъ полуправаго „Голоса Москвы", безвозбранно „ругаетъ правительство такъ, какъ лишь въ „дни свободы" ругали другіе, лѣвые анархисты". Проекты, требованія и указанія, самые рѣшительные и самые радикальные, ежедневно заполняютъ столбцы „Русскаго Знамени", „Вѣча", „Московскихъ Вѣдомостей" и „Кіевлянина". И излагаются эти требованія и указанія не только не обинякомъ, но такимъ авторитетнымъ тономъ, который

порой переходитъ въ властный. Куда дальше идти, въ смыслѣ категоричности тона и сознанія за собой права активнаго надзора за обывателями, чѣмъ пошелъ казанскій мѣстный совѣтъ „союза русскаго народа“ въ слѣдующемъ приказѣ (это самое подходящее названіе): „Вмѣнить въ обязанность членамъ союза русскаго народа не допускать въ своемъ присутствіи поношенія св. церкви, вѣры, святынь, непочтительнаго отношенія къ особѣ Государя Императора и царствующаго дома и издѣвательства надъ людьми, преданными вѣрѣ, царю и отечеству. Дозволяющихъ себѣ оскорблять русскіе устои,— вѣру православную, самодержавіе и отечество, — кто бы то они ни были, русскіе люди обязаны задерживать при свидѣтеляхъ, при помощи полиціи требовать составленія протокола и возбуждать судебныя преслѣдованія противъ виновныхъ. Если полиція откажетъ въ составленіи протокола, то сообщать совѣту номеръ городового или фамилію не оказавшаго содѣйствія“. Едва ли гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было партійными организаціями публиковались во всеобщее свѣдѣніе подобныя распоряженія...

Но ни черносотенные съѣзды и манифестаціи, ни черносотенная печать, ни властный тонъ подобныхъ „приказовъ“ общаго впечатлѣнія не нарушаютъ. Оно остается тѣмъ же: проявленій общественности не видно. Какъ ни кричатъ „истинно-русскіе“ люди, что они не партія, а весь многомилліонный русскій народъ, поднятый ими шумъ до народа не доходитъ, а если и доходитъ, то не встрѣчаетъ въ народѣ отклика. Манифестаціи, даже при участіи архіереевъ и съ торжественнымъ несеніемъ знаменъ и хоругвей, проходятъ едва замѣченными. Собранія не привлекаютъ большой публики. Реакціонныя газеты не имѣютъ читателей. Если бы не придавленная лѣвая печать, воспроизводящая наиболѣе замѣчательные перлы „истинно-русской“ литературы, то можно смѣло сказать, что Россія о нихъ и не знала бы. Крикливо проявляетъ повышенный интересъ къ вопросамъ внутренней политики весьма небольшой кругъ лицъ, наивно обнаруживающій свою слабость воплями о субсидіяхъ и объ обложеніи въ его пользу монастырей, евреевъ, тотализатора и азартной карточной игры. Вся масса населенія — крестьянская деревня, городъ и интеллигентные слои—молчитъ.

Чтó скрывается за этимъ молчаніемъ? Дѣйствительно ли Россія отдыхаетъ? Дѣйствительно ли страна утратила интересъ къ политикѣ и на этомъ успокоилась? Чрезвычайно трудно отвѣтить на поставленные вопросы. Тѣмъ болѣе трудно, что при данныхъ внѣшнихъ условіяхъ въ основаніе сужденій приходится класть почти исключительно личныя наблюденія и непосредственно воспринимаемыя субъ-

ективныя впечатлѣнія. А давно замѣчено, что непосредственный наблюдатель всегда склоненъ видѣть то, что желаетъ, чтобы было видно.

Страна испытываетъ чувство утомленія. Въ этомъ едва ли могутъ быть сомнѣнія. Населеніе истомилось и извѣрилось. Признаки того и другого бросаются въ глаза на каждомъ шагу. На кровь и человѣческую смерть общество почти вовсе не реагируетъ—это самое рѣзкое выраженіе общественнаго утомленія. Извѣстія объ убійствахъ и о казняхъ не вызываютъ возмущенія. Мало того: ихъ читаютъ и тутъ же сейчасъ забываютъ. Спросите себя: кто изъ должностныхъ лицъ, занимавшихъ замѣтное служебное положеніе, когда, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ въ послѣднее время былъ убитъ? Вы навѣрное не помните. Спросите себя: когда, гдѣ, за что и сколько было въ послѣднее же время приведено въ исполненіе смертныхъ приговоровъ? Вы навѣрное не скажете—хотя бы приблизительно. Даже холера не привлекаетъ вниманія... Извѣрились соціалисты, мечтавшіе о близкой реализаціи замѣны капиталистическихъ производственныхъ отношеній соціалистическими. Извѣрились крестьяне, ожидавшіе, что соберутся народные представители и свершится чудо: какъ по волшебству исчезнетъ земельная тѣснота, бѣдные перестанутъ платить непосильные налоги и земля снова начнетъ давать обильные урожаи. Извѣрились конституціоналисты, надѣявшіеся, что возвѣщеніе новаго государственнаго строя и гражданской свободы есть уже безповоротный конецъ не только формъ, но и содержанія былой безправной жизни. Извѣрились люди физическаго и интеллектуальнаго труда, земцы, мелкіе служащіе, профессора, студенты... Такъ недавно мы всѣ были въ большей или меньшей степени идеологами. Вихремъ событій мы были подняты съ земли и унесены въ облака. Мы три года безрезультатно расходовали нервную энергію,—утомленіе не могло не явиться слѣдствіемъ безплодности борьбы идеи съ фактомъ.

И оно явилось. Политическій интересъ не только лишенъ средствъ и способовъ проявленія, но онъ дѣйствительно упалъ во всѣхъ слояхъ населенія. Онъ упалъ не въ той мѣрѣ, какъ это рисуется на фонѣ всякаго рода запретовъ, но паденіе его, все-таки, ощущается. Можно съ увѣренностью думать, что если бы правительство вдругъ отказалось отъ суровой системы запретовъ и возвратило бы гражданамъ свободу собраній, печати и союзовъ, общественное оживленіе ни въ какомъ случаѣ не поднялось бы до уровня „дней свободы". Намъ довелось въ минувшемъ мѣсяцѣ провести три недѣли въ поѣздкѣ по Волгѣ, отъ Рыбинска до Астрахани и обратно. Люди мѣнялись на пароходахъ, какъ въ калейдоскопѣ. Тутъ были катающіеся туристы и коммерсанты, ѣхавшіе на ярмарку въ Нижній, офицеры разныхъ чиновъ и родовъ оружія и студенты всевозможнаго типа—отъ бѣлопод-

кладочниковъ до мрачнаго вида юношей въ черныхъ, синихъ и красныхъ косовороткахъ, чиновники изъ Петербурга и чиновники мѣстные, провинціальныя барыни и барышни всѣхъ возрастовъ и курсистки... И за всѣ три недѣли мы не слышали ни одного серьезнаго политическаго разговора. Только разъ, поздно вечеромъ, въ салонѣ перваго класса, трое молодыхъ людей, послѣ музыки и пѣнія, спорили о политикѣ въ присутствіи дѣвицъ, съ которыми они занимались флиртомъ. Но это былъ не разговоръ, а скорѣе турниръ въ цѣляхъ покоренія сердецъ. Мыслимо ли было что-либо подобное два года назадъ, въ прошлое лѣто или даже лѣтомъ 1904 года? Русскіе люди всегда были исключительно откровенны въ желѣзнодорожныхъ вагонахъ и на пароходахъ. У людей, въ другой обстановкѣ весьма сдержанныхъ, невольно развязывался языкъ отъ скуки и отъ сознанія, что „меня" здѣсь не знаютъ и что „я" завтра никому невѣдомымъ уйду изъ вагона или съ парохода, и они, не стѣсняясь, излагали другъ другу самыя сокровенныя мысли. Неужели всѣ видѣнные нами столь безконечно разнообразные люди такъ рѣзко вдругъ измѣнились? Очевидно, нѣтъ. Очевидно, утратилась охота говорить, а пожалуй, и думать даже о политикѣ. Сгруппировавшись въ партіи, мы въ теченіе двухъ лѣтъ были фанатиками тѣхъ или другихъ политическихъ идеаловъ. Мы имѣли вѣру въ то, что исповѣдывали. Теперь мы переживаемъ критическіе дни. Въ душу каждаго закрались сомнѣнія—и чѣмъ кто держался болѣе категорическихъ, рѣшительныхъ воззрѣній, тѣмъ сомнѣнія закрались глубже. Мы всѣ испытываемъ утомленіе.

Утомленіе требуетъ отдыха. Страна отдыха ищетъ, его желаетъ и къ нему стремится. Но можно ли исканіе отдыха принимать за отдыхъ? Чтобы мысль отдѣльнаго человѣка или общества отдыхала, она должна имѣть передъ собою что-либо, ею въ данный моментъ принимаемое за твердо обоснованное отправное положеніе, ошибочно или нѣтъ — вопросъ другой. Гдѣ же и въ чемъ такое принятое сейчасъ русской общественной мыслью твердое отправное положеніе? Что оно въ крикѣ: „долой подлую конституцію!" и въ возвратѣ къ исконнымъ началамъ, какъ силятся убѣдить „истинно-русскіе" люди,— объ этомъ даже смѣшно говорить. Что оно въ вѣрѣ въ начальственное всемогущество власти или въ ожиданіе созыва господской Думы—объ этомъ тоже говорить не приходится. Такъ въ чемъ же оно?

Такого отправного положенія въ общественномъ сознаніи нѣтъ. Населеніе, встрѣтивъ неодолимое препятствіе въ достиженіи идеаловъ свободы, права и экономической правды имъ самимъ намѣчавшимися путями, извѣрилось въ этихъ путяхъ, но отнюдь не пріобрѣло тѣмъ вѣры въ пути, указываемые властью. Къ нимъ оно относится такъ же отрицательно, какъ относилось тогда, когда было на высшей точкѣ

подъема настроенія. Духъ протеста въ населеніи не погасъ, и въ отношеніи его только подавлены проявленія. Привести доказательства не трудно. Въ ту же поѣздку по Волгѣ мы имѣли случай сдѣлать нѣсколько характерныхъ мелочныхъ наблюденій. Ни на пристаняхъ, ни въ рукахъ у пассажировъ намъ ни разу не пришлось видѣть ни „Россіи“, ни „Московскихъ Вѣдомостей“, ни „Русскаго Знамени“. Все ставящій на счетъ „жидамъ“ и „крамолѣ“, органъ „союза русскаго народа“ утверждаетъ, что газетчики намѣренно продаютъ однѣ оппозиціонныя газеты, но, конечно, „Русское Знамя“ само не вѣритъ этому утвержденію. „Новое Время“ мы видѣли очень рѣдко. Чаще всего — изъ петербургскихъ газетъ—„Товарищъ“, затѣмъ „Рѣчь“ и „Русь“, изъ московскихъ — „Русское Слово“, „Русскія Вѣдомости“ и „Столичное Утро“. Изъ журналовъ пассажиры читали только „Русское Богатство“, „Былое“ и „Міръ Божій“; изъ новыхъ книгъ—сборники „Знанія“ и „Шиповникъ“ и „Записки губернатора“ кн. С. Д. Урусова. Интересуется публика, слѣдовательно, попрежнему оппозиціонной печатью, и въ ней, а не въ печати „благонамѣренной“, черпаетъ фактическія свѣдѣнія и стремится найти формулировку испытываемыхъ ею чувствованій и вообще переживаемыхъ душевныхъ состояній. Хотя пассажиры не вели политическихъ разговоровъ, но всѣ шутки, остроты и случайно оброненныя слова ясно показывали, гдѣ лежатъ симпатіи. Во время стоянки въ одномъ изъ городовъ, на пароходъ вошелъ полицейскій и, назвавъ фамилію, спросилъ помощника капитана, есть ли это лицо въ числѣ пассажировъ. Помощникъ капитана рѣшительно отвѣтилъ, что администрація парохода паспортовъ у пассажировъ не повѣряетъ, и всѣ слышавшіе этотъ отвѣтъ видимо его одобрили. На пароходѣ ѣхалъ членъ второй Думы изъ лѣвыхъ. Человѣкъ мало разговорчивый, онъ былъ окруженъ всеобщимъ вниманіемъ, но не вниманіемъ любопытства, а сочувствія. Намъ удалось подслушать на одной изъ пристаней его разговоръ съ грузчиками. Разговоръ былъ краткій. Едва начался, подошелъ десятникъ, вмѣшался и весьма ловко перевелъ разговоръ съ грузчиками на разговоръ съ собою. Говорили самыя обыденныя вещи: что отъ четырехъ рублей за тысячу пудовъ на долю каждаго грузчика приходится въ недѣлю рублей 10 — 12 и что въ теченіе навигаціи отъ каторжнаго труда вьючнаго животнаго у аккуратнаго человѣка можетъ очиститься для деревенскаго „дома“ до 150 рублей. Но грузчики знали, что говорятъ съ бывшимъ членомъ Думы, и ихъ оживленныя лица и выраженіе глазъ ясно показывали, какъ далеки они отъ осужденія неоправдавшихъ довѣрія „крамольныхъ“ народныхъ представителей.

Отъ мелочныхъ, случайныхъ и — весьма возможно — ошибочныхъ непосредственныхъ впечатлѣній перейдемъ къ крупнымъ фактамъ. То-

варное движеніе на Волгѣ въ теченіе всего лѣта было весьма слабое. Несмотря на удовлетворительный урожай въ нижнемъ Поволжьѣ, нижегородская ярмарка не оправдываетъ ожиданій. Землеустроительное дѣло по прошлогоднимъ законамъ, принятымъ въ порядкѣ 87 статьи, идетъ болѣе, чѣмъ туго. Крестьяне отнюдь не обнаруживаютъ большой охоты покупать земли, предлагаемыя крестьянскимъ банкомъ. Купившіе не обнаруживаютъ охоты вносить срочные платежи. Какъ извѣстно, понадобился циркуляръ о понудительномъ ихъ взысканіи, подобно взысканію государственныхъ и земскихъ сборовъ. Еще менѣе успѣшно идетъ выдѣленіе домохозяевъ изъ общины. Неужели все это говоритъ о томъ, что населеніе приняло за отправное положеніе своихъ мыслей необходимость „послушной“ Думы, одобреніе мѣръ репрессій и разрѣшеніе земельнаго вопроса способами, такъ настойчиво проводимыми въ жизнь, и что оно, „успокоившись“ на этомъ отправномъ положеніи, „отдыхаетъ“?.. Мы ждемъ обычнаго возраженія: успѣшности хода землеустроительнаго дѣла и самоупраздненія общины искусственно мѣшаетъ революціонная пропаганда. Пора, думаемъ, когда-нибудь перестать преувеличивать значеніе и силу козней революціонеровъ...

Даже г. А. Ст—нъ, на основаніи письма, полученнаго имъ изъ Тамбовской губ., пришелъ къ выводу, что политика успокоенія дала обратное слѣдствіе. „Поправѣвшее было тамъ,—пишетъ онъ,—подъ вліяніемъ крайняго отвращенія къ революціоннымъ ужасамъ“, населеніе въ послѣднее время измѣнилось; „теперь настроеніе тамъ лѣвѣетъ“. Причина—въ дѣйствіяхъ мѣстной администраціи. По поводу очередной замѣтки г. Ст—на, выдержки изъ которой мы приводимъ, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 183) читаемъ: „Г. А. Ст—нъ въ „Новомъ Времени“ приходитъ къ убѣжденію, что административное давленіе вызываетъ болѣе „лѣвое“ настроеніе обывателей. Ужъ сколько разъ твердили міру эту истину органы оппозиціонной печати, но они встрѣчали всегда суровую отповѣдь реакціи: „сперва успокоеніе, а потомъ реформы“, причемъ подъ „успокоеніемъ“ подразумѣвалось именно административное давленіе. Въ числѣ апологетовъ своеобразнаго успокоенія выступало и „Новое Время“. И вдругъ что-то заставило г. А. Ст—на увидать, что „успокоеніе“ ведетъ къ недовольству и „полѣвѣнію“. Мало того, онъ начинаетъ различать, что „пріемы сгибанія въ бараній рогъ“ имѣютъ цѣлью „доказать кому-то бутафорское, никого не обманывающее благополучіе“; въ дѣйствительности же пріемы эти „наиболѣе ненавистны народу“ и ведутъ къ тому, что „настроеніе лѣвѣетъ“.

Нѣтъ, очень далеко до того, чтобы Россія въ настоящій моментъ отдыхала! Населеніе утомлено и желаетъ отдыха, но политика успо-

коенія его будитъ и не даетъ ему того, на чемъ оно могло бы отдохнуть. Страна замолкла и ждетъ событій... Каждый изъ насъ поминутно спрашиваетъ себя: „что будетъ?"—и не находитъ отвѣта...

Въ какой мѣрѣ слабое примѣненіе получилъ до сихъ поръ законъ 9-го ноября 1906 г., „о дополненіи нѣкоторыхъ постановленій дѣйствующаго закона, касающихся крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія",—объ этомъ, сравнительно съ важностью вопроса, весьма мало появлялось и появляется въ печати фактическихъ данныхъ. Тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ напечатанное въ № 178 „Русскихъ Вѣдомостей" отношеніе земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ на имя тульскаго губернатора.

„Изъ сообщенныхъ вашимъ превосходительствомъ въ земскій отдѣлъ свѣдѣній,—говорится въ отношеніи,—видно, что требованія объ укрѣпленіи надѣльной земли изъ общиннаго владѣнія въ личную собственность заявлены по Тульской губ. 119-ю домохозяевами и что по этимъ требованіямъ состоялось только четыре общественныхъ приговора и ни одного постановленія земскаго начальника". Итакъ, въ губерніи, имѣющей двѣнадцать уѣздовъ, поступило 119 заявленій о выдѣленіи изъ общины, или менѣе 10 заявленій въ среднемъ на уѣздъ. Это число заявленій земскій отдѣлъ далѣе называетъ „сравнительно большимъ". Очевидно, слѣдовательно, что въ другихъ губерніяхъ заявленій поступаетъ еще меньше. Между тѣмъ, указъ 9-го ноября создалъ такія преимущества для выдѣляющихся домохозяевъ, при которыхъ, казалось бы, заявленія должны были сыпаться тысячами—и не въ губерніи, а въ уѣздѣ. Достаточно вспомнить, что, освобождаясь отъ всѣхъ тяжелыхъ сторонъ общиннаго землепользованія и пріобрѣтая всѣ права частнаго собственника, выдѣлившійся сохраняетъ за собою всѣ выгоды принадлежности къ общинѣ: участіе въ пользованіи въ неизмѣнной долѣ сѣнокосными, лѣсными и другими угодьями, передѣляемыми на особыхъ основаніяхъ, а равно мірскою усадебною землею, выгонами, пастбищами, оброчными статьями и друг. Нужна исключительная непопулярность законодательной мѣры среди крестьянъ, чтобы при такихъ условіяхъ приходилось для ея проведенія примѣнять начальственныя воздѣйствія.

Но заявленій, все-таки, поступило въ Тульской губерніи хоть 119. А общественныхъ приговоровъ по нимъ состоялось только *четыре*. Только въ четырехъ случаяхъ заявителямъ удалось собрать простое большинство голосовъ на сельскомъ сходѣ. Въ цѣляхъ облегченія для отдѣльныхъ домохозяевъ укрѣпленія земли въ личную собственность, законъ замѣнилъ обычно требуемое отъ рѣшеній сельскихъ сходовъ

большинство двухъ третей голосовъ простымъ большинствомъ—и, несмотря на это, въ 115 случаяхъ изъ 119 послѣдовалъ со стороны сходовъ отказъ! Земскіе начальники ни одного раза не воспользовались правомъ произвести укрѣпленіе земли за выдѣляющимися, помимо сходовъ, своими „по сему предмету постановленіями". „Столь незначительное количество приговоровъ и полное отсутствіе постановленій земскихъ начальниковъ — пишетъ земскій отдѣлъ — свидѣтельствуетъ о томъ, что мѣстныя крестьянскія учрежденія не въ достаточной мѣрѣ уяснили себѣ значеніе указа 9-го ноября 1906 г. и не озаботились надлежащимъ разъясненіемъ его, какъ подвѣдомственнымъ должностнымъ лицамъ, такъ и сельскимъ сходамъ". „Министерство внутреннихъ дѣлъ—говорится далѣе въ отношеніи—признаетъ необходимымъ поручить губернаторамъ установить самый внимательный надзоръ за исполненіемъ подвѣдомственными крестьянскими учрежденіями возложенной на нихъ Высочайшимъ указомъ 9-го ноября 1906 г. обязанности. Въ этомъ отношеніи надлежитъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы поступающія ходатайства объ укрѣпленіи надѣльной земли въ личную собственность были разрѣшаемы земскими начальниками и уѣздными съѣздами въ кратчайшій срокъ, *привлекая виновныхъ въ нерадѣніи и медленности къ законной отвѣтственности*".

Такимъ образомъ, и причина неуспѣшности проведенія закона въ жизнь, и средства ее парализовать найдены. Причина—въ томъ, что благодѣтельный для крестьянъ указъ недостаточно имъ „разъясненъ". Средства парализовать—внимательный надзоръ губернаторовъ и привлеченіе „виновныхъ въ нерадѣніи и медленности къ законной отвѣтственности". На земскихъ начальниковъ посыплются—и, вѣроятно, уже посыпались — выговоры. Цѣлыхъ сходовъ за „шумъ" теперь штрафовать нельзя и сажать въ холодную „крикуновъ" — тоже. Но власть наложенія земскими начальниками дисциплинарныхъ взысканій на волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ сохранена. Сколько ихъ насидѣлось за „нерадѣніе" и сколько еще насидится?!.. Какъ это привычно, старо и... безполезно! Если огромныя выгоды для отдѣльныхъ домохозяевъ—выгоды сегодняшняго дня—не въ силахъ способствовать успѣшному проведенію закона, то неужели возможно ожидать, что начальственныя „разъясненія" и „внимательный надзоръ", подкрѣпляемые выговорами, арестами и штрафами, помогутъ дѣлу?..

Восемь мѣсяцевъ назадъ мы писали: „Во всякой деревнѣ есть голытьба, есть и пауки. Для первыхъ законъ (9 ноября) создалъ искушеніе—выдѣлиться, продать надѣлъ и хоть мѣсяцъ, если не годъ, не видѣть полуголодныхъ дѣтей. Для вторыхъ законъ создалъ не меньшее искушеніе — сдѣлаться въ своей же деревнѣ бариномъ, помѣщикомъ. Въ деревню внесена рознь, отъ которой недалеко до

кольевъ" [1])... Сознаніе, что въ деревнѣ стало „недалеко до кольевъ"— вотъ истинная причина отрицательнаго отношенія великорусскаго крестьянства къ закону 9 ноября. Это сознаніе, проникшее въ крестьянство, какъ цѣлое, создало преграду для голытьбы и для пауковъ. Немногіе изъ нихъ рѣшаются воспользоваться предоставленными закономъ выгодами: снова подчеркиваемъ, что во всей Тульской губерніи *только* 119 домохозяевъ заявили требованія объ укрѣпленіи земли въ личную собственность. Но и эти немногіе встрѣтили отпоръ въ крестьянской массѣ—въ сельскихъ сходахъ. Гораздо менѣе ясно, почему потребовалось министерское воздѣйствіе и угрозы каръ для земскихъ начальниковъ. Имена нѣсколькихъ губернаторовъ, подъ-рядъ управлявшихъ Тульской губерніей, не позволяютъ думать, что тамъ въ институтѣ „властной руки" свила гнѣздо „крамола" и господствуетъ „вольный духъ". Если же такъ, то оффиціально завѣренный фактъ—„и ни одного постановленія земскаго начальника"—представляется особенно характернымъ для жизненной правды закона.

Отношеніе земскаго отдѣла на имя тульскаго губернатора заключаетъ въ себѣ и еще нѣчто, чрезвычайно существенное. Вскользь сказанными тремя словами оно раскрываетъ весь внутренній смыслъ закона. Тексту указа 9 ноября были предпосланы одни формальные мотивы, а именно, что съ 1-го января 1907 г. отмѣняется взиманіе выкупныхъ платежей, что съ этого срока надѣльныя земли освобождаются отъ лежавшихъ на нихъ ограниченій и крестьяне пріобрѣтаютъ право свободнаго выхода изъ общины — и что, „однако, дѣйствительное осуществленіе сего признаннаго закономъ права въ большинствѣ сельскихъ обществъ встрѣчаетъ практическія затрудненія въ невозможности опредѣлить размѣръ и произвести выдѣлъ участковъ, причитающихся выходящимъ изъ общины домохозяевамъ". Но почему сочтено было необходимымъ столь радикальный и тѣсно связанный съ общимъ рѣшеніемъ земельнаго вопроса законъ издать экстренно, не выжидая трехъ съ небольшимъ, къ тому же зимнихъ, мѣсяцевъ, оставшихся до созыва второй Думы, — мотивы не объясняли. Министерство внутреннихъ дѣлъ на это и многія другія сомнѣнія, касающіяся закона 9 ноября, отвѣчаетъ слѣдующими словами. Прежде вывода о необходимости установить внимательный надзоръ губернаторовъ и привлекать виновныхъ къ отвѣтственности, оно пишетъ: „придавая сему дѣлу особливое *по обстоятельствамъ времени* значеніе", и т. д. Да, дѣйствительно, законъ о мѣрахъ скорѣйшаго самоупраздненія общины изданъ „по обстоятельствамъ времени". Этотъ законъ— въ полномъ смыслѣ слова политическій, преслѣдующій, главнымъ обра-

---

[1]) „Изъ Общественной Хроники", 1907 г., январь, стр. 437.

зомъ, стороннюю цѣль. Его задача во что бы то ни стало безотлагательно разрушить общину, ибо, „по обстоятельствамъ времени“, она признана политически-опасной.

Общинному землепользованію, при освобожденіи крестьянъ, было отдано предпочтеніе передъ владѣніемъ землей на правѣ частной собственности по многимъ разнороднымъ соображеніямъ, въ числѣ которыхъ тоже преобладали соображенія политическія. Съ одной стороны, желаніе въ лицѣ „міра“ создать достаточно устойчивый противовѣсъ „барину“, съ которымъ у крестьянъ положеніе 1861 г. сохраняло на неопредѣленный срокъ „временно-обязательныя“ отношенія. Съ другой — предположеніе о непоколебимой твердости и живучести въ крестьянахъ „исконныхъ началъ“. Съ тѣхъ поръ начался въ литературѣ и въ жизни никогда не прекращавшійся и по настоящее время не оконченный споръ между сторонниками общины и ея противниками. Правительство всегда было въ рядахъ первыхъ. Особенно громко прозвучали голоса вторыхъ въ заключеніяхъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, которые въ громадномъ большинствѣ отнеслись къ общинѣ отрицательно, какъ къ институту, препятствующему развитію въ деревнѣ самостоятельной и самодѣятельной личности, сильной сознаніемъ своихъ правъ. Но эти голоса не были услышаны. Манифестъ 26-го февраля 1903 г. повелѣлъ положить въ основу трудовъ по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи „неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія“. И, слѣдуя этому повелѣнію, В. К. Плеве свой извѣстный проектъ построилъ на обособленіи крестьянъ отъ другихъ сословій и на полномъ закрѣпощеніи ихъ за общиной, а черезъ нее — за земскими начальниками, предводителями дворянства и губернаторами.

По политическимъ же основаніямъ, въ надеждѣ на мистическій консерватизмъ надѣльныхъ крестьянъ-общинниковъ, положеніемъ 6-го августа 1905 г., имъ было предоставлено двойное и привилегированное участіе въ выборахъ членовъ Государственной Думы. Немногіе изъ состава совѣщанія, окончательно установившаго принципы избирательнаго закона, раздѣляли взглядъ министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина, доказывавшаго, что самый вѣрный оплотъ консерватизма въ Россіи—земельное дворянство. Въ глазахъ большинства земельное дворянство рисовалось въ образѣ либеральныхъ земцевъ, а крестьянство—въ образѣ мистически настроенныхъ мужичковъ, проникнутыхъ страхомъ, любовью и почтеніемъ къ начальству. Крестьянство не оправдало надеждъ. Въ первой Думѣ его представителями былъ рѣзко выдвинутъ земельный вопросъ во всей широтѣ, и передъ правящимъ классомъ выросла совсѣмъ не проблематическая угроза принудительнаго отчужденія, націонализаціи и даже соціализаціи земли, въ корнѣ

своемъ столь сродныхъ съ общиннымъ строемъ. Распустивъ Думу, правительство направило всѣ усилія, чтобы ко времени вторыхъ выборовъ раскрыть передъ крестьянами блага владѣнія землей на правѣ частной собственности и тѣмъ измѣнить направленіе ихъ мыслей. Рядъ законовъ, изданныхъ „по обстоятельствамъ времени", завершилъ указъ 9-го ноября. Надежды, однако, опять не оправдались. Теперь заботиться о предвыборной подготовкѣ крестьянъ нѣтъ нужды. Положеніе о выборахъ 3-го іюня достаточно позаботилось объ обращеніи ихъ привилегированнаго участія въ едва замѣтное. Но въ смыслѣ политическаго значенія общины „обстоятельства времени" не измѣнились. Твердо рѣшившись стать на защиту интересовъ ста-тридцати тысячъ дворянъ, правительство не можетъ не считаться съ тѣмъ, что сколь „послушною" ни оказалась бы третья Дума, за нею будетъ стоять и хотя бы хроническими голодовками будетъ постоянно напоминать о себѣ стомилліонное крестьянство. „Обстоятельства времени" требуютъ сдѣлать изъ крестьянъ такихъ же собственниковъ, какъ землевладѣльцы-дворяне, и для этого упразднить общину.

При ошибочной, какъ показала дѣйствительность, политической предпосылкѣ, въ 1903 г. „неприкосновенность общиннаго строя" была признана условіемъ реформы крестьянскаго права. Менѣе чѣмъ черезъ три года, опять по политической предпосылкѣ, восторжествовало діаметрально противоположное воззрѣніе, и еще черезъ годъ за нерадѣніе и медленность въ удовлетвореніи ходатайствъ объ укрѣпленіи надѣльной земли въ частную собственность министерство внутреннихъ дѣлъ грозитъ виновникамъ законной отвѣтственностью. Кто бы повѣрилъ, четыре года назадъ, что въ пользу развитія самодѣятельной личности въ крестьянствѣ будутъ писать въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ"? „Васъ интересуютъ—пишетъ корреспондентка газеты, помѣщица,—взгляды моего мужа на крестьянско-земельный вопросъ и ихъ острое малокровіе..., pardon, острое безземелье, которое такъ недавно развилось и, въ сущности, такъ трудно поддается опредѣленію, ну, какъ блѣдная немочь у молодыхъ дѣвушекъ. И, вѣроятно, такъ же само собой бы исчезло у первыхъ, какъ и у послѣднихъ, коль скоро тѣхъ и другихъ поставятъ въ нормальныя условія, то-есть однѣхъ выдадутъ замужъ и заставятъ заниматься дѣломъ, а другихъ *перестанутъ опекать и заставятъ стать на ноги* и устраивать свои дѣла, не разсчитывая на матушку-казну". Конечно, болѣе чѣмъ позволительно усомниться, чтобы корреспондентка и ея мужъ имѣли въ виду интересы крестьянъ, независимо отъ своихъ собственныхъ, но приведенныя строки написаны навѣрное искренно. Помѣщикамъ, корреспондирующимъ въ „Московскія Вѣдомости", двадцать, десять и пять лѣтъ назадъ нуженъ былъ дешевый и безотвѣтный работникъ и не

смѣющій поднять головы сосѣдъ-крестьянинъ,—и они писали о властной рукѣ, о неприкосновенности общины и о бдительно-попечительной опекѣ. Теперь имъ приходится дрожать передъ возможностью лишиться земли не за искусственно вздутую цѣну, и они готовы примириться съ меньшимъ зломъ—съ стоящимъ на своихъ ногахъ мужикомъ. Характерно выдаетъ себя корреспондентка. Во-первыхъ, слѣдующими дальнѣйшими строками письма: „Слишкомъ необразованнымъ нашимъ мужикамъ, даже кто и получше, ничего хорошаго въ руки дать нельзя: неряхи, все испортятъ, потомъ весь вѣкъ и ѣздятъ на чинепомъ“. Во-вторыхъ, прямо великолѣпнымъ словомъ—„заставятъ“.

„Безземелье само собой исчезло бы у крестьянъ, коль скоро ихъ *заставятъ* стать на ноги“! Вдумайтесь въ эту фразу. Не обстоятельства или условія жизни „заставятъ“, а имущіе власть люди, начальство. И не одна помѣщица-корреспондентка, захваченная страхомъ потерять право продать землю по ею самой назначенной цѣнѣ, думаетъ, что власть начальства всемогуща и что можно по приказу сдѣлать человѣка самостоятельнымъ. Та же нота слышится въ бумагѣ земскаго отдѣла тульскому губернатору. Земскій отдѣлъ полагаетъ, что разъясненіями и взысканіями можно разрушить общину тамъ, гдѣ общинный строй не тяготитъ народа и, напротивъ, вошелъ въ нравы и гдѣ на губернію въ теченіе болѣе полугода дѣйствія закона поступило 119 заявленій о выдѣленіи и состоялось четыре общественныхъ приговора. Только подъ вліяніемъ страсти политической борьбы возможно разсчитывать на поворотъ въ дѣлѣ въ силу начальственныхъ побужденій. Да и приведетъ ли законъ къ цѣли, если совершится невозможное и всѣ крестьяне обратятся въ кратчайшій срокъ въ собственниковъ,—развѣ не большой еще вопросъ? Рѣзко ли отличались на выборахъ и въ первую, и во вторую Думу мелкіе крестьяне-собственники отъ надѣльныхъ?

Общинный строй землепользованія—глубокое экономическое и соціальное явленіе. Оно имѣетъ и положительныя, и отрицательныя стороны. Мы отнюдь не принадлежимъ къ числу его безусловныхъ защитниковъ. Но для насъ ясно, что какъ прежде законъ былъ безсиленъ предотвратить процессъ разложенія общины тамъ, гдѣ это явленіе было искусственно создано, такъ онъ безсиленъ общину разрушить тамъ, гдѣ она не была создана, а создалась самой жизнью, и гдѣ жизнь не перешла къ другимъ формамъ экономическаго строя. Само по себѣ значеніе общины во много разъ больше значенія преходящихъ „обстоятельствъ времени“...

Передъ нами брошюра, изданная N уѣздной землеустроительной коммиссіей и разосланная черезъ волостныя правленія во всѣ деревни

уѣзда. Брошюра содержитъ въ себѣ изложеніе, такъ называемымъ „понятнымъ для крестьянъ языкомъ", закона, а равно наказа и циркуляровъ, данныхъ коммиссіямъ. Самостоятельнаго въ ней немного по мыслямъ, но весьма много по тенденціознымъ „разъясненіямъ" и подчеркиваніямъ. Очевидно, авторы ея въ этомъ именно (не въ подделкѣ же подъ мѣстный крестьянскій говоръ!) и усматривали отличіе обычнаго языка оффиціальныхъ актовъ и литературы отъ „понятнаго для крестьянъ". Брошюра рельефно показываетъ, въ какомъ видѣ доходятъ до крестьянства мѣры облагодѣтельствованія его, принятыя въ экстраординарномъ, сверхзаконномъ порядкѣ, чтобы къ моменту разрѣшенія земельнаго вопроса въ порядкѣ, основными законами установленномъ, въ сущности уже нечего бы было рѣшать.

Брошюра начинается съ объясненія: „зачѣмъ коммиссія учреждена, что будетъ дѣлать и какая отъ нея польза крестьянамъ". Подъ этимъ заголовкомъ, прежде всего, перечисляются законодательныя мѣры послѣдняго времени и дарованныя крестьянамъ милости, включительно до права закладывать надѣльныя земли, что̀ коммиссія, повидимому, особенно стремится вбить въ голову читателямъ, такъ какъ затѣмъ много разъ возвращается къ этому праву. „Для исполненія этихъ мѣръ и царскихъ милостей"—говорится далѣе—„учреждена N уѣздная землеустроительная коммиссія, которая обязана содѣйствовать болѣе успѣшной и полезной для хлѣбопашцевъ дѣятельности крестьянскаго банка, заботиться, чтобы купленная банкомъ, а также казенныя и удѣльныя земли *достались тѣмъ, кто въ нихъ больше нуждается, и чтобы помочь крестьянамъ справедливо и удобно для ихъ хозяйства разверстать угодія и устранить чрезполосицу* (курсивъ подлинника),—чтобы вообще оказать помощь хлѣбопашцамъ въ земельномъ дѣлѣ". „Поэтому"—продолжаетъ брошюра—„коммиссія составлена изъ мѣстныхъ знающихъ людей, большая часть которыхъ выбрана самимъ населеніемъ: три члена—уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, а еще три—крестьянами, на волостныхъ сходахъ".

Въ этихъ двухъ фразахъ логика сохранена: на комъ лежитъ обязанность „заботиться", чтобы земля досталась нуждающимся, и „помогать" крестьянамъ разверстать угодья „удобно для ихъ хозяйства", тотъ, конечно, долженъ быть человѣкомъ знающимъ и мѣстнымъ, а самое лучшее—уполномоченнымъ на это дѣло населеніемъ и, въ частности, крестьянами. Но для сохраненія логики авторамъ брошюры пришлось поступиться фактической правдой. Во-первыхъ, по ихъ ариѳметикѣ вышло, что шесть больше семи, ибо, согласно закону 6-го марта 1906 года, въ составъ землеустроительныхъ коммиссій, кромѣ шести выборныхъ членовъ, входятъ: предводитель дворянства, предсѣдатель земской управы, чиновникъ по назначенію главнаго

управленія землеустройства и земледѣлія, уѣздный членъ окружного суда, членъ отъ удѣльнаго вѣдомства (въ уѣздѣ имѣются удѣльныя земли), податной инспекторъ и земскій начальникъ,—т.-е. семь лицъ. Во-вторыхъ, они назвали избраніемъ „самимъ населеніемъ" избраніе реакціоннымъ по направленію и образованнымъ по положенію 1890 г. земскимъ собраніемъ трехъ ультра-реакціонныхъ гласныхъ. Въ-третьихъ, забыли упомянуть, что три крестьянина изъ тридцати, выбранныхъ волостными сходами, вошли въ коммиссію по жребію.

Свою политическую задачу коммиссія формулируетъ рѣшительно и съ большой увѣренностью въ своихъ силахъ: „Такъ какъ назначеніе коммиссіи только помогать и посредничать въ земельныхъ дѣлахъ, то она, конечно, не можетъ никого ни къ чему принудить; не можетъ, напримѣръ, заставить кого-либо продать землю, если онъ того самъ не желаетъ, или противъ воли владѣльца размѣнять, либо подѣлить угодія. *Ибо неприкосновенность собственности, какъ всегда охранялась, такъ и сейчасъ крѣпко охраняется* неизмѣннымъ закономъ. Послѣ же царскаго манифеста 17 октября 1905 года, возвѣстившаго свободу, каждый хозяинъ теперь еще болѣе, чѣмъ прежде (любопытное пониманіе свободы!) свободенъ распоряжаться всѣмъ своимъ законнымъ имуществомъ и ни къ какимъ уступкамъ собственности противъ воли своей никѣмъ не можетъ быть принуждаемъ". „Коммиссія не только не можетъ нарушать права кого-либо, будь то помѣщикъ или крестьянинъ, но, наоборотъ, будетъ всемѣрно заботиться, чтобы крѣпче утвердить собственность каждаго, чтобы прекратить всякіе споры о землѣ, и чтобы за каждымъ хлѣбопашцемъ, по возможности, обезпечить вѣчное владѣніе землей: *безспорное, нерушимое и потомственное*" (въ обоихъ случаяхъ — курсивъ подлинника).

Послѣ приведенныхъ длинныхъ разсужденій, коммиссія, наконецъ, переходитъ къ практическому вопросу: какая отъ нея будетъ польза? Она „выяснитъ, — говорится въ брошюрѣ, — кто больше нуждается и кому какая помощь необходима и возможна, а кто можетъ обойтись и безъ помощи". „Коммиссія установитъ тотъ размѣръ владѣнія, который въ N уѣздѣ нужно признать вполнѣ достаточнымъ"; „по тѣмъ дворамъ, у которыхъ столько земли уже имѣется, сколько коммиссія установитъ, никакой помощи такимъ крестьянамъ въ покупкахъ земли не окажетъ". „Впрочемъ, и достаточнымъ дворамъ оказывается помощь въ прикупкѣ земли, если иначе нельзя устранить черезполосицу или если такіе достаточные крестьяне обяжутся прикупаемую землю, вмѣстѣ съ надѣльной и раньше купленной, развести для каждаго двора къ одному мѣсту, т.-е. хуторскія хозяйства". При покупкѣ земли отъ крестьянскаго банка, коммиссія будетъ опре-

дѣлять, „кому изъ крестьянъ, заявившихъ желаніе купить землю, и по сколько на дворъ слѣдуетъ распродать купленное банкомъ имѣніе". При размежеваніи, особенно при разселеніи на хутора,—будетъ присылать своихъ членовъ, „чтобы привести стороны къ соглашенію", и землемѣровъ. При сдачѣ казенныхъ земель въ аренду — будетъ рѣшать „кому земля нужнѣе". Въ двухъ случаяхъ, „если крестьяне, купившіе казенную землю, переселяются на нее выселками, либо хуторами" и „если владѣльцы отрубныхъ участковъ пожелаютъ выселиться на свои надѣлы",—коммиссія, „по мѣрѣ своихъ (?) средствъ" будетъ выдавать „казенное пособіе".

Чего больше во всемъ этомъ: пользы или тяготы? Въ N уѣздѣ крестьяне успѣли купить послѣ отмѣны крѣпостного права 153 тыс. десятинъ, и площадь этой принадлежащей имъ на правѣ собственности земли почти въ два раза превышаетъ площадь земли, принадлежащей собственникамъ другихъ сословій. Они отлично знакомы со стѣсненіями, съ которыми была связана покупка земли черезъ крестьянскій банкъ безъ землеустроительной коммиссіи, и во многихъ случаяхъ предпочитали прибѣгать къ содѣйствію частныхъ банковъ. Теперь имъ говорятъ, что будутъ продавать землю съ еще неизмѣримо бо̀льшими стѣсненіями, — съ вмѣшательствомъ начальства въ семейныя условія, въ хозяйственные распорядки и въ сосѣдскіе споры и съ явнымъ „принужденіемъ" — рублемъ вмѣсто дубья — къ разрушенію привычнаго уклада жизни въ общинѣ. Прочтя брошюру, они естественно увидятъ, что новая „помощь" ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ извѣданной „помощи" земскихъ начальниковъ, и станутъ искать реальныя выгоды, уравновѣшивающія стѣсненія. Какой отвѣтъ о выгодахъ даетъ коммиссія?

Во-первыхъ, она объявляетъ о милости, данной пониженіемъ платежей въ крестьянскій банкъ съ шести процентовъ до четырехъ съ половиной, но тутъ же прибавляетъ, что въ одинаковомъ размѣрѣ понижены платежи и по ранѣе совершеннымъ сдѣлкамъ. Слѣдовательно, покупка земли черезъ крестьянскій банкъ при посреднической помощи землеустроительной коммиссіи, въ данномъ отношеніи, никакой особой выгоды не представляетъ. Съ другой стороны, едва ли можно назвать льготнымъ платежъ четырехъ съ полтиной со ста рублей ссуды, когда рядомъ помѣщики-дворяне платятъ за землю, безъ всякихъ стѣснительныхъ ограниченій въ полученіи ссуды и въ веденіи хозяйства, съ тѣхъ же ста рублей только четыре. Крестьянамъ хорошо извѣстно, что большинство предлагаемыхъ помѣщиками къ продажѣ земель заложены въ дворянскомъ банкѣ, и они не могутъ не понимать, что операція по пріобрѣтенію ими земель при содѣйствіи коммиссіи есть не что̀ иное, какъ купля-продажа съ пере-

водомъ долга. Не трудно при этомъ догадаться, для которой стороны выгодна сдѣлка: отъ прежняго владѣльца, дворянина, казна получала четыре рубля со ста рублей ссуды, а отъ новаго, крестьянина, будетъ получать на полтинникъ больше.

Во-вторыхъ, коммиссія говоритъ, что крестьянскій банкъ „купленныя имъ имѣнія распродаетъ крестьянамъ за ту же цѣну, за какую самъ купилъ“. Хотя это вѣрно только отчасти — въ отношеніи размѣра капитальной суммы, но не ежегодныхъ платежей, — что объясняетъ эта фраза въ смыслѣ предоставляемыхъ крестьянамъ выгодъ? Только то, что само собой разумѣется, — именно, что посредничество крестьянскаго банка, или, иначе, государственной казны, не есть посредничество спекулятора или ростовщика. Важно знать, за какую цѣну банкъ пріобрѣтаетъ и будетъ впредь пріобрѣтать помѣщичьи земли. По этому предмету въ брошюрѣ разъяснено, что отнынѣ покупную цѣну назначаетъ не банкъ, а землеустроительная коммиссія. А далѣе приведены основанія опредѣленія цѣны: „При опредѣленіи цѣны коммиссія соображаетъ всѣ мѣстныя обычныя условія: почемъ такія земли въ этой мѣстности продавались другими и почемъ ходятъ въ аренду; хороша ли, удобна ли земля, и какіе даетъ урожаи, и сколько приноситъ чистаго дохода; кромѣ того, коммиссія усчитываетъ: сколько пользы эта земля можетъ принести крестьянамъ и посильны ли для нихъ будутъ платежи“. Замѣна банковскаго оцѣнщика коммиссіей мало можетъ утѣшить крестьянъ. Предводитель дворянства, предсѣдатель земской управы, три дворянина изъ гласныхъ земскаго собранія и земскій начальникъ — сами мѣстные землевладѣльцы и сами заинтересованы въ покупныхъ цѣнахъ на землю. Перечисленныя же основанія опредѣленія цѣны совершенно ясно говорятъ, какъ дорого обойдутся услуги коммиссіи. Существующія продажныя цѣны — вздуты крестьянской нуждой и спекуляціей и значительно превышаютъ норму. Арендныя цѣны — настолько высоки, что дворянскій банкъ отказывается принимать ихъ въ разсчетъ при залогѣ имѣній. Чистая доходность двухъ-трехъ десятинъ, прикупаемыхъ малоземельнымъ крестьяниномъ, равна валовой и потому, отправляясь отъ нея, можно дойти до безграничнаго размѣра цѣнности. Посильность платежей — вещь условная, и если принимать въ соображеніе возможность ихъ взысканія стражниками, то граница весьма и весьма отодвигается... Подумавши, каждый крестьянинъ невольно скажетъ: „нѣтъ, ужъ лучше дайте мнѣ самому поторговаться, пусть лучше меня прижметъ владѣлецъ, нежели коммиссія станетъ дѣлать свои соображенія и усчитыванія“!..

Безвозвратно минуло то время, когда можно было надѣяться, что „разъясненіями“ на „понятномъ для нихъ языкѣ“ возможно такъ за-

пугать и затуманить крестьянъ, что они утратятъ способность мыслить и различать, гдѣ начинается и кончается ихъ экономическій интересъ. Крестьяне во-очію доказали умѣнье понимать не только написанное на общепринятомъ языкѣ, но и на „понятномъ". Слишкомъ прозрачно сквозитъ изъ-за тумана „разъясненій" истинная цѣль настойчиво проводимой земельной политики, чтобы она сокрылась отъ мужика... Зачѣмъ, спроситъ онъ себя, понадобилось создавать новую опеку во имя освобожденія его отъ опеки? Зачѣмъ эта внезапная „хутороманія"? Зачѣмъ коммиссія „набивается" со своими услугами? Зачѣмъ призывъ народа къ участію въ законодательной власти, зачѣмъ выборы, зачѣмъ Дума, — если главнѣйшій вопросъ русской жизни такъ просто разрѣшается въ порядкѣ милости?... И онъ прочтетъ отвѣты въ строкахъ и между строкъ брошюры...

„Вотъ почитайте, какъ о насъ начальство зоблется!"—иронически сказалъ намъ въ прошломъ году одинъ заправскій немолодой крестьянинъ, подавая присланный въ деревню экземпляръ правительственнаго сообщенія отъ 20-го іюня съ пересказомъ рѣчи г. Гурко. Такую же иронію вызоветъ въ немъ навѣрное чтеніе брошюры N уѣздной землеустроительной коммиссіи...

При разборѣ новаго избирательнаго закона, въ „Вѣстникѣ Европы" [1]) была отмѣчена одна изъ существенныхъ его особенностей, заключающаяся въ правѣ министра внутреннихъ дѣлъ раздѣлять, какъ предварительные съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ, такъ равно уѣздные и городскіе съѣзды, не только по мѣстностямъ, но также по роду цензовъ или по національностямъ, а предварительные съѣзды, сверхъ того—по размѣрамъ владѣній. Какъ воспользуется министръ этимъ правомъ, тогда, конечно, представлялось гадательнымъ. Теперь объ этомъ можно судить съ положительностью на основаніи разосланнаго губернаторамъ циркуляра товарища министра, г. Крыжановскаго. Циркуляръ первоначально появился въ „Рѣчи" (№ 189), а затѣмъ былъ перепечатанъ другими газетами.

Первые выборы, какъ извѣстно, прошли почти вовсе безъ вмѣшательства министерства. Вторые — проходили, напротивъ, при самомъ энергичномъ вмѣшательствѣ. Предстоящіе третьи—будутъ проходить не при вмѣшательствѣ власти, а при руководительствѣ ею. Право направлять выборы, учитывая шансы тѣхъ или другихъ элементовъ избирателей и тѣмъ предопредѣляя составъ народныхъ представителей, за министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ значительной мѣрѣ,

[1]) „Внутреннее Обозрѣніе"; 1907 г., іюль, стр. 349.

признано закономъ. Такимъ образомъ, его дѣйствія въ этой области уже не могутъ быть названы вмѣшательствомъ, а составляютъ закономъ на него возложенное руководительство. Указанія циркуляра распадаются на двѣ части: на касающіяся губерній со сплошнымъ русскимъ населеніемъ и на касающіяся губерній съ населеніемъ смѣшаннымъ. Относительно первыхъ, въ общемъ, должно признать, что министръ внутреннихъ дѣлъ положилъ себѣ предѣлы руководительства ближе, чѣмъ онъ могъ бы ихъ положить, и что онъ ограничительно передовѣрилъ, такъ сказать, свою власть губернаторамъ. Но относительно вторыхъ министръ съ неуклонной послѣдовательностью использовалъ свое право способствовать побѣдѣ представителей русскаго населенія надъ представителями инородческаго.

Избирательные съѣзды землевладѣльцевъ въ уѣздахъ, гдѣ не имѣется болѣе или менѣе значительнаго числа землевладѣльцевъ инородческаго происхожденія, согласно циркуляру, „раздѣленію не подлежатъ". Это самый существенный для коренной Россіи отказъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ своего права. Благодаря ему, если не падаетъ, то, во всякомъ случаѣ, весьма затрудняется, по крайней мѣрѣ, возможность такой искусственной комбинаціи голосовъ, которая имѣетъ цѣлью проведеніе или устраненіе индивидуальныхъ кандидатуръ въ выборщики. Также не подлежатъ раздѣленію—въ тѣхъ же уѣздахъ—съѣзды уполномоченныхъ отъ волостей. Въ отношеніи предварительныхъ съѣздовъ землевладѣльцевъ, установлено: „Въ каждомъ уѣздѣ надлежитъ образовать для избранія уполномоченныхъ (ст. 28, пункты 4 и 5) три отдѣльныхъ предварительныхъ съѣзда (ст. 30): а) первый съѣздъ—въ составѣ настоятелей православныхъ церквей, которыя или причтъ которыхъ владѣютъ въ уѣздѣ землей; б) второй съѣздъ—въ составѣ лицъ, владѣющихъ недвижимымъ имуществомъ въ размѣрѣ менѣе полнаго ценза (ст. 28, пункты 1, 2 и 3), но не менѣе одной пятой онаго; в) третій съѣздъ—въ составѣ всѣхъ остальныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ участіе въ предварительномъ съѣздѣ". Почему обособлены настоятели православныхъ церквей—въ циркулярѣ не разъяснено. Причина же выдѣленія владѣльцевъ пятой части полнаго ценза объяснена съ полной откровенностью: „Указанное выше образованіе отдѣльныхъ предварительныхъ съѣздовъ въ соотвѣтствіи съ размѣрами имущественнаго ценза имѣетъ цѣлью оградить интересы землевладѣльцевъ, которые въ случаѣ образованія одного общаго для всѣхъ предварительнаго съѣзда подавились бы численнымъ превосходствомъ мелкихъ владѣльцевъ и лишались бы возможности избрать изъ своей среды уполномоченныхъ". Въ видахъ наиболѣе полнаго достиженія этой цѣли, губернаторамъ дано право представлять министру, „въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и значенія тѣхъ или иныхъ

разрядовъ землевладѣнія", о дальнѣйшемъ пониженіи „нормы владѣній, относимыхъ къ среднимъ, съ тѣмъ, чтобы пониженіе это не шло далѣе одной десятой полнаго ценза".

Владѣльцы земли, площадью менѣе одной пятой или одной десятой полнаго ценза, почти исключительно—крестьяне. Мѣстные крестьяне-собственники устранены вовсе отъ участія въ землевладѣльческихъ съѣздахъ. Но это участіе сохранено за крестьянами пришлыми, т.-е. приписанными къ сельскимъ обществамъ другихъ уѣздовъ—и, слѣдовательно, противъ нихъ направлено давленіе предварительныхъ съѣздовъ. Циркуляръ, такимъ образомъ, дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ къ умаленію практическаго значенія избирательнаго права крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ значеніе избирательнаго права землевладѣльцевъ другихъ сословій и православнаго духовенства. Отнюдь не безразличнымъ окажется на практикѣ—въ томъ же направленіи — указаніе циркуляра, что „всѣ три съѣзда (предварительные) надлежитъ созывать въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ по принадлежности". Городъ—обыкновенно въ центрѣ уѣзда. Мелкіе же чужеуѣздные крестьяне-собственники суть по преимуществу крестьяне сосѣднихъ уѣздовъ, и владѣнія ихъ, въ громадномъ большинствѣ, расположены на окраинахъ даннаго уѣзда. Отдаленность для нихъ уѣзднаго города не можетъ не отразиться на числѣ „всѣхъ остальныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ участіе въ предварительномъ съѣздѣ", которые осуществятъ свое право. А дабы третье отдѣленіе предварительнаго съѣзда оказало ощутительное вліяніе на выборы, это число должно быть весьма большимъ. При размѣрѣ полнаго ценза въ 225 десятинъ и при размѣрѣ мелкаго владѣнія, въ среднемъ, въ 10 десятинъ, для избранія одного уполномоченнаго должно явиться 23 избирателя, для избранія десятерыхъ — 225. Если же взять за средній размѣръ мелкаго владѣнія 5 десятинъ, что во многихъ уѣздахъ ближе къ дѣйствительности,—то 45 и 450.

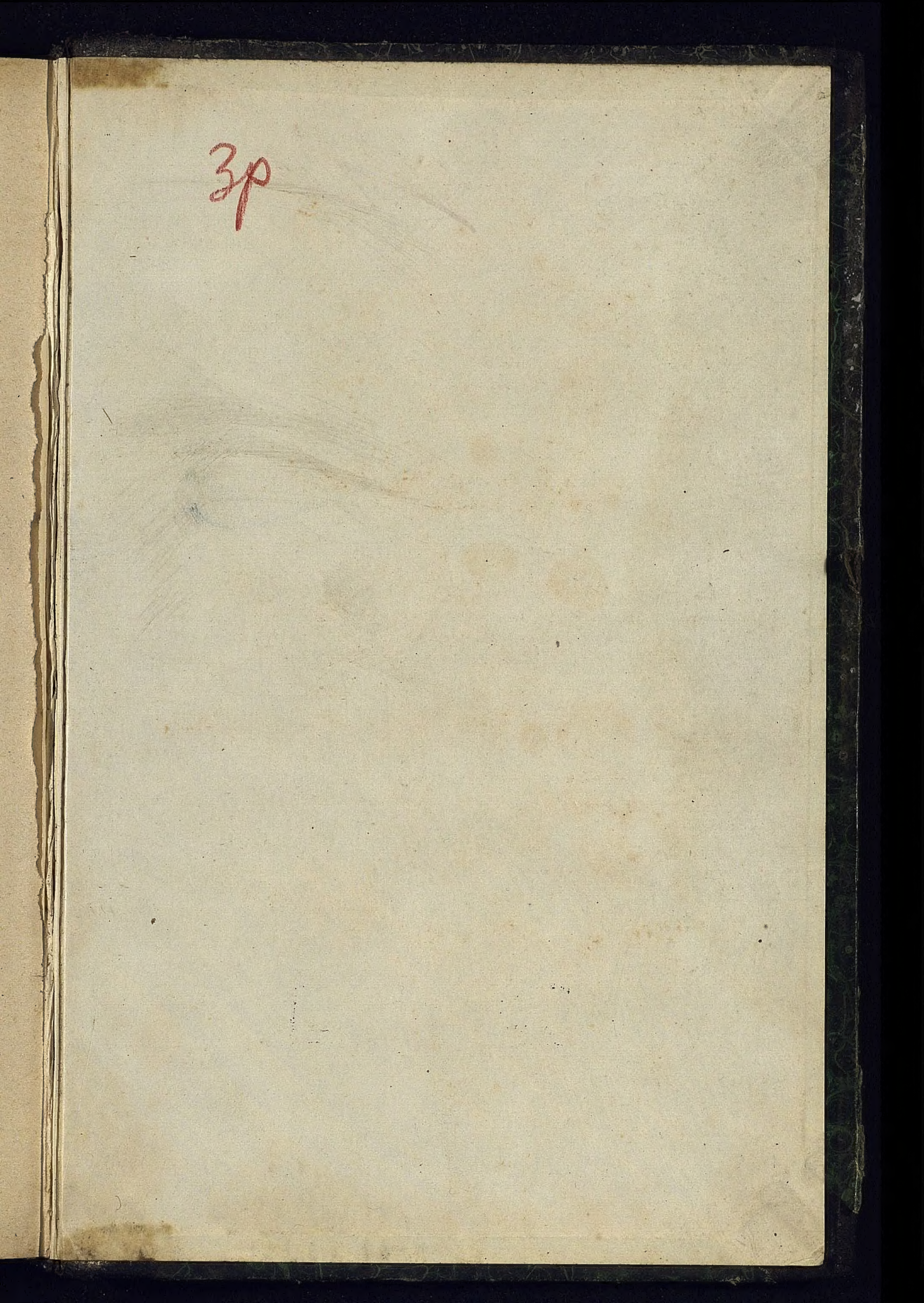
Въ губерніяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ подлежатъ раздѣленію всѣ съѣзды. Циркуляръ гласитъ: „Избирательный съѣздъ (землевладѣльцевъ) раздѣленію не подлежитъ, за исключеніемъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ имѣется болѣе или менѣе значительное число землевладѣльцевъ инородческаго происхожденія. Въ этихъ уѣздахъ надлежитъ проектировать раздѣленіе землевладѣльцевъ на два отдѣленія, съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ одному изъ нихъ были отнесены землевладѣльцы русскаго происхожденія, а къ другому—инородческаго. Въ этомъ случаѣ необходимо раздѣлить по національности избирателей также и предварительные съѣзды, уполномоченные отъ коихъ войдутъ затѣмъ въ подлежащіе съѣзды землевладѣльцевъ по принадлежности. Съѣзды городскихъ избирателей въ случаѣ, когда отъ нихъ избирается болѣе

одного выборщика, надлежитъ раздѣлять по возможности на отдѣленія съ такимъ разсчетомъ, чтобы избиратели русскаго происхожденія произвели избраніе выборщиковъ отдѣльно отъ избирателей-инородцевъ. Съѣзды уполномоченныхъ отъ волостей въ уѣздахъ со смѣшаннымъ населеніемъ, *особенно въ тѣхъ, гдѣ преобладаютъ по числу инородческія волости*, подлежатъ раздѣленію по національностямъ, съ отнесеніемъ къ одному уполномоченныхъ отъ русскихъ, а къ другому—уполномоченныхъ отъ инородческихъ волостей".

Мы не могли не подчеркнуть чрезвычайно характерныхъ словъ: „особенно въ тѣхъ, гдѣ преобладаютъ по числу инородческія волости". Гдѣ инородческія волости по числу не преобладаютъ, тамъ циркуляръ не особенно заботится о національныхъ различіяхъ и о раздѣленіи съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей: большинство голосовъ на такомъ съѣздѣ будетъ принадлежать крестьянамъ русскаго происхожденія. Если же имѣетъ мѣсто обратное численное соотношеніе и есть опасность, что большинство голосовъ на съѣздѣ будетъ принадлежать инородцамъ, то циркуляръ неуклонно требуетъ раздѣленія, т. е. устанавливаетъ, что отъ каждаго уѣзда, какъ ни мало въ немъ число волостей, населенныхъ крестьянами русскаго происхожденія, обязательно хотя одинъ выборщикъ долженъ быть русскій. Нельзя при этомъ забывать, что отъ многихъ уѣздовъ со смѣшаннымъ крестьянскимъ населеніемъ положено всего два волостныхъ выборщика и что, въ силу циркуляра, возможна такая комбинація: одного выборщика будутъ избирать двѣ или три волости, а другого—двадцать или двадцать-пять.

Во всѣхъ приведенныхъ выдержкахъ изъ циркуляра проводится одно противоположеніе: избиратели русскаго происхожденія и избиратели-инородцы. Любопытно, какія начала установитъ министерство для выборовъ въ остзейскомъ краѣ. Какъ бы не оказались тамъ нѣмцы-бароны, завѣрившіе свой „октябризмъ", граничащій съ черносотенствомъ, въ категоріи русскихъ избирателей, противопоставленныхъ революціонерамъ-латышамъ и эстамъ...

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.


3p